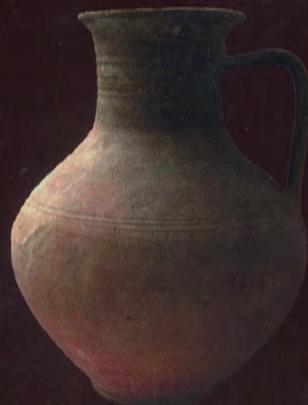
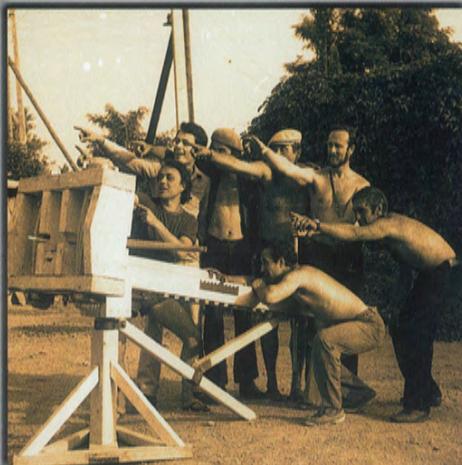

ВЕСТНИК ТАНАИСА

ВЫПУСК
4

2017

Министерство культуры Ростовской области

Государственное бюджетное учреждение культуры Ростовской
области «Археологический музей-заповедник «Танаис»

ВЕСТНИК ТАНАИСА

ВЫПУСК 4

Посвящается 55-летию открытия музея-заповедника «Танаис»

Х. Недвиговка Мясниковского района Ростовской области

2017

УДК 93, 314.9,
502, 902, 908, 929, 930.2 ББК 28.588,
60.6, 63.3(2 ...), 63.4(2), 79

Печатается по решению учёного совета
ГБУК РО «Археологический музей-заповедник «Танаис»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В.И. Перевозчиков ответственный редактор, директор, кандидат исторических наук; **С.М. Ильяшенко** – научный редактор, заместитель директора по работе с Музейным фондом и археологическим исследованиям, кандидат исторических наук, начальник археологической экспедиции музея-заповедника «Танаис»; **Н.В. Заболотских** – ответственный секретарь, учёный секретарь; **Т.М. Арсеньева** – кандидат исторических наук, начальник Нижне-Донской археологической экспедиции ИА РАН в 1973-2011 гг.; **О.В. Фёдорова** – заведующая отделом представления Музейного фонда, городища и округа Танаиса; **С.А. Науменко** – старший научный сотрудник; **Л.М. Казакова** – старший научный сотрудник.

Вестник Танаиса. Выпуск 4. Хутор Недвиговка Мясниковского района Ростовской области: АМЗ «Танаис». 2017 г. – 296 с.: илл.

Первый выпуск Вестника Танаиса вышел из печати в 1994 г., второй в 2007 г., третий в 2012 г.

Четвертый выпуск Вестника Танаиса посвящён археологическим исследованиям Танаиса и его округа, археологическим коллекциям, хранящимся в депозитариях ГБУК РО «Археологический музей-заповедник «Танаис», использованию экспериментальных методов в археологических исследованиях, музейной практике, истории музея-заповедника «Танаис» и воспоминаниям об ученых когда-то связавших свою судьбу с Танаисом. Представляет интерес для археологов, историков, краеведов, музейных работников, студентов исторических факультетов ВУЗов, всех, кто интересуется археологией, историей и культурой Донского региона.

На обложке помещены отдельные изображения из статей авторов данного выпуска сборника

ISBN 978-5-91951-450-3

© Археологический музей-заповедник «Танаис», 2017 г.

© Коллектив авторов, 2017 г.

Ministry of Culture of Rostov Region

State Establishment of Culture of Rostov Region Archaeological Museum-
Reserve "Tanais"

VESTNIK TANAISSA

ISSUE 4

*Dedicated to the 55th anniversary of opening Archaeological Museum-
Reserve "Tanais"*

Nedvigovka Myasnikovski district Rostov region

2017

СОДЕРЖАНИЕ

ЮБИЛЕЙ

<i>Чеснок В. Ф.</i> Музею-заповеднику «Танаис» – 55 лет	6
---	---

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТАНАИСА

<i>Казакова Л. М.</i> Нижне-Донская экспедиция. Хроника исследований 1965-1974 гг.	10
<i>Науменко С. А.</i> Торговые связи Танаиса с Понтийским регионом	22
<i>Нидзельницкая Л. Ю.</i> Позднесарматское воинское захоронение вблизи Танаиса	32
<i>Толочко И. В.</i> Об одной разновидности погребений из некрополя Танаиса	45

МУЗЕЙНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ

<i>Ильюков Л. С.</i> Обувные пряжки из Танаиса V века	56
<i>Суворова Н. И.</i> Терракота Танаиса III-I вв. до н.э.	63

АРХЕОЛОГИЯ И ПРИРОДА НИЖНЕГО ДОНА

<i>Безуглов С. И.</i> Позднесарматский курган у станицы Камышевской на Дону	84
<i>Гугуев В. К.</i> Структура ритуала некрополей донских меотов (о роли сарматов в формировании населения городищ)	128
<i>Демина О. Н.</i> Памятник природы «Каменная балка»	149

АРХЕОЛОГИЯ И ЭКСПЕРИМЕНТ

<i>Перевозчиков В. И.</i> Опыт исследования плотности и удельного объема керамики при изучении технологии гончарного ремесла золотоордынского Азака	156
<i>Перевозчикова И. И., Перевозчиков В. И.</i> К вопросу о функциональном назначении нескольких костяных орудий античного времени	197

МУЗЕЙНОЕ ДЕЛО

<i>Перевозчиков В. И.</i> Методология отнесения археологических предметов к основному, научно-вспомогательному и сырьевому фондам в свете музейной практики последних десятилетий	213
<i>Перевозчиков В. И., Заболотских Н. В.</i> Наши посетители (о чем говорят цифры)	220

МУЗЕЙ И ОБЩЕСТВО

<i>Чеснок В. Ф.</i> Реконструкции в Танаисе	234
---	-----

ВСПОМНИМ О НИХ

<i>Бойко А. Л.</i> По другую сторону Танаиса (Памяти В.Е.Максименко)	281
<i>Казакова Л. М.</i> Игорь Сергеевич Каменецкий	290

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	293
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	294

CONTENTS

OUR ANNIVERSARY

- Chesnok V.F.* 55th anniversary of the reserve museum «Tanais» 6

ARCHAEOLOGICAL STUDIES OF TANAIS

- Kazakova L.M.* Lower Don expedition. Chronicles of excavations 1965-1974 10
Naumenko S.A. Trade relations between Tanais and the Pontic region 22
Nidzelnitskaya L.Y. A Late Sarmatian military burial near Tanais 32
Tolochko I.V. On one type of Tanais necropolis graves (so-called burials in wooden «boats») 45

MUSEUM COLLECTIONS

- Ilyukov L.S.* Shoe buckles from Tanais 5th century A.D. 56
Suvorova N.I. Earthenware clay in Tanais 3th – 4th centuries B.C. 63

ARCHAEOLOGY AND THE NATURE OF THE LOWER DON REGION

- Bezuglov S.I.* The late Sarmatian barrow near the village of Kamyshevskiy on Don 84
Guguev V.K. The structure of the burial customs at the necropolises of meotians in the lower don region (About the role of sarmatians in the formation settlements) 128
Demina O.N. Natural landmark «Kamennaya balka» 149

ARCHAEOLOGY AND CASE STUDY

- Perevozchikov V.I.* Try of ceramics density and specific volume assessments in studies of pottery technology in Azak of the Golden Horde 156
Perevozchikova I.I., Perevozchikov V.I. About functional use of some bone tools in the ancient world 197

MUSEOLOGY

- Perevozchikov V.I.* Approaches of categorizing archeological items to capital, scientific-support or primary funds in the context of the past decades of the museum practice 213
Perevozchikov V.I., Zabolotskyh N.V. Our visitors (what numbers tell about) 220

MUSEUM AND SOCIETY

- Chesnok V.F.* Reconstructions in Tanais 234

LET'S REMEMBER THEM

- Boyko A.L.* On the other side of the Tanais (In Memory of V. E. Maksimenko) 281
Kazakova L.M. Igor Sergeevich Kamenetsky 290

- LIST OF ABBREVIATIONS 293
 INFORMARION ABOUT AUTHORS 294

НАШ ЮБИЛЕИ

МУЗЕЮ-ЗАПОВЕДНИКУ «ТАНАИС» – 55 ЛЕТ

Чеснок В. Ф.

(chesnok.64@mail.ru)

Статья вкратце знакомит читателя с историей основания и развития музея-заповедника «Танаис». Характеризуются основные направления деятельности учреждения, их истоки и дальнейшие перспективы развития. Особое внимание уделяется характерным только для музея-заповедника «Танаис» формам и методам работы с посетителями. Материал излагается в характерной для автора образной публицистической манере.

Ключевые слова: античный город, археология, исследователи, музей-заповедник, опыт, перспективы, феномен, экспедиция.

55th ANNIVERSARY OF THE RESERVE MUSEUM «TANAIS»

Chesnok V. F.

(chesnok.64@mail.ru)

The article gives readers a brief description of the history of the foundation and development of the reserve museum «Tanais». The main activity areas of the institution, their origins and future perspectives are presented. Special focus is on the unique for reserve museum «Tanais» forms and methods of visitors' relations. The material is delivered in a vivid publicistic style, characteristic of the author.

Key words: ancient town, archeology, researchers, reserve museum, experience, perspectives, phenomenon, expedition.

В 2016 году музею-заповеднику «Танаис» исполнилось 55 лет! Две машинописных страницы на невзрачной бумаге – Приказ Областного Управления культуры № 226 от 1 августа 1961 года – отметили дату старта новой жизни древнего города. В этот день ворота музея-заповедника впервые открылись для туристов. Событие, внешне неприметное, но в связке с работой Нижне-Донской археологической экспедиции, насчитывавшей к этому времени уже 5 лет, не потерявшееся... В газетах промелькнуло: «принято решение о создании «Недвиговского филиала Областного музея краеведения» – с публикацией фотографий раскопок и амфор. Штатное расписание укладывалось в несколько строк: сторож – 1, заведующий, он же экскурсовод – 1.

Этому событию предшествовала кропотливая работа двух человек – зам. директора областного музея С.М. Маркова и начальника экспедиции, доктора исторических наук, заведующего отделом полевых исследований ИА АН СССР, Д.Б. Шелова; работа нескольких лет, начиная с 1958 года. (Подробно см. в статье Л.М. Казаковой «Как все начиналось...», в Вестнике Танаиса № 3).

Название «Недвиговский филиал» существовало почти 30 лет, но в неформальных бумагах, в публикациях СМИ, даже в научных изданиях аристократический титул – «Археологический музей-заповедник «Танаис» был общепринятым. Уже переименована была железнодорожная остановка – из «Сушенково» в «Танаис»; музейная территория увеличилась вдвое; заповедник обзавелся охраняемыми территориями, собственной инфраструктурой, планами, самостоятельным видением перспективы, давно и заметно расширенным штатным расписанием... А по музейному ведомству все числился «филиалом» в полном соответствии значению этого слова – «усыновленным», «пасынком». И, конечно же, с соответствующим отношением...

Под первые раскаты перестройки я, тогдашний заведующий филиалом с почти 20-летним стажем, нелегально поехал в Москву. В федеральном Министерстве – новая молодая команда. Выслушали, ознакомились с документами. Вернулся с приказом за подписью министра культуры. Вот так заповеднику узаконили «дворянский титул» и юридическую самостоятельность. (Кстати, вовремя: другие филиалы Областного музея под грохот перестройки стали рассыпаться и исчезать с музейной карты области).

Сегодня в заповедник приходит поколение молодых сотрудников, которым предстоит писать сценарий его 100-летнего юбилея. В будущем сценарии отразятся и нынешние традиции, и, несомненно, появившиеся новые.

Несмотря на внешнюю суетность выполняемых обязанностей, все мы – кто работал, работает и придет в заповедник в будущем, – переступая порог Танаиса, вписываемся в удивительный диалог, которому несколько тысячелетий, необозримый и пространственно, и по содержанию. Создание музея вывело этот диалог из узкой специализации археологии в цивилизационный простор культуры в самом широком ее диапазоне – педагогика, искусство, литература, праздник...

Да в общем-то с самого начала, с первого упоминания в геополитическом контексте планеты, Танаис входит в географический эпос античного мира – «Географию» Страбона – как «самое крупное торжище варваров после Пантикапея».

Масштаб, очерченный географом, неизменен и в истории поиска, и в истории открытия города: удивительная точность и категоричность мнения И.А. Стемпковского; огромный объем первых археологических исследований П.М. Леонтьева, санкционированных «высочайшим повелением»; первый «Открытый лист» в зарождающейся новой науке – археологии; первая большая публикация в отечественной научной литературе – журнал «ПроPILEI». И непрерывная на протяжении более чем полувека череда ежегодных открытий – деятельность Нижне-Донской экспедиции. Руководили ею ведущие московские археологи-античники: сначала Д.Б. Шелов, затем Т.М. Арсеньева. И естественно, заведовали заповедником в его первое десятилетие тоже археологи-профессионалы: С.Н. Братченко и Л.М. Казакова.

Среди исследователей Танаиса в составе экспедиции давних лет – очень известные в нашей и зарубежной археологии имена: И.С. Каменецкий, Ф.М. Штителман, Д.В. Деопик и ряд других. В том числе и наши донские, еще совсем молодыми вписавшиеся под руку мэтров – В.В. Чалый, Е.В. Беспалый, В.К. Гугуев. А авторство главных открытий 1990-2010 гг. принадлежит уже кадровым сотрудникам «Танаиса». Прежде всего это С.А. Науменко и С.М. Ильяшенко – сегодня ведущие археологи заповедника. И конечно же, новые важные страницы в историю города добавили за последние 25 лет исследования двух зарубежных экспедиционных отрядов, которые возглавляли крупные ученые. Это отряды Германского института археологии (руководитель Б. Беттгер) и Варшавского университета (начальник Т. Шолль).

В общем, роль экспедиции для Танаиса неизмерима. Без нее заповедник бы и не появился, и не развился, и не имел бы сегодняшних обширных экспозиций, и не стал бы в итоге одним из самых привлекательных мест на туристической карте Дона.

В первые годы работы экспедиции все, несмотря на трудное, практически еще послевоенное время, создавало условия для рождения музея-заповедника. «Дорожная карта» его развития, задуманная Д.Б. Шеловым и С.М. Марковым, с самого начала предполагала появление фондохранилища, инфраструктуры, организации экскурсионной работы...

«Танаис» стал первым в России археологическим музеем-заповедником. Важно сохранить заданный масштаб и ко второму столетию его жизни.

Археология как наука меняется – от «деспотизма» факта к обобщению, от узкопрофессионального «описания сарафана» к философскому видению, к космоизму мировосприятия, становясь темой общегуманитарных дискуссий. И только музей-заповедник способен вернуть предмету утраченный контекст. Не в полной мере, конечно, но максимально приближенной. Здесь этому способствуют неизменные факторы – природное окружение, городские руины, открытость заповедника в социальное пространство...

Риску предположить, что эти факторы способствовали появлению танаисских феноменов. «Заозерная школа» поэтов – о ней мы рассказывали в «Вестнике Танаиса» № 3, праздники «Пушкин и древности», «День Танаиса», разнообразные экспозиционные и выставочные решения – музейная составляющая заповедника...

Знакомство с античным городом – порой случайный эпизод для человека – становилось событием и для его биографии, и для музея.

Таким событием, например, было появление в «Танаисе» художников-графиков Александра и Елены Ксенита, разработавших первый художественный облик заповедника – от буклетов, афиш, книг до оформления экспозиционных интерьеров и наружной росписи стен. А семья керамистов Виктора и Ирины Типаловых освоила тему донских сувениров, они создали десятки произведений по танаисским мотивам.

Изобразительное искусство в Танаисе – вообще обширнейшая тема. В конце 1970-х гг. Владимир Пантелеевич Буримов, известный донской живописец, уроженец Недвиговки, привел в заповедник художников разных жанров. Так появилась у нас художественная «школа Буримова», о которой, как и о создателе ее, мы публиковали материалы в наших «Вестниках» № 2 и № 3. Сюда приезжали на танаисский пленер и уже состоявшиеся мастера, и набравшаяся опыта молодежь, здесь занимались и студенты, и дети. Через несколько лет выставки «Танаис в искусстве» стали обычными как в заповеднике, так и в Ростове в составе больших экспозиций по тематике донской истории и природы.

Вот еще одна совершенно уникальная история. Московский археолог Владимир Толстик, специалист по античному вооружению, именно у нас успешно провел первый эксперимент реконструкции древней боевой машины – катапульты-стреломета. Как все это было и как дальше развивался опыт создания и технологии изготовления образцов античного оружия и боевых доспехов в заповеднике, рассказывается в статье «Реконструкции в Танаисе» в разделе «Музей и общество» этого же выпуска Вестника.

А вот примеры из совершенно другой сферы музейной практики. Не секрет, что перспективы музея – это театр. Для нас – тем более. Возможность оживить страницы прошлого на фоне подлинных выразительных декораций – античных руин, археологических реконструкций, сохранившейся природно-исторической среды... Так были созданы и уже стали традицией в заповеднике игровые реконструкции энтузиастов из Таганрога: спектакли античного театра «Одеон» (руководитель и режиссер Анатолий Боженко), состязания в древних олимпийских традициях – постановка преподавателя спортивной кафедры института управления и экономики Екатерины Трубниковой.

И все перечисленное – только малая часть накопленного опыта, о котором можно еще рассказывать и рассказывать. Опыт этот продолжит прорастать и годы спустя – как в экспозиции, так и на открытом пространстве. Каким он будет?

Археологический предмет, оставаясь в экспозиционном «застеколье», приобретет экранную и театральную историю, в которой зритель станет и ее участником...

Уже сегодня надо выстраивать отношения заповедника со стремительно расширяющимся городским пространством Большого Ростова, объединяющего три города – Ростов, Таганрог и Азов. Приоритет заповедника перед любыми формами строительной экспансии очевиден: его территория – не просто эталон взаимодействия с природой, который надо беречь, выравнивая по нему перекосы, сделанные в других районах, но и летопись прошлого, летопись выразительная и во многом загадочная.

Человек слеплен из прошлого, другого материала у бога просто не было... Человек проходит эволюционные ступени, тщательно соблюдая последовательность, чтобы не оступиться. Но когда он вырывается на волю – только взгляд в историю дает представление о верности пути... История навсегда остается компасом движения человека и общества, разница только в масштабах. Особое значение приобретает прошлое в осознании исключительности человеческого бытия, абсолютной ценности жизни. В этом отношении педагогический потенциал истории неисчерпаем...

Оградиться железной решеткой в границах, принятых полвека назад, и ждать, пока железобетонные кварталы мегаполиса прихлынут к воротам – это повторить на себе печальный сценарий Горгиппии, Гермонассы, Нижне-Гниловского городища, Старочеркасского заповедника... Развиваться при включенном тормозе нельзя.

Сегодня продолжение дорог к посетителю прокладывается через социальные сети Интернета, изменчивую новизну экспозиционных решений, ролевые игры, приоритет в которых – ручной труд, через расширение экскурсионной географии (крепость Лютик, храм Успения, Каменная Балка, этнография Недвиговки).

Заповедник явно становится доминантой огромной территории, спектр которой – история, природа, досуговая индустрия, образование, воспитание... История и природное окружение – это понятно: взаимосвязанные категории. В основе досуговой индустрии – культ ручного труда, образование через интерактивные игры, воспитание в форме состязательности. То есть все то, что формировало социум на протяжении тысячелетий и остается ценностной основой и сегодня, хотя и находится пока в «полуспящем» режиме. В этом отношении потенциал заповедника неизмеримо больше, чем у любых других образовательных структур, и будет востребован всегда.

Вот такая схематичная «дорожная карта» наших перспектив... Масштаб, заданный отцом географии Страбоном, обязывает!

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТАНАИСА

НИЖНЕ-ДОНСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ. ХРОНИКА ИССЛЕДОВАНИЙ 1965-1974 гг.

Казакова Л.М.

(museum_tanais@mail.ru)

В статье продолжена хроника исследований Нижне-Донской экспедиции второго десятилетия ее деятельности. Велись охранные спасательные раскопки на участках грунтового и курганного могильников Танаиса в зонах строительства к северу от городища, определялись их границы. В статье приведена подробная хроника исследований некрополя.

Ключевые слова: Нижне-Донская экспедиция, некрополь Танаиса, раскопки, грунтовый могильник, курганы, погребения.

LOWER DON EXPEDITION. CHRONICLES OF EXCAVATIONS 1965-1974

Kazakova L.M.

(museum_tanais@mail.ru)

The article continues the chronicle of the studies of the lower don expedition of the second decade of its activities. Security rescue excavations were carried out on plots of a ground and barrow burial of Tanais in the construction zones to the North of the settlement were determined. The article presents a detailed chronicle of the research of the necropolis.

Key words: burial ground, mounds, necropolis of Tanais, Lower Don expedition, burial, excavation.

1965-1974 годы – второе десятилетие исследований Танаиса, проводившихся Нижне-Донской экспедицией Института археологии Академии наук СССР (сейчас - Российская академия наук) при участии Ростовского областного музея краеведения (РОМК).

Задачи, которые ставились и решались в первом (1955-1964 гг.) и втором десятилетии (1965-1974 гг.) работы экспедиции, были разными. Главным для первого этапа исследований являлось следующее: определение границ города; наличие и характер культурного слоя, архитектурно-строительных объектов, планировочной структуры городской застройки¹. Основное внимание было уделено территории, прилегающей с запада к основному четырехугольнику городища (раскоп VI западный - с западным и восточным участками). Как оказалось, здесь достаточно хорошо сохранились жилые кварталы III-I вв. до н.э., ограниченные оборонительными стенами: северной

¹ Результаты исследований 1955-1964 гг. см. в выпуске «Вестник Танаиса», № 2, 2007 г., стр. 66-87.

(раскоп IX) и западной (раскоп XIII). На основном четырёхугольнике городища были заложены раскопы вблизи его северо-восточного (раскоп II) и юго-восточного (раскоп XII) углов. Тогда же в юго-западной части городища появился раскоп IV, а в центральной части - раскоп VI центральный. Последние два из указанных раскопов располагались вдоль восточного борта западного оборонительного рва. Это позволило получить достаточно обоснованное представление о планировочной структуре основного четырёхугольника городища и хронологических этапах его существования. На территории некрополя также проводились исследования, но в небольших масштабах. Они, в основном, были связаны со строительными работами в х. Недвиговка, в охранной зоне памятника. Были заложены и новые раскопы разведочного характера (III, V, VIII, XV). Безусловно, итоги раскопок 1955-1964 годов определили дальнейшую стратегию работ на десятилетия вперёд.

В задачу второго хронологического этапа работы экспедиции 1965-1974 годов входили дальнейшие основательные исследования на участках, играющих важную роль в понимании и изучении характера системы оборонительных укреплений (западная линия) и формирования планировочной городской структуры в хронологической последовательности. Поэтому главные работы были сосредоточены на двух участках: в юго-западном углу основного четырёхугольника городища (раскоп IV) (рис. 1) с расширением в северном и южном направлениях, и в центральной его части (раскоп VI центр.) (рис. 2) с продвижением на восток и расширением его площади к северу и югу. В результате были открыты городские кварталы с хорошо выраженными усадебными комплексами, огромным количеством вещественных источников, позволяющих во многом решать вопросы экономического и политического статуса города. Выявлен также характер оборонительной системы, её разрушений и перестроек. Важны и полученные данные об основных хронологических этапах в жизни города, начало и конец которых связаны с определёнными событиями, после которых город разрушался и возрождался вновь.

В небольших масштабах проводились исследования некрополя – в основном, в зонах строительства, а также работы на поселениях округа Танаиса (отдельные отряды, входившие в состав экспедиции). Всё это время до 1972 года начальник экспедиции – Д.Б. Шелов, в 1966 г. – А.И. Болтунова, с 1972 года – Т.М. Арсеньева. Для всех разделов «Хроники», как и для данного, принят принцип пораскопного описания с разбивкой по годам, а не ход исследования в хронологическом порядке по всей площади. Это сохраняет целостность изложения результатов на каждом конкретном участке. Как и в прошлом выпуске «Хроники», в каждый раздел включаются работы, логически завершающие исследования на данном этапе, и не включены те из них, начало которых пришлось на конец десятилетия. В данном случае это третий этап исследований юго-западного угла городища (раскоп IV), 1977-1995 годы, и раскоп XIV в его центральной части: начало исследований здесь – 1971 год.

В публикуемом разделе «Хроники» приводятся результаты исследований некрополей Танаиса указанного периода, грунтового и курганного, с соблюдением хронологии их изучения. Результаты исследований на городище будут включены в следующий выпуск «Вестника».

ГРУНТОВЫЙ МОГИЛЬНИК

Раскоп V – этап 1965-1966 гг. (рис. 3).

Начальник раскопа – Екатерина Михайловна Алексева.

Расположен к востоку от городища и к северо-востоку от раскопа III. Исследования проводились в три этапа: 1956-58, 1960 и 1965-1966 гг. Общая исследованная площадь около 450 кв. м, в том числе 1956-58 гг. – 312 кв. м., 46 погребений; 1960 г. – 84 кв. м., 8 погребений; 1965-1966 гг. – более 50 кв. м., 24 погребения. Всего в раскопе V – 78 погребений.

Результаты работ предыдущих лет приведены в первой части «Хроники» (1955-1964 гг.) (Казакова, 2007, с. 84). Исследованные в эти годы площади – единый участок. Новый раскоп 1965-

1966 г. расположен северо-западнее, через разделяющую оба участка дорогу. Он пересекает в поперечном направлении одну из длинных невысоких гряд к востоку от городища. Культурный слой, в который впущены погребения, до глубины 1 м мусорный, но в меньшей степени, чем на раскопе III. В нем значительное количество мелких фрагментов керамики, костей животных, скопления и отдельные камни, следы значительных перекопов. Глубже мусорное наполнение меньшее. Материк на глубине 1,5-2,0 м.

Результаты исследований данного этапа целесообразно рассматривать в целом, так как они проводились на одном участке с учетом прокопанных глубин.

Площадь раскопа 48 кв. м с последующей прирезкой шириной в 1 м, так что в итоге она составила 60 кв. м. Здесь открыто 24 погребения: 1965 г. – 14 (210-215, 217-224); 1966 г. – 10 (214, 215, 217-224). Большинство из них, за исключением двух (214, 221), разрушены полностью или частично более поздними захоронениями, либо грабителями. Датировка при этом определялась по стратиграфическому соотношению погребений, а там, где имелись остатки инвентаря – на его основании.

Среди раскопанных погребений 5 детских (210-213, 217). Все они впущены в верхний горизонт. За исключением погребения 217, не имеют инвентаря. В указанном захоронении среди инвентаря следует выделить две ребристые крупные бусины из египетского фаянса. Хронологически самое раннее погребение 221 относится к II-I вв. до н.э., 223 – к I в. до н.э. Самые поздние, 214 (полностью сохранившееся) и 225 – конец IV - начало V вв. н.э., остальные – I-III вв. н.э. Несмотря на большинство разрушенных погребений, удалось проследить ряд деталей погребального обряда: следы гроба (215, 218, 219, 234), деревянные перекрытия могильных ям (219, 227, 234), следы покрытия из камня над гробом или деревянным перекрытием (215, 218, 219, 223).

Отмечены подбойная могила (214) с закладом из камня, яма с заплечиками (219). Большинство ям там, где их можно было проследить, имело овальную или прямоугольно вытянутую с закругленными углами форму.

Архивные материалы:

Шелов Д.Б. Отчет о работе Нижне-Донской экспедиции в 1965 г. // Архив ИА РАН. – 1966. – Р-1, №№ 3238, 3238-а.

Болтунова А.И. Отчет о работе Нижне-Донской экспедиции в 1966 г. // Архив ИА РАН. – 1967. – Р-1, №№ 3316, 3316-а.

Публикации:

Шелов Д.Б. Исследования Танаиса // АО-1964. – 1965. – С. 123.

Шелов Д.Б. Раскопки Танаиса в 1964-1965 гг. // КСИА. – 1967. – Вып. 109. – С. 93.

Болтунова А.И. Раскопки Танаиса // АО-1965. – 1966. – С. 85.

Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. – М.: Наука, 1972. – С. 52, 53, 55.

Арсеньева Т.М., Шелов Д.Б. Исследования Танаиса в 1966-1969 гг. // КСИА. – 1972. – Вып. 130. – С. 95.

Арсеньева Т.М. Некрополь Танаиса. – М.: Наука, 1977. – С. 47-63, 99-114.

Толочко И.В. О топографии некрополя Танаиса // ПИФК. – 2001. – Вып. X. – С. 232, 233, 237.

«Северный некрополь». 1968, 1969, 1970, 1971 (рис. 3).

Участок некрополя к северу от городища.

В разделе «Хроники» (1955-1964 гг.) приведены данные о первом раскопе в северной части некрополя: раскоп VIII, 1958 г. (Казакова, 2009, с. 85). Здесь в траншее общей площадью 88,5 кв. м открыто четыре погребения (105-108).

Все последующие работы, приведенные в данном разделе, связаны с прокладкой подъездной дороги от шоссе Ростов-Таганрог к музею-заповеднику «Танаис». Наряду с основной трассой направлением С-Ю параллельно проводилась реконструкция старой дороги, идущей вдоль северного

края городища. На этом участке в местах пересечения дорогой небольших ложбин у северо-западного и северо-восточного углов городища были сооружены выравнивающие насыпи, для которых брался грунт с площадей некрополя. Аналогичная ситуация сложилась при сооружении съезда с основной дороги к музею. В результате на указанных трех участках были разрушены полностью или частично многие погребения. Строительство дороги временно было приостановлено для проведения охранных спасательных работ. Они велись на трех участках: западном (на съезде к музею), северном (у северо-западного угла городища), восточном (у северо-восточного угла). Всего на «Северном некрополе» было выявлено 32 погребения, в том числе: 1968 г. – 9; 1969 г. – 17; 1970 – 4; 1971 г. – 2. Для всех участков характерно наличие в слое значительного количества фрагментов керамики, что указывает на существование здесь свалок в I-II вв. н.э. В целом отмечается слабая насыщенность этой части некрополя погребениями, в основном относящимися к римскому времени. Приводим результаты исследований по участкам и этапам раскопок.

1968 г. – руководители работ Игорь Сергеевич Каменецкий, Людмила Михайловна Казакова.

Восточный участок располагался по западному склону и дну балки – продолжения восточного рва городища. Грунт снимался на площади 90 м с З на В и 50 м с С на Ю. Выявлено два погребения по склону ложбины (239, 240). Могильные ямы, частично разрушенные, прослеживались на уровне материка. Одно из них (239) по незначительному инвентарю датируется II-III вв. н.э., второе (240) – из-за его отсутствия датировано быть не может.

Северный участок: у западного конца дороги вдоль северного рва городища. Здесь бульдозером грунт снят на площади 140 м (СЗ-ЮВ) x 50 м (СВ-ЮЗ). Выявлено 3 погребения, из которых два разрушены полностью и потому не включены в общую нумерацию. Одно (241) относится ко 2-й пол. IV в. н.э.

Западный участок: к западу от северного конца съезда с основной дороги к музею. Здесь грунт был снят бульдозером на площади до 30 м (З-В) и около 15 м (С-Ю). Судя по количеству керамики в слое, свалки здесь не было. Выявлено 6 погребений (242-247), из которых самое раннее (246), ограбленное – III-II вв. до н.э. Два (244, 247) – II-III вв. н.э. Видимо, к этому же времени относится погребение 245, перекрытое другим – 244. Два захоронения (242, 243) не могут быть датированы из-за отсутствия необходимых данных и инвентаря. Особо следует отметить наличие в указанных погребениях деформированного черепа (244), могильной ямы с подбоем (247).

На описываемом участке впервые в грунтовом некрополе Танаиса выявлены захоронения останков двух лошадей (в 8-9 м к западу от погребений 244, 245). Это черепа и расположенные с обеих их сторон кости ног ниже коленного сустава. Общая ориентировка южная. Видимо, они носили ритуальный характер.

Отметим также для этого участка наличие углубления в материке, забитого камнем. В разрезе оно напоминает канаву. Прослежено на протяжении 5,5 м.

1969-71 гг. Западный участок. Руководитель работ – Людмила Михайловна Казакова.

Продолжение работ на территории въезда в музей-заповедник. Общая площадь около 600 кв. м. Строителями был снят верхний уровень грунта до глубины от 0,3 до 0,7 м.

1969 г. Выявлено 17 погребений (248-264).

1970-1971 гг. Продолжалось исследование могильных пятен, выявленных в 1969 г. при снятии грунта бульдозером на Западном участке: 1970 г. – 4 погребения (265-268); 1971 г. – 2 погребения в северо-западной части участка (270, 271).

Краткая характеристика полученных при исследовании Западного участка результатов приводится в целом для исследованной площади.

Самые ранние погребения (261, 270) – эллинистические. Погребение 261 – II-I вв. до н.э. Могильная яма с заплечиками. Прослежены остатки перекрытия в виде древесного тлена.

Деревянный гроб. Определяющий дату погребения инвентарь: родосская амфора с клеймами на ручках 220-180 гг. до н.э. (Шелов, 1975 г., с. 50, 41, 107), чернолаковая чашечка, веретенообразный краснолаковый сосуд, золотая цепочка с головами грифонов на концах, золотые львиноголовые серьги, бронзовое зеркало. Погребение 270 – I в. до н.э. – частично уничтожено прорезавшим его погребением 271. Могильная яма – подбой с каменным закладом входа. В связи с незначительным сохранившимся инвентарем датировка определена на основании стратиграфических данных. Остальные погребения – I-III вв. н.э. Наиболее ранние из них: 271 – I в. н.э.; 256 – I - нач. II вв. н.э.; 250, 254 – II в. н.э.; остальные – в пределах второй половины II-первой половины III вв. н.э. (251, 252, 253, 257, 258, 259, 266), III в. н.э. – 260, 265, 268. Суммарно II-III вв. н.э. определяются погребения 248, 262, 264, 267. Для разрушенного погребения 263 дата не установлена. Основные типы могильных ям – двух видов:

1. Ямы с подбоем (250, 251, 253, 254, 257, 258, 259, 260, 262, 263, 265). Два погребения из них (250, 251) – детские. Погребение 259 – двойное, с останками умерших, расположенными друг над другом. В погребении 265 – деформированный череп. В шести (250, 254, 257, 259, 262, 263) – деревянные гробы, в четырех – следы древесины (258) или древесный тлен (251, 253, 260).

2. Ямы с заплечиками (256, 264, 266, 267, 268). В двух из них (256, 266) – гробы, в погребении 267 – колода. Остатки деревянных перекрытий отмечены в трех из них (264, 267, 268). Обнаружены также три погребения (248, 259, 252) – в овальных ямах и одно (255) – в прямоугольной с остатками деревянного гроба.

Архивные материалы:

Арсеньева Т.М. Отчет о работах Нижне-Донской экспедиции в 1968 г. // Архив ИА РАН. – 1969. – Р-1 №№ 3738, 3738а.

Арсеньева Т.М. Отчет о работах Нижне-Донской экспедиции в 1969 г. // Архив ИА РАН. – 1970. – Р-1 №№ 3991, 3991а.

Шелов Д.Б. Отчет о работах Нижне-Донской экспедиции в 1970 г. // Архив ИА РАН. – 1971. – Р-1 №№ 4238, 4238а.

Публикации:

Арсеньева Т.М. Некрополь Танаиса. – М: Наука, 1977. – С. 63-88.

Арсеньева Т.М., Шелов Д.Б. Исследования Танаиса в 1966-1969 гг. // КСИА. – 1972. – Вып. 130. – С. 95-96.

Арсеньева Т.М., Шелов Д.Б. Работа Нижне-Донской экспедиции в 1970-1972 гг. // КСИА. – 1975. – Вып. 143. – С. 43.

Арсеньева Т.М., Шелов Д.Б. Работы в Танаисе // АО-1969. – 1970. – С.118.

Казакова Л.М., Каменецкий И.С. Охранные раскопки некрополя Танаиса в 1968 г. // Археологические памятники Нижнего Подонья. – 1974. – Вып. II. – С.139-145.

Раскоп XV (рис. 3).

Руководитель работ – Людмила Михайловна Казакова.

1971 г. Раскоп разведочный, с целью определения возможного использования метода симметричного электропрофилирования для поисков погребений грунтового некрополя. Замеры производились с помощью электроизмерителя МФ-08 (В.И. Логинов, научный сотрудник Северо-Кавказского научного центра).

Раскоп заложен к северу от дороги вдоль северного края городища, на участке, в тот момент свободном от огородов. Первоначальная площадь – 48 кв. м с последующей прирезкой 1,5 м (С-Ю) x 5,70 м (З-В) к северному борту на основании показаний электроизмерителя. В результате было выявлено наличие могильных ям, и видимо, ограды определенного участка грунтового некрополя из мелких камней. Исследовано два погребения (272, 273). Они совершены в ямах с заплечиками. По остаткам инвентаря отнесены к III в. н.э.

Произведенный эксперимент по использованию метода симметричного профилирования для поисков грунтовых погребений некрополя Танаиса подтвердил возможность его применения в этих целях.

Архивные материалы:

Шелов Д.Б. Отчет о раскопках Недвиговского городища и некрополя в 1971 г. // Архив ИА РАН. – 1972. – Р-1 №№ 4558, 4558-а.

Публикации:

Арсеньева Т.М. Некрополь Танаиса. – М: Наука, 1977. – С. 88-89.

1974 г. Доследовано два случайно обнаруженных погребения. Одно из них – в яме с заплечиками. Разграблено. Видимо, содержало богатый инвентарь – II в. н.э. Второе – рядовое женское погребение первых веков н.э.

Архивные материалы:

Арсеньева Т.М., Шелов Д.Б. 1975. Отчет о работах Нижне-Донской экспедиции в 1974 г. // Архив ИА РАН. – 1977. – Р-1.

Публикации:

Арсеньева Т.М., Шелов Д.Б. Двадцатый год раскопок Танаиса // АО-1974. – 1975. – С. 97.

КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК (рис. 4).

Как и в предшествующее десятилетие, планомерные исследования курганного могильника не планировались. Однако в связи с различного рода строительными работами как в Недвиговке, так и к северу от городища были проведены значительные охранный-спасательные работы в этой зоне.

В **1966 г.** был предпринят обзор с вертолета предполагаемой территории курганного могильника к северу и северо-западу от городища до шоссе Ростов-Таганрог, а также грунтового могильника к северу от городища. Одна из задач при этом – определение границ грунтового некрополя. Облет показал значительную плотность курганных насыпей. Достаточно четко выявилась граница между курганным и грунтовым могильниками. Подтвердились и визуальные наблюдения об уничтожении большинства насыпей распашкой. Относительно уцелели насыпи нескольких курганов, компактно расположенных вблизи хорошо сохранившегося, хотя и со следами перекопов и грабительских ям, так называемого Царского кургана. От интенсивной распашки их спасла находящаяся рядом лесополоса.

Наиболее значимые работы были проведены в зоне реконструкции и расширения подъездной дороги от шоссе Ростов-Таганрог к заповеднику (1968-1970 гг.).

1965 г. Доследование двух курганов, где основные работы были выполнены в 1960-1964 гг. Руководитель – Станислав Никифорович Братченко.

Курган 1 (х. Недвиговка) к востоку от городища, на пустыре между усадьбами хутора, много лет служил источником добычи камня (крепида). Раскапывался еще в XIX в. Действия жителей хутора могли привести к его полному исчезновению. Отсюда решение об его обязательном доследовании. Определено, что насыпь кургана была сооружена над погребением I в. н.э. (№ 14), перекрывшим на момент захоронения более ранние погребения (эллинистические и эпохи бронзы). Подробное описание работ приведено в предшествующем выпуске «Хроники». При доследовании более четко прослежена стратиграфия курганной насыпи, расчищена полностью крепида. Трizona, ее сопровождающая, была разрушена добычей камня из крепида при снятии грунта. Здесь найдено более 6 тысяч амфорных фрагментов.

Курган 2 – к северу от северо-восточного угла городища. Насыпь высотой 3,75 м. Курган исследовался в 1963-1964 гг. Выявлено центральное погребение, полностью разграбленное. Здесь проведены работы, аналогичные работам на кургане 1.

Архивные материалы

Шелов Д.Б. Отчет о работах Нижне-Донской экспедиции в 1965 г. // Архив ИА РАН. – 1966. – Р-1, №№ 3238, 3238-а.

Публикации

Шелов Д.Б. Работы Нижне-Донской экспедиции в 1960 г. // КСИА. – 1962. – Вып. 91. – С. 82.

Шелов Д.Б. Раскопки Танаиса в 1964-1965 гг. // КСИА. – 1967. – Вып. 109. – С. 93.

Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. – М.: Наука, 1972. – 351 с.

Казакова Л.М. Нижне-Донская экспедиция. Хроника исследований. 1955-1964 гг. // Вестник Танаиса. – 2007. – Вып. 2. – С. 86-87.

1968 г. Строительство подъездной дороги от шоссе Ростов-Таганрог к заповеднику.

В ходе строительных работ частично или полностью были повреждены восемь курганов (5-12), так как движение по дороге не прекращалось. В ряде случаев насыпи курганов исследовать полностью не удалось. Кроме кургана 5, где не было выявлено захоронений, во всех остальных присутствовали основные погребения. В ряде курганов обнаружены впускные погребения (курган 7 – два погребения, курганы 10, 11 – по четыре, в кургане 9 – семь. Почти в каждом кургане выявлены остатки тризн. Скорее всего, с этим ритуалом могут быть связаны захоронения лошадей (курганы 6, 9, 10).

Подкурганые погребения представлены четырьмя типами могильных ям: простые грунтовые (3), ямы с заплечиками (6), подбойные (2) и одна катакомба. В ряде случаев обнаружены следы кострищ (тризна кургана 11, погребение 2 кургана 2).

Датировка погребений – II-III вв. н.э. с преобладанием II в. н.э.

Архивные материалы

Арсеньева Т.М. Отчет о работах Нижне-Донской экспедиции в 1968 г. // Архив ИА РАН. – 1969. – Р-1 №№ 3738, 3738-а.

Публикации

Л.М. Казакова, И.С. Каменецкий. Курганы Танаиса // КСИА. – 1970. – Вып. 124. – С. 81-87.

Л.М. Казакова, И.С. Каменецкий. Охранные раскопки некрополя Танаиса в 1968 г. // Археологические памятники Нижнего Подонья. – М.: Наука, 1974. – Вып. II. – С. 144.

1969 г. Продолжение исследований курганных насыпей в зоне прокладки подъездной автодороги к заповеднику.

Доследовались погребения под уже не существующими курганными насыпями южнее участка, исследованного в 1968 г. Здесь также докопаны подкурганые погребения под частью насыпей, уже уничтоженных в ходе строительства. Всего было раскопано пять погребений под четырьмя курганными насыпями: курган 9, погр. 6; курган 13, погр. 1; курган 14, погр. 1; курган 15, погр. 1, 2. По времени захоронения одно из них (курган 15, погр. 1) относится к эпохе бронзы, погребение 1 кургана 13 – II в. н.э., остальные – II-III вв. н.э.

В *кургане 9*, часть которого исследовалась в 1968 г., было открыто еще одно погребение, шестое. В отличие от предшествующих, оно совершено в подбое, а не в яме с заплечиками. Вход в подбой заложен четырьмя большими камнями. Это детское захоронение в деревянном гробу. Среди инвентаря – бронзовые изделия. К западу от пятна погребения впритык к нему – буроглиняная амфора. Дата погребения – 2-я половина II - 1-я половина III вв. н.э.

Курган 13 выделен по группировке могильных пятен. Их два. Раскопано только одно (северное) – погребение 1. В нем в подбойной могиле – двойное захоронение. При этом кости более

раннего из них сдвинуты к северной стенке подбоя. По довольно скудному инвентарю, среди которого выделяются фрагменты двух бронзовых фибул и железной пряжки, погребение относится к IV в. н.э.

Курган 14, погребение 1. Разрушен частично при строительстве подъездной дороги к заповеднику. На примыкающей к ней площадке насыпь кургана не прослеживалась. Погребение выявлено в кювете дороги по пятну могильной ямы. При расчистке выявлено: это подбой. Могила ограблена. По форме ее ямы, положению погребенного и найденному здесь лепному горшку относится к эпохе бронзы.

Курган 15. Насыпь уничтожена распашкой. Взаимное расположение находящихся рядом могильных пятен позволяет говорить о единой для них курганной насыпи.

Погребение 1. Форма могильной ямы простая грунтовая, скорченное положение погребенного и лепной горшок датируют его эпохой бронзы.

Погребение 2. Ограблено, разрушено. Данных для его определения нет. На дне могильной ямы обнаружены два черепа, хотя в засыпи могилы – кости только одного человека.

Полученные данные говорят о том, что исследованная территория (водораздел между р. Мертвый Донец и современной балкой Донской Чулек, бывшей в те времена еще рекой) использовалась для сооружения курганных насыпей со времени эпохи бронзы.

Архивные материалы

Арсеньева Т.М., 1970. Отчет о работах Нижне-Донской экспедиции в 1969 г. // Архив ИА РАН. – 1970. – Р-1 №№ 3991, 3991-а.

Публикации

Арсеньева Т.М. Раскопки Танаиса // АО-1969. – 1970. – С. 107.

Арсеньева Т.М. Охранные раскопки курганного могильника Танаиса в 1969 г. // Археологические памятники Нижнего Подонья. – М.: Наука, 1974. – Вып. II. – С. 153-157-163.

Шелов Д.Б. Исследования Танаиса в 1966-1969 гг. // КСИА. – 1972. – Вып. 130. – С. 93.

1972 г. Были исследованы два подкурганных захоронения: к северу от заповедника и к востоку от городища на территории х. Недвиговка. Второе было выявлено при строительстве на усадьбе А.М. Яценко, первое обнаружено в ходе работ по расширению грунтовой дороги (поворот на запад от подъездной дороги с шоссе к заповеднику вдоль северной границы его усадьбы). Сначала остановимся именно на нем.

Погребение катакомбного типа с двойным захоронением (мужским и женским) в двух отдельных гробах (деревянный – в мужском, из деревянных досок, сбитых крупными железными гвоздями – в женском). В каждом из них – остатки венков из золотой фольги (у головы), дополнительный аналогичный венок (его фрагменты) найден и на груди мужчины. В каждом погребении достаточно богатый инвентарь, соответствующий полу погребенных. То же самое относится к инвентарю вне гробов. Выделяются фрагменты конской упряжи и седла (у мужского гроба). Дата погребения – первая половина III в. н.э.

Второе погребение – на усадьбе А.М. Яценко, занимавшей территорию почти полностью уничтоженных распашкой курганов. Хозяин усадьбы в ходе строительных работ вскрыл богатое захоронение под распаханной курганной насыпью. Все найденное было передано в музей, и получена возможность обследовать место погребения. По словам А.М. Яценко, скелет был плохой сохранности, с набором богатого инвентаря, в том числе из драгметаллов и бронзы, а все предметы были отправлены в заповедник. По набору вещей погребение относится к первым векам н.э.

В 1973-1974 гг. курганы не исследовались.

Архивные материалы

Арсеньева Т.М. Отчет о работах Нижне-Донской экспедиции в 1972 г. // Архив ИА РАН. – 1973. – Р-1, №№ 4931, 4931-а.

Публикации

Каменецкий И.С. Катакомбное погребение в некрополе Танаиса // АО-1972. – 1973. – С. 128-129.

Арсеньева Т.М. Работы в Танаисе // АО-1973. – 1973. – С. 112.

Литература

Казакова Л.М. Нижне-Донская экспедиция. Хроника исследований. 1955-1964 гг. // Вестник Танаиса. – 2007. – Вып. 2. – С. 66-87.

РИС. 1. РАСКОП IV. ЮЖНАЯ ЧАСТЬ. Вид с северо-запада (до установки деревянного помоста).

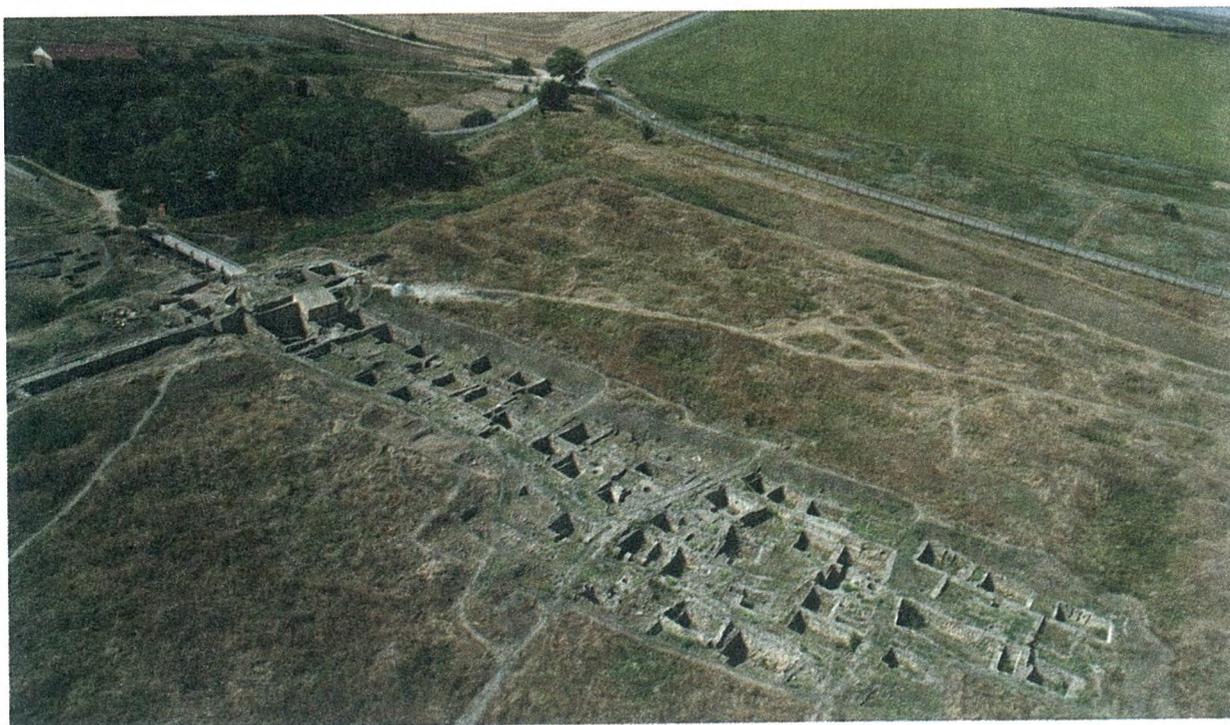

РИС. 2. РАСКОП VI ЦЕНТРАЛЬНЫЙ. Вид с юго-востока (до установки деревянного помоста).

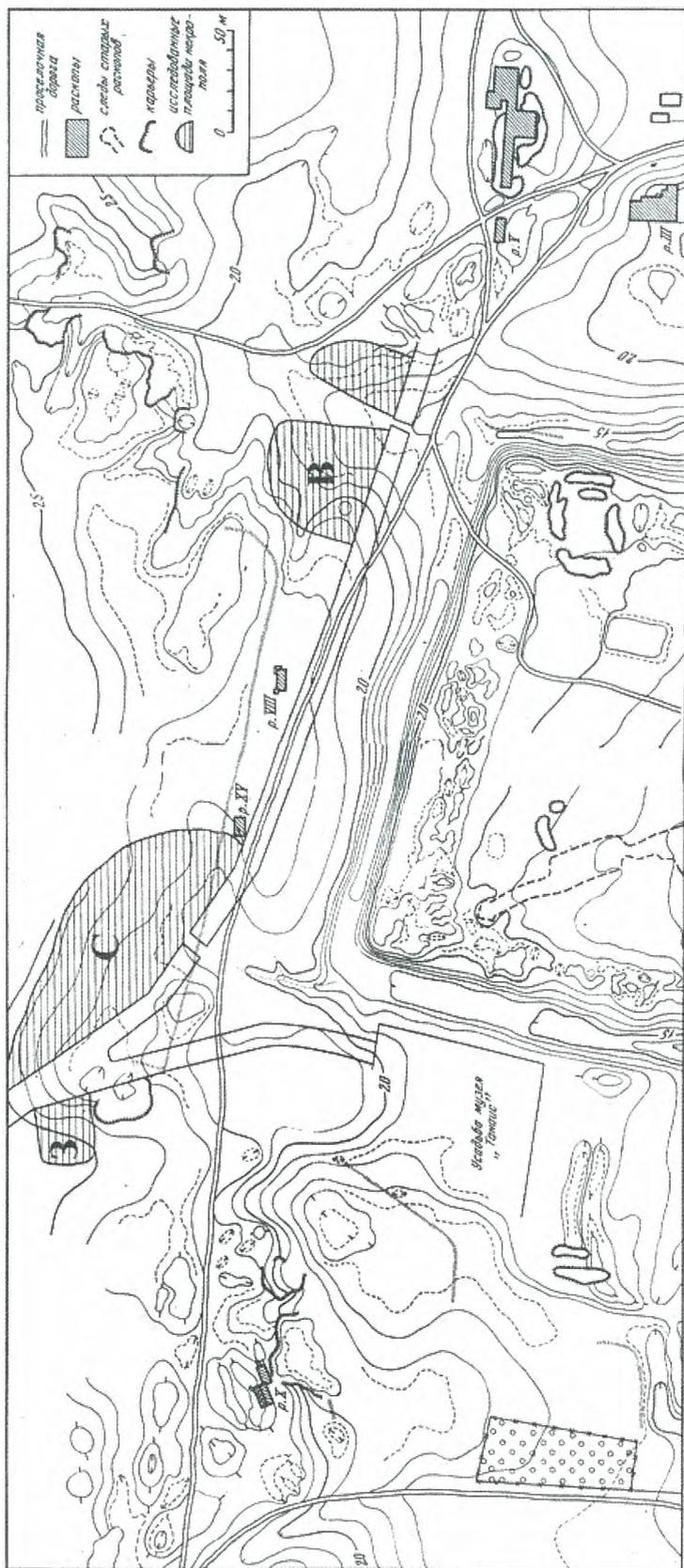

РИС. 3. ПЛАН УЧАСТКОВ ГРУППОВОГО НЕКРОПОЛЯ «ТАНАИСА», ИССЛЕДОВАННЫХ В 1968 г. В - «Восточный» участок, З - «Западный» участок, С - «Северный» участок.

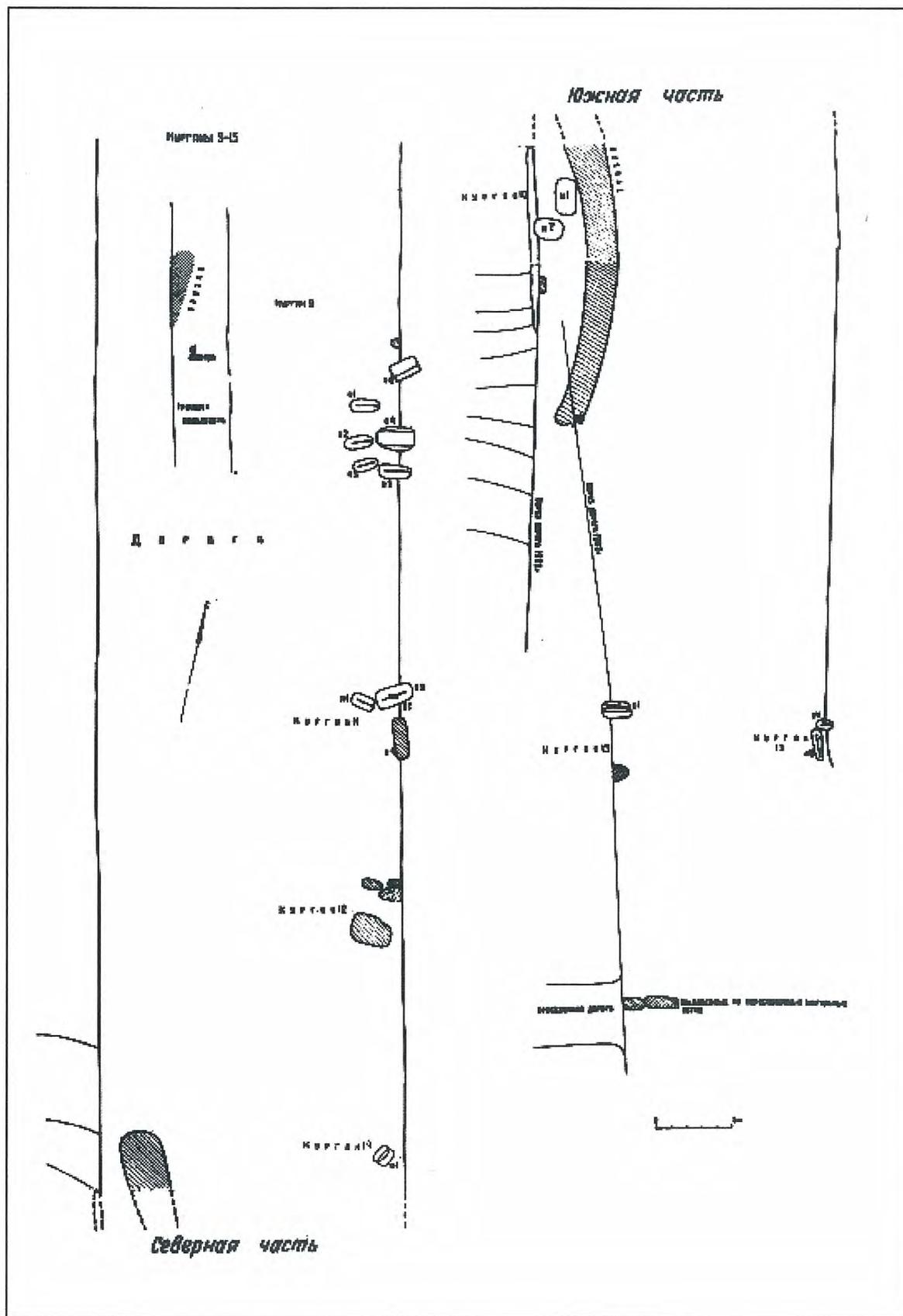

РИС. 4. ПЛАН КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА В ЗОНЕ СТРОИТЕЛЬСТВА АВТОДОРОГИ ОТ МУЗЕЯ К ШОССЕ. Охранные раскопки 1968-1969 гг.

ТОРГОВЫЕ СВЯЗИ ТАНАИСА С ПОНТИЙСКИМ РЕГИОНОМ¹

Науменко С. А.

(naumenkos16@mail.ru)

В статье анализируется амфорная продукция понтийских производственных центров, поставлявшие свои товары в Танаис на протяжении всего периода его существования. В эллинистический период важнейшим торговым партнером была Синопа, в то время как Гераклея Понтийская, Херсонес, район Колхиды представлены незначительным количеством сосудов. В римское время ситуация меняется и на первое место выходит Гераклея Понтийская с разными формами и объемами амфор. Синопа и Колхида продолжают ввозить свои товары, но в значительно меньшем объеме.

Ключевые слова: амфора, археологические комплексы, Гераклея Понтийская, Колхида, производственный центр, Синопа, Танаис, торговля, Херсонес.

TRADE RELATIONS BETWEEN TANAIS AND THE PONTIC REGION

Naumenko S. A.

(naumenkos16@mail.ru)

The article analyzes Pontic centers that exported their products to Tanais during the entire time of the existence of the latter. During the Hellenistic period, Sinope was the main trade partner of Tanais, while Heracleia Pontike, Chersonesos, and Cholchis are represented by a small number of vessels. The situation changed during the Roman period: Heracleia became the main trading partner, represented by vessels of various shapes and volumes. Sinope and Colchis continued to export their products, but in much lower quantities.

Key words: amphorae, archaeological complexes, Heracleia Pontike, Kolchis, production centers, Sinope, Tanais, trade, Chersonesos.

Амфоры – одна из самых многочисленных категорий находок в Танаисе. Анализ их количества, многообразия типов сосудов из хронологически сменяющих друг друга закрытых комплексов представляет бесспорный интерес для изучения истории античной торговли. Констатируя исчезновение одних типов амфор, характерных для определенного центра производства и появление других, можно судить о приоритетных направлениях торговых отношений, характерных для различных периодов истории города (рис. 1).

Наличие большого числа закрытых комплексов, содержащих амфоры различных типов, бытовавших в одно и то же время в античном мире, связано с постигшими город катастрофами,

¹ Эти материалы уже публиковались в BAR International Series 2517/ 2013, s. 103-108.

последовавшими одна за другой. Это разгром города боспорским царем Полемоном в конце I в. до н.э. (Шелов, 1970, с. 226-229). Спустя примерно 150 лет, около середины II в. н.э. археологически засвидетельствовано нападение сарматских племен, в результате которого были разрушены в пожаре жилые постройки и объекты фортификации (Арсеньева, Науменко, 2004, с. 37; Naumenko, 2005, s. 123, 134; Безуглов, 2001, с. 111-119). И наконец, гибель города в середине III в. н.э. (Шелов, 1972, с. 299-304).

Учет общего числа целых форм амфор и их профильных частей дает нам огромное число – свыше 94 000 единиц (по состоянию на 2002 г.). В результате статистической обработки получается минимальное количество сосудов – свыше 15 000 единиц на раскопанную на сегодняшний день площадь, составляющую примерно одну десятую часть всей территории Танаиса, исключая Нижний город и западный пригород. Перенос приблизительного расчета числа находок из исследованной части площади на весь район города дал бы относительное общее их количество – около 150.000 амфор. Однако, к подобным вычислениям следует относиться осторожно, принимая во внимание разные функции отдельных раскопанных частей города (общественные площади и постройки, улицы, жилые кварталы) с их соответственно изменяющимся набором сосудов. Тем не менее, такая статистика может свидетельствовать о необычайно богатом общем составе находок.

Полностью исследованные археологические комплексы, содержащие амфорный материал, на сегодняшний день насчитывают около 150. Большая часть их открыта на территории цитадели (рис. 1, 2) и не менее 80 – на территории некрополя. К III-I вв. до н.э. относятся всего 6 комплексов. Остальные – к первым векам нашей эры.

В III-I вв. до н.э. важными торговыми партнерами Танаиса наряду с Родосом были Синопа, в меньшей степени Гераклея Понтийская, Херсонес и район Колхиды, где производились так называемые колхидские амфоры. Статистика дает нам следующее минимальное количество сосудов на исследованную площадь городища (по состоянию исследований на 2000 г.): Синопа – 89, Херсонес – 10, Гераклея – 7, Колхида – 5. Для сравнения приведем Родос: 433 – минимальное число амфор, клейм более 726 – по состоянию на 2000 г.

Синопа – один из важнейших торговых партнеров Танаиса. Торговые связи с городом и огромным регионом – Северо-Восточным Приазовьем, населенным кочевниками, зафиксированы на протяжении всего времени существования Танаиса, вплоть до поздней античности. Самые ранние для Танаиса синопские клейма относятся к концу 80-х гг. III в. до н.э. Однако основная масса синопских клейм приходится на 60-40 гг. III в. до н.э. В этот период Синопа производила сосуды позднего типа III, которые, по мнению С.Ю. Монахова, появляются со второй четверти III в. до н.э. (Монахов, 2003, с. 152). Примером таких амфор может служить сосуд емкостью 19,5 л из подвала ИО (раскоп VI) с клеймом группы Vb астинома Антипатра сына Никона – около 248 г. до н.э. (рис. 2,2.1). Эта амфора обнаружена в комплексе с родосской амфорой с клеймом (Шелов, 1993, с. 28, № 150) и чернолаковым кубком первой половины III вв. до н.э., (Арсеньева, Беттгер, Науменко, 2001, с. 92 сл., рис. 26-31). К концу III – началу II вв. до н.э. в Танаисе появляются сосуды позднего типа варианта III-C, относящиеся к завершающему этапу синопского клеймения (Монахов, 1999, с. 556-559; Монахов, 2003, с. 154, табл. 104). Представление о форме сосудов дают нам находки из некрополя. На одной из амфор емкостью 17,9 л имеется клеймо с именем фабриканта Невмения (рис. 2,2.2), К концу II в. до н.э. сосуды отличает меньший диаметр тулова, цилиндрическое горло, коническая ножка, являющаяся продолжением конического тулова, иногда со следами прокручивания. Емкость таких сосудов 13-13,6 л (рис. 2,2.3). Такая форма амфор сохраняется, очевидно, и в I в. до н.э.

Для римского времени основные формы тары выделены С.Ю. Внуковым, доказавшим их синопское происхождение. На рубеже нашей эры происходит смена форм амфор.

Синопа, как и Гераклея Понтийская, производила псевдокосские амфоры с двустольными ручками. Эта форма появляется в конце I в. до н.э. и, по мнению С.Ю. Внукова, бытует в течение всего I в. н.э. (Внуков, 2006, с. 167, тип Син III, рис. 1,13). Их емкость – 14-15 литров. Они близки по

форме псевдокосским позднегераклейским сосудам, емкость которых колеблется от 10 до 14 л. Визуально фрагментированные сосуды обоих центров трудно различимы (рис. 3,1). Поэтому они не отражены и в нашей статистике псевдокосских амфор, насчитывающих около 600 сосудов минимально.

В конце I – первой половине II вв. н.э. в Танаисе бытует форма амфор, похожая на сосуды II-I вв. до н.э., но с некоторыми морфологическими отличиями: желобок под треугольным в сечении венчиком. Сосуды намного крупнее, их емкость 22 л (рис. 2,2.4). По мнению С.Ю. Внукова, эти амфоры (тип Син II) производились и после середины III в. н.э. Однако в многочисленных закрытых комплексах Танаиса середины III в. н.э. они отсутствуют. Другая форма сосудов на широком плоском дне со слабо выделенным кольцевым поддоном – тип Син IV6 емкостью 15-16 л (Внуков, 2006, с.16, рис. 1,15) или Зеест 78 (Зеест, 1960, с. 116, табл. XXXIII,78) отмечена в закрытых комплексах Танаиса около середины II и в первой половине III вв. н.э. (рис. 2,2.6). Учтено их минимальное количество – 70 единиц. Что касается нижней границы этой формы сосудов, то они возникают, по мнению С.Ю. Внукова, предположительно еще в середине II в. до н.э. Этим сосудам, очевидно, предшествует форма амфоры, похожая своим горлом и оформлением венчика на кувшин. У нее широкое дно на невысоком кольцевом поддоне и очень узкое цилиндрическое горло с двумя опоясывающими его валиками (рис. 2,2.5). Ее емкость 8,85 л. Именно морфология этой формы, сопоставление ее с формой амфоры типа Зеест 78, позволили Внукову С.Ю. увидеть в них варианты одного и того же типа Син IV а и б (Внуков, 2006, с. 16, рис. 1,14-15).

Во II-III вв. н.э. в Танаисе бытует и крупная форма транспортных сосудов, высотой около 1,0 м, емкостью 70 л. (рис. 3,2). Она отмечена во многих комплексах этого времени вместе с крупными амфорами из оранжевой, фиолетовой и красной глины разных, чаще неопределенных центров производства. Доказано их синопское происхождение (Kassab Tezgör, Tatlican, 1998, p. 424, fig. 5-6). Эти сосуды поставлялись в больших количествах и в Горгиппию, которая очень близка Танаису по составу амфор (Алексеева, 1997, табл. 93,12; 111,14-15; 167,5-7; 171,18). Такие сосуды, очевидно, использовались также для транспортировки вина; затем в Танаисе в них хранилось зерно.

В позднеантичную эпоху Синопа не прекращает своих отношений с поселением, возникшим на развалинах античного Танаиса.

Херсонес представлен единичными находками фрагментов амфор (минимальное количество 10 ед.) и клейм. Известны клейма группы I В астинома Мейриоса 315-300 гг. до н.э., позволяющие, наряду с другими ранними находками, предположить более раннее время основания Танаиса.

Импорт товаров из метрополии Херсонеса – Гераклеи Понтийской в начальный период существования Танаиса незначителен. В комплексах встречены в основном обломки ручек с клеймами и ножки. Настоящий интерес к Танаису Гераклея проявляет лишь к концу эллинистической эпохи. Так называемые псевдокосские амфоры типа С1а, производившиеся в Гераклее с рубежа 60-50 гг. I в. до н.э. по первую четверть I в. н.э. (Внуков, 2006, с. 167, рис. 1,1), начинают активно пробивать себе дорогу на Нижний Дон. С этого времени и вплоть до середины III в. н.э. Гераклея является одним из самых важных торговых партнеров Танаиса. Несмотря на незначительное количество закрытых комплексов I в. н.э. по вполне понятным причинам, в Танаисе засвидетельствовано огромное число позднегераклейских псевдокосских амфор типа С1. Минимальное учтенное количество – около 600 сосудов. Емкость ранних сосудов 30,7 л (рис. 3,3.1). Поздний вариант типа С1б изменился в пропорциях. Корпус стал более вытянутым и узким, объем уменьшился до 10-14 л (рис. 3,3.2-3). Время производства – I в. н.э. В Танаисе обломки этих сосудов в огромных количествах встречены в мусорных слоях I в. Ими вымощены улицы и площади.

С последней четверти I в. до н.э. из Гераклеи в Танаис ввозилось вино в сосудах, выделенных С.Ю. Внуковым в тип СIII (Внуков, 2006, с. 167, рис. 1,4-5). В Танаисе небольшая статистика минимального количества сосудов (15 единиц). Это связано с тем, что морфологически венчики и ручки амфор этого типа имеют большое сходство с другим типом позднегераклейской тары – типом

CIVA. Тем не менее, имеющиеся целые экземпляры дают нам представление о танаисских сосудах, емкость которых колеблется от 7 л (рис. 3,3.5) до 10 л (рис. 3,3.4).

Один из самых репрезентативных для Танаиса типов позднегераклейской тары – это узкогорлые светлоглиняные амфоры типов A-D (Шелов, 1978, с. 16-19, рис 1-8) или типа CIV, вариантов A-D (Внуков, 2006, с. 16, рис 1,7-10), поступавшие в город в огромных количествах в период с I по III вв. н.э. (рис. 4,1-3). В подвальных складах Танаиса, особенно середины III в. н.э., их находят большими партиями по 200-300 сосудов.

Самыми ранними в этом хронологическом ряду являются амфоры типа A или CIV A, производившиеся в I в. н.э. Среди них выделяются два варианта, отличающиеся размером поддона. Емкость сосудов 6,7-7,6 л (рис. 4,4.A1,4.A2). Учтено их минимальное количество – 84 ед. по состоянию на 2002 г.

На смену этой форме сосудов приходит тип CIV B, производство которого началось, по нашему мнению, во второй половине I в. н.э. или в начале последней трети I в. н.э. и продолжалось вплоть до начала II в. (Науменко, 2012, с. 64). По мнению С.Ю. Внукова их производство продолжалось вплоть до 40-х гг. II в. Меняется не только форма сосудов, но и их объем. Корпус резко удлиняется, а поддон уменьшается. Причем амфоры с относительно широкими поддонами имеют широкие ручки (CIV B1), их объем 6,1 л (рис. 4,4.B1). У сосудов с узкими поддонами соответственно узкие ручки (CIV B2), горла у этого варианта массивные, высокие и узкие, слегка перекрученные, а оформление венчиков различное (B2a, B2b) (рис. 4,4.B2a,4.B2b), их объем колеблется от 5,4 до 6 л. Для типа CIV B статистика дает нам минимальное количество – 163 сосуда по состоянию на 2002 г.

Следующий тип амфор CIV C, по мнению С.Ю. Внукова, производился со второй четверти по конец II в. н.э. Однако исследования в Танаисе показывают, что эта форма амфор появляется значительно раньше, по-видимому, на рубеже I-II вв. В одном из закрытых комплексов Танаиса последней трети I в. н.э. вместе с амфорами типа CIV B2 отмечено и горло раннего варианта амфоры CIV C (Науменко, 2008, с. 271). По материалам Танаиса выделяются два варианта этой формы. Сосуды емкостью от 7 до 7,5 л с высокими почти цилиндрическими горлами, массивными венчиками диаметром около 8-10 см (CIV C1, рис. 4,4.C1) отмечены в комплексах, погибших в пожаре около середины II в. н.э. Сосуды емкостью около 6 л (CIV C2, рис. 4,4.C2) бытуют в течение второй половины II в., постепенно сменяясь следующим хронологическим типом CIV D, очевидно, на рубеже II-III вв. или в последние десятилетия II в. н.э. Минимальное количество сосудов типа CIV C – 4169 единиц по состоянию на 2002 г.

Тип CIV D появляется в последней четверти II в. и производится в течение всего III в. Минимальное количество сосудов в Танаисе свыше 6000 ед. Емкость амфор колеблется от 2,8 до 4,9 л (у самых ранних экземпляров) (рис. 4,4.D1). В середине III в. отмечены и совсем мелкие образцы сосудов, у которых иногда отсутствует на ножке кольцевой поддон, емкость таких сосудов около 2-2,1 л (рис. 4,4.D2).

Не исключено, что и в позднеантичное время именно Гераклея являлась производителем продукции, транспортировавшейся в Танаис в сосудах типа E и F.

Судя по количеству находок, торговые связи с Колхидой не были для Танаиса определяющими. Однако, фрагменты амфор из характерной коричневой глины, содержащей огромное количество пироксена, находят в Танаисе практически во всех слоях и закрытых комплексах I – середины II вв. н.э. и середины III в. н.э. Целых форм этих сосудов в коллекции Танаиса очень мало. Опираясь на данные стратиграфии к периоду эллинизма можно отнести несколько массивных ножек с завитками (рис. 5,1).

На основании фрагментов профильных частей можно выделить два варианта сосудов, различающихся формой венчика и ножки. Вариант первый представлен горлом амфоры из подвала I в. н.э. в западной части городища (рис. 5,3). У этих сосудов венчики или прямые, или отогнуты наружу, а невысокие, уплощенные ручки имеют характерный излом, ножки конические с

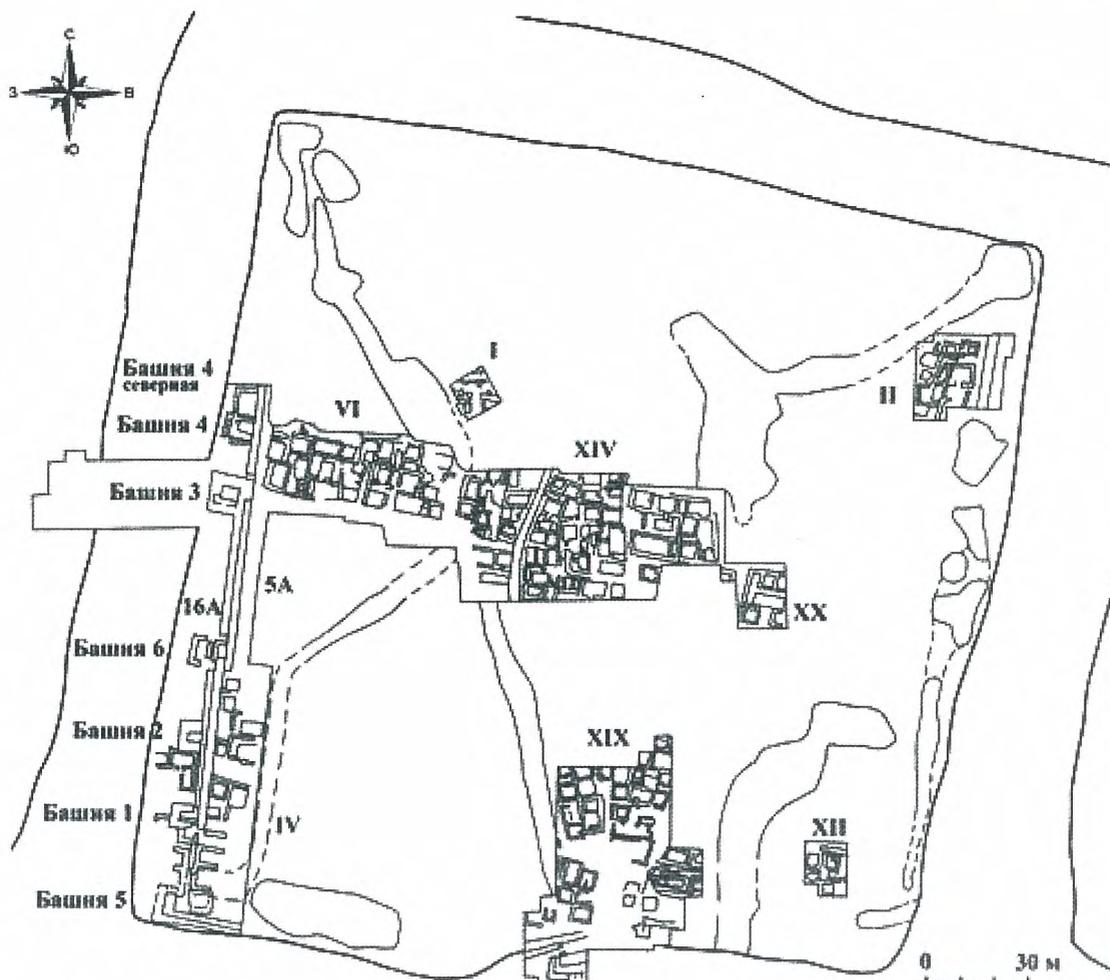
округленной подошвой, иногда полые и редко встречается внутри характерный завиток. Представление о полной форме дает нам экземпляр сосуда из Нижне-Гниловского городища (рис. 5,2) Ко второму варианту следует отнести сосуды с ребром под венчиком (рис. 5,4-5). Как правило, эти амфоры имеют невысокое узкое горло с почти незаметным переходом к сильно покатым плечам и длинный корпус, часто с перехватом в средней части. Ножки обычно конические с округлой подошвой, иногда еще встречаются спиралевидные завитки, свойственные более ранним экземплярам, или конические ножки с утолщением у подошвы; ручки почти плоские в сечении, дуговидные, близко посажены к горлу и часто крепятся в очень характерные «гнезда». Глина коричневая с разными оттенками оранжево-коричневого цвета, содержит пироксен. В закрытых комплексах, погибших в середине III в. н.э., они встречаются довольно часто, но почти всегда фрагментированы, что, видимо, связано не только с их формой, но и с качеством глины (Арсеньева, Науменко, 1992, 160-162, рис. 43,2; 44; Арсенъева, Науменко, 1994, 71 сл., рис.14,1-2). По мнению С.Ю. Внукова они близки, с одной стороны, колхидским образцам II-I вв. до н. э., с другой – амфорам с перехватом III – IV вв. н.э. и являются хронологической разновидностью коричневоглиняных амфор, производившихся в одном из центров Колхиды (Внуков, 1992, с. 87). Их появление он относит ко времени не позже конца II – начала III вв. (Внуков, 2006, с. 168).

Литература

- Алексеева Е.М. Горгиппия. – М.: Эдиториал УРСС, 1997. – 560 с.
- Арсеньева Т.М., Науменко С.А. Новые данные о фортификации Танаиса // Древности Боспора. – М., 2004. – № 7. – С. 29-73.
- Арсеньева Т. М., Бёттгер Б., Науменко С. А. К истории эллинистического Танаиса // Проблемы истории, филологии, культуры. – М. – Магнитогорск, 2001 – № XI – С. 84-120.
- Арсеньева Т.М., Науменко С.А. Комплекс находок из подвала МБ II-III вв. н.э. // Вестник Танаиса. – 1994. – Вып. 1. – С. 61-113.
- Безуглов С.И. Денежное обращение Танаиса (III в. до н.э. – V в. н.э.): Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. – М., 2001. – 344 с.
- Внуков С.Ю. К вопросу о месте производства коричневоглиняных амфор Северного Причерноморья // Греческие амфоры. – Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1992. – С. 68-89.
- Внуков С.Ю. Причерноморские амфоры I в. до н.э. – II в. н.э. – СПб.: Алетейя, 2006. – Часть II. – 320 с.
- Зеест И.Б. Керамическая тара Боспора // МИА. – 1960 – №83. – 180 с.
- Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII-II веков до н.э. – Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1999. – 680 с. с илл.
- Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. – М. – Саратов: Изд-во «Киммериды» – Изд-во Саратовского университета, 2003. – 352 с.: илл.
- Науменко С.А. Амфоры из закрытых комплексов Танаиса римского времени // Nowensia. – Warszawa, 2008. – №18-19. – С. 267-289.
- Науменко С.А. Состав амфор в закрытых комплексах Танаиса конца I- середины III вв. н.э. // Вестник Танаиса. – 2012. – Вып. 3. – С. 63-88.
- Шелов Д. Б. Танаис и Нижний Дон в III-I вв. до н.э. – М.: Наука, 1970. – 252 с.
- Шелов Д. Б. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. – М.: Наука, 1972. – 352 с.
- Шелов Д.Б. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры: классификация и хронология // КСИА. – 1978. – № 156. – С. 16-21.
- Шелов Д.Б. Новая коллекция эллинистических керамических клейм из Танаиса // Вестник Танаиса. – 1994. – Вып. 1. – С. 9-43.
- Naumenko S. Neue Forschungen zur westlichen Verteidigungsanlage von Tanais // Eurasia Antiqua. – Berlin, 2005. – Band 11. – S. 115-135.
- Kassab Tezgör D, Tatlıcan I. Fouilles des ateliers d'amphores a Demirci pris de Sinopen 1996 et 1997 // Anatolia Antiqua. Eski Anadolu. – Istanbul, 1998. – VI. – P. 423-442.

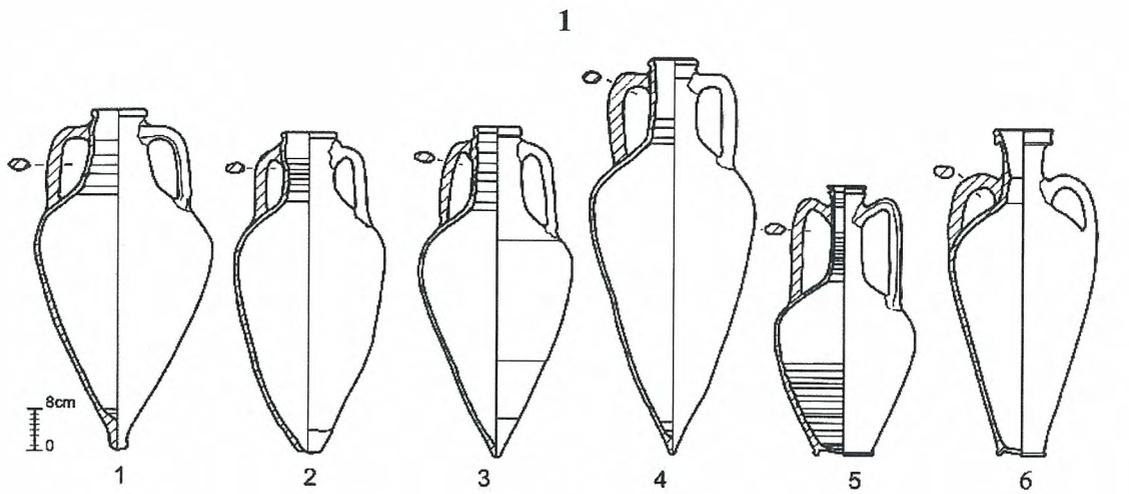

1

2

РИС. 1. 1 – карта Понтийского региона, 2 – план цитадели Танаиса I – середины III вв. н.э.

2

РИС. 2. СИНОПСКИЕ АМФОРЫ.

1 – амфорный зал, 2 – амфоры III в. до н.э. – III в. н.э.

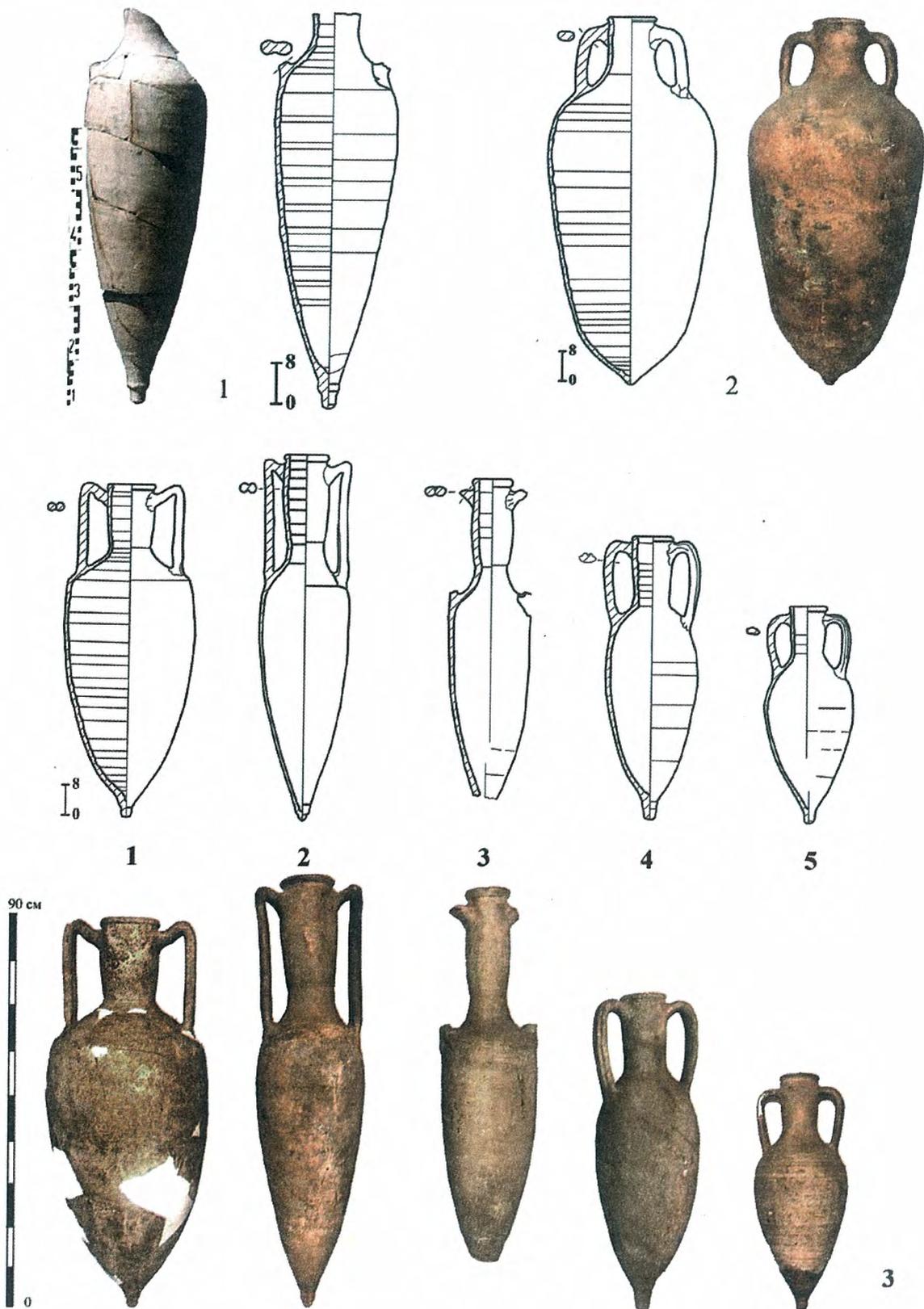

РИС. 3. ФОРМЫ ПОНТИЙСКИХ АМФОР.

1 – синопская амфора I в. до н.э. – I в. н.э., 2 – транспортная синопская амфора II – III вв. н.э., 3 – позднегераклейские амфоры I в. до н.э. – I в. н.э.

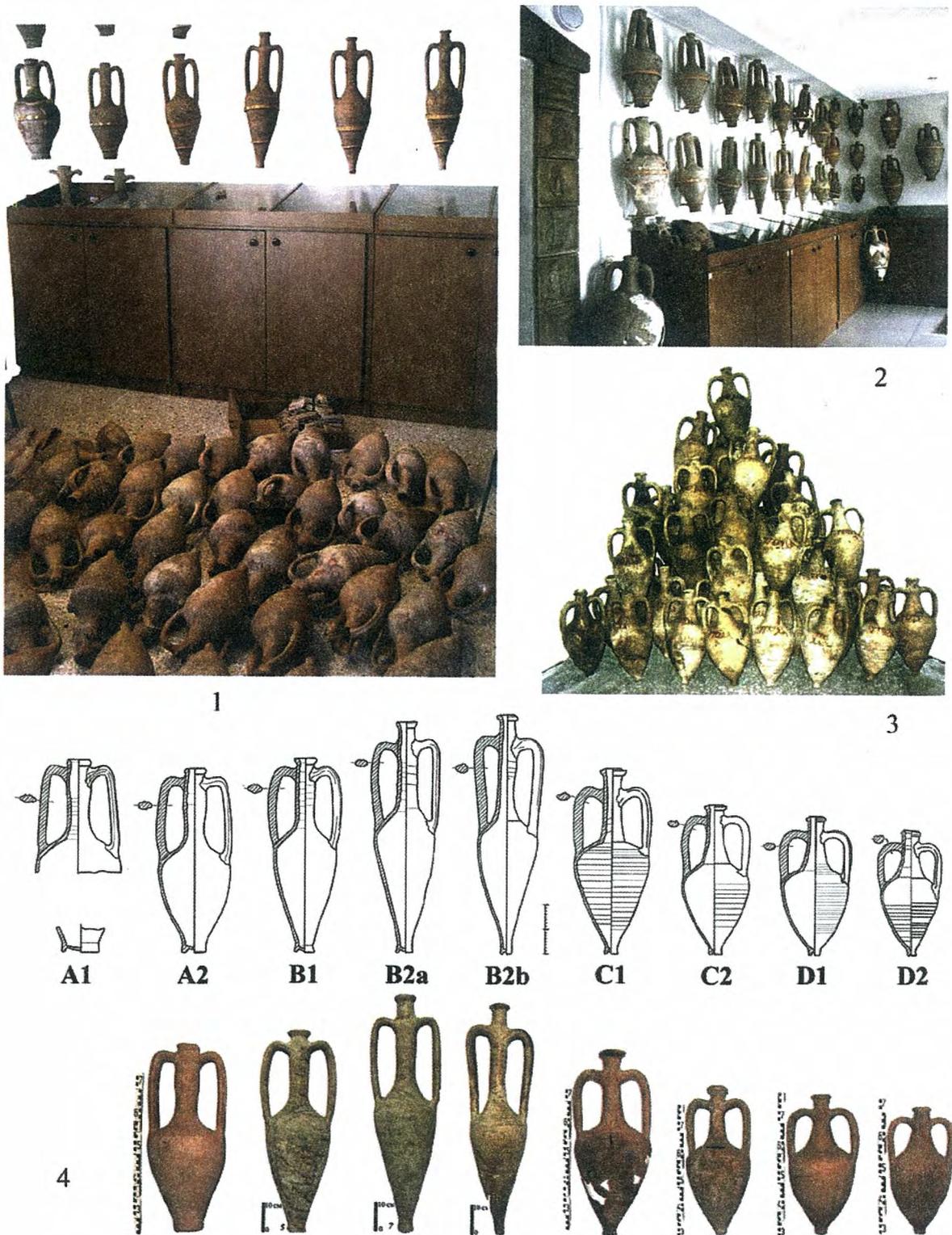

РИС. 4. ГЕРАКЛЕЙСКИЕ АМФОРЫ I В. Н.Э. - ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ III В. Н.Э.

1 – амфорный зал, на полу амфоры типа D первой половины III в. н.э., 2 – амфорный зал, на стене герacleйские амфоры I в. н.э. – первой половины III в. н.э., 3 – амфоры типа D из закрытого комплекса постройки 3, помещения 7, 4 – типологический ряд узкогорлых светлоглиняных амфор Танаиса.

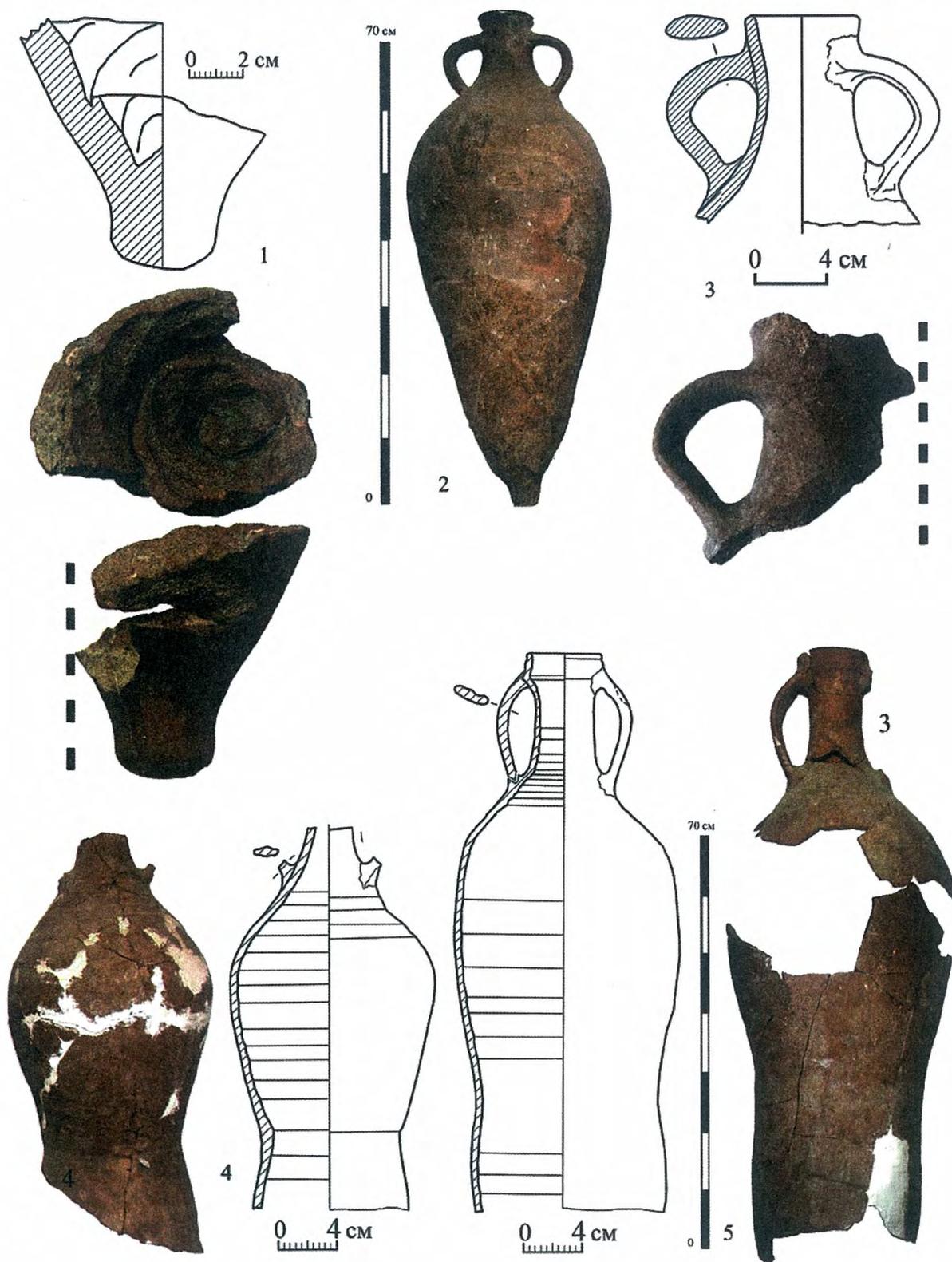

РИС. 4. КОЛХИДСКИЕ АМФОРЫ.

1 – ножка амфоры конца III в. до н.э. – начала II в. до н.э., 2 – амфора из Нижне-Гниловского городища, I в. н.э., 3 – горло амфоры из закрытого комплекса постройки 7, помещения 1, I в. н.э., 4-5 – амфоры из закрытого комплекса подвала МБ, II в. н.э. – первая половина III в. н.э.

ПОЗДНЕСАРМАТСКОЕ ВОИНСКОЕ ЗАХОРОНЕНИЕ ВБЛИЗИ ТАНАИСА

Нидзельницкая Л. Ю.

(nidzel2014@mail.ru)

Статья посвящена подкурганному воинскому захоронению позднесарматской культуры, найденному в округе Танаиса в 2011 г. Особенностью данного могильного комплекса является набор из лежащих рядом и не потревоженных грабителями железного кинжала и точильного камня. Воинское захоронение из разрушенного кургана, находившегося в непосредственной близости от городища, следует рассматривать в контексте этнических, торговых и политических связей Танаиса с сарматами, проживавшими в городе и служившими ему в качестве наемного военного контингента.

Ключевые слова: инвентарь, курган, некрополь, погребение, позднесарматская культура.

A LATE SARMATIAN MILITARY BURIAL NEAR TANAIS

Nidzelnitskaya L. Y.

(nidzel2014@mail.ru)

The article is dedicated to an under mound military burial referred to the late Sarmatian culture, found in Tanais region in 2011. The point of that sepulchral complex is an assemblage of a dagger and a grindstone, lying close to each other and not disturbed by graverobbers. The military burial from a destroyed mound in close vicinity to the settlement should be considered in the context of ethnic, commercial and political relations between Tanais and Sarmatians which lived in the town and served as its mercenary military forces.

Key words: equipment, mound, necropolis, burial, Late Sarmatian culture.

В 2011 г. были проведены охранные раскопки в рамках проектируемого строительства протекторных установок в местах пересечения ВЛ-220 кВ с газопроводами в Мясниковском районе Ростовской области¹. Восемь раскопочных площадок были заложены на территории некрополя Танаиса (рис. 1, 2).

К некрополю Танаиса относится несколько сотен курганных насыпей. Почти все они находятся на распаханых сельскохозяйственных угодьях. В настоящее время основная часть курганов представляет собой насыпи высотой от 0,1 до 0,5 м, некоторые практически полностью уничтожены и визуально не фиксируются. Компактно расположенные группы курганов выделены в отдельные могильники: «Царский», «Недвиговский I», «Недвиговский II».

¹ Охранно-исследовательские работы финансировались ОАО «ТАГМЕТ» (г. Таганрог).

Проектируемая трасса ВЛ 220 кВ² проходит по северо-восточной и северной частям некрополя Танаиса на протяжении около 2 км, располагаясь, в основном, в межкурганном пространстве курганного могильника «Царский» (рис. 1, 2). На семи из восьми площадок археологических объектов не выявлено. В ходе раскопок площадки III было обнаружено захоронение в полностью разрушенном кургане, никак не выделявшемся на современной дневной поверхности.

Участок, отведенный для сооружения протекторной установки на площадке III, находится в северо-восточной, периферийной части некрополя городища Танаис, в 90 м к востоку от асфальтированной дороги «трасса М23 – п. Недвиговка», в 58 м к северо-востоку от опоры № 43 ВЛ 220 кВ, расположенной вдоль восточной стороны этой дороги (рис. 3). Неподалеку, в 55 м к востоку от дороги к пос. Недвиговка и в 24 м к западу от юго-западного угла площадки III заметен «оплывший» курган овальных очертаний, ориентированный в направлении ЗЮЗ-ВЗВ, сильно разрушенный глубокой вспашкой. Размер кургана – 9,5 x 6,5 м, сохранившаяся высота – 0,3 м. Территория данного кургана в границы предусмотренного проектом раскопа не попадала (рис. 3).

Первоначально на площадке III был заложен стандартный для остальных площадок раскоп квадратной формы, размером 16 x 16 м, площадью 256,0 кв. м (рис. 4). В целях более точного выявления археологических объектов и их стратиграфии в центральной части площадки была оставлена бровка шириной 1,0 м.

При зачистке нижнего горизонта юго-восточной части площадки, на глубине 1,15 м от Р₀³ было выявлено пятно, в ходе дальнейших исследований трактованное как грабительская яма, а на глубине 1,26 м от Р₀ прослежены границы могильной ямы (рис. 4, 5). В стратиграфическом разрезе восточного фаса бровки удалось зафиксировать западную, сильно оплывшую полу кургана и выборку материкового грунта за границами полы. В целях более полного исследования территории памятника (разрушенного кургана) и возможного выявления других захоронений было принято решение удлинить раскоп в южном направлении на 9,0 м.

Стратиграфические разрезы бортов раскопа практически не показали следов курганной насыпи. Амфорная керамика, найденная при зачистке восточного борта, представлена непрофильными стенками тулова и фрагментами горла узкогорлых светлоглиняных амфор I-III вв. н.э. (рис. 8,2) и происходит, по всей видимости, из разрушенных глубокой вспашкой тризн курганного могильника «Царский». При зачистке западного фаса бровки обнаружены фрагменты керамики и зуб коня. Керамика представлена фрагментом ручки узкогорлой светлоглиняной амфоры типа В по классификации Д.Б. Шелова (Шелов, 1978, с. 17, 18) (рис. 8,1), непрофильными фрагментами узкогорлых светлоглиняных амфор I-III вв. н.э. и фрагментом стенки тулова кружального сероглиняного сосуда, внешняя сторона которого покрыта коричневым ангобом. Присутствие обломков сосудов и зуба животного в предматериковом горизонте, а также подъем уровня залегания материковой глины в границах тех же квадратов на 0,2-0,25 м в сравнении с другими участками западного фаса бровки позволили предположить наличие полы полностью разрушенного кургана, тризны и курганный характер самого захоронения. По стратиграфическим данным диаметр кургана составлял от 7,5 до 9,0 м.

Погребение располагалось в 14,5 м к ЮЮЗ от Р₀, в 18,0 м к СВ от северо-западного угла площадки III. К северу от могилы, на глубине -1,60 от Р₀, прослежен грабительский лаз, размером 1,45 x 0,8 м, заполненный серо-коричневым суглинком и прорезанный множеством нор (рис. 5).

Могильная яма в плане овальной формы, размерами 2,4 x 1,1 м, продольной осью ориентирована по линии С-Ю (рис. 4, 5). Стенки неровные, сужаются ко дну, прорезаны норами грызунов. Дно плоское, размером 2,2 x 0,76 м, с небольшим возвышением в 2 см у южной стенки, в районе стоп.

² Трасса ВЛ 220 кВ была введена в эксплуатацию в 2013 г.

³ Точка дневной поверхности северо-восточного угла раскопа принята за условную отметку Р₀.

Заполнение погребения неоднородно: черный, рыхлый грунт в северной части захоронения, в районе грабительского входа, и уплотненный серо-коричневый суглинок – в южной. В заполнении встречены мелкие кусочки коричневого деревянного тлена. В южной, непотревоженной части захоронения, в 0,35 м от дна, прослежена тонкая прослойка белого органического тлена толщиной 0,1-0,3 см.

В черном рыхлом грунте у СВ стенки могилы, южнее грабительского лаза, на глубине -1,19 м от Ро, обнаружены кости таза в нарушенном перевернутом состоянии. В ходе дальнейшего разбора заполнения могилы под тазом, в том же черном грунте, были найдены сложенные грудой ребра, позвонки нижнего и среднего отделов позвоночника, крестец и череп (рис. 5).

Череп расположен по центральной вытянутой оси погребения, в 8 см от северной стенки, в 20 см к СЗ от правого крыла таза, на глубине -1,29 от Ро, запрокинут назад, несколько смещен в направлении ССВ. Нижняя челюсть располагалась под правой височной долей.

При расчистке и в дальнейшем – при разборе погребения, под крестцом, в южной части груды костей, на глубине -1,66 от Ро, найдены лежащие в анатомическом порядке позвонки среднего и верхнего отделов позвоночника и часть ребер. К западу от сложенной кучи костей расчищена правая плечевая, ниже – правая лучевая кости, смещенные по оси СЗ-ЮВ.

В центральной и южной частях дна зафиксированы лежащие *in situ* в анатомическом порядке: локтевая, лучевая кости и кисть с фалангами пальцев левой руки; локтевая кость и кисть с фалангами пальцев правой руки; бедренные большие и малые берцовые кости обеих ног.

Кости стопы и фаланги пальцев левой ноги располагались в ЮВ направлении, на глубине -1,72 от Ро; кости стопы правой ноги сохранились фрагментарно. Фаланги пальцев правой ноги найдены рядом с норой, в 3-5 см над дном, у ЮЗ стенки могильной ямы (рис. 5).

Нарушенное положение костяка и наличие грабительской ямы к северу от погребения свидетельствуют о вскрытии и ограблении кургана в древности. Судя по расположению непотревоженных частей скелета, погребение было ориентировано головой на север.

Определение костных останков⁴

Пол	Возраст	Состав и состояние	Примечания (аномалии, патологии и др. особенности)
М	35-45 лет	Фрагменты свода и лицевого отдела черепа, верхняя и нижняя челюсти с зубами. Фрагменты позвонков, ребер, обеих лопаток, диафизы с фрагментами эпифизов всех длинных трубчатых костей, фрагменты таза, отдельные кости предплюсны, плюсны, запястья, пясти и фаланги пальцев.	Метопический шов. Дегенеративно-дистрофические изменения позвонков.

Инвентарь

- В центральной части погребения, в 2-9 см от западной стенки могильной ямы, в 10 см к З от локтевой кости правой руки найден сильно коррозированный железный кинжал с перекрестьем, рукоятью и навершием в виде кольца, клинком направленный на ЮЮВ (рис. 5, 6). На клинке кинжала местами сохранились остатки деревянных ножен, на черенке рукояти также заметны остатки дерева, что свидетельствует о помещении оружия в могилу в ножнах. Зафиксированные размеры кинжала до выемки из погребения (см): длина общая – 34,5; длина клинка – 23,5; ширина клинка максимальная – 4,3; толщина клинка – 0,75-0,8; длина рукояти с перекрестьем и кольцевым

⁴ Определение Афанасьевой А.О., мл. научного сотрудника Института аридных зон Южного научного центра РАН (Ростов-на-Дону).

навершием – 13,0; толщина рукояти – 0,85; ширина перекрестья – 5,5; диаметр кольцевого навершия – 4,5; толщина кольца – 0,8-1,0.

- Между кинжалом и правой локтевой костью, частично перекрывая кинжал, параллельно руке располагался точильный камень брусковидной формы, с зауженными с одной стороны гранями, изготовленный из мелкозернистого песчаника коричнево-серого цвета (рис. 5, 7). На одной из широких граней, у края, расположен врезной тамгообразный знак в виде круга и двух отходящих от него вниз лучей. Размеры (см): длина – 35,7; ширина – 2,3-3,4; толщина – 2,1-2,5.
- К востоку от левого колена, в 20 см к югу от левой кисти с фалангами пальцев найдено бронзовое литое кольцо, немного утолщенное с одной стороны – деталь упряжи или портупей (рис. 5; 8,1). Размеры (см): диаметр макс. – 3,1; толщина – 0,6-0,7.
- Между коленями обнаружена верхняя часть железного наконечника ремня в виде прямоугольной обоймы, тыльная сторона которой заужена в сравнении с лицевой (рис. 5, 8,2). Размеры (см): 3,1 x 1,6; толщина – 0,7-0,8.
- Вплотную к южной стенке могильной ямы, над стопами, в 11 см от дна найден фрагмент уздечной прямоугольной железной прорезной пластинчатой подвески (рис. 5, 8,3). Судя по очень мелкому остатку золота, внешняя поверхность была плакирована золотой фольгой. Размеры (см): 3,8 x 3,0; толщина – 0,35-0,55; размер прорези – 1,3 x 0,4.

Сохранившийся инвентарь в целом характерен для мужских воинских захоронений позднесарматской культуры. Особенностью данного могильного комплекса является набор из лежащих рядом и не потревоженных грабителями железного кинжала и точильного камня. Подобные кинжалы с кольцевыми навершиями на рукояти встречены в погребении 1 кургана 25 к/м «Валовый I» (Безуглов, Глебов, Парусимов, 2009, с. 51, рис. 26, 33,5,6), расположенного к востоку от к/м «Царский», между балками Каменной и Валовой. В том же комплексе был найден и точильный камень «со слегка вогнутыми гранями» (Безуглов, Глебов, Парусимов, 2009, с. 59, рис. 35,1). Крупный оселок с тамгообразным знаком найден при раскопках к/м «Кировский III» в Мартыновском районе Ростовской области (Ильюков, 2000, с. 108, рис. 19,12).

Бронзовые литые кольца нередко входят в наборы воинского инвентаря позднесарматского круга древностей. Так, аналогичные кольца обнаружены в вышеупомянутом комплексе кургана 25 к/м «Валовый» (Безуглов, Глебов, Парусимов, 2009, с. 51, рис. 28,3) и в погребении 6 кургана 3 к/м «Четыре брата» в Багаевском районе Ростовской области (Мошкова, Максименко, 1974, с. 27, табл. XVI,1).

Наконечники ремней также являются ординарным атрибутом сарматских захоронений. Фрагмент наконечника ремня из рассматриваемого нами комплекса, по всей видимости, относится к двухчастным нефасетированным наконечникам-подвескам (по классификации В.Ю. Малашева), найденным в кургане 20 к/м «Сладковский» в Тацинском районе Ростовской области (Малашев, 2000, с. 197, рис. 3,4,5).

В качестве аналогии прямоугольной уздечной прорезной пластинчатой подвеске можно рассматривать железную «ажурную продолговатую бляху», также плакированную золотой фольгой, из погребения 1 к/м «Кировский I» (Ильюков, 2000, с. 103, рис. 6,8; Гугуев, 2000, с. 144).

Анализ инвентаря позволяет соотнести данное захоронение с территориально близкими позднесарматскими комплексами могильника «Валовый I», относящимися к раннему этапу позднесарматской культуры. Оставившие их кочевники являлись неотъемлемым компонентом нижнедонского очага северо-понтийской культуры, сформировавшимся в середине - второй половине II в. в Танаисе – культурном и торговом центре региона (Безуглов, Глебов, Парусимов, 2009, с. 109). По всей видимости, воинское захоронение из разрушенного кургана, находившегося в непосредственной близости от городища, также следует рассматривать в контексте этнических, торговых и политических связей Танаиса с сарматами, проживавшими в городе и служившими ему в качестве наемного военного контингента.

Литература

- Безуглов С.И., Глебов В.П., Парусимов И.Н. Позднесарматские погребения в устье Дона (курганый могильник Валовый I) // Древности Евразии. – Ростов н/Д: Медиа-Полис, 2009. – 128 с.
- Гугуев Ю.К. О месте комплексов могильников Кировский I, III, IV в системе памятников позднесарматской культуры // Сарматы и их соседи на Дону. Материалы и исследования по археологии Дона. – Ростов н/Д, 2000. – Вып. I. – С. 141-155.
- Ильюков Л.С. Позднесарматские курганы левобережья реки Сал // Сарматы и их соседи на Дону. Материалы и исследования по археологии Дона. – Ростов н/Д, 2000. – Вып. I. – С. 100-140.
- Малашев В.Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. Материалы и исследования по археологии Дона. – Ростов н/Д, 2000. – Вып. I. – С. 194-232.
- Мошкова М.Г., Максименко В.Е. Работы Багаевской экспедиции в 1971 году // Археологические памятники Нижнего Подонья. – М.: Наука, 1974. – Вып. II. – С. 5-79.
- Шелов Д.Б. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры. Классификация и хронология // КСИА. – 1978. – Вып. 156. – С. 16-21.

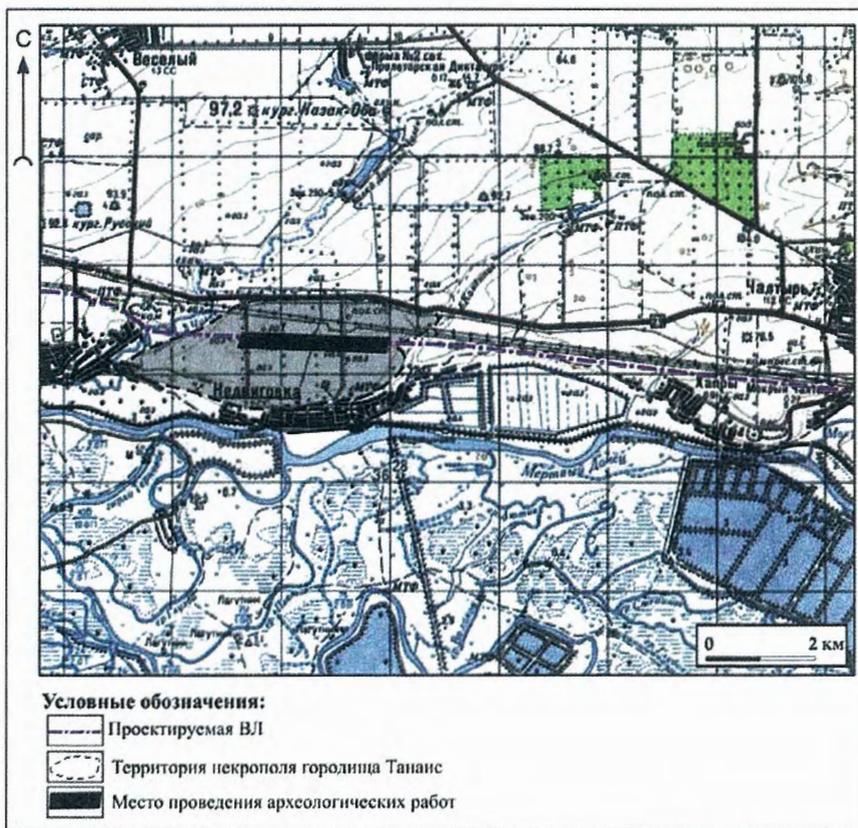

РИС. 1. КАРТА-СХЕМА РАСПОЛОЖЕНИЯ МЕСТА ПРОВЕДЕНИЯ РАБОТ НА КАРТЕ МЯСНИКОВСКОГО РАЙОНА.

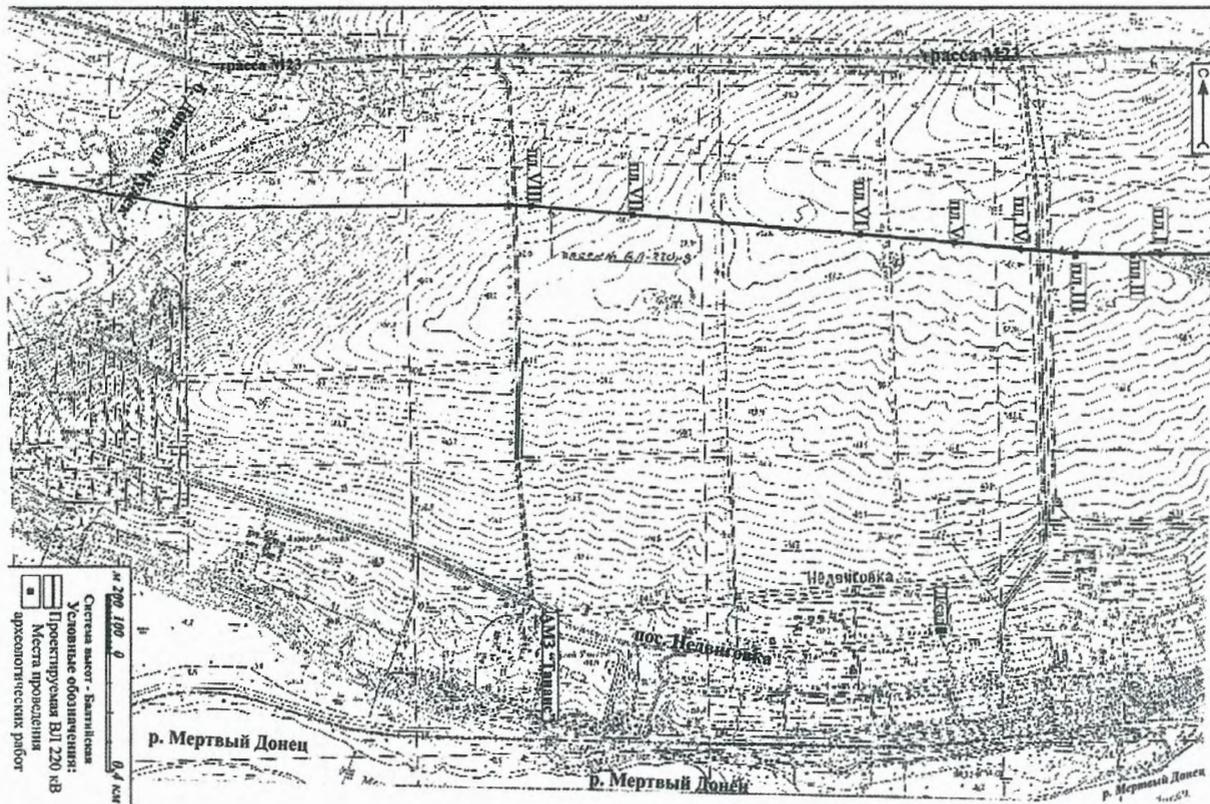

РИС. 2. ПЛАН-СХЕМА РАСПОЛОЖЕНИЯ ТРАССЫ ВЛ 220 КВ И ПЛОЩАДОК I-VIII НА ТЕРРИТОРИИ НЕКРОПОЛЯ ГОРОДИЩА ТАНАИС.

РИС. 3. ПЛАН РАСПОЛОЖЕНИЯ ПЛОЩАДКИ III.

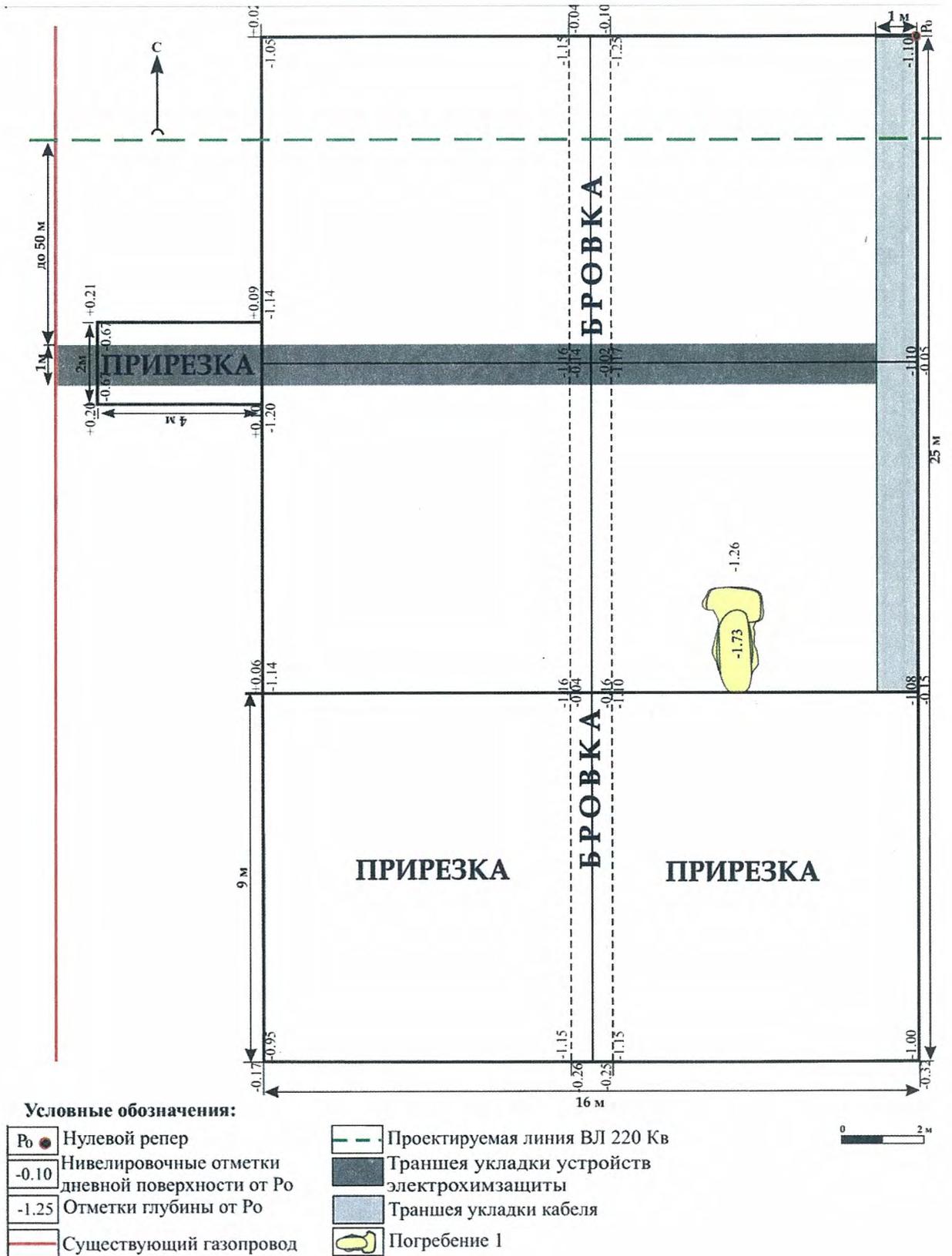

РИС. 4. СХЕМА ВЗАИМНОГО РАЗМЕЩЕНИЯ УСТАНОВОК ЭЛЕКТРОХИМЗАЩИТЫ И ПОГРЕБЕНИЯ 1 НА ПЛОЩАДКЕ III.

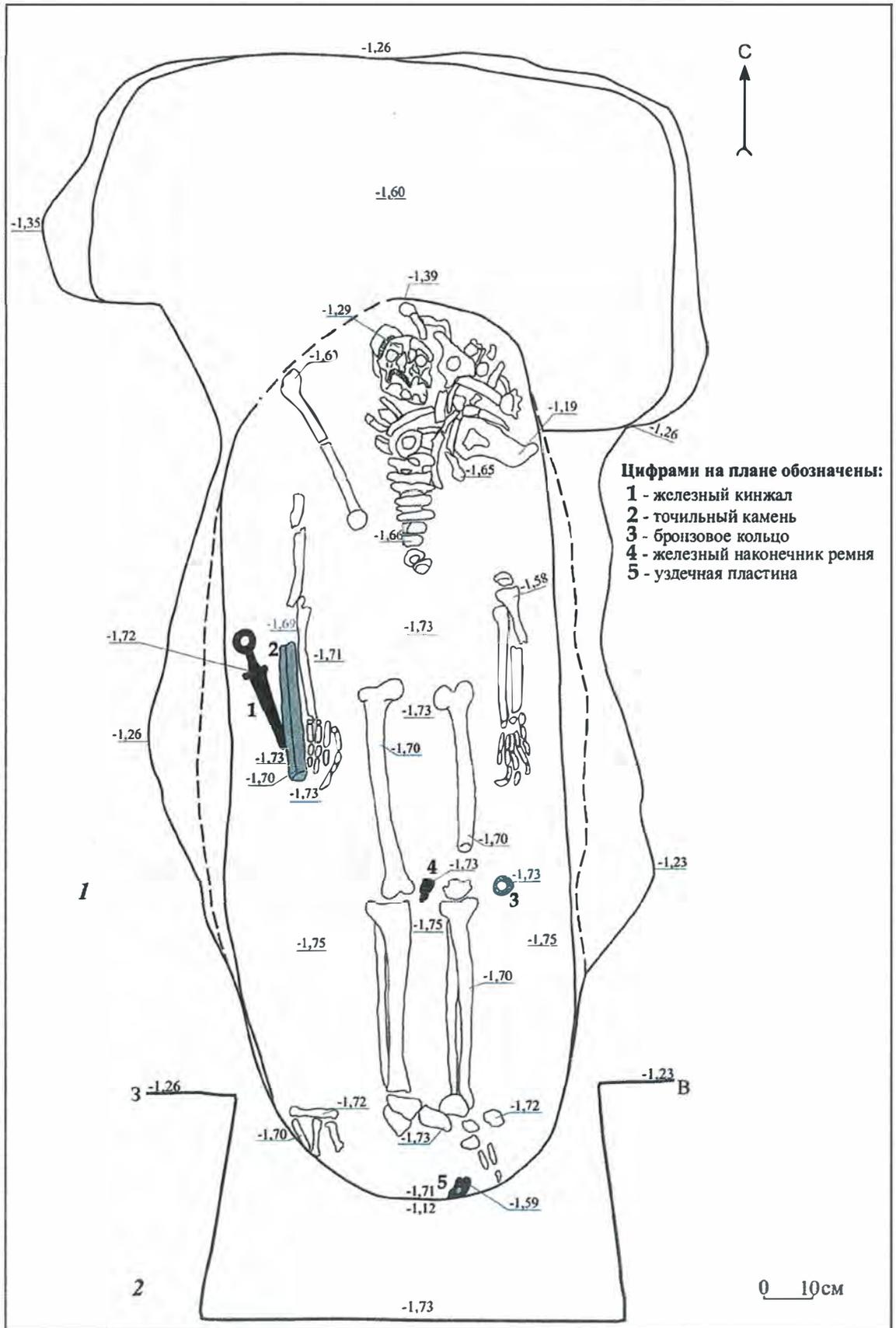

РИС. 5. ПОГРЕБЕНИЕ 1: 1 – план; 2 – разрез.

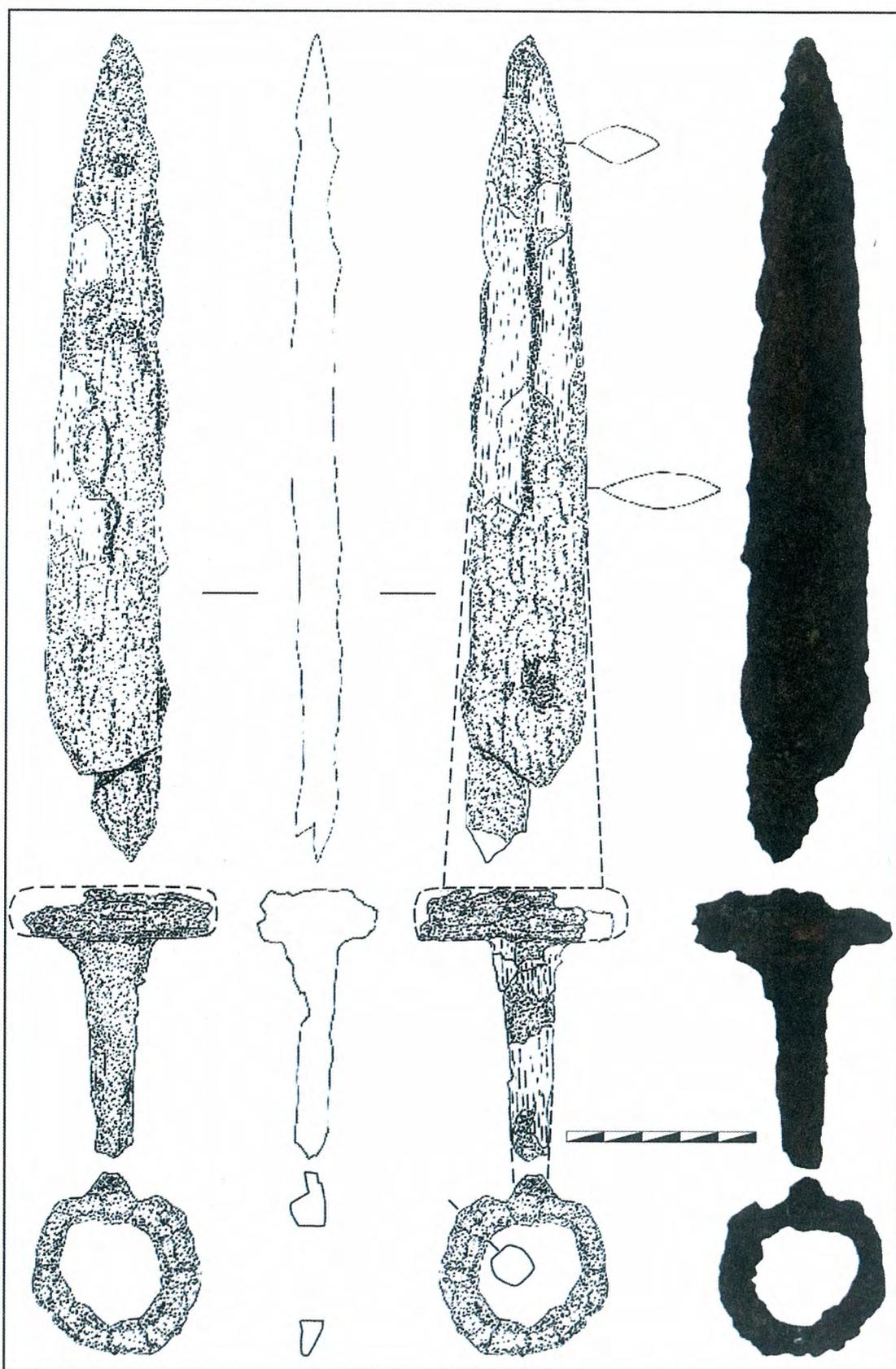

РИС. 6. ПОГРЕБЕНИЕ 1. ЖЕЛЕЗНЫЙ КИНЖАЛ (реконструкция).

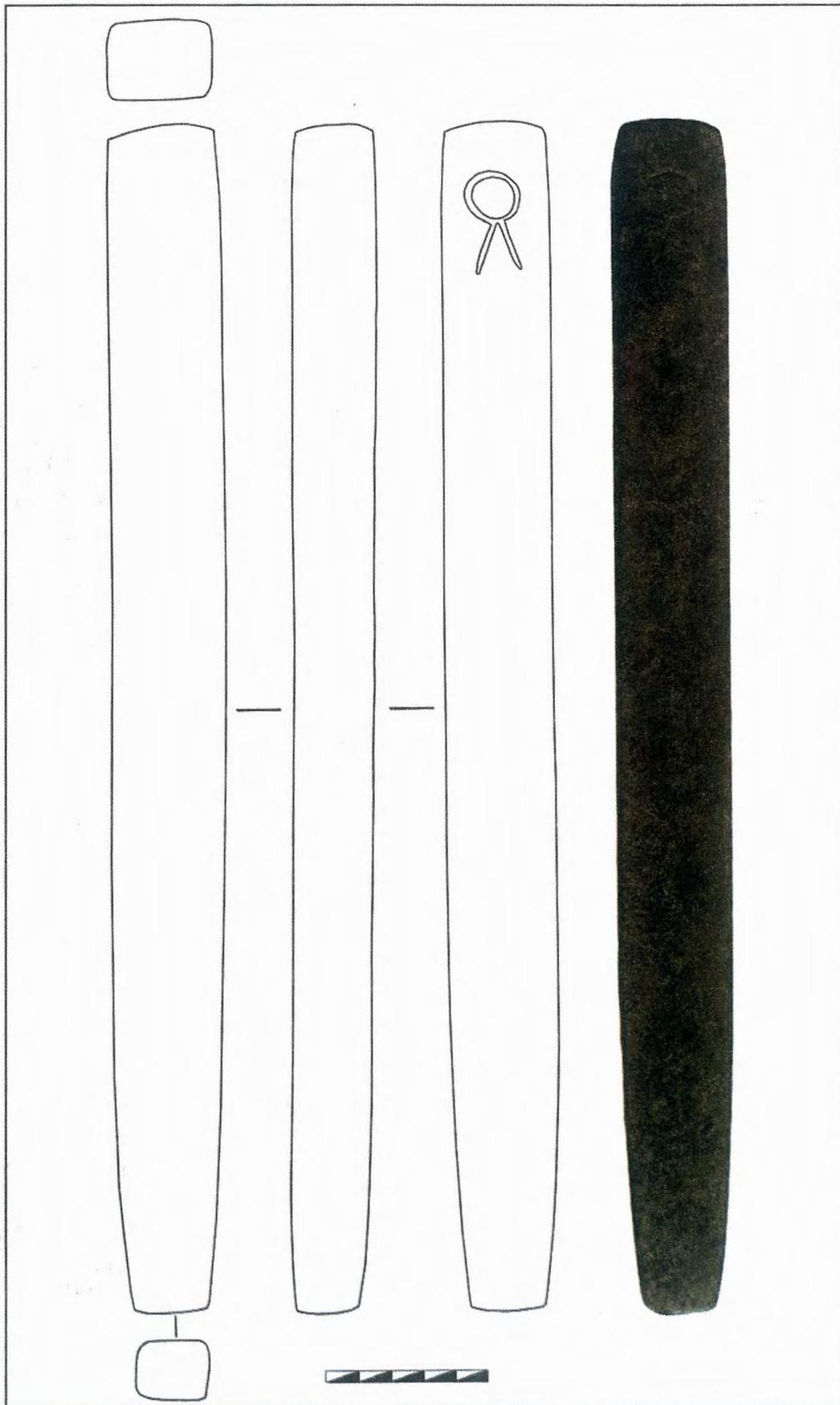

РИС. 7. ПОГРЕБЕНИЕ 1. ТОЧИЛЬНЫЙ КАМЕНЬ С ГРАФФИТО.

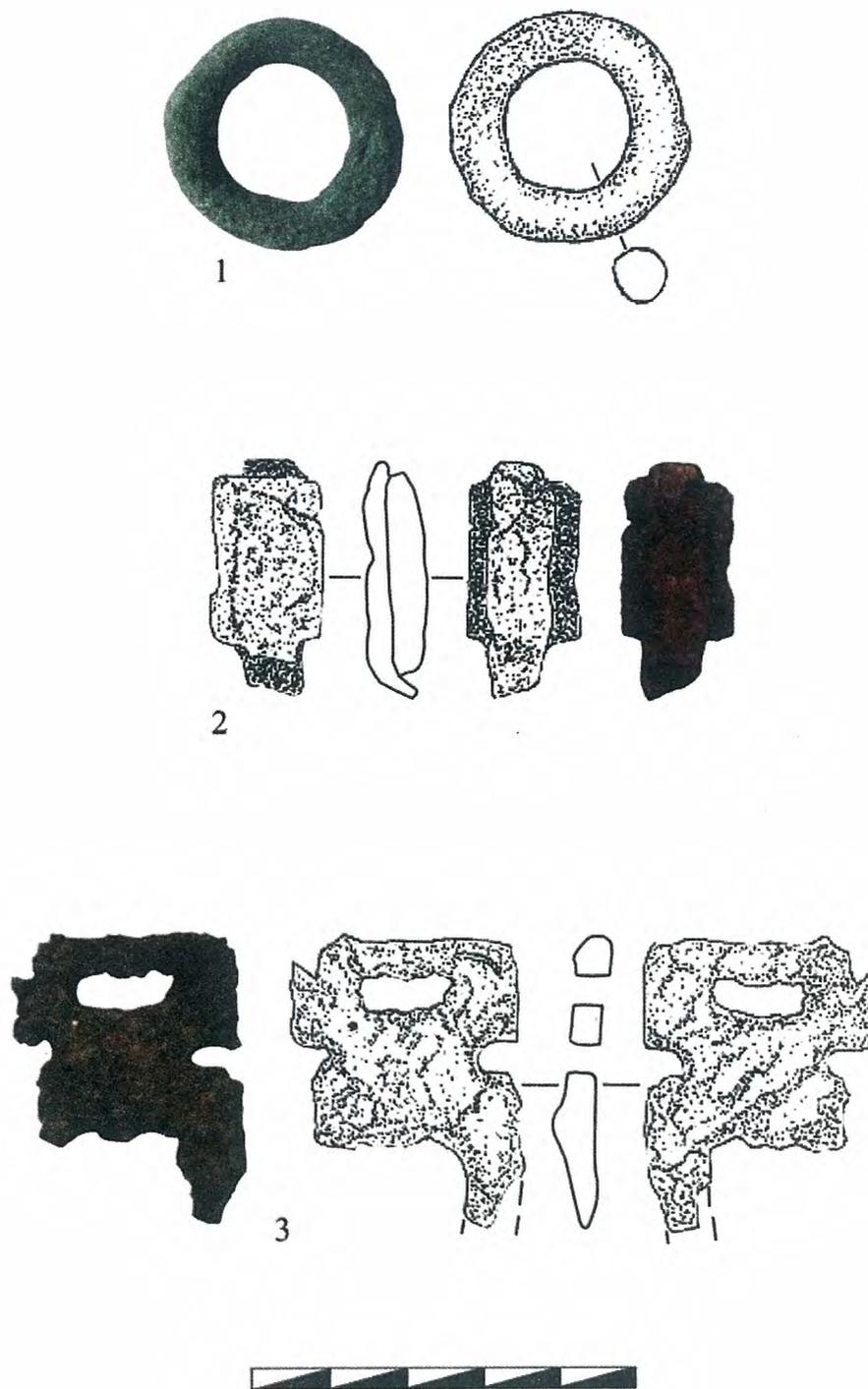

РИС. 8. ПОГРЕБЕНИЕ 1. НАХОДКИ.

1 – бронзовое кольцо; 2 – фрагмент железного наконечника ремня; 3 – фрагмент железной уздечной прорезной подвески, плакированной в древности золотой фольгой.

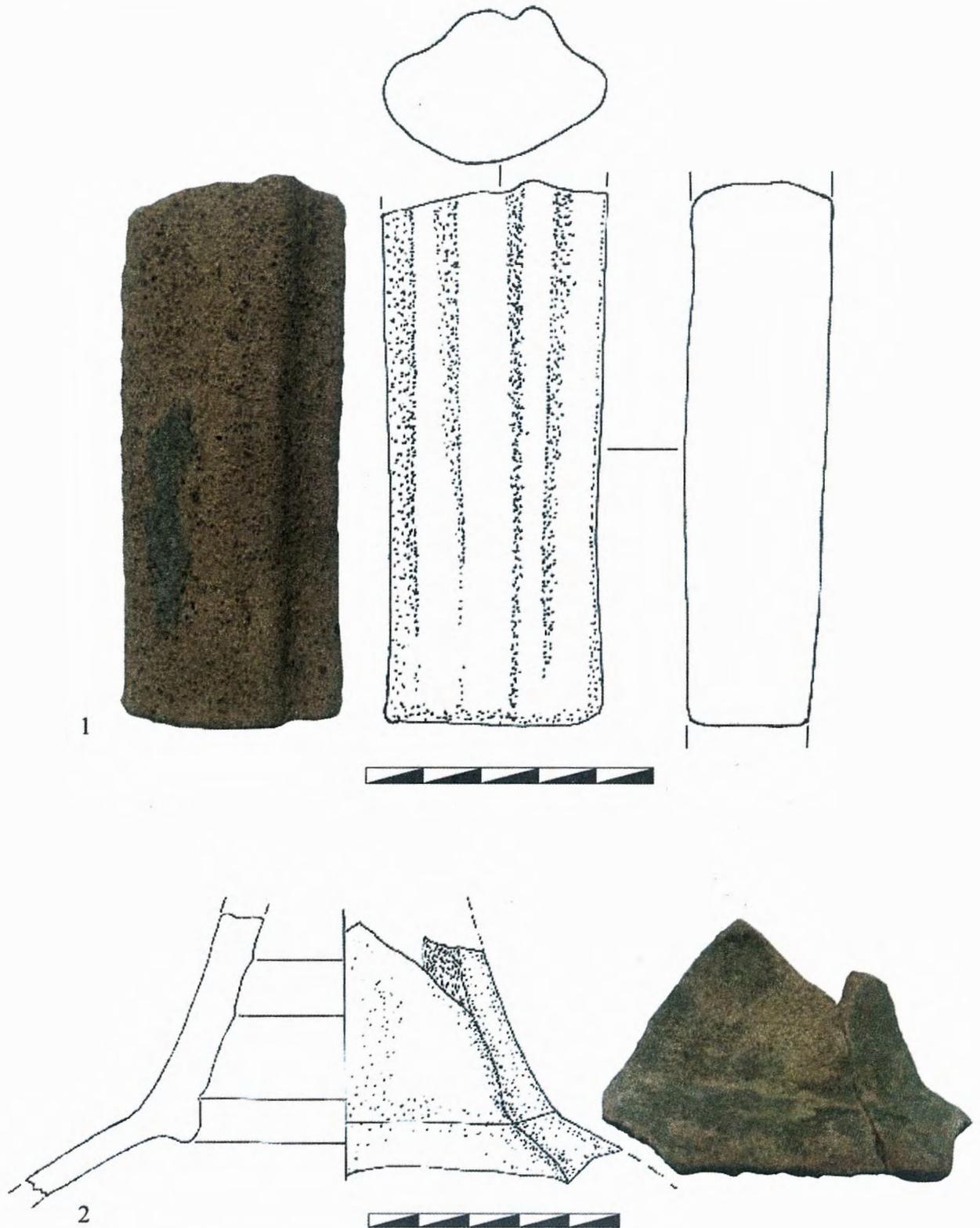

РИС. 9. ПЛОЩАДКА III. НАХОДКИ.

Бровка, западный фас: *1* – фрагмент ручки узкогорлой светлоглиняной амфоры типа в.
 Восточный борт: *2* – фрагмент нижней части горла узкогорлой светлоглиняной амфоры.

ОБ ОДНОЙ РАЗНОВИДНОСТИ ПОГРЕБЕНИЙ ИЗ НЕКРОПОЛЯ ТАНАИСА (ТАК НАЗЫВАЕМЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ В «ЛОДКАХ-КОЛОДАХ»)

Толочко И. В.
(i-r-69@mail.ru)

В статье анализируется серия погребений в простых могилах и могилах с заплечиками первых веков н.э. из некрополя Танаиса в долблённых колодах-«лодках». Богатый инвентарь и характерный погребальный обряд позволяют отнести погребённых в этих комплексах к городской элите.

Ключевые слова: долблённые колоды-«лодки», некрополь Танаиса, погребальный инвентарь, погребения, ямы с уступами-заплечиками.

ON ONE TYPE OF TANAIS NECROPOLIS GRAVES (SO-CALLED BURIALS IN WOODEN «BOATS»)

Tolochko I. V.
(i-r-69@mail.ru)

The article deals with series of burials of Tanais Necropolis dated by first centuries AD in the Pits Graves and in the Pits Graves with Ledges in wooden dugout «boats». We may assume that burials rich in finds with unique funeral traditions belong to elite of Tanais.

Key words: wooden dugout «boats», Tanais Necropolis, burial goods, graves, Pits Graves with Ledges.

Некрополь Танаиса изучался раскопками с середины XIX века. С начала исследований по настоящее время в некрополе раскопано около двух с половиной тысяч погребений (исследовано более гектара площади некрополя). Согласно предварительным подсчётам, не менее трети могил относятся к первым векам н.э.

Первые века н.э. для нижне-донского региона – время бурных этнополитических процессов. Танаис развивается как центр территориально-экономической зоны, состоявшей, помимо города, из группы поселков. Растёт территория города и некрополя. В эту эпоху увеличивается количество жителей города (вероятно, за счёт притока новых колонистов из центральных областей Боспора: достаточно показательны нумизматические материалы – начиная с эпохи правления Аспурга в городе значительно растёт количество монетных находок, что вряд ли может объясняться только лишь интенсивным развитием торговых связей Танаиса (Яценко, 2001, с. 86). В некрополе увеличивается число погребений, в т.ч. перекрывающих более ранние эллинистические захоронения. В настоящей работе представлены материалы из серии погребений, предположительно принадлежавших населению «новой волны», мигрировавшему в Танаис после событий рубежа новой эры.

Погребение 59/раскоп XVII/2002. Глубина 0,69 м. Расположено в западной части площади XVII (рис. 1, 2). Могильная яма подчетырехугольной с округленными углами формы (?). Погребение было разрушено в верхнем контуре поздней ямой – возможно, изначально это была могила с уступами-запличками. Размеры погребения в прослеженном верхнем контуре: 1-1,04 x 2,5-2,56 м. Ко дну яма сужается, стенки пологие. Размеры погребения по дну: 0,7-0,94 x 2,4-2,43 м. Могила вытянута по оси СВ-ЮЗ.

Погребённая, женщина 20-25 лет¹, лежала в долблёном гробу-колоде, изготовленном из дуба². Колода имела очертания лодки с вытянутым «носом» (ширина «кормы», прибитой к тулову лодки железными гвоздями с ножками подчетырехугольной в сечении формы, составляла 0,63-0,7 м, ширина «носовой» части – 0,12-0,15 м). «Лодка» располагалась «носом» на ЮЗ. Погребённая женщина лежала головой на СВ, к «корме», вытянута на спине, ноги были уложены параллельно, руки вытянуты вдоль туловища.

В гробу в изголовье погребённой обнаружены обломки железных гвоздей³ (рис. 4,3-4), железный нож (рис. 3,2)⁴ и миниатюрное шило с деревянной рукоятью (рис. 4,2)⁵. На фрагменте лезвия ножа обнаружен отпечаток ткани крупного плетения, вероятно, от матерчатого чехла, пропитанный железными окислами (рис. 3,3). На черепе погребённой (в области лба) обнаружена бронзовая фибула (рис. 4,5) с остатками шерстяной полуистлевшей ткани на игле.

В области шейных позвонков погребённой, над левой ключицей обнаружены крупные стеклянные бусины (рис. 3,5-8,12-14), вероятно, составлявшие ожерелье⁶: 3 шт. – бочковидной формы, свитые из жгутов прозрачного бирюзового, тёмно-синего, янтарно-жёлтого, с внутренней позолотой и глухого белого стекла (рис. 3,7-9) (Алексеева, 1978, с. 47, тип 249), 1 шт. – шаровидная из прозрачного сизо-зелёного стекла (рис. 3,12) (Алексеева, 1978, с. 64, тип 11), 1 шт. – округлая бусина из бесцветного с голубоватым оттенком прозрачного стекла (рис. 3,5) (Алексеева, 1978, с. 65, тип 17), 1 шт. – округлая бусина из глухого белого стекла, украшенная семью глазками: четыре расположены попарно, три – зигзагом (рис. 3,7). Глазки – отрезки прутика из синего (центр), глухого белого и полупрозрачного зеленоватого стекла, тип неясен; 1 шт. – округлая поперечно-сжатая бусина из глухого тёмно-синего стекла, украшена орнаментом из 9 треугольников, расположенных в поперечном поясе бусины, зигзагом (рис. 3,6). Треугольники – жёлтые-синие-жёлтые (Алексеева, 1975, с. 72, тип 129 вариант б (?)).

Аналогичные бусы обнаружены на левом⁷ (рис. 3,9-11) и правом⁸ (рис. 3,15-17) запястьях. Мелкие сердоликовые (рис. 3,25-27), стеклянная с глазками (рис. 3,28) и стеклянные с металлической прокладкой бусины⁹ (рис. 3,18-24) расчищены на грудной клетке погребённой. Они лежали вдоль позвоночника с левой стороны грудины, в виде линии – вероятно, мелкие бусины были нашиты на одежду. Найдены следующие разновидности бусин: 1 шт. – округлая бусина красного глухого стекла с тремя рельефными сине-бело-сине-белыми глазками (Алексеева, 1975, с. 60, тип 27 вариант е), 3 шт. – округлые поперечно-сжатые сердоликовые бусины (Алексеева 1978, с. 15, тип 2 вариант а), 125 шт. – мелкие бочковидной формы из бесцветного прозрачного стекла с металлической прокладкой жёлтого цвета (Алексеева 1978, с. 30, тип 2 вариант а).

На ногах погребённой сохранились фрагменты кожаной обуви – предположительно типа невысоких сапожек с отворотами. В ногах погребённой, в ЮЗ части могилы, под днищем «носа»

¹ Здесь и далее половозрастные определения антропологического материала выполнены с.н.с. Института аридных зон Южного научного центра Российской академии наук, к.б.н. Е.Ф. Батиевой.

² Ксилотомический анализ пород дерева выполнен Е.В. Козюменко.

³ Учетные обозначения ГБУК РО «Археологический музей-заповедник «Танаис»: АМЗТ КП 267/397 АН 39.

⁴ АМЗТ КП 267/390 АН 39.

⁵ АМЗТ КП 267/391 АН 39.

⁶ АМЗТ КП 267/393 АН 39.

⁷ Бусы с запястья левой руки имеют шифр АМЗТ КП 267/394/1 АН 39.

⁸ Бусы с запястья правой руки имеют шифр АМЗТ КП 267/394/2 АН 39.

⁹ АМЗТ КП 267/394/3 АН 39.

колоды располагался кружальный оранжевоглиняный кувшин¹⁰ (рис. 4,1), с ручкой, развёрнутой на восток. В СЗ части могилы под колодой обнаружен череп мужчины 40-45 лет.

Аналогичное погребение, совершенно разграбленное, было открыто на расстоянии около 3 м к востоку от погребения 59 (рис. 2).

Погребение 73/раскоп XVI/2002. Глубина 0,67 м. Открыто в центральной части площади XVII. Разрушено грабительской ямой.

Сохранилась южная часть могилы, вытянутой по оси С-Ю. На дне обнаружены обломки долблёной колоды из дуба, аналогичной открытой в погребении 59. На дне колоды лежали обломки берцовых костей женщины 25-35 лет. В заполнении могилы найдены отдельные кости ребёнка в возрасте до 6 месяцев.

Погребение 23/раскоп III/1956¹¹. Глубина 3,75 м. Форма могильной ямы не прослеживалась. Вся верхняя часть погребения разрушена большой мусорной ямой. Сохранилась нижняя часть костяка (кости стоп, голени и часть левой берцовой кости). Погребённый лежал вытянуто на спине головой на В, в деревянном гробу-колоде. Возможно, колода была перекрыта ещё деревянными жердями, положенными поперёк. Один конец такой жерди сохранился с левой стороны, выступая далеко за край колоды. К северу от костяка расчищен продолговатый камень, поставленный на ребро. Вероятно, камень составлял часть каменной оградки в изголовье могильной ямы.

Из инвентаря сохранился только обломок железного меча (рис. 5, 2 по: Шелов, 1961, табл. XXXII, 7), лежавшего справа от костей ног. Д.Б. Шелов предположил, что это может быть длинный прямой сарматский меч, и отметил, что оружие данного типа получило распространение на Боспоре и в соседних областях в I-II вв. н.э. (Шелов, 1961, с. 15).

Погребение 45/раскоп III/1956. Глубина 1,85 м. Яма прямоугольной формы, 2,3 x 0,8-1 м. Разрушено. Костяк лежал вытянуто головой на В в деревянном гробу-колоде, значительно меньшем и более узком, чем могильная яма. Высота сохранившейся части борта колоды с востока (в изголовье) над дном могильной ямы – 10 см. Толщина древесины у изголовья 7 см. Погребение было засыпано древесными угольками. Возле правого запястья обнаружена бусина – цилиндрическая из непрозрачной голубой пасты (диаметр 5 мм, длина 4 мм) (Шелов, 1961, с. 18) – возможно, из египетского фаянса (?).

Справа от правого колена и в районе таза найдены 11 железных трёхлопастных черешковых наконечников стрел длиной 17-28 мм (рис. 5,3 по: Шелов, 1961, XXXIV,12). Стрелы у правого колена лежали вместе, остриями к ногам костяка: вероятно, они находились в истлевшем колчане. Между гробом и северной стенкой могилы на уровне берцовых костей погребённого найдена целая светлоглиняная амфора с двустольными ручками¹² (рис. 5,1¹³).

Погребение 102/раскоп V/1957. Глубина 1,55 м. Могильная яма прямоугольной формы, 0,85 x 0,35 м. Над погребением прослеживались остатки деревянного перекрытия. Скелет грудного младенца лежал на спине в долблённой деревянной колоде, головой на СВ. За головой находился сероглиняный горшочек с шаровидным туловом, правленный на медленном круге¹⁴ (рис. 4,8), два железных гвоздя и скопление какого-то белого вещества, напоминающего белила.

На груди костяка находилась брошка¹⁵, бронзовая основа которой обтянута золотой фольгой, украшенной рельефным орнаментом. С оборотной стороны припаяны серебряная фибула с двумя

¹⁰ АМЗТ КП 267/395 АН 39.

¹¹ Здесь и далее описание погребений, открытых в 1950-60-х гг., даётся согласно как публикациям Д.Б. Шелова и Т.М. Арсеневой, так и неопубликованной информации из полевых дневников А.И. Болтуновой, принимавшей непосредственное участие в расчистке погребений III раскопа некрополя Танаиса.

¹² Номер амфоры по книге поступлений ГБУК РО «Археологический музей-заповедник «Танаис»: АМЗТ КП 66/20. Амфора типа С1 в по классификации С.Ю. Внукова (Внуков, 2003, с. 28 и сл.).

¹³ Рисунок амфоры любезно предоставлен С.А. Науменко.

¹⁴ Хранение Таганрогского музея-заповедника. Шифр: Т-57-V, п. 102, № 82, ТКМ КП 9003/845.

¹⁵ Таганрогский музей-заповедник, Т-57-V, п. 102, № 83, ТКМ КП 8402/107.

иглами и медный приёмник (рис. 4,7). В середине золотой пластинки – круглое гнездо, удерживающее вставку из синей стеклянной пасты.

Погребение 169/раскоп III/1961. Глубина 1,55 м. Могильная яма не прослеживалась. Под п. 167 и над п. 179. Разрушено. Сохранились только остатки гроба – долбленной колоды шириной около 0,75 м при толщине стенок 0,05 м. Длинными сторонами колода была ориентирована по линии СВВ-ЮЗЗ.

Кости не сохранились. К юго-западу от колоды обнаружены обломки светлоглиняной амфоры с двустольными ручками и плоскодонного сероглиняного кружального кувшина¹⁶ (рис. 5,4).

Погребение 177/раскоп III/1961. Глубина 1,85 м. Могильная яма имела прямоугольную форму, СВВ-ЮЗЗ, 1,84 x 0,5 м. Погребенная лежала вытянуто, на спине, головой на СВВ, в деревянной долбленной колоде.

В головах находилась россыпь бус¹⁷ (рис. 5,6-7). Типы бус по типологии Алексеевой: одноцветное стекло – 17 (округлая бесцветного прозрачного стекла, Алексеева, 1978, с. 65) – 1 шт., 22 (удлинённые бочковидные глухого красного стекла, Алексеева, 1978, с. 65) – 3 шт., 83 (глобоидальная глухого голубого стекла, Алексеева, 1978, с. 68) – 1 шт.; золочёное стекло: тип 1 а (круглая с гладкими краями отверстий, Алексеева, 1978, с. 29) – 1 шт., тип 2 а (бочковидные бусины, Алексеева, 1978, с. 30) – 24 шт.; многоцветное стекло, тип 27 д (круглая из глухого красного стекла с тремя сине-бело-сине-белыми глазками из слоистого прутика, Алексеева, 1975, с. 60) – 1 шт., гагат, тип 37 (ромбовидные неорнаментированные пронизи с двумя параллельными каналами отверстий, Алексеева, 1978, с. 15) – 58 шт., сердолик: 2 в (округлые поперечно сжатые бусы, Алексеева, 1982, с. 15) – 1 шт., 3 б (бочковидные продольно вытянутые бусины, Алексеева, 1982, с. 16) – 11 шт.

На черепе найдена серебряная серьга – сохранились колечко и подвеска¹⁸. На груди лежала маленькая бронзовая фибула¹⁹ (рис. 5,8). У кисти левой руки находилось глиняное пряслице²⁰ (рис. 5,10). Возле пряслица сохранились следы розовой краски.

Основа для датировок описанных могил – хроноиндикаторы, предметы с высокими датирующими возможностями. Прежде всего – аксессуары одежды, застёжки-фибулы. Бронзовая фибула с верхней тетивой, ленточной спинкой и коротким пластинчатым неукрашенным приёмником из погребения 59/XVI/2002, относящаяся к разновидности «воинские» причерноморские, 4/2/5 по классификации А.К. Амброза (Амброз, 1966, с. 25). Дата – I в. н.э. (по Амброзу). В.В. Кропотов дату уточняет и предлагает считать временем массового распространения застёжек данной разновидности первую половину столетия (Кропотов, 2010, с. 62).

Вместе с фибулой в погребении 59/XVI/2002 был найден оранжевоглиняный кружальный кувшин (рис. 3,1), изготовленный из теста, характерного для продукции керамических мастерских Фанагории или её ближайшей округи (хорошо известно, что Фанагория богата залежами больших пластов глины, очень удобной для гончарного дела, и большим количеством кварцевого песка (Шкорпил, 1911, с. 34; Кобылина, 1956, с. 47). Аналогичный кувшин происходит из раннесарматского погребения, найденного на территории донского левобережья (могильник Кулешовка, к. 1, погребение 29 б; Беспалый, 1983, с. 146, рис. 211).

Датировать погребение 59/XVI/2002 в пределах I в. н.э. позволяет и набор бус, в составе которого есть украшения, идентичные найденным в Артезиане в 2013 г., в слое пожара 46/47 гг. н.э.²¹ (Абрамзон, Винокуров, Трейстер, 2014, с. 8).

¹⁶ Т-61-III, п. 169, № 4388, АМЗТ КП 66/205.

¹⁷ Опубликованы Е.М. Алексеевой: (Алексеева, 1982, табл. 53, 6).

¹⁸ Т-61-III, п. 177, № 4304, АМЗТ КП 66/71, 66/72.

¹⁹ Т-61-III, п. 177, б/н, АМЗТ КП 66/70.

²⁰ Т-61-III, п. 177, № 4303, АМЗТ КП 66/69.

²¹ Благодарю начальника Артезианской экспедиции Н.И. Винокурова за предоставленную возможность познакомиться с неопубликованными материалами.

В п. 177/III/1961 найдена маленькая бронзовая лучковая подвязная фибула, также отнесённая Амброзом к I в. н.э. (Амброз, 1959, с. 190; Амброз, 1966, с. 48-49, разновидность 15/Л/вариант 1).

В детском погребении 102/V/1957 найдена брошь с основой из бронзовой пластинки, обтянутой тиснёным золотым листом со вставкой синего стекла. К основе были прикреплены серебряная пружина с двумя иглами и медный приёмник (группа 8/подгруппа 1, разновидность «простые» броши по Амброзу, дата – I в. н.э., Амброз, 1966, с. 31; Шелов, 1961, табл. XLVIII,6; Амброз, 1969, табл. I,5).

Вместе с брошью в погребении был найден глиняный горшочек, правленный на т.н. «медленном» круге и изготовленный из характерного для прикубанских мастерских теста – мелкозернистого, с мелкими блёстками. Поверхность горшочка лощёная (рис. 4,8). У сосуда характерная форма – он небольшого размера (высота ок. 9 см, максимальный диаметр тулова 8 см), имеет шаровидное тулово, низкое горло с плавно отогнутым наружу краем венчика. Серия гончарных сероглиняных миниатюрных сосудов с шаровидным туловом (по-видимому, они являются туалетными) была найдена в 1992 г. на западном участке грунтового некрополя Танаиса (рис. 4,9-10) (Арсеньева, Безуглов, Толочко, 2001, кат. 328, с. 142, табл. 58, 707; кат. 368, с. 149, табл. 63, 801). Тесто одного из них (п. 19/XVII/1992) – мелкозернистое, плотное, с мелкими примесями блёсток, поверхность подлощенная, во втором в тесте присутствует шамот и мелкие чёрные частички – пироксен (?). Сосуды данной разновидности близки типу, выделенному И.И. Марченко для памятников Прикубанья (группа VI – сероглиняные кружальные туалетные сосуды, тип 1 – шаровидные с отогнутым венчиком: Марченко, 1996, с. 168, рис. 38).

В захоронениях в гробах-колодах найдены псевдокосские позднегераклейские амфоры типа С1 (по Внукову), а также кружальная керамика (тесто которой напоминает по составу кувшин из п. 59/XVI/2002: мелкозернистое, сравнительно плотное, с мелкими блёстками и белыми карбонатными примесями и следами разрывов на поверхности при обжиге, но не оранжевой, а серой глины, на поверхности – тёмно-серого, почти чёрного цвета (рис. 5,4), и которая, вероятно, также происходит из керамических мастерских азиатского Боспора. Например, большое количество керамики данной разновидности найдено на фанагорийском Керамике (Кобылина, 1956, с. 47; Марченко, 1956, с. 114). Хорошо известно, что цвет глины зависит от условий обжига (серый цвет при производстве посуды обусловлен перекрытием доступа воздуха в гончарной печи, оранжевый – его поступлением при прочих равных условиях производства (см., например, Буйских, 2011, с. 137)). Плоскодонный сероглиняный кувшин (сохранилась его нижняя профильная часть) найден в п. 169/III/1961 (рис. 5,4). Аналогичный кувшин, но не на плоском донце, а с кольцевым поддоном, был открыт в п. 16/XVI/2002 (рис. 5,5).

Раскопками последних двадцати лет в некрополе Танаиса было открыто ещё около десятка могил в долблёных гробах-колодах²². В основном это женские захоронения с богатым и разнообразным погребальным инвентарём. Часто – разрушенные грабителями (что, вероятно, также является косвенным показателем престижности инвентаря, сопровождавшего погребённых). В составе погребальных даров: псевдокосские позднегераклейские С1 и псевдокосские синопские амфоры Син III (по Внукову, 2003), стеклянная, глиняная кружальная столовая и краснолаковая посуда, лепные культовые изделия (курильницы), разнообразные фибулы, бусы, золотые венки, оружие и проч.

Большая часть этих богатых захоронений датируется в пределах I в. н.э. (но, возможно, не исключён и II в. н.э. – его начало), хотя в Танаисе известны также и эллинистические могилы – как правило, это захоронения в ямах с уступами-заплечиками, в которые были поставлены долблёные колоды и помещён богатый и разнообразный погребальный инвентарь (пп. 180/III/1961, 237/III/1963 (Арсеньева, 1977, с. 20-21, 36-38), а также погребения, датирующиеся после середины II в. н.э. (вероятно, II-III вв. н.э.: п. 267/северный некрополь/1970 (Арсеньева, 1977, с. 85-88).

²² Материал, к сожалению, пока не опубликован.

Анализируя данную деталь погребального обряда, Д.Б. Шелов предложил обратиться к сарматским памятникам Нижнего Поволжья: гробы-колоды в некрополях античных городов ему были неизвестны. Все погребения в колодах, раскопанные к моменту выхода монографии «Некрополь Танаиса» (1961 г.), Д.Б. Шелов датировал I-II вв. н.э.

За время, прошедшее после выхода монографии Д.Б. Шелова, были открыты сарматские погребения в долблёных колодах как в Поволжье, так и на Нижнем Дону (Мамонтов, 2002, с. 251–256; Скрипкин, 2005; Глебов, 2008). Но в боспорских некрополях подобные захоронения не были найдены (согласно моей информации – *прим. автора*). В то же время серия подобных могил известна из раскопок могильников сельских ниже-донских городищ²³.

Автор статьи, В.К. Гугуев, замечает: «можно еще указать на синхронное распространение на указанных памятниках погребений в колодах-лодках. Однако корма танаисских лодок изготовлена из досок, которые прибиты к основному корпусу, в отличие от городищенских экземпляров, выдолбленных из единого ствола. Но главное отличие состоит в том, что в Танаисе погребенные всегда лежат головой к корме ладьи, в то время как на поселениях – в направлении заостренного носа». Т.о. при общем сходстве наблюдается значимая отличительная черта погребальных ритуалов (возможно, связанная с представлениями о направлении входа в загробный мир): в Танаисе погребённые всегда лежат головой к «корме», т.е. «нос» ориентирован по направлению к западу (или ЮЗ) – именно туда символически плывёт «лодка», увлекая покойника в посмертное путешествие в положении «вперёд ногами» (в сторону Меотиды?), а на поселениях округи Танаиса умерший располагается головой всегда в направлении заострённого «носа», т.е. «плывёт» по направлению С-СВ-ВСВ (вверх по течению Дона?) (Толочко, 2014, с. 159).

Можно предположить, что традиция хоронить умерших в гробах-колодах, которым соплеменники целенаправленно придавали форму лодки, получила особое распространение на Нижнем Дону, в условиях близости полноводной речной дельты Дона. Не исключено, что подобный обряд захоронения входил в круг ритуалов почитания Танаиса (бога реки или одноимённого реке города) (см., например: Яйленко, 2010, с. 331 и сл.).

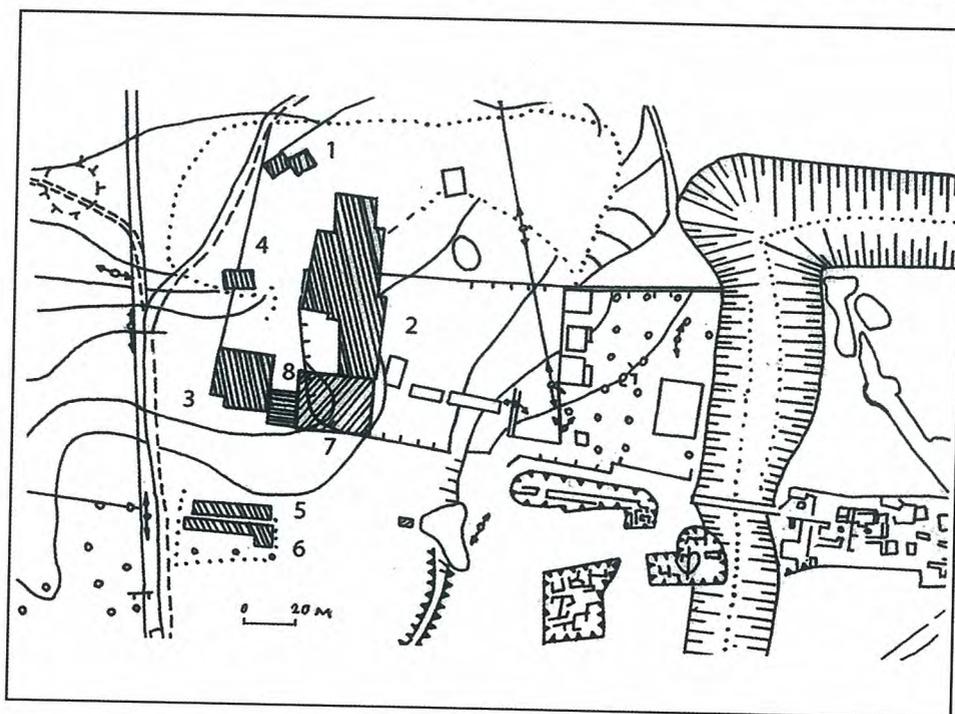
Литература

- Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ, Г1–12. – 1975. – 94 с.
 Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ, Г1–12. – 1978. – 104 с.
 Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ, Г1–12. – 1982. – 104 с.
 Амброс А.К. Фибулы юга Европейской части СССР // САИ, Д1–30. – 1966. – 111 с.
 Амброс А.К. Фибулы зарубинецкой культуры // МИА. Памятники зарубинецкой культуры. – 1959. – Вып. 70. – С. 184-190.
 Арсеньева Т.М. Некрополь Танаиса. – М.: Наука, 1977. – 151 с.
 Арсеньева Т.М., Безуглов С.И., Толочко И.В. Некрополь Танаиса (раскопки 1981-1995 гг.). – М.: Палеограф, 2001. – 274 с.
 Беспальный Е.И. Отчёт о работах Приморского археологического отряда Азовского музея в 1982 г. // Архив АИАПМЗ. – 1983. – АМЗ КВФ-10190/72–73.
 Буйских С.Б. Боспор в контексте феномена сероглиняной гончарной керамики // Боспорский феномен. Население, языки, контакты: Материалы международной конф. г. Санкт-Петербург 22-25.11.2011. – СПб.: ООО «Нестор-История», 2011. – С. 137-143.
 Внуков С.Ю. Причерноморские амфоры I в. до н.э. - II в. н.э. (морфология). – М.: Изд-во ИА РАН, 2003. – 234 с.
 Глебов В.П. Раннесарматская культура Нижнего Подонья II-I вв. до н.э.: Дис. ... канд. истор. наук: 07.00.06. – М., 2010. – 344 с.
 Кобылина М.М. Фанагория // МИА. – 1956. – Вып. 57. – С. 5-101.

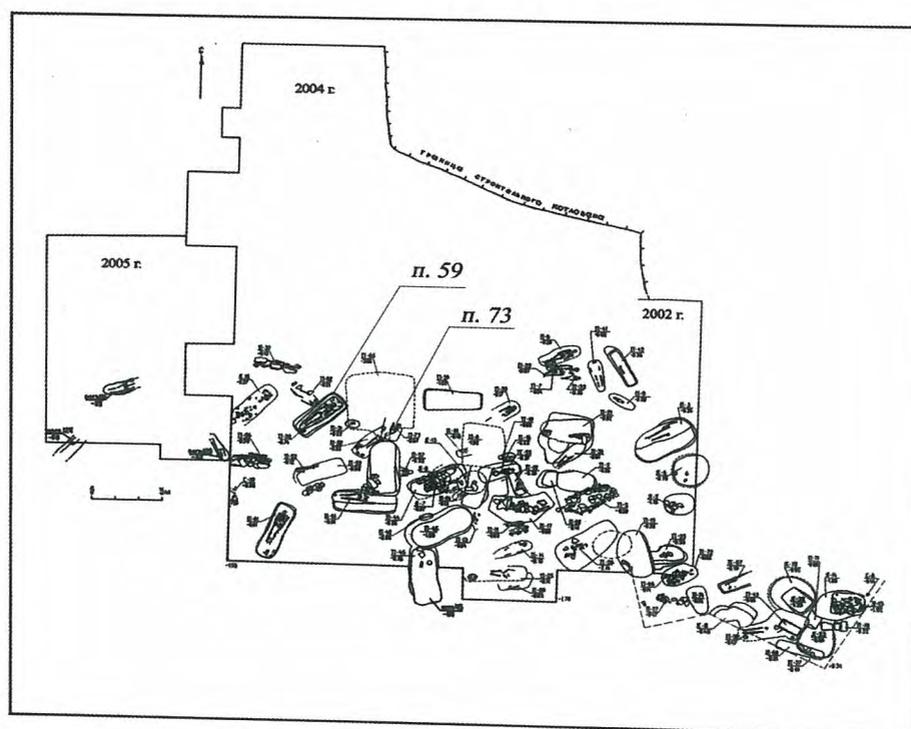
²³ См. статью В.К. Гугуева «Структура ритуала некрополей донских меотов (о роли сарматов в формировании населения городов)» в данном сборнике.

- Кропотов В.В. Фибулы сарматской эпохи. – Киев: ИД «АДЕФ-Украина», 2010. – 384 с.
- Мамонтов В.И. Сарматские погребения из курганного могильника Писаревка II // Нижневолжский археологический вестник. – Волгоград, 2002. – Вып. 5. – С. 251-256.
- Марченко И.Д. Раскопки восточного некрополя Фанагории в 1950-1951 гг. // МИА. – 1956. – Вып. 57. – С. 102-127.
- Марченко И.И. Сираки Кубани. – Краснодар: Изд-во КубанГУ, 1996. – 335 с.
- Скрипкин А.С. К проблеме соотношения ранне- и среднесарматской культур // Доклад, прочитанный на семинаре «История и культура сарматов», проведенном 1 марта 2005 г. ИА РАН и НИИ археологии Нижнего Поволжья при ВГУ // <http://archaeology.ru>
- Толочко И.В. Погребения некрополя Танаиса I-III вв. н.э. // Погребальная культура Боспорского царства. – СПб.: Нестор-История, 2014. – С. 155-161.
- Шелов Д.Б. Некрополь Танаиса // МИА. – 1961. – Вып. 98. – 94 с.
- Шкорпил В.В. К вопросу о времени правления архонта Игизонта // Сборник археологических статей, поднесенный графу А.А. Бобринскому в день 25-летия председательства его в Археологической комиссии (1886-1-II-1911). – СПб.: тип. В.Ф. Киришбаума, 1911. – С. 31-44.
- Яйленко В.П. Рельеф вотива фиасотов бога Танаиса // Тысячелетний Боспорский рейх. История и эпиграфика Боспора VI в. до н.э. – V в. н.э. – М.: Гриф и Ко, 2010. – С. 331-356.
- Яценко В.В. Случайные находки (1998-2000 гг.) монет из Танаиса // ДА. – 2001. – Вып. 3-4. – С. 83-98.

1

2

РИС. 1. СИТУАЦИОННЫЕ ПЛАНЫ РАСКОПАННЫХ ПЛОЩАДЕЙ НЕКРОПОЛЯ ТАНАИСА.

1 – Западный участок некрополя: 1 – раскоп X (1958 г.), 2 – раскоп XVI (площади I-XV, 1981-1982, 1984-1985, 1986, 1988-1990 гг.), 3 – раскоп XVIII (площадь I, 1992 г.), 4 – раскоп XVIII (площадь II, 1992 г.), 5 – раскоп XVII (площадь I, 1992 г.), 6 – раскоп XVII (площадь II, 1996-1997 гг.), 7 – раскоп XVI (площади XVI-XVII, 2002 г.), 8 – раскоп XVI (площадь XVIII); 2 – горизонт погребений I-III вв. н.э. площадей XVI-XVIII раскопа XVI (2002, 2004-2005 гг.)

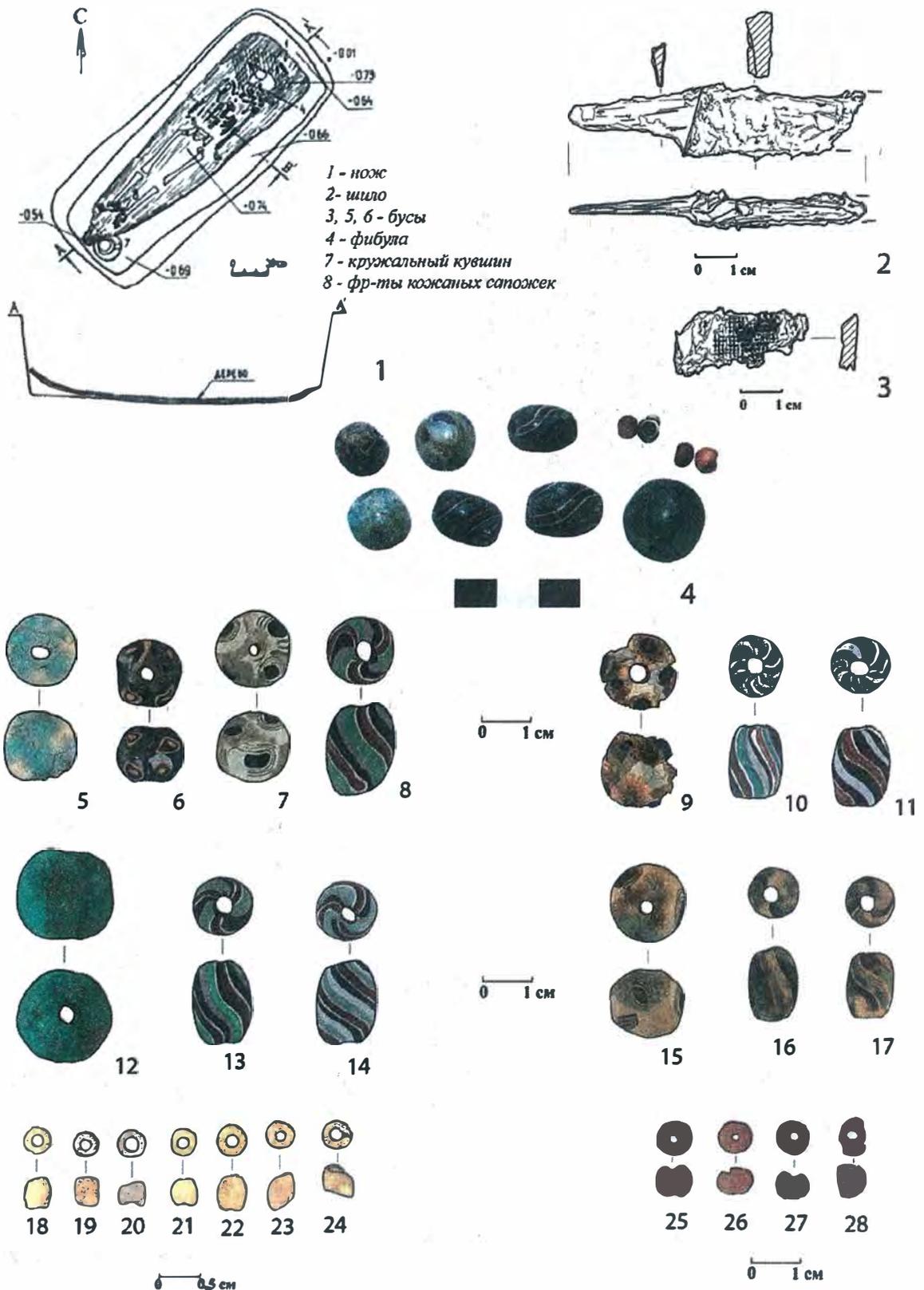

РИС. 3. ПЛАН И ИНВЕНТАРЬ ПОГРЕБЕНИЯ 59/XVI/2002.

1 – план, 2 – железный нож, 3 – отпечаток ткани, 4-28 – бусы (5-17, 28 – стекло, 18-24 – стекло с металлической прокладкой, 25-27 – сердолик)

РИС. 4. НАХОДКИ ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ.

Погребение 59/XVI/2002: 1 – кувшин, 2 – шило, 3-4 – обломки гвоздей, 5 – фибула.
 Погребение 102/V/1957: 6 – чертёж, 7 – брошь, 8 – горшочек. Погребение 14/XVIII/1992: 9 – горшочек. Погребение 19/XVII/1992: 10 – горшочек.

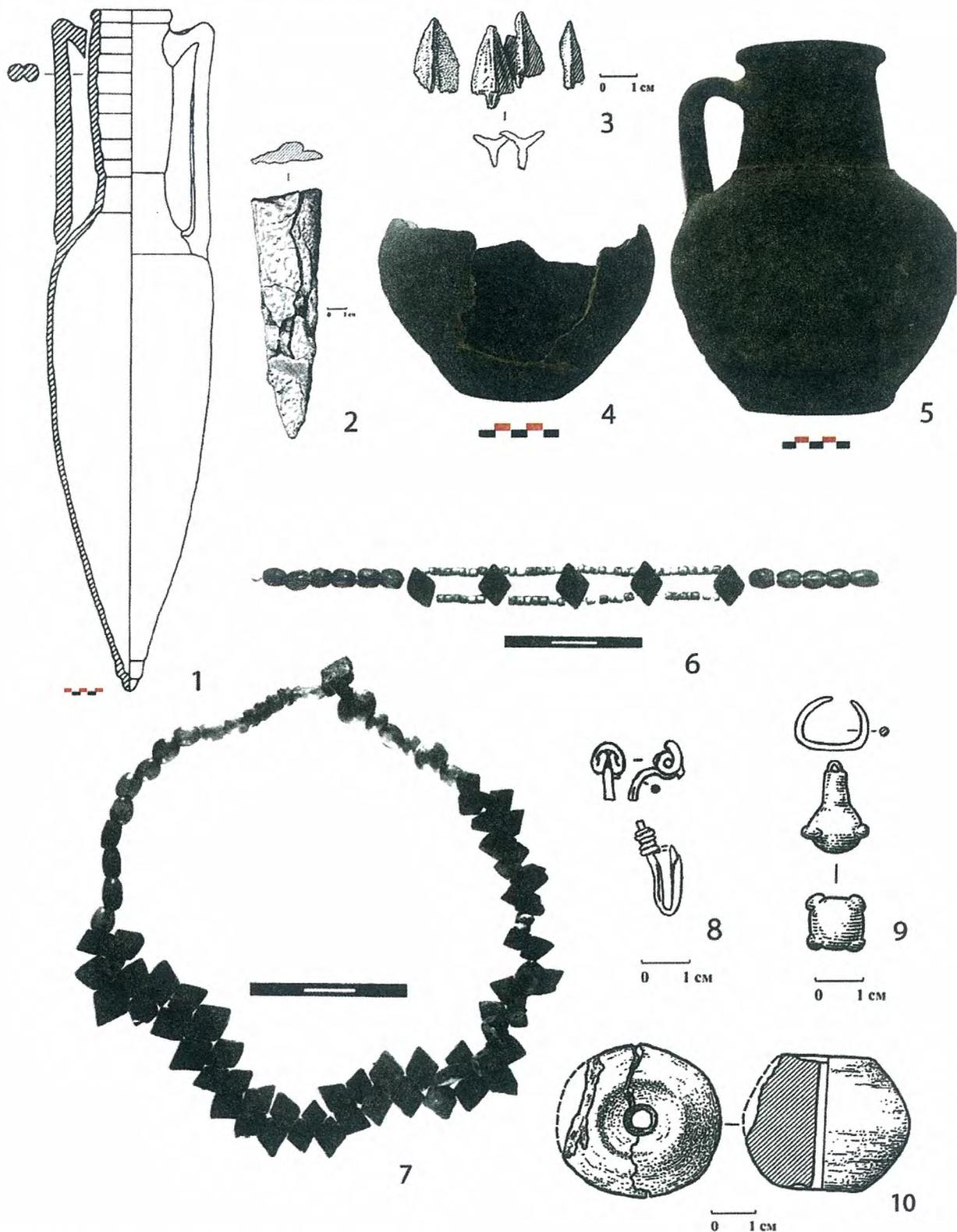

РИС. 5. НАХОДКИ ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ.

Погребение 45/III/1956: 1 – амфора. Погребение 23/III/1956: 2 – обломок меча. Погребение 45/III/1956: 3 – стрелы. Погребение 169/III/1967: 4 – кувшин. Погребение 16/XVI/2002: 5 – кувшин. Погребение 177/III/1961: 6-7 – бусы, 8 – фибула, 9 – серьга, 10 – пряслице.

МУЗЕЙНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ

ОБУВНЫЕ ПРЯЖКИ ИЗ ТАНАИСА V ВЕКА

Ильюков Л. С.
(Iljukov@ssc-ras.ru)

В Танаисе выявлен ряд погребений V века н.э., в которых найдены металлические детали обуви. Это серебряные и бронзовые пряжки с щитком и без него, с загнутым язычком. Вместе с ними на стопе погребенного обнаружены распределители ремней с пластинчатыми обоймами. К этой категории находок следует относить металлические наконечники ремешков и пластинки с тремя заклепками – лунницы. Последние использовались как украшения конца ремешка.

Ключевые слова: лунница, погребение, пряжка, распределитель ремня.

SHOE BUCKLES FROM TANAIS 5TH CENTURY A.D.

Iljukov L. S.
(Iljukov@ssc-ras.ru)

Several 5th century A.D. burials, containing metal shoe parts, have been found out in Tanais. Those are silver or bronze buckles with or without a flap, with a curved tongue. Along with them, strap distributors with plate beackets have been found on the foot of the buried human. To that category of finding belong as well belt metal tips and plates with three studs – lunulae. The latter had been used as belt ends decorations.

Key words: lunula, burial, buckle, strap distributor.

В середине I тысячелетия появилась мода носить полусапожки с невысокими голенищами. По-видимому, их подошва была мягкой. Такой тип обуви был известен уже в эллинистическое время, но только в V в. его дополняют ремешками, которые охватывают щиколотку и голеностоп и снабжаются металлическими деталями. Эти сапожки имели застежку – пряжку со щитком или без нее. По размерам обувные пряжки слегка уступали поясным экземплярам.

В Танаисе найдено несколько комплексов V в., в которых обнаружены обувные пряжки.

Один из них открыт в 1985 г. в погребении 27. В катакомбе обнаружен скелет человека, ориентированный на З. У погребенной женщины на поясничных позвонках лежала серебряная пряжка с квадратным щитком и хоботковидным язычком. Судя по ее положению, она застегивала пояс на левую сторону. Язычок отделяется ступенькой от кольцевидного окончания. Язычок в сечении круглой формы, ближе к загнутому концу – полуовальный, и с двух сторон нанесены косые насечки. Ближе к уступу стержень язычка окольцован парными колечками, между которыми

расположен ряд треугольных фасок. Судя по ширине рамки, ремень имел ширину около 2 см (рис. 1,1). Кроме того, между тазовых костей расчищена железная пряжка плохой сохранности. На голеностопных суставах найдены два одинаковых комплекта серебряных деталей кожаных сапожек. Каждый состоял из небольшой хоботковидной пряжки с округлым или округло-листовидным щитком. Язычок одной из обувных пряжек с округло-листовидным щитком у основания имеет узкий прямоугольный выступ, у которого округлый в сечении язычок наполовину окольцован ленточкой с треугольными фасетками. Другой язычок пряжки выполнен грубее, не имеет фасеток, и его щиток округлой формы. Судя по ширине рамки, ремешок имел ширину около 1 см (рис. 1,2,3). Распределители ремешков имели небольшое колечко, круглое в сечении, на которое надеты три пластинчатые обоймы с заклепками. Обойма имела округлую или округло-листовидную форму. Некоторые обоймы сильно изношены с тыльной стороны. Они имели медные шайбы (рис. 1,4). Дата: первая половина - середина V в. н.э. (Арсеньева, Безуглов, Толочко, 2001, с. 24, 25, табл. 22,309-314).

Второй комплекс открыт в 1985 г. в погребении 41. В катакомбе обнаружен скелет женщины 18-20 лет, ориентированный на ЮЗ. На правом крыле таза лежала железная пряжка (3x2 см) с подвижным язычком. На голеностопных суставах – одинаковые миниатюрные бронзовые бесщитковые пряжки от ремешков обуви. Рамка пряжки округлая, с утолщением в передней стороне. Ближе к кольцевидному окончанию подтреугольный в сечении язычок имеет обозначенный двумя поперечными желобками прямоугольник, едва выступавший вверх. Одна его грань прямая, другая – в виде острого угла. Конец язычка загнут под прямым углом и украшен парой поперечных канавок. Судя по ширине рамки, ремешок имел ширину около 1 см (рис. 1,8,9). Дата: V в. н.э. (Арсеньева, Безуглов, Толочко, 2001, с. 26, 27, табл. 24,342-346).

Третий комплекс открыт в 1990 г. в погребении 6. В подбое находился скелет мужчины старше 30 лет, ориентированный на С. На правом крыле таза обнаружена серебряная пряжка, которая едва отличалась по размерам от двух других таких же серебряных пряжек, обнаруженных у голеностопных суставов. У пряжки, найденной на тазе, язычок шире (рис. 1,5), чем у остальных экземпляров этого комплекса, кроме того, кольцевидная рамка в передней части толще, чем у других экземпляров данного комплекса. Все пряжки однотипные, кольцевидные, бесщитковые. Только у пряжки на тазовых костях имеется небольшое утолщение рамки с лицевой стороны. Язычок по оси имеет продольную грань. В основании имеется уступ, заканчивающийся колечком. Конец язычка загнут, хоботковидный (рис. 1,6,7) (Арсеньева, Безуглов, Толочко, 2001, с. 36, табл. 41,489-492).

В 2000 г. открыта катакомба 38, в ней найдены кости разрушенных скелетов: женщины 35-40 лет и мужчины старше 35 лет. В заполнении колодца обнаружена серебряная лунница, а в заполнении камеры – вторая серебряная лунница (рис. 2,3,4) и серебряная пряжка с округлым щитком. На ее лицевой стороне расположена золотая накладка, украшенная перегородчатой инкрустацией с красными гранатами (рис. 2,2). Серебряный язычок поясной пряжки украшен позолотой и гравировкой (рис. 2,1) (Безуглов, Толочко, 2002, с. 43, 44, рис. 3,1-7).

В окрестностях Синявки в 1998 г. были обнаружены остатки катакомбы. В разрушенном погребении находились кости человека, ориентированного в западном направлении. Из могильной ямы происходили серебряная пряжка с золотой обкладкой щитка, серебряный наконечник ремня и две пары лунниц, плакированные золотой и электровой обкладкой. При повторном осмотре места находки были подняты пряжка и наконечник ремня, аналогичные ранее обнаруженным (рис. 2,5-12) (Безуглов, Ильяшенко, 2000, с. 91-93, рис. 2,1-8).

Все комплексы относятся к V веку. Один из поясов застегивался крупной пряжкой с сегментовидной рамкой с подквадратным щитком. Хоботковидный язычок у основания имеет короткую кольцевидную муфту, по сторонам ограниченную двумя парами колечек. Между ними расположены треугольные фаски. Конец язычка с двух сторон имеет ряд косых желобков (Танаис, погребение 27). В Крыму в могильнике Лучистое, в погребении 5, склеп 88, около таза найдена аналогичная серебряная пряжка с сегментовидной рамкой, край которой покрыт рифлением. У нее тоже подквадратный щиток и хоботковидный язычок, с двух сторон украшенный косыми желобками.

У основания язычок окольцован парными колечками, между которыми расположены треугольные фаски (Хайрединова, 1999, рис. 5,1). Одна из поясных пряжек из Танаиса (погребение 38) была составной. Сохранился серебряный хоботковидный язычок, крепившийся к рамке при помощи сквозного отверстия и ремешка. Его загнутый конец окольцован желобками. Морда животного покрыта пояском рельефных треугольных фасок. На его сгибе с двух сторон расположены полуовальные рельефные уши. Основание язычка покрыто позолотой и окольцовано желобками, между которыми расположены треугольные фаски (Безуглов, Ильяшенко, 2002, вклейка).

Возможно, на поясе находился еще один ремешок, пряжка которого ниспадала вниз и находилась около тазовых или между бедренных костей. Например, в погребении 27 между тазовых костей расчищена железная пряжка (Арсеньева, Безуглов, Толочко, 2001, с. 25). В другом случае (погребение 41) прямоугольная железная пряжка находилась на костях таза (Арсеньева, Безуглов, Толочко, 2001, с. 27). В могильнике Фанагории в погребении 32 (2005 г.) между бедренными костями зафиксирована небольшая бронзовая пряжка с овальной рамкой и округлым щитком, украшенным перегородчатой инкрустацией в технике клуазоне с красными вставками. Ее хоботковидный язычок окольцован двумя-тремя парами желобков, его загнутый конец тоже имеет такие же желобки, между которыми расположен поясок с треугольными фасками (Строков, 2013, с. 257, рис. 4). Аналогичная серебряная пряжка, выполненная в стиле клуазоне, найдена в Паласа-сыртском могильнике (курган 2289). Она была украшена красными вставками. На ней мотив треугольной фаски был сохранен на щитке. У основания язычок имеет едва выделенный выступ прямоугольной формы, как у пряжек из Танаиса (погребение 41).

Аналогичные небольшие серебряные пряжки, сделанные в стиле клуазоне, происходят из Танаиса (погребение 38) и Синявки. Но это разрушенные комплексы! У этих пряжек основание язычка охвачено пояском из трех желобков. Почему-то их отнесение к парадной обуви не вызывало никаких сомнений (Безуглов, Толочко, 2002, с. 46). Так же, как и включение синявских экземпляров в группу обувных находок. По предположению авторов публикации обе синявские находки происходили, вероятно, из мужского захоронения, хотя никаких данных нет (Безуглов, Ильяшенко, 2000, с. 97).

Небольшая серебряная щитковая пряжка, обнаруженная в катакомбе Новосадковского могильника, судя по ее размерам, оказалась близкой к танаисскому и синявским экземплярам. В новосадковской пряжке, судя по ширине рамки, ремешок имел ширину около 1 см. Им был опоясан погребенный в этой могиле. Данная пряжка имела овальную рамку и хоботковидный язычок, а щиток – большое круглое гнездо для сердоликового камня. Гнездо было выполнено из золотой пластинки, окружено пояском золотой зерни (Ильюков, 1987, с. 138-139).

В одном из танаисских комплексов на голеностопных суставах были обнаружены два серебряных распределителя для ремешков. Каждый имеет колечко, на которое надеты три пластинчатые обоймы с заклепкой, различающиеся формой верхнего щитка (погребение 27). Аналогичные распределители ремешков обнаружены на голеностопах погребенных в Лучистом и Фанагории (Строков, 2013, рис. 2). Распределитель соединял два крестовидно расположенных узких ремешка (Строков, 2013, рис 2,1; Хайрединова, 1999, рис. 8).

К обувным находкам была отнесена пара гладких лунниц, найденных в Танаисе (погребение 38) и Синявке. Тремя заклепками они крепились к поверхности кожаного изделия. Однако их отнесение к украшениям кожаной обуви вызывает сомнения. Обе танаисских находки были соединены с кожаной поверхностью, толщина которой около 2 мм. На конце одной из заклепок сохранилась шайбочка (Безуглов, Толочко, 2002, рис. 3,5,6). По-видимому, эти изделия были приклепаны к концу кожаных ленточек, которые имели ширину около 2 см. Из синявского погребения происходят две пары бронзовых лунниц, крепившиеся к кожаной поверхности тремя заклепками. Одна из них снаружи была обтянута золотой фольгой и украшена тремя гнездами с гранатовыми вставками. Для их крепления к кожаной поверхности использовались серебряные

заклепки, снабженные бронзовыми шайбами (Безуглов, Ильяшенко, 2000, с. 93, рис. 2,3,4). Другая пара из этого комплекса была обтянута электровой фольгой. К кожаной основе их крепили серебряные заклепки с полусферическими головками (Безуглов, Ильяшенко, 2000, с. 93, рис. 2,3,4). По мнению авторов публикации, эти лунницы имеют многочисленные аналогии в комплексах V века и являются металлическими деталями отделки обуви (Безуглов, Ильяшенко, 2000, с. 96, 97). А.В. Мастыкова данную категорию находок назвала луновидными накладками, и допустила предположение, что они могут быть элементами обувной гарнитуры, поскольку в Кантемировке они были найдены у стоп погребенного (Мастыкова, 2009, с. 65). С.И. Безуглов и С.М. Ильяшенко отметили, что в нескольких случаях лунницы найдены у стоп или голеностопных суставов вместе с обувным пряжками и наконечниками ремней. Они приводят два комплекса: Гиляч, погребение 4 и Кантемировка, курган 1. Тем не менее, такая трактовка нуждается в уточнении. Кроме пластин луновидной формы, наиболее распространенных в Восточной Европе и на Северном Кавказе, в могильнике Лермонтовская скала - 2 в двух погребениях обнаружены лунницы с заклепками, у которых выпуклая сторона имеет прямоугольный выступ. На лицевой поверхности одной из них расположены два гнезда под вставки. Пластинки по краям обрамлены рубчиками. В этих комплексах есть прямоугольные накладки, тоже обрамленные рубчиками. По-видимому, они крепились к кожаной поверхности при помощи заклепок, расположенных по продольной оси. В одном случае такая пластинка была украшена тремя гнездами для камней. Вероятно, эти пластинки стыковались с выступами, расположенными на выпуклой стороне лунницы (Абрамова, 1997, рис. 20,6,7, 22,6,9). На территории Дагестана известны аналогичные лунницы. В одном случае (Паласа-сыртский могильник, курган 1507) две пластинки с полуовальными шляпками штифтов находились с их внешней стороны, одна над другой. Вероятно, пара пластинок украшала конец одного ремешка. В том же могильнике открыта серия изделий с длинной планкой, на конце которой расположено серповидное окончание. Такие подвески, крепившиеся к кожаным ленточкам, в Паласа-сыртском могильнике являлись украшением головного убора (Гмыря, Ильюков, Магомедов, 2007). По устному сообщению И.В. Толочко, в позднем Танаисе были известны отдельные лунницы, которые крепились к боковой стороне сапога в районе стыка пятки и голеностопа.

По мнению С.И. Безуглова и С.М. Ильяшенко, два серебряных наконечника ремешков, найденные у Синявки, тоже являлись обувными. Они закреплялись на ремешке при помощи заклепки. Конец такой пластинки загнут на одну сторону. Они имеют аналогии среди находок гуннского круга (Безуглов, Ильяшенко, 2000, с. 96, 97).

Истоки металлических гарнитур, связанных с сапожками V века, появляются уже в позднесарматское время (Арсеньева, 1977, табл. XL,1-3; Арсеньева, Безуглов, Толочко, 2001, с. 94).

В позднесарматское и гуннское время при изготовлении пряжки использовали круглую или овальную в сечении проволоку. Позднее ее сечение изменилось, оно становится секторальным. Пряжки с секторальным сечением прута, по-видимому, появляются в пост-гуннское время. Вероятно, к этому времени относился разрушенный комплекс кургана 51 Царского могильника, открытый в окрестностях Танаиса. По-видимому, в VI веке сохраняется система соединения обувных ремешков. В конструкции обуви используются распределители ремешков, пряжки и наконечники ремешков (Ильюков, 2004, с. 341-345).

Простейшая форма римской обуви – сандалия или подошва с ремнями – была широко распространена. В V веке в среде элитной части населения получила распространение мода на полусапожки с мягкой подошвой, которые имели застежки и распределители ремешков. Она предшествовала появлению специального упора для ноги при посадке на лошадь – стремян. Ремешковые стремяна были широко распространены. Они известны в этнографических материалах калмыков, якутов (Кызласов, 1973, с. 31). В общеславянском «strьmen» – это «веревка»; ремень; то, что натягивается. Значение исходных корней одинаково. Аналогичное значение термина «стремья» имеется и в западнославянских языках. Из этого следует, что первоначально стремя делали из кожаного ремня или веревки и оно являлось приспособлением для посадки в седло (Кызласов, 1973,

с. 32). Кожаная петля охватывала ступню ноги. Эта система была укреплена подножкой. Еще один шаг, и ременная петля, оформленная из дерева, кости или металла, превращается в прочное стремя. Оформление подножки и петли для ремня путлища свидетельствуют о зарождении нового предмета: появлению упора для ноги - стремени, в становлении которого непростую роль сыграли так называемые «ременные корзинки» под пятку ноги. Их появление в костюме элитной части общества в евразийских степях относится к гуннскому времени – к V в. н.э. А уже в VII веке стремяна были интегрированы в типологический контекст древнетюркской культуры (Азбелев, 2014, с. 317). Они облегчили обучение выезде, качественно изменили использование лошади в конном бою, что привело к дальнейшему развитию предметов вооружения и защите от них.

В V веке Танаис являлся одним из районов концентрации признаков так называемой «дунайской моды» (Безуглов, Ильяшенко, 2000, с. 91-100). Она проявлялась не только в деталях одежды, но и в других предметах материальной культуры. Ее влияние коснулось даже племен, обитавших в Прикаспийском Дагестане (Гмыря, Илюков, Магомедов, 2007, с. 160–173).

Литература

- Абрамова М.П. Ранние аланы Северного Кавказа III-V вв. н.э. – М.: Наука, 1997. – 165 с.
- Азбелиев П.П. Еще раз о ранних стремянах // Российский археологический ежегодник. – СПб: Юридическая книга, 2014. – № 4. – С. 297-322.
- Арсеньева Т.М. Некрополь Танаиса. – М.: Наука, 1977. – 152 с.
- Арсеньева Т.М., Безуглов С.И., Толочко И.В. Некрополь Танаиса. Раскопки 1981-1995 гг. – М.: Полиграф, 2001. – 274 с.
- Безуглов С.И., Толочко И.В. Новые данные о характеристике некрополя позднего Танаиса // ДА. – 2002. – № 1-2. – С. 42-50.
- Безуглов С.И., Ильяшенко С.М. Богатое погребение гуннской эпохи близ Танаиса // ДА. – 2000. – № 1. – С. 91-100.
- Гмыря Л.Б., Илюков Л.С., Магомедов Р.Г. Восточногерманские элементы в декоре женского парадного костюма в материалах погребальных комплексов Паласа-сыртского курганного могильника (IV-V вв.) // Археология, этнография и фольклористика Кавказа: Материалы международной науч. конф. «Новейшие археологические и этнографические исследования на Кавказе». – Махачкала, 2007. – С. 160-173.
- Илюков Л.С. Курганные могильники в междуречье Сала и Маньча // АО-1985. – М.: Наука, 1987. – С. 138-139.
- Илюков Л.С. Курган из окрестностей Танаиса // ИАИАНД-2003. – 2004. – Вып. 20. – С. 341-345.
- Кызласов И.Р. О происхождении стремян // СА. – 1973. – № 3. – С. 24-35.
- Мастыкова А.В. Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV – середине VI в. н.э. – М.: ИА РАН, 2009. – 500 с.: илл.
- Строков А.А. Обувь воина первой половины V в. н.э. из Фанагории // Восточноевропейские древности. – Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2013. – С. 257-265.
- Хайрединова Э.А. Костюм варваров V века по материалам могильника у села Лучистое в Крыму // Сто лет черняховской культуре. – Киев: BIBLIOTEKA VITA ANTIQUA, 1999. – С. 203-230.

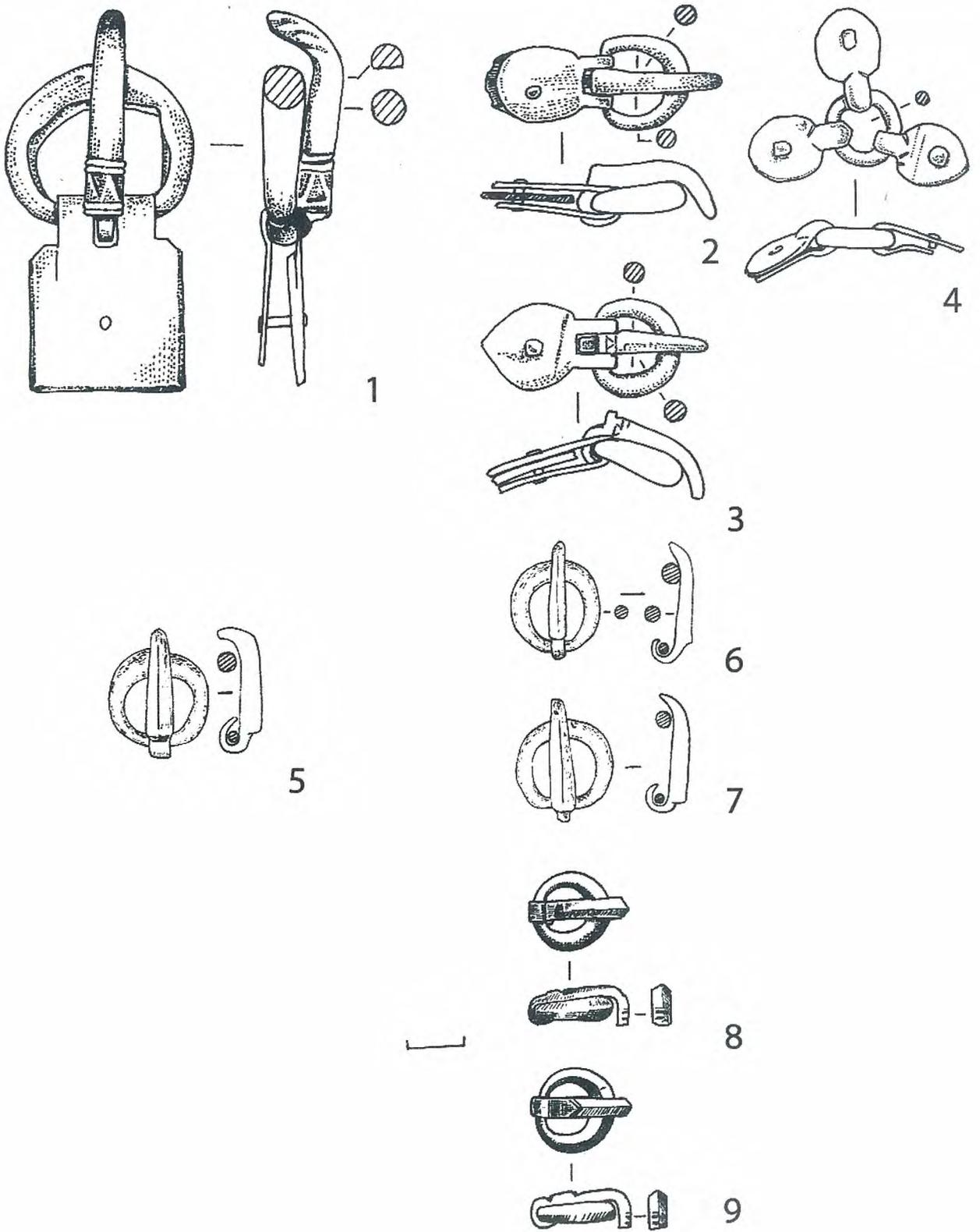

РИС. 1. ПРЯЖКИ.

Танаис: 1-4 – погребение 27 (1985 г.); 5-7 – погребение 6 (1990 г.); 8-9 – погребение 41 (1985 г.).

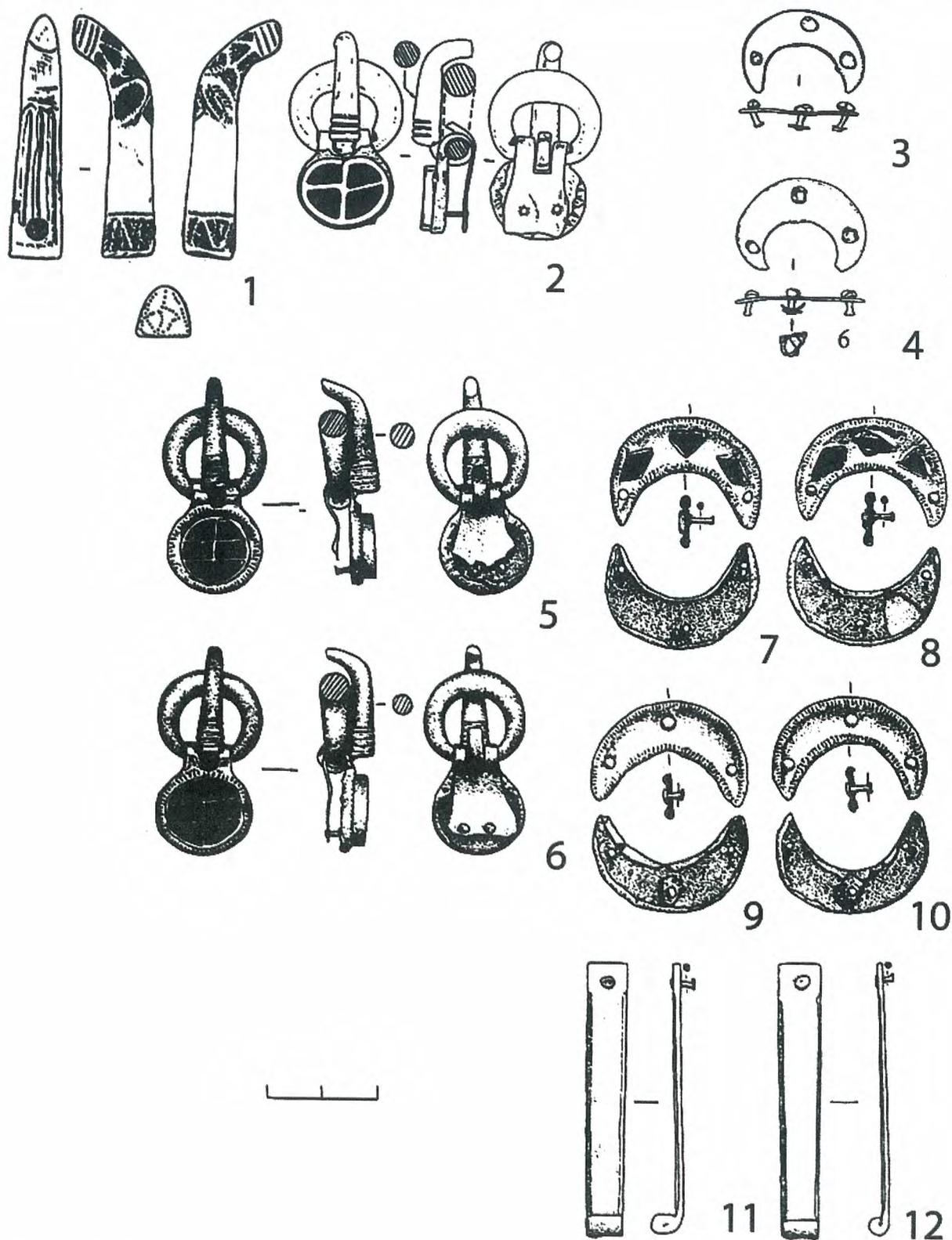

РИС. 2. ПРЯЖКИ, РАСПРЕДЕЛИТЕЛИ РЕМНЕЙ, ЛУННИЦЫ, НАКОНЕЧНИКИ РЕМЕШКОВ.

Танаис: 1-4 – погребение 38 (2000 г.). Синявка: 5-12 – разрушенное погребение (1998 г.).

ТЕРРАКОТА ТАНАИСА III-I ВВ. ДО Н.Э.

Суворова Н. И.

(w.falke@mail.ru)

Данная статья является итогом пятилетнего исследования ранней терракоты Танаиса. В ней рассматриваются предметы в археологическом контексте с точки зрения морфологии и иконографии; приводятся аналогии; делаются выводы о технологиях их изготовления, а также возможном их использовании в древности. Статья содержит подробный каталог и иллюстрации терракотовых предметов III-I вв. до н.э., хранящихся в музее-заповеднике «Танаис».

Ключевые слова: домашнее святилище, коропластика, маска, протома, религиозные культы, рельеф, терракотовая статуэтка.

EARTHENWARE CLAY IN TANAIS 3th – 4th CENTURIES BC

Suvorova N. I.

(w.falke@mail.ru)

That article is a result of five year investigations of the early earthenware in Tanais. The artifacts are examined in the context of their morphology and iconography; analogies are supplied, as well as conclusions are drawn about their manufacturing procedures and their potential use in antiquity. The article is provided with a detailed catalogue and drawings of earthenware objects 3th -4th centuries BC stored in the reserve museum «Tanais».

Key words: home sanctuary, coroplast, mask, protoma, religious faiths, relief, Tanagra.

Античная коропластика – многоплановая тема для исследований. Ведь терракотовые статуэтки дают информацию не только о материальной стороне жизни человека, но и о духовной. Комплексное изучение их, включающее исследования места и условий обнаружения находок, морфологических признаков, атрибуцию, дает представление о технологиях изготовления, составе глины, использовании красок, а также о религиозных культах, обычаях, занятиях и эстетических вкусах жителей древности. На некоторых терракотах, отмятых в форме, сохранились отпечатки пальцев, благодаря которым мы можем узнать особенности технологических приемов производства данных предметов и половозрастные характеристики их изготовителей.

Глиняные статуэтки не один век интересуют исследователей. Прослежено влияние древнегреческой коропластики на этрусскую, малоазийскую, римскую, боспорскую, среднеазиатскую и т.д. К настоящему времени накопилось много публикаций, посвященных терракотовым статуэткам Северного Причерноморья и в частности Боспорского царства. Это связано не только с увеличением

масштаба археологических исследований на поселениях, некрополях и святилищах в последние годы, но и с изучением и осмыслением накопленного материала предыдущего времени.

Первое специальное исследование танаисской терракоты было проведено Т.М. Арсеньевой (Арсеньева, 1974, с. 8): описание и систематизация терракотовых статуэток Танаиса, найденных в 1955-1973 гг. Некоторые предметы были опубликованы Д.Б. Шеловым (Шелов, 1970, с. 168), позже – в статьях Т.М. Арсеньевой, С.А. Науменко, С.М. Ильяшенко (Арсеньева, 1983, с. 103; 2007, с. 14; Арсеньева, Бёттгер, Науменко, 2001, с. 89; Арсеньева, Науменко, Ильяшенко, 2010б, с. 14; Арсеньева, Науменко, 1992, с. 32; Науменко, 2007, с. 42; Арсеньева, Ильяшенко, Науменко, 2009, с. 49; Ильяшенко, Толочко, 1994, с. 177). Накопленный материал позволяет проанализировать, систематизировать виды танаисской терракоты, сделать определенные выводы. Введение в научный оборот эллинистических терракотовых предметов, найденных в Танаисе в последние годы, сможет дополнить сложившуюся общую картину распространения и использования их на территории Боспора.

Безусловно, для исследования терракотовой пластики важны не только искусствоведческий и конструктивно-морфологический анализы предметов, но и археологический контекст находок (Двуреченская, 2009, с. 1). Терракоту в Танаисе нельзя назвать массовой находкой. По сравнению с другими категориями материалов, она встречается достаточно редко. Терракотовые статуэтки и их фрагменты находят на городище Танаис, в некрополе, в мусорных слоях. Некоторые фиксируются как случайная находка. В настоящее время обнаружено 134 терракотовых предмета, целых и во фрагментах. Причем подавляющее большинство находок было сделано именно на городище – 98 терракот. На долю некрополя приходится лишь 8 подобных находок. Пока рано в связи с этим делать какие-либо выводы о назначении и использовании терракотовых статуэток в Танаисе, поскольку степень изученности городища и некрополя не одинакова.

По времени бытования терракоту Танаиса можно условно разделить на эллинистическую, римскую и позднеантичную. Причем первая составляет всего 24 экземпляра от общего числа находок этой категории. Данное соотношение можно объяснить многослойностью городища, лучшей сохранностью и изученностью городских руин I-III вв. н.э. Известно, что усадьбы римского времени возводились на городище поверх более древних – на их остатках, а также на полностью сnivelированных поверхностях (Шелов, 1970, с. 228).

Эллинистическая терракота была обнаружена в центральной части акрополя (раскопы I, VI центральный, XIV, XX), а также в его северо-восточном углу (раскоп II). Помимо этого ранняя терракота найдена в жилом районе, примыкающем к акрополю с запада (раскопы VI западный, IX, XXV), а также в мусорных слоях свалок, находящихся на территории Нижнего города и за восточным рвом к востоку от акрополя (раскоп III). Вызывает некоторое удивление тот факт, что ранняя терракота отсутствует в южной части акрополя, где открыты эллинистические постройки (раскоп XII, XIX), и в юго-западной части акрополя в усадьбах, примыкающих к западной оборонительной стене (раскоп IV) (рис. 1).

Большинство из вышеупомянутых предметов (15) найдено в помещениях на полу, под полом или в хозяйственных ямах. Четыре предмета обнаружены в оборонительной системе города: в эллинистическом рву, у стены и в башне. Три фрагмента происходят из мусорных слоев свалок. И еще два предмета – случайные находки на акрополе и у с. Синявское, что в 5 км от Танаиса.

По морфологическим признакам эллинистическую терракоту Танаиса можно разделить на шесть групп: протомы богинь, объемные статуэтки, маски, рельефная плитка, статуэтки крупных форм и фигурные сосуды. Рассмотрим каждую из этих групп подробнее.

Всего протом богинь, целых и во фрагментах, было найдено восемь. Пять из них происходят из «закрытого комплекса» подвала ИО в центре западной части акрополя (рис. 1, I), датируемого III в. до н.э. (Арсеньева, Беттгер, Науменко, 2001, с. 93). Там были найдены протомы двух видов. Первый изображает богиню Деметру в калафе и гиматии, со сложенными у груди руками (рис. 2). Второй –

богиню Деметру в стэфане и гиматии в той же позе (рис. 3). Все протомы односторонние, отмыты в форме. Причем последние четыре – в одной (рис. 3-6). Протомы из боспорской глины оттиснуты неаккуратно, на некоторых изображение смещено, черты лица переданы схематично и не детализированы. Происходят, скорее всего, из домашнего святилища.

Фрагмент верхней части протомы Деметры фанагорийского производства (рис. 7) был найден на северо-восточном раскопе акрополя (рис. 1,2) под полом помещения Ж, в эллинистических слоях III-I вв. до н.э. (Шелов, 1957, с. 2).

Еще один фрагмент протомы Деметры пантикапейского производства был обнаружен в центральной части акрополя (рис. 1,3). Иконографически изображение богини близко к аналогичным находкам в подвале ИО. Деметра изображена в венке и гиматии, со сложенными у груди руками (рис. 8). Протома, датируемая III-I вв. до н.э., была обнаружена в яме более позднего времени, расположенной между остатками стен помещений эллинистической эпохи (Шелов, 1955, с. 5). Аналогий данным протомам достаточно много, но наиболее близки к танаисской группе по иконографическому признаку протомы Мирмекия, Елизаветовского городища и Горгиппии, датирующиеся эллинистическим временем.

Последний из фрагментов протом был найден в центре западной части акрополя (рис. 1,4), недалеко от подвала ИО при исследовании широтной улицы А, перекрывшей более раннее помещение, в слое, относящемся к начальному периоду жизни Танаиса, к первой половине III в. до н.э. (Арсеньева, Бёттгер, Науменко, 2001, с. 89). Вероятно, фрагмент представляет собой нижнюю правую часть протомы. На нем рельефно выделен гиматий, часть правой руки, держащей какой-то предмет (рис. 9). Глина по своему составу близка к той, из которой отмыты протомы из подвала ИО.

Известно, что культ Деметры был широко распространен в Северном Причерноморье в IV-III вв. до н.э. Ей посвящали храмы, святилища, устраивали празднества наподобие элевсинских (Сапрыкин, 2009, с. 319), поклонялись в домашних святилищах. Безусловно, у жителей эллинистического Танаиса тоже существовал культ этой богини, что подтверждает найденный тип терракоты.

Вторую группу данной терракоты составляют десять фрагментов объемных статуэток. Один из них, изображающий богиню в башенной короне над низкой стэфаной и в покрывале, был обнаружен к востоку от акрополя, в мусорной свалке (рис. 1,5). Сохранилась верхняя часть статуэтки синопского производства (Арсеньева, 1974, с. 9). Несмотря на фрагментарность и сколы на поверхности, можно отметить достаточно высокое качество отминки, детальную проработку элементов головы терракоты (рис. 10). Ближайшей аналогией является статуэтка Кибелы, найденная в Ольвии в эллинистическом здании в 1910 г. и датирующаяся III в. до н.э. (Леви, 1970, с. 54).

Второй фрагмент статуэтки, изображающей богиню в башенной короне, был найден в мусорных слоях под полом башни 4-северной римского времени (рис. 1,6). Сохранившийся фрагмент головы статуэтки демонстрирует высокое качество отминки, детальную проработку элементов лица, волос и головного убора. В древности она была расписана красной, розовой и голубой красками (рис. 11). Обычно в башенной короне изображали Кибелу, покровительницу городов (Кобылина, 1978, с. 10). Так же, как и Афина, Гермес, Аполлон и Геракл, она наделялась охранительной функцией. Не случайно статуэтки Кибелы находят в башнях, замурованными в крепостные стены. Известны факты сооружения статуй Кибелы у входа в город (Попова, 2014, с. 23). Ближайшей аналогией танаисской терракоте является протома-маска из святилища на Майской Горе, датирующаяся эллинистическим временем (Марченко, 1974, с. 34).

Еще один фрагмент объемной терракотовой статуэтки был найден по соседству с подвалом ИО, под полом подвала ВЛ усадьбы 5 в центральной части акрополя (рис. 1,7). Сохранившаяся женская головка выполнена на высоком художественном уровне (рис. 12). Мельчайшая проработка деталей лица и прически, а также свойства глины и ее обработка позволяют отнести эту терракоту к танагскому производству. Это единственная подобная находка, сделанная в Танаисе. Надо отметить,

что на Боспоре чаще встречаются терракоты танагрского стиля, изготовленные в городах Малой Азии, или «псевдотанагры» пантикапейского производства (Ильина, 2006, с. 153).

Фрагмент стоящей женской фигуры в хитоне и гиматии, опирающейся на левую ногу, был найден случайно на основном четырехугольнике городища (рис. 13). Другие подобные фрагменты стоящей на постаменте женской фигуры в хитоне и гиматии (рис. 14) были найдены к востоку от акрополя, в мусорной свалке (рис. 1,5). Фрагменты обеих статуэток фанагорийского производства (Арсеньева, 1974, с. 9).

Похожий фрагмент, изображающий стоящую женщину в хитоне и гиматии (рис. 15), был обнаружен в 2015 году к западу от основного четырехугольника городища, на раскопе XXV (рис. 1,10). Скорее всего, эти статуэтки изображали жанровые сцены, широко распространенные в эллинистический период.

Еще один фрагмент лицевой стороны мужской статуэтки был найден к западу от основного четырехугольника городища, у эллинистической городской стены (рис. 1,7). Фрагмент фанагорийского производства, отмят в форме (Арсеньева, 1974, с. 9). Сохранилась часть головы с большим плоским правым ухом, крупным курносом носом, полными губами и часть торса (рис. 16). В верхней части головы на темени небольшое круглое отверстие. Возможно, статуэтка изображала музыканта, играющего на флейте.

Фрагмент невысокого постамента с частью правой ступни был обнаружен в центральной части акрополя при исследовании широтной улицы А, в районе входа на усадьбу б, в ранних слоях (рис. 1, 4). На внешней поверхности постамента следы красной краски (рис. 17).

Фрагмент высокого постамента полой объемной статуэтки был обнаружен в центре восточной части акрополя, в мусорном слое северной пристройки помещения В (рис. 1,8). Вероятно, лицевая часть фрагмента была отмята в форме, оборотная смоделирована от руки, край основания залощен, на внешней поверхности вертикальные следы доработки стекой (рис. 18).

Еще один терракотовый фрагмент объемной статуэтки подовальной формы был обнаружен к западу от центрального городища при исследовании эллинистического рва (рис. 1,10). Лицевая его часть объемная, изображающая многочисленные складки; оборотная – плоская, заглажена от руки (рис. 19). По всей вероятности, это нижняя часть статуэтки, изображающей туго спеленутого грудного ребенка. Верхняя часть с головой и подушечкой утрачена. Подобная целая статуэтка малоазийского производства из Мирины хранится в Античном музее Лейпцигского университета и датируется позднеэллинистическим временем (Eberhard Paul, 1974, с. 54). Возможно, она могла служить как вотивом, так и детской игрушкой (Суворова Н.И., 2014а, с. 385).

Третью группу терракоты Танаиса составляют фрагменты статуэток крупных форм. Подобные статуэтки находят на территории как Европейского Боспора, так и Азиатского (Денисова, 1981, с. 121). Фрагмент правой женской руки, придерживающей часть гиматия, был обнаружен к западу от основного четырехугольника городища (рис. 1,9). Фрагмент пантикапейского производства отмят в форме, лицевая поверхность покрыта светлым ангобом (рис. 20). Второй фрагмент крупной статуэтки, часть основания с фрагментом женской левой ступни в башмачке (рис. 21), был найден к западу от акрополя при исследовании эллинистического рва (рис. 1,10). По всей вероятности, высота статуэтки, изображающей сидящую богиню, достигала 45 см.

Четвертую группу находок составляют маски. Фрагмент терракотовой маски Диониса был обнаружен в центре западной части акрополя, в эллинистической яме под полом помещения ВЗ (рис. 1,1). Фрагмент, изображающий часть бороды, отмят в форме, лицевая поверхность покрыта светлым ангобом (рис. 22).

Похожий фрагмент был найден в 2015 году к западу от основного четырехугольника городища, на раскопе XXV (рис. 1,10). Это фрагмент маски Диониса, изображающий бороду, со сквозным отверстием для подвешивания (рис. 23).

К пятой группе терракот можно отнести часть рельефа с изображением силена, найденного неподалеку от Танаиса, у с. Синявское (рис. 24). Сюжет рельефа, интерпретируемый как «несение Диониса», был популярен на Боспоре в оргиастическом одноименном культе (Журавлев, Ломтадзе, 2012, с. 62). Ближайшей аналогией является терракотовая рельефная пластина из Керчи из собрания Е.Р. Запорожского, хранящаяся в Государственном Историческом музее (ГИМ, № 17322. Оп. 33/1). Судя по всему, Дионис почитался в Танаисе наряду с Деметрой, и его культ был популярен не только в ранний период существования города, но и в римскую эпоху. Это подтверждают находки разных лет: стеклянный бальзамарий в виде головы Диониса, фрагменты глиняных масок, бронзовый светильник с изображением Диониса, бронзовая статуэтка силена – спутника бога виноградарства и виноделия.

Шестую группу представляет фрагмент курильницы в виде головы жертвенного быка, найденный в свалке на территории Нижнего города (рис. 25). Подобная полихромная курильница была найдена на Таманском полуострове при раскопках дома Хрисалиска в 1971 году, находится в собрании Государственного исторического музея, инв. № 103991, оп. Б – 1763 (Журавлев Д.В., Ильина Т.А., 2002, с. 73). Другой фрагмент подобной курильницы происходит из довоенных крымских находок и хранится в Керченском историко-археологическом музее, инв. № 0520 (Кобылина М.М., 1978, с. 52.). Танаисский фрагмент отличается от двух вышеупомянутых более высоким качеством отминки в хорошо профилированной матрице, тщательностью проработки деталей, а также наличием двух сквозных отверстий: на ухе и зрачке животного. Безусловно, данные курильницы относятся к культовым предметам, могли служить вотивными приношениями в храм или использоваться в домашних святилищах. Возможные интерпретации сюжета: изображение жертвенного животного, изображение одной из ипостасей Зевса.

Таким образом, мы можем отметить разнообразие форм ранней терракоты Танаиса: протомы, статуэтки, рельефы, маски, статуэтки крупных форм, фигурные сосуды. А также проследить разные места их производства, что является показателем развития торговли в Танаисе в эллинистический период: Пантикапей, Фанагория, города Малой Азии. Найденная терракота позволяет сделать вывод о существовании в городе таких популярных на Боспоре религиозных культов, как культ Деметры, Кибелы, Диониса, Зевса, а также об использовании домашних святилищ для религиозных обрядов.

Описание терракот

1. Протома Деметры в калафе и гиматии, наброшенной на голову (рис. 2). Раскоп VI, ИО, 1998 г., № 106. АМЗТ КП 243/АГ 70/106. Найдена в засыпи эллинистического времени «закрытого комплекса» подвала ИО, в центре западной части акрополя (рис.1,1). Протома односторонняя, отмыта в форме, доработана стеклой. Лицо узкое, невысокое, объемно обрамлено волосами. Нос длинный, прямой. Глаза не проработаны, только намечены. С обеих сторон калафа на расстоянии 0,9 см от края протомы – по два вертикальных рельефных валика. В районе ушей каплевидные большие серьги или подвески к калафу. Руки сложены на груди, тыльными сторонами кистей друг к другу. Левая рука как будто придерживает край гиматия, складки которого изображены с левой стороны протомы на плече неглубокими пятью желобками. Грудь изображена несимметрично – левая чуть выше. На правом плече, рукавах, в нижней части протомы на лицевой поверхности видны рельефные следы слабо оттиснутых цветочных розеток. Вероятно, в древности цветочные узоры наносились поверх рельефов краской. На правом и левом рукаве от локтя до кисти прослеживаются небольшие горизонтальные врезные линии, составляющие, возможно, орнамент рукавов хитона. На правом плече едва прослеживаются волнообразные тонкие пряди длинных волос. Внутренняя и внешняя поверхности заглажены стеклой, покрыты светлым ангобом. На внутренней поверхности отпечатки пальцев мастера. Края протомы залощены. Глина коричневого цвета с примесью светлых и темных частиц. Часть протомы утрачена, склеена из девяти фрагментов. Размеры: высота протомы – 12,4 см; ширина основания – 8,9 см; высота головы – 5,0 см; толщина стенки – 0,6 см. Боспорское производство,

первая половина III в. до н.э. Опубликовано: Т.М. Арсеньева, Б. Бёттгер, С.А. Науменко, 2001, с. 93; Т.М. Арсеньева, 2007, с. 13; Н.И. Суворова, 2013б, с. 451; Н.И. Суворова, 2014а, с. 229. Аналогии: М. А. Наливкина, 1952, с. 332; В.И. Денисова, 1981, с. 33, табл. IV; САИ, Г 1-11, 1974, ч. IV, табл. 1, 1; САИ, Г 1-11, 1974, ч. IV, табл. 51,2,3; САИ, Г 1-11, 1974, ч. III, табл. 61,1.

2. Протома Деметры в стэфане и наброшенном на голову гиматии (рис. 3). Раскоп VI, ИО, 1998 г., № 105. АМЗТ КП 243/АГ 70/105. Найдена в засыпи эллинистического времени «закрытого комплекса» подвала ИО, в центре западной части акрополя (рис.1,1). Протома односторонняя, отмята в форме, доработана стекой. Голова чуть наклонена вперед. Лицо узкое, невысокое, не проработано. Овал лица прочерчен стекой. Нижняя часть носа сглажена. Волосы объемно обрамляют лицо. Руки сложены на груди, тыльными сторонами кистей друг к другу. Кисть левой руки придерживает край гиматия. На обоих плечах едва прослеживаются волнообразные тонкие пряди длинных волос. На внешней поверхности под левой рукой рельефно выполненная складка гиматия. В нижней части протомы на лицевой поверхности видны рельефные следы слабо оттиснутых цветочных розеток. На головном уборе сохранился фрагмент орнамента в виде рельефных окружностей (розеток?). Над правой грудью наклонная врезная линия длиной 0,3 см. Протома отмята неровно, изображение смещено влево. На стэфане сохранились следы красной краски. На внутренней и внешней поверхностях следы стеки и светлый ангоб. На внутренней поверхности отпечатки пальцев мастера. Края протомы залощены. Глина коричневого цвета с примесью светлых и темных частиц. Часть протомы утрачена, склеена из десяти фрагментов. Размеры: высота протомы – 11,7 см; ширина основания – 8,9 см; высота головы – 4,7 см; толщина стенки – 0,6 см. Боспорское производство, первая половина III в. до н.э. Опубликовано: Т.М. Арсеньева, Б. Бёттгер, С.А. Науменко, 2001, с. 93; Т.М. Арсеньева, 2007, с. 13; Н.И. Суворова, 2013б, с. 451; Н.И. Суворова, 2014а, с. 230. Аналогии: М.А. Наливкина, 1952, с. 332; В.И. Денисова, 1981, с. 32, табл. III; САИ, Г 1-11, 1974, ч. IV, табл. 1, 3, 5, 6; САИ, Г 1-11, 1974, ч. IV, табл. 51,1.

3. Протома Деметры в стэфане и наброшенном на голову гиматии (рис. 4). Раскоп VI, ИО, 1998 г., № 150. АМЗТ КП 243/АГ 70/150. Найдена в засыпи эллинистического времени «закрытого комплекса» подвала ИО, в центре западной части акрополя (рис.1,1). Протома односторонняя, отмята, по всей вероятности, в той же форме, что и протома № 105. Лицо узкое, невысокое, объемно обрамлено волосами. Руки сложены на груди, тыльными сторонами кистей друг к другу. На внешней поверхности под левой рукой рельефно выполненная складка гиматия. Изображение оттиснуто неровно, смещено влево. На внутренней и внешней поверхностях следы стеки и светлый ангоб. На внутренней поверхности отпечатки пальцев мастера. Края протомы залощены. Глина коричневого цвета с примесью светлых и темных частиц. Часть протомы утрачена, склеена из двенадцати фрагментов. Размеры: высота протомы – 11,8 см; ширина основания – 9,1 см; высота головы – 4,7 см; толщина стенки – 0,7 см. Боспорское производство, первая половина III в. до н.э. Опубликовано: Т.М. Арсеньева, Б. Бёттгер, С.А. Науменко, 2001, с. 93; Т. М. Арсеньева, 2007, с. 13; Н.И. Суворова, 2013б, с. 451; Н.И. Суворова, 2014а, с. 231. Аналогии: М.А. Наливкина, 1952, с. 332; В.И. Денисова, 1981, с. 32, табл. III; САИ, Г 1-11, 1974, ч. IV, табл. 1, 3, 5, 6; САИ, Г 1-11, 1974, ч. IV, табл. 51,1.

4. Фрагмент протомы Деметры (рис. 5). Раскоп VI, ИО, 1998 г., № 151. АМЗТ КП 243/АГ 70/151. Найдена в засыпи эллинистического времени «закрытого комплекса» подвала ИО, в центре западной части акрополя (рис.1,1). Протома односторонняя, отмята, вероятно, в той же форме, что и протомы № 105, 150. Верхняя часть протомы утрачена, склеена из девяти фрагментов. Руки сложены на груди, тыльными сторонами кистей друг к другу. На внешней поверхности под левой рукой рельефно выполненная складка гиматия. Над правой грудью фрагмент орнамента в виде зигзагообразной глубокой врезной линии. В центре правой груди округлая неглубокая врезная линия. Остатки подобного орнамента можно увидеть на протоме № 105. Терракота оттиснута неровно, изображение смещено влево. На внутренней и внешней поверхностях следы стеки и светлый ангоб. На внутренней поверхности отпечатки пальцев мастера. Края протомы залощены. Глина коричневого

цвета с примесью светлых и темных частиц. Размеры: высота фрагмента – 7,5 см; ширина основания – 9,3 см; толщина стенки – 0,6 см. Боспорское производство, первая половина III в. до н.э. Опубликовано: Т.М. Арсеньева, Б. Бёттгер, С.А. Науменко, 2001, с. 93; Т.М. Арсеньева, 2007, с. 13; Н.И. Суворова, 2013б, с. 451; Н.И. Суворова, 2014а, с. 231. Аналогии: М.А. Наливкина, 1952, с. 332; В.И. Денисова, 1981, с. 32, табл. III; САИ, Г 1-11, 1974, ч. IV, табл. 1, 3, 5, 6; САИ, Г 1-11, 1974, ч. IV, табл. 51,1.

5. Фрагмент протомы Деметры (рис. 6). Раскоп VI, ИО, 1998 г., № 152. АМЗТ КП 243/АГ 70/152. Найдена в засыпи эллинистического времени «закрытого комплекса» подвала ИО, в центре западной части акрополя (рис.1,1). Протома односторонняя, отмята, по всей вероятности, в той же форме, что и протомы № 105, 150, 151. Голова и нижняя левая часть протомы утрачены; склеена из двадцати фрагментов. Руки сложены на груди, тыльными сторонами кистей друг к другу. Протома отмята неровно, изображение смещено влево. На внутренней и внешней поверхностях следы стеки и светлый ангоб. На внутренней поверхности отпечатки пальцев мастера. Края протомы залощены. Глина коричневого цвета с примесью светлых и темных частиц. Размеры: высота фрагмента – 8,9 см; толщина стенки – 0,6 см. Боспорское производство, первая половина III в. до н.э. Опубликовано: Т.М. Арсеньева, Б. Бёттгер, С.А. Науменко, 2001, с. 93; Т.М. Арсеньева, 2007, с. 13; Н.И. Суворова, 2013б, с. 451; Н.И. Суворова, 2014а, с. 232. Аналогии: М.А. Наливкина, 1952, с. 332; В.И. Денисова, 1981, с. 32, табл. III; САИ, Г 1-11, 1974, ч. IV, табл. 1, 3, 5, 6; САИ, Г 1-11, 1974, ч. IV, табл. 51,1.

6. Фрагмент протомы Деметры в стефане (рис. 7). Раскоп II, 1957 г., № 665. АМЗТ КП 3/АЭ 15/31. Найдена в северо-восточной части акрополя, под полом помещения Ж в эллинистических слоях III-I вв. до н.э. (рис. 1,2). Сохранились лишь голова и часть шеи. Протома односторонняя, отмята в форме. Голова слегка наклонена вперед. Лицо невысокое, узкое, не проработано стекой. Нос длинный, прямой. Волосы в виде объемного валика обрамляют лицо. Отдельные пряди волос изображены короткими рельефными полосками и врезными линиями. На головном уборе сохранился фрагмент орнамента в виде рельефных окружностей (розеток?). На поверхности трещины и сколы. На внутренней поверхности следы пальцев мастера. Глина тонкая, плотная, хорошо отмученная, коричневого цвета с примесью мелких блестящих и белых частиц. Размеры: высота фрагмента – 5,5 см; ширина – 3,8 см; толщина стенки – 0,5 см. Фанагорийское производство, III-I вв. до н.э. Опубликовано: Д.Б. Шелов, 1965, с. 58; Д.Б. Шелов, 1970, с. 167; Т.М. Арсеньева, 1974, с. 8; Н.И. Суворова, 2013б, с. 451; Н.И. Суворова, 2014а, с. 232. Аналогии: М.А. Наливкина, 1952, с. 332; В.И. Денисова, 1981, с. 32, табл. III; САИ, Г 1-11, 1974, ч. IV, табл. 1, 3, 5, 6; САИ, Г 1-11, 1974, ч. IV, табл. 51,1.

7. Фрагмент протомы Деметры в венке и гиматии (рис. 8). Раскоп I, 1955 г., № 89. АМЗТ КП 3/АЭ 15/1. Найдена в центральной части акрополя, в яме более позднего времени, расположенной между остатками стен помещений эллинистической эпохи (рис. 1,3). Протома односторонняя, отмята в форме. Сохранилась верхняя часть протомы. Голова слегка наклонена вперед. Лицо невысокое, узкое, не проработано стекой. Нос длинный, прямой. Волосы, изображенные зигзагообразными линиями, объемным валиком обрамляют лоб. На голове, возможно, находился венок из цветов: сохранились мелкие рельефные окружности, изображающие розетки. Слева видна крупная серьга округлой формы с отходящими короткими лучиками. Руки богини сложены на груди, тыльными сторонами кистей друг к другу. Левая рука придерживает край гиматия, наброшенного на голову. Внизу правый край гиматия имеет волнообразный изгиб. Тонкими волнистыми рельефными полосками изображены складки хитона на груди и гиматия. На гиматии в районе плеч прослеживаются розетки. Слева на гиматии в районе головы сохранились следы голубой краски. На внешней поверхности сколы и трещины. На внутренней стороне отпечатки пальцев мастера. Глина тонкая, плотная, хорошо отмученная, лилового цвета с примесью песка. Размеры: высота фрагмента – 9,2 см; ширина – 3,8 см; толщина стенки – 0,8 см. Пантикапейское производство, III-I вв. до н.э. Опубликовано: Т.М. Арсеньева, Д.Б. Шелов, 1965, с. 15; Д.Б. Шелов, 1970, с. 168; Т.М. Арсеньева, 1974, с. 8; Н.И. Суворова, 2013б, с. 451; Н.И. Суворова, 2014а, с. 234. Аналогии: М.А. Наливкина,

1952, с. 332; В.И. Денисова, 1981, с. 32, табл. III; САИ, Г 1-11, 1974, ч. IV, табл. 1, 3, 5, 6; САИ, Г 1-11, 1974, ч. IV, табл. 51, I.

8. Фрагмент терракотовой протомы (рис. 9). Раскоп VI, улица А, 1998 г., № 80. АМЗТ КП 243/АГ 70/364. Найдена в центре западной части акрополя, недалеко от подвала ИО, при исследовании широтной улицы А, перекрывшей более раннее помещение, в слое, относящемся к начальному периоду жизни Танаиса (рис. 1,4). Сохранился правый нижний угол с изображением гиматия, спадающего с плеч, и фрагмента согнутой в локте руки, держащей какой-то предмет. Протома отмыта в форме. На внутренней и внешней поверхностях следы стеки и отпечатки пальцев мастера. Боковая поверхность залощена. Глина тонкая, плотная, хорошо отмученная, коричневого цвета с блестящими мелкими частицами. Размеры: высота фрагмента – 4,1 см; ширина – 3,0 см; толщина стенки – 0,6-0,7 см. Боспорское производство. Первая половина III в. до н.э. Опубликовано: Т.М. Арсеньева, Б. Бётггер, С.А. Науменко, 2001, с. 89; Н.И. Суворова, 2013б, с. 451; Н.И. Суворова, 2014а, с. 234.

9. Фрагмент терракотовой женской статуэтки (рис. 10). Раскоп III, 1963 г., № 41. АМЗТ, КП 3/АЭ 15/9. Найден к востоку от акрополя, в мусорной свалке (рис. 1,5). Сохранилась лицевая часть головы в башенной короне и гиматии, наброшенном на голову. На голове диадема. Волосы аккуратно уложены в прическу с пробором посередине, горизонтальными прядями обрамляют лицо. В правом ухе крупная серьга каплевидной формы. Лицо сбито, не сохранилось. Тонкая моделировка волос и фрагмента глаза указывает на высокое качество производства. Лицевая сторона статуэтки, вероятно, была отмыта в форме. Боковые и верхняя поверхности залощены. На внутренней поверхности отпечатки пальцев мастера. Глина коричневого цвета с примесью мелких блестящих частиц. Размеры: высота фрагмента – 4,8 см; ширина – 5,2 см; толщина стенки – 0,6 см. Синопское производство. Эллинизм. Опубликовано: Т.М. Арсеньева, 1974, с. 9; Н.И. Суворова, 2013б, с. 452. Аналогии: САИ, Г 1-11, 1970, таб. 34,3.

10. Фрагмент терракотовой женской статуэтки (рис. 11). Раскоп VI, Б. 4 сев., 2007 г., № 1. АМЗТ КП 370/АГ121/1. Найден в мусорных слоях под полом башни 4-северной римского времени западной оборонительной стены (рис. 1,6). Сохранилась лицевая часть головы в башенной короне. Лицо богини узкое, невысокое, пышно обрамлено волосами с прядями, изображенными перпендикулярно лицу. Глаза большие, выразительные. Нос прямой, среднего размера. Рот маленький, с пухлыми губами. Подбородок заострен. Лицевая сторона статуэтки, вероятно, была отмыта в форме. На внешней поверхности сохранились следы доработки стеклой, а также красная и голубая краска на лице, розовая и голубая на башенной короне. На внутренней поверхности отпечатки пальцев мастера. Глина тонкая, хорошо отмученная, светло-коричневого цвета с примесью мелких блестящих частиц. Размеры: высота фрагмента – 4,1 см; ширина фрагмента – 3,7 см. Опубликовано: Т.М. Арсеньева, С.М. Ильяшенко, С.А. Науменко, 2010а, с. 129-145; Т.М. Арсеньева, С.М. Ильяшенко, С.А. Науменко, 2010б г., с. 14; Н. И. Суворова, 2013б, с. 452. Аналогии: САИ, Г 1-11, 1974, ч. IV, таб. 39,4.

11. Фрагмент объемной женской статуэтки (рис. 12). Раскоп VI, 1978 г., ВЛ/32, № 1675. АМЗТ КП 3/АЭ 15/43. Найден под полом подвала ВЛ, в центральной части акрополя. Сохранилась только головка, выполненная на высоком художественном уровне. Голова слегка наклонена вправо. Выражение лица задумчиво-печальное. Лицо узкое, невысокое. Шея тонкая, длинная. Глаза небольшие, выразительные. Нос прямой, среднего размера, в нижней части имеет дефект изготовления. Рот маленький, с пухлыми губами. Волосы длинные, густые, вьющиеся, разделены на пробор посередине, сзади уложены в греческий узел. В ушах округлые серьги. Головка была отмыта, вероятно, в двух формах, а затем части ее склеены жидкой глиной и заглажены шпателем. Фрагмент покрыт темно-коричневой обмазкой. На волосах сохранились следы красной краски. На внешней поверхности следы доработки стеклой и отпечатки пальцев мастера. Глина тонкая, плотная, хорошо отмученная, коричневого цвета с примесью мелких блестящих частиц. Размеры: высота фрагмента –

3,6 см; ширина фрагмента – 2,6 см. Танагское производство. III в. до н.э. Опубликовано: Т.М. Арсеньева, Д.В. Деопик, 1978 г., с. 111; Т.М. Арсеньева, 1983 г., с. 103. Аналогии: САИ, Г 1-11, 1970, таб. 13,4; САИ, Г 1-11, 1970, таб. 14,3; Н. Н. Бритова, 1969 г., с. 154, илл. 66; с. 155, илл. 71.

12. Фрагмент лицевой стороны терракотовой женской статуэтки (рис. 13). Случайная находка на городище в 1966 г. АМЗТ, КП 3/АЭ 15/34. Сохранилась средняя часть статуэтки, изображающая нижнюю часть длинного хитона с густой драпировкой и гиматия, наброшенного сверху. Женская фигура изображена опирающейся на левую ногу, чуть согнув правую в колене. У правого колена фрагмент головы птицы. Лицевая сторона статуэтки, вероятно, была отмыта в форме. На внешней поверхности светлый ангоб. На внутренней поверхности отпечатки пальцев мастера. Глина тонкая, хорошо отмученная, коричневого цвета с примесью блестящих и белых частиц. Размеры: высота фрагмента – 5,8 см; толщина стенки – 0,4 см. Фанагорийское производство. Позднеэллинистическое время. Опубликовано: Т.М. Арсеньева, 1974, с. 9; Н.И. Суворова, 2013б, с. 453. Аналогии: САИ, Г 1-11, 1974, ч. IV, таб. 6,1; САИ, Г 1-11, 1974, ч. IV, таб. 28,2.

13. Два фрагмента лицевой стороны большой терракотовой статуэтки, изображающей стоящую на постаменте женщину в длинном хитоне и гиматии (рис. 14). Раскоп III, 1956 г., №№ 244, 245, 430. АМЗТ КП 66/АН 1/142. Найдены к востоку от акрополя в мусорной свалке. Правая нога чуть согнута в колене, левая ступня едва выглядывает из-под веерообразно расходящихся складок хитона. Поверх длинного хитона наброшен гиматий, ниспадающий складками ниже колена. В нижней части хитона у левой ступни сквозное отверстие подтреугольной формы, вероятно, оставленное стекой. Постамент невысокий, прямоугольной формы. Сохранились три фрагмента статуэтки. Вероятно, они были отмыты в форме. На внешней поверхности следы стеки и лощения. На внутренней поверхности отпечатки пальцев мастера и следы стеки. Глина тонкая, хорошо отмученная, коричневого цвета с примесью белых и блестящих частиц. Размеры: высота первого фрагмента – 8,2 см; ширина – 4,9 см; толщина стенки – 0,6 см; высота второго фрагмента – 7,9 см; ширина – 9,4 см; толщина стенки – 0,7-0,8 см; высота постамента – 2,7 см. Фанагорийское производство. I в. до н.э. - I в. н.э. Опубликовано: Д.Б. Шелов, 1972, с. 291; Т.М. Арсеньева, 1974, с. 9; Н.И. Суворова, 2013б, с. 453. Аналогии: САИ, Г 1-11, 1970, таб. 14,5; САИ, Г 1-11, 1970, таб. 24, 1-2; САИ, Г 1-11, 1974, ч. III, таб. 18,1; САИ, Г 1-11, 1974, ч. IV, таб. 5,1.

14. Фрагмент лицевой стороны объемной статуэтки, изображающей, вероятно, стоящую женскую фигуру в хитоне и гиматии (рис. 15). Раскоп XXV, 2015 г., № 27. АМЗТ ВХ/27. Найден к востоку от эллинистического рва. Сохранилась нижняя часть лицевой стороны статуэтки: левая нога, чуть согнутая в колене, облаченная в хитон, вертикальные складки которого чуть расходятся книзу. Поверх хитона накинута гиматий, ниспадающий слева направо тремя широкими складками. Хитон и гиматий, вероятно, украшали розетки диаметром 0,7 см, выполненные в виде рельефных точек. У согнутой в колене ноги, возможно, рельефно выполненная гроздь винограда и часть головы с шейкой. Лицевая сторона статуэтки была отмыта в форме. На внутренней поверхности отпечатки пальцев мастера и следы стеки. Глина тонкая, хорошо отмученная, коричневого цвета с примесью блестящих, темных и белых частиц. Размеры: высота фрагмента – 5,5 см; ширина – 3,1 см; толщина стенки – 0,3-0,5 см. Позднеэллинистическое время. Аналогии: САИ, Г 1-11, 1974, ч. IV, таб. 6,1; САИ, Г 1-11, 1974, ч. IV, таб. 28,2.

15. Фрагмент объемной мужской терракотовой статуэтки (флейтист) (рис. 16). Раскоп IX, 1961 г., № 3086. АМЗТ КП 3/АЭ 15/7. Найден к западу от основного четырехугольника городища, у эллинистической оборонительной стены. Сохранилась верхняя часть лицевой стороны статуэтки: голова, шея, плечо, торс; а также часть оборотной стороны – фрагмент уха. Голова чуть повернута вправо. Лицо узкое, высокое, не проработано стекой. Глаза лишь намечены углублениями. Нос большой, курносый. Рот большой. Во рту фрагмент какого-то предмета, возможно, авлоса. Волосы, разделенные на три рельефные пряди, закрывают лоб. На лбу ниже прядей волос посередине узор в виде трех ромбов, выполненных рельефными полосками. В верхней части головы отверстие для подвешивания, диаметром 0,5 см. Справа на голове большое плоское ухо. На оборотной стороне уха

цветочная розетка в виде нескольких рельефных окружностей. Шея короткая. На шее и правом плече фрагменты рельефного орнамента, возможно, украшающего одежду. Лицевая и обратная стороны статуэтки были отмыты в формах. Фрагмент склеен из двух частей, на поверхности трещины и сколы. На лицевой поверхности следы стеки. Внутренняя поверхность сильно заизвесткована. Глина плотная, тонкая, хорошо отмученная, коричневого цвета с примесью мелких блестящих частиц. Размеры: высота фрагмента – 6,9 см; толщина стенки – 0,5 см. Фанагорийское производство. III-I вв. до н.э. Опубликовано: Д.Б. Шелов, 1970, с. 168; Т.М. Арсеньева, 1974, с. 9; Н.И. Суворова, 2013б, с. 453. Аналогии: САИ, Г 1-11, 1970, таб. 54,б.

16. Фрагмент невысокого постамента с частью правой ступни, выглядывающей из-под длинного хитона (рис. 17). Раскоп VI, 1999 г., № 312. АМЗТ КП 248/АГ 71/313. Найден в центральной части акрополя, при исследовании широтной улицы А, в районе входа на усадьбу б. Носок ступни уплощенный, округлый. Ребра постамента сглажены. На верхней поверхности постамента на расстоянии 0,3 см от края, справа от ступни, две параллельные врезные линии. На боковой поверхности постамента следы красной краски. По-видимому, лицевая сторона статуэтки была отмыта в форме, доработана стеккой. Глина тонкая, хорошо отмученная, оранжевого цвета с примесью песка. Размеры: высота фрагмента – 1,9 см; длина – 2,4 см; высота постамента – 1,1 см; толщина стенки – 0,4 см. III-I вв. до н.э. Опубликовано: Н.И. Суворова, 2013б, с. 453. Аналогии: САИ, Г 1-11, 1970, таб. 14,9; САИ, Г 1-11, 1970, таб. 33,б.

17. Фрагмент высокого постамента полый объемной терракотовой статуэтки (рис. 18). Раскоп XX, 1997 г., № 1251. АМЗТ КП 212/АГ 67/15. Найден в центре восточной части акрополя, в мусорном слое северной пристройки помещения В. Вероятно, постамент был подпрямоугольной формы, с изгибом в боковой части. Лицевая часть постамента, возможно, была отмыта в форме, обратная смоделирована от руки. Нижняя поверхность заложена. На внешней поверхности вертикальные следы доработки стеккой. На внутренней поверхности следы стеки и отпечатки пальцев мастера. Глина плотная, хорошо отмученная, коричневого цвета с примесью мелких блестящих частиц. Размеры: высота фрагмента – 6,4 см; ширина фрагмента – 2,3 см; толщина стенки – 0,7 см. Эллинизм. Опубликовано: Н.И. Суворова, 2013б, с. 453. Аналогии: М.М. Кобылина, 1961, таб. XIV,1; САИ, Г 1-11, 1974, ч. III, таб. 31,1; САИ, Г 1-11, 1974, ч. III, таб. 39,4; САИ, Г 1-11, 1974, ч. III, таб. 46,4.

18. Нижняя часть объемной статуэтки, изображающей туго спеленутого грудного ребенка (рис. 19). Раскоп XXV, 2006 г., № 35 р. АМЗТ КП 315/АГ 138/33. Найдена к западу от центрального городища при исследовании эллинистического оборонительного рва. Верхняя часть статуэтки с головой на подушечке утрачена. Фрагмент подовальной формы. Лицевая сторона объемная, отмыта в форме, изображает многочисленные складки пеленки. Обратная сторона плоская, заглажена от руки. На лицевой и оборотной поверхностях следы стеки. Фрагмент заизвесткован, на поверхности сколы и трещины. Глина тонкая, плотная, хорошо отмученная, темно-коричневого цвета с крупными белыми включениями. Размеры: высота фрагмента – 6,8 см; ширина – 2,6 см; толщина 0,9-1,7 см. Малоазийское производство. Эллинизм. Опубликовано: Н.И. Суворова, 2013б, с. 453; Н.И. Суворова, 2014б, с. 379. Аналогии: Eberhard Paul, 1974, с. 54.

19. Фрагмент правой руки женской статуэтки крупных форм (рис. 20). Раскоп VI, 1959 г., № 1. АМЗТ КП 3/АЭ 15/4. Найден к западу от основного четырехугольника городища. Указательный и средний пальцы руки придерживают гиматий. Ногти прочерчены стеккой. Фрагмент, вероятно, отмыт в форме. На внешней поверхности светлый ангоб. На внутренней поверхности следы обработки стеккой и отпечатки пальцев мастера. Глина тонкая, плотная, хорошо отмученная, коричневого цвета с примесью мелких блестящих частиц. Размеры: длина фрагмента – 7,7 см; ширина фрагмента – 5,3 см; толщина стенки – 0,6 см. Пантикапейское производство. Позднеэллинистическое время. Опубликовано: Т.М. Арсеньева, 1974, с. 9; Н.И. Суворова, 2013б, с. 454.

20. Часть основания с фрагментом левой ступни в башмачке женской статуэтки крупных форм (рис. 21). Раскоп XXV, 2006 г., № 13 р. АМЗТ КП 315/АГ 138/13. Найдена к западу от основного четырехугольника городища при исследовании эллинистического оборонительного рва. Слева от ступни, возможно, изображен волнообразно ниспадающий гиматий. Лицевая сторона статуэтки, скорее всего, была отмыта в форме. Обратная сторона не обработана, на ней глубокий вдавленный след большого пальца правой руки мастера. Лицевая и боковая поверхности фрагмента доработаны стеклой, залощены, покрыты светлым ангобом. Глина тонкая, плотная, хорошо отмученная, светло-коричневого цвета с примесью мелких блестящих и крупных белых частиц. Склеен из двух фрагментов, на поверхности сколы. Размеры: высота фрагмента – 4,5 см; длина – 8,1 см; ширина – 8,2 см; толщина стенки – 0,5-0,8 см. III-II вв. до н.э. Опубликовано: Н.И. Суворова, 2013б, с. 454. Аналогии: В.И. Денисова, 1981, с. 44, 53, 60; таб. XII,*e*; таб. XV,*a*; таб. XVII,*u*.

21. Фрагмент терракотовой маски Диониса (рис. 22). Раскоп VI, 1979 г., № 3209. АМЗТ КП 155/АГ 52/б/н. Найден в центре западной части акрополя, в эллинистической яме II в. до н.э. Маска была отмыта в форме. Сохранилась верхняя центральная часть бороды и нижняя часть нижней губы. Борода в виде вьющихся локонов, разделенных на пряди. Внешняя поверхность покрыта светлым ангобом. Внутренняя поверхность заглажена от руки, частично залощена, на ней следы стеки и отпечатки пальцев мастера. Глина плотная, тонкая, хорошо отмученная, темно-коричневого цвета с мелкими вкраплениями слюды. Фрагмент заизвесткован, на поверхности сколы, следы сажи. Размеры: высота фрагмента – 4,3 см; ширина – 5,6 см; толщина – 0,5-1,1 см. Опубликовано: Н.И. Суворова, 2013б, с. 454. Аналогии: САИ, Г 1-11, 1970, таб. 22,5; САИ, Г 1-11, 1970, таб. 12,4; САИ, Г 1-11, 1970, таб. 44,*l*; САИ, Г 1-11, 1974, ч. III, таб. 12,2; В.И. Денисова, 1981, таб. XXII,*ж*.

22. Фрагмент терракотовой маски Диониса (рис. 23). Раскоп XXV, 2015 г., № 74. АМЗТ ВХ/74. Найден к востоку от эллинистического рва. Маска была отмыта в форме. Сохранилась верхняя левая часть бороды со сквозным отверстием. Борода в виде локонов, разделенных на вертикальные пряди. Боковая поверхность маски заглажена стеклой. На внешней поверхности сохранились следы темно-красной краски. Внутренняя поверхность заглажена от руки, на ней сохранились следы стеки. Глина плотная, тонкая, хорошо отмученная, коричневого цвета с мелкими белыми и блестящими частицами. Фрагмент заизвесткован, на поверхности сколы, следы сажи. Размеры: высота фрагмента – 7,2 см; ширина – 6,9 см; толщина – 0,7 см. Аналогии: САИ, Г 1-11, 1970, таб. 12,2,4; САИ, Г 1-11, 1974, ч. III, таб. 12,*l*,2; В. И. Денисова, 1981, таб. XXI,*б*, таб. XXII,*ж*; А.А. Масленников, 2006, таб. 29.

23. Фрагмент терракотовой рельефной плитки с «дионисийским сюжетом» (рис. 24). Случайная находка, 2004 г. АМЗТ КП 383/АО 36/1. Найден на восточной окраине с. Синявское. Лицевая сторона рельефа отмыта в форме, детали не проработаны стеклой. Обратная сторона рельефа плоская, не аккуратно заглаженная, на ней сохранились отпечатки пальцев мастера. Верхняя и частично боковая поверхности рельефа обработаны стеклой и залощены. На сохранившемся фрагменте – поясное изображение силена. Лицо овальное, с пухлыми щеками, полными губами и массивным носом. Глаза глубокие, близко посаженные. Лицо обрамлено клиновидной бородой. На голове конусовидный головной убор. Рука согнута почти под прямым углом. Силен одет в верхнюю одежду с треугольным вырезом. Лицевая поверхность рельефа покрыта светлым ангобом. Глина боспорская, плотная, хорошо отмученная, светло-коричневого цвета. Размеры: высота фрагмента – 7,1 см; ширина – 2,5-3,4 см; максимальная толщина стенки – 1,8 см. Опубликовано: Н.И. Суворова, 2013б, с. 454; Н.И. Суворова, 2013а, с. 184. Аналогии: Д.В. Журавлев, Г.А. Ломтадзе, 2012, с. 62.

24. Фрагмент терракотовой курильницы, изображающей жертвенного быка (рис. 25). Случайная находка, свалка I, Нижний город, 1977 г., № 75. АМЗТ КП 101/АГ 115/297. Сохранилась правая часть головы быка. По всей вероятности, правая и левая стороны головы были отмыты в одной хорошо профилированной матрице. На сохранившемся фрагменте – глаз, ухо, основание рога, лоб, верхняя и задняя часть головы. Глаз большой, выпуклый, с рельефными веками. В центре глаза, ближе к верхнему веку, небольшое сквозное отверстие, сделанное снаружи, диаметром 0,2 см.

Надбровная дуга выпуклая, орнаментирована неглубокими косыми насечками. Под глазом на щеке рельефная складка кожи, орнаментированная неглубокими косыми насечками. Ухо небольшое, овальное, чуть заостренное в верхней части. У основания уха небольшое сквозное отверстие, сделанное снаружи, диаметром 0,3 см. От отверстия к краю уха располагаются неглубокие косые насечки. В верхней части головы основание рога. На лбу и в верхней части головы рельефные пряди шерсти. На поверхности следы светлого ангоба и стеки. Глина боспорская, плотная, хорошо отмученная, светло-коричневого цвета. Размеры: высота фрагмента – 2,8 см; ширина – 3,1 см; максимальная толщина стенки – 1,5 см. Аналогии: М.М. Кобылина, 1978, с. 51-52; Т.А. Ильина, Д.В. Журавлев, 2002, с. 73; И.В. Белоцерковская, 2014, стр. 14.

Литература

- Арсеньева Т.М. Терракоты из Танаиса. // САИ, Г 1-11. – 1974. – ч. IV. – С. 8-10.
- Арсеньева Т.М. Раскопки Танаиса в 1977-1980 гг. // КСИА. – 1983. – № 174. – С. 100-108.
- Арсеньева Т.М. Некоторые итоги работ в Танаисе // Вестник Танаиса. – 2007. – Вып. 2. – С. 13-22.
- Арсеньева Т.М., Бёттгер Б., Науменко С.А. К истории эллинистического Танаиса // Проблемы истории, филологии, культуры. – М.: Магнитогорск, 2001. – XI. – С. 84-120.
- Арсеньева Т.М., Деопик Д.В. Исследования в Танаисе // АО-1978. – 1979. – С. 111-112.
- Арсеньева Т.М., Ильяшенко С.М., Науменко С.А. Новые закрытые комплексы Танаиса II-III вв. н.э. // ДБ. – 2009. – № 13. – С. 38-78.
- Арсеньева Т.М., Ильяшенко С.М., Науменко С.А. Исследования на городище Танаис в 2007 году // ИАИАНД-2007-2008. – 2010а. – Вып. 24. – С. 129-145.
- Арсеньева Т.М., Ильяшенко С.М., Науменко С.А. О хронологии древнего Танаиса // СΥΜΒΟΛΑ. – 2010б. – Вып. 1. – С. 11-21.
- Арсеньева Т.М., Науменко С.А. Усадьбы Танаиса. – М.: Эвтектика, 1992. – 232 с.
- Арсеньева Т.М., Шелов Д.Б. Раскопки центральной части Танаиса (1955-1957 гг.) // Древности Нижнего Дона. – М.: Наука, 1965. – С. 7-17.
- Бритова Н. Н. Греческая терракота. – М.: Искусство, 1969. – 180 с.
- Двуреченская Н.Д. Терракотовая пластика Средней Азии IV в. до н.э. – IV в. н.э. (археологический аспект): Автореф. дис ... канд. ист. наук: 07.00.06. – М., 2009. – 24 с.
- Денисова В.И. Керамика Боспора. – Л.: Наука, 1981. – 172 с.
- Белоцерковская И.В. Введение в археологические фонды Государственного исторического музея // Труды ГИМ. – М., 2014. – Выпуск 201. – С. 6-24.
- Журавлев Д.В., Ильина Т.А. Терракотовые статуэтки // На краю ойкумены. Греки и варвары на северном берегу Понта Эвксинского: Каталог выставки в Государственном Историческом музее. 30 мая-15 августа 2002 г. – М., 2002. – 143 с.
- Журавлев Д.В., Ломтадзе Г.А. Терракотовый рельеф с дионисийским сюжетом из Кеп // ВДИ. – 2012. – № 2. – С. 55-69.
- Ильина Т.А. Псевдотанагрские статуэтки из Пантикапея (в собрании ГМИИ им. А.С. Пушкина) // ДБ – 2006. – № 9. – С. 152-176.
- Ильяшенко С.М., Толочко И.В. Детское погребение из раскопок грунтового некрополя Танаиса // Вестник Танаиса. – 1994. – Вып. 1. – С. 176-187.
- Кобылина М.М. Терракотовые статуэтки Пантикапея и Фанагории. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. – 184 с.
- Кобылина М.М. Изображения восточных божеств в Северном Причерноморье в первые века н. э. – М.: Наука, 1978. – 216 с.
- Леви Е.И. Терракоты из Ольвии // САИ, Г 1-11. – 1970. – С. 33-56.
- Марченко И.Д. Терракоты из святилища на Майской горе (Блеваке) // САИ, Г 1-11. – 1974. – ч. IV. – С. 31-35.
- Масленников А.А. Античное святилище на Меотиде. – М.–Тула: Гриф и К, 2006. – 152 с.
- Науменко С.А. Исследование центральной части западной оборонительной линии основного четырехугольника городища (по материалам раскопок 2005 года) // Вестник Танаиса. – 2007. – Вып. 2. – С. 40-65.

- Попова Е.А. К вопросу о назначении привратных святилищ в греческой ритуальной практике IV-III вв. до н.э. (по материалам городища «Чайка» в Крыму) // РА. – 2014. – № 1. – С. 20-25.
- Сапрыкин С.Ю. Религия и культы Понта эллинистического и римского времени. – М. – Тула: Гриф и К. – 430 с.
- Суворова Н.И. Случайная находка у с. Синявское // ИАИАИАНД-2011. – 2013а. – Вып. 27. – С. 184-189.
- Суворова Н.И. Эллинистическая терракота Танаиса // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Археологический объект в контексте истории. – Керчь, 2013б. – Вып. XIV. – С. 450-457.
- Суворова Н.И. Протомы эллинистического времени из Танаиса // ИАИАИАНД-2012. – 2014а. – Вып. 28. – С. 227-239.
- Суворова Н.И. Сюжет «спеленутый ребенок» в античном изобразительном искусстве // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы хронологии. – Керчь, 2014б. – Вып. XV. – С. 379-385.
- Шелов Д.Б. Отчет о работе Нижне-Донской археологической экспедиции за 1955 г. // Архив АМЗ «Танаис». – 1955. – АМЗТ НВФ 166/1. – 23 с.
- Шелов Д.Б. Отчет о полевых работах Нижне-Донской археологической экспедиции ИИМК АН СССР в 1957 г. // Архив АМЗ «Танаис». – 1957. – АМЗТ НВФ 168/1. – 62 с.
- Шелов Д.Б. Раскопки северо-восточного участка Танаиса (1955-1957 гг.) // Древности Нижнего Дона. – М.: Наука, 1965. – С. 56-129.
- Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в III-I вв. до н.э. – М.: Наука, 1970. – 252 с.
- Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. – М.: Наука, 1972. – 352 с.
- Eberhard Paul. Griechische Terrakotten. – 32 farbige Tafeln Herausgegeben von Eberhard Paul. – Leipzig, 1974. – 56 с.

РИС. 1. ОБЩИЙ ПЛАН ТАНАИСА С ИССЛЕДОВАННЫМИ УЧАСТКАМИ

РИС. 2. ПРОТОМА ДЕМЕТРЫ ИЗ ПОДВАЛА ИО № 106.

РИС. 3. ПРОТОМА ДЕМЕТРЫ ИЗ ПОДВАЛА ИО, № 105.

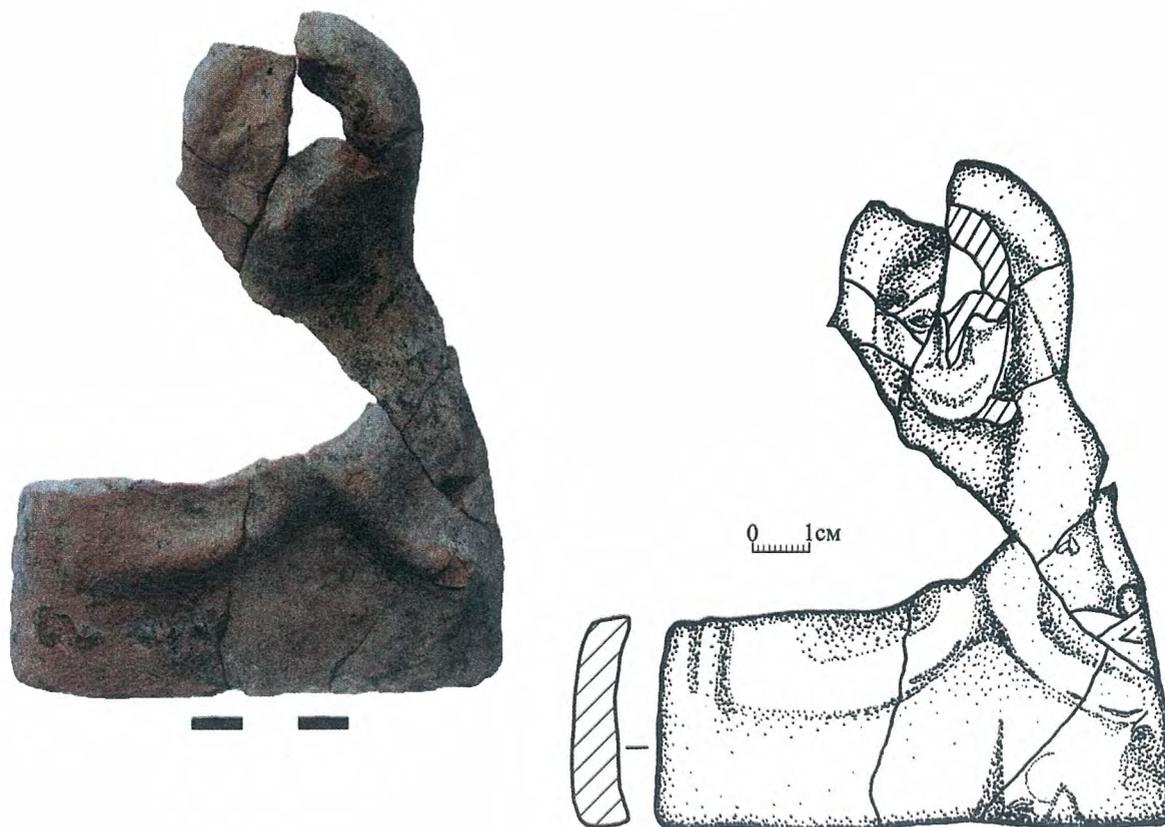

РИС. 4. ПРОТОМА ДЕМЕТРЫ ИЗ ПОДВАЛА ИО, № 150.

РИС. 5. ПРОТОМА ДЕМЕТРЫ ИЗ ПОДВАЛА ИО, № 151.

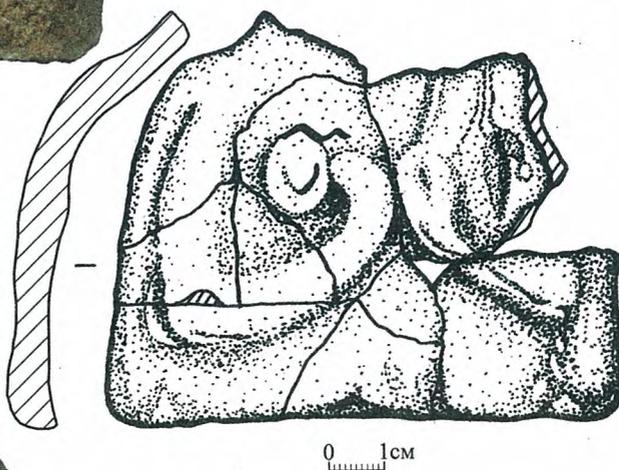
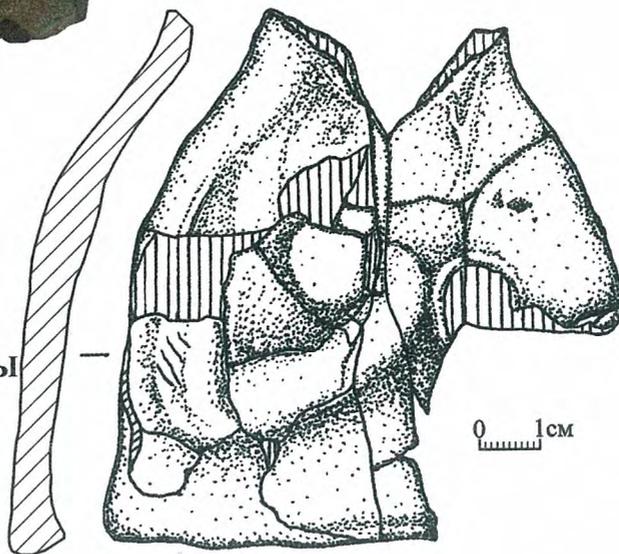

РИС. 6. ПРОТОМА ДЕМЕТРЫ ИЗ ПОДВАЛА ИО, № 152.

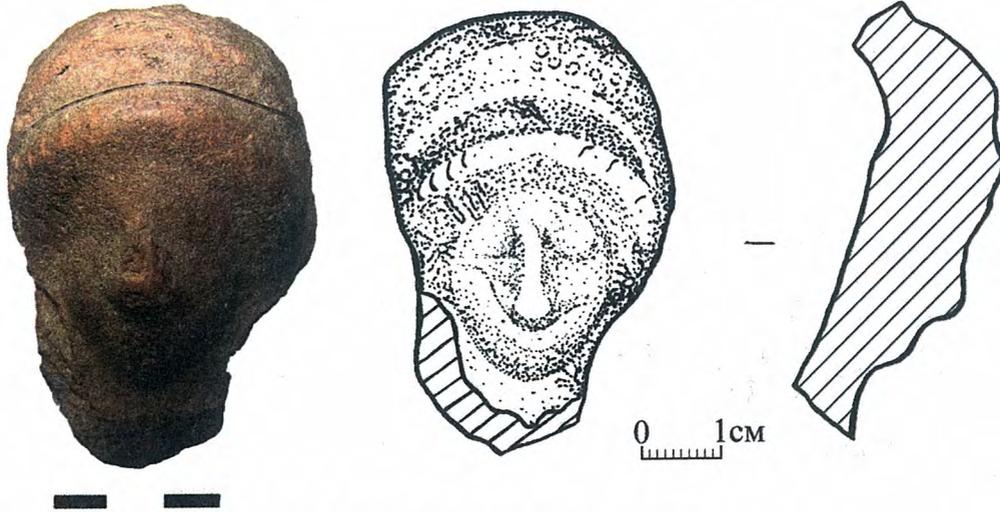

РИС. 7. ФРАГМЕНТ ПРОТОМЫ ДЕМЕТРЫ В СТЕФАНЕ.

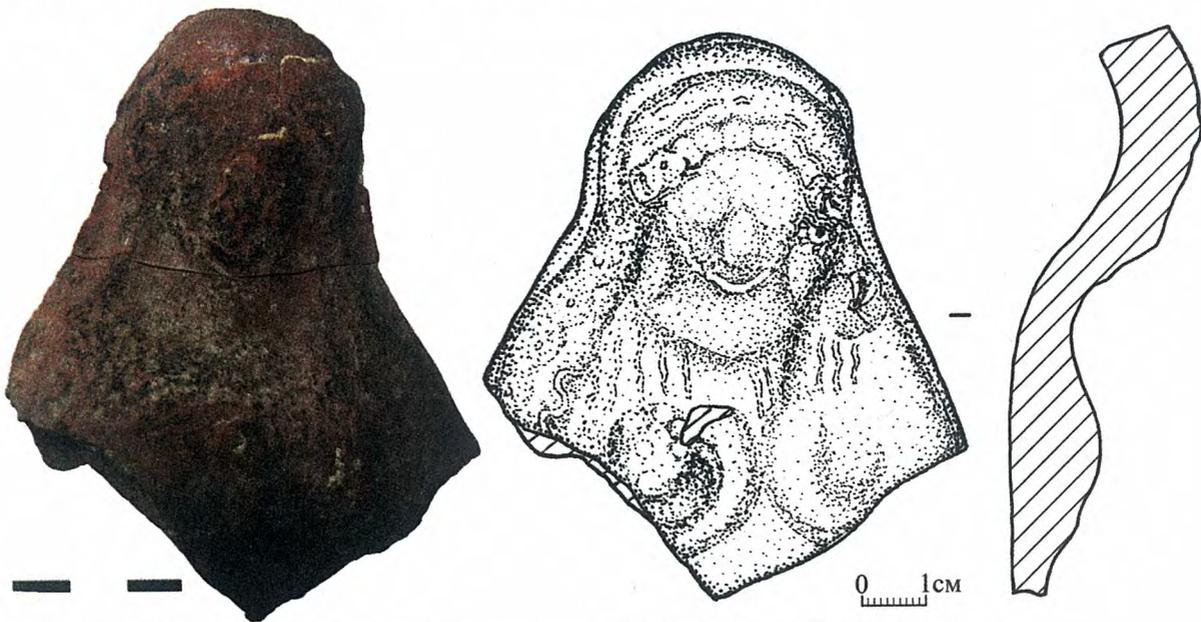

РИС. 8. ФРАГМЕНТ ПРОТОМЫ ДЕМЕТРЫ В ВЕНКЕ И ГИМАТИИ.

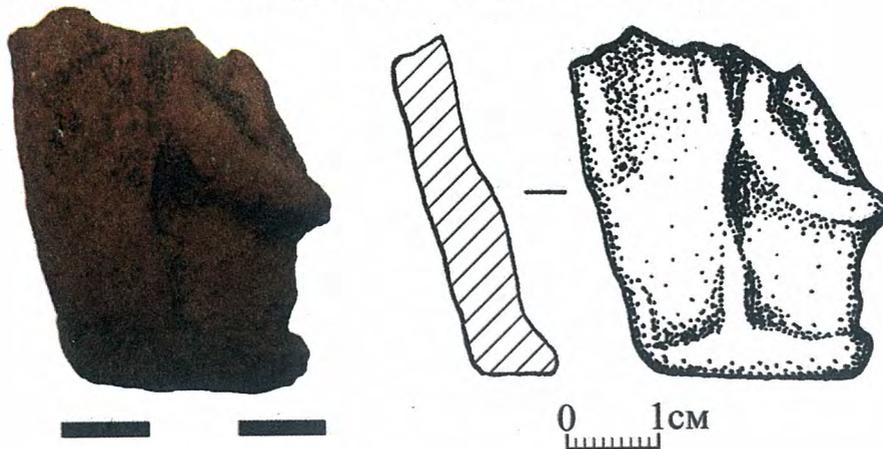

РИС. 9. ФРАГМЕНТ НИЖНЕЙ ЧАСТИ ПРОТОМЫ.

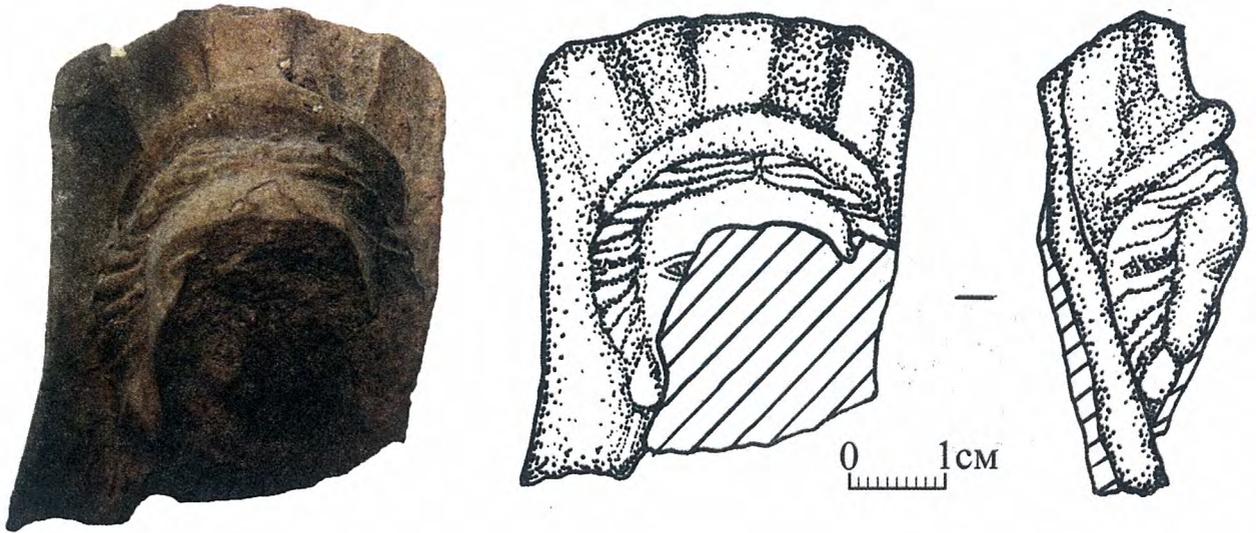

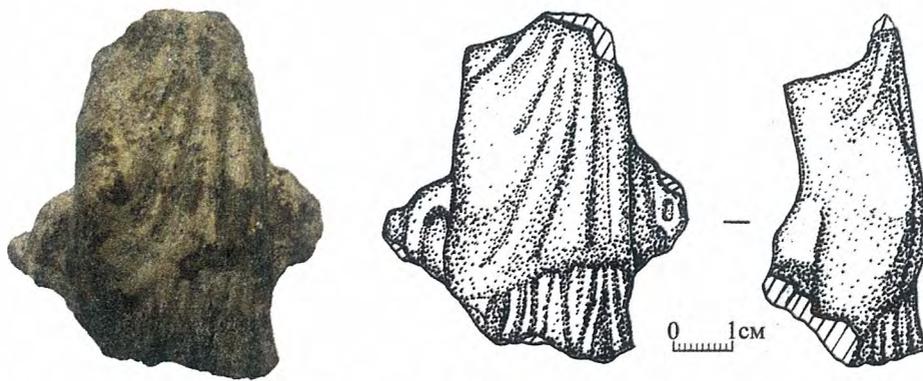
РИС. 10. ФРАГМЕНТ СТАТУЭТКИ, ИЗОБРАЖАЮЩЕЙ КИБЕЛУ.

РИС. 11. ФРАГМЕНТ СТАТУЭТКИ БОГИНИ В БАШЕННОЙ КОРОНЕ.

РИС. 12. ФРАГМЕНТ ТАНАГРСКОЙ СТАТУЭТКИ.

**РИС. 13. ФРАГМЕНТ ЖЕНСКОЙ
СТАТУЭТКИ, случайная находка
на городище**

**РИС. 14. ФРАГМЕНТ ЖЕНСКОЙ
СТАТУЭТКИ В ХИТОНЕ И ГИМАТИИ**

РИС. 15. ФРАГМЕНТ ЖЕНСКОЙ СТАТУЭТКИ, находка 2015 г.

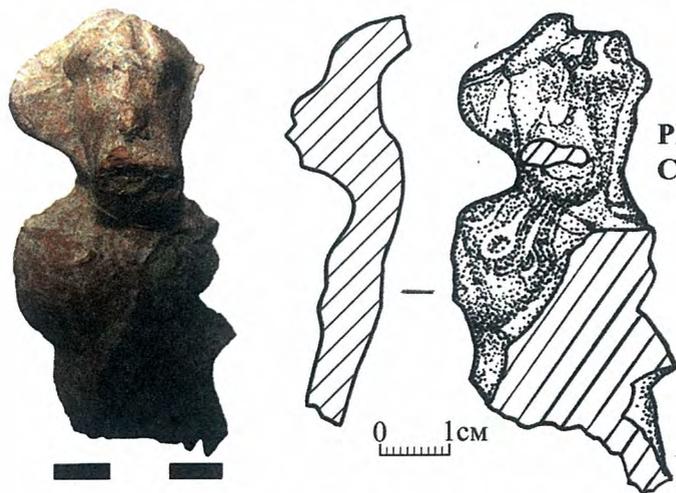

РИС. 16. ФРАГМЕНТ МУЖСКОЙ СТАТУЭТКИ.

РИС. 17. ФРАГМЕНТ НЕВЫСОКОГО ПОСТАМЕНТА С ЧАСТЬЮ ПРАВОЙ СТУПНИ.

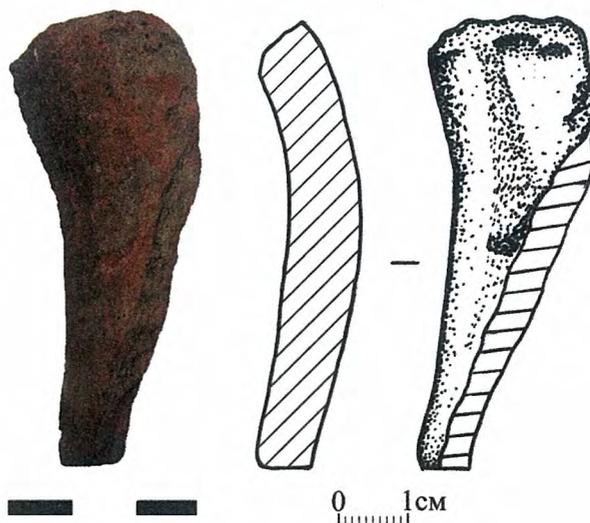

РИС. 18. ФРАГМЕНТ ВЫСОКОГО ПОСТАМЕНТА.

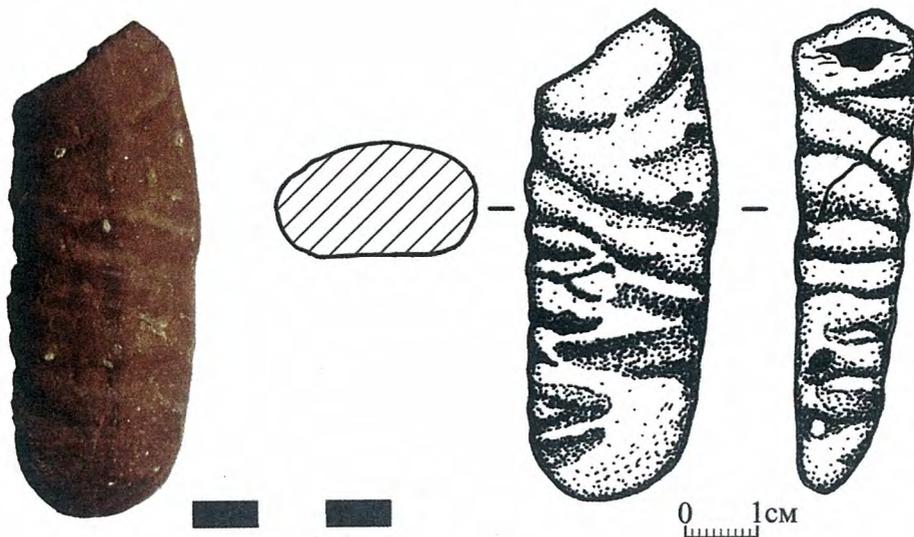

РИС. 19. НИЖНЯЯ ЧАСТЬ СТАТУЭТКИ, ИЗБРАЖАЮЩЕЙ ТУГО СПЕЛЕНУТОГО ГРУДНОГО РЕБЕНКА.

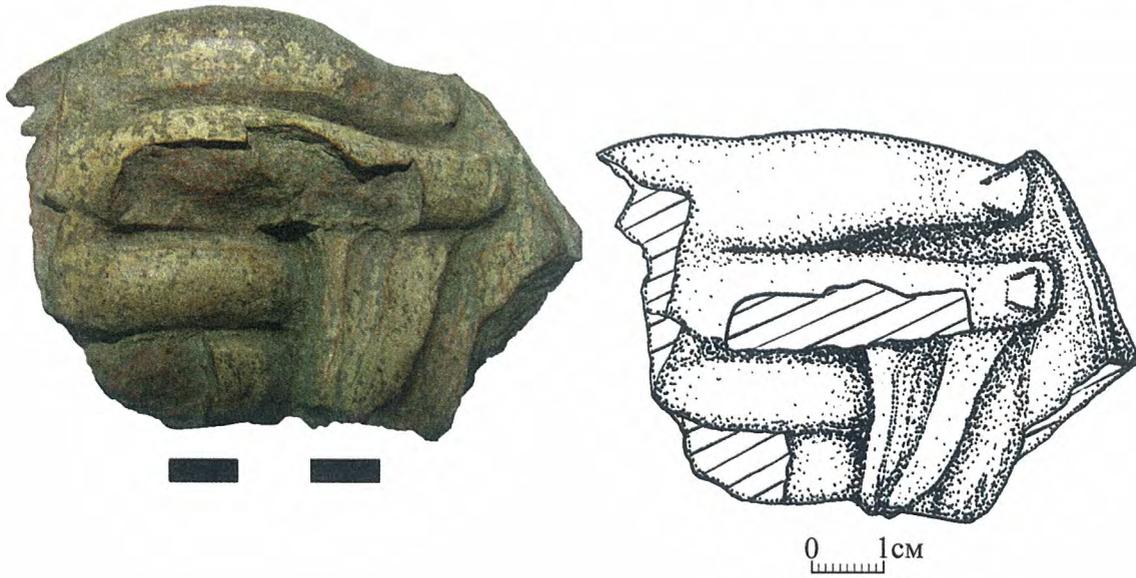
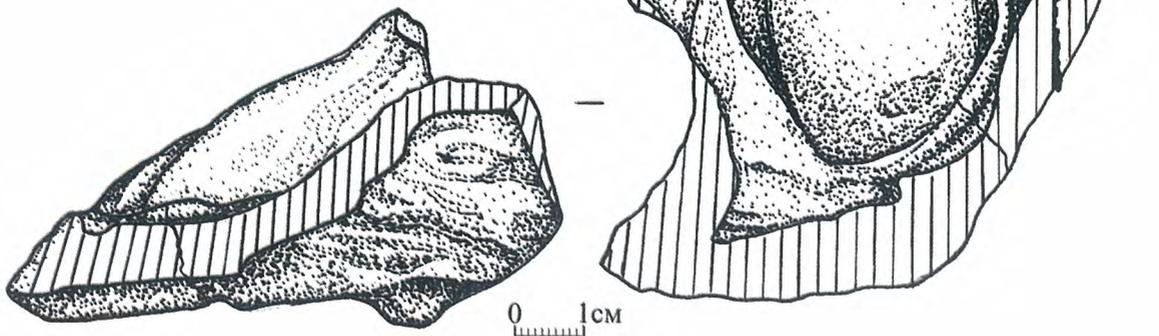

РИС. 20. ФРАГМЕНТ ПРАВОЙ ЖЕНСКОЙ РУКИ, ПРИДЕРЖИВАЮЩЕЙ ГИМАТИЙ.

РИС. 21. ФРАГМЕНТ СТАТУЭТКИ С ЧАСТЬЮ ОСНОВАНИЯ И ЛЕВОЙ ЖЕНСКОЙ СТУПНИ В БАШМАЧКЕ.

АРХЕОЛОГИЯ И ПРИРОДА НИЖНЕГО ДОНА

ПОЗДНЕСАРМАТСКИЙ КУРГАН У СТАНИЦЫ КАМЫШЕВСКОЙ НА ДОНУ

Безуглов С. И.

(sergbez@mail.ru)

В статье публикуются материалы позднесарматского воинского погребения, исследованного экспедицией Ростовского университета в 1990 г. Богатый инвентарь позволяет датировать захоронение концом II – первой третью III вв. н.э. Погребение содержит вещи различного происхождения (римский бронзовый ковш, глиняную миску донского производства, китайские нефритовые детали отделки меча). В культурно-типологическом плане погребение относится к обширной группе древностей, проявления которой известны от Центральной Азии и Ближнего Востока до Северной Европы. Историческое значение этой группы, по мнению автора, очень велико.

Ключевые слова: Боспор, военная знать, вооружение, конский убор, кочевники, курган, Нижний Дон, позднесарматская культура, погребение, Римская империя, социальная элита, Танаис.

THE LATE SARMATIAN BARROW NEAR THE VILLAGE OF KAMYSHEVSKIY ON DON

Bezuglov S. I.

(sergbez@mail.ru)

The article discusses the finds from the Late Sarmatian burial of a warrior, excavated in 1990 by the team from the Rostov State University. On the basis of the discovered artifacts, the burial can be dated to the period from the end of the second to the first third of the third centuries CE. The finds included, among others, a Roman bronze drinking vessel, a clay bowl produced in the Don region, and Chinese decorative parts of a sword made out of jade). Burials of such types are known throughout the large territory from Central Asia and Middle East to Northern Europe.

Key words: Bosphorus, military elite, arms, horse harness, nomads, kurgan, the Lower Don, Late Sarmatian Culture, burial, the Roman Empire, social elite, Tanais.

В 1990 г. отряд археологической лаборатории Ростовского университета проводил раскопки курганов в зоне строительства небольшого орошаемого участка у северо-восточной окраины ст. Камышевской, всего в нескольких сотнях метров от современной жилой застройки. Старая казачья станица Камышевская расположена на высоком правом берегу Дона, над заболоченной правобережной поймой, ширина которой от современного русла реки до коренного берега составляет

от 3 до 7 км, в 20 км к западу от г. Цимлянска, в пределах Цимлянского района Ростовской обл. по существующему административно-территориальному делению.

При раскопках 1990 г. в могильнике Камышевский I были исследованы три насыпи. Под одной из них (курган № 8) было открыто ограбленное и разрушенное позднесарматское погребение, сохранившее, тем не менее, значительное количество богатого инвентаря, залежавшего *in situ*. Этому комплексу и посвящена предлагаемая статья¹.

За годы, минувшие со времени раскопок, позднесарматское погребение из ст. Камышевской неоднократно упоминалось в литературе по самым разным поводам (Безуглов, 1998, с. 87-88; Безуглов, 2000, с. 170-172, 176-178; Мошкова, 2001, с. 243-244; Кропотов, 2010, с. 125 и др.). Не будет преувеличением сказать, что это один из самых ярких опорных памятников кочевой военной знати не только на Дону, но и на всей колоссальной по охвату территории распространения погребений позднесарматского культурного типа. Этот комплекс существенно дополняет представления об облике и сути позднесарматской воинской субкультуры. Ныне я пользуюсь случаем, чтобы представить камышевский курган с достаточной полнотой.

Описание погребального комплекса

Курган к моменту раскопок представлял собой небольшую, сильно распаханную возвышенность, полы которой сливались с поверхностью современного поля. Его высота – 0,30 м, диаметр – 20 м. После снятия насыпи было установлено, что в центральной части она была прорезана грабительской воронкой, пришедшейся на заполнение погребения. Под пахотным слоем, в центральной части воронки прослежена линза желтого песка протяженностью 1,25 м и мощностью до 0,32 м. По краям могильной ямы на уровне древнего горизонта прослежен глинистый материковый выкид из погребения мощностью 5-8 см. В кургане обнаружено и исследовано одно погребение (рис. 1).

Погребение 1. (рис. 2). Глубина – 2,63 м от вершины кургана. На уровне материка яма имела размытые, неправильно-овальные очертания (2,71x2,46 м) и была ориентирована по линии С-Ю. Судить о первоначальной форме погребального сооружения довольно сложно, т.к. яма сильно повреждена при ограблении и, кроме того, ее нижняя часть вырыта в чистом материковом песке, где границы определялись с трудом. Стенки ямы в восточной и юго-восточной части наклонны ко дну, западная практически отвесна, а юго-западный и северо-западный углы подбиты на 0,14-0,22 м по отношению к уровню материка. Размеры ямы по дну – 2,60x2,15 м; в плане, у дна, восточная стенка дуговидна, а западная спрямлена. Дно ямы в юго-восточной части прокопано грабителями на 0,10-0,13 м в глубину. Вдоль западной стенки могилы была вырыта длинная узкая канавка (2,23x0,09-0,14 м), углубленная на 0,10-0,13 м ниже уровня дна. В северо-западной части ямы и у канавки, ниспадая в нее по скользящей линии, прослежен тонкий слой черно-коричневого органического тлена; в 0,60 м к югу от северной стенки – небольшое пятно плотного черно-бурого тлена. Заполнение могилы – сильно мешаный суглинок разной плотности. В юго-западном углу ямы, в заполнении у стенки обнаружены угли и прокаленный (красно-черный) грунт. Угольки найдены и в северо-восточной части могильной ямы, в придонной части заполнения. По всей видимости, следы огня связаны с одним из моментов ограбления могилы (см. ниже).

Также в заполнении бессистемно залежали фрагментированные кости человека (таз, длинные кости, фрагменты черепа). В юго-восточной части ямы, по всей площади грабительского прокопа дна придонная часть заполнения обильно насыщена сильно фрагментированными костями человека (ребра, позвонки, кости рук, таз, черепная крышка с *хорошо различимой искусственной деформацией*); кости принадлежат мужчине².

¹Раскопки курганов у ст. Камышевской в 1990 г. проводились по открытому листу В.Г. Житникова. Полевое описание, разборка, реставрация предметов из кургана 8 и составление текста отчета по кургану 8 выполнены автором настоящих строк. Пользуюсь случаем выразить благодарность В.Г. Житникову за предоставленный в мое распоряжение материал.

² Определение Е.Ф. Батиевой.

Часть инвентаря обнаружена в заполнении; в непо потревоженной северо-западной части могилы вещи лежали *in situ*.

Инвентарь погребения:

I. Вещи в заполнении:

- В северной части ямы, у стенки, примерно на 0,5 м выше дна найдено массивное литое бронзовое кольцо округлого, слегка уплощенного сечения (рис. 5,1; 13,11). Диаметр кольца – 3,7 см, сечение – 0,74-0,8 см.
- Там же обнаружен асимметричный лепной сосуд с низким широким горлом, слегка расширенным кверху, хорошо выраженным плечиком, округлым туловом с максимальным расширением посредине и плоским неустойчивым дном (рис. 4,3). По плечу – небрежно нанесенная полоса вертикальных вдавлений, оттиснутых по сырой глине. Поверхность сосуда бугристая, заглаженная; цвет – от темно-серого, почти черного до светлого серо-коричневого. Тесто в изломе темно-серое, грубое, рыхлое, с примесью довольно крупного шамота. Высота сосуда – 15 см, диаметр устья – 10,7 см, тулова – 15,9 см, дна – 7 см.
- Там же обнаружены обломки сильно коррозированных железных колец.
- В северо-восточной части ямы также найдены обломки сильно испорченных ржавчиной железных колец, из которых удалось собрать небольшую овально-рамчатую пряжку с прикипевшими остатками кожаных ремней. Язычок пряжки обломан. Размеры рамки – 3,8x3 см, сечение – 0,6-0,8 см. Остальные фрагменты принадлежат одному или двум кольцам диаметром около 4,8 см при сечении около 1 см.
- В юго-восточной части ямы найдены фрагменты боковых срединных костяных накладок на лук (рис. 5,10а-г). Форма и размеры не восстанавливаются; внешняя поверхность была заполирована, тыльная покрыта грубыми рисками. Накладки имели дуговидное сечение. Длина наибольшего фрагмента – 8,3 см, ширина – 2,8-3 см, толщина – до 0,3 см.
- В заполнении могилы найдены также чешуйки красной краски и мелкие фрагменты расслоившегося железа.

II. Вещи на дне могильной ямы:

- В 0,15 м к югу от северной стенки могилы, примерно посредине обнаружен стоявший вверх дном бронзовый ковш с остатком рукояти, обращенным к юго-востоку (рис. 2,1; 4,1; 11). Под венчиком ковш украшен горизонтальной врезной линией, на 0,7 см ниже первой – еще одна сдвоенная врезная линия, подобная же линия нанесена и на придонную часть ковша. От венчика ковша отходит обломок плоской горизонтальной рукояти (сохранилась в длину на 7,7 см), зауженной в средней части. Вдоль длинных сторон рукояти, на внешней поверхности – 2 глубоких врезных желобка; с внутренней стороны, у дна ковш покрыт лужением. Высота ковша – 10,8 см, диаметр устья – 16,7 см, тулова – 16,2 см, дна – 10,6 см.
- В 0,10 м к западу от ковша найден железный нож, лежавший по линии ЗСЗ-ВЮВ, острием на ЗСЗ. Он имеет слегка изогнутую спинку и почти прямое лезвие (рис. 2,3; 5,6). Клиновидный в сечении клинок резко сужается к острию, на поверхности клинка – следы продольных древесных волокон: остатки ножен. С рукоятью нож скреплялся с помощью короткого черенка, выделенного со стороны спинки и лезвия уступчиками. На черенке – древесный тлен. Общая длина ножа – 13 см, длина клинка – 11 см, ширина у основания – 1,6 см.
- Вплотную к этому ножу, также острием на ЗСЗ, лежало длинное железное шило, плавно сужающееся к острию. Черенок для крепления рукояти фрагментирован, большая часть шила (кроме острия) сильно коррозирована, острие в сечении круглое (рис. 2,2; 5,7). На черенке – следы дерева. Длина шила с черенком – около 20 см, черенка – около 4,5 см, диаметр сечения у острия – 0,5 см.
- В 0,10 м к западу от острия ножа найдены 2 серебряные пряжки, лежавшие одна на другой по линии ВСВ-ЗЮЗ, рамками на ВСВ. Пряжки совершенно однотипны: они имеют овальные,

округлые в сечении рамки, удлиненно-прямоугольные щитки из согнутой пополам пластинки и подвижные язычки (рис. 2,4; 5,2-3; 13,1-2). Рамки пряжек равномерной толщины, у основания с внутренней стороны имеют уступчики для удержания петель щитков. Короткие петли щитков, держащие рамку, с внешней стороны выделены небольшими уступчиками. Длинные стороны щитков украшены гранями-фасетками, основания щитков украшены небрежно нанесенными фасетками-зубчиками; с ремнем щитки скреплялись с помощью одной серебряной заклепки. Язычки – без прогиба, с уплощенными, загнутыми вниз остриями, у основания имеют прямоугольные площадки, подчеркнутые низкой ступенькой только со стороны острия. Размеры рамок – 2,2x1,5 см и 2,1x1,6 см, щитков – 2,6x1,4 см.

- Вышеописанным пряжкам комплектны два ремennых наконечника, лежавшие в 0,26 м к юго-западу от пряжек друг на друге, с наклоном в канавку под западной стенкой ямы. Они изготовлены из серебряных пластин, один из коротких концов которых срезан под прямым углом, а другой приострен тупым углом (рис. 2,7; 5,4-5; 13,3-4). Острия и длинные стороны наконечников украшены фасетками, у прямоугольного конца – заклепки, скреплявшие их с ремнями. С оборота наконечники имеют бронзовые прижимные пластинки, державшиеся с одного края на заклепке, а другим краем припаянные к наконечнику. Длина наконечников – 4,9 см, ширина у основания – 1,4 см, размер бронзовой пластинки с тыльной стороны – 2x1,1 см (вторая рассыпалась).

По всей видимости, пряжки и наконечники принадлежали двум уложенным в могилу и затем истлевшим ремешкам длиной около 28 см.

- Между пряжками и наконечниками в северо-западном углу могилы, у стенки прослежено округлое пятно плотного древесного тлена диаметром около 0,17 м – вероятно, остатки деревянной чаши (рис. 2,5).

- На этом пятне на боку, устьем на запад лежал деформированный флакон очень плохой сохранности, изготовленный из высокопробного серебра. Он имеет прямое цилиндрическое горло, полусферическую верхнюю и коническую нижнюю часть (рис. 2,6; 5,11а). Горло и верхняя часть тулова изготовлены из единой металлической пластины; нижняя часть украшена крупными глубокими вертикальными каннелюрами, сужающимися ко дну. Нижняя и верхняя части сосудика соединены в месте максимального расширения тулова, на шов наложен поясок из сдвоенных (?) витых проволочек. К верхней части тулова по бокам припаяны 2 небольшие желобчатые петли; между ними в двойных проволочных поясах укреплено 6 круглых стеклянных вставок – по три с каждой стороны, из которых две крайние – прозрачные, а средние – бирюзового цвета. Дно флакона украшено круглой вставкой из прозрачного стекла, укрепленной в двойном пояске насеченной проволоки. Высота флакона – 5,1 см, высота горла – 1,5 см, верхней части тулова (с горлом) – 3 см, диаметр устья – около 1,8 см, тулова – около 3,3 см.

К югу от флакона рядом с ним найдена его крышка, лежавшая на боку, устьем на Ю. Она состоит из цилиндрической основной части и конической верхней (рис. 5,11б). Крышка флакона деформирована и фрагментирована. У устья к ней припаян поясок крупно насеченной проволоки. В верхней части – 2 желобчатые петли с противолежащих сторон. Коническая часть увенчана маленькой стеклянной вставкой в двойном проволочном пояске. У основания коническая часть имеет небольшую закраину, которая припаявалась к цилиндрической части крышки; сверху на эту закраину по периметру была уложена тонкая серебряная пластинка шириной около 1,5 мм. Высота крышки – 2,7 см, цилиндрической части – 1,7 см, диаметр – около 2 см. Внутри флакона находится кусочек ссохшегося смолистого вещества.

- В северо-западной части ямы под стенкой стояла гончарная сероглиняная лощеная миска со слегка загнутым выпуклым бортиком. Венчик миски округлен, ребро выражено слабо (рис. 2,8; 4,4). Стенки толстые, массивные. Лощение среднего качества, местами отслоилось. Стенки имеют едва заметный прогиб в придонной части, дно слегка вогнуто. Тесто в изломе темно-серое, с

примесью мелкого песка и редкими мелкими известковыми включениями. Высота миски – 8,6 см, диаметр устья – 21 см, диаметр миски по ребру – 22,1 см, диаметр дна – 9,1 см.

Остальной инвентарь лежал под длинной западной стенкой ямы и представлял собой предметы вооружения (длинный меч и портупейный комплект, кинжал с ножом, вместе с которыми был уложен оселок), поверх которых была аккуратно уложена конская уздечка, богато украшенная металлическими деталями (рис. 3). Уздечка перекрывала собой верхнюю треть клинка и большую часть рукояти меча. Она была уложена по линии С-Ю с небольшим отклонением, передней частью на Ю. Переходим к подробному описанию уздечного набора.

- Поверх клинков меча и кинжала были уложены железные двусоставные удила, снабженные серебряными колесовидными псалиями с ременными зажимами. От самих удил сохранилось только правое звено грызл (левое рассыпалось) – фрагмент четырехгранного с округленными углами железного стержня длиной 5,5 см и сечением 0,8х0,9 см, на внешний конец которого плотно насаживалась дисковидная бронзовая шайба диаметром 1,9 см и толщиной около 0,5 см (рис. 6,4). В месте насадки шайбы стержень удил сужается и имеет округлое сечение в 0,5 см. После шайбы на железный стержень насаживался выпукло-вогнутый пластинчатый колесовидный серебряный псалий, дополнительно скреплявшийся с шайбой при помощи пайки (рис. 6,1; 12,1). Диаметр псалия – 9,4 см, по периметру он имеет скошенную грань, а в центральной части – отверстие диаметром 0,6 см, через которое пропускался железный стержень удил. На поверхности псалия – 4 крестообразно расположенных треугольных прорези. С внешней стороны псалия на стержень удил надевались два ременных зажима разной величины, причем короткий находился поверх длинного. Длинный зажим имеет округлую фасетированную головку с отверстием для петли удил, отделенную от корпуса двумя глубокими фасетками (рис. 6,5; 12,2). Все стороны зажима также фасетированы. У конца он имеет серебряную заклепку для скрепления с ремнем; с тыльной стороны на этой заклепке крепилась изогнутая бронзовая пластинка, один конец которой был припаян к зажиму. Общая длина зажима – 9,2 см, диаметр головки – 1,55 см, ширина корпуса – 0,9 см. Короткий зажим – аналогичной формы, он фасетирован примерно на 2/3 длины, короткая сторона корпуса украшена мелкими фасетками-зубчиками (рис. 6,6; 12,3). В отличие от длинного зажима, короткий имел бронзовую заклепку для скрепления с ремнем (распалась) и серебряную прижимную пластинку с тыльной стороны корпуса. Размеры головки – 1,5х1,4 см, общая длина – 6,3 см, ширина корпуса – 0,8 см, размеры прижимной пластинки – 2,7х0,8 см. Без сомнения, длинный зажим скреплялся с нащечным ремнем уздечки, а короткий внешний – с поводом.

Совершенно аналогичным образом была оформлена и левая сторона удил. На стержень грызла была надета бронзовая шайба диаметром 2 см и толщиной 0,5 см (рис. 6,3), поверх нее насаживался серебряный псалий, идентичный вышеописанному, крепившийся к шайбе пайкой (рис. 6,2; 12,4). Диаметр псалия – 9,1-9,2 см, к его поверхности прикипел лоскут кожи, сшитый из двух частей. С внешней стороны псалия крепились зажимы ремней повода и оголовья. Короткий также находился поверх длинного и в отличие от правого двойника имел серебряную заклепку. Длина большего зажима – 9,2 см, диаметр головки – 1,6 см, ширина корпуса – 1 см, прижимная пластинка с оборота – бронзовая (рис. 6,7; 12,5). Меньший зажим имеет длину 6,3 см, головку диаметром 1,4 см и корпус шириной 0,8 см (рис. 6,8; 12,6).

- У окончаний длинных зажимов, непосредственно рядом с ними найдены серебряные бляшки сердцевидной формы, имеющие прямоугольный выступ с заклепкой в верхней части и бронзовые прижимные пластинки на обороте, один конец которых держался на заклепке, а другой припаивался к бляшке (рис. 3,5; с левой стороны – рис. 7,1; 13,14, с правой – рис. 7,2; 13,15). Края бляшек и стороны выступов фасетированы, фасетками подчеркнут и переход от выступов к бляшкам. В соответствии с общим положением уздечки левая бляшка лежала лицевой стороной вверх, а правая – вниз. Размеры бляшек по продольной оси – 3,2 см, по поперечной – 3,5 см, бронзовых пластинок на обороте – 2,7х1,0 см и 2,5х0,8-1,2 см.

Продольные оси длинных зажимов и бляшек образуют углы в 30° (справа) и 40° (слева на уздечке). Очевидно, сердцевидные бляшки скрепляли поперечный наносный (надхрапный) ремешок с нащечными ремнями оголовья.

- У обоих концов надхрапного ремешка на него были нанизаны 2 сферические серебряные литые бусины, уплощенные с одной стороны (слева – рис. 8,3; справа – рис. 8,4). Бусины имеют отверстия подпрямоугольной и неправильно-овальной формы. Размеры бус – 2,1x1,5x1,8 см и 2,2x1,5x1,8 см; размеры отверстий – 1,2x0,7 см и 1,2x0,9 см.

- Литая серебряная бусина, аналогичная вышеописанным, обнаружена под правым псалием, у головок ремешковых зажимов (рис. 8,5). Она лежала отверстием вверх, в отверстии обнаружены остатки ремешка шириной 0,5 см. Размеры бусины – 2,2x1,6x1,8 см; размеры отверстия – 0,9x0,6 см.

- Под левым псалием, у его края обнаружена небольшая серебряная пряжка с округлой рамкой равномерной толщины, прямоугольным фасетированным щитком из согнутой пополам пластинки, скрепленным одной заклепкой и уплощенным, слегка зауженным к острию прогнутым подвижным язычком (рис. 7,5; 13,9). Кончик язычка слегка загнут. Размер рамки – 1,9x1,6 см, щиток – 1,7x1,0 см, длина язычка – 1,8 см. Пряжка лежала лицевой стороной вверх, рамкой на ЗСЗ.

- От конца левого короткого зажима уздечного ремня, наискось по отношению к уздечке, по линии ССЗ-ЮЮВ лежал двойной кожаный ремень, прошитый тремя рядами продольных стежков (рис. 7,10). На обоих концах ремня были укреплены бронзовые овально-рамчатые пряжки без язычков, имеющие овальные щитки с одной заклепкой, украшенные по краю маленькими фасетками-зубчиками (рис. 7,8-9). Прослежено, что поводной ремешок от левого короткого зажима был пропущен через кольцо ближней к нему пряжки. Длина ремня (без пряжек) – около 7 см, ширина – 1,5 см, размеры рамок пряжек – 2,2x1,7 см и 2,2x1,5 см, щитков соответственно – 2,0x1,6 см и 2,0x1,7 см. Сечение рамок округлое – 0,4-0,45 см.

- На расстоянии 17-19 см к северу от псалиев с зажимами обнаружены две плоских круглых пластинчатых бляхи из серебра, одна из которых частично перекрывала другую. Бляхи имеют с противоположных сторон по паре прямоугольных выступов, в которых укреплены бронзовые заклепки, крепившие их к ремню. Левая (рис. 8,1; 12,7) лежала поверх правой (рис. 8,2; 12,8), причем левая – под углом, лицевой стороной вверх, а правая – лицевой стороной вниз. Края блях по периметру загнуты вниз. На лицевой стороне, в центральной части они имеют идентичные тамгообразные знаки – дужку с вертикальной разделительной чертой посередине, от которой вниз отходит сдвоенный крючок, обращенный влево. Каждый значок был изготовлен из ковanej серебряной пластинки и состоял из трех элементов: дужки, пластинки-разделителя и двойного крючка. У левой бляхи сохранилась только дужка, у правой – дужка и крючок. Остальные детали утрачены, их наличие устанавливается только по следам пайки. Размеры левой бляхи – 8,9x8,4 см, правой – 8,9x8,3 см, размеры выступов – 0,9x1,1 см. Левая была ориентирована выступами по линии СЗ-ЮВ, правая – по линии ССВ-ЮЮЗ. Поверхность обеих блях покрыта царапинами от грубого заглаживания.

- От обращенного на ЮВ выступа левой бляхи отходит узкий, завернутый наверх ремешок, к которому прикреплен серебряный наконечник ремня, обращенный острием на ЮЗ и лежавший тыльной стороной вверх. Он изготовлен из серебряной пластинки, сужающейся к концу. Верхний край у него прямоугольный, конец приострен тупым углом. Все стороны наконечника фасетированы, у верхнего края – серебряная заклепка, а с тыльной стороны по всей длине – бронзовая изогнутая пластинка, зажимавшая ремешок (рис. 7,11; 13,5). Примерно 2/3 прижимной пластинки припаивалась к наконечнику; оставшаяся часть поднималась над ним и образовывала зазор для фиксации ремешка. Длина ремешка составляла около 3 см. Размеры наконечника – 5,0x0,6-0,9 см.

- Подобный наконечник обнаружен в 2,2 см к югу от обращенного на ЮЮЗ выступа правой бляхи. Он лежал лицевой стороной вверх, по линии ЮЗ-СВ, острием на ЮЗ. От предыдущего отличается большей грубостью и массивностью, большей приостренностью кончика и тем, что примерно 1/3 наконечника у основания (заклепки) не фасетирована. Заклепка бронзовая, бронзовая пластинка с тыльной стороны повторяет форму наконечника и, очевидно, находится во вторичном использовании (у острия – ненужное отверстие – рис. 7,12; 13,6). Длина наконечника – 5 см, ширина – 0,75-0,9 см. Возможно, он изготовлен позже вышеописанного взамен утраченного парного.
- Между основанием этого наконечника (рис. 7,12) и обращенным на Ю выступом правой бляхи найдена лежавшая под углом литая серебряная бусина сферической формы, уплощенная с одной стороны и имеющая подпрямоугольное отверстие (рис. 8,6). Размеры бусины – 2,1x1,7x1,9 см, отверстия – 0,9x0,6 см.
- Аналогичная бусина (рис. 8,7) найдена у кончика другого наконечника (рис. 7,11). Ее размеры – 2,2x1,7x1,8 см, отверстие овальное – 1,1x0,7 см.
- На острие наконечника, лежавшего у правой бляхи, под углом лежал бронзовый предмет, состоявший из полусферической верхней и дисковидной нижней бляшек, соединявшихся, вероятно, при помощи пайки. В центре обе имеют совпадающие квадратные прорезы (рис. 7,18-19). Диаметр предмета – 1,6-1,7 см, размеры прорезы – 0,7x0,7 см, высота предмета – 0,5 см.
- К западу от левой бляхи, частично перекрывая ее край, рамкой на Ю лежала серебряная овально-рамчатая пряжка с прямоугольным щитком из согнутой пополам пластинки, скрепленной заклепкой и уплощенным снизу прогнутым подвижным язычком (рис. 7,6; 13,8). Рамка пряжки – округлого сечения, равномерной толщины. Длинные стороны щитка фасетированы, загнутый кончик и рабочая часть язычка огранены. Пряжка лежала лицевой стороной вверх, от нее с наклоном к В отходил тонкий узкий ремешок, прослеженный в длину на 4 см. Размеры рамки – 1,8x1,4 см, щитка – 1,9x1,1 см.
- Аналогичная пряжка обнаружена к северо-востоку от правой бляхи, частично перекрывая его край рамкой. Пряжка лежала по линии СВЮЗ рамкой на ЮЗ тыльной стороной вверх. От нее отходил согнутый вдвое ремешок длиной около 4-5 см. Размеры рамки – 1,7x1,4 см, щитка – 1,9x1,05 см. Язычок тонкий, сужающийся к острию, прогнутый посередине. В сечении язычок подпрямоугольный (рис. 7,7; 13,10). Пряжка исполнена грубее и небрежнее предыдущей, возможно, взамен утраченной.
- К юго-западу от последней пряжки, вплотную к ее рамке лежала литая серебряная бусина сферической формы, уплощенная с одной стороны, с отверстием подпрямоугольной формы (рис. 8,8). Бусина лежала под углом, осью отверстия по линии СВЮЗ. Ее размеры – 2,0x1,5x1,7 см, размеры отверстия – 1,2x0,7 см.
- Аналогичная бусина найдена к северо-западу от этой же пряжки, вплотную к ее щитку. Она лежала отверстием вверх, уплощенной стороной к СВ (рис. 8,9). Размеры бусины – 2,1x1,6x1,7 см.
- К северу от этой же пряжки, на расстоянии 0,7 см от нее найдена овальная серебряная бляшка с прямоугольным выступом на одной из длинных сторон; длинные оси бляшки и выступа перпендикулярны (рис. 7,3; 13,15). Она лежала тыльной стороной вверх, выступом к югу. Края бляшки и выступа фасетированы, выступ в верхней части имеет заклепку для крепления к ремню. С тыльной стороны – плохо сохранившаяся бронзовая прижимная пластинка. На тыльной стороне бляшки – следы припоя. Размеры бляшки – 3,5x2,3 см, выступа – 1,1x1,1 см.
- Аналогичная бляшка частично перекрывала край правой бляхи с тамгой (рис. 7,4; 13,16). Она лежала лицевой стороной вверх, выступом к ЮВ. Выступ соприкасался с серебряной бусиной (рис. 8,8). Размеры бляшки – 3,5x2,3 см, выступа – 1,1x1 см. С тыльной стороны на заклепке к бляшке крепилась бронзовая прижимная пластинка (2,4x0,8 см), один конец которой припаивался к

бляшке. По всей видимости, сложенный вдвое ремешок, идущий от пряжки (рис. 7,7), другим концом крепился к выступу этой бляшки.

- Перекрывая бляшку (рис. 7,4), лицевой частью вверх, по линии ЮЗ-СВ, концом на ЮЗ лежал серебряный наконечник ремня из узкой, сужающейся к концу пластинки (рис. 7,13; 13,7); 4/5 наконечника фасетированы, конец оформлен тупым углом. У основания наконечника – бронзовая заклепка, с тыльной стороны – слегка изогнутая бронзовая прижимная пластинка, полностью повторяющая форму наконечника. Примерно на 2/3 длины от конца пластинка припаивалась к наконечнику, затем поднималась над ним на заклепке, образуя сужающийся паз для ремня. Основание наконечника имеет щербину от первоначально неудачно проделанного отверстия. Длина наконечника – 5,4 см, ширина – 1,0-0,6 см.

- Несомненно, к уздечным деталям относится и серебряная литая бусина, обнаруженная в стороне от основного скопления, в 8,5 см к югу от псалиев. По форме она аналогична описанным выше литым бусам, но меньше их размерами и исполнена грубее (рис. 8,10), размеры бусины – 1,75x1,15x1,45 см, размеры отверстия – 0,9x0,6 см.

- В канавке, под западной стенкой ямы, обнаружен длинный меч, лежавший по линии С-Ю, рукоятью на С. Рукоять и верхняя треть клинка меча сверху были перекрыты уздечкой. Меч имел узкий, слегка сужающийся к округленному концу клинок, фигурное нефритовое перекрестье и длинную рукоять, увенчанную крупным янтарным навершием, покрытым сверху золотой бляшкой с зернью и вставками (рис. 9,1). Клинок имел линзовидное сечение, на его поверхности сохранились остатки ножен – продольные древесные волокна, покрытые сверху тончайшими лоскутками красной краски. В месте перехода клинка в черенок рукояти на меч насажено перекрестье, вырезанное из светлого зеленовато-белесого нефрита (рис. 9,3; 14,1). Оно имеет округленное удлинненно-ромбическое сечение, выступ в центре нижней части и вырез в верхней (разорвано коррозией клинка на 5 частей). Рукоять крепилась на штыре, имеющем одну железную заклепку в верхней части. Ручка меча по длине превосходила штырь; у навершия она расширена, затем сужена, а потом вновь расширена и вплоть до перекрестья уже не меняет толщину. В расширенный торец рукояти вбивался четырехгранный бронзовый штифт, на котором крепилось округлое в плане и уплощенно-эллипсоидное в сечении янтарное навершие, имеющее отверстие посередине (рис. 9,5; 14,5). Для прочности, помимо штифта, навершие приклеивалось к рукояти какой-то черной смолой типа современного битума. К верхнему концу штифта припаивалась выпуклая бронзовая бляшка из тонкой пластинки, к которой четырьмя гвоздиками из высокопробного серебра крепилась круглая выпуклая золотая бляшка, украшенная по краю напаянной «косичкой» из золотой проволочки (рис. 9,4; 14,5). В центре бляшки, в круглом гнезде укреплен вставка из сильно патинированного стекла (цвет неясен). От нее в стороны крестообразно расходятся четыре каплевидных напаянных гнезда, обращенных острым концом к центру, в которых укреплены вставки из красного стекла (одна не сохранилась). Все 5 гнезд обведены ободками из зерни. Между каплевидными вставками – 4 пирамидки зерни (каждая из 6 зерен). Вещь выполнена довольно грубо и небрежно.

Общая длина меча с рукоятью и навершием – 112 см, длина клинка – 83,5 см, ширина у основания – 3,7 см, у конца – 2,3 см, толщина клинка в современном состоянии – 2,3 см. Длина рукояти от нижней плоскости навершия до перекрестья – 23,6 см, длина черенка рукояти – 14 см, ширина нефритового перекрестья – 6,5 см, его высота – 2,3 см. Сечение рукояти у перекрестья – 2,7 см, диаметр навершия – 6,1-6,4 см, его толщина – 2,1 см. Диаметр золотой бляшки на навершии – 2,6 см, ее высота – 0,7 см.

- Поверх ножен на клинке меча, на 10,7 см ниже перекрестья найдена скоба для портупейного ремня, вырезанная из светлого зеленовато-белесого нефрита (рис. 9,2; 14,4). Она лежала параллельно лезвиям меча. Верхний торец скобы округлен, нижний скошен и образует с плоскостью предмета округленную грань. С тыльной стороны скоба имеет два выступа у торцов: крючкообразный вверху и уплощенный в нижней части. В верхнюю половину скобы смещен выступ

с удлиненной замкнутой прорезью. Исполнена скоба довольно грубо, камень отполирован небрежно. На нижней плоскости выступов скобы и на ножнах в соответствующих им местах сохранились следы черной смолы, аналогичной смоле на янтарном навершии. Длина скобы – 11,3 см, ширина в верхней части – 2,5 см, в нижней – 2,2 см, длина выступа с прорезью – 4,4 см, размеры прорези – 3,0 x 0,4 см.

- Частично под клинком меча, на 9,5 см ниже перекрестья обнаружена крупная выпуклая бляха, вырезанная из массивной толстостенной раковины. Она лежала лицевой стороной вниз. В плане имеет неправильно-овальную форму, в центре – сквозное отверстие (рис. 9,6; 14,7). Размеры раковины – 8x7,2 см, высота – 2,8 см, диаметр отверстия в центре – 1 см. Поверхность раковины сильно изъедена; судя по сохранившимся участкам, изначально она была заполирована.

- Под раковинной, непосредственно на ее отверстии, на тонкой круглой кожаной подкладке обнаружена лежавшая лицевой частью вниз круглая выпукло-вогнутая серебряная пряжка с подвижным язычком (рис. 9,7; 14,6). В центральной части она имеет прямоугольную прорезь (0,8x0,6 см), у одной из ее длинных сторон – маленькое отверстие для крепления язычка. Язычок короткий (1,1 см), сильно прогнут, кончик огранен. По краю пряжка украшена мелкими фасетками-зубчиками. Диаметр пряжки – 2,1 см, толщина пластинки, из которой изготовлена рамка – 0,1 см.

Особо подчеркнем, что отверстие в раковине с лежащей на нем пряжкой приходится как раз напротив замкнутого паза, вырезанного в выступе на тыльной стороне нефритовой скобы (рис. 9,1).

- Вдоль лицевой плоскости скобы (лежавшей, как и весь меч, не горизонтально, а под углом) прослежен обрывок истлевшего узкого кожаного ремешка, на который было нанизано несколько металлических деталей:

а) в 3 см к северу от нижнего края скобы найдена лежавшая на ребре серебряная С-видная скобочка с несомкнутыми концами. По наружной грани скобочки – продольное ребро, в сечении она треугольная (рис. 7,14; 12,13б). Размеры скобочки – 1,2x1,05 см, ширина – 0,4 см;

б) на расстоянии 1,7 см к югу от описанной скобочки найдена аналогичная, более грубая скобочка, также стоявшая на ребре (рис. 7,15; 13,12б). Ее размеры – 1,3x1 см, ширина – 0,5 см, один конец расплюснен;

в) между описанными С-видными скобочками найдена согнутая бронзовая заклепка, имеющая на обоих концах по серебряной пластинчатой ромбической накладке с отверстием в центре (рис. 7,17; 13,2а). Заклепка располагалась вертикально, ее высота – 1,2 см, размеры серебряных ромбиков – 1,4x0,9 см и 1,2x0,8. Прослеженная длина ремешка с металлическими деталями – 4,6 см.

- Под клинком меча, в 9,6 см к югу от нижнего конца нефритовой скобы найдена одночленная бронзовая лучковая подвижная фибула с фигурной обмоткой дужки – сплошной в сочетании с серпантинном (рис. 9,8; 14,3). Фибула лежала по линии ССЗ-ЮЮВ, пружиной на ЮЮВ, дужкой в восточную сторону. Игла фибулы была надломлена посередине. Тетива верхняя, пружина четырехвитковая. Длина фибулы – 5,9 см, длина ножки – 2 см, высота дужки – 2,3 см. На приемнике фибулы – тончайшие золотые нити от истлевшей парчи. В 15 см к югу от нижнего конца скобы, поверх клинка прослежено пятно черного тлена (кожи), обильно насыщенное очень тонкими и короткими золотыми нитями. Протяженность тлена по клинку – около 4 см.

- На расстоянии 34 см к северу от конца клинка меча, частично под клинком обнаружена лежавшая под углом пластинчатая серебряная обойма, крепившая кожаную часть к деревянной рукояти плети (рис. 9,10). Изготовлена из тонкой пластины шириной 1,4 см; в плане – восьмерковидной формы, концы соединены внахлест на торце. По длинной оси через обойму пропущен округлый бронзовый штифт, укрепленный с одной стороны квадратной серебряной шайбой. Внутри обоймы обнаружен кожаный тлен. Размеры обоймы – 2,0x1,5 см.

- Частично под клинком меча, на расстоянии 19,5 см к северу от конца клинка обнаружена крупная массивная бронзовая пряжка с овальной рамкой, прямоугольным щитком и подвижным язычком (рис. 9,9; 14,2). Она лежала по линии С-Ю, рамкой на Ю, лицевой стороной вверх. Рамка пряжки была подогнута под щиток, а язычок был выпрямлен. Рамка имеет спрямленное

основание с уступчиками для удержания петель щитка с внутренней стороны; в сечении рамка ромбическая. Петли, держащие рамку, выделены уступчиками с внешней стороны щитка. У основания щиток имеет одну заклепку для фиксации ремня; с тыльной стороны щиток по ширине равен петлям. Язычок загнут у конца, снизу подрезан для контакта с рамкой, к острию заужен. В сечении язычок прямоугольный, посередине прогнут. Размеры рамки – 3,1x2,2 см, щитка – 3,1x2,0 см, длина язычка – 2,7 см, сечение рамки – 0,6x0,5 см.

- Здесь же обнаружена небольшая бронзовая обойма из согнутой пополам пластинки, скрепленная заклепкой (рис. 9,11). Лицевая сторона обоймы – прямоугольной формы, с округленными углами (1,8 x 1,3 см), место перегиба выделено с обеих сторон уступчиками так, что ширина петли составляет около 0,7 см при высоте в 0,4 см. Тыльная сторона обоймы – треугольных очертаний, с трещиной около заклепки. Обойма лежала лицевой стороной вниз.

- У перекрестья меча найдена маленькая гладкая серебряная полусферическая бляшка (рис. 7,16). На внутренней стороне – следы пайки. Диаметр бляшки – 0,73 см, высота – 0,3 см.

- Под рукоятью меча, на 1 см выше перекрестья найдена маленькая серебряная пластинка размерами 1,4x0,25 см и толщиной 0,1 см.

- К западу от меча, по одной линии с ним и вплотную к нему, начиная от навершия, лежал большой четырехгранный оселок без отверстия, равномерно сужающийся к концам (рис. 5,9). Он вырезан из плотной мелкозернистой сланцевой породы серого цвета. Длина оселка – 52,4 см, сечение в центре – 4,1x2,3 см.

- К западу от оселка, частично под ним обнаружен железный кинжал очень плохой сохранности, лежавший по линии С-Ю, острием к югу (рис. 4,5). Клинок двулезвийный, линзовидный в сечении, сильно расслоившийся. В нижней его трети лезвия сходятся к заостренному концу. Судя по всему, кинжал имел прямое железное перекрестье (сильно разрушено). Черенок рукояти отсутствует: обломан ли он в древности, разрушен грызунами или еще что-то – сказать трудно. На обеих сторонах клинка – древесный тлен от ножен, покрытых, по всей видимости, кожей. Сохранившаяся длина кинжала – 29,6 см, ширина клинка – не менее 3,6 см, высота перекрестья – 1,2 см.

- На клинке кинжала, острием к югу, лежал небольшой железный нож с хорошо сохранившейся деревянной рукоятью (рис. 5,8). Он имеет прямую спинку, сильно сработанное лезвие. Клиновидный в сечении клинок сужается к острию. Деревянная рукоять деформирована, в центральной части заужена. В сечении рукоять овальная, к черенку ножа она крепилась одной бронзовой заклепкой. Общая длина ножа – 16,8 см, длина клинка – 8,9 см, ширина у основания – 1,6 см, в средней части – 0,8 см. Сечение рукояти в месте крепления к клинку – 1,9x1,5 см.

- В нижней трети клинка кинжала найдена округлая полихромная стеклянная бусина. Бусина рассыпалась в поле, от нее сохранился лишь небольшой фрагмент (рис. 4,2), в изломе которого отчетливо видны прослойки красного и зеленоватого цвета.

Характеристика погребального сооружения

Как указывалось выше, определение типа погребального сооружения осложнялось его сильной разрушенностью. В процессе извлечения заполнения возникало впечатление, что последнее проникновение в могилу было достаточно поздним. При раскопках курганов в бассейне Дона за многие годы мне неоднократно приходилось исследовать ограбленные погребения, близкие камышевскому по времени и культурному типу. Характер разрушений ям и останков, структура заполнения в них иные. Вполне вероятно, что погребение в кургане 8 подвергалось ограблению неоднократно – сначала вскоре после захоронения, а затем – в поздний период, связанный с эпохой существования ст. Камышевской на настоящем месте, т. е. во временном интервале с конца XVIII до начала XX вв. Поэтому мы ограничимся несколькими констатациями:

1. Погребальное сооружение ориентировано по линии С-Ю.

2. Восточная стенка ямы в современном состоянии наклонена ко дну; западная стенка и прилегающие к ней северный и южный участки ямы явно подбиты, что с большой долей вероятности позволяет предполагать наличие здесь погребальной камеры. Самым вероятным вариантом, на мой взгляд, является изначальное наличие здесь удлинненной ямы, вытянутой по линии С-Ю, в продольной западной стенке которой была сооружена камера (подбой), усложненная узкой продольной канавкой под глухой (западной) стенкой.

3. Расположение инвентаря *in situ* позволяет считать наиболее вероятной северную ориентировку погребенного.

Таким образом, со значительной долей уверенности можно утверждать, что курган был сооружен над *меридионально ориентированным подбойным погребением с камерой в длинной западной стенке, в которой был похоронен мужчина с искусственно деформированным черепом, уложенный головой в северном направлении.* Такой набор признаков в полной мере соответствует нормам позднесарматской погребальной обрядности.

Анализ состава инвентаря

Богатый инвентарь камышевского комплекса представляет несколько различных по происхождению компонентов.

1. Глиняная посуда.

1.1. Серолощенная миска (рис. 4,4), без сомнения, представляет собой образец продукции нижнедонского гончарства, существовавшего в контексте культуры городищ типа Кобякова-Гниловской. В пользу такой атрибуции все признаки – фактурные особенности, облик керамического теста, характер обработки поверхности. Различные формы и типы этой посуды обильно представлены в некрополях нижнедонских городищ. Гончарные миски, близкие камышевской, найдены в комплексах, принадлежащих Крепостному городищу в Азове (Горбенко, Косяненко, 2010, с. 409, рис. 1,7; Горбенко, Косяненко, 2011, табл. XVII, 9,16). В заметных количествах керамика нижнедонского производства попадала и в степь, где оседала в погребениях кочевых сарматов по обе стороны русла Дона, иногда на значительном удалении от устья (например: Шепко, 1987, рис. 7,2-4,6-7,11-13; Раев, Науменко, 1993, с. 152-153, рис. 2,1,4 и др.).

1.2. Лепной горшок (рис. 4,3) не обладает в должной мере этнографической спецификой и специальной выразительностью. При желании можно подыскать ему морфологические параллели в самом различном контексте южнорусской археологической реальности первых веков христианского летоисчисления (например, Танаис – Арсеньева 1969, табл. I,1; поздние сарматы Нижней Волги – Скрипкин 1984, с. 28, рис. 8,4 и др.). Лепная посуда из донских кочевнических погребений II-III вв. разнообразна по формам, пропорциям, составу керамического теста, скромной орнаментации и способам обработки поверхности. До сих пор лепная посуда из степных позднесарматских погребений не изучалась специально.

II. Бронзовый ковш (рис. 4,1; 11) принадлежит к хорошо известному типу Эггерс-140 (Eggers 1951, с. 172, табл. 12, 140) или Петровский V,1 (Petrovszky, 1993, с. 52-54). Это один из наиболее распространенных типов римской бронзовой посуды в южнорусско-пантийском регионе (Кропоткин, 1970, с. 25; Лимберис, Марченко, 2006, с. 52; Симоненко, 2011, с. 49-52; Симоненко, 2013, с. 73-76 и др.). Г. Эггерс, в соответствии с уровнем компетенции своей уже далекой от нас эпохи, определял широкий хронологический диапазон бытования ковшей своих типов 139-141 на территории Барбарикума (ступени В₁-В₂-Eggers, 1951, с. 172). Отметим, что не стоит считать номера Эггерса чем-то абсолютным: его собственные критерии разграничения типов бывали достаточно субъективными. Так, например, он различал ковши типов 140 («с круглым отверстием; ранняя форма с высоким туловом») и 142 («с круглым отверстием; поздняя форма с высоким туловом»). Р. Петровский на основании анализа клейменных образцов предложил для своего типа V,1 более раннюю и узкую дату - около 5/10 – 30/35 гг. н.э. (Petrovszky, 1993, с. 52). В пределах России бронзовые ковши Эггерс-140 встречены в разных природно-климатических поясах (степь, лесостепь,

лесная зона), в разнообразном историко-культурном контексте и в достаточно широком хронологическом диапазоне. В этих условиях находки таких ковшей трудно считать показателем какого-либо конкретного исторического эпизода. На юге России они встречены в слоях и некрополях городов северопонтийской античности, в некрополях оседлого варварского населения, в степных курганных погребениях средне- и позднесарматского культурного типа. Позднесарматские находки ковшей Эггерс-140 являются, пожалуй, позднейшими. В пользу этого косвенно могут свидетельствовать и состояние ковша из Камышевской, и наличие в донских погребальных комплексах того же (позднесарматского) культурного типа дериватов, вероятно, *имитирующих* подлинные имперские изделия хорошей работы (см., например: Ростов-на-Дону, ул. Вятская к. 6, п. 8 (Volkov, Guguev, 1986, с. 73, табл. 54,2); Высочино VII, к. 12, п. 1 (Безуглов, 1997, с. 135, рис. 1,6); Высочино V, к. 18, п. 1 (Беспалый, 2000, с. 160, рис. 3,7,9).

Таким образом, на мой взгляд, находки в степных курганных погребениях единичных образцов массовых типов римской бронзовой посуды лишь в самой общей форме обозначают соприкосновение варварского кочевого сарматского мира с зоной непосредственного влияния римской цивилизации. По отдельным находкам судить о характере этих контактов (непосредственных или опосредованных) сложно. Поврежденный ковш, на века залегший в землю у современной станицы Камышевской, мог стать собственностью последнего владельца где угодно, учитывая рубежи позднесарматского военного влияния, простиравшиеся от лесов Приуралья и степей Казахстана, Предкавказья и Боспора на севере, востоке и юге до имперской границы на Среднем Дунае на западе. Если считать наиболее обоснованным самый простой и территориально близкий вариант, то можно с большой долей вероятности полагать, что найденный в Камышевской ковш (целый или уже фрагментированный) был получен его владельцем в пределах плотно заселенного нижнедонского очага северопонтийской цивилизации, безусловным центром которого был древний Танаис.

III. Оружие.

III.1. *Длинный меч* из Камышевской (рис. 9,1) рассматривался специально в кругу важнейших параллелей (Безуглов, 1998, с. 87-88; Безуглов, 2000, с. 171-172, 176-177). Он принадлежит к большой группе азиатского по происхождению клинкового оружия, широко распространенного в первые века христианского летоисчисления, в том числе и в пределах юга России (Безуглов, 2000, с. 174-179). Круг прямых параллелей камышевскому клинку узок, но весьма выразителен. Это меч с нефритовыми перекрестьем и скобой на ножнах из кургана 19 Сладковского могильника, расположенного в донском правобережье, на восточных отрогах Донецкого кряжа³ (Максименко, Безуглов, 1987, с. 183, рис. 2,1-2,7; Безуглов, 2000, с. 176, рис. 4,3; 5,24-25), и фрагментированный клинок с таким же набором атрибутов из кургана 2 Орлатского могильника под Самаркандом (Пугаченкова, 1989, с. 128, рис. 56). Полным соответствием камышевскому мечу являются гравированные изображения на ставших знаменитыми костяных пластинах из того же орлатского кургана 2. Сладковский и орлатский мечи лишены наверший, но на гравировках они изображены совершенно отчетливо (Безуглов, 2000, с. 193, рис. 7,10-13 – по прорисовкам с натуры, выполненным в начале 90-х гг. ленинградским исследователем А.М. Савиным).

Уже более столетия внимание исследователей привлекают эффектные детали отделки мечей – каменные *перекрестья* (рис. 9,3; 14,1) и *портупейные скобы* (рис. 9,2; 14,4). Перекрестья этой формы (каменные и бронзовые, съемные и монолитные с клинком и рукоятью) на протяжении нескольких столетий, начиная с эпохи Восточной Чжоу, изготавливались в Китае (Безуглов, 2000, с. 176). Вильям Тросдел, посвятивший азиатским мечам большое монографическое исследование, считал гладкие каменные скобы, обнаруженные в южнорусских степях и Пермском крае, грубоватой местной имитацией художественных китайских изделий (Trousedale, 1975, с. 112-113). По многим показателям эта точка зрения представлялась сомнительной (Безуглов, 2000, с. 177); в основе ее –

³ Расположен в 120 км к северу от ст. Камышевской.

совершенное незнание археологического контекста в России. Из недавних по времени сводок каменных перекрестий и скоб следует упомянуть работу У. Бросседер, где эти вещи каталогизированы и рассмотрены (Brosseder, 2015, с. 268-269, 294). Из перекрестий, собранных автором, особое значение имеет экземпляр на клинке, обнаруженный в кургане 4 Суджинского могильника (Ильмовая падь, Бурятия) еще в 1899 г. и практически донине пребывавший в безвестности (Brosseder, 2015, с. 253, рис. 23 a-d). Он совершенно аналогичен камышевскому и сладковскому и может служить важным дополнительным аргументом к освещению вопроса о происхождении последних. Некоторые известные находки в сводке Бросседер отсутствуют. Это хранящийся в Эрмитаже экземпляр из коллекции К.И. Ольшевского («Кобань») и находящееся там же перекрестье из приставного склепа № 1013 в Херсонесе (Безуглов, 2000, с. 176). Сравнительно недавняя находка в склепе 40 могильника Джург-Оба на Керченском полуострове (вроде бы в сопровождении вещей эпохи переселения народов – Ермолин, 2010, с. 68, рис. 3, 1-9) была сочтена исследовательницей не относящейся к теме, характеризующей реальность II-III вв. н.э. (Brosseder, 2015, с. 294, примечание 195). Для полноты характеристики традиции следует отметить и находки бронзовых китайских перекрестий той же формы в сильно удаленных друг от друга уголках современной России.

С позиций сарматской археологии огромный интерес представляют находки длинных мечей ханьского облика в погребальных комплексах пьяноборской культуры в лесостепном Приуралье. С.Э. Зубовым и Р.Р. Саттаровым учтено, как минимум, 4 находки таких клинков, снабженных бронзовыми перекрестиями рассматриваемого абриса (Зубов, Саттаров, 2014, с. 317, рис. 2, 2-5). Среди них, несомненно, выделяется прекрасный орнаментированный экземпляр из погр. 68 Камышлы-Тамакского I могильника (Зубов, 2007, с. 131, рис. 1, 9; Зубов, Саттаров, 2014, с. 317, рис. 2, 3). Судя по значительным размерам штырей, рукояти этих мечей были очень длинными. Глядя с далекого юга, сложно составить собственное адекватное представление о культурно-хронологической принадлежности этих находок. Несомненным представляется лишь то, что это оружие могло попасть к населению Волго-Уралья лишь через мир кочевников. Кто были эти последние – вопрос сложный, но в их вооружении фиксируется мощный дальневосточный компонент.

Знаковой находкой можно считать такое же бронзовое перекрестье на мече из погребения 613з могильника Старокорсунского городища № 2 на восточной окраине Краснодара (Лимберис, Марченко, 2012, с. 267, 275-276, рис. 4, 1a). Издатели датировали его 2 пол. I – началом II вв. н.э. (Лимберис, Марченко, 2012, с. 280). Этот комплекс фиксирует другое – западное направление далеких восточных влияний в степном вооружении.

В каталоге У. Бросседер учтено около двух десятков каменных скоб (в том числе и камышевская – № 5) из Южной Сибири, Средней Азии, лесной зоны (преимущественно Пермского края) и южнорусских степей. Из них три экземпляра, известные еще В. Тросделу – это резные китайские изделия из коллекции А.Л. Бертье-Делагарда («Кубань») и две скобы класса «Гидра» – фрагментированная из Керчи и из кургана «Рошава Драгана» в Болгарии (Brosseder, 2015, с. 294, №№ 7, 13, 14). Несколько скоб этой сводки принадлежат другим модификациям (Сидоровка, Исаковка, Керчь-1842 г.). Остальные, различаясь мелкими конструктивными деталями, размерами и пропорциями, вполне сопоставимы с камышевской и сладковской. Почему-то исследовательница опустила примечательную скобу с меча из кургана 37 могильника Лебедевка VI (Мошкова, Демиденко, 2010, с. 256, рис. 2, 3). Она отличается очень малой шириной в сравнении с остальными – всего 1,5 см.

Совсем недавно мне удалось просмотреть несколько свежих (2016 г.) фотографий посредственного качества, на которых различаются хорошо сохранившееся перекрестье с фрагментом черенка рукояти и основания клинка, довольно небрежно вырезанная скоба и шаровидная бусина со следами ржавчины на поверхности (рис. 10, 1-3). Никаких достоверных

сведений о контексте находки узнать не удалось, а район происхождения указан очень расплывчато – «Майкоп». По крайней мере, можно констатировать находку где-то в Западном Предкавказье еще одного меча с полным набором атрибутов рассматриваемой группы.

Янтарное навершие камышевского меча (рис. 9,4-5; 14,5) – несомненно, редкость. В абсолютном большинстве случаев навершия элитных степных длинных мечей от Приуралья до Дуная изготовлены из полупрозрачного голубоватого халцедона. Использование других материалов практиковалось, пожалуй, в качестве исключения. Крупное янтарное навершие, увенчанное золотой бляшкой со вставками, филигранью и грануляцией, встречено лишь в кургане 45 у ст. Усть-Лабинской (ОАК за 1902 г., с. 84, рис. 189; Гущина, Засецкая, 1994, с. 72, табл. 51,477; Анфимов, 1987, с. 227); судя по найденным здесь серебряным наконечникам ремней, этот комплекс хронологически очень близок камышевскому. В нескольких случаях массивные янтарные шайбы связаны с находками длинных мечей, но поскольку их положение достоверно не зафиксировано, не ясна и их функциональная принадлежность (см., например, Сокольский, 1954, с. 156, табл. VII, 3, с. 182, № 7, с. 189, № 55). Дело в том, что эти предметы вследствие схожести формы и размеров могли использоваться как в качестве наверший, так и в качестве портупейных аксессуаров, крепившихся к ремням в районе скобы на ножнах в верхней трети клинка. Именно так зафиксированы «отломанные дисковидные навершия» (! – С. Б.) из янтаря в погр. 4 и 7 могильника у х. Городской на Кубани (Сазонов, 1992, с. 250, рис. 5,2; 8,3 – там же планы погребений с обозначенным положением янтарных атрибутов). Роскошный портупейный комплект из большой янтарной шайбы и серебряной пряжки обнаружен при мече в погр. 11/2007 в Танаисе. По всей видимости, крупные янтарные объекты из южнорусских (в том числе и донских) археологических комплексов изготовлены из сырья, добытого в пределах Балтийско-Днепровской янтароносной провинции (Алексеева, 1978, с. 22). Более узкое определение источника сырья для камышевской находки, конечно, любопытно, но не принципиально. Важно лишь то, что навершие обозначает совершенно иное направление культурно-исторических связей, нежели морфология меча и выразительная нефритовая отделка. По всей видимости, навершие было поздней добавкой к камышевскому клинку. Южнорусские параллели большей или меньшей степени близости имеет и бляшка, венчавшая штифт, крепивший навершие к рукояти (уже упоминавшаяся Усть-Лабинская, к. 45; ст. Тифлисская, курган 11 – вместе с халцедоновым навершием на штифте (Гущина, Засецкая, 1994, с. 57, табл. 26,247), Новокорсунская, находка 1902 г. (ОАК за 1902 г., с. 135-136, рис. 2406), могильник Валовый I близ Танаиса, курган 25 (Безуглов, Глебов, Парусимов, 2009, с. 94-95, рис. 33,2) явная копия – Лебедевка VI, курган 37 (Мошкова, Демиденко, 2010, с. 254, рис. 1,2; 2,1); вещь того же круга – бляшка с навершия меча из Кудашевского могильника в Прикамье (Быкова, Казанцева, 2012, с. 96, рис. 1,14).

Крупная выпуклая **бляха из раковины** (рис. 9,6; 14,7), увенчанная поверх отверстия в центре серебряной пряжкой (рис. 9,7; 14,6) на кожаной подкладке, крепилась к портупейному ремню. Ближайшая параллель – портупейная бляха из раковины, обнаруженная в нормальной позиции у частично разрушенного длинного клинка из погр. 126/2000 Кобяковского некрополя на восточной окраине г. Ростова-на-Дону (Ларенок, 2013, с. 112, фото 3,9; табл. 72,10)⁴. Два длинных меча с портупейными бляхами из раковин обнаружены на «объекте 8» (три конских скелета) Цемдолинского могильника у Новороссийска (Аспургиане, 2008, с. 124-126, рис. 102,2-4; 103,2,3-4). Еще три портупейных комплекта, содержащих бляхи из раковин и такие же пряжки, как в Камышевской, найдены в позднесарматских погребениях Южного Приуралья. Один из них обнаружен при клинке в кургане 43 могильника Покровка 10, содержавшем выразительный набор оружия и всаднической экипировки (Малашев, Яблонский, 2008, с. 17-18, 59, рис. 41,8-9); другой – в кургане 20 могильника Красный Яр в Оренбургской области (Малашев, 2014, с. 134, рис. 3,1)⁵;

⁴ Ошибочно определена автором как «навершие меча или фалар от конской упряжи».

⁵ Курган исследован Д.В. Мещеряковым в 1999 г. Пользуюсь случаем выразить искреннюю признательность В.Ю. Малашеву за информацию об этой находке.

третий (очевидно) – в уже цитированном кургане 37 могильника Лебедевка VI (Мошкова, Демиденко 2010, с. 254-256, рис. 1,3; 2,4 – не in situ).

Специальный интерес в рамках рассматриваемой проблематики представляет атрибутика деталей ножен и портупей из, казалось бы, далекого от нашей темы во всех отношениях болгарского кургана «Рошава Драгана». Помимо китайской резной нефритовой скобы с «Гидрой», автор раскопок Хр. Буюклиев издал еще несколько предметов, так или иначе связанных с мечом, среди которых особо выделяется оправленная в золото со значками по периметру *выпукло-вогнутая бляха из раковины* с отверстием в центре. За многие годы изданий и переизданий находок, обнаруженных в кургане, эта вещь всегда определялась как *навершие меча* (Буюклиев, 1995, с. 38-41, рис. 1,2; Симоненко, 2010, с. 67-69, Красноперов, 2011, с. 237, рис. 6,1). Прорисовки и фото предмета с разных сторон (Буюклиев, 1995, с. 41, рис. 3,3; Симоненко, 2010, с. 68, рис. 44,5a-в; с. 161, рис. 5a-в; Симоненко, 2015, с. 77-78, рис. 22 и цветная вставка 2,5a-г,) не оставляют сомнений в атрибуции предмета – это, безусловно и определенно, *портупейная бляха*, крепившаяся к ремню с помощью конической бронзовой кнопки, обложенной золотым листом и снабженной петлей для ремешка с тыльной стороны (Симоненко, 2010, с. 68, рис. 44,5г). *Реальным навершием* является обнаруженный в комплексе округлый предмет из золотой пластины, увенчанный изображением свернувшегося кошачьего хищника и заполненный мастикой (Буюклиев, 1995, с. 39, рис. 1,4); для этой вещи отмечено и наличие с тыльной стороны штифта для скрепления с рукоятью (Буюклиев, 1995, с. 42). Этот предмет приписан другому (второму) мечу. Способ издания материалов в публикациях Христо Буюклиева, 1986 и 1995 гг. не позволяет понять большего: либо золотое навершие, бутероль и портупейный комплект из нефритовой скобы на ножнах и бляхи-раковины принадлежали одному клинку (что представляется мне наиболее вероятным), либо все-таки их было два, и рассмотренные элементы принадлежали разным мечам.

Конструкция портупей во всех обозначенных случаях предполагает наличие вертикальной скобы на ножнах. Но если в Камышевской и болгарской «Рошаве» это были дорогие и редкие нефритовые изделия, то в Кобякове, Цемдолине, Покровке и Красном Яре скобы явно были деревянными. Напомню, что крупные выпуклые бляхи на портупейных ремнях хорошо известны в восточном иконографическом материале (Безуглов, 2000, с. 178).

Несколько слов о небольших, очень своеобразных пряжечках, подобных обнаруженной в Камышевской (рис. 9,7; 14,6). Когда-то мною был составлен скромный список из шести находок подобных изделий (Безуглов 2000, с. 178). Я не ставил целью собрать все известные пряжки этого типа, тогда важнее было показать их функциональное назначение и сопряженность с портупейными комплектами. В.Ю. Малашев привел сведения еще о семи экземплярах из разных мест (Малашев, Яблонский, 2008, с. 52). Судя по текущим публикациям, количество находок таких пряжек в последние годы постепенно возрастает (например – Кривошеев, Дьяченко, 2014, с. 47, рис. 1,14-15 и др.). Главное – они *всегда* являются компонентами портупейных наборов. В случаях обнаружения in situ эти пряжки находятся поверх отверстий «бусообразных» предметов или раковинных блях, крепившихся к портупейным ремням. Конструкция и позиция предполагают, что сквозь прямоугольную прорезь в рамке продевался тонкий сложенный петлей вдвое ремешок с отверстиями, сквозь которые проходил язычок. С тыльной стороны пряжки концы ременной петли пропускались сквозь отверстие подвески (бляхи), а затем каким-то способом (нет данных!) они скреплялись с портупейным ремнем. Учитывая малые размеры пряжек, эта система крепления не отличалась выдающейся прочностью, но устойчивая повторяемость комбинации не оставляет сомнений в ее реальности. Следует заметить, что эта схема не была единственно возможной. Известны случаи, когда в качестве фиксатора портупейной бусины (диска) использовались простейшие миниатюрные кольцевидные пряжечки (см., например, Альт-Веймар, к. D16 – Rau, 1927, рис. 31,d-e; Валовый I, 25/1 – Безуглов, Глебов, Парусимов, 2009, с. 58, рис. 33,3-4 и др.). В других случаях металлические детали крепления вообще отсутствуют. По всей видимости, при необходимости для фиксации «бус» можно

было обойтись системой кожаных узелков и подкладок. О хронологии: морфологические признаки и контекст комплексов позволяют датировать этот тип пряжек в пределах III в. н.э., скорее, его ранней и развитой частей⁶.

Конструктивные особенности портупейных комплектов, состоящих из каменной скобы на ножнах, диска (бляхи) и сопровождающей маленькой пряжки детально рассмотрены еще в 20-х гг. XX в. П.Д. Рау, В. Гинтерсом и А.Н. Кушевой-Грозевской (Рау, 1927, с. 36-40, рис. 30; 31,*b,d-e*; Ginters, 1928, с. 72; Кушева-Грозевская, 1929, с. 159-166) в связи с находкой в кургане D16 у с. Альт-Веймар на р. Торгун в Поволжье. Эти исследователи всесторонне изучили этот сюжет в оружьеведении древности (как итог – Кушева-Грозевская, 1929, с. 165-166). В более поздних работах результаты их тщательной и качественной работы, поныне вызывающей искреннее восхищение, были в значительной степени забыты и небрежно опущены (см., например, Хазанов, 1971, с. 24-26). А между тем детальный разбор подобных мелких деталей дает важный материал к характеристике генетических связей, истоков позднесарматской воинской элиты. Обычай монтировать портупею, используя крупные бляхи из раковин, несомненно, стал модой, престижным элементом воинской культуры. Он был воспринят военизированной социальной верхушкой мира лесных культур Прикамья, для которых позднесарматские связи на определенном отрезке времени стали приоритетными (Красноперов, 2011, с. 228-238, рис. 6,5-7; Красноперов, 2015, с. 96-97; Малашев 2014, с. 133, рис. 3,*1-2,5-10*). Тема использования крупных блях из раковин с отверстием в центре и халцедоновых элементов в сарматской степи, Приуралья и Волго-Камье очень емкая и содержательная; она, безусловно, достойна самого пристального внимания, которое уделяют ей уральские исследователи.

Подводя итог экскурсу о мече, еще раз отмечу, что длинные узкие клинки с остатками длинных рукоятей (иногда и ромбическими в сечении перекрестиями) изредка встречаются в сарматских погребальных комплексах II-I вв. до н.э., а также и I в. н.э. (Безуглов, Глебов, 2014, с. 49-56). Общим абрисом они очень сходны с близкими по времени китайскими, и, по всей видимости, были укомплектованы ножнами с вертикальной скобой. Но в целом персонажи, вооруженные подобным образом, явно находились вне преобладающего типа воинской экипировки и общепринятого основного типа вооружения. В сарматских древностях II в. до н.э. – I в. н.э. количество зафиксированных портупейных скоб мизерно – это уже упоминавшиеся костяные экземпляры из бассейна Дона (Новый 80/3, Октябрьский VII, 14/3 – Безуглов, 2000, с. 175). У большинства экземпляров длинных мечей – как ранних (II в. до н.э. – I в. н.э.), так и поздних (II-III вв. н.э.), скобы были деревянными. Вопрос о них витал в воздухе (Хазанов, 1971, с. 27; Безуглов, 2000, с. 178), но реалий не было известно. При специальном изучении материалов склепа, исследованного в некрополе Танаиса летом 1972 г., удалось идентифицировать деревянную портупейную скобу, лежавшую у верхней трети клинка длинного меча (Безуглов, 2014, с. 31-32). Эта находка может считаться принципиально важной и для степи – позднесарматские длинные клинки, сопровождавшиеся каменными бусами или дисками (бляхами из раковин), носили в ножнах с несохранившейся органической (скорее всего, деревянной) скобой. В этом контексте выразительная «орлатская» группа (Безуглов, 2000, с. 178-179) с каменной отделкой ярко иллюстрирует восточные истоки резких перемен в степном вооружении, происшедших на протяжении II в. н.э., обозначая вектор от ханьского Китая через Среднюю (или Центральную в новой терминологии) Азию к степям Поволжья-Приуралья и юга России.

По всей видимости, с мечом связаны еще несколько предметов, обнаруженных у клинка.

Крупная латунная пряжка (рис. 9,9; 14,2) могла застегивать пояс или портупейный ремень. Найденная рядом и, вероятно, комплектная ей обойма (рис. 9,11) более всего напоминает верхнюю

⁶ Лишь одна из известных мне находок относится к IV в. н.э. Она происходит из разрушенной катакомбы в кургане 9 могильника Криволиманский I в бассейне р. Сал. В отличие от более ранних экземпляров, рамка этой серебряной пряжки совершенно плоская.

часть двусоставного наконечника ремня с утраченной нижней (пластинчатой) частью (см., например, Малашев, 2000, рис. 3, В, 2-3; Е, 2 и др.).

Связаны между собой найденная у клинка фибула и остатки тлена на клинке, сохранившие следы шитья тонкими золотыми нитями. Фибула явно скрепляла истлевшие элементы из ткани и кожи, отделанные золотом, но что это было – сказать, увы, нельзя.

Фибула из камышевского погребения относится к типу Амброз-15-I-4, разновидность с фигурной обмоткой спинки (Амброз, 1966, с. 50, табл. 9,12). А.К. Амброз относил этот вариант лучковых фибул преимущественно ко второй половине II в. с возможностью бытования в начале III в. (Амброз, 1966, с. 50). Ныне количество находок фибул этого типа на юге России – от Прикаспия и Кавказа до Дуная – огромно и с трудом поддается учету. На основе новых данных В.В. Кропотов попытался уточнить типологические и хронологические позиции этих фибул. По его мнению, нет никакой хронологической разницы между фибулами его разновидностей 4-I-4.1 (=Амброз 15-I-4) и 4-I-4.2 (=Амброз 15-I-5) (Кропотов, 2010, с. 80, рис. 36,1,3-4,7-8,10-11, рис. 37,1-2,6-7). Тонкие хронологические наблюдения А. К. Амброза представляются актуальными и поныне. В основной своей массе одночленные лучковые фибулы 4-5 вариантов Амброза действительно существовали и использовались совместно, однако позднейшие датированные находки относятся именно к 5 варианту. Именно поэтому дата, предложенная Амброзом более полувека тому назад, представляется мне наиболее адекватной.

Фибулы с фигурной обмоткой выглядят особенно выразительно; они нередко встречаются в комплексах позднесарматского культурного типа, и в воинских, и в женских погребениях (Валовый I, к. 25 и 33, Центральный VI, 16/8, Мехзавод в Ростове, погр. 2 в траншее, Пашковский мог-к № 2, катакомба 1/2012 г., Ульский аул 1909, «погребение в саду черкеса Абул-кады» и др.). Важно отметить, что эти застежки хорошо отражают социальную градацию. При совершенном единстве строгого стиля они различаются материалом: бронза (Камышевская) – серебро (Танаис) – серебро с золотой обмоткой (Центральный VI, 16/8) – золото (Анапа 1975, склеп 2, погр. 2.). Последний экземпляр, исполненный в золоте, входил в состав экипировки представителя высшей знати Боспора (Алексеева, 1976, с. 76, рис. 128).

III.2. Кинжал. Состояние камышевского кинжала столь плачевно, что судить о его конструктивных и морфологических особенностях довольно сложно. Даже факт наличия прямого железного перекрестья едва обозначен. Отмечены лишь остатки тлена от ножен на поверхности клинка. Ножны кинжала явно были снабжены дополнительным карманом для найденного здесь же небольшого ножа (рис. 5,8). Такой способ ношения был основным для рассматриваемого отрезка позднесарматской эпохи (Кривошеев, 2013, с. 248). Ныне очевидно, что ведущим типом в степной позднесарматской экипировке были кинжалы разных типов (нередко с навершиями и перекрестьями из цветных металлов), часто снабженные ножами с двумя парами боковых выступов-лопастей у устья и в нижней трети клинка. Тип хорошо восстанавливается по наличию *in situ* металлических деталей отделки – декоративных бляшек и петель, крепившихся к лопастям⁷. В Валовом могильнике под Танаисом (курган 25) найдены два достаточно сохранных экземпляра (Безуглов, Глебов, Парусимов, 2009, с. 51, рис. 33,5-6). Осмелюсь предположить, что значительное количество кинжалов из позднесарматских комплексов степного Дона (в т.ч. и камышевский) также имели по две пары боковых выступов-лопастей из органики (дерева и кожи), как и их далекие в пространстве и времени прототипы из Центральной Азии. По всей видимости, некоторые ножны просто *не имели металлической фурнитуры* (Безуглов, Глебов, Парусимов, 2009, с. 96). Этот тип ножен, поименованный когда-то «ирано-алтайским» (Кубарев, 1987, с. 62-63), имел длительную и сложную историю (последние обзоры на русском языке – Безуглов, Глебов, Парусимов, 2009, с. 96-97; Трейстер, 2010, с. 515-521). Когда-то принципиальным моментом была констатация их восточного

⁷ Центральный VI, к. 16, п. 8; Ростов-на-Дону, ул. Вятская, к. 6, п. 8; Валовый I, к. 25, п. 1; Дружба, к. 2; Высочино I, к. 10, п. 1; Займо-Обрыв I, к. 14; Мокро-Чалтырский I, к. 2, п. 2 (раскопки В.В. Яценко 2015 г.).

происхождения. Ныне их можно поделить на несколько локально-хронологических групп, одну из которых составляют клинки с наборами металлических аксессуаров, происходящие из степных позднесарматских комплексов 2 пол. II – 1 пол. III вв. н.э.

III.3. Лук. Сильно фрагментированные, частично подобранные боковые срединные накладки сложносоставного лука (рис. 5,10а-з) лишь обозначают присутствие этого оружия в камышевском погребении и не дают оснований судить ни о его конструкции и размерах, ни о морфологии деталей. Уже давно принято считать появление обложенных костью крупных сложносоставных («гуннских») луков следствием восточного (центрально- и среднеазиатского) импульса в военном деле кочевого населения степной зоны России (Хазанов, 1971, с. 32-33; Безуглов, 1988, с. 110; Гугуев-Безуглов, 1990, с. 171-172; Симоненко, 2012, с. 142-143; Brosseder, 2015, с. 226-229 и др.). С ростом количества опубликованных находок из Южной Сибири, Центральной и Средней Азии эта точка зрения становится все более обоснованной.

Большие луки азиатского типа на Дону известны уже в среднесарматское время – например, срединная накладка в составе инвентаря ограбленной квадратной могилы I в. в кургане 41 Царского могильника близ Танаиса (Ильюков, 1994, с. 201, рис. 2,18). Во II – начале III вв. количество находок костяных элементов луков резко возрастает. Помимо достаточно удаленных от донского устья степных (Центральный VI, 16/8 – Безуглов, 1988, с. 110, рис. 2,8-13), отдельные накладки или даже целые комплекты встречены в городских слоях Танаиса эпохи пожара (около 250-251 гг. н.э. – Демиденко, 1994, с. 149-150, табл. XXI, 1), в выразительных комплексах танаисского некрополя, относящихся к ранней части III столетия и содержащих элитные аксессуары «всаднической» субкультуры (погр. 186/2008 г., погр. 642/2012 г.). Совершенно особую значимость приобретают находки костяных накладок луков в погребениях Кобяковского грунтового некрополя (погр. 11/1985 г. – раскопки В.К. Гугуева, погр. №№ 28/1999, 65 и 257/2000 – Ларенок 2013, с. 22-23, табл. 16,8-10; с. 75, табл. 46,10-13; с. 185, фото 3,1-7, табл. 117,10-12⁸). Эти данные свидетельствуют о мощном влиянии восточной традиции в метательном вооружении и о достаточно широком распространении «гуннских» луков как у кочевников, так и в среде оседлого и полуоседлого населения низовий Дона. Дополнительным звеном в этом ряду находок являются более чем скромные фрагменты из Камышевской.

IV. Конский убор. Специальный интерес представляет уздечный набор из камышевского погребения. Он состоит из фрагментированных железных удил с комплектом серебряной атрибутики (рис. 6,1-8) и серебряных деталей отделки ремней оголовья (рис. 7,1-13; 8,1-10). Псалии из комплекса очень специфичны (см. в описательной части); приведу лишь несколько параллелей:

1. **Могильник Центральный VI, к. 16, погр. 8** – псалии очень близкой морфологии и конструкции, в составе практически такого же по типу, времени и статусу «всаднического» комплекса, содержавшего роскошный набор наступательного оружия и конского убранства (Безуглов 1988, с. 110, рис. 3,5-6).

2. **Могильник Котлубань (Волгоградская обл.), курган 2** – пустая квадратная яма (кенотаф?), содержащая уздечный набор с прорезными колесовидными серебряными псалиями и комплектом разновеликих ременных зажимов (Скрипкин, 1989, с. 172, рис. 1,2-3). Котлубанский курган расположен в междуречье Дона и Волги, более чем в 300 км к северо-востоку от ст. Камышевской.

3. **Могильник у с. Старица Астраханской обл., курган 26, погр. 2.** Помимо прочего инвентаря, в погребении обнаружен уздечный набор с круглыми серебряными прорезными псалиями (Шилов, 1961, с. 74-80, табл. XXIV, 3; Шилов, 1975, с. 161-162).

4. **Могильник Лебедевка VI (Уральская обл., ныне Казахстан), курган 24.** Круглые псалии с триквестром из завитков, снабженные зажимами (Мошкова, 2001, с. 243, рис. 3,9,11).

5. **Грунтовой некрополь Кобякова городища (г. Ростов-на-Дону), погребение 73/2000.** Погребение содержало оружие и бронзовый уздечный набор, в том числе и колесовидные

⁸ Перепутаны номера таблиц.

пластинчатые псалии с фигурными прорезями в сопровождении разновеликих зажимов (Ларенок, 2013, табл. 51,3-6,12-13; фото 3,16-19,29-30).

Все комплекты колесовидных пластинчатых псалиев встречены в близких по типу синхронных комплексах, в сопровождении других сходных между собой уздечных элементов. Ареал – бассейн Дона (Кобяково, Камышевская, Центральный, Котлубань), Нижняя Волга (Старица), Южный Урал (Лебедевка). Кобяковский набор, по всей видимости, лишь имитирует степные образцы – он изготовлен из бронзы, другие его детали отличаются конструктивным своеобразием. На современный взгляд, все эти наборы отличаются излишней конструктивной сложностью и выглядят довольно непрacticalными в сравнении с другими (более простыми и эффективными) типами системы управления конем. Это хорошо иллюстрируется многочисленными следами ремонтов и замены утраченных или пришедших в негодность элементов. Но люди, оставившие эти памятники и обладавшие в рамках своей эпохи огромной военной мощью, в продолжение довольно небольшого отрезка времени находили уздечки этого типа престижными и вполне уместными. Им было виднее.

Бляшки с вертикальным выступом (рис. 7,1-4; 13,13-16). Один из самых выразительных, запоминающихся элементов позднесарматских уздечных наборов. В зависимости от индивидуальных особенностей абриса, их называют по-разному («секировидные», «овальные», «почковидные», «грибовидные» и т.д.). Повторяющиеся отличительные особенности – округлые (сегментовидные) очертания, прямоугольный выступ с заклепкой и прижимная пластинка с тыльной стороны. Камышевская находка *in situ* позволяет отчетливо представить положение этих бляшек на ремнях оголовья. Первая пара (рис. 7,1-2; 13,13-14) обнаружена непосредственно у концов длинных зажимов, крепившихся к псалиям (рис. 6,5,7; 12,2,5); они, несомненно, скрепляли точки пересечения нащечных ремней и поперечного наносного ремешка (надхрапника). На этот ремешок были напущены и две литые серебряные бусины (слева – рис. 8,3, справа – рис. 8,4). Вторая пара бляшек (рис. 7,3-4; 13,15-16), судя по их положению, крепились в местах скрещения и скрепления нащечных и поперечного налобного ремней; как и в случае с наносным, на налобный ремень у бляшек были напущены серебряные бусы (слева – рис. 8,9; справа – рис. 8,8). Именно поэтому в сохранных комплексах бляшки с вертикальным выступом находят по 2 или по 4. Круглые бляхи с выступами и тамгообразными знаками на поверхности (рис. 8,1-2; 12,7-8) крепились к нащечным ремням ниже их соединения с ремнем налобным. В позднесарматских уздечных наборах крупные парные бляхи встречаются постоянно; они имеют разную форму (круглую, ромбическую, прямоугольную (иногда с вогнутыми сторонами), сложные прорезные фигуры), разные способы крепления к нащечным ремням (на заклепках у краев, на неподвижных выступах (как в камышевской), на подвижных обоймах, закрепленных в прорезях у краев бляхи или на специальных петлях). Поверхность этих блях иногда бывает гладкой, иногда украшена тамгообразными знаками или вставками камня или стекла в гнездах. Декор блях иногда бывает асимметричным: тамга-вставка – Центральный VI, 16/8 (Безуглов 1988, с. 108, рис. 3,3-4); только тамга на одной бляхе – Валовый I, 25/1 (Безуглов, Глебов, Парусимов 2009, с. 100). У выступов этих блях, обращенных в сторону удила, обнаружено по серебряному наконечнику ремня (рис. 7,11-12; 13,5-6), а на бляхах – пара небольших пряжек (рис. 7,6-7; 13,8,10). По прямой аналогии с современными уздечками, эти пряжки и наконечники использовались при подгонке ремней оголовья непосредственно на лошади. Где-то здесь же к уздечным ремешкам (по всей видимости, к нащечным) крепились еще две серебряные бусины (рис. 8,6-7). Наконец, еще две бусины найдены в неясной позиции: одна – под правым псалием (рис. 8,5), и еще одна – уже в отдалении от основного скопления уздечных деталей (рис. 8,10).

Привлекает внимание довольно широкий, тщательно прошитый короткий ремешок, на обоих концах которого закреплено по бронзовому кольцу в обоймах (или по пряжке без язычков – рис. 7,8-10). Такие вещи (и тоже в бронзе) встречаются в составе позднесарматских уздечных наборов (например, Центральный VI, 16/8 – Безуглов, 1988, рис. 3,18-19 и многие другие) Взаиморасположение полуистлевших остатков ремешков в Камышевской позволяет полагать, что в

бронзовые кольца продевались поводья, а вся конструкция использовалась как ограничитель, передвигавшийся по поводу между нижней челюстью и шеей лошади. Неясным остается назначение конструкции, состоящей из двух круглых бронзовых бляшек (выпуклой и плоской) с совмещаемыми квадратными прорезями в центре (рис. 7,18-19).

Таким образом, благодаря тщательной фиксации металлических деталей *in situ*, камышевскую уздечку можно считать одной из наиболее выразительных и информативных в обширном круге позднесарматских всаднических древностей.

У. Оселок из Камышевской (рис. 5,9) эффектно дополняет серию специфичных точильных камней. Как правило, это очень длинные, прямоугольные в сечении, аккуратно вырезанные из мелкозернистых пород бруски, нередко сужающиеся к обоим концам. Столь характерные для мелких оселков отверстия у торцов на них отсутствуют; иногда на поверхности заметны следы сработанности. Эти камни совершенно отчетливо сопряжены с кругом степных позднесарматских древностей середины II – середины III вв. н.э. Их нет в сарматских могилах предшествующей поры – I – раннего II вв. н.э.; неизвестны они и в курганных погребениях юга России 2 пол. III – IV вв. н.э. Чаще их находят в комплексах, содержащих выразительную всадническую и воинскую атрибутику, иногда рядом с длинным мечом (Камышевская) или кинжалом (Центральный VI), но есть они и в синхронных женских погребениях (Высочино V, 18/1 – Беспалый 2000, с. 158, рис. 4,8). Ареал встречаемости длинных оселков – Приазовье (Шевченко 7/2 – Шепко, 1987, с. 168, рис. 8,12), Нижний Дон (Центральный VI, 16/8 – Безуглов, 1988, с. 104, рис. 8,2; Высочино VII, 12/1 – Безуглов, 1997, с. 136, рис. 2,13); Ново-Александровка I, 20/2 – Беспалый, 1990, с. 220, рис. 4,8; Царский 2011 – Нидзельницкая, 2016, рис. 7; Мокро-Чалтырский I, 2/2 – раскопки В.В. Яценко, 2015 г.), Южное Приуралье (Целинный I, 6/1 – Боталов, Гуцалов, 2000, с. 101, рис. 33,2; Лебедевка V, 23/1 – Мошкова, Железчиков, Кригер, 1978, с. 14-17, рис. 41-53; Красный Яр, к. 3 – Пшеничнюк, 1989, с. 102-103, рис. 3,10). В Лебедевке найден самый крупный из ныне известных оселков этого типа (0,68 м).

Исследователи, так или иначе соприкасавшиеся с темой длинных позднесарматских оселков, исключительно единодушны в их культурно-временной оценке – они принадлежат очень специфическому кругу древностей в довольно узком хронологическом диапазоне (Мошкова, 1989, с. 199-200; Безуглов, 1997, с. 136; Кривошеев, Лукпанова, 2015, с. 104 и др.).

У. Очевидно, во взаимосвязи следует рассматривать *серебряную обойму плети* (рис. 9,10) и обрывок ремешка с укрепленными на нем металлическими деталями (рис. 7,14-15,17; 13,12а-в). Основанием тому могут служить некоторые параллели:

1. Могильник Дружба в бассейне р. Сал, курган 2, погр. 1. В подбойном позднесарматском погребении найдены серебряные детали – обойма плети, 2 С-видные скобочки, штифт с двумя ромбическими пластинками, 2 полукруглые бляшки (Парусимов, 1998, с. 34-35, рис. 47,8-12). Набор элементов совершенно аналогичен камышевскому.

2. Могильник Кировский IV в бассейне р. Сал, курган 5, погр. 2⁹. В подбойном позднесарматском погребении найдены: серебряная 8-образная обойма плети с фрагментом деревянной рукояти, бронзовая С-видная скобочка, серебряная ромбическая пластинка на штифте.

3. Могильник Центральный VI в бассейне Сала, курган 16, погр. 8. В многократно цитированном выше комплексе – фрагмент деревянной рукояти плети с широкой серебряной обоймой, ромбическая серебряная пластинка на штифте, закрепленная на полоске кожи (Безуглов, 1988, рис. 2,19,25).

4. Могильник «Четыре брата» в бассейне Маныча, курган 3, погр. 6 (воинская подбойная могила) – обойма плети с фрагментом деревянной рукояти, 2 С-видных серебряных скобочки, серебряный штифт с серебряной и бронзовой пластинками у концов. В отличие от перечисленных выше, пластинки здесь не ромбические, а круглые (Мошкова, Максименко, 1974, табл. XVI,4).

⁹ Исследован Л.С. Ильюковым в 1981 г.

5. Танаис, курган 12/1972 г. Фрагмент деревянной рукояти плети с пропущенным сквозь него штифтом (обойма рассыпалась в поле, на ее месте зафиксировано пятно фиолетовых серебряных окислов), 2 С-видных серебряных скобочки, серебряная дисковидная бляшка на штифте (тыльная бронзовая распалась).

6. Танаис, погребение 642/2012. В комплексе, содержащем сарматский набор вооружения (большой меч, лук, кинжал) и уздечку, в компактном скоплении найден серебряный штифт с двумя ромбическими пластинками и 4 С-видных серебряных скобочки; неподалеку – фрагмент рукояти плети с пластинчатой серебряной обоймой¹⁰.

Перечисленные находки происходят из близких в пространстве, времени и по культурному типу археологических комплексов. Функциональное назначение каждой из деталей пока не может быть определено с должной достоверностью. Ясно лишь, что пластинчатые 8-образные обоймы (см. о них: Безуглов, 1997, с. 136; Ахмедов, 2015, с. 48-50) скрепляли кожаную часть плети с рукоятью. Иногда С-видные скобочки называют «утяжелителями плетей». Не знаю, так ли это. Мне хотелось бы лишь привлечь внимание к реальности существования повторяющихся в основных чертах наборов металлических элементов и отметить, что они являются еще одним выразительным группообразующим признаком материального комплекса «всаднической» группы.

Заметный элемент позднесарматского «всаднического» набора – массивные литые бронзовые кольца диаметром около 4 см. Выразительный экземпляр такого кольца обнаружен в камышевском погребении (рис. 5,1; 13,11). В бассейне Дона они несколько раз встречены в составе воинских комплексов, в сопровождении уздечных принадлежностей и оружия (Сладковский, 20/1 (Максименко, Безуглов 1987, с. 185, рис. 4,4); Центральный VI, 16/8 (Безуглов 1988, рис. 3,16); «Четыре брата», 3/6 (Мошкова, Максименко 1974, табл. XVI,1; Мошкова 1978, с. 76, рис. 3, слева вверху); Валовый I, 25/1 (Безуглов, Глебов, Парусимов, 2009, с. 52, рис. 28,3); Царский могильник под Танаисом, 2011 г. (Нидзельницкая, 2016, рис. 8,1); междоустье на юго-западной окраине г. Ростова, к. 3, погр. 5 (раскопки Л.М. Казаковой, 1973 г.). Встречены такие кольца и в Кобяковском могильнике (раскопки Н.С. Морозовой, 2003 г. и др.). Известны они и за пределами степного Подонья: Олонешты, 4/4 на Днестре – в составе яркого позднесарматского «всаднического» комплекса (Мелюкова, 1962, с. 203, рис. 6,4; Курчатов, Бубулич, 2003, с. 289, рис. 8,4); Васюринская гора на Тамани, курган 1 – в сопровождении хорошего серебряного позднесарматского уздечного набора, украшенного фасетками (Ростовцев, 1914, табл. XVIII,11), Пашковский могильник № 2, катакомба 2 (Лимберис, Марченко, 2015, с. 131, рис. 3,7). Функция этих предметов, честно говоря, не ясна. Эти кольца не имеют отношения к удилам – их всегда находят по одному, в разных позициях. Лишь в одном случае («Четыре брата», 3/6) на кольце зафиксированы остатки ремней.

Оригинален обнаруженный в камышевском погребении серебряный флакон. По формальным признакам он относится к группе сосудиков с туловом удлиненно-овальной (яйцевидной) формы (Скалон, 1961, с. 133, рис. 14,2-3), но отличается особой морфологией (каннелированная нижняя часть, конический выступ на крышке – Мордвинцева, Трейстер, 2007, т. I, с. 29, табл. 25,А42.1; Беспалый, Лукьяшко, 2008, с. 137, табл. 23,16). В.И. Мордвинцева и М.Ю. Трейстер считают сосудики с овальным туловом довольно поздними в типологическом ряду (Мордвинцева, Трейстер, 2007, т. I, с. 54). По всей видимости, камышевский флакон – упрощенная реплика роскошных изделий, выполненных в золоте и украшенных не дешевым стеклом, а хорошо шлифованными гранатами (керченская гробница 1837 г. – Скалон, 1961, рис. 14, 3; Сокровища, 2008, с. 141, № 56).

Металлические флаконы (целые и разрушенные, гладкие и со вставками) неоднократно встречены в погребальных комплексах Танаиса I-III вв. н.э.; есть находки и в городских слоях. Для нашего сюжета специальное значение имеют танаисские находки сосудиков с овальным туловом. Один из них (грубоватый, упрощенный) найден в погребении 5 кургана 9 с импортной «пельтовидной» фибулой и литым зеркалом с центральной петелькой (Казакова, Каменецкий, 1970,

¹⁰ Погребение исследовано Г.Е. Беспалым в 2012 г.

с. 87), второй – в подвале ЕН, исследованном в 1988 г. (Арсеньева, Науменко, 1992, с. 77-78, рис. 99,7). Последний украшен золотой филигранью и гранатовыми вставками в золотых гнездах и особо примечателен тем, что встречен в сопровождении серии датирующих биллоновых монет с крайними датами 234-250 гг. н.э. Кажется наиболее вероятным, что камышевский сосудик попал к последнему владельцу при контактах с оседлым населением устья Дона – скорее всего, Танаиса.

Хронология

Комплекс из Камышевской – один из самых ярких в составе совершенно особой культурно-хронологической группы (горизонта) воинских позднесарматских («всаднических») погребений, разбросанных по степи на тысячи километров. Мне неоднократно приходилось затрагивать вопросы ареала, степени единства и хронологической позиции комплексов «всаднической» группы (Максименко, Безуглов, 1987, с. 190-191; Безуглов, 1988, с. 111-114; Безуглов, 1989, с. 24-27; Гугуев, Безуглов, 1990, с. 172-174; Безуглов, 1997, с. 137-138; Безуглов, 2000, с. 179-182; Безуглов, Глебов, Парусимов, 2009, с. 112-113; Безуглов, 2010, с. 98-102, 107-111; Безуглов, 2014, с. 30-33 и др.), и сейчас нет нужды вновь повторять ранее приведенные аргументы и факты. «Всаднические» комплексы отлично группируются в монолитный относительно-хронологический блок благодаря обилию практически идентичных индикаторов синхронизации, в первую очередь – выразительного мелкого металла (фибул, ременной гарнитуры). Опорные (датирующие) комплексы, содержащие различные элементы, характерные для «всаднической» группы и обнаруженные в различных регионах (Закавказье, Крым, Подонье, бассейн Дуная), согласованно указывают на довольно узкий хронологический отрезок – конец II – первую четверть или треть III вв. н.э. (Безуглов, Глебов, Парусимов, 2009, с. 112-113). Я позволю себе лишь некоторые комментарии, дополняющие и уточняющие данные списка, опубликованного в цитированной выше работе 2009 г., посвященной позднесарматским курганам Валового I могильника у Танаиса.

1. Гробница 1 некрополя Армазис-хеви в Грузии (Апакидзе-Гобеджишвили-Каландадзе-Ломтатидзе, 1958, с. 25-46). До настоящего времени – важнейший комплекс, маркирующий **время рождения** мелкой металлической индустрии, ставшей столь популярной в позднесарматской среде. Особенно важны 2 пряжки и 2 двусоставных наконечника ремней из состава уздечного набора и прямоугольная поясная пряжка (Апакидзе, Гобеджишвили, Каландадзе, Ломтатидзе, 1958, табл. 1,4-5, 6,8; табл. Ibis,8). Уздечные детали исполнены в золоте, небольших размеров и лишены фасеток, но их подобие позднесарматским изделиям не вызывает сомнений. В числе обильного инвентаря очень высокого социального престижа здесь обнаружено 7 монет – 1 испорченная серебряная (не датирует) и 6 золотых – римских ауреусов. Нумизматические описания грузинских исследователей многословны и порой весьма своеобразны, а полиграфия издания оставляет желать лучшего. Тем не менее, даже по приведенным в публикации 1958 г. изображениям возможны уточнения атрибуции монет, которые я позволил себе в соответствии с современным уровнем изученности нумизматики Империи.

Здесь были найдены следующие ауреусы: цезарский Тита 76 г. н.э. (LXXXIX, 3-3a)¹¹, Траяна 116 г. н.э. (LXXXIX, 4-4a) и 4 монеты Адриана – 119-120 гг. (LXXXIX, 6-6a), 121 г. (LXXXIX, 5-5a), 123 г. (LXXXIX, 8-8a) и 126 г. н.э. (LXXXIX, 7-7a). Поздние эмиссии адриановского золота в погребении отсутствуют. Важный хронологический ориентир в комплексе – серебряная фиала с медальоном, несущим профиль Антиноя (Апакидзе-Гобеджишвили-Каландадзе-Ломтатидзе, 1958, с. 38, табл. XLI,1-2). В высокое искусство (архитектура, скульптура, торевтика, глиптика, нумизматика) Антиной вошел лишь после своей смерти осенью 130 г. н.э., а после смерти Адриана в 138 г. его светлый лик быстро утратил былую популярность. Таким образом, наиболее вероятная дата сложения комплекса вещей гробницы 1 в Армазис-хеви – **30-е гг. II в. н.э.** Очевидно, вскоре этот набор лег в землю. Сочетание датирующих обстоятельств хорошо подмечено издателями. Их предположение о том, что персонаж, погребенный в гробнице 1, «смело можно считать

¹¹ Во избежание путаницы – ссылки на таблицы издания 1958 г.

современником Адриана» (Апакидзе-Гобеджишвили-Каландадзе-Ломтатидзе, 1958, с. 38), поныне представляется вполне правомерным¹².

2. Танаис, курган 12/1972 г. Вместе с выразительным набором «всаднической» атрибутики и женским погребением, очень близким по составу инвентаря степным позднесарматским – оттиск оборотной стороны медной монеты Тиры. Зафиксирован случай сочетания этого штемпеля реверса с аверсным штемпелем, изображающим Юлию Домну (Анохин, 1989, ХХХ, 537). Таким образом, время чеканки оригинала в любом случае охватывает правления Септимия Севера и Каракаллы и находится в интервале 193-217 гг. н.э. В.А. Анохин относил этот штемпель к своей 5 серии, чеканенной при Септимии Севере; он датировал ее 209-211 гг. н.э. (Анохин, 1989, с. 100)¹³.

3. Танаис, склеповые погребения 26/1992 (Арсеньева, Безуглов, Толочко, 2001, с. 53-54, табл. 65-69) и 12/2007. В первом комплексе встречен фрагмент двусоставного серебряного наконечника ремня (Арсеньева, Безуглов, Толочко, 2001, табл. 65, № 843), во втором – несколько пряжек с прямоугольными щитками и наконечник ремня, украшенные фасетками. В обоих комплексах обнаружены детали погребальных венков, вырезанные из золотой фольги и украшенные тиснением. Среди деталей венков в обоих погребениях были оттиски монеты – римского денария Антонина Пия с хорошо читаемой титулатурой – TRPXII, что соответствует 148-149 гг. н.э. Сличение оригиналов индикаций из погребений 26/1992 и 12/2007 не оставляет никаких сомнений в том, что оба оттиска сделаны с *одной и той же монеты*. Это свидетельствует о максимальной хронологической близости комплексов и задает хороший terminuspostquem для хронологии стилистики позднесарматского «фасеточного» металла.

4. Танаис, склеп 186/2008. С великолепно набором «всаднической» атрибутики (узденый набор, детали оружия, ременная гарнитура) найдены 2 индикации монет. Одна из них – слабого качества, на обрезке фольги во вторичном использовании, по всей видимости, оттиснута с провинциальной монеты эпохи поздних Антонинов; вторая снята с реверса двухпортретного статера Савромата II 495 г. босп. эры (198 г. н.э.). Судя по составу южнорусских кладов на Боспоре, Дону и в Прикубанье, статоры длительного правления Савромата II (174-210 гг.) обращались преимущественно с монетами его сына Рискупорида (211-226 гг.) и из-за ухудшения качества металла в текущей чеканке полностью выпали из обращения в 20-х гг. III в. н.э. В начале 30-х гг. III столетия в обращении боспорских монет высшего номинала произошли резкие изменения, и более ранние эмиссии конца II – начала III вв. в нем не участвовали. Это позволяет признать за индикацией из погр. 186/2008 хорошие датирующие возможности.

5. Могильник Нейзац в Центральном Крыму, погр. 222. Здесь вместе с хорошим набором выразительного металла позднесарматского облика (Храпунов, 2006, с. 104, рис. 2-4) была найдена римская монета – денарий Коммода (180-192 гг. н.э. – Храпунов, 2006, рис. 3,23). В приведенном в публикации определении была неясность в показаниях титулатуры (Безуглов, Глебов, Парусимов, 2009, с. 112, прим. 22). На появившемся фотографическом воспроизведении монеты (Khrapunov, 2013, с. 347) видно, что ее реверс с титулом чеканен сильно изношенным штемпелем, но финальная часть легенды читается отчетливо – COSVII, что соответствует последнему году правления Коммода (192 г. н.э.).

6. Комплекс кургана 4 в Визешдпусте (Румыния). Вместе с элементами узденного набора, ременной гарнитуры и деталями оружия, принадлежащими «всаднической» группе, найдено 5 денариев (Vaday 1986, с. 207), охватывающих довольно узкий хронологический промежуток – 3 поздние монеты Антонина Пия (из них 2 – посмертной чеканки, около 161 г. н.э., и 2 – Марка Аврелия (позднейшая – 171-173 гг. н.э.). Жесткий скепсис к хронологическим показаниям монет (денариев) эпохи Антонинов – правило хорошего тона в археологии римской эпохи, в том числе и на

¹² Как-то не очень хорошо согласуется с этим определением окончательная дата, предложенная для комплекса – «середина или вторая половина II в. н.э.» (Апакидзе-Гобеджишвили-Каландадзе-Ломтатидзе, 1958, с. 46).

¹³ Эта узкая дата, к сожалению, декларативна. Основания для нее в работе Анохина отсутствуют.

юге России. Причины тому – их огромные тиражи, а также многочисленные кладовые находки, в которых денарии II в. н.э. (с включениями единичных монет I – начала III вв. н.э.) встречаются в датированном контексте позднего III-IV вв. н.э. Но т. н. «черняховские» денарии – это весомой металл; они в основной массе сильно стертые и хорошо определяются даже визуально. Комплекс в Визешдпуге, несомненно, относится к эпохе Маркоманнских войн; его контекст хорошо согласуется с хронологическими показаниями монет, которые могут быть признаны датирующими.

Таким образом, историко-культурное явление, материальным воплощением которого стал горизонт воинских «всаднических» погребений, хорошо укладывается в широкий хронологический интервал, включающий вторую половину II и первую половину III столетий христианского летоисчисления. Судя по показаниям датирующих монет и сочетанию хронологических указателей, **наиболее вероятной** датой нижнедонских «всаднических» комплексов и их прямых аналогов на сопредельных территориях следует считать позднюю часть (скорее, около последней четверти) II и раннюю часть (около первой трети) III вв. н.э. В качестве наиболее приемлемой эту дату следует признать для комплекса вещей из кургана 8 у ст. Камышевской.

Эта историко-культурная реальность в степи от Волго-Донского междуречья до Среднего Дуная в силу целой суммы обстоятельств распалась уже в пределах второй трети III столетия. Иная ситуация складывалась к востоку и северо-востоку от Волги: судя по всему, здесь традиции «всаднического» феномена продолжали существовать и в развитой-поздней частях III столетия, но, как говорят, это уже совсем другая история.

Контекст

Ближайший аналог камышевского кургана – погр. 8 в кург. 16 могильника Центральный VI, сохранившееся нетронутым (Безуглов, 1988, с. 103-114). Оно находилось всего в 25 км к югу по прямой от ст. Камышевской; главный разделяющий их элемент рельефа местности – долина р. Дон с право- и левобережной поймой. Мы не знаем, что унесли грабители из камышевского погребения, но даже сохранившееся позволяет утверждать, что эти два комплекса совершенно синхронны и однокультурны. Сходны конский убор, комплект оружия, тип фибул, стиль исполнения металлических предметов. Без сомнения, оба погребения принадлежали представителям военной позднесарматской элиты – вождям, социальный статус которых выражен в сохранившейся внешней атрибутике – оружии и конском уборе.

Вторая важная параллель камышевскому комплексу – курган 19 в Сладковском могильнике на р. Быстрой. Здесь в довольно скромном воинском погребении найден меч с нефритовой отделкой (перекрестьем и скобой), аналогичный камышевскому (Максименко, Безуглов, 1987, с. 183-184, рис. 2,1,2,7).

В районах, соседствующих с местоположением камышевского кургана, обнаружено значительное количество синхронных ему позднесарматских погребений 2 пол. II – начала III вв. н.э. Особенно много их на примыкающем донском левобережье, в бассейнах Сала и Маныча. Правобережный контекст гораздо скромнее, но следует учитывать, что, в отличие от левобережного Подонья, раскопки курганов здесь проводились эпизодически, в минимальном объеме.

Сходные с Камышевской и Центральным по типу и социальному рангу позднесарматские комплексы тяготеют к донскому устью. Это, в первую очередь, курган 25 в Валовом могильнике под Танаисом (Безуглов, Глебов, Парусимов, 2009, с. 48-62, рис. 25-35) и впускное погребение 8 в кургане 6 на ул. Вятской в Ростове-на-Дону (Volkov, Guguev, 1986, с. 73-74). Хороший фон этим аристократическим комплексам создает группа выразительных позднесарматских погребений более скромной социально-имущественной позиции, в инвентаре которых явно доминируют оружие и уздечные детали.

Сумма данных свидетельствует о плотной освоенности низовий Дона и прилегающего Приазовья кочевниками – носителями позднесарматского культурного типа. Расширение круга аналогий создает огромный пояс степных комплексов, простирающийся от дунайской границы

Империи до Южного Урала. В Южном Приуралье открыто значительное количество воинских позднесарматских погребений, среди которых также выделяются могилы военной аристократии. Важно отметить, что при несомненном сходстве и родстве удаленные друг от друга археологические комплексы «всаднического» круга обладают и рядом несомненных различий. Их важнейшая суммарная характеристика – это погребения *профессиональных кочевых воинов*, социальный статус и функция которых находят убедительное выражение в составе погребального инвентаря. Повторяющиеся в мелочах особенности вооружения экипировки и всаднической атрибутики свидетельствуют о наличии на огромных пространствах единообразных представлений об их изготовлении.

Кочевое позднесарматское общество по археологическим данным может быть охарактеризовано как резко милитаризованное агрессивное образование, ведущую роль в котором играли группы профессиональных конных воинов с развитой внутренней иерархией. Это определение хорошо сочетается с антропологической характеристикой степного позднесарматского мира (Балабанова, 2003, с. 71-73; Балабанова, 2013, с. 47). Антропология обладает собственной источниковой базой и своим набором методических приемов; поэтому практически дословное совпадение археологических и антропологических выводов о характере позднесарматской социальной специфики представляется мне особенно убедительным.

Наличие мощной и влиятельной военной организации в позднесарматском обществе позволяет поднять вопрос о противостоящей стороне – против кого могла быть направлена организованная позднесарматская военная мощь?

Империя. Важный эпизод имперской истории, соответствующий времени становления «всаднического» позднесарматского феномена – т.н. Маркоманнские войны¹⁴. Издавна так принято именовать череду военных конфликтов с варварами по дунайской границе Империи, то стихавших, то вспыхивавших вновь, начиная с конца 166 г. вплоть до осени 180 г. н.э. На полтора десятилетия сарматы, германцы и римляне вступают в период не только военного противостояния, но и активных взаимодействий самого различного рода. Сарматский компонент в этих событиях, несомненно, был одним из основных.

В 176-177 гг. в римской монетной чеканке от имени Марка Аврелия и юного Коммода появляются типы реверсов с изображением горы трофейного оружия и сопровождающей легендой – DESARMATIS, а также тип с изображением трофея с пленниками у подножия и пояснением – DESARM (Szaivert, 1994, с. 499, рис. 3-4, 9). Еще с XIX в. появление этих типов принято связывать с триумфом 23 декабря 176 г., знаменовавшим завершение первого этапа войн (Szaivert, 1994, с. 503; Режабек, 1896, с. 190, прим. 130). Но кто были сарматы, воевавшие с Римом? За редким исключением, сарматские памятники Венгерской низменности, примыкающей к дунайской границе Империи, достаточно скромны и однородны. Поэтому совершенно особое значение имеют обнаруженные в Карпато-Дунайском бассейне воинские комплексы с несомненными элементами южнорусской «всаднической» группы – Визешдпушта и Хевиздьерк (в последнем найдены германские вещи) (Istvánovits, Kulczár, 2003, с. 232-237). Сармато-германские контакты военных элит в эту эпоху фиксируются и с другой (германской) стороны наличием деталей отделки больших позднесарматских мечей в «болотных находках» (Moogfund) Дании и Северной Германии. По сложившейся в европейской литературе традиции эти предметы – «магические подвески к мечам» (реально – наверхия и портупейные атрибуты) относили к гуннской эпохе («Attila-Zeit»). Но оказалось, что вполне возможно датировать их «около 200 г. н.э.» (Иштванович, Карнап-Борнхайм, Кульчар, 1998, с. 120; Carnap-Bornheim, 2003, с. 371-373, рис. 1). Привлекает внимание идентичность халцедоновых деталей (наверхий мечей и портупейных атрибутов) с резным «вихревым» орнаментом из Карпато-Дунайского бассейна (Визешдпушта, Язберень-Чегелапош), степей Нижнего

¹⁴ ... «полнее и правильное его (термина – С.Б.) содержание можно было бы выразить названием войн германо-сарматских» (Режабек, 1896, с. 1).

Дона (Центральный VI, 16/8, Высочино I, 10/1) (Безуглов, 2000, с. 191-192, рис. 5,4,9; 6,20-22) и лесного Прикамья (Усть-Сарапульский могильник. погр. 89) (Пастушенко, Бернц, 2008, с. 13, рис. 2,2). Очевидно, есть основания рассматривать эти материальные свидетельства как следствие контактов сарматских и германских воинских групп в эпоху Маркоманнских войн. Кажется все более очевидным присутствие в среде сарматов, противостоявших римлянам, степного южнорусского (по преимуществу – самого мощного и выразительного – нижнедонского) культурного компонента.

В качестве одной из версий с событиями последней трети II в. н.э. может быть связано поступление в мир кочевых сарматов части имперских импортов – в первую очередь, металлической посуды. В этой связи привлекают внимание три ярких, на мой взгляд, синхронных комплексов, расположенных в степной полосе Подонья-Приазовья-Причерноморья: Олонешты (или Оланешты) 4/4, Чугунно-Крепинка 2/1, Центральный IV, 20/1 (Безуглов, 2017). Два последних, несомненно, принадлежат нижнедонскому кругу, тяготеющему к Танаису. Наборы имперской посуды в этих погребениях обильны и, несмотря на детали, близки между собой. Оланештский комплекс обозначает направление этой волны импортов либо из сарматской степи в сторону имперской границы, либо от дунайского пограничья на восток.

Мощные внешние и внутренние раздражители в имперской истории, последовавшие за окончанием серии войн в 180 г. н.э. (дестабилизация верховной власти после смерти Коммода в 192 г., завершившаяся единовластием Септимия Севера, векторы внешней политики последнего), не позволяют проследить развитие взаимоотношений с военизированными кочевыми варварами на дунайской границе на рубеже II-III вв. После бурных событий 166-180 гг. титул SARMATICUS MAXIMUS принадлежит уже Максимино Фракийцу (235-238 гг.). Впрочем, в отличие от соседей-германцев, сарматы продолжали военные столкновения с Римом и после заключения мирных соглашений 180 г. (Режабек, 1896, с. 217-218).

Боспор. Время существования в южнорусских степях горизонта воинских погребений, подобных камышевскому, соответствует двум заметным и продолжительным правлениям на Боспоре – Савромата II (174-210) и его сына Рискупорида (211-226). О событиях на Боспоре и его ближайшей варварской периферии нам известно еще меньше, чем о происходившем на рубежах Империи. Упомяну лишь несколько разнородных историко-археологических фактов.

1. Появление в монетной чеканке Савромата II серии «триумфальных» сюжетов. Военно-прокламативная тематика использовалась в монетном деле Боспора I-III вв. широко и постоянно, но часто это был монотонный набор стандартных сюжетов, переходящих от одного правления к другому. Здесь иной случай – в интервале 186-196 гг. появляются крупные номиналы меди, на обороте которых царь предстает в образе воина, нередко венчаемого Никой (Викторией). Издавна появление этих типов считали следствием резкого усиления внешнеполитической активности Боспорского государства и ростом военных расходов (Зограф, 1938, с. 303). Второй «всплеск» воинских и военных сюжетов фиксируется в очень однообразной медной чеканке Рискупорида – появляются типы с трофеем, вооруженным царем, конным царем, попирающим поверженного врага. Н.А. Фролова связывала эти эмиссии с военными успехами в борьбе с варварами и датировала их около 218-219 гг. н.э. (Фролова, 1997, т. II, с. 13-16).

2. Часто вместе с характеристикой «триумфальной» чеканки Савромата II упоминается знаменитая надпись КБН-1237 из Танаиса, датированная 490 г. босп. эры, отмечающая военные успехи царя на суше и на море (КБН 1965, с. 728-730). Текст надписи не вполне ясен, да и сама она не сохранилась в оригинале. Тем не менее, содержание ее настолько выразительно, что она поныне служит важнейшим источником для характеристики правления Савромата II в целом. При характеристике «сарматизации» Боспора в эту эпоху принято вспоминать и краткую надпись КБН-1053 с упоминанием Ирака, главного переводчика аланов, с датой 505 г. босп. эры (=208 г. н.э.).

3. Высокий престиж конного воинства в эпоху, близкую существованию позднесарматского «всаднического» горизонта, распространился на Боспоре чрезвычайно широко. Складывается тип

вооружения, совершенно схожий с позднесарматским. Как уже указывалось, появляются конские убрания позднесарматского стиля.

Особого внимания заслуживает целая серия боспорских надгробий, изображающая знатных всадников с характерной экипировкой – большими мечами с длинными рукоятями и вертикальными скобами на ножнах, кинжалами в ножнах с 4 лопастями, луками в горитах, часто сопряженных с мечами в «походном» положении (за спиной, как правило, с левой стороны – например, рис. 10,4). Привлекают внимание странные предметы, иногда находящиеся в руках изображенных конников (например, Керченский лапидарий, № КЛ-370 и др.). Более всего они напоминают плети, столь популярные у знатных позднесарматских воинов. Мне кажется, что примерно так должны были выглядеть и степные воины.

Очевидно, ныне можно ставить вопрос не об абстрактной «сарматизации», а о заметном влиянии на Боспор специфичного позднесарматского культурного типа¹⁵ на фоне высокой силовой активности, в том числе и в отношениях с варварским окружением.

Погребения, близкие по типу и инвентарю степным позднесарматским, появляются в некрополях оседлого населения Подонья и Прикубанья, Северо-Западного Предкавказья; «всадническая» атрибутика появляется в Центральном Крыму. О влиянии степняков на северо-восточных и северных соседей указывалось выше. На определенном отрезке времени «всадническая» воинская субкультура оказалась в значительной степени интернационализированной, и происхождение многих ее составляющих требует специального изучения. Но что могло придавать черты сходства воинской атрибутике и экипировке в столь различных и удаленных друг от друга районах? На мой взгляд, таким фактором служила позднесарматская военно-политическая доминанта, послужившая основой социального престижа и авторитета вооруженного всадничества.

Таким образом, следы культурных элементов, присущих позднесарматским воинам середины II – середины III вв., прослеживаются от Северной Европы до Ближнего Востока, от лесов Приуралья до Предкавказья, крымских предгорий и дунайских гирл. Мы с полным основанием можем говорить о выдающейся роли позднесарматских воинов в евразийском историко-культурном процессе. Один из них и был погребен под небольшой насыпью на высоком донском берегу.

Литература

- Алексеева Е.М. Отчет о работе Анапской экспедиции за 1975 г. // Архив ИА РАН. – 1976. – Р-1. №№ 5775, 5776а.
- Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ, Г1-12. – 1978. – Т. 2. – 119 с.
- Амброз А.К. Фибулы юга европейской части СССР // САИ, Д1-30. – 1966. – 142 с.
- Анохин В.А. Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. – Киев: Изд-во Наукова думка, 1989. – 128 с.
- Анфимов Н.В. Древнее золото Кубани. – Краснодар: Краснодарское книжное изд-во, 1987. – 232 с.
- Апакидзе А.М., Гобеджишвили Г.Ф., Каландадзе А.Н., Ломтатидзе Г.А. Мцхета. I. Археологические памятники Армазис-хеви по раскопкам 1937-1946 гг. – Тбилиси: Академия наук Грузинской ССР, 1958. – 282 с.
- Арсеньева Т.М. Лепная керамика Танаиса. II. Горшки // МИА. – 1969. – Вып. 154. – С. 173-219.
- Арсеньева Т.М., Науменко С.А. Усадьбы Танаиса. – М.: Эвтектика, 1992. – 232 с.
- Аспургиане на юго-востоке азиатского Боспора: по материалам Цемдолинского некрополя // Некрополи Черноморья. – М.: ИА РАН, 2009. – Т. II. – 304 с.
- Ахмедов И.Р. Плети из Рязано-Окских могильников. Новые данные // Труды ГЭ. – LXXVII. Археология без границ. Коллекции, проблемы, исследования, гипотезы. – СПб.: Государственный Эрмитаж, 2015. – С. 30-65.

¹⁵ Я сознательно не рассматриваю здесь вопрос о соотношении социальных элит степной позднесарматской культуры донского бассейна и боспорского по принадлежности Танаиса. Это отдельная тема и ей посвящено специальное наше исследование.

- Балабанова М.А. Реконструкция социальной организации поздних сарматов по антропологическим данным // Нижневолжский археологический вестник. – Волгоград, 2003. – Вып. 6. – С. 66-88.
- Балабанова М.А. Позднесарматское население Нижнего Поволжья и сопредельных территорий в антропологическом контексте раннего железа и раннего средневековья: Автореф. дис. ... д-ра истор. наук: 03.03.02. – М., 2013. – 65 с.
- Безуглов С.И. Позднесарматское погребение знатного воина в степном Подонье // СА. – 1988. – № 4. – С. 103-115.
- Безуглов С.И. Позднесарматское погребение у ст. Хапры // ИАИАНД-1988. – 1989. – Вып. 8. – С. 25-28.
- Безуглов С.И. Воинское позднесарматское погребение близ Азова // ИАИАНД-1994. – 1997. – Вып. 14. – С. 133-142.
- Безуглов С.И. Позднесарматский меч из ст. Камышевской // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы: Тезисы докладов VII Донской археологической конференции г. Ростов-на-Дону 22-26.11.1998. – Ростов н/Д, 1998. – С. 87.
- Безуглов С.И. Позднесарматские мечи (по материалам Подонья) // Сарматы и их соседи на Дону. Материалы и исследования по археологии Дона. – Ростов н/Д: «Терра», 2000. – Вып. I. – С. 169-193.
- Безуглов С.И. Позднесарматская культура и Нижний Дон (современное состояние проблемы) // Становление и развитие позднесарматской культуры (по археологическим и естественнонаучным данным): Материалы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов, г. Волгоград 03.10.2009. – Волгоград: Изд-во Волгоградского гос. ун-та, 2010. – Вып. III. – С. 93-116.
- Безуглов С.И. Склеп из Танаиса (1972 г.) и проблемы степной хронологии II-III вв. н. э. // XV Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы хронологии. – Керчь, 2014. – С. 30-33.
- Безуглов С.И. Позднесарматское погребение с имперской бронзовой посудой на Нижнем Дону (в печати).
- Безуглов С.И., Глебов В.П. Раннесарматское погребение с двумя мечами из могильника Суходюдеревский II // Война и военное дело в скифо-сарматском мире: Материалы международной науч. конф. памяти А.И. Мелюковой, с. Кагальник, 26-29.05.2014. – Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2015. – С. 49-56.
- Безуглов С.И., Глебов В.П., Парусимов И.Н. Позднесарматские погребения в устье Дона (курганый могильник Валовый I). – Ростов н/Д: Медиа-полис, 2009. – 128 с.
- Беспалый Е.И. Погребения позднесарматского времени у г. Азова // СА. – 1990. – № 1. – С. 213-223.
- Беспалый Е. И. Позднесарматское погребение из могильника Высочино-V на водоразделе между Кагальником и Доном // Сарматы и их соседи на Дону. МИАД. – Ростов н/Д, 2000. – Вып. 1. – С. 156-168.
- Беспалый Е.И., Лукьяшко С.И. Древнее население междуречья Дона и Кагальника. Курганый могильник у с. Высочино. – Ростов н/Д: ЮНЦ РАН, 2008. – Т. 1. – 224 с.
- Боталов С.Г., Гуцалов С.Ю. Гунно-сарматы урало-казахстанских степей. – Челябинск: Рифей, 2000. – 267 с.
- Буюклиев Хр. К вопросу о фракийско-сарматских отношениях в I – начале II века н.э. // РА. – 1995. – № 1. – С. 37-46.
- Быкова Н.В., Казанцева О.А. Ювелирные изделия из минералов в коллекциях могильников I-V веков в бассейне реки Камы // Вестник Пермского университета. – 2012. – Вып. 1 (18). – С. 93-104.
- Горбенко А.А., Косяненко В.М. Археологическая коллекция КП-17213, А1-147 Азовского музея-заповедника // ИАИАНД-2007-2008. – 2010. – Вып. 24. – С. 406-414.
- Горбенко А.А., Косяненко В.М. Некрополь Паниардиса (Крепостного городища) // Донские древности. – Азов, 2011. – Вып. 11. – 512 с.
- Гугуев В.К., Безуглов С.И. Всадническое погребение первых веков нашей эры из курганного некрополя Кобякова городища // СА. – 1990. – № 2. – С. 164-175.
- Гущина И.И., Засецкая И.П. «Золотое кладбище» Римской эпохи в Прикубанье // Российская археологическая библиотека, 1. – СПб.: «Фарн». – 1994. – 172 с.
- Демиденко Л.А. Костяные изделия первых веков нашей эры из Танаиса // Вестник Танаиса. – 1994. – Вып. 1. – С. 140-175.
- Ермолин А.Л. К 10-летию работы Керченской охранно-археологической экспедиции // СУМВОЛА. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия. – М.-Киев, 2010. – Вып. 1. – 304 с.

- Зограф А.Н. Реформа денежного обращения в Боспорском царстве при Савромате II // ВДИ. – 1938. – № 2 (3). – С. 287-306.
- Зубов С.Э. Ранние палаши Волго-Уралья // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология: Доклады к VI международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории», Челябинск, 22-24.05.2007. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2007. – 210 с.
- Зубов С.Э., Саттаров Р.Р. Сарматские импорты и заимствования в вооружении племен пьяноборской культуры Икско-Бельского междуречья // Известия Самарского научного центра РАН. – 2014. – Т. 16. – № 3. – С. 314-320.
- Илюков Л. С. Сарматские курганы окрестностей Танаиса (могильник «Царский») // Вестник Танаиса. – 1994. – Вып. 1. – С. 198-214.
- Иштванович Э. (Ниредьхаза), фон Карнап-Борнхайм К. (Марбург), Кульчар В. (Асод). «Магические» подвески мечей в Карпатском бассейне и Скандинавии // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы. VII Донская археологическая конференция «Проблемы археологии юго-восточной Европы»: Тезисы докладов, г. Ростов-на-Дону, 22-26.11.1998. – Ростов н/Д, 1998. – С. 120.
- Казакова Л.М., Каменецкий И.С. Курганы Танаиса // КСИА. – 1970. – Вып. 124. – С. 81-87.
- Струве В.В. Корпус боспорских надписей. – М.-Л.: Наука, 1965. – 951 с.
- Красноперов А.А. К атрибуции находок из раскопок Тарасовского могильника позднесарматского времени в Прикамье // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы: Материалы международной науч. конф., посвященной 20-летию независимости Республики Казахстан и 20-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана, г. Алматы, 12-15.12.2011. – Алматы: КН МОН РК, 2011. – Т.1. – 428 с.
- Красноперов А.А. Предкавказье и Прикамье: контекст изменения функций предмета в средне- и позднесарматское время // Война и военное дело в скифо-сарматском мире: Материалы международной научной конференции памяти А.И. Мелуковой, с. Кагальник, 26-29.04.2014. – Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2015. – С. 183-204.
- Кривошеев М.В. Наборы клинкового вооружения из позднесарматских погребений // Археология восточно-европейской лесостепи: Межвузовский сборник научных трудов. – Саратов, 2013. – Вып.10. – С. 245-250.
- Кривошеев М.В., Дьяченко А.Н. Погребение воина позднесарматского времени в Волго-Донском междуречье // Военная история России: проблемы, поиски, решения: Материалы Международной науч.-практ. конф., посвященной 100-летию Первой мировой войны, г. Волгоград, 26-27.09.2014. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2014. – С. 42-49.
- Кривошеев М.В., Лукпанова Я.А. Позднесарматское элитное воинское погребение из Южного Приуралья // Вестник Волгоградского государственного университета. – Волгоград, 2015. – Сер. 4: История, № 5 (35). – С. 98-111.
- Кропоткин В.В. Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н.э. – V в. н.э.) // САИ, Д1-27. – 1970. – 280 с.
- Кропотов В.В. Фибулы римской эпохи. – Киев: Изд-во «АДЕФ-Украина», 2010. – 384 с.
- Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. – Новосибирск: Наука, 1987. – 150 с.
- Курчатов С., Бубулич В. «Сарматское погребение у с. Олонешты» – 40 лет спустя // Взаимодействие культур и хронология Северо-Понтийского региона. – Кишинев, 2003. – С. 285-312.
- Кушева-Грозевская А.Н. Один из типов сарматского меча // Известия Нижне-Волжского ин-та краеведения им. М. Горького. – Саратов, 1929. – Т. III. – С. 159.
- Ларенок В.А. Меотские древности. Каталог погребальных комплексов Кобякова городища из раскопок 1999-2000 гг. – Ростов н/Д: ООО «Донской Издательский Дом», 2013. – Часть I. – 448 с.
- Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Бронзовые ковши и патеры из сарматских и меотских памятников Прикубанья // Liber Archaeologicae. Сборник статей, посвященный 60-летию Бориса Ароновича Раева. – Краснодар-Ростов н/Д: Изд. ЮНЦ РАН, 2006. – С. 51-77.
- Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. Погребение сарматского всадника на некрополе меотского городища. Евразия в скифо-сарматское время // Труды ГИМ. – 2012. – Вып. 191. – 284 с.
- Лимберис М.Ю., Марченко И.И. Две катакомбы позднесарматского времени из Пашковского могильника №2 // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4: История. – 2015. – №5 (35). – С. 126-137.
- Максименко В.Е., Безуглов С.И. Позднесарматские погребения в курганах на р. Быстрой // СА. – 1987. – № 1. – С. 183-193.

- Малашев В.Ю. Периодизация ременных гарнитур позднесарматского времени // Сарматы и их соседи на Дону. – Ростов н/Д, 2000. – С. 194-232.
- Малашев В.Ю. Некоторые аспекты контактов носителей позднесарматской культуры южноуральских степей с населением лесной и лесостепной полосы Поволжья и Приуралья // Сарматы и внешний мир: Материалы VIII Всероссийской (с международным участием) науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории», г. Уфа, 12-15.05.2014. – Уфа: Изд-во ИИЯЛ УНЦ РАН, 2014. – С. 132-140.
- Малашев В.Ю., Яблонский Л.Т. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время (по материалам могильника Покровка 10). – М.: РАН, 2008. – 365 с.
- Мелюкова А.И. Сарматское погребение из кургана у с. Олонешты // СА. – 1962. – № 1. – С. 195-208.
- Мордвинцева В.И., Трейстер М.Ю. Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье II в. до н.э. – II в. н.э. Т. I-III. – Симферополь-Бонн, 2007. – 870 с.
- Мошкова М.Г. Позднесарматская культура // Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1989. – С. 191-201.
- Мошкова М. Г. Сбруйные наборы из позднесарматских погребений Лебедевского могильника (Западный Казахстан) // Материалы по археологии Волго-Донских степей. – Волгоград: ВолГУ, 2001. – Вып. 1. – С. 236-249.
- Мошкова М.Г., Демиденко С.В. Военное погребение в кургане 37 группы VI Лебедевского могильного комплекса // МИАР. – 2010. – Вып. 13. – С. 254-261.
- Мошкова М.Г., Максименко В.Е. Работы Багаевской экспедиции в 1971 г. // Археологические памятники Нижнего Подонья. – М., 1974. – Т. II. – С. 5-80.
- Мошкова М.Г., Железчиков Б.Ф., Кригер В.А. Отчет. Археологические работы в Уральской обл. в 1978 г. // Архив ИА РАН. – 1980. – Р-1. № 6929.
- Нидзельницкая Л.Ю. Позднесарматское воинское захоронение вблизи Танаиса // Вестник Танаиса. – 2017. – Вып. 4. – С. 32-44.
- ОАК-1902. – СПб., 1904. – 199 с.
- Парусимов И.Н. Раскопки курганов в Зимовниковском районе // Труды Новочеркасской археологической экспедиции. – Новочеркасск, 1998. – Вып. 3. – 110 с.
- Пастушенко И. Ю., Бернц В. А. Халцедоновые диски в культуре населения Прикамья // Finno-Ugrica. – Казань, 2008. – № 11. – С. 12-23.
- Пугаченкова Г.А. Древности Мианкаля: Из работ узбекистанской искусствоведческой экспедиции. – Ташкент: Фан, 1989. – 204 с.
- Раев Б.А., Науменко С.А. Погребение с римскими импортами в Ростовской области // Скифия и Боспор (материалы конференции памяти академика М.И. Ростовцева). – Новочеркасск, 1993. – С. 151-160.
- Режабек Ф.В. Маркоманнские войны // «Записки императорского Новороссийского университета». – Т. 68. – Одесса, 1896. – С. 1-223.
- Ростовцев М.И. Античная декоративная живопись на юге России. – СПб., 1913-1914. – 112 с.
- Сазонов А.А. Могильник первых веков нашей эры близ хутора Городского // Вопросы археологии Адыгеи. – Майкоп: ИП и КТО (Адыгея), 1992. – С. 241-271.
- Симоненко А.В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. – СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, Нестор-История, 2010. – 328 с.
- Симоненко А.В. Римский импорт у сарматов Северного Причерноморья. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, Нестор-История, 2011. – 272 с.
- Симоненко А.В. Импортное оружие у сарматов // Золото, конь и человек. Сборник статей, посвященный 60-летию Александра Владимировича Симоненко. – Киев, 2012. – 463 с.
- Скалон К. М. О культурных связях Восточного Прикаспия в позднесарматское время // АСГЭ. – 1961. – Вып. 2. – С.114-140.
- Скрипкин А.С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1984. – 149 с.
- Скрипкин А.С. Погребальный комплекс с уздечным набором из Котлубани и некоторые вопросы этнической истории сарматов // СА. – 1989. – № 4. – С. 172-181.
- Сокольский Н.И. Боспорские мечи // МИА. – 1954. – № 33. – С. 123-196.
- Сокровища сарматов. Каталог выставки. К 100-летию со дня рождения академика Бориса Борисовича Пиотровского. – СПб.-Азов: Изд. Азовского музея-заповедника, 2008. – 175 с.

- Трейстер М.Ю. Оружие сарматского типа на Боспоре в I-II вв. н.э. // ДБ. – 2010. – Вып. 14. – С. 484-561.
- Хазанов А. М. Очерки военного дела сарматов. – М.: Наука, 1971. – 173 с.
- Храпунов И.Н. Склеп с погребениями III–IV вв. н.э. из могильника Нейзац. – Симферополь: Доля, 2011. – 72 с.
- Шепко Л.Г. Позднесарматские курганы в Северном Приазовье // СА. – 1987. – № 4. – С. 158-174.
- Буюклиев, Хр. Тракийският могилен некропол при Чаталка, Старозагорски окръг // Разкопки и проучвания. – София: Издателство на Българската академия на науките, 1986. – Кн. XVI. – 152 с.
- Brosseder U. B. A study on the complexity and dynamics of inter - action and exchange in late iron Age Eurasia // J. Bemmann/M. Schmauder (eds.). Complexity of Interaction along the Eurasian Steppe Zone in the first Millennium CE. Bonn Contributions to Asian Archaeology. – Bonn, 2015. – Volume 7. – P. 199-332.
- Carnap-Bornheim C. Zu «magischen» Schwertperlen und propellerförmigen Seitenstangen in kaiserzeitlichen Moorfunden // Kontakt-Kooperation-Konflikt. Germanen und Sarmaten zwischen dem 1. und dem 4. Jahrhundert nach Christus. Internationales Kolloquium des Vorgeschichtlichen Seminars der Philipps-Universität Marburg, 12.-16. Februar 1998. – Neumünster. – 2003. – P. 371-382.
- Eggers H.J. Der römische Import im freien Germanien. – Atlas der Urgeschichte, I. – Hamburg, 1951. – 185 с.
- Ginters W. Das Schwert der Scythen und Sarmaten in Südrussland. – Berlin: Walter de Gruyter & Co., 1928. – 140 с.
- Istvánovits E, Kulczár V. Some traces of Sarmatian-Germanic contacts in the Great Hungarian Plain // Kontakt-Kooperation-Konflikt. Germanen und Sarmaten zwischen dem 1. und dem 4. Jahrhundert nach Christus. Internationales Kolloquium des Vorgeschichtlichen Seminars der Philipps-Universität Marburg, 12.-16. Februar 1998. – Neumünster, 1998. – S. 227-238.
- Khrapunov I. Die Nekropole von Neisatz // Die Krim. Goldene Insel von Schwarzen Meer. Griechen-Skythen-Goten. – Bonn, 2013. – P. 345-347.
- Petrovsky R. Studien zu römischen Bronzegefäßen mit Meisterstempeln // Kölner Studien zur Archäologie der Römischen Provinzen. – 1993. – Bd. 1. – 460 S.
- Rau P. D. Die Hugelgraber romischer Zeit an den unteren Wolga. – Pokrowsk, 1927. – 120 с.
- Szaivert W. Die Markomannenkriege in der römischen Münzprägung der Kaiserzeit // Markomannenkriege. Ursachen und Wirkungen. VI. Internationales Symposium «Grundprobleme der frühgeschichtlichen Entwicklung im nördlichen Mitteldonauegebiet». Wien 23.-26 November 1993. – Brno. – 1993. – P. 498-505.
- Trousdale W. The Long Sword and Scabbard Slide in Asia. // Smithsonian contributions to Anthropology, № 17. – Washington, 1975. – 332 P.
- Vaday A.H. Beitrag zum Fund von Vizeds-pusta // Folia archaeologica. – Budapest, 1986. – XXXVII. – S. 197-223.
- Volkov I.V., Guguev Yu.K. A Late Sarmatian burial in Rostov-on-Don // Raev B.A. Roman imports in the Lower Don Basin. BARInt. Ser. 278. – 1986. – P. 73-74.

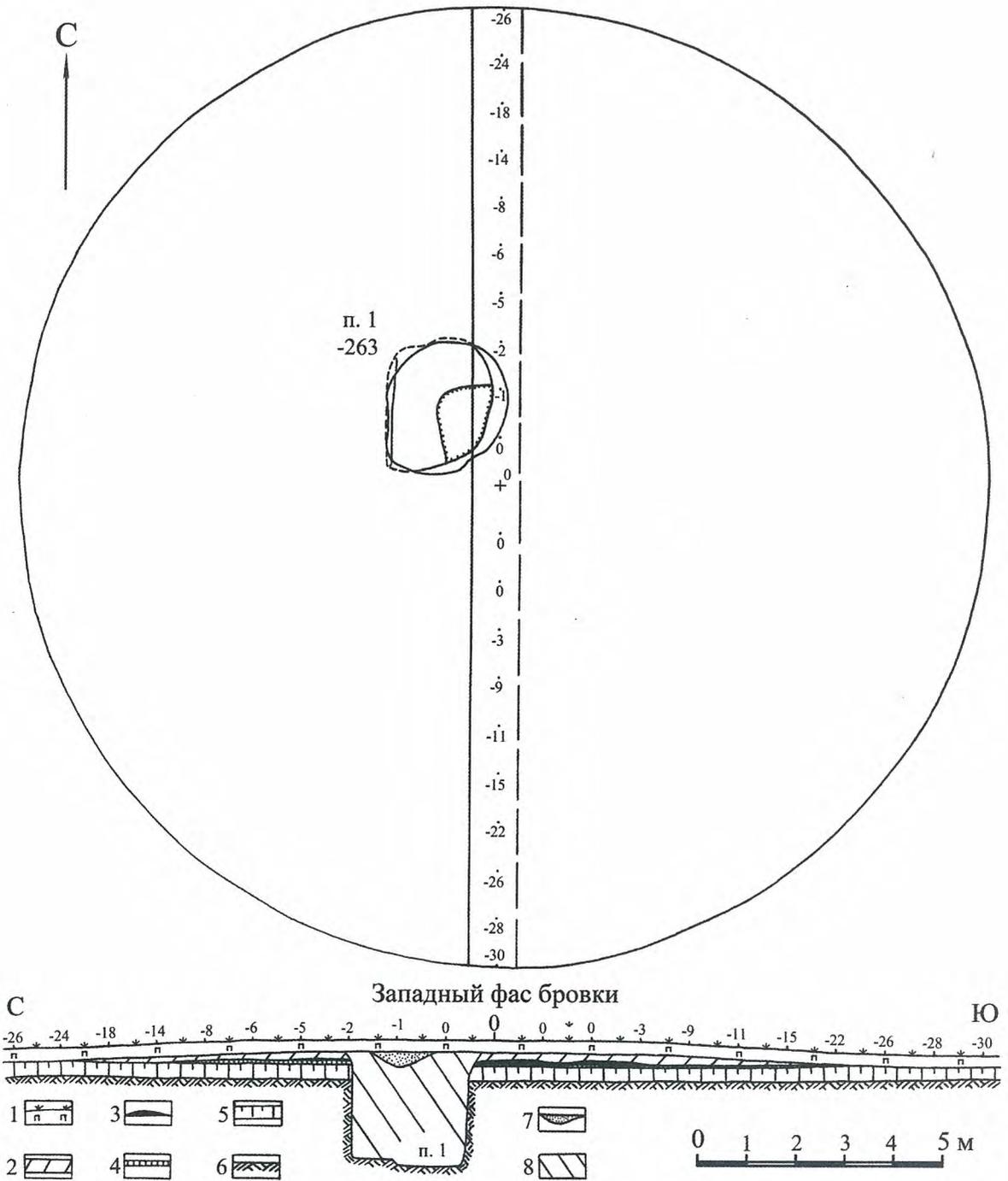

РИС. 1. КАМЫШЕВСКИЙ I, КУРГАН 8. ПЛАН.

1 – пахотный слой; 2 – насыпь кургана; 3 – материковый выкид; 4 – прослойка погребенного дерна; 5 – погребенная почва; 6 – материк; 7 – линза песка; 8 – заполнение могильной ямы.

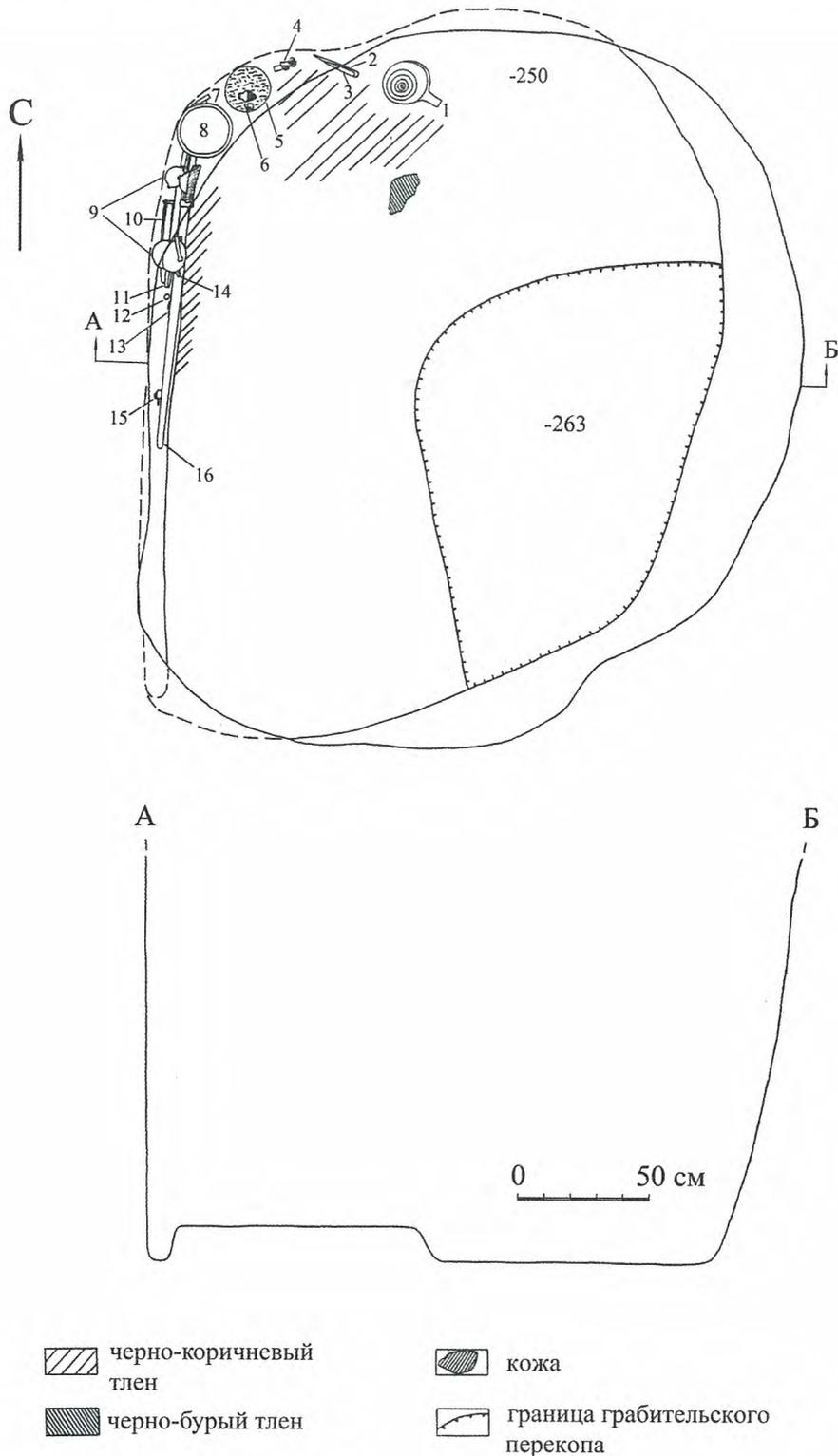

РИС. 2. КАМЫШЕВСКИЙ I, КУРГАН 8, ПОГРЕБЕНИЕ 1. ПЛАН.

1 – бронзовый ковш; 2 – железное шило; 3 – железный нож; 4 – серебряные пряжки; 5 – тлен от деревянной чаши; 6 – серебряный флакон; 7 – серебряные наконечники ремней; 8 – серолощенная миска; 9 – уздечный набор; 10 – железные кинжал и нож; 11 – каменный оселок; 12 – серебряная бусина; 13 – бронзовая фибула; 14 – нефритовая скоба; 15 – бронзовая пряжка; 16 – железный меч с нефритовым перекрестьем.

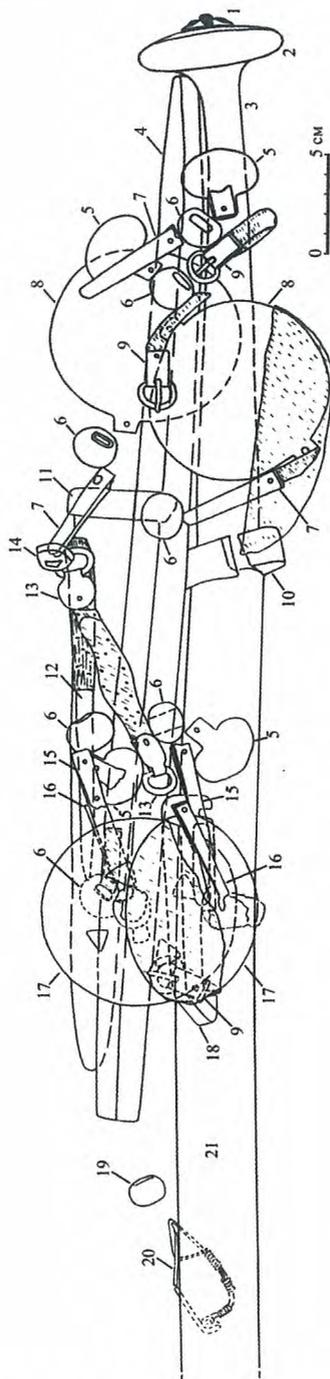

РИС. 3. КАМЫШЕВСКИЙ I, КУРГАН 8, ПОГРЕБЕНИЕ 1. ДЕТАЛЬ (ОРУЖИЕ И УЗДЕЧНЫЙ НАБОР).

1 – золотая бляшка со вставками; 2 – янтарное навершие меча; 3 – рукоять меча; 4 – оселок; 5 – серебряные подвески к ремням оголовья; 6 – серебряные бусы с ремней оголовья; 7 – серебряные наконечники ремней; 8 – серебряные бляхи с тамгообразными знаками; 9 – серебряные пряжки; 10 – нефритовое перекрестье меча; 11 – железный кинжал, 12 – железный нож; 13 – бронзовые пряжки; 14 – бронзовые бляшки; 15 – серебряные зажимы ремней оголовья; 16 – серебряные зажимы ремней повода; 17 – серебряные псалии; 18 – нефритовая портупейная скоба; 19 – серебряная бусина; 20 – бронзовая фибула; 21 – клинок меча.

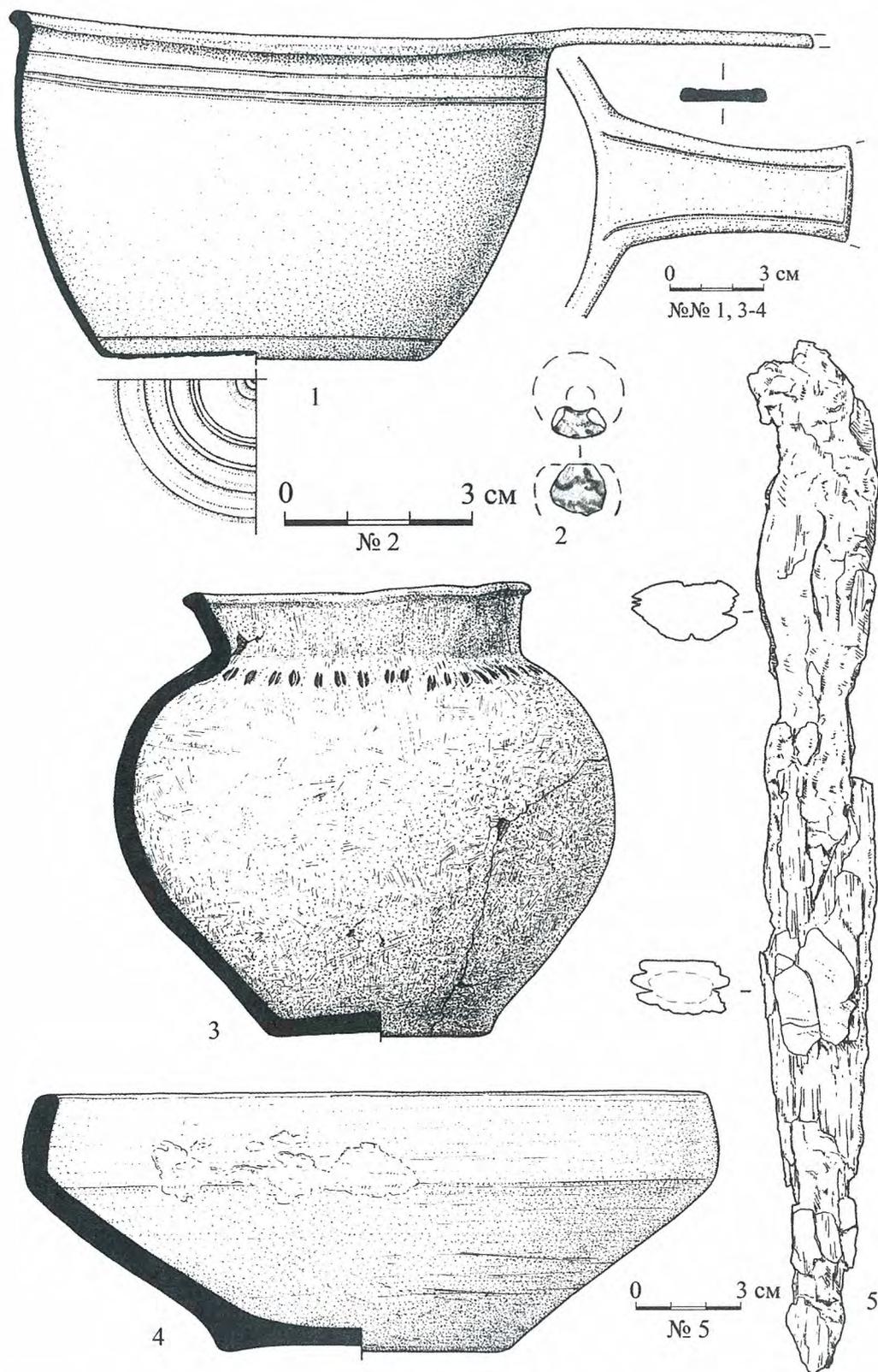

РИС. 4. КАМЫШЕВСКИЙ I, КУРГАН 8, ПОГРЕБЕНИЕ 1. ИНВЕНТАРЬ.

1 – бронзовый ковш; 2 – фрагмент стеклянной полихромной бусины; 3 – лепной горшок; 4 – серолощенная миска; 5 – железный кинжал.

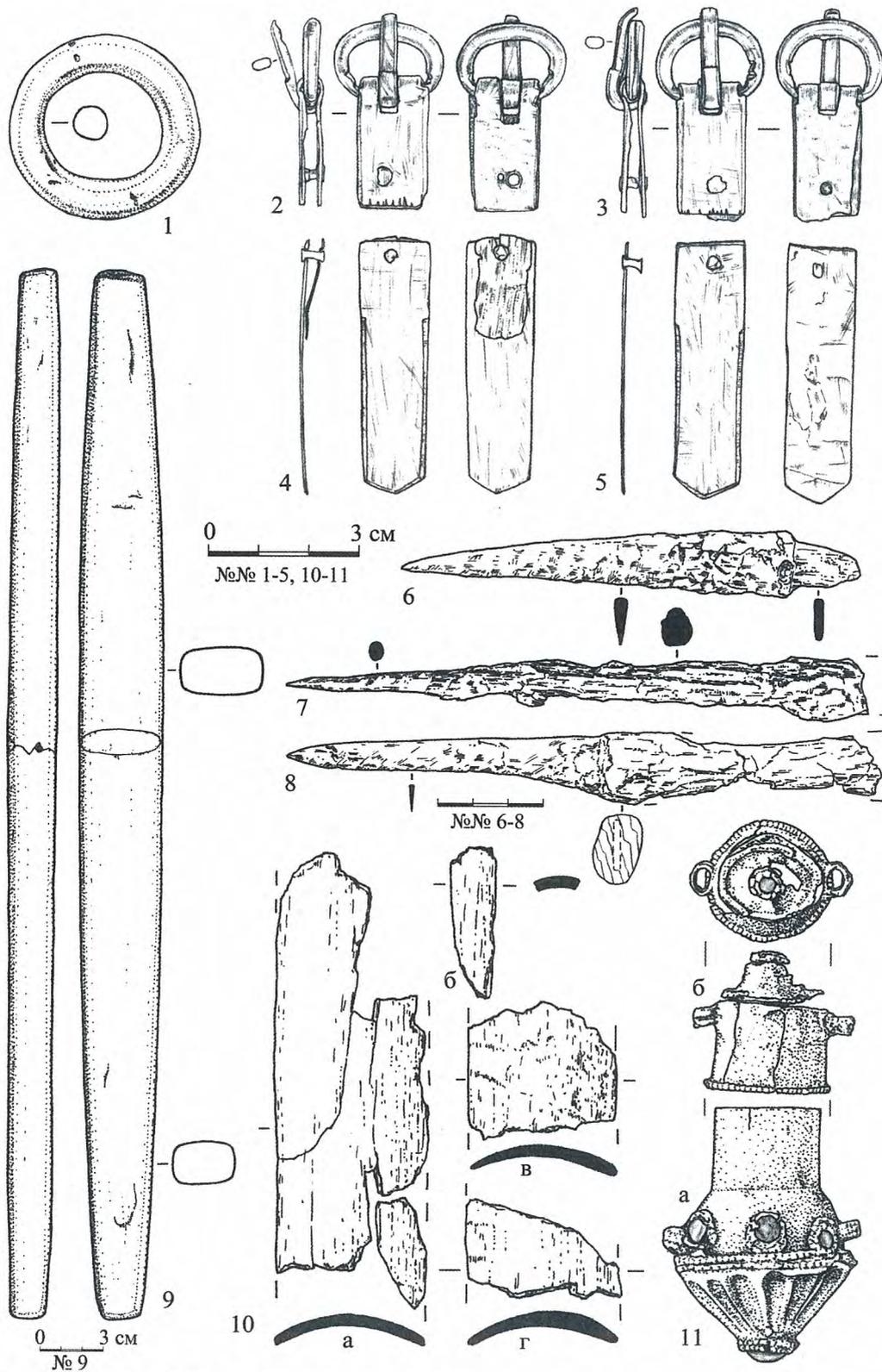

РИС. 5. КАМЫШЕВСКИЙ I, КУРГАН 8, ПОГРЕБЕНИЕ 1. ИНВЕНТАРЬ.

1 – бронзовое кольцо; 2-3 – серебряные пряжки; 4-5 – серебряные наконечники ремней; 6,8 – железные ножи; 7 – железное шило; 9 – оселок из сланцевой породы; 10а-г – фрагменты срединных костяных накладок сложносоставного лука; 11 – серебряный флакон со стеклянными вставками.

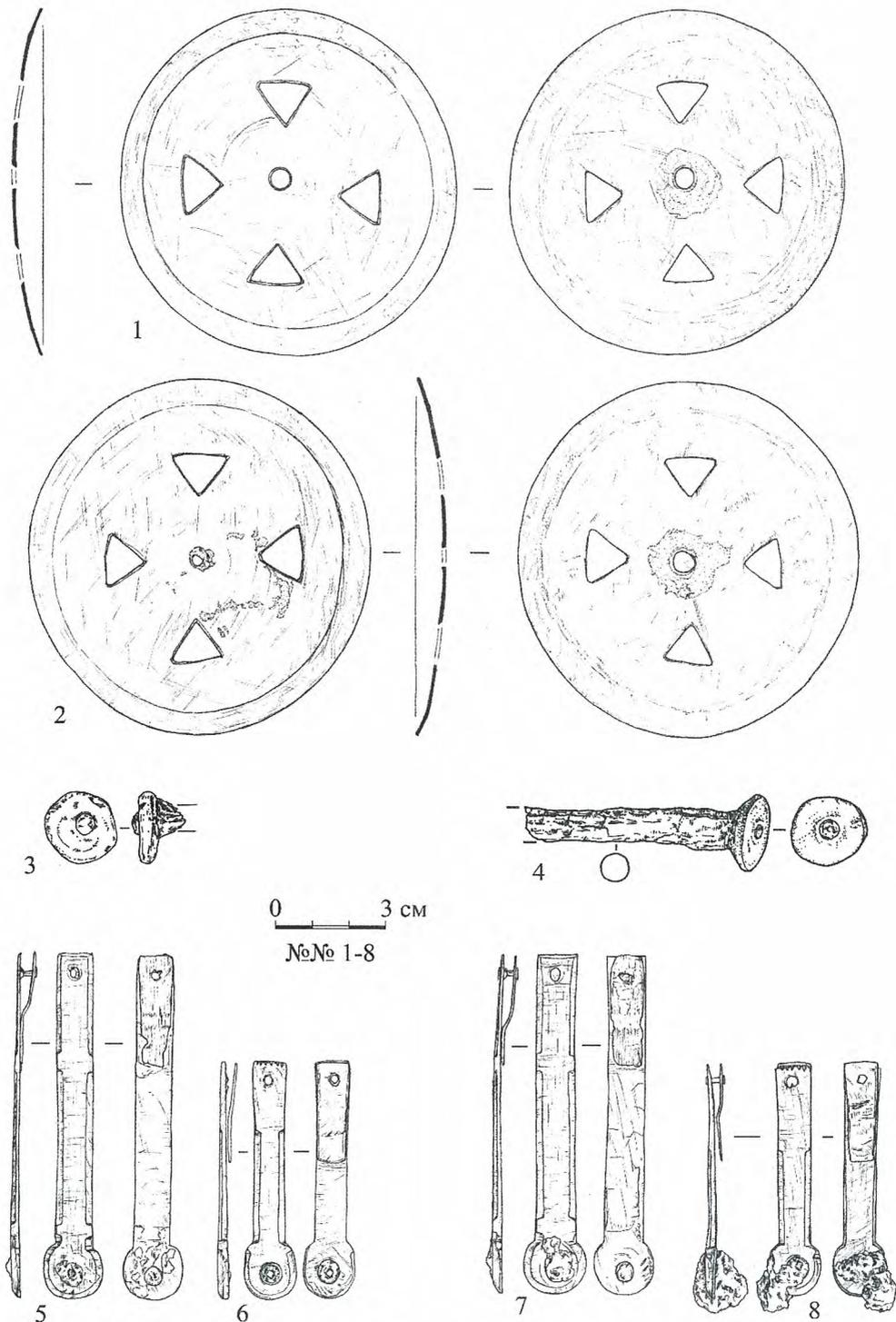

РИС. 6. КАМЫШЕВСКИЙ I, КУРГАН 8, ПОГРЕБЕНИЕ 1. УЗДЕЧНЫЕ ДЕТАЛИ.

1-2 – псалии; 3-4 – фрагменты удил с шайбами на концах; 5,7 – зажимы ремней оголовья; 6,8 – зажимы ремней повода. (1-2, 5-8 – серебро, 3-4 – железо, бронза).

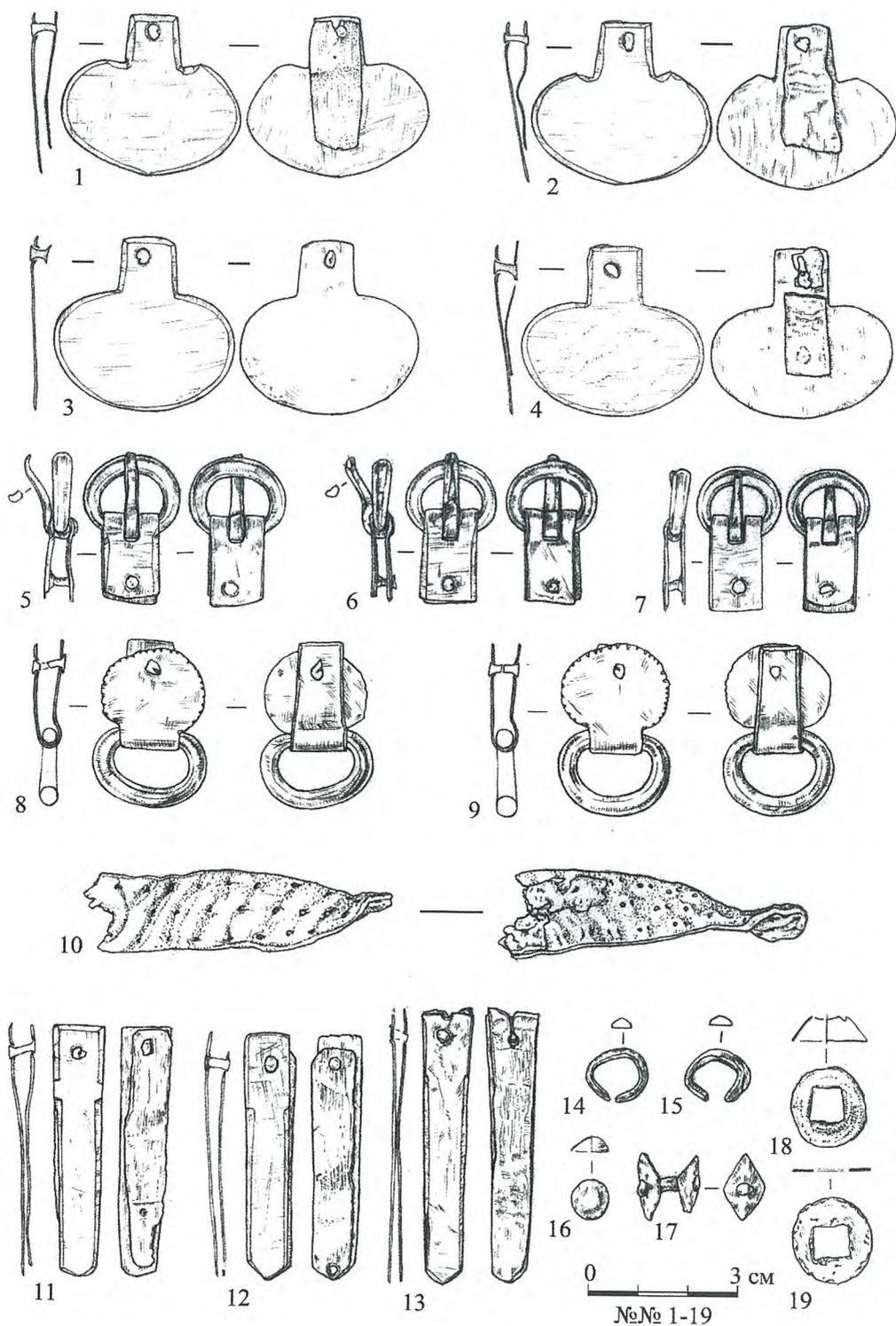

РИС. 7. КАМЫШЕВСКИЙ I, КУРГАН 8, ПОГРЕБЕНИЕ 1. УЗДЕЧНЫЕ ДЕТАЛИ.

1-4 – подвески к ремням оголовья; 5-7 – пряжки; 8-9 – пряжки без язычков; 10 – фрагмент кожаного ремня; 11-13 – наконечники ремней; 14-15 – обоймы; 16 – бляшка; 17 – штифт с ромбическими накладками; 18-19 – бляшки. (1-7, 11-17 – серебро, 8-9, 18-19 – бронза).

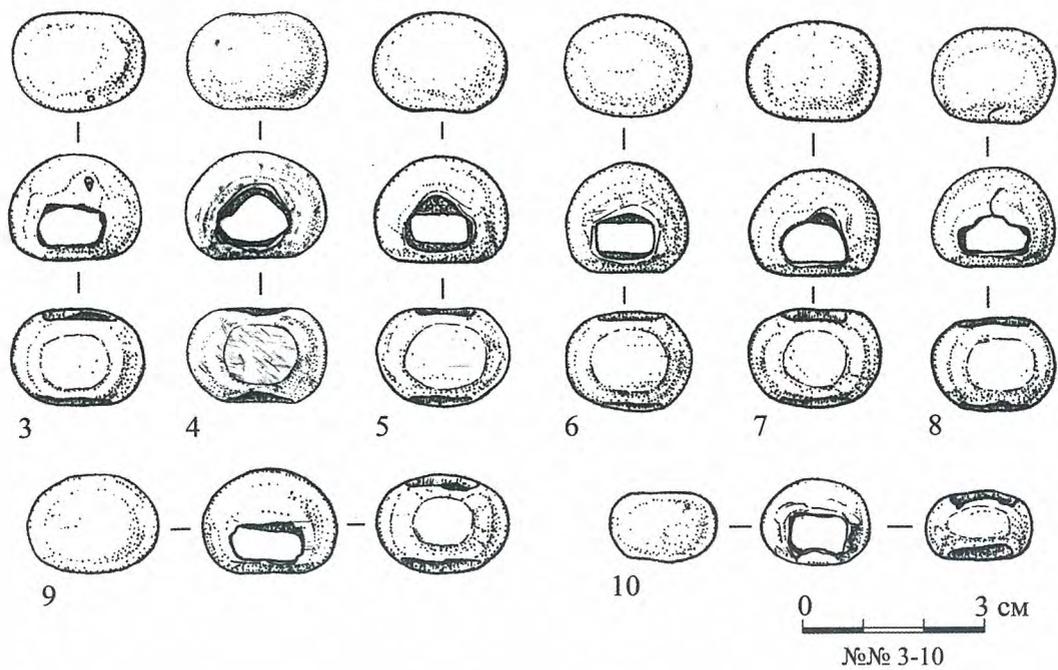
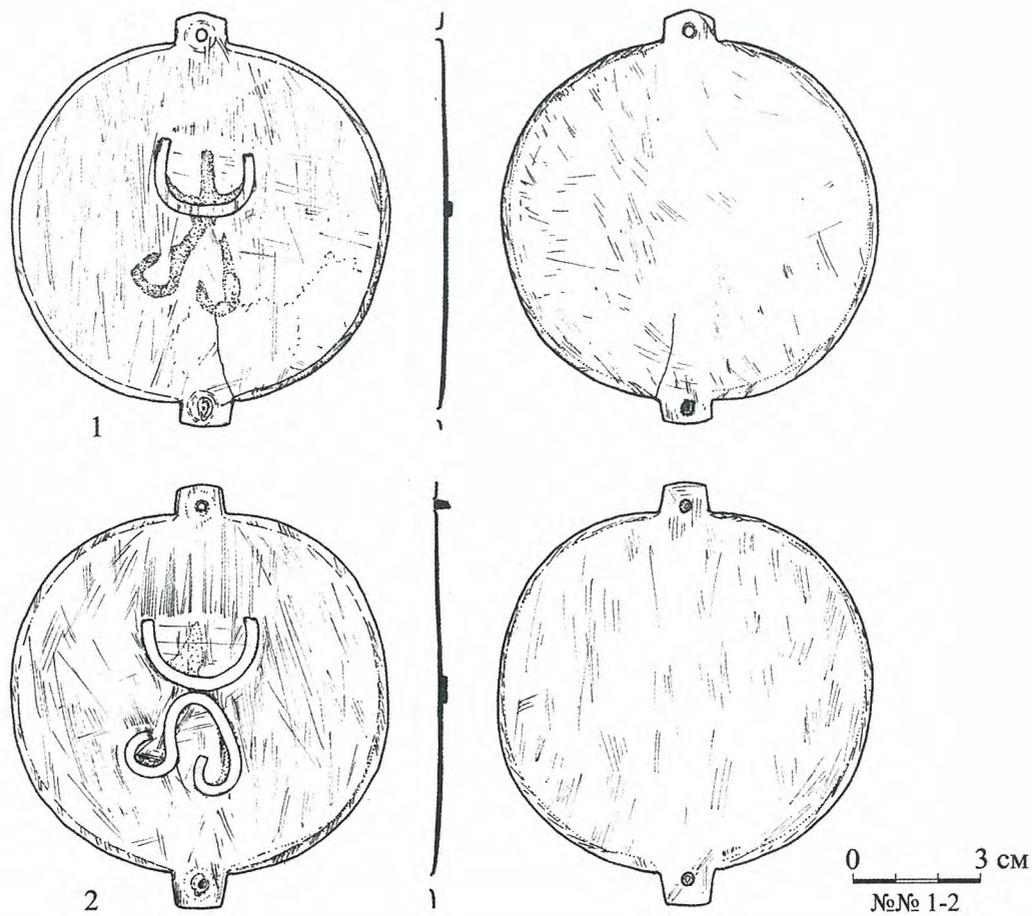

РИС. 8. КАМЫШЕВСКИЙ I, КУРГАН 8, ПОГРЕБЕНИЕ 1. УЗДЕЧНЫЕ ДЕТАЛИ.
 1-2 – бляхи с тамгообразными знаками; 3-10 – литые бусы. (1-10 – серебро).

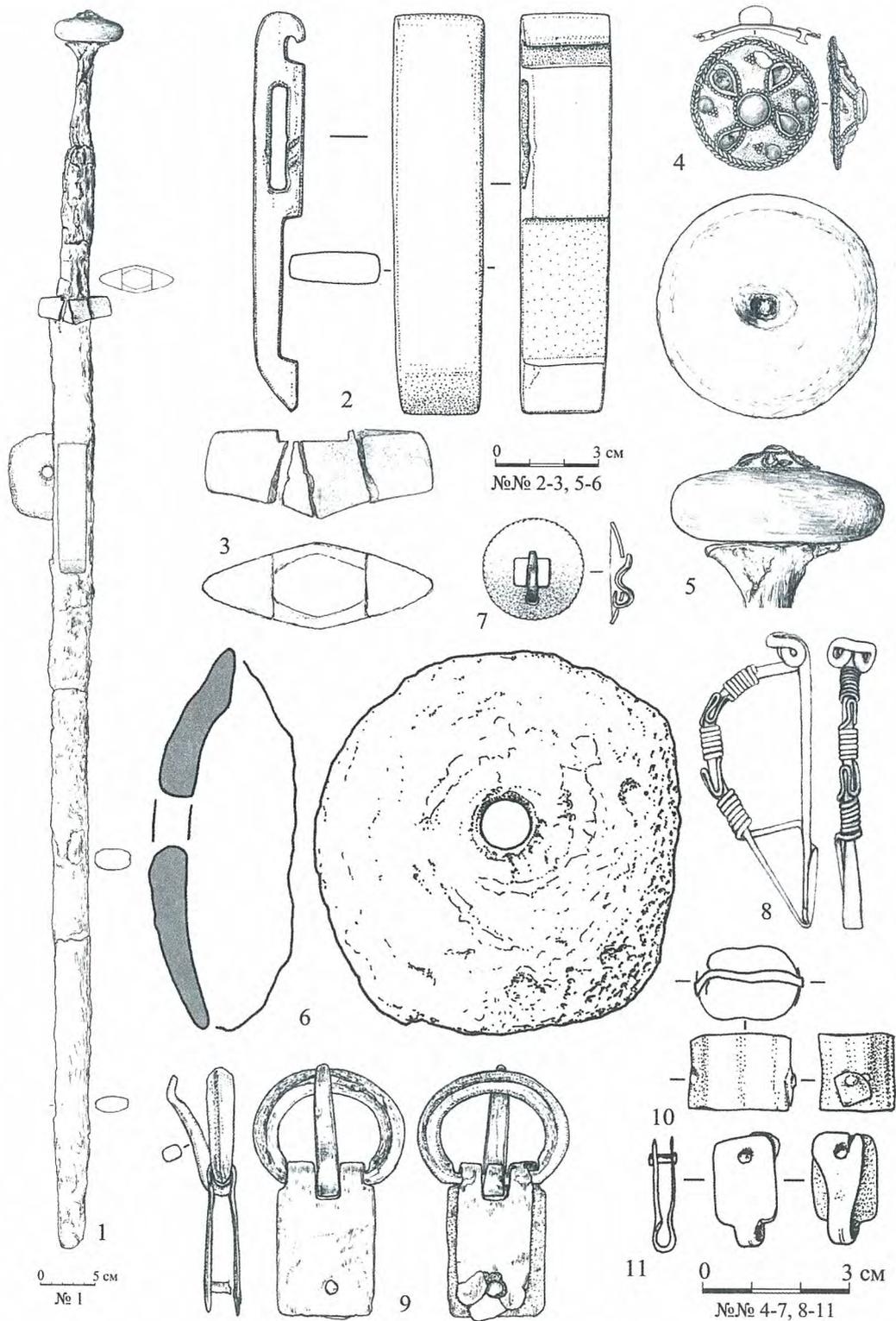

РИС. 9. КАМЫШЕВСКИЙ I, КУРГАН 8, ПОГРЕБЕНИЕ 1. ИНВЕНТАРЬ.

1 – меч; 2 – портупейная скоба; 3 – перекрестье меча; 4 – бляшка с навершием меча; 5 – навершие; 6 – бляха портупейного ремня; 7 – пряжка, крепившая бляху к портупейному ремню; 8 – фибула; 9 – портупейная пряжка; 10 – обойма плети; 11 – портупейная обойма (1 – железо, бронза, золото, серебро, стекло, янтарь, нефрит, дерево; 2-3 – нефрит; 4 – бронза, золото, серебро, стекло; 5 – янтарь; 6 – раковина; 7, 10 – серебро; 8-9, 11 – бронза).

РИС. 10. «МАЙКОП».

1-3 – каменные детали отделки меча; 4 – надгробие Нисы, жены Эрмоя (деталь). Керченский лапидарий, № КЛ-1986.

РИС. 11. КАМЫШЕВСКИЙ I, 8/1. БРОНЗОВЫЙ КОВШ.

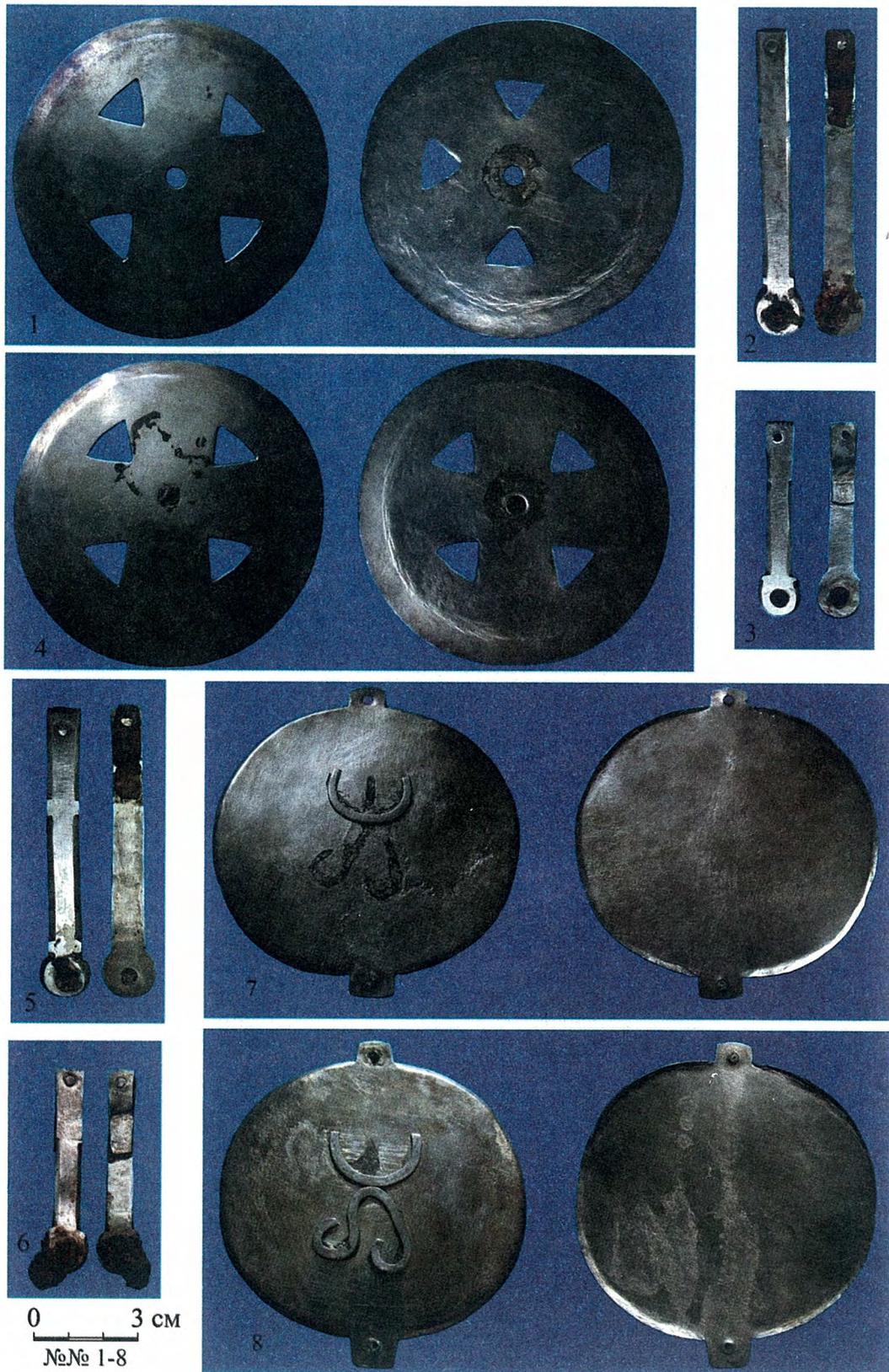

РИС. 12. КАМЫШЕВСКИЙ I, 8/1. УЗДЕЧНЫЕ ДЕТАЛИ.

1, 4 – псалии; 2-3, 5-6 – зажимы ремней повода и оголовья; 7-8 – нащечные бляхи (1, 4, 7-8 – серебро; 2-3, 5-6 – серебро, бронза, железо).

РИС. 13. КАМЫШЕВСКИЙ I, 8/1. МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ ПРЕДМЕТЫ.

1-2, 8-10 – пряжки, 3-7 – наконечники ремней, 11 – кольцо, 12 – детали плети, 13-16 – подвески к ремням оголовья (1-2, 8-10, 12б-в – серебро; 3-7, 12а, 13-16 – серебро, бронза; 11 – бронза).

РИС. 14. КАМЫШЕВСКИЙ I, 8/1. ДЕТАЛИ ОТДЕЛКИ МЕЧА.

1 – перекрестье, 2 – пряжка, 3 – фибула, 4 – португейная скоба, 5, 5а – навершие с накладкой, 6 – пряжка, 7 – бляха из раковины (1 – железо, нефрит, 2-3 – бронза, 4 – нефрит, 5-5а – янтарь, бронза, золото, серебро, стекло, 6 – серебро, 7 – раковина).

Светлой памяти первооткрывателя
донских меотов И.С. Каменецкого

СТРУКТУРА РИТУАЛА НЕКРОПОЛЕЙ ДОНСКИХ МЕОТОВ (О РОЛИ САРМАТОВ В ФОРМИРОВАНИИ НАСЕЛЕНИЯ ГОРОДИЩ)

Гугуев В. К.
(guguev@mail.ru)

Статья посвящена сравнительному анализу погребального обряда нижнедонских городищ римского времени. Общепринято, что данные городища с прилегающими к ним могильниками были оставлены одним из меотских племен, передвинувшихся на Нижний Дон из Прикубанья в I в. н.э. Основные элементы погребального обряда образуют в некрополях устойчивые типы ритуала. Однако соотношение этих групп варьирует в каждом могильнике. Эти различия, по мнению автора, позволяют проследить инфильтрацию сарматов в состав жителей городищ. Судя по данным некрополей, удельный вес кочевников, прошедших седентеризацию, был разным. Кроме погребального ритуала, в пользу проникновения сарматов на городища Нижнего Дона уже в I в. н.э. свидетельствует обнаружение небольшого числа курильниц и тамгообразных знаков, служащих диагностическими признаками сарматской культуры. Особого внимания заслуживает факт распространения на поселениях посуды кавказского происхождения. Эта керамика значительно уступала по качеству меотской посуде, в огромном количестве производимой на городищах Нижнего Дона. Ее проникновение на рассматриваемые памятники также может свидетельствовать об оседании здесь сарматов, широко использовавших кавказскую посуду.

Ключевые слова: донские меоты, кавказская керамика, курильницы сарматских типов, нижнедонские городища, погребальный обряд, седентеризация сарматов, тамгообразные знаки.

THE STRUCTURE OF THE BURIAL CUSTOMS AT THE NECROPOLISES OF MEOTIANS IN THE LOWER DON REGION (ABOUT THE ROLE OF SARMATIANS IN THE FORMATION SETTLEMENTS)

Guguev V. K.
(guguev@mail.ru)

This article is devoted to the comparative analysis of the burial ritual of the necropolises of the Roman period on the Lower Don. It is generally accepted that these cemeteries from nearby settlements were abandoned some sort of tribe Meotians, who moved here from the territory of Kuban region in the 1st century AD. The main elements of the burial customs form in all necropolises stable types. However, the proportion of each type in each cemetery varies. These differences according to the author can testify to the infiltration of Iranian-speaking nomads in the composition of the Meotian settlements. Moreover, the proportion of aliens in different villages were different. Evidence of the subsidence of the Sarmatians on the sites may serve in addition to the burial rite also recently discovered censers Sarmatian specific types and tamgha-signs marks on household items. Also deserves special attention the fact of distribution of the Caucasian ceramic production in the settlements of the Lower Don. Meotians produced more high-quality dishes and the emergence of imports from the Caucasus can be explained by the infiltration of the Sarmatians widely used ceramics of this type.

Key words: Meotians of the Lower Don Region, Caucasian ceramic production, censers of Sarmatians types, settlements of the Roman Times of the Lower Don, burial custom, sedentization Sarmatians, tamgha-signs.

25 лет назад на площадке конференции по сарматской проблематике был проведен сравнительный анализ структуры и динамики погребального ритуала некрополей нижнедонских городищ римского времени с синхронными памятниками кочевой степи и отчасти Танаиса. На основе материалов раскопок Кобяковского могильника 1985-88 гг. были выделены типы ритуала, специфичные для культуры донских меотов (Безуглов, Гугуев, 1988, с. 19-27). Это направление было продолжено в связи с исследованием участка некрополя Нижне-Гниловского городища (Гугуев, 2009, с. 129-138).

Масштабные раскопки на могильнике Кобякова и точечные работы на некрополях Крепостного, Темерницкого, Сухо-Чалтырского и Ростовского городищ, многократно увеличившие число погребений римского времени и результаты исследований антропологического материала этих памятников, ставят на повестку дня необходимость проверки основных тезисов, выдвинутых в ходе предыдущих исследований. Этой цели посвящена предложенная статья. Попутно ставится задача поиска общих и специфических черт ритуала для отдельных некрополей нижнедонских городищ – насколько это позволяют особенности сравниваемых выборок. Напомним кратко о выявленных ранее особенностях. При всем многообразии погребальных обрядовых норм, используемых жителями городищ Нижнего Дона в I-III вв. н.э., такие основные признаки обряда, как тип могильного сооружения, ориентировка костяка, а также особенности использования жертвенных животных, образуют в некрополях устойчивые группы. Было выделено три таких группы. Первая характеризуется погребениями в катакомбах, когда камеры были устроены в узкой стенке шахты. В плане они имеют, как правило, Г-образную форму, подтрапециевидные, реже – прямоугольные входные колодцы, овальные камеры (рис. 1). Угол соединения входной шахты и камеры варьирует от 0 до 90 градусов. Вход в камеру, как правило, закладывался камышом, положенным горизонтально, и закреплялся вертикально деревянными кольшками, реже – камнем. На дне колодца всегда лежит выкид стерильного грунта (суглинка или супеси), извлеченного при сооружении камеры. Около половины катакомб (среди неповрежденных этот процент выше) содержат на выкиде остатки шкур или чучел (череп и кости ног с метаподиями) крупного и мелкого рогатого скота. В больших катакомбах, содержавших остатки более богатого и разнообразного инвентаря, помещалась туша лошади, обращенная головой к умершему. Сами погребенные, как правило, лежат головой ко входу. Исключение могли составлять катакомбы так называемого «коридорного типа» (или некоторые из их числа). Это небольшая, но выразительная группа наиболее крупных сооружений, когда длинные оси шахты и камеры совпадают, и они как бы являются продолжением друг друга (рис. 1,6-9). Наличие туши лошади в шахтах таких могил, вероятно, было обязательным. Вторая большая группа захоронений представлена подпрямоугольными в плане могилами с резко сужающимися к дну стенками или уступами – «запличиками», между которыми отсутствует четкая морфологическая грань (рис. 2). Вероятно, в части могил уступы располагались на значительной высоте от дна и не сохранились. На уровне уступов яма перекрывалась поперечными плашками, на которых вдоль стен помещался слой камыша. Остатки этих конструкций прослеживаются в заполнении ям, где уступы не сохранились. Лишь единичные захоронения этого типа содержат на горизонте перекрытия шкуры или чучела жертвенных животных. Как правило, эти могилы выделяются своими размерами, но и в них туши лошади отсутствуют. Только в таких крупных «запличиковых» могилах и катакомбах «коридорного» типа встречены гробы – колоды в виде ладьи (рис. 2,1,3-6). Могила с запличиками резко отличаются от катакомб по набору ориентировок погребенных, что будет подробно рассмотрено нами ниже при сравнении памятников.

Еще одной массовой разновидностью являются захоронения в подбоях, когда камера устроена в одной из длинных стенок шахты (рис. 3). Дно колодца, как правило, было отделено от камеры уступом и оформлено закладом из камыша или реже – камня. В отличие от катакомбных и заплечиковых могил подбоя морфологически более разнообразны и не имеют устойчивого сектора ориентировок, как два предыдущих типа. Это отчасти связано с тем, что фактически мы имеем дело с двумя хронологическими волнами могил этого типа, между которыми сложно провести водораздел по формальным признакам. Очевидно лишь то, что подбоя с широкими колодцами, где неустойчивость ориентировок погребенных наиболее заметна, датируются I в. н.э. – началом II в. н.э. и в более позднее время неизвестны (рис. 3, 1-3) (Гугуев, 2008, с. 133). Остатки туш или шкур в могилах с подбоями исключительно редки. В них в I в. н.э. – начале II в. н.э., как и в могилах с «заплечиками», чаще встречается «сарматский» стандарт – задняя нога овцы. Описанные выше типы ритуала, кроме Кобяковского и Нижне-Гниловского некрополей, за последние 10-15 лет были обнаружены в могильниках Крепостного, Темерницкого, Сухо-Чалтырского городищ (рис. 1-3). Это свидетельствует, что предложенная классификационная схема работает. Особенно показательным является наличие в этих некрополях Г-образных катакомб со специфическим набором перечисленных выше признаков, что свидетельствует о гомогенности памятников.

Особое значение в контексте рассматриваемой темы имеют итоги многолетних и масштабных раскопок Кобяковского некрополя четой Ларенок. Здесь важны два момента. Первый – получена выборка из сотен погребений, превращающая Кобяково в эталонный памятник римского времени на Нижнем Дону. Во-вторых, в процессе этих работ был исследован участок раннего некрополя (первой половины I в. н.э.), в прежних раскопках представленный очень невыразительно, что существенно повлияло на достоверность некоторых наблюдений. Анализ этих материалов составляет значительную часть предложенной статьи.

Из всех раскопок Кобякова удалось получить добротную выборку – 498 погребений (286 могил I в. н.э. – первой половины II вв. н.э. и 212 захоронений второй половины II в. н.э. – первой половины III в. н.э.), содержащих информацию о типе ритуала и датировке. Анализ этой выборки позволяет, на наш взгляд, выявить соотношение статичных и подвижных элементов в структуре погребального ритуала на всем протяжении существования некрополя независимо от специфики, выявленной на отдельных участках Кобякова.

Перейдем к цифрам. В первой хронологической группе I в. н.э. – первой половины II в. н.э. катакомбы составляют 44%, «заплечиковые» – 36% и подбоя – 20% нашей выборки. При этом подтвердилось наблюдение В.А. Ларенок, что в начальном этапе существования городища в первой половине I в. н.э. катакомбы практически не использовались (Ларенок, 2013, с. 274). В наших подсчетах лишь около 4% катакомб могут быть отнесены к этому времени. Эти данные существенно отличаются от выводов В.М. Косяненко, которая высказала мнение, что катакомбы появляются в некрополе Кобякова не ранее второй половины II в. н.э. (Косяненко, 2008, с. 191). Слишком категоричным следует признать также вывод исследовательницы об отсутствии «заплечиков» в III в. н.э. Серия таких могил, надежно датированная лучковыми фибулами 4-5 вариантов по Амброзу, была выявлена на разных участках в раскопках В.К. Гугуева, В.А. Ларенок, М.В. Власкина и Г.Е. Беспалого. Несмотря на трехкратное уменьшение ям с заплечиками во второй половине II в. н.э. – первой половине III в. н.э., этот тип могил все же составляет 10%. Видимо, следует признать, что особенности выборки из раскопок Кобяковской экспедиции 1957-62 гг. (типы могил здесь чаще всего не прослеживались) вряд ли могут быть в полной мере использованы при анализе ритуала. Справедливости ради следует отметить, что основные тенденции в обряде – сокращение ям с заплечиками и увеличение числа катакомб с середины II в. н.э. – В.М. Косяненко уловила верно.

Видимо, наиболее существенные коррективы раскопки четой Ларенок в 1999-2000 гг. внесли в представления об исключительно позднем (не ранее второй половины II в. н.э.) появлении на Кобякове подбойных могил (Косяненко, 2008, с. 191). Во второй половине II в. н.э. – первой

половине III в. н.э. удельный вес подбоев в целом по сравнению с предшествующим периодом существенно не меняется (около 24%). Вместе с тем на участке 1985 г. (раскопки автора) на склоне балки, где располагались поздние погребения, датирующиеся преимущественно первой половиной III в. н.э., подбои составляли до половины от всего числа могил.

По сравнению с предыдущим периодом наблюдается существенный (до 66%) рост катакомбных захоронений. Генетическая связь катакомб с меотами представляется очевидной в свете обнаружения морфологически близких конструкций в могильнике городища Спорное в Прикубанье. Здесь во входных ямах катакомб эллинистического и римского времени также обнаружены остатки шкур или чучел скота, туши лошадей, совпадают ориентировки погребенных (рис. 5,1). Практически идентичные донским катакомбы «коридорного» типа второй половины II – середины III в. н.э., содержащие во входных ямах туши лошади и чучела крупного рогатого скота, обнаружены недавно на Пашковском могильнике № 2 (рис. 5,3) (Лимберис, Марченко, 2015, с. 128, рис. 1).

Наблюдение за ориентировками в разных типах могил на Кобякове в нашей выборке дает следующие результаты. В ямах с заплечиками I в. н.э. – первой половины II в. н.э. 97% погребенных лежат головой в секторе С-СЗ. Этот факт, кстати, позволяет отличать внешне похожие могилы с «заплечиками» грунтовых некрополей от синхронных аналогичных захоронений в сарматской степи, где преобладают южная и смежные с ней ориентировки. В следующей хронологической группе эта картина существенно не меняется: 89% – в секторе С-СЗ. В подбоях I в. н.э. – первой половины II в. н.э. преобладают ориентировки того же сектора – 77%, но имеется заметная группа отклонений: 17% – в секторе Ю-ЮЮВ. В следующей хронологической группе картина несколько иная: сектор С-СЗ уменьшается до 59% за счет появления новой группы З-ЗСЗ – 15%; сектор Ю-ЮЮВ – 15%. Принципиальное отличие имеют ориентировки в катакомбах. В первой хронологической группе 97% погребенных лежат головами в секторе Ю-З, та же картина наблюдается в следующем периоде (96%). Таким образом, связь ориентировок с формой ям в нашей выборке подтверждает правомерность выделенных ранее типов ритуала. Похоже, первыми жителями Кобякова были носители традиций погребений в могилах с «заплечиками». Вскоре здесь появились те, кто практиковал катакомбный обряд погребения. К середине II в. н.э. носителей этих традиций было уже примерно поровну. Могилы с подбоем, вероятно, появляются одновременно с катакомбами. На последнем этапе существования городища большую роль в формировании населения играют жители, практикующие катакомбный и подбойный обряд, причем роль последних возрастает к середине III в. н.э. – моменту гибели Кобякова. Интересно, что такой отличительный признак меотского ритуала, как миска под черепом, появляется в некрополе с начала его функционирования в I в. н.э. Это свидетельствует о том, что меоты, бесспорно, приняли участие в основании поселения. Доля погребений с этой чертой в I в. н.э. – первой половине II в. н.э. составляет в нашей выборке около 7%; она не обнаруживает корреляции с другими обрядовыми нормами. Во второй половине II в. н.э. – первой половине III в. н.э. процент могил с миской под черепом снижается вдвое, что может отражать ослабление меотских традиций. Сочетание в поздней группе подбоев северной ориентировки с обычаем деформации черепа позволяет предположить сарматское происхождение части кобяковцев, что подтверждается данными антропологии (Батиева, 2011, с. 82-84, 93). **Однако наличие морфологически близких могил в ранней группе погребений (до распространения северной ориентировки у сарматов) заставляет с осторожностью относиться к подобным выводам, представлявшимся прежде бесспорными.** Более показательным в этом смысле распространение со второй половины II в. н.э. на периферии Кобяковского некрополя небольших (8-10 м в диаметре) курганов, окруженных ровиками с перемычкой в южной части. Всего раскопано 8 таких конструкций. Центральные погребения представлены, как правило, подбойными могилами с северной ориентировкой костяков и деформированными черепами, но встречаются и другие типы могил (рис. 7,1). Недавно погребениям с ровиками Кобякова была посвящена специальная статья В.А. Ларенок. Автор присоединилась к известной идее о связи этой традиции с сарматами (Ларенок, 2011, с. 332). Вероятно, могильники

других нижнедонских городищ также содержали подобные обрядовые нормы. Так, остатки ровика римского времени были зафиксированы в некрополе Крепостного городища (Горбенко, Косяненко, 2011, с. 393). Кольцевидные и квадратные ровики с поминальными площадками внутри были обнаружены в курганном могильнике вблизи Сухо-Чалтырского городища (Ильюков, 1997, с. 26). Остатки ровика, правда, без датирующего материала, были обнаружены на участке некрополя Нижне-Гниловского городища (раскопки автора – 1990 г.). Для позднесарматских могильников донской степи курганы с ровиками обычны (Ильюков, 2000, с. 125-127). Более двух десятков курганов конца II в. н.э. – начала III в. н.э. с ровиками с перемышкой в южной части было исследовано на Восточном участке некрополя Танаиса (рис. 7,1) (Гугуев, 1983, с. 93). В центре пространства, заключенного внутри ровиков, преобладали погребения в подбоях с северной ориентировкой костяков и деформированными черепами, а также находились поминальные площадки с тризнами. Ареал распространения подобных памятников практически совпадает с обширной территорией позднесарматской культуры или культур, подвергшихся сарматизации – от Казахстана до Венгрии. Это свидетельствует, что ведущая роль в этом процессе принадлежала ираноязычным кочевникам. Вопрос – в какой мере ровики с перемышками использовало автохтонное население – лежит в плоскости исследования каждого памятника в отдельности. Степень «сарматизации» могла быть сильнее там, где седентеризация кочевников имела место в предшествующую эпоху.

Перейдем к рассмотрению структуры ритуала Нижне-Гниловского могильника. Здесь удалось отобрать 189 погребений (131 – I в. н.э. – первой половины II в. н.э. и 58 – второй половины II в. н.э. – первой половины III в. н.э.), отвечающих критериям, предъявляемым к выборке, что составляет около половины от всего числа исследованных объектов. В первой хронологической группе типы могил распределились следующим образом: катакомбы – 20%, «запличиковые» – 54%, подбои – 26%, что существенно отличается от Кобякова, где преобладают катакомбы. При этом вес катакомб, надежно датируемых первой половиной I в. н.э. – 10%. Это в два раза выше, чем на Кобякове, но в семь раз меньше синхронных могил с запличиками (73%). Подбои в первой половине I в. н.э., существенно уступая «запличикам», все-таки составляют заметную группу (16%). Таким образом, можно сделать вывод, что первые обитатели Нижне-Гниловского городища в основной массе использовали могилы с запличиками, однако заметную роль уже в это время играли группы жителей, чье влияние на Кобякове проявилось несколько позднее. Стоит, однако, отметить, что наряду с употреблением в качестве напутственной пищи ноги овцы, жители Нижне-Гниловского городища значительно чаще, чем кобяковцы, помещали на уровне уступов шкуры или чучела скота, особенно в крупных могилах. Туши лошадей в ямах с запличиками, как и на Кобякове, отсутствуют. Во второй хронологической группе различия в соотношении могил между сравниваемыми памятниками сохраняются: катакомбы – 29%, «запличики» – 9%, подбои – 62%. **При этом на обоих памятниках одинаково проявляются две связанные между собой тенденции: резкое сокращение запличиковых могил и постепенный рост числа подбоев.** Интересную картину демонстрирует сравнение ориентировок по типам могильных сооружений (рис. 10). В I в. н.э. – второй половине II в. н.э. в 53% катакомб погребенные ориентированы в сектор З-ЗЮЗ, что соответствует наблюдениям на Кобяково (разница – в отсутствии сектора ЮЮЗ-Ю). Но, в отличие от последнего, высок удельный вес ориентировок в секторе В-ВЮВ – 23%. В восточном направлении смещаются также ориентировки погребенных в запличиковых могилах: в секторе С-СВ – 87%, а на ССЗ-СЗ, в отличие от Кобякова (69%), ориентировано лишь 7%. При этом сохраняется общее – северное направление ориентировок в запличиках, что характерно и для других памятников: некрополей Темерницкого и отчасти Крепостного городищ. Ориентировки в подбоях первой хронологической группы близки показателям в запличиковых могилах и также демонстрируют смещение от северного направления к востоку, а не к западу, как на Кобякове. Во второй половине II в. н.э. – первой половине III в. н.э. все ориентировки погребенных практически повторяют позиции предыдущего периода. **Таким образом, к числу**

особенностей Нижне-Гниловского некрополя следует отнести высокий процент ориентировок СВ направления. Заманчивым было бы связать эту особенность с влиянием близлежащего Танаиса, где СВ ориентировка (наряду с восточной) является одной из ведущих на протяжении эллинистической и римской эпох и рассматривается как результат влияния античных обрядовых норм. Впрочем, список черт сходства между Танаисом и некрополями городищ невелик. Можно еще указать на синхронное распространение на указанных памятниках погребений в колодах – лодках (рис. 2, 1, 3-6). Однако, корма танаисских лодок изготовлена из досок, которые прибиты к основному корпусу, в отличие от городищенских экземпляров, выдолбленных из единого ствола. **Но главное отличие состоит в том, что в Танаисе погребенные всегда лежат головой к корме лодки, в то время как на поселениях – в направлении заостренного носа.** В то же время в пользу гипотезы о возможной связи ритуалов Танаиса и Нижне-Гниловского некрополя свидетельствует сходство краниологических серий из мужских погребений первого хронологического периода (Батиева, 2011, с. 93).

Особого внимания заслуживает резкий рост со второй половины II в. н.э. и особенно в начале III в. н.э. числа подбоев с северной ориентировкой погребенных. **Присутствие подобных могил в первой хронологической группе не позволяет, как и в случае с Кобяково, рассматривать все такие захоронения как принадлежащие исключительно сарматам.** Однако наличие в конце II в. н.э. – начале III в. н.э. у значительного числа погребенных в таких могилах деформированных черепов наряду с другими данными краниологии (Батиева, 2011, с. 83-84) позволяет связать некоторую их часть с процессом седентеризации кочевников.

Перейдем к следующему памятнику – могильнику Крепостного городища. Материалы его раскопок за многие годы недавно были сведены в добротнo изданную монографию (Горбенко, Косяненко, 2011). К сожалению, значительная часть из более чем двухсот объектов была получена в результате спасательных работ внутри строительных котлованов, что отразилось, прежде всего, на состоянии такого важного в наших построениях признака, как тип могилы. Эта особенность не только существенно ограничила число погребений, доступных нашему исследованию (всего 63 объекта: 41 – I в. н.э. - первой половины II в. н.э., 22 – второй половины II в. н.э.), но и заставляет с некоторой осторожностью отнестись к данным статистики. Соотношение типов могил в первой хронологической группе следующее: катакомбы – 7%, заплечики – 76%, подбои – 17%. Очевидно, здесь существенно выше, чем на Кобякове и Нижне-Гниловском, процент ям с заплечиками и, соответственно, гораздо слабее представлены катакомбы. Во второй хронологической группе это соотношение существенно меняется – 31% : 50% : 18%. **Однако, на протяжении всего периода функционирования некрополя значительно преобладают могилы с заплечиками, что составляет специфику памятника.** Надо принять во внимание, что именно в катакомбах наиболее ярко представлена генетическая связь ритуала с Кубанью, что косвенно подтверждается данными антропологии (во II-III вв. н.э. процент погребенных с деформированными черепами в катакомбах существенно ниже, чем в ямах с заплечиками и подбоях). Распространение обычая деформации черепа принято связывать с сарматами. Поэтому предположение В.М. Косяненко о более выраженном меотском характере некрополя Крепостного городища по сравнению с рассмотренными выше памятниками представляется спорным (Горбенко, Косяненко, 2011, с. 152). **Показательно отсутствие в Крепостном некрополе нормы класть под голову погребенного миску – диагностического признака культуры меотов.** В то же время в погребениях первой хронологической группы Нижне-Гниловского некрополя (к этому периоду относится большинство захоронений Крепостного могильника) 20% могил содержало эту норму. Заслуживают внимания особенности ориентировок Крепостного кладбища. В то время как наборы ориентировок в катакомбах и подбоях в целом близки всем меотским памятникам Дона, половина погребенных первой хронологической группы в могилах с заплечиками ориентирована в секторе Ю-ЮЗ. **Это с одной стороны существенно отличает Крепостной некрополь от всех остальных меотских**

памятников, с другой – находит параллели в многочисленных синхронных сарматских погребениях Нижнего Дона (см., напр., могильники Новый, Высочино и др.). К сожалению, здесь мы не располагаем данными антропологии, что могло бы существенно повлиять на степень надежности наших выводов. Структуру обряда некрополей нижнедонских городищ, кроме основных типов ритуала, также характеризуют редкие, но выразительные объекты, имеющие отношение к погребальным практикам, но по неясным причинам не получившие широкого распространения. Сюда можно отнести так называемые «ярусные погребения», захоронение детей в амфорах, отдельные погребения коней. Объекты первого типа встречены в некрополях Кобякова (п. 44-48, 1984 г. – раскопки автора; п. 155, Р. 2, 2007 г. (Ларенок, 2007, с. 60; альбом рис. 363, 1219-1221) и Крепостного (п. 24-27, 2003 г., п. 5-10Д, 2007 г.) (Горбенко, Косяненко, 2011, с. 386-388; с. 489-491). Этим термином обозначены комплексы, содержащие устойчивый набор следующих признаков: ямы обширных размеров с коллективными захоронениями, сочетающиеся со скудостью или отсутствием инвентаря, «мусорный» характер заполнения; ярусный способ расположения умерших, лежащих скорченно или как бы «брошенных» в случайных позах; наличие в придонной части ям скелетов собак (лошадиной шкуры); отсутствие следов погребений на дне ям. Время функционирования таких объектов, весьма похожих на жертвенники – I в. н.э. - первая половина II в. н.э. (Гугуев, 2014, с. 240-247), близкие аналогии им известны в Танаисе среди материалов последних раскопок Г.Е. Беспалого – некрополь 2012-2013 гг.

Детские захоронения в амфорах обнаружены в тех же могильниках. Два погребения, одно из которых опубликовано, происходят из некрополя Крепостного городища (Горбенко, Косяненко, 2011, с. 144). Одно из них, судя по форме амфоры С-1б (?) (по Внукову), датируется первой половиной I в. н.э. (там же, рис. 120), другое (раскопки А.Н. Масловского – 2013 г.) совершено в колхидской амфоре, дата которой нам неясна. Еще одно детское захоронение в амфоре (п. 229 – 2000 г.) было обнаружено в Кобяковском могильнике (Ларенок, 2013, с. 170, 390), отсутствие полного профиля сосуда затрудняет датировку. Детские погребения в амфорах известны в Танаисе, на Боспоре, других частях греческой ойкумены и обычно рассматриваются как результат эллинизации. Возможно, в данном случае имело место заимствование меотами этого обычая у греков, хотя нельзя исключать и некое конвергентное явление. Особняком от перечисленных выше типов ритуала стоит кобьяковское п. 10 – 1962 г., вторая половина II в. н.э. - первая половина III в. н.э. (рис. 5,4) (Косяненко, 2008, с. 503). В плане могила имеет неправильную овальную форму и содержит костяк мужчины головой на СЗ. Параллельно погребенному располагался костяк лошади. Из текста описания комплекса тип могилы не ясен. Однако перепад глубин между остатками жертвенных животных и погребенным, а также ориентировка костяка свидетельствуют, что мы имеем дело с захоронением в подбое с рухнувшим сводом и нечетко прослеженной СВ стенкой. Таким образом, это пока единственный нижнедонской комплекс, где в могиле с подбоем найден костяк лошади, в отличие от меотского Прикубанья, где подобные захоронения нередки (см. напр. рис. 5,2).

Рассмотрим теперь конские захоронения. Определенно к этой разновидности можно отнести пять комплексов: п. 90 – 1985 г., п. 2 – 1993 г. – раскопки автора; п. 353 – 2000 г., п. 1, р-4 – 2007 г. – раскопки П.А. и В.А. Ларенок; п. 15 – 2011 г. – раскопки М.В. Власкина, Г.Е. Беспалого (рис. 6,1-3), причем последний содержит пару лошадей. Несмотря на отсутствие в 2-х погребениях сопутствующего инвентаря, горизонтальная стратиграфия позволяет отнести эти комплексы к римскому времени. Лошади лежат в широких подпрямоугольных ямах (в одном случае яма снабжена нишей), как правило, с подогнутыми ногами, на левом боку, головами – в сектор С-СЗ (в одном случае – на ЮЮВ). Вероятно, к этой группе относится часть лошадиных туш, обнаруженных при раскопках Кобьяковской экспедиции (Косяненко, 2008, с. 312, рис. 35; с. 432, рис. 92), но они также могли находиться во входных ямах катакомб, редко фиксируемых в 1957-62 гг. Интересно, что в одной яме (п. 2 – 1993 г.) лошадь оказалась взнузданной. Известно, что индивидуальные и групповые захоронения лошадей (жертвенники?) широко представлены по всему ареалу меотской культуры. Это

является еще одним свидетельством миграции на Дон части оседлого населения Прикубанья. Таким образом, анализ структуры погребального ритуала грунтовых некрополей римского времени на Нижнем Дону с учетом новых материалов в целом подтверждает выводы, сделанные более двух десятилетий назад, о меотских корнях оставившего их населения (Безуглов, Гугуев, 1988, с. 19-27). На сегодняшний день вслед за И.С. Каменецким меотская принадлежность этого населения признается всеми исследователями.

Однако имеются факты, позволяющие допустить инфильтрацию сарматов на городища уже на начальном этапе их существования. Особого внимания заслуживает распространение в некрополях нижнедонских городищ римского времени посуды, произведенной на Центральном Кавказе (Гугуев В.К., Гугуев Ю.К., 1989, с. 67-75; Гугуев, 1993, с. 114-139; Гугуев Ю.К. и др., 2007, с. 432-457). Недавно удалось выделить кавказский керамический материал среди находок из культурного слоя Крепостного городища (Масловский, Косяненко, 2011, с. 371-390). На сегодняшний день в некрополях Кобякова, Нижне-Гниловского, Темерницкого и Крепостного городищ найдено свыше двух десятков целых кавказских сосудов, в том числе: двуручные корчаги, кувшины с воронковидным каннелированным горлом и коленчато изогнутой ручкой, кувшинчики с вертикальной трубчатой ручкой, ойнохой с трилистниковым и четырехлистниковым венчиком, миски с загнутым внутрь краем и т.д. (рис. 8). Эта посуда, изготовленная на медленном круге из грубого теста, по качеству значительно уступает продукции меотских керамических центров, к числу которых, несомненно, относились нижнедонские городища. Специфические технологические признаки позволяют достаточно надежно выделять керамику Кавказа. За исключением корчаг, невозможно предположить использование перечисленных форм в качестве тары. Зато известно широкое использование кавказской посуды с эпохи эллинизма до гуннского времени в кочевой сарматской среде. Судя по находкам кувшинов-ойнохой в п. 188 и п. 290 Нижне-Гниловского некрополя (рис. 8, 2,7) (раскопки автора – 1990 г.), надежно датируемых римскими шарнирными брошами середины - второй половины I в. н.э., кавказская посуда уже на этом этапе входила в состав керамического комплекса поселения. Несколько позднее в некрополях городищ, Танаиса и прилегающих степных курганных могильниках широко распространяются хорошо известные кавказские кувшины с воронкообразным каннелированным горлом, резко изогнутыми ручками, прикрепленными через пробой в стенке (рис. 9,5,6). Эта форма, как и большинство типов кавказской посуды, практически не изменялась на протяжении всего римского времени, что, кстати, весьма затрудняет датировку комплексов при отсутствии иных материалов. Представляется убедительной связь распространения кавказской керамики с процессом проникновения ираноязычных кочевников в состав жителей Танаиса и нижнедонских городищ. Как известно, к числу диагностических признаков среднесарматской культуры относятся парные двусоставные курильницы в виде катушки или цилиндра с миниатюрным бочонковидным сосудом внутри, снабженным отверстием в стенке. Они позволяют четко распознавать процессы седентеризации сарматов в среднедонской лесостепи или, например, на «позднескифских» городищах Крыма. Небольшая, но выразительная серия из 10 таких сосудов обнаружена при раскопках некрополей нижнедонских городищ (рис. 10,7-13). При этом следует внести ясность в терминологию. Часть исследователей по традиции применяют термин «курильницы» к десяткам лепных и кружальных рюмкообразных сосудов в виде чашечки на ножке (Горбенко, Косяненко, 2011, с. 81-84, Ларенок, 2016, с. 30). Эта форма ни морфологически, ни функционально не имеет ничего общего с курильницами как таковыми. На подобных чашках отсутствуют следы огня, зато внутри них часто находится кусок мела, и, по всей вероятности, они – часть меотского погребального обряда. Появление культовых сарматских сосудов зафиксировано уже на первом этапе функционирования грунтовых некрополей. Об этом свидетельствуют находки курильниц в п. 145 Нижне-Гниловского некрополя (раскопки автора – 1990 г.), а также в п. 9 (К) 1972 г. (Горбенко, Косяненко, 2011, с. 184-188) Крепостного могильника. В состав инвентаря этих погребений входят римские дуговидные шарнирные фибулы первой половины I в. н.э. Несколько

позже, в пределах I в. н.э., датируется кобьяковское п. 269 (2000 г.), содержавшее еще одну курильницу (Ларенок, 2013, с. 405), а также п. 14 по ул. Ленина и п. 6 по ул. Дзержинского в Азове (раскопки А.Н. Масловского, 2014 г.) с наборами курильниц и римскими брошами (группа 16, форма 1 и форма 3 – Риха). Серия среднесарматских курильниц, надежно датируемых амфорами, римскими фибулами и стеклянными сосудами, тем же временем недавно была обнаружена в ряде грунтовых погребений Танаиса (п. 434, п. 652, п. 669, п. 686, п. 707 – раскопки Г.Е. Беспалого, 2012-2013 гг.), компактно расположенных на одном участке в могилах с заплечиками и колодами в виде ладьи. Это позволяет предположить, что процесс оседания сарматов на городищах Нижнего Дона и в Танаисе проходил синхронно. Еще одним свидетельством в пользу инфильтрации кочевников на городища донских меотов могут служить сарматские тамги (рис. 9). В отличие от Танаиса, где использование тамг носило массовый характер и иранизация города, особенно со второй половины II в. н.э., нашла яркое отражение в эпиграфических источниках, находки аналогичных знаков на меотских городищах редки и интерпретация их не столь однозначна. Единственной категорией материала, для которой тамги обычны – зеркала. Однако и здесь собственно сарматских родовых знаков немного. В основном на изделиях присутствуют символы, имеющие отношение к культам соляно-вегетативного цикла: типа стилизованного «древа жизни», «вихревой розетки» и т.п. Эти изображения имеют широкий ареал распространения и используются как орнаментальный мотив. Даже в тех случаях, когда в знаках распознаются родоплеменные сарматские тамги, неясно, насколько они соответствуют этническому происхождению своих владельцев. В Танаисе, где зафиксировано изготовление зеркал на протяжении нескольких столетий, такая связь представляется более вероятной. Показательней в этом отношении находки в некрополях нижнедонских городищ посуды, особенно местного производства, на которую нанесены знаки, в том числе и по сырой глине. На сегодняшний день известны 4 таких тамги: знак Аспурга на дне краснолаковой миски из п. 339 Нижне-Гниловского могильника (раскопки автора – 1990 г.), знак, прочерченный по дну лепного горшка из кобьяковского п. 50, р. 1 (раскопки В.А. Ларенок, 2007 г.), граффити на дне краснолакового кувшина и стенках серолощенной миски из п. 41 и п. 74 Кобьяково (раскопки М.В. Власкина и Г.Е. Беспалого, 2011 г.). В последнем случае знак был нанесен до обжига (рис. 9, 1-6). Перечисленные выше комплексы суммарно датируются фибулами и красным лаком: I в. н.э. – начало II в. н.э. Аналогии тамге на краснолаковом кувшине неизвестны, остальные знаки находят параллели в памятниках, которые с одинаковой долей вероятности можно отнести и к меотам (синдам), и к памятникам сарматского круга (Горгиппия, Золотое кладбище, курган у с. Кончухаабль, Казанское городище на Кубани, Любимовское – на Днепре, Артезиан, Ново-Александровка). Более очевидна принадлежность сарматам тамг, прочерченных на оселке из культурного слоя Темерницкого городища (рис. 10, 1-2) (Вдовченков, Ильяшенко, 2013, с. 293, рис. 3). Эти знаки широко распространены на Боспоре (Соломоник, 1959, № 36, № 84-85; Драчук, 1975, № 192, № 842-843). Один из них, в виде якоря, неоднократно зафиксирован в Танаисе, в том числе среди обломков так называемой «каменной энциклопедии», своеобразной домовой книги города (Ильяшенко С.М. и др. Сарматские тамги Танаиса и его окружи. Рукопись. Каталог № 64, № 107, № 149). В этой связи обращает на себя внимание факт, что тамги Танаиса – и те, что неоднократно попадали в сферу интереса разных исследователей, и другие, что готовятся к публикации в настоящее время по программе РГНФ (в том числе и автором данной статьи) – в своей основной массе принадлежат к известным на Боспоре типам. С учетом того, что большинство знаков относится к позднесарматскому времени, это наблюдение в некотором смысле расходится с известным тезисом Д.Б. Шелова о том, что во второй половине II в. н.э. в Танаисе осело особое племя сарматов, неизвестное на Боспоре (Шелов, 1972, с. 249).

Подводя итог перечисленным выше фактам, *можно сделать вывод о присутствии выходцев из кочевой ираноязычной среды уже на раннем этапе существования нижнедонских городищ.* Наличие некоторого числа сарматских семей на поселениях в какой-то степени объясняет феномен

одновременного использования Кобяковского курганного могильника меотской и сарматской знатью. О проживании значительной части сарматского населения на Кобякове уже в I в. н.э. – первой половине II в. н.э. свидетельствует анализ краниологии памятника (Батиева, 2011, с. 81-82, 93). Со второй половины II в. н.э. вследствие некоторой деградации кочевого социума (по данным антропологии) процессы «сарматизации» Танаиса и нижнедонских городищ, очевидно, проходили более интенсивно. Происходит не только распространение сарматских обрядовых норм, но даже появляются целые участки, где ритуал практически не отличим от кочевой степи.

Литература

- Батиева Е.Ф. Население Нижнего Дона в IX в. до н.э. – IV в. н.э. (палеоантропологическое исследование). – Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. – 266 с.
- Безуглов С.И., Гугуев В.К. Меоты и сарматы на Нижнем Дону в I-III вв. н.э. (структура и эволюция погребального обряда) // Проблемы сарматской археологии и истории: Тезисы докладов конф., г. Азов. – Азов, 1988. – С. 19-27.
- Вдовченков Е.В., Ильяшенко С.М. Тамги Танаиса – этнокультурный аспект явления // Боспорский феномен. Греки и варвары на евразийском перекрестке: Материалы международной науч. конф., г. Санкт-Петербург, 19-22.11.2013. – СПб., 2013. – С. 292-296.
- Гугуев В.К. Новые подкурганные захоронения в Танаисе и их этническая принадлежность // Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. – Ростов н/Д: Изд-во РГУ, 1983. – 136 с.
- Гугуев В.К., Гугуев Ю.К. Керамический импорт из Центрального Предкавказья в грунтовом некрополе Кобякова городища (по материалам раскопок 1984-1985 гг.) // Известия РОМК. – Ростов н/Д, 1989. – Вып. 6. – С. 67-75.
- Гугуев Ю. К. Центральнокавказская керамика в Танаисе во II - первой половине III в. н.э. // Вестник Танаиса. – Ростов н/Д.: Гефест, 1994. – Вып. 1. – С. 114-139.
- Гугуев В.К. О редком типе погребального ритуала донских меот // ИАИАИАНД-2012. – 2014. – Вып. 28. – С. 240-246.
- Гугуев Ю.К., Ильяшенко С.М., Казакова Л.М. О возможности этнической и социальной идентификации владельца усадьбы середины III в. н.э. в Танаисе // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке. – МИАР. – 2007. – № 8. – С. 432 – 457.
- Гугуев В.К. Структура погребального ритуала Нижне-Гниловского некрополя (к вопросу о донском варианте меотской культуры) // Novensia. – 2008. – № 18-19. – С. 129-138.
- Горбенко А.А., Косяненко В.М. Некрополь Паниардиса (Крепостного городища) // Донские древности. – Азов: Изд-во Азовского музея-заповедника, 2011. – Вып. 11. – 511 с.
- Драчук В.С. Системы знаков Северного Причерноморья. Тамгообразные знаки северопонтийской периферии античного мира первых веков нашей эры. – Киев: Наукова думка, 1975. – 224 с.
- Ильюков Л.С. Исследование курганов на западной окраине г. Ростова-на-Дону // ИАИАИАНД-1994. – 1997. – Вып. 14. – С. 24-28.
- Ильюков Л.С. Позднесарматские курганы левобережья реки Сал // Материалы и исследования по археологии Дона. Сарматы и их соседи на Дону. – Ростов н/Д: «Терра», 2000. – Вып. 1. – С. 100-140.
- Ларенок В.А. Погребальные комплексы с ровиками в некрополе Кобякова городища первых веков нашей эры // ИАИАИАНД-2009. – 2011. – Вып. 25. – С. 332.
- Ларенок В.А. Отчет о спасательных раскопках некрополя Кобякова городища в 2007 г. // Архив РОМК. – С. 60. – Рис. 363, 1219-1221.
- Ларенок В.А. Меотские древности: Каталог погребальных комплексов Кобякова городища из раскопок 1999-2000 годов. – Ростов н/Д, 2013. – Ч. 1. – 488 с.
- Ларенок В.А. Меотские древности: Каталог погребальных комплексов Кобякова городища из раскопок 2000-2001, 2002-2004 годов. – Ростов н/Д, 2016. – Ч. 2. – 317 с.
- Лимберис М.Ю., Марченко И.И. Две катакомбы позднесарматского времени из Пашковского могильника № 2 // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. Ист.– 2015. – № 5 (35). – С. 126-137.

Масловский А.Н., Косяненко В.М. Керамика с кварцевым песком из раскопок Крепостного городища в 2008 г. // ИАИАИАНД-2009. – 2011. – Вып. 25. – С. 371-390.

Соломоник Э.И. Сарматские знаки Северного Причерноморья. – Киев: Изд-во Акад. наук УССР, 1959. – 179 с.

Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. – М.: Наука, 1972. – 352 с.

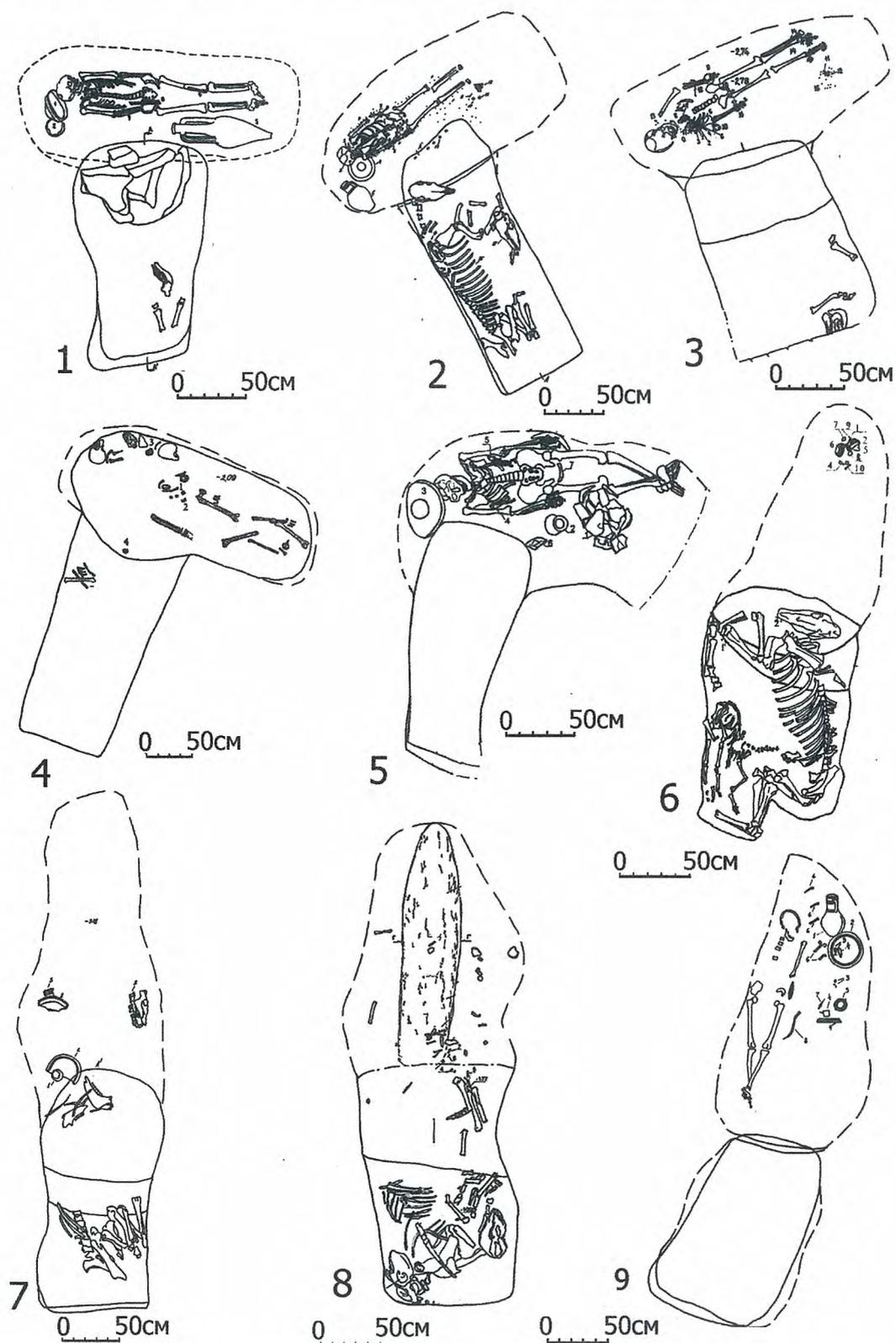

РИС. 1. ПЛАНЫ КАТАКОМБ МЕОТСКИХ НЕКРОПОЛЕЙ НИЖНЕГО ДОНА.

Нижне-Гниловской: 1 – п. 198, 9 – п. 84, 1990 г.; Кобяковский: 2 – п. 26, 7 – п. 5, 1984 г.; 8 – Р.2, п. 73 (по В.А. Ларенок), 2007 г.; Темерницкий: 3 – п. 5, 2002 г. (по А.И. Гармашову); Крепостной: 4 – п. 2 (КЛ) II, 1985 г., 6 – п. 9 (Д), 2003 г. (по А.А. Горбенко, В.М. Косяненко); Сухо-Чалтырский: 5 – п. 16, 2011 г. (по Ю.В. Абоян, В.А. Ларенок).

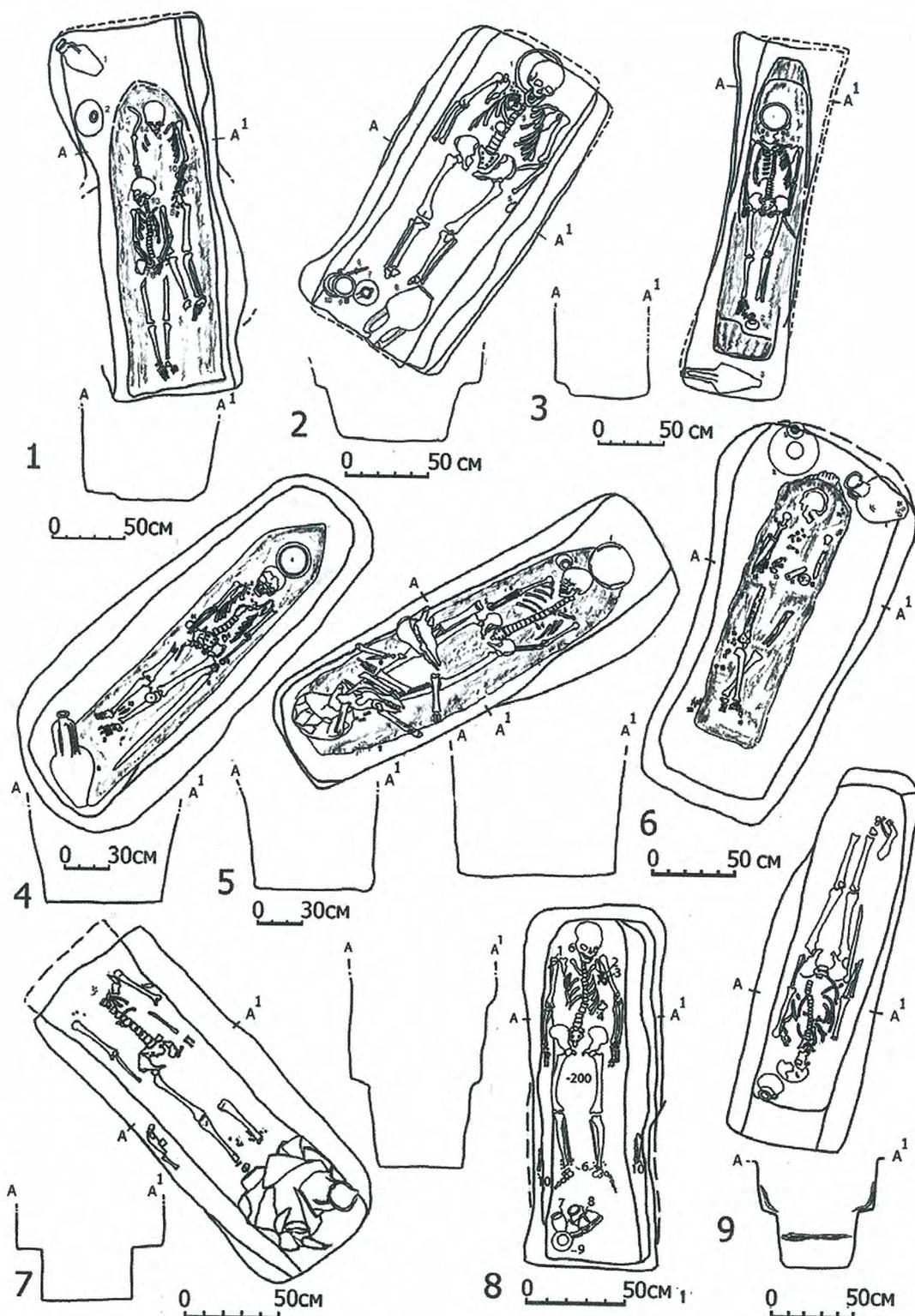

РИС. 2. ЯМЫ С ЗАПЛЕЧИКАМИ ИЗ НЕКРОПОЛЕЙ МЕОТОВ НА НИЖНЕМ ДОНУ.
 Нижне-Гниловской: 1 – п. 327, 2 – п. 290, 3 – п. 296, 4 – п. 319, 5 – п. 367, 6 – п. 189, 1990 г.;
 Кобяковский: 7 – п. 305, 2000 г. (по В.А. Ларенок), 8 – п. 19, 1988 г.; Крепостной: 9 – п. 16
 (Д), 2008 г. (по А.А. Горбенко, В.М. Косяненко).

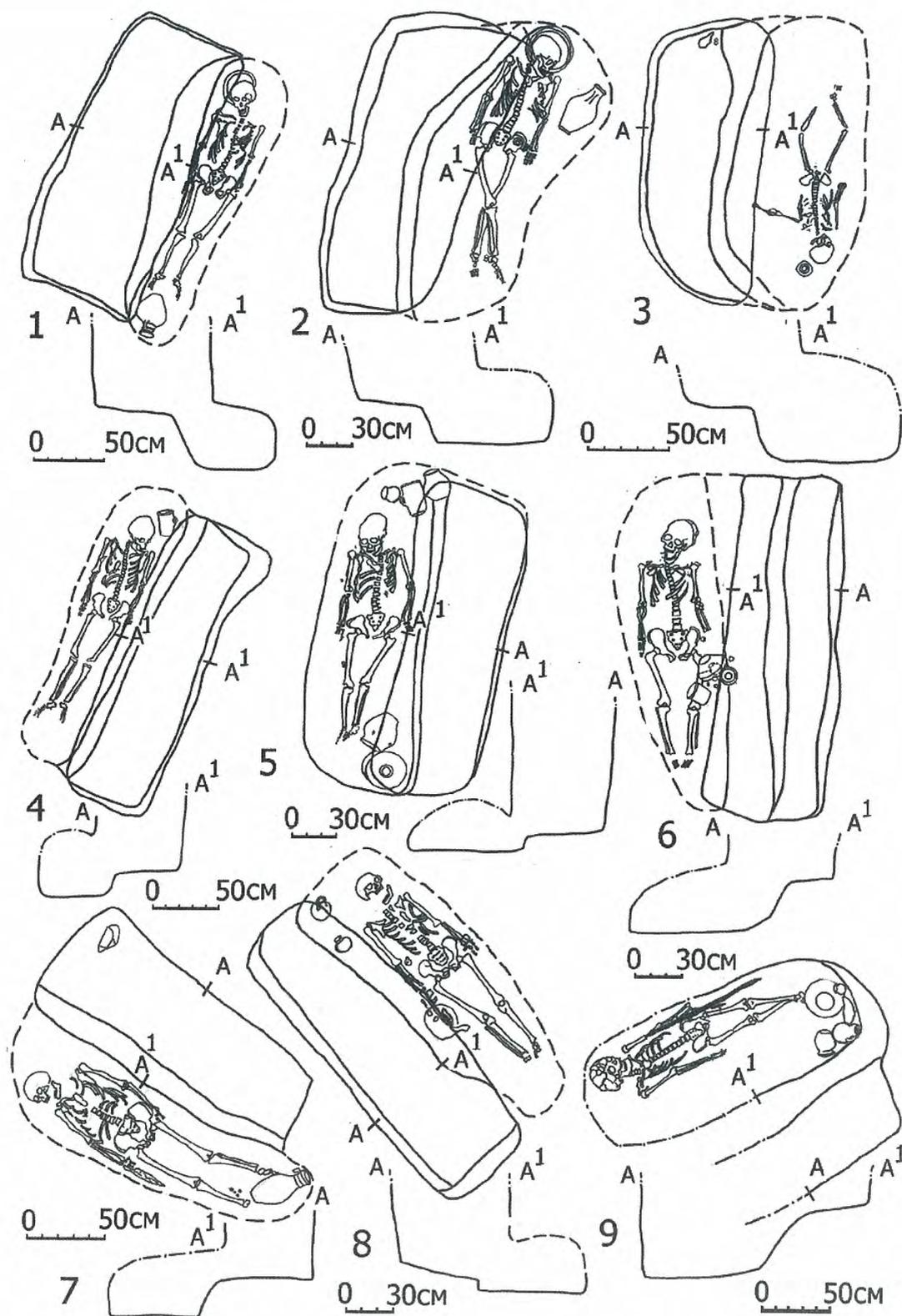

РИС. 3. ПОДБОЙНЫЕ МОГИЛЫ В НЕКРОПОЛЯХ ДОНСКИХ МЕОТОВ.

Нижне-Гниловской: 1 – п. 80, 2 – п. 268, 3 – п. 94, 4 – п. 39, 5 – п. 10, 6 – п. 267, 1990 г.;
 Кобяковский: 7 – п. 228, 8 – п. 255, 2000 г. (по В.А. Ларенок); Темерницкий: 9 – п. 8, 2002 г.
 (по А.И. Гармашову).

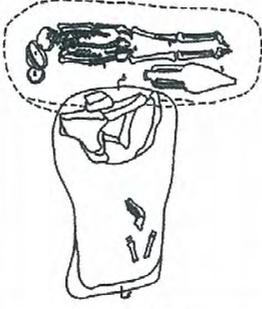
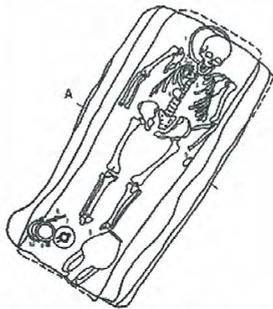
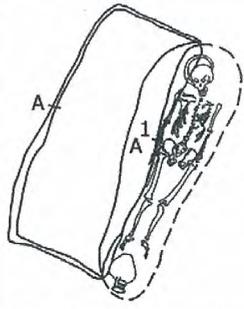
	Тип ямы			
	Период	катакомбы	заплечики	подбои
Кобяково	I в.н.э. - 1 пол. II в.н.э.	44%	36%	20%
	2 пол. II в.н.э. - 1 пол. III вв.н.э.	66%	10%	24%
Нижне-Гниловской	I в.н.э. - 1 пол. II в.н.э.	20%	54%	26%
	2 пол. II в.н.э. - 1 пол. III вв.н.э.	29%	9%	62%
Крепостной	I в.н.э. - 1 пол. II в.н.э.	7%	76%	17%
	2 пол. II в.н.э. - 1 пол. III вв.н.э.	31%	50%	18%

РИС. 4. СООТНОШЕНИЕ ТИПОВ МОГИЛЬНЫХ ЯМ В НЕКРОПОЛЯХ НИЖНЕДОНСКИХ ГОРОДИЩ РИМСКОГО ВРЕМЕНИ.

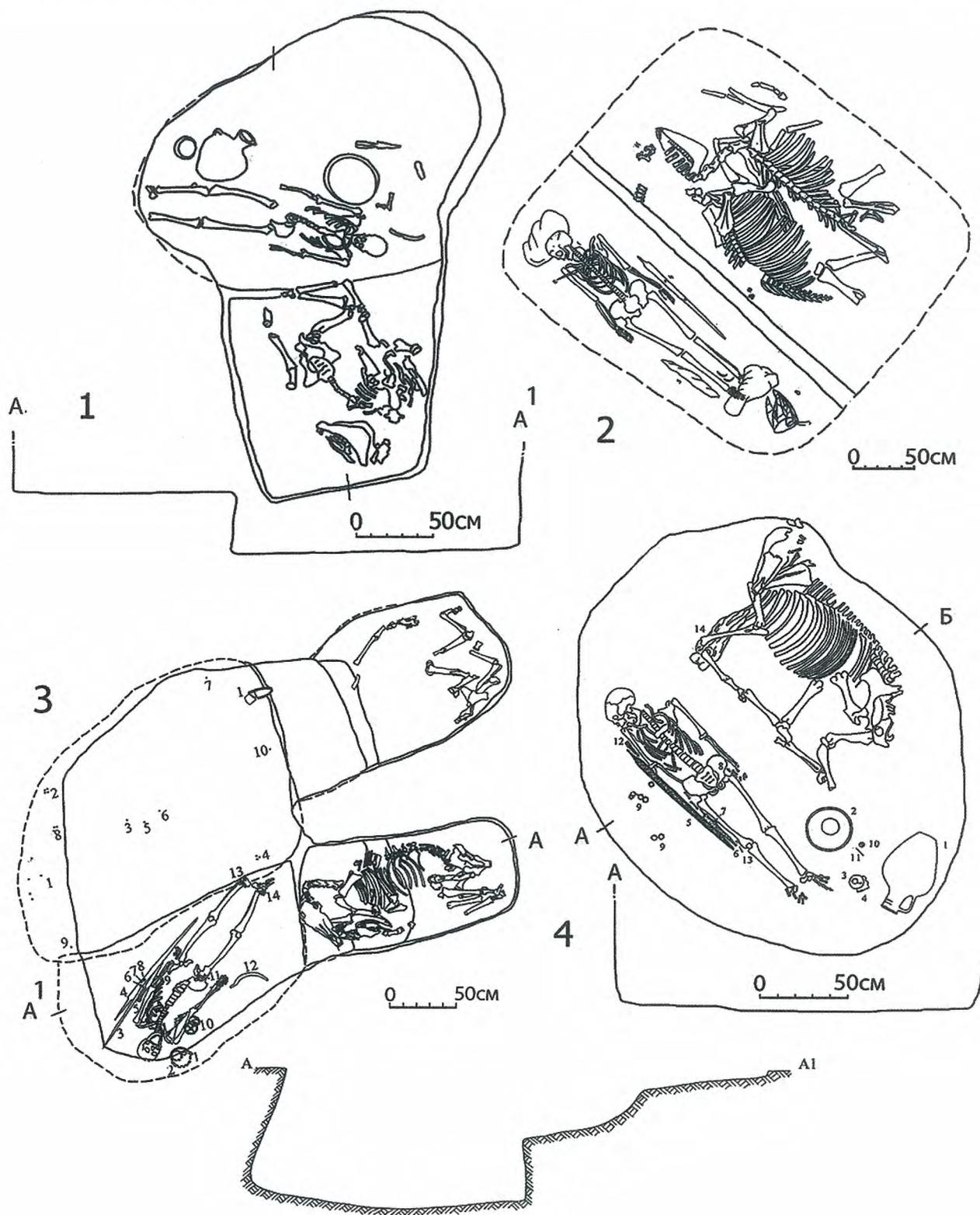

РИС. 5. ПЛАНЫ ПОГРЕБЕНИЙ В НЕКРОПОЛЯХ КУБАНИ И ДОНА.

1 – Спорное (по Н.Ю. Лимберис, И.И. Марченко); 2 – Городской, п.8 (по А.А. Сазонову); 3 – Пашковский №2, кат. 1, кат. 2 (по Н.Ю. Лимберис, И.И. Марченко); 4 – Кобяково, п.10, 1962 г. (по В.М. Косяненко).

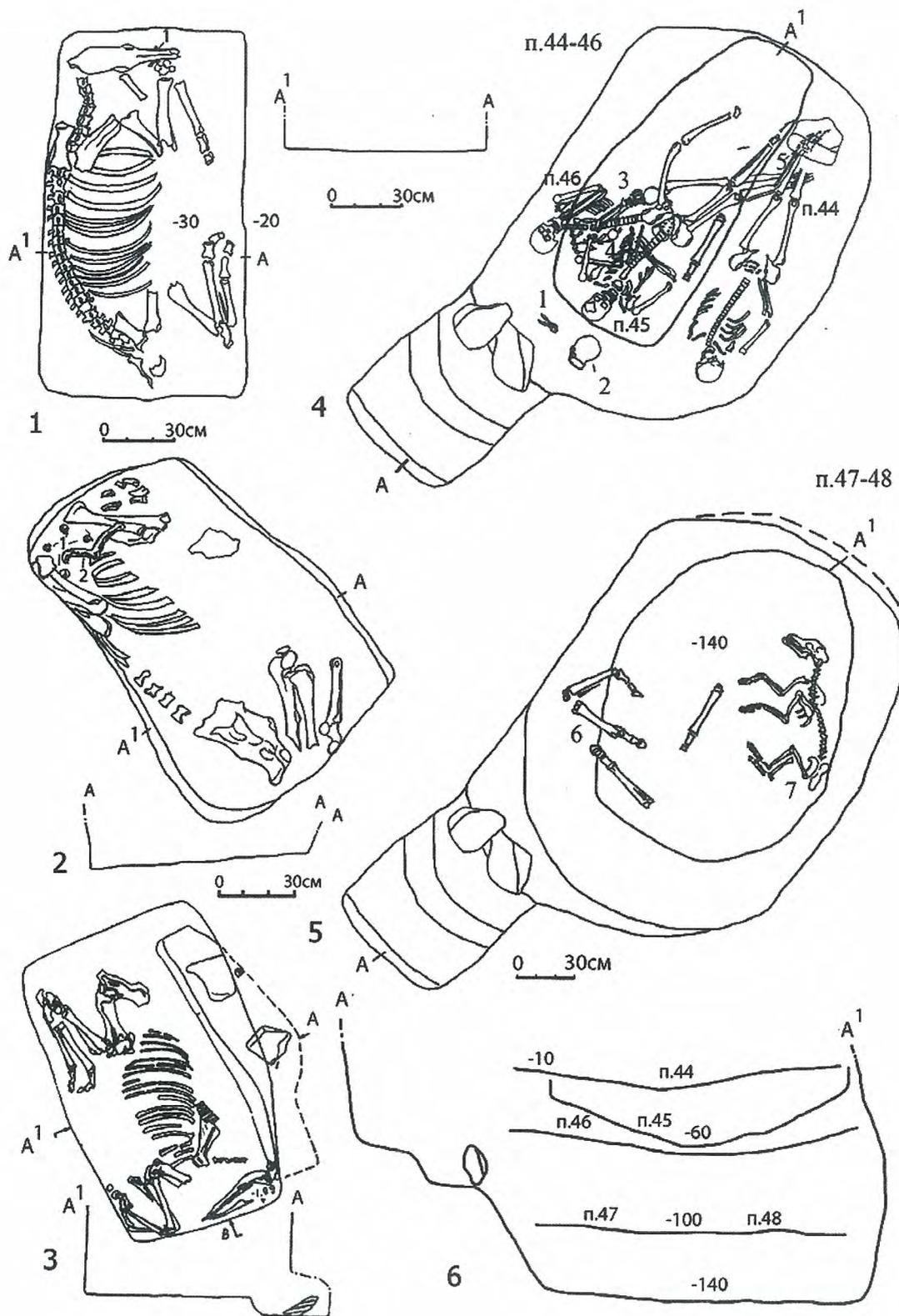

РИС. 6. ЗАХОРОНЕНИЯ ЛОШАДЕЙ И ЯРУСНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ КОБЯКОВА.

1 – п. 90, 1985 г., 2 – п. 2, 1993 г., 3 – п. 353, 2002 г. (по В.А. Ларенок), 4-6 – планы и разрезы п. 44-48, 1984 г.

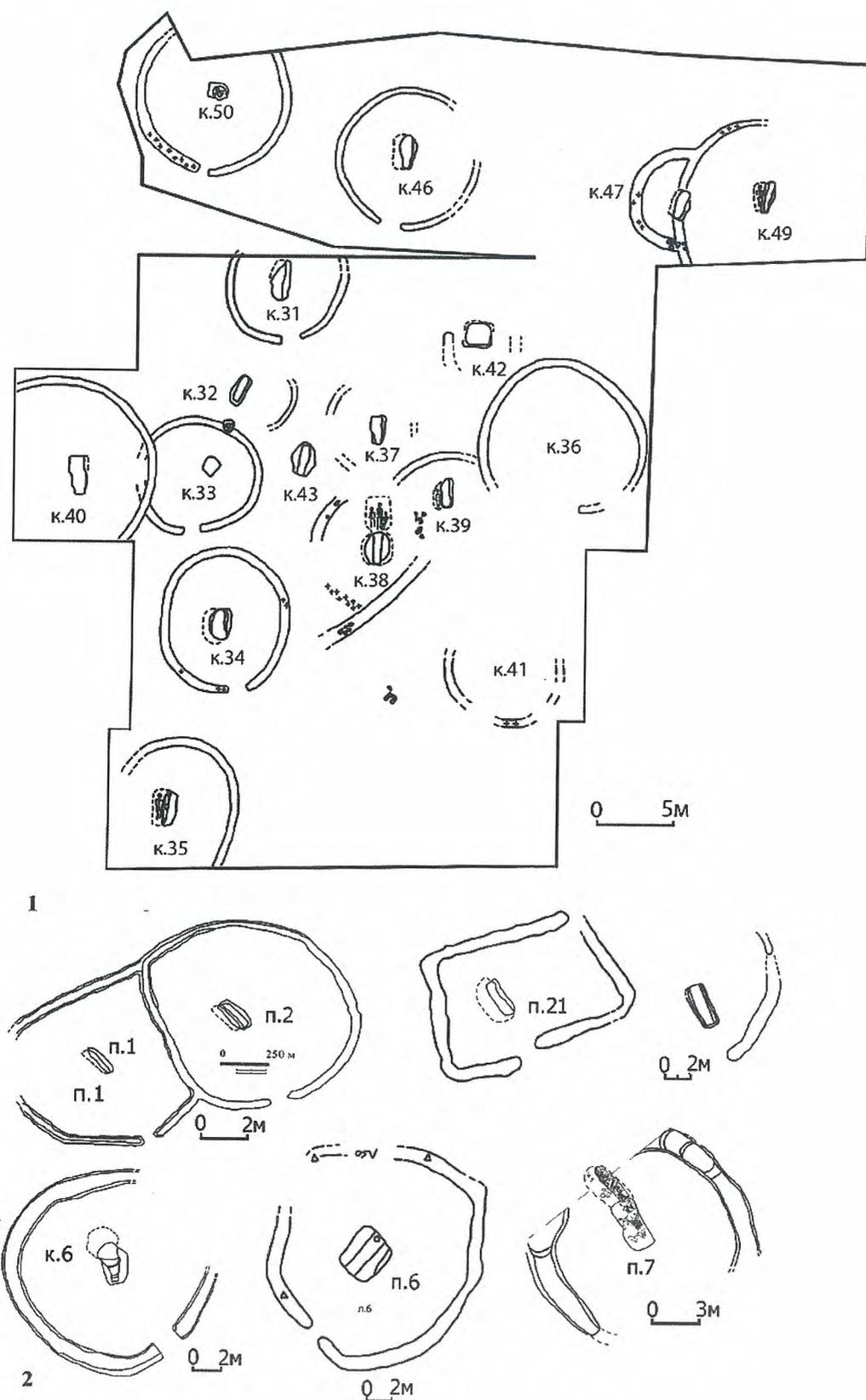

РИС. 7. КУРГАНЫ С РОВИКАМИ.

1 – восточный участок некрополя Танаиса (раскопки В.К. Гугуева 1979-80 гг.); 2 – некрополь Кобякова городища (по В.А. Ларенок, В.К. Гугуеву, Н.С. Морозовой, В.В. Верещагину).

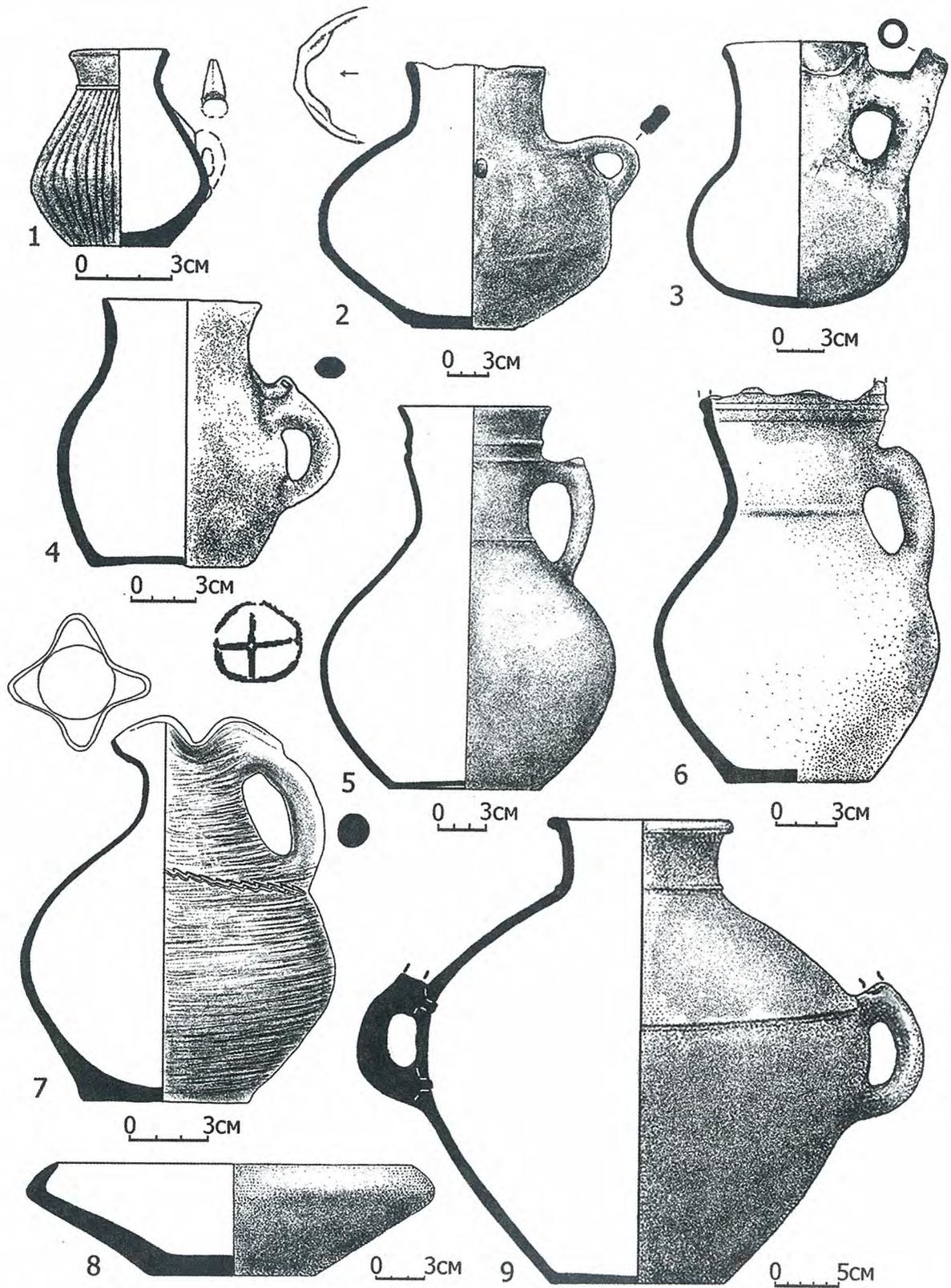

РИС. 8. КАВКАЗСКАЯ КЕРАМИКА ИЗ МЕОТСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ НИЖНЕГО ДОНА.

Нижне-Гниловской: 1 – п. 267, 2 – п. 248, 3 – п. 97, 7 – п. 188, 1990 г.; Кобяково: 4 – п. 21, 2000 г. (по В.А. Ларенок), 5 – п. 36, 8 – п. 77, 9 – п. 129, 1985 г.; Темерницкий: 6 – п. 8, 2002 г. (по А.И. Гармашову).

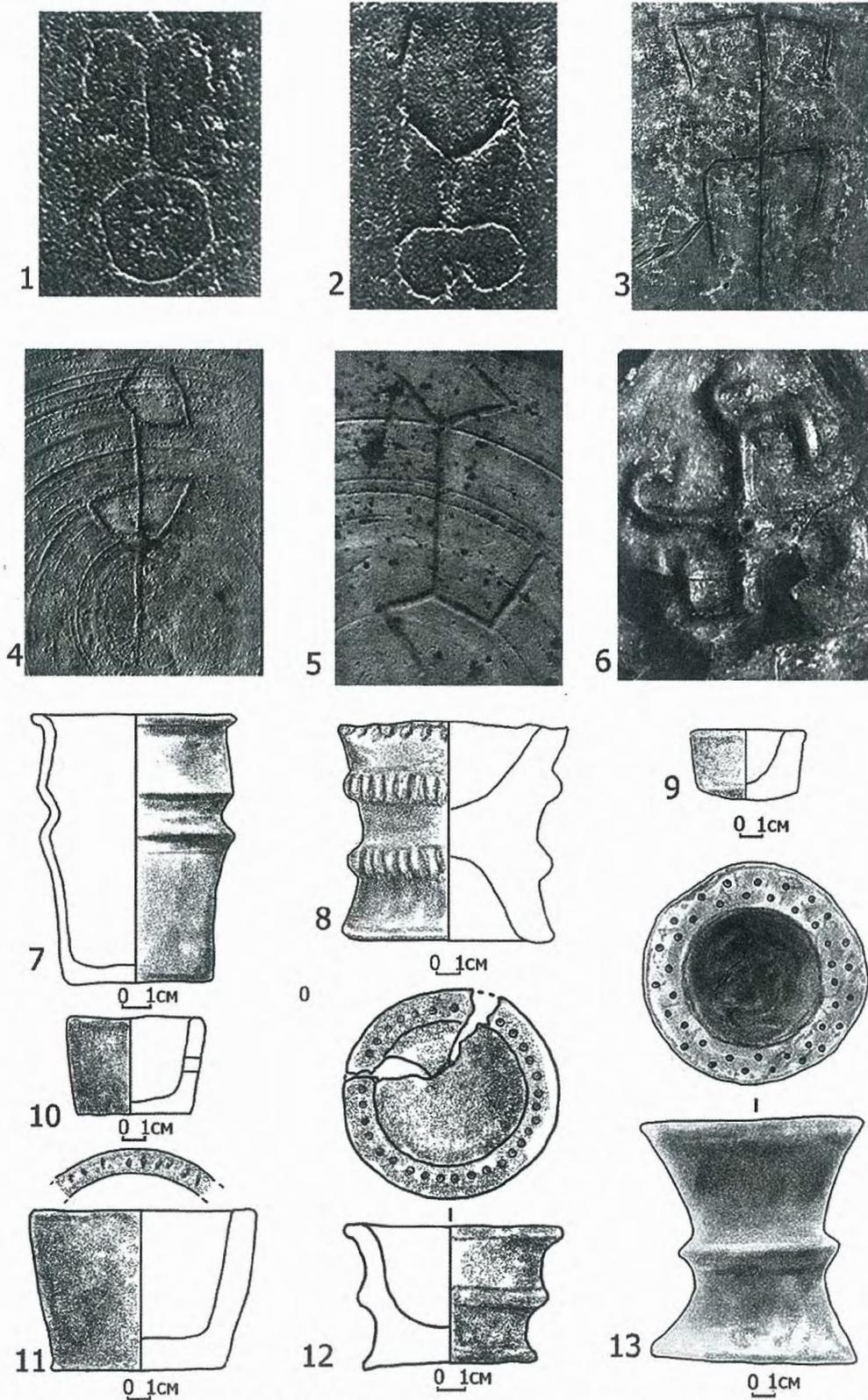

РИС. 9. ТАМГИ И КУРИЛЬНИЦЫ ИЗ МЕОТСКИХ НЕКРОПОЛЕЙ НИЖНЕГО ДОНА.

Темерницкий: 1-2 – Р.1, 2012 г.; Кобяковский: 3 – п. 74, 4 – п. 41, 13 – п. 65, 2011 г., 12 – п. 269, 2000 г.; Нижне-Гниловской: 5 – п. 339, 7 – п. 145, 1990 г., 6 – п. 18, 1975 г.; Крепостной: 8-9 – п. 18 (КЛ) 1, 1985 г., 10-11 – п. 9 (Ю), 1972 г.

1 в.н.э. - первая половина 2 в.н.э.

вторая половина 2 в.н.э. - первая половина 3 в.н.э.

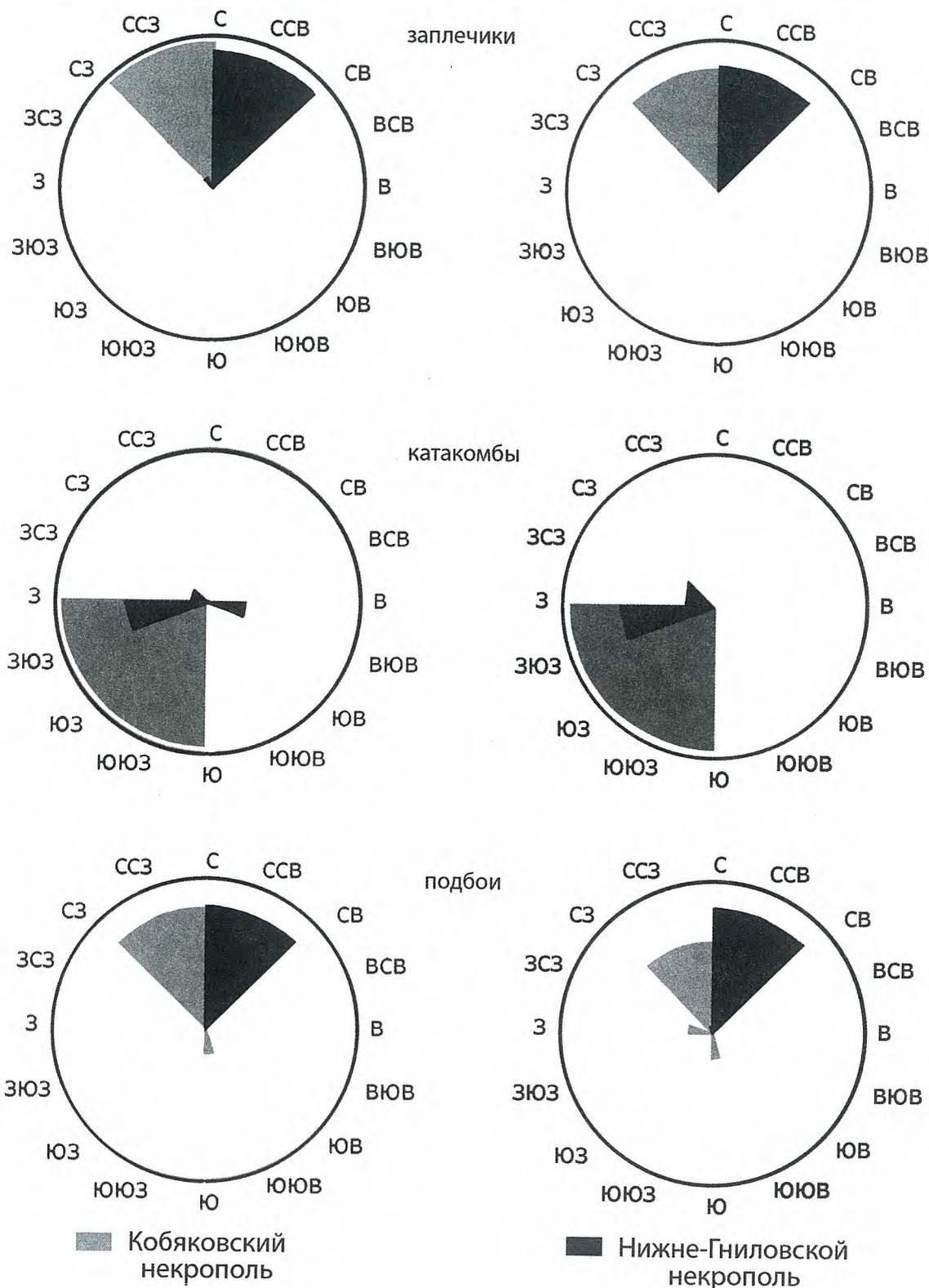

РИС. 10. СООТНОШЕНИЕ ОСНОВНЫХ СЕКТОРОВ ОРИЕНТИРОВОК ПОГРЕБЕННЫХ В РАЗЛИЧНЫХ ТИПАХ МОГИЛ КОБ'ЯКОВСКОГО И НИЖНЕ-ГНИЛОВСКОГО НЕКРОПОЛЕЙ ПО ДВУМ ХРОНОЛОГИЧЕСКИМ ПЕРИОДАМ.

ПАМЯТНИК ПРИРОДЫ «КАМЕННАЯ БАЛКА»

Демина О. Н.

(ondemina@yandex.ru)

В статье дана краткая характеристика памятника природы регионального значения «Каменная балка», на территории которого сохранились типичные приазовские степи и петрофитная растительность. В Каменной балке описан номенклатурный тип северо-приазовских красивейшековильников. Во флоре памятника насчитывается 237 видов сосудистых растений, из которых приводятся 9 редких видов, занесенных в Красные книги Ростовской области и Российской Федерации. Показано, что приазовские степи в границах территориальной охраны памятника природы «Каменная балка» отличаются большим синтаксономическим разнообразием, а также высокой природоохранной значимостью сообществ выделенных синтаксонов и типов природных местообитаний.

Ключевые слова: Каменная балка, памятник природы, растительность, степь, ассоциация, классификация, разнотравно-дерновиннозлаковые, вид, природоохранная значимость, Приазовье.

NATURAL LANDMARK «KAMENNAYA BALKA»

Demina O. N.

(ondemina@yandex.ru)

The article gives a brief description of a natural landmark of regional significance near Tanais, the «Kamennaya Balka», where typical for Azov steppes vegetation and petrophyte plants still persist. A name-bearing type of a northern Azov Sea region variety of California needle grass (*Stipa pulchra*) is described. Flora of the natural landmark numbers 237 species of vascular plants, among them 9 endangered species, registered in the Red Data Books of Rostov region and Russian Federation. It is shown that Azov Sea region steppes within the boundaries of the natural landmark «Kamennaya Balka» territorial protection are noted for large syntaxonomic diversity, as well as for the high environment conservation significance of associations of syntaxones, defined there, and for types of natural habitats.

Key words: Kamennaya Balka natural landmark, vegetation, steppe, association, classification, herb-bunchgrass steppe, species, environment conservation significance, Azov Sea region.

Памятник природы «Каменная Балка» регионального значения создан в 1990 году. Нормативная правовая основа его функционирования – решение Мясниковского РИК № 42 от 30.03.1987 г. и решение Облисполкома № 23 от 1.02.1990 г.

Памятник природы расположен в Мясниковском районе, на землях АОЗТ им. Шаумяна, и занимает площадь 113 га (рис. 3). Это довольно типичная степная балка с двумя крупными отвершками (отвилками) и с прилегающими пологими прибалочными склонами. Балочные склоны

покатые, реже крутые и обрывистые, днище узкое. Растительный покров балки включает фрагменты настоящих богаторазнотравно- и разнотравно-дерновиннозлаковых степей, петрофитных тимьянниковых сообществ степного типа и петрофитной растительности тимьянников на обнажениях понтических известняков (рис. 2). В оврагах и по днищу балки развиты древесно-кустарниковые заросли, иногда луга и даже болота. Здесь на значительных площадях сохранились типичные приазовские красивейшековыльники, разнотравно-ковыльные и разнотравно-злаковые сообщества с преобладанием ковылей красивейшего, волосовидного, Лессинга, Залесского, овсяницы бороздчатой и других дерновинных злаков.

Зональные, интразональные и аazonальные ландшафты определяют своеобразие орнитофауны. Особенности животного мира Каменной Балки позволяют рассматривать ее в качестве памятника природы, играющего значительную роль в сохранении степной энтомофауны Приазовья. Обнажения неогеновых известняков и уникальные формы рельефа с живописными гротами придают балке особую научную ценность и значимость как геологическому объекту.

Открытие стоянок человека эпохи верхнего палеолита сделало Каменную Балку всемирно известным археологическим памятником. Памятник природы используется в учебных целях, имеет научное, просветительское, познавательное, природоохранное значение и играет огромную роль в сохранении биологического разнообразия Приазовья.

В памятнике природы «Каменная Балка» запрещены земляные работы, выпас, прогон и размещение летних лагерей скота, сенокосение. Разработку экскурсионного обслуживания, экологических маршрутов и археологических изыскательских работ рекомендуется ввести в генплан охранной зоны музея-заповедника «Танаис».

Растительный покров памятника природы чрезвычайно разнообразен и представлен сочетанием различных типов растительности, что отражено на подробной геоботанической карте (рис. 1). Особый интерес в границах территориальной охраны памятника, расположенного в Северо-Восточном Приазовье, представляют западнопричерноморские степи северо-приазовского варианта, их эдафические варианты и петрофитная растительность.

В синтаксономическом отношении они выделяются в типичной ассоциации *Stipetum lessingianaе*, впервые описанной на территории Украины и в субассоциации *S. l. stipetosum capillataе*; в типичной ассоциации *Centaureo orientalis–Stipetum pulcherrimae*, представляющей типичные богаторазнотравно-дерновиннозлаковые степи Приазовья – северо-приазовские красивейшековыльники. Здесь, в северной части Каменной Балки, описан номенклатурный тип ассоциации. Географические координаты: N 47.28833, E. 39.38534; дата: 25.07.2008, О.Н. Демина, Л.Л. Рогаль. Кроме этого, здесь также представлены каменнобалковские красивейшековыльники субассоциации *M. r.–S. z. stipetosum pulcherrimae*, выделенной в пределах ассоциации *Medicago romanicae–Stipetum zaleskii*, которые граничат с предыдущей в синтаксономическом пространстве и территориально (Демина, 2015, с. 90 – 112, 131).

В Каменной Балке широко представлены кальцефитные степи и петрофитная растительность на выходах понтических известняков. В составе сообществ много эндемичных факультативных кальцефитов, характерных для сообществ юринейников (*Jurinea stoechadifolia*), развивающихся в Приазовско-Причерноморском регионе и слагающих основу диагностической комбинации видов целого нового союза *Jurineo stoechadifoliae–Cleistogenion bulgaricae*, в котором уже намечены новые синтаксоны. Одним из таких эндемичных кальцефитов является *Gypsophila glomerata*, которая отмечается очень редко на известняковых и песчаниковых обнажениях в Причерноморье, в Северо-Восточном Приазовье и на Кавказе.

Во флоре памятника зарегистрировано 237 видов сосудистых растений, из которых многие являются редкими, занесенными Красную книгу Ростовской области (Красная ..., 2014). Среди них – ковыли Залесского (*Stipa zaleskii*) и красивейший (*S. pulcherrima*), касатик карликовый (*Iris pumila*), тюльпан Геснера или Шренка, беллевалия сарматская, молочай мелолобивый, норичник донецкий

(*Scrophularia donetzica*) и другие (рис. 4). В тени живописного грота, нависающего над днищем балки, на обнажениях понтических известняков находится местообитание очень редкого папоротника – костенца постенного (*Asplenium ruta-muraria*).

При оценке природоохранной значимости степной северо-приазовской растительности флористико–фитоценотическая значимость оказалась высокой (F2) для сообществ почти всех ассоциаций, за исключением *Centaureo orientalis–Stipetum pulcherrimae* (F3).

Тип природных местообитаний во всех степных памятниках Северо-Восточного Приазовья, приоритетных для сохранения в соответствии с EUNIS – категория E1.2 (Perennial calcareous grassland and basic steppes) и E1.3 (Mediterranean xeric grasslands) (Demina, 2013, p. 147, Tab. 2).

Наряду с природными особенностями, в устье Каменной балки расположен комплекс верхнепалеолитических стоянок древнего человека, что определяет значимость памятника как уникального археологического и природно-исторического объекта (рис. 5). Сопоставление детальных данных палинологического анализа образцов, полученных из разрезов в пределах стоянки Каменная Балка II, с межрегиональной стратиграфической схемой (Леонова и др., 2006, с. 130) позволяет считать эти разрезы опорными для реконструкций палеорастительности нижнего плейстоцена и начала голоцена в Приазовье.

Литература

- Демина О.Н. Классификация растительности степей бассейна Дона: Монография. – Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2015. – 212 с.
- Красная книга Ростовской области. – Ростов н/Д: Министерство природных ресурсов и экологии Ростовской области, 2014. – Издание 2-е. – Т. 2. – 344 с.
- Леонова Н.Б., Несмеянов С.А., Виноградова Е.А., Воейкова О.А., Гвоздовер М.Д., Миньков Е.В., Спиридонова Е.А., Сычева С.А. Палеоэкология равнинного палеолита (на примере комплекса верхнепалеолитических стоянок Каменная балка в Северном Приазовье). – М.: Научный мир, 2006. – 360 с.
- Demina Olga N. Environmental Priority Assessment of Plant Communities Steppes in the Rostov Region // Middle-East Journal of Scientific Research 18 (2). – 2013. – P. 136-148.

ГЕОБОТАНИЧЕСКАЯ КАРТА

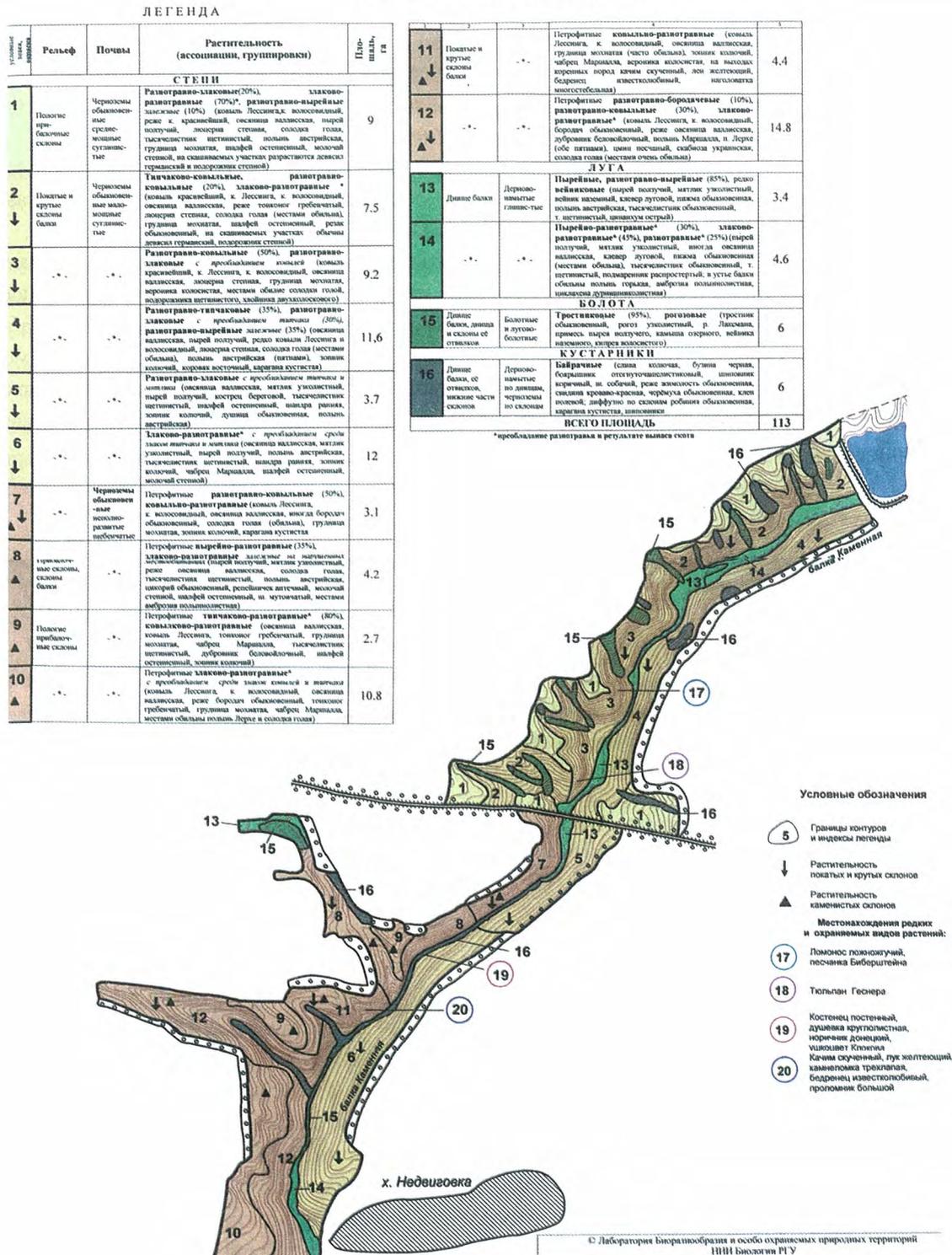

РИС. 1. ГЕОБОТАНИЧЕСКАЯ КАРТА ПАМЯТНИКА ПРИРОДЫ «КАМЕННАЯ БАЛКА». Масштаб 1:10000

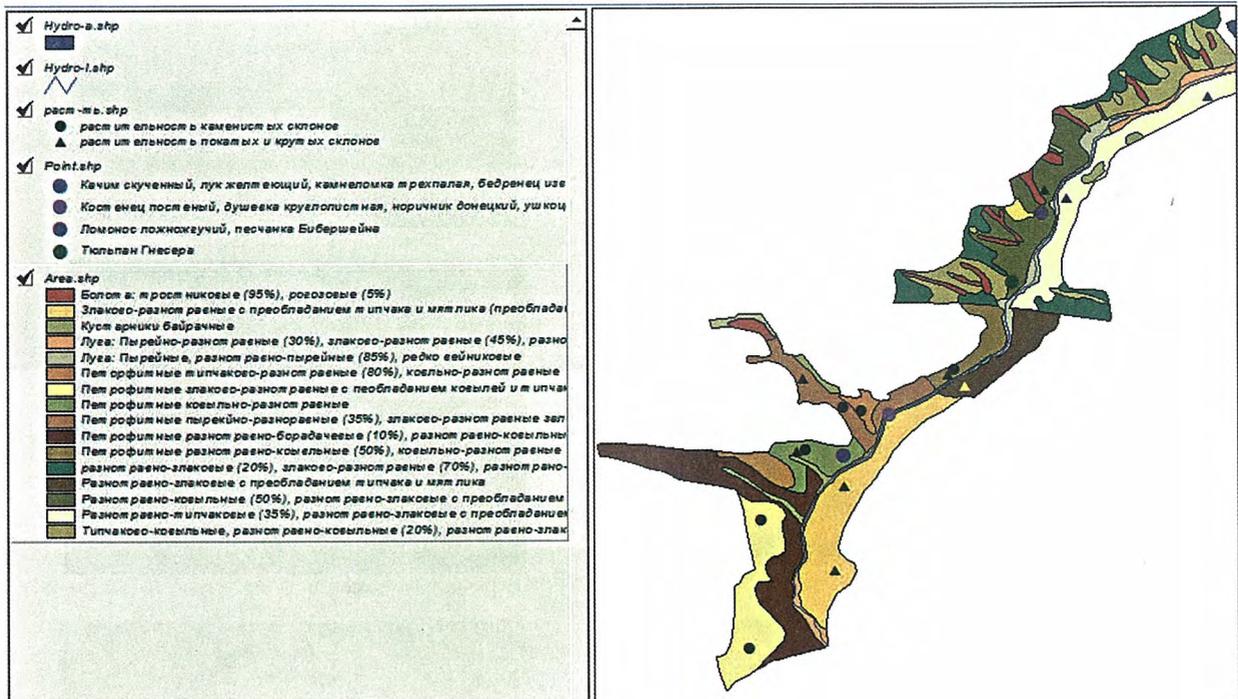

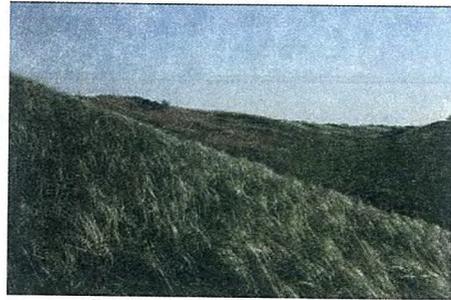
РИС. 2. КАРТА РАСТИТЕЛЬНОСТИ ПАМЯТНИКА ПРИРОДЫ «КАМЕННАЯ БАЛКА» В ARCVIEW GIS.

РИС. 3. КОСМИЧЕСКИЕ СНИМКИ КАМЕННОЙ БАЛКИ (СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЕ ПРИАЗОВЬЕ) В GOOGLE EARTH.

Каменнобалковские красивейшековельники

Северная часть Каменной балки

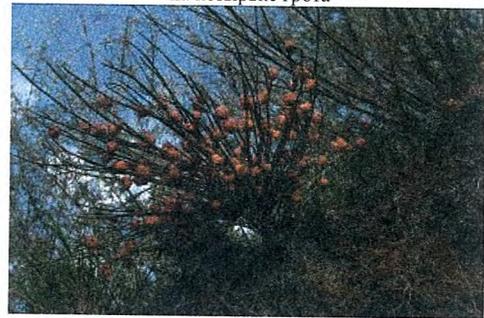
Качим скученный (*Gypsophila glomerata* Pall. ex Adams) в составе петрофитных сообществ

Норичник донецкий (*Scrophularia donetzica* Kotov) на козырьке грота

Цветет гвоздика ложноармериевидная (*Dianthus pseudarmeria* Bieb.)

Сочные плоды «кузьмичевой травы» – женская особь *Ephedra distachya* L. над гротом

Лен австрийский (*Linum austriacum* L.)

Грудница мохнатая (*Crinitaria villosa* (L.) Grossh.)

Разнотравно-злаковый травостой

Сообщества типичной ассоциации *Centaureo orientalis-Stipetum pulcherrimae*

РИС. 4. РАСТИТЕЛЬНЫЙ ПОКРОВ КАМЕННОЙ БАЛКИ.

РИС. 5. НА ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКЕ «КАМЕННАЯ БАЛКА II».

АРХЕОЛОГИЯ И ЭКСПЕРИМЕНТ

ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ ПЛОТНОСТИ И УДЕЛЬНОГО ОБЪЕМА КЕРАМИКИ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ТЕХНОЛОГИИ ГОНЧАРНОГО ремесла ЗОЛОТООРДЫНСКОГО АЗАКА¹

Перевозчиков В. И.
(tanais.vadim@yandex.ru)

Публикация продолжает серию статей по экспериментальному исследованию керамики, опубликованных в предыдущих выпусках Вестника Танаиса. Исследовалась в первую очередь керамика, производившаяся в самом золотоордынской Азаке. В качестве сравнительного материала были привлечены: образцы стенок гончарных горнов, тандыров, кирпичей, экспериментальных изделий, импортной керамики. Исследование плотности и удельного объема местной керамики позволило сделать вывод о том, что гончары первой двух керамических групп добивались при помощи разных технологических приемов очень близких физических и утилитарных свойств своей продукции. Керамика третьей азацкой группы в этом эксперименте, как и по результатам других экспериментов (рентгеноспектрального флуоресцентного анализа и анализа на водопоглощаемость), показала свое резкое отличие (по физическим свойствам) от двух других групп. Выявлена общая закономерность для стандартной (не бракованной) керамики, выражающаяся в прямой взаимозависимости между показателями ее «кажущихся» и «истинных» плотностей и удельных объемов. Установлено, что составы формовочных масс, из которых изготовлялись горны и тандыры, существенно различались. Обожженный кирпич, отличаясь по своим физическим свойствам от керамики и стенок горнов, демонстрирует наибольшую близость с тандырами.

Ключевые слова: вода, водопоглощаемость, импортная керамика, «кажущиеся» и «истинные» плотность и удельный объем, керамическая группа, керамический черепок, местная керамика, методика, нагревание, пористость, стенки гончарных горнов и тандыров, сушка, фрагменты кирпичей, эксперимент, экспериментальная керамика.

TRY OF CERAMICS DENSITY AND SPECIFIC VOLUME ASSESSMENTS IN STUDIES OF POTTERY TECHNOLOGY IN AZAK OF THE GOLDEN HORDE

Perevozchikov V. I.
(tanais.vadim@yandex.ru)

This publication is an expansion of a series of articles describing experimental studies of ceramics published in previous issues of «Vestnik of Tanais». Primarily the regional ceramics, made in Azak of the Golden Horde, has been investigated. Samples of pottery furnace walls, of tandoors fragments, bricks,

¹ Эта статья в своей основе является публикацией третьей части приложения № 1 («Методика и результаты экспериментальных исследований») с таблицами 5, 5А, 5Б, 5В и 5Г (в данной статье они соответствуют таблицам 1-5) из приложения № 2 («Статистические таблицы») к диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук «Гончарное ремесло золотоордынского Азака XIV в. (Опыт комплексного исследования технологии)» (Перевозчиков, 2004, с. 484-496, 588-624, рис. 61-67, 70).

experimental items, and of foreign ceramics have been used as stuff of comparison. Evaluation of density and specific volume of regional ceramics allowed concluding that potters of two first ceramics groups, having used different processing technologies, could get very close physical and practical properties of their respective products. Ceramics of the third Azak group by that assessment, as by the others (X-ray spectral and fluorescence analysis and water absorbability analysis), showed a dramatic difference (in physical characteristics) with two other groups. A common trend of regular (not defective) earthenware items, namely, the direct relationship between characteristics of its apparent and real density and specific volumes has been revealed. It is determined that formulations of molding compounds for manufacturing furnaces and those for manufacturing tandoors significantly differed. Baked bricks, having physical properties different from ceramics and furnace walls, demonstrated the more pronounced similarity of tandoors.

Key words: *water, water absorbability, foreign ceramics, «apparent» and «real» density and specific volume, groups of ceramic, ceramic pieces, regional ceramics, procedure, heating, porosity, walls of potter's furnaces and tandoors, drying, brick fragments, experiment, experimental ceramics.*

Данная статья продолжает серию публикаций экспериментальных исследований керамики (Перевозчиков, 2003, с. 56-72; Перевозчиков, 2007, с. 130-172; Перевозчиков, 2012, с. 190-228). Проведение данного эксперимента в свое время было задумано для проверки выводов, сделанных по результатам исследования керамического черепка на водопоглощаемость. Вначале из керамики, подвергнувшейся анализу на водопоглощаемость, была отобрана лишь часть. Но по мере отработки методики эксперимента и потребности ответить на целый ряд встающих в ходе его проведения вопросов в работу вводились все новые и новые образцы. В итоге в таблицу 1, в которой зафиксированы результаты данного исследования, вошло 118 образцов (рис. 2-8). Таким образом, основная часть экспериментального материала та же, что использовалась в исследовании керамики на водопоглощаемость (Перевозчиков, 2003, с. 56-66) и при рентгеноспектральном флуоресцентном анализе (Перевозчиков, 2007, с. 131-136, табл. 1). Отличие: был удален ряд однотипных образцов, а проявившиеся по итогам изучения керамики на водопоглощаемость «белые пятна» заполнены несколькими новыми, не использовавшимися в других экспериментах, экземплярами.

Эксперимент проводился по следующей методике (см. рис. 1). В течение 1 часа образцы сушились в газовой духовке при 120-150°C. Сразу после остывания они взвешивались с точностью 0,01 г. Затем нагревались в течение 0,5 часа до температуры 300° и сразу же погружались в холодную водопроводную воду, налитую предварительно до краев в банку, которая стояла в водосборной емкости. Последняя использовалась для сбора воды, вытесняемой при погружении фрагмента керамики. Через час банка с образцом переставлялась в кювету, стенки которой должны быть предварительно смочены². Вода из водосборной емкости вновь наливалась в ту же банку, из которой ранее была вытеснена погружаемым в нее фрагментом. Не поместившаяся при этом вода стекала в кювету, из которой, после аккуратного (чтобы не расплескать) удаления банки, сливалась в мерный цилиндр. Каждое деление последнего соответствовало 0,5 мл. Так устанавливался объем керамического черепка без учета открытых пор в мл (= см³)³.

На втором этапе еще мокрый черепок, у которого практически все открытые поры были заполнены водой, вновь все по той же методике погружался в банку, наполненную до краев, но

² Это обязательное условие, чтобы вытесненная образцом из банки вода не расходовалась на смачивание стенок кюветы.

³ Здесь нельзя не оговориться. Как показало исследование керамики на водопоглощаемость, значительно лучше, если бы образцы лежали в воде хотя бы еще 24 часа, потому что заполнение пор за 1 час полностью не заканчивается, даже по ускоренному методу (имеется в виду погружение в воду сильно нагретых образцов). Но в тех условиях, в которых данный эксперимент проводился, идеально его осуществить было нельзя, т. к. неизбежно присутствовал фактор испарения воды. Т.е., чем дольше вода находилась в открытой посуде (а в силу специфики исследуемого материала вся она имела широкое устье), тем ее становилось меньше. Это обязательно бы отразилось на результатах первого этапа эксперимента.

стоящую уже сразу в кювете. Вытесненная при погружении образца вода, как и в предыдущем случае, сливалась в мерный цилиндр. Так замерялся объем черепка вместе с открытыми порами (т.е. с учетом открытых пор). Когда известна масса и объем, можно по формулам⁴ вычислить такие значения, как плотность и удельный объем керамического черепка.

Все отобранные образцы анализировались не менее трех раз (большая их часть – от 5 до 7 раз). Это объясняется тем, что данный метод требует большой аккуратности и точности в соблюдении методики. При обработке последней было установлено, что на достоверность получаемых в ходе эксперимента данных влияют следующие факторы: поздние (в основном солевые) наслоения (отложения) на поверхности черепка⁵, вид лабораторной посуды⁶, форма и величина образца⁷, характер поверхности, на которой стоят емкости с водой⁸, температура нагревания анализируемой керамики⁹, температура воды, в которую погружаются нагретые до 300° образцы¹⁰ и, наконец, выдержка (время пребывания) образцов в воде после их погружения¹¹.

Таблица 1 включает все исследованные образцы. Первой в нее внесена керамика, производившаяся в самом золотоордынской Азаке (79 экз.), остальное – образцы стенок гончарных горнов (5 экз.) и тандыров (7 экз.), кирпичей (2 экз.), экспериментальных сосудов-новоделов и пробников (12 экз.), а также фрагменты импортной керамики (12 экз.). Таблица состоит из 11 вертикальных граф: 1) номер по порядку; 2) наименование образца, характеристика его черепка (цвет и примеси)¹² и техника изготовления¹³ сосуда; 3) полевой шифр, учетный номер по музейной документации; 4) шифр и номер керамической группы, к которой отнесен образец и № его рисунка (фотографии) в таблице иллюстраций; 5) масса образца после предварительного высушивания в г (m); 6) объем вытесненной образцом воды без учета открытых пор в мл (V); 7) объем вытесненной воды с учетом открытых пор в мл (V*); 8) плотность черепка «кажущаяся» (с учетом открытых пор) в мг/мл (ρ); 9) удельный объем черепка «кажущийся» (с учетом открытых пор) в мл/мг (v); 10) удельный объем черепка «истинный» (без учета открытых пор) в мл/мг (v*); 11) вес 1 см³ керамического черепка в г¹⁴.

⁴ $\rho = m/V$, где ρ – плотность (мг/мл), m – масса (в мг), V – объем (в мл), $v = V/m$, где v – удельный объем (мл/мг).

⁵ На отобранном для анализа образце их быть не должно.

⁶ Опробовались для этого граненые стаканы, фотобачки, кастрюли, фаянсовые и эмалированные кружки и т.п. В результате многочисленных проб и ошибок установлено, что наиболее оптимальными емкостями являются стандартные стеклянные банки для консервации продуктов емкостью от 0,1 до 1 л (в зависимости от размеров и формы образца). В качестве водосборных емкостей под банки с образцами предпочтительны чайные блюдца и др. небольшие чашечки из фаянса, фарфора и стекла, не впитывающие воду, а в качестве емкости, из которой вытесненная вода сливалась в мерный цилиндр, очень удобной оказалась пластмассовая фотокювета со специальным сливом в одном из ее четырех углов.

⁷ Желательно, чтобы он был достаточно большим, но вытянутой формы для (для беспрепятственного прохождения через горловину банки). Но такие образцы подобрать получается далеко не всегда. Иногда выбора практически нет (образец существует лишь в одном экземпляре). Поэтому в нашем эксперименте анализировались даже образцы, которые легко умещались в стограммовую баночку (причем с большим запасом).

⁸ Она должна быть совершенно плоской и строго горизонтальной.

⁹ Для всех анализируемых образцов перед их погружением в емкость с водой должна быть одной и той же.

¹⁰ Желательно, чтобы была хотя бы не выше комнатной.

¹¹ Для первого этапа эксперимента процедура замера объемов воды, если исследуется серия образцов, не должна очень сильно затягиваться. Поэтому их количество на цикл эксперимента не должно быть очень большим. На втором этапе, после стекания лишней воды, заполненная до краев банка с образцом должна сразу же удаляться из кюветы.

¹² Цвет поверхности и излома черепка, состав визуально наблюдаемых примесей указываются в данной таблице специально, т.к. они непосредственно связаны с цифровыми показателями плотности и удельного объема.

¹³ Техника изготовления различается в зависимости от того, к какой из выделенных в ходе экспериментальных исследований групп относится конкретный образец.

¹⁴ Эта величина аналогична величине «кажущейся» плотности в г/см³. Поэтому, чтобы не дублировать одинаковые цифры, она приводится в тексте статьи не будет.

Итоги анализа полученных в ходе эксперимента данных в систематизированном виде отражены в четырех цифровых таблицах 2-5. В цифровых таблицах, кроме тех итоговых данных, которые уже приведены в основной таблице 1, представлены также «истинная» плотность (ρ^*)¹⁵ и разница обоих удельных объемов ($v-v^*$)¹⁶.

* * *

Основная часть подвергшейся анализу **местной керамики** – материалы из 6 гончарных комплексов (всего – 67 образцов). В таблице 1 они размещены в соответствии с хронологией их археологических исследований вместе с отдельными находками – свидетельствами гончарного ремесла (фрагменты полуфабрикатов, бракованной продукции, сепай, фрагменты стенок горнов и др.) – из стационарных раскопов и из спасательных работ в строительных котлованах и траншеях на различных участках древнего города. Таблица 2 отражает результаты анализа полученных в ходе эксперимента данных.

Ниже по выделенным в уже перечислявшихся выше экспериментальных исследованиях группам и подгруппам приводятся средние значения «кажущейся» (ρ) и «истинной» (ρ^*) плотности, удельного объема с учетом (v) и без учета (v^*) открытых пор, а также разница «кажущегося» и «истинного» удельных объемов (по сути удельный объем открытых пор) керамического черепка ($v-v^*$).

Группа 1 (неполивная керамика – с черной прослойкой, включениями мелкодробленого шамота, как без ангоба и лощения, так и с красным ангобом и полосчатым лощением; изготовлялась на этапах РФК 3-7).

1. Археологический комплекс «*Измайлова-38-2000, жилище 2*». Анализировалось 7 образцов (рис. 7,1-6; табл. 1, 2 – №№ 73-79). Средняя «кажущаяся» плотность – ρ : абсолютная (сумма всех значений, деленная на их общее количество) – 1883 мг/мл, относительная (то же, но без учета наименьшего и наибольшего значения, как не типичных) – 1885 мг/мл. А если без учета ярко выраженного керамического брака¹⁷ – средняя $\rho = 1948$ мг/мл. Последняя величина, по-видимому, значительно ближе к типичной для готовой продукции, производившейся в гончарной мастерской, которую представляет данный комплекс. Средняя «истинная» плотность – ρ^* : абсолютная – 2618 мг/мл, относительная – 2662 мг/мл. Исключая явный брак, средняя $\rho^* = 2594$ мг/мл.

Средний удельный объем с учетом открытых пор – v : абсолютный – 0,532 мл/мг, относительный – 0,531 мл/мг. Средний удельный объем без учета открытых пор – v^* : абсолютный – 0,384 мл/мг, относительный – 0,381 мл/мг. Без учета явного брака: $v = 0,513$ мл/мг, $v^* = 0,389$ мл/мг. Расчет средней разницы удельных объемов ($v-v^*$) дал следующие результаты: абсолютная разница (удельный объем открытых пор) – 0,148 мл/мг, относительная – 0,154 мл/мг, без учета ярко выраженных браков – 0,123 мл/мг.

В рассматриваемой серии есть два фрагмента (№№ 73,74), продемонстрировавшие в ходе эксперимента очень низкую «истинную» плотность (ρ^*) – 2327 мг/мл, 2394 мг/мл и, соответственно, очень большой «истинный» удельный объем (v^*) – 0,430 мл/мг, 0,418 мл/мг, а также чрезвычайно маленький удельный объем открытых пор ($v-v^*$) – 0,082 и 0,087 мл/мг соответственно. Следует обратить внимание на черепок этих изделий. Если исключить тонкий поверхностный слой, у него радикально черный цвет и плотный «стекловидный» излом (с острыми резко выступающими

¹⁵ Понятие «истинная» плотность теоретически означает плотность без учета пор, в нашем случае без учета открытых пор.

¹⁶ Разница удельных объемов с учетом и без учета открытых пор объективно отражает удельный объем имеющихся в черепке открытых пор.

¹⁷ №№ 75-77 имеют крупные трещины, получившиеся в результате нарушений в режиме обжига. При этом у наименее плотного (№ 75) сохранилась даже черная прослойка в изломе, что свидетельствует о резком нарастании температуры в горне. У двух других такой прослойки нет, т.е. органика выгорела практически полностью.

ребрами). Такой его характер, как следует из модельного эксперимента (Перевозчиков, 2012, с. 201-202, 207-209), свидетельствует о большой органической примеси и особом режиме обжига, при котором черепок получался очень прочным, хорошо «спеченным». В результате открытых пор в черепке стало мало, чего, судя по «истинной» плотности, нельзя сказать о закрытых микропорах; именно это, очевидно, и объясняет такой большой удельный объем без учета открытых пор и такую маленькую разницу обоих объемов, а, следовательно, очень низкую открытую пористость. Как и следовало ожидать, у отмечавшихся выше ярко выраженных браков по результатам эксперимента значения далеки от стандартных (№№ 75-77): ρ^* – 2621 мг/мл, 2661 мг/мл, 2665 мг/мл (средняя – 2649 мг/мл); v^* – 0,382 мл/мл, 0,376 мл/мл, 0,375 мл/мл (средний – 0,378 мл/мл).

Вышеназванные «крайности», безусловно, сказались на средних показателях рассматриваемой подгруппы в целом. Если взять средние значения оставшихся двух предметов (№№ 78,79), то они будут выглядеть следующим образом: ρ – 1930 мг/мл, ρ^* – 2828 мг/мл, v – 0,518 мл/мл, v^* – 0,353 мл/мл, $v-v^*$ – 0,165 мл/мл, что очень близко к показателям двух нижеследующих подгрупп этой же группы. Именно эти образцы, по-видимому, отражают истинное положение дел для кондиционной продукции описываемой подгруппы (1.1) в целом.

2. Археологический комплекс «*Макаровского-5-1971, гончарные печи 1, 2*» – 9 образцов (рис. 2,2-11; табл.1, 2 – №№ 2-11). Средняя «кажущаяся» плотность (ρ): абсолютная – 1921 мг/мл, относительная – 1924 мг/мл. Средняя «истинная» плотность (ρ^*): абсолютная – 2831 мг/мл, относительная – 2841 мг/мл. Средний удельный объем с учетом открытых пор (v): абсолютный – 0,521 мл/мл, относительный – 0,520 мл/мл. Средний удельный объем без учета открытых пор (v^*): абсолютный – 0,353 мл/мл, относительный – 0,353 мл/мл. Средняя разница удельных объемов ($v-v^*$): абсолютная – 0,167 мл/мл, относительная – 0,167 мл/мл.

На общем фоне по своим показателям выделяется образец № 10. В его черепке наряду с теми же примесями, что и в других образцах, присутствуют также редкие мелкие и точечные оолитовые включения твердого черного минерала (рис. 2, 11). В сравнении с другими, у него низкая плотность (ρ – 1881 мг/мл, ρ^* – 2785 мг/мл) и большой удельный объем (v – 0,531 мл/мл, v^* – 0,359 мл/мл). Но такие его показатели объясняются, очевидно, не столько составом формовочной массы, сколько характером обжига¹⁸ (сквозной, равномерный; черепок без серой или черной прослойки).

3. Археологический комплекс «*Комсомольская-87-1989, яма-24, гончарные печи – 1,2*» – 13 образцов (рис. 5,9-14, 6,1-8; табл. 1,2 – №№ 53-65). Средние значения: ρ – абсолютная – 1934 мг/мл, относительная – 1934 мг/мл, ρ^* – абсолютная – 2861 мг/мл, относительная – 2862 мг/мл; v – абсолютный – 0,517 мл/мл, относительный – 0,517 мл/мл, v^* – абсолютный – 0,349 мл/мл, относительный – 0,349 мл/мл; разница удельных объемов ($v-v^*$) – абсолютная – 0,167 мл/мл, относительная – 0,167 мл/мл. Приведенные цифры красноречиво свидетельствуют, что эту серию, в сравнении с другими, отличает однородность и практически полное отсутствие разброса данных.

Теперь средние значения по трем подгруппам группы 1 в целом: средняя «кажущаяся» плотность (ρ): абсолютная – 1913 мг/мл, относительная – 1914 мг/мл; средняя «истинная» плотность (ρ^*): абсолютная – 2770 мг/мл, относительная – 2788 мг/мл.; средний удельный объем с учетом открытых пор (v): абсолютный – 0,523 мл/мл, относительный – 0,523 мл/мл; средний удельный объем без учета открытых пор (v^*): абсолютный – 0,362 мл/мл, относительный – 0,362 мл/мл; средняя разница удельных объемов ($v-v^*$): абсолютная – 0,161 мл/мл, относительная – 0,163 мл/мл. Сильное снижение плотности, рост «кажущегося» и падение «истинного» удельного объема, значительное уменьшение разницы удельных объемов относительно этих показателей по второй и третьей подгруппам объясняются преобладанием в серии из комплекса «*Измайлова-38-2000, жилище 2*» некондиционной (бракованной) керамики. Если взять средние значения по тем же позициям, но учитывая лишь данные второй и третьей подгрупп, то получатся следующие цифры: ρ абсолютная – 1927 мг/мл, относительная – 1929 мг/мл, ρ^* абсолютная – 2846 мг/мл, относительная – 2851 мг/мл; v

¹⁸Большой продолжительностью обжига или обжигом при более высокой, чем другие образцы, температуре.

абсолютный – 0,519 мл/мг, относительный – 0,518 мл/мг, v^* абсолютный – 0,351 мл/мг, относительный – 0,351 мл/мг; разница удельных объемов ($v-v^*$) абсолютная – 0,167 мл/мг, относительная – 0,167 мл/мг, т.е. значительно ближе к приведенным ниже данным по группе 2 в целом.

Группа 2 (неполивная и поливная керамика, в основном сквозного равномерного обжига, черепок – «красно-коричневый», с большой примесью песка; изготовлялась на этапах РФК 6-7).

1. Археологический комплекс «*Ленинградская-62-1982, раскоп-2, гончарная печь, яма-49*» – 7 образцов (рис. 3,8-14; табл. 1, 2 – №№ 24-30). Средняя «кажущаяся» плотность (ρ): абсолютная – 1947 мг/мл, относительная – 1949 мг/мл. Средняя «истинная» плотность (ρ^*): абсолютная – 2886 мг/мл, относительная – 2895 мг/мл. Средний удельный объем с учетом открытых пор (v): абсолютный – 0,513 мл/мг, относительный – 0,513 мл/мг. Средний удельный объем без учета открытых пор (v^*): абсолютный – 0,346 мл/мг, относительный – 0,346 мл/мг. Средняя разница удельных объемов ($v-v^*$): абсолютная – 0,167 мл/мг, относительная – 0,167 мл/мг.

Керамика данной подгруппы выделяется среди всех других большей плотностью и меньшим удельным объемом. На ее физических свойствах, несмотря на большее, чем у первой группы, время обжига, отразилось большое содержание песка в формовочной массе. Однако средняя разница удельных объемов такая же, как и во второй и третьей подгруппах первой группы.

2. Археологический комплекс «*Чехова-22-1975, гончарная печь 1, случ. нах.*» – 10 образцов (рис. 2,13-16, 3,1-6; табл. 1, 2 – №№ 12-22). Средние значения: ρ – абсолютная – 1931 мг/мл, относительная – 1931, мг/мл; ρ^* – абсолютная – 2880 мг/мл, относительная – 2878 мг/мл; v – абсолютный – 0,518 мл/мг, относительный – 0,517 мл/мг; v^* – абсолютный – 0,347 мл/мг, относительный – 0,347 мл/мг; средняя разница удельных объемов ($v-v^*$): абсолютная – 0,170 мл/мг, относительная – 0,170 мл/мг. Таким образом, и этот эксперимент, как и исследование на водопоглощаемость, показал, что керамический черепок продукции второй подгруппы второй группы в целом несколько менее плотный и соответственно более пористый, чем продукции первой подгруппы. Об этом наиболее ярко свидетельствует разница удельных объемов. Но в целом данные по подгруппе 2.2 практически полностью охватывают диапазон цифр по подгруппе 2.1, подтверждая тем самым, как это было и при исследовании керамики на водопоглощаемость (Перевозчиков, 2003, с. 66), объединение обеих подгрупп в общую группу.

Группа 3 (неполивная и поливная керамика, черепок – «светло-коричневый», сравнительно пористый, с включениями зерен песка, в т.ч. с полосчатым лощением, но без красного ангоба; изготовлялась на этапах РФК 6-7).

Представлена одним археологическим комплексом «*Газеты Известия-57-1988, гончарная печь*» – 16 образцов (рис. 4,2-11, 5,1-4,7; табл. 1, 2 – №№ 33-48).¹⁹ Средняя «кажущаяся» плотность (ρ): абсолютная – 1830 мг/мл, относительная – 1831, мг/мл. Средняя «истинная» плотность (ρ^*): абсолютная – 2787 мг/мл, относительная – 2787 мг/мл. Средний удельный объем с учетом открытых пор (v): абсолютный – 0,546 мл/мг, относительный – 0,546 мл/мг. Средний удельный объем без учета открытых пор (v^*): абсолютный – 0,359 мл/мг, относительный – 0,359 мл/мг. Средняя разница удельных объемов ($v-v^*$): абсолютная – 0,188 мл/мг, относительная – 0,188 мл/мг. Такое совпадение абсолютных и относительных значений говорит о достаточно полной и представительной выборке, а также о том, что получившиеся в результате замеров и подсчетов средние цифры являются далеко не случайными и объективно характеризуют группу в целом. Приведенные данные полностью подтверждают результаты анализа керамики этой группы на водопоглощаемость (Перевозчиков, 2003, с. 66-67).

¹⁹ В мастерской производилась как неполивная малоформатная, так и поливная столовая посуда (в том числе декорированная), а также керамика производственного назначения. Анализировались: из неполивных – фрагменты горшка, дигира, «молочника», маленькой афтобы; из полуфабрикатов (с белым ангобом) под поливные сосуды – фрагменты чаш; из поливных сосудов – фрагменты тувака, чаши; из керамики производственного назначения – фрагменты «колыбов» и сепай.

Распределение по выше выделенным керамическим группам единичных находок **«полуфабрикатов»**, происходящих из закрытых комплексов и культурного слоя Азака XIV века (рис. 2,1, 3,15, 6,10,12-14; табл. 1,2 – №№ 1,31,67,69-71), **печного припаса** (рис. 2,12, 4,1, 6,11,15; табл. 1,2 – №№ 11,32,68,72) и **кондиционной (без следов брака) керамической продукции**, использовавшейся в быту горожан (рис. 5,8, 7,9-13; табл. 1,2 – №№ 50,51,82-86), дало следующую картину.

№№ 50,51,82-85 – фрагменты неполивной керамики – по визуальным фиксируемым признакам (черепок, морфология, обработка поверхности) относятся к первой группе. Средняя «кажущаяся» плотность (ρ): абсолютная – 1939 мг/мл, относительная – 1940 мг/мл. Средняя «истинная» плотность (ρ^*): абсолютная – 2826 мг/мл, относительная – 2825 мг/мл. Средний удельный объем с учетом открытых пор (v): абсолютный – 0,516 мл/мг, относительный – 0,516 мл/мг. Средний удельный объем без учета открытых пор (v^*): абсолютный – 0,354 мл/мг, относительный – 0,353 мл/мг. Средняя разница удельных объемов ($v-v^*$): абсолютная – 0,162 мл/мг, относительная – 0,162 мл/мг. Данная выборка в целом имеет большую «кажущуюся» и сравнительно небольшую «истинную» плотность, меньший «кажущийся» и соответственно больший «истинный» удельный объем, чем в среднем по группе в целом. Разница удельных объемов, отражающая удельный объем открытых пор, практически такая же, как и средняя по группе, но значительно меньше, чем по среднему значению вместе взятых подгрупп 2 и 3²⁰. Эти расхождения вполне объяснимы: выборки из гончарных комплексов отличаются преобладанием перекаленной керамики, т.е. некондиционной (в отличие от использовавшейся в быту стандартной).

Факт значительных расхождений между удельными объемами открытых пор ($v-v^*$) и «истинной» плотностью в кондиционной керамике и браках из гончарных комплексов может свидетельствовать только о том, что в кондиционной керамике наряду с меньшим количеством (или объемом) открытых пор содержится заметно большее количество пор закрытых. А как выше уже отмечалось, для стандартной продукции первой группы характерно наличие в изломе черепка толстой черной прослойки. По-видимому, именно последняя, в основном, и содержит закрытые поры. Очевидно также, что отдельные образцы рассматриваемой выборки относятся к разным подгруппам первой группы, в том числе и к еще не выделенным (по находкам гончарных комплексов). Этим, собственно, и объясняются объективные трудности в распределении керамики данной серии по подгруппам.

№№ 1,31,67,69-71 – фрагменты полуфабрикатов под поливную керамику, № 86 – поливной сосуд и №№ 11,32,68,72 – «сепаи» – по внешним признакам соответствуют подгруппе 2 группы 2. Средние значения: ρ – абсолютная – 1936 мг/мл, относительная – 1937 мг/мл; ρ^* – абсолютная – 2856 мг/мл, относительная – 2856 мг/мл; v : абсолютный – 0,516 мл/мг, относительный – 0,516 мл/мг; v^* : абсолютный – 0,350 мл/мг, относительный – 0,350 мл/мг; средняя разница удельных объемов ($v-v^*$): абсолютная – 0,166 мл/мг, относительная – 0,166 мл/мг. Эта выборка вновь подтвердила, что суммарные данные по образующим подгруппы гончарным комплексам, в которых на результаты эксперимента сильное влияние оказали образцы перекаленной керамики (брак), объективно отличаются от данных по выборкам кондиционной керамики. По гончарным комплексам «кажущаяся» плотность меньше, а «истинная» больше, и, соответственно, «кажущийся» удельный объем больше, а «истинный» меньше. Разница же удельных объемов у серий из гончарных комплексов также больше, чем у выборок бытовой (кондиционной) керамики. Поэтому близкие к истине средние показатели плотности и удельных объемов керамики для второй подгруппы группы 2 в целом, по-видимому, демонстрирует все же не серия из комплекса «Чехова-22-1975», а

²⁰Из сделанного выше вывода только у этих двух подгрупп, в отличие от первой (в ней, за неимением другой, было подвергнуто исследованию много некондиционной керамики), полученные данные можно считать по-настоящему репрезентативными.

представленная в этом абзаце сборная выборка керамики, использовавшейся в быту горожан в XIV веке.

Полученные в ходе эксперимента данные выявили основную тенденцию для кондиционной керамики: чем выше «кажущаяся» плотность, тем выше и плотность «истинная», чем больше «кажущийся» удельный объем, тем больше и «истинный» удельный объем. Другая зависимость: чем меньше «кажущаяся» плотность, тем больше разница «кажущегося» и «истинного» удельных объемов, объективно отражающая пористость керамического черепка. Другими словами, последнюю величину можно называть удельным объемом открытых пор. Отклонения от этих закономерностей свидетельствуют либо о нарушениях технологии изготовления керамики (т.е. о браке), либо о специфических особенностях технологии изготовления данного вида керамики.

* * *

Измерение плотности и удельного объема **стенок гончарных горнов, тандыров и кирпичей** (рис. 3,7, 5,5, 6,9, 7,13-16, 8,1-6, 9,8,9; табл. 1,3 – №№ 23,49,66,80,81,87-94,107) полностью подтвердило результаты их исследования на водопоглощаемость (Перевозчиков, 2006, с. 482-483). Поэтому в корректировке распределения их по группам необходимости не возникло. Больше того, данный эксперимент продемонстрировал те же закономерности, но более выпукло, а также позволил сделать ряд новых полезных наблюдений. Данные по стенкам гончарных горнов: средняя «кажущаяся» плотность (ρ) составляет 1703 мг/мл, средняя «истинная» (ρ^*) – 2845 мг/мл; средний удельный объем: «кажущийся» (v) – 0,593 мл/мг, «истинный» (v^*) – 0,347 мл/мг; разница удельных объемов ($v-v^*$) – 0,246 мл/мг. По стенкам тандыров: ρ – 1741 мг/мл, ρ^* – 2626 мг/мл, v – 0,575 мл/мг, v^* – 0,381 мл/мг, $v-v^*$ – 0,194 мл/мг.

Сравнение полученной в ходе эксперимента информации по горнам и тандырам дает основание для ряда выводов, которые сделать по данным исследования на водопоглощаемость было невозможно. В частности, «кажущаяся» плотность стенок горнов заметно меньше этого же показателя у тандыров (на 38 мг/мл), но при этом у первых непропорционально больше (в сравнении с данными по «кажущейся» плотности), чем у вторых, «истинная» плотность (на 219 мг/мл). У первых – соответственно и закономерно больший «кажущийся» удельный объем (на 0,018 мл/мг) и значительно меньший «истинный» (на 0,034 мл/мг). А разница их удельных объемов ($v-v^*$) достигает 0,052 мл/мг. Эти цифры свидетельствуют как о большей открытой пористости стенок горнов, так и о наличии значительного количества закрытых пор в стенках тандыров, а также, возможно, о том, что материал, из которого состоят последние, имел в среднем невысокую «истинную» плотность. А следовательно, составы формовочных масс, из которых изготавливались горны и тандыры, были разными.

Замечено, что «истинные» плотность и удельный объем стенок горнов почти те же самые, что и у керамики второй подгруппы первой группы. Большую же при этом разницу в «кажущихся» плотности и удельном объеме основы и в удельном объеме открытых пор можно объяснить разной подготовкой формовочной массы и принципиально разным содержанием в ней органических примесей – как по количеству, так и по размерности включений. Стенки тандыров, напротив, ни по одному из показателей сходства с рассмотренными выше группами керамики не имеют. Это наводит на мысль, что тандыры изготавливались из формовочных масс, подготовленных по специфическим, свойственным только им рецептам, кардинально отличающимся от рецептов, по которым изготавливались стенки обжигательных камер горнов и, очевидно, создавали их мастера-профессионалы. Данные о подобной узкой специализации гончаров, изготавливавших тандыры, в этнографической литературе имеются (Екимова, 1959, с. 347; Джаббаров, 1959, с. 395; Агамалиева, 1987, с. 23). Что касается горнов, то их делали либо сами гончары, либо, так же, как и тандыры, особая группа строителей с использованием специальной, предназначенной для таких сооружений формовочной массы.

По известным формулам можно вычислить также «кажущиеся» плотность и удельный объем необожженных (сырцовых) кирпичей. Указанные характеристики сырцового кирпича из жилища XIV в. (рис. 9,8,9; табл. 1,3 – № 107): ρ – 2017 мг/мл, v – 0,595 мл/мг – резко отличают его от обожженных образцов. Совершенно другие показатели демонстрирует обожженный кирпич того же времени (рис. 8,6; табл. 1,3 – № 94): очень низкую, схожую с отдельными образцами стенок гончарных горнов «кажущуюся» плотность (1679 мг/мл) и почти такой же, как и средний по горнам, «кажущийся» удельный объем (0,595 мл/мг). По «истинным» же плотности (2533 мг/мл – очень маленькой) и удельному объему (0,395 мл/мг – очень большому) обожженный кирпич сильно выделяется на фоне керамики и стенок горнов, демонстрируя большую близость со стенками тандыров. Разница удельных объемов у него больше, чем у стенок тандыров, и меньше, чем у стенок горнов. Из вышесказанного следует, что обожженный кирпич отличается очень высокой открытой пористостью и одновременно имеет немалое количество закрытых пор, сравнимое со стенками тандыров, а его основу образуют компоненты, отличающиеся сравнительно невысокой плотностью. Таким образом, формовочная масса, из которой изготовлен обожженный кирпич, отличается от формовочных масс керамики, горнов и тандыров, являясь достаточно специфичной.

* * *

Следующая группа подвергшихся анализу образцов – это **экспериментальные изделия** из необожженного (Перевозчиков, 2007, рис. 17,1-9; Перевозчиков, 2012, рис.1,1-3) и обожженного сырья (местных глин и суглинков), а также обожженные образцы, изготовленные из различных формовочных масс. Начнем с материковых суглинков (рис. 9,1-7; табл. 1,4 – №№ 103-106). Плотность и удельный объем замерялись как у необожженных изделий, так и у обожженных, изготовленных из двух разных суглинков, условно названных «желтым» и «красно-бурым»²¹. В высушенном изделии до обжига их «кажущиеся» плотность и удельный объем были почти одинаковыми (2230 и 2220 мг/мл, 0,448 и 0,450 мл/мг – соответственно). Но после обжига эти же показатели изменились, но по-разному. У «желтого» суглинка²² «кажущаяся» плотность уменьшилась значительно меньше (на 389 мг/мл), чем у «красно-бурого» (на 441 мг/мл), соответственно у первого – значительно меньше (на 0,095 мл/мг), чем у второго (на 0,112 мл/мг), увеличился удельный объем. Та же картина у обоих образцов и с «истинной» плотностью: у «желтого» суглинка она больше (2715 мг/мл), у «красно-бурого» меньше (2588 мг/мл). При этом удельный объем их открытых пор получился примерно одинаковым (0,175 и 0,176 мл/мг соответственно). Учитывая, что условия (температура и время) обжига обоих образцов были одинаковыми, разницу в их плотностях и удельных объемах можно объяснить лишь разницей минерального и химического состава анализировавшихся суглинков (Перевозчиков, 2007, с. 137).

Исследовались также три экспериментальных образца из местной «темной» «красно-бурой» глины (без искусственных примесей) (Перевозчиков, 2012, рис. 1,1,2), обжигавшихся при 900°, но разное время (рис. 8,7-9; табл. 1,4 – №№ 95-97). Наибольшая «кажущаяся» плотность и наименьший «кажущийся» удельный объем у образца № 97, обжигавшегося меньше всех (60 мин.). Именно у него, в отличие от двух других, имеется толстая серо-коричневая прослойка с черными включениями (не до конца выгоревшая органика), которая все объясняет. У этого же образца самая большая «истинная» плотность и соответственно самый маленький «истинный» удельный объем, а также наименьший удельный объем открытых пор. Значительно меньшую плотность и больший удельный

²¹ Их характеристику см. в статьях: «Опыт применения рентгеноспектрального флуоресцентного анализа для реконструкции технологии производства, интерпретации и систематизации изделий из глины (по материалам из раскопок золотоордынского Азака)» (Перевозчиков, 2007, с.136-138, рис. 17,2-4), «К вопросу о модельном эксперименте в археологии (опыт использования физического моделирования для реконструкции отдельных этапов гончарного ремесла золотоордынского Азака)» (Перевозчиков, 2012, с. 206-207, рис. 12,7,8).

²²С большим содержанием карбонатов по сравнению с «красно-бурым» суглинком (Перевозчиков, 2007, с. 137, табл. 2 – Mat-1, Mat-2, 2a).

объем продемонстрировали образцы № 96 (обжигавшийся одновременно 180 мин.) и № 95 (позатпный обжиг с наращиванием температур по 100° через каждые 30 мин. от 100 до 900°, суммарное время обжига – 270 мин.). При этом у последнего образца эксперимент показал самый большой удельный объем открытых пор. Т.е. вновь подтвердились общие наблюдения, сделанные при исследовании на водопоглощаемость: чем больше время обжига, тем больше пористость, а соответственно и водопроницаемость керамического черепка²³ (Перевозчиков, 2003, с. 60-61).

Анализ двух других образцов – глина+песок+рогоз (рис. 8,13; табл. 1,4 – № 101) и глина+песок (рис. 8,10; табл. 1,4 – № 98), обжигавшихся при одинаковых технических условиях (150 мин. при 900°), выявил те же закономерности, что и исследование на водопоглощаемость. Плотность черепка экспериментального сосуда с песком намного больше плотности черепка сосуда с песком и рогозом, а соответственно удельный объем у первого меньше, а у второго больше. Разница «кажущегося» и «истинного» удельных объемов (другими словами, удельного объема открытых пор) также подтвердила результаты исследования на водопоглощаемость: образец с песком и рогозом более пористый, чем тот, в формовочную массу которого добавлен только песок.

Три других экспериментальных образца, представленных в таблицах 1 и 4 (рис. 8,11,12,14; табл. 1,4 – №№ 99,100,102), сравнивать между собой трудно, т.к. они обжигались разное время и при разных температурах. Но если посмотреть на результаты исследования их водопоглощаемости (Перевозчиков, 2003, с. 59; Перевозчиков, 2006, с.563, 564, 569), убеждаешься, что и данный эксперимент подтверждает отражение тех же закономерностей. Так, введенные в состав их формовочной массы зола (на определенном этапе температур обжига) и рогоз увеличивают пористость керамического черепка, а песок, наоборот, придает ему большую плотность. Именно поэтому самую высокую плотность и самый маленький удельный объем открытых пор демонстрирует образец из глины с песком и золой (№ 102), обжигавшийся, как и образец из глины с золой (№ 99), в два этапа по 30 мин., даже при большей (в общей сложности) температуре²⁴.

* * *

Для сравнения с местной керамикой кроме экспериментальных образцов анализировались также 11 образцов **импортной посуды**. Как и при исследовании керамики на водопоглощаемость, это керамика, привезенная из других археологических центров, представленная в этом опыте только двумя образцами (табл. 1, 5 – №№ 114,116) и керамика, происходящая из археологических раскопок и сборов на территории золотоордынского Азака (табл. 1, 5 – №№ 108-113,115,117,118).

Самая низкая «кажущаяся» плотность (1658 мг/мл) и соответственно самый высокий «кажущийся» удельный объем (0,603 мл/мг) оказались у образца, происходящего, по-видимому, с территории нынешнего Азербайджана (№ 111). При этом он имеет сравнительно высокую «истинную» плотность (2702 мг/мл) и соответствующий «истинный» удельный объем (0,370 мл/мг). В результате разница удельных объемов (0,233 мл/мг) показала очень высокую открытую пористость и практически полное отсутствие закрытых пор. Еще один образец (№ 118 – поливная керамика, Византия-?) дал цифры, выходящие за рамки общей закономерности. Его отличает, в сравнении с «кажущейся» плотностью (1882 мг/мл), непропорционально низкая «истинная» плотность (2561 мг/мл) и соответственно маленький удельный объем открытых пор (0,141 мл/мг). Этот факт можно объяснить только тем, что поры образца закрыты глазурью. Последняя покрывает как внутреннюю, так и внешнюю поверхности исследуемого фрагмента. Остальные 9 образцов импортной керамики полностью подчиняются сформулированной в заключительной части описания результатов экспериментальных исследований местной керамики общей закономерности, выражающейся в

²³Естественно, с учетом других условий: на определенном интервале температур и в зависимости от состава формовочной массы.

²⁴ А как мы уже знаем, чем выше температура обжига при одинаковых времени обжига и формовочной массе, тем черепок получается пористее (Перевозчиков, 2012, с. 60-62). И только благодаря примеси песка этого в данном случае не происходит. Т.е. песок общую закономерность нивелировал.

прямой зависимости между «кажущимися» и «истинными» плотностями и удельными объемами, и, соответственно, разницеми последних, особенно, когда речь идет о кондиционной керамике.

Из вышесказанного следует, что керамика Азака, несмотря на наличие в средневековом городе как минимум трех керамических школ, резко отличающихся друг от друга технологическими приемами производства керамической продукции, в целом достаточно специфична и имеет характерные физические показатели, выражающиеся в конкретных цифрах²⁵ (см. табл. 6). В частности: «**кажущаяся**» (с учетом открытых пор) **плотность** керамического черепка *первой группы*, без учета явных браков²⁶ – 1881-1950 мг/мл (средняя – 1928 мг/мл), *второй* – 1898-1966 мг/мл (средняя – 1937 мг/мл), *третьей* – 1795-1863 мг/мл (средняя – 1830 мг/мл); «**истинная**» (без учета открытых пор) **плотность** черепка *группы 1* (без учета явных браков) – 2782-2889 мг/мл (средняя – 2840 мг/мл), *группы 2* – 2797-2979 мг/мл (средняя – 2872 мг/мл), *группы 3* – 2745-2821 мг/мл (средняя – 2787 мг/мл); «**кажущийся**» **удельный объем** черепка *группы 1* (без учета явных браков) – 0,513-0,531 мл/мг (средний – 0,519 мл/мг), *группы 2* – 0,510-0,527 мл/мг (средний – 0,516 мл/мг), *группы 3* – 0,354-0,364 мл/мг (средний – 0,546 мл/мг); «**истинный**» **удельный объем** черепка *группы 1* (без учета явных браков) – 0,346-0,359 мл/мг (средний – 0,352 мл/мг), *группы 2* – 0,341-0,357 мл/мг (средний – 0,348 мл/мг), *группы 3* – 0,354-0,364 мл/мг (средний – 0,359 мл/мг); разница «кажущегося» и «истинного» удельных объемов (**удельный объем открытых пор**) *группы 1* – 0,161-0,172 мл/мг (средняя – 0,166 мл/мг), *группы 2* – 0,161-0,182 мл/мг (средняя – 0,168 мл/мг), *группы 3* – 0,183-0,193 мл/мг (средняя – 0,188 мл/мг).

Приведенные выше цифры подтверждают сделанный уже ранее на основании других экспериментальных исследований (Перевозчиков, 2006, с. 478, 526, 528) вывод о том, что гончары первых двух групп добивались при помощи разных технологических приемов очень близких физических и утилитарных свойств азацкой керамики. И все же средняя «кажущаяся» плотность керамики первой группы несколько меньше (на 9 мг/мл), чем у керамики группы 2²⁷. Значительно больше расхождений по «истинной» плотности. Наличие значительной примеси песка в черепке продукции второй группы не могло не сказаться на этом ее показателе, который на 32 мг/мл больше, чем у керамики из группы 1. Та же тенденция прослеживается и при сравнении удельных объемов обеих групп, только в меньших цифровых выражениях. А разницы этих же удельных объемов показывают, что, несмотря на более высокую плотность и значительно меньший удельный объем, керамика второй группы несколько более пористая, чем керамика из группы 1. Причина этого явления кроется, по всей вероятности, все в той же толстой черной прослойке²⁸ – «визитной карточке» керамики первой группы и, по-видимому, больших (в сравнении группой 1) времени и температуре обжига керамики группы 2. Этот вывод полностью согласуется с результатами других экспериментов (Перевозчиков, 2003, с. 60-63; Перевозчиков, 2012, с. 202-203, 207-209).

²⁵Справедливости ради следует отметить, что единичные образцы импортов по цифровым данным, полученным по итогам проведенного эксперимента, похожи на керамику отдельных керамических групп Азака. Так, фрагмент светлоглиняного горшка из раскопок на Водянском городище (№ 114) по плотности и удельному объему практически полностью совпал со средними значениями подгруппы 1.2. А фрагмент тулова сосуда закрытой формы с вертикальным полосчатым лощением из Маджара-? (№ 108), изготовленного на этапах РФК-4-5, по тем же показателям очень близок средним значениям подгруппы 2.1. Остальные образцы импортной керамики по полученным в ходе эксперимента данным практически ничем не схожи ни с одной из выделенных групп азацкой керамики. Да, некоторые из них имеют разницу удельных объемов такую же, как и у отдельных образцов группы 3, но получилась она от совершенно других показателей удельного объема (ср. по табл. 1, 2, 5 – №№ 35,42,43,48,112,115,116).

²⁶ №№ 73-77.

²⁷ Сравни с общими данными анализа на водопоглощаемость по группам в целом – похожий результат, только в весовых процентах, а именно: группа 1 – 12,7%, группа 2 – 13,3% (Перевозчиков, 2003, с. 65-66; Перевозчиков, 2006, с. 359).

²⁸ В этом случае поры в керамическом черепке не пустые (фактически еще не сформировавшиеся) – они «заполнены» не выгоревшей полностью органикой черного цвета.

Керамика третьей группы и в этом эксперименте показала свою «индивидуальность». Она резко выделялась на фоне первых двух групп низкими плотностями (особенно «кажущейся»), большими удельными объемами (особенно «кажущимся») и разницей последних (на 20-35 мл/мг больше, чем в других группах). Такие низкие плотности и сравнительно большой «истинный» удельный объем опосредованно свидетельствуют о сравнительной легкости черепка (что полностью соответствует действительности; сравни по столбцу 11 в таблице 1), а большая разница удельных объемов (удельный объем открытых пор) – о значительной (хорошо заметной даже визуально), в сравнении с другими группами, его пористости.

* * *

Итак, полученные в результате замеров плотности и удельного объема продукции местного гончарного ремесла Азака, экспериментальной и импортной керамики данные практически полностью подтвердили анализ этих же образцов на водопоглощаемость (Перевозчиков, 2003, с. 56-72) и вполне согласуются с их визуальной характеристикой (табл. 1; Перевозчиков, 2006, табл. 8). Выделенная еще при исследовании керамики на водопоглощаемость третья группа местной керамики Азака четко выделяется своими физическими характеристиками также по результатам данного исследования (см. табл. 1-6). По ряду физических характеристик подтвердились и различия между подгруппами в рамках первой и второй групп. Исследование бытовой керамики, происходящей из раскопок в разных частях города, вновь подтвердило, что в группах (и прежде всего в первой) возможно дальнейшее выделение новых подгрупп (особенно при исследовании остатков новых гончарных комплексов) с более дробными характеристиками. Это касается и гончарных горнов, тандыров и кирпичей.

Литература

- Агамалиева С.М. Гончарство Азербайджана (Историко-этнографическое исследование). – Баку: Элм, 1987. – 136 с.
- Джаббаров И. М. Новые материалы к истории гончарного ремесла Хорезма // ТХАЭЭ. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – Т. IV. Керамика Хорезма. – С. 379-396.
- Екимова В. В. Гончарное производство в Хивинском районе (По материалам поездки в Узбекистан в 1930 г.) // ТХАЭЭ. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – Т. IV. Керамика Хорезма. – С. 343-379.
- Перевозчиков В.И. Информативные возможности исследования керамики на водопоглощаемость (на материалах золотоордынского Азака, других археологических центров и экспериментальных образцах) // МИА СК. – Армавир: ЦАИ АГПИ, 2003. – Вып. 2. – С. 56-72.
- Перевозчиков В.И. Гончарное ремесло золотоордынского Азака. XIV в. (Опыт комплексного исследования технологии): Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. – Ростов-на-Дону, 2006. – 1006 с.
- Перевозчиков В.И. Опыт применения рентгеноспектрального флуоресцентного анализа для реконструкции технологии производства, интерпретации и систематизации изделий из глины (по материалам из раскопок золотоордынского Азака) // Вестник Танаиса. – 2007. – Вып. 2. – С. 130-172.
- Перевозчиков В.И. К вопросу о модельном эксперименте в археологии (опыт использования физического моделирования для реконструкции отдельных этапов гончарного ремесла золотоордынского Азака) // Вестник Танаиса. – 2012. – Вып. 3. – С. 190-228.

ТАБЛИЦА 1

**ОБЩИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ ПЛОТНОСТИ И УДЕЛЬНОГО ОБЪЕМА
МЕСТНОЙ КЕРАМИКИ (брак, полуфабрикаты, готовая продукция), КЕРАМИЧЕСКИХ ИМПОРТОВ И
ОТДЕЛЬНЫХ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫХ ОБРАЗЦОВ (из местного сырья)**

№№ л.п.	Наименование образца и визуальная характеристика его черепка (поверхность, излом, естественные и искусственные примеси). Техника конструирования сосуда	Глазурь образца (голубой шпгр, учетное обозначение, проектирование)	№ (на- именова ние) кер. группы, № рис.	Масса m (в г)	Объем (в мл = см ³)		Плот- ность ρ (кг/мл)	Удельный объем (мл/кг)		Вес 1 см ³ (в г)
					V	V*		v	v*	
1	Фр-т венчика с частью бортика миски-полуфабриката с белым ангобом (без поливы). Черепок: поверхность – светло-бежевая (ангоб), излом – трехслойный – коричневый с розовато-коричневой прослойкой, с частыми мельчайшими окатанными зернами леска, относительно редкими мельчайшими блестящими единичными мелкими и редкими точечными и мельчайшими белыми (карбонат) включениями. Круг.	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1	Фр-т венчика с частью бортика миски-полуфабриката с белым ангобом (без поливы). Черепок: поверхность – светло-бежевая (ангоб), излом – трехслойный – коричневый с розовато-коричневой прослойкой, с частыми мельчайшими окатанными зернами леска, относительно редкими мельчайшими блестящими единичными мелкими и редкими точечными и мельчайшими белыми (карбонат) включениями. Круг.	Аз.-1960-е гг. Случ. нах.	2,2(?)	11,46	5,9	4,0	1941	0,515	0,349	1,94
2	Фр-т горловины с верхней частью тулова широкогорлого горшкообразного сосуда без ангоба и пощения. Черепок: поверхность – серовато-коричневая, излом – рыжеватое-светло-коричневый с черной прослойкой, со сравнительно редкими вкл. очень мелкодробленого шамолта оранжевато-бледно-темно-розового цвета, частыми точечными и мельчайшими рыхлыми окатанными охристыми (коричнево-темно-розовым) вкл., частыми точечными и мельчайшими блестящими слюдами и редкими точечными и мельчайшими черными вкл. Круг.	Аз.-1971, Мак-5, АКМ КВФ-11848/26. Раскопки Галкина	1,2	31,06	16,2	10,9	1917	0,522	0,351	1,92
3	Фр-т горла с верхней частью ручки артобы с красным ангобом. Черепок: поверхность – бледно-темно-розовая (ангоб) «снаружи» и розовато-бледно-коричневый «изнутри»; излом горла – бледно-коричневый с оранжеватым оттенком, излом ручки – многослойный – темно-коричневый по периметру «снаружи», затем коричнево-розовый, а в середине серо(по краям) – черной(в центре); со сравнительно частыми вкл. очень мелкодробленого шамолта бледно-темно-розового цвета, частыми точечными и мельчайшими блестящими слюдами, единичными прозрачными окатанными мельчайшими зернами леска, единичными мельчайшими белыми (карбонат) и единичными точечными черными вкл. Круг.	Аз.-1971, Мак-5, печь-2. Раскопки Галкина	1,2	12,8	6,6	4,5	1939	0,516	0,351	1,94
4	Фр-т бортика миски с очень тонким и частым полосчатым диагонально-ромбическим лощением на внешней стороне. Черепок: поверхность – снаружи розовато-бледно-коричневая, внутри коричнево-розовая; излом – бледно-розово-коричневый снаружи и рыжеватое-светло-коричневый изнутри; с частыми вкл. мелкодробленого шамолта бледно-темно-розового цвета, частыми точечными и мельчайшими блестящими единичными мельчайшими белыми (карбонат) вкл. Круг.	Аз.-1971, Мак-5, печь-2, № 62. Раскопки Галкина	1,2	15,28	8,0	5,4	1910	0,524	0,353	1,91
5	Полный профиль бракованной (деформированной) копки без ангоба и лощения, с отпечатками крупнорубленой растительности и налипшей глиняной крошкой на дне. Черепок: поверхность – светло-коричневая с розоватым оттенком; излом – рыжеватое-бледно-коричневый; со сравнительно частыми вкл. мелкодробленого (от 0,1 до 1,5 мм) шамолта оранжево- и бледно-темно-коричневого цвета, редкими точечными и мельчайшими охристыми (бледно-розовыми и коричнево-темно-розовым) включениями, частыми мельчайшими блестящими слюдами, единичными прозрачными мельчайшими окатанными зернами леска, сравнительно редкими мелкими и точечными твердыми и рыхлыми черными и темно-коричневыми вкл. Круг.	Аз.-1971, Мак-5, печь-2, № 178. АКМ КП-26064/30. Раскопки Галкина	1,2	114,38	59,6	40,4	1919	0,521	0,353	1,92
6	Фр-т бортика с частью тулова миски с в. п. л. по красному ангобу. Черепок: поверхность – темно-розовая с небрежным в. п. л. снаружи и темно-розовая без лощения изнутри; излом – верху оранжевато-коричневый с коричнево-светло-серой прослойкой, которая постепенно темнеет становясь в средней части тулова черной; АКМ КВФ-11848/38.	Аз.-1971, Мак-5, печь-2. АКМ КВФ-11848/38.	1,2	55,75	29,0	19,5	1922	0,520	0,350	1,92

	со сравнительно частыми вкл. мелкодробленого <i>шамота</i> темно-розово-коричневого цвета, относительно частыми рыхлыми <i>охристыми</i> (коричнево-темно-розовыми) вкл., частыми точечными и мельчайшими блестящими слюдами, единичными прозрачными бесцветными мельчайшими окатанными зернами песка, единичными крупными вкл. светло-голубого цвета (<i>обгоревшая кость?</i>) и единичными мельчайшими светлого-бежевыми (<i>карбонаты</i>) вкл. Круг.	Раскопки Галкина П.Л.	6,7							
7	Фр-т бортика с частью тулова «яма» с тончайшим слоем красного ангоба (?). Черепок: поверхность – розово-коричневая (местами бледно-светло-коричневая); излом – коричневым; со сравнительно частыми вкл. мелкодробленого <i>шамота</i> оранжево-коричневого и бледно-розового цвета, сравнительно редкими точечными и окатанными зернами песка, частыми рыхлыми <i>охристыми</i> (красно-коричневыми) вкл., единичными мельчайшими окатанными блестящими слюдами, единичными мелкими, точечными и мельчайшими светлого-бежевыми (<i>карбонаты</i>) и редкими мелкими и точечными рыхлыми черными и темно-коричневыми вкл. Круг.	Аз.-1971, Мак-5, печь-1, № 27. АКМ КВФ-11848/30. Раскопки Галкина П.Л.	1,2 Рис. 2, 8	44,5	31,0	1927	0,519	0,354	1,93	
8	Фр-т муфты с частью тулова трубы-кубура без ангоба и лощения, с сохранившимися следами сочленения морфологических частей на внутренней стороне. Черепок: поверхность – серая; излом – 5-слойный – оранжево-коричневый с темно-серой прослойкой посередине в обрамлении светло-коричневых прослоек; с относительно частыми вкл. мелкодробленого <i>шамота</i> оранжево-коричневого цвета, частыми точечными и мельчайшими рыхлыми <i>охристыми</i> (коричнево-темно-розовыми) вкл., частыми мельчайшими блестящими слюдами, единичными точечными голубовато-белыми (<i>обгоревшая кость?</i>) и единичными мельчайшими белыми (<i>карбонаты</i>) и очень редкими мелкими и точечными рыхлыми черными и темно-коричневыми вкл. Скульптурная лепка. Круг.	Аз.-1971, Мак-5, печь-2, № 56. АКМ КП-26064/43. Раскопки Галкина П.Л.	1,2 Рис. 2, 9	72,0	49,5	1936	0,517	0,355	1,94	
9	Фр-ты шара-попрузишки со сплошным лощением по красному ангобу и свозными подцилиндрическими отверстиями. Черепок: плотный, поверхность – красно-коричневая снаружи и серовато-коричневая внутри (с многочисленными отпечатками мелкодробленой растительности); излом – 4-слойный – оранжево-коричневый снаружи, далее розово-коричневый тонкий и бледно-темно-серый толстый и, наконец, розовато-бледно-коричневый с внутренней стороны стенки, со сравнительно редкими вкл. очень мелко дробленого <i>шамота</i> (в основном, мельчайшие частицы) бледно-розового и оранжево-светло-коричневого цвета, очень частыми, покрывающими поверхность черепка почти сплошным слоем, точечными и мельчайшими серебристыми блестящими слюдами, единичными мельчайшими светлого-бежевыми (<i>карбонаты</i>) вкл.	Аз.-1971, Мак-5, печь-2, № 11. АКМ КП-26064/48. Раскопки Галкина П.Л.	1,2 Рис. 2, 10	24,0	16,5	1942	0,515	0,354	1,94	
10	Фр-т средней части тулова бракованной афтобы (?), без ангоба и лощения с горизонтальным поясом округлых вдавлений, обрамленных парой горизонтальных врезных линий, на месте максимального диаметра тулова. Черепок: поверхность – рыхло-розовато-светло-коричневая с единичными лакунами от выгоревших растительных частиц на внешней стороне; излом – светло-коричневый; со сравнительно редкими вкл. очень мелкодробленого <i>шамота</i> оранжево-темно-розового и темно-коричневого цвета, сравнительно частыми точечными и мельчайшими рыхлыми <i>охристыми</i> (коричнево-темно-розовыми) вкл., частыми мельчайшими блестящими слюдами и сравнительно редкими мелкими и точечными твердыми оолитовыми вкл. черного минерала. Круг.	Аз.-1971, Мак-5, печь-2, № 104. АКМ КП-26064/45. Раскопки Галкина П.Л.	1,2 Рис. 2, 11	18,5	12,5	1881	0,531	0,359	1,88	
11	Слая без одного луча и натеков поливы. Черепок: поверхность – серая; излом – серо-темно-коричневый (по периметру) с толстой бледно-розовой сердцевинной в бежево-светло-коричневом обрамлении; с относительно частыми мельчайшими окатанными зернами песка, сравнительно редкими мельчайшими блестящими слюдами, редкими точечными и относительно частыми мельчайшими белыми и светлого-бежевыми (<i>карбонаты</i>) вкл. Лепка П.Л.	Аз.-1971, Мак-5, яма-10, № 231. АКМ КВФ-26064/44. Раскопки Галкина П.Л.	2,2(?) Рис. 2, 12	26,0	17,6	1907	0,524	0,355	1,91	
12	Фр-т тулова бракованного (пережог, треснул при обжиге) горшка с редким мелким рифлением Черепок: поверхность – оранжево-коричневая, излом – оранжево-коричневый с толстой бледно-темно-розовой прослойкой (местами с тонкой серой прослойкой посередине), с редкими точечными и частыми мельчайшими прозрачными бесцветными и непрозрачными белыми и серыми окатанными зернами песка, сравнительно редкими мельчайшими блестящими слюдами, редкими мелкими и точечными рыхлыми черными и очень редкими мелкими и точечными серовато-белыми (<i>карбонаты</i>) вкл. Круг.	Аз.-1975, Чех-22, Д, Б, котл., случ. нах., б/н. Раскопки Фомичева Н.М.	2,2 Рис. 2, 13	10,1	6,8	1911	0,523	0,352	1,91	

13	Дно с придонной частью тулова бракованного дигира без ангоба и лощения. Черепок: поверхность – коричнево-темно-розовая, излом – розовато-оранжево-коричневый, с редкими точечными и частыми мельчайшими прозрачными бесцветными и непрозрачными белыми и серыми окатанными зернами песка , единичными точечными и сравнительно редкими мельчайшими блестками слюды , очень редкими мелкими и точечными и относительно редкими мельчайшими серовато-белыми и бежевыми (карбонаты) вкл, сравнительно редкими точечными и мелкими вкл. темно-серых и черных частиц. Круг.	Аз.-1975, Чех.-22, Д. Б., котл., печь № 1, обж. кам. АКМ КП-16200/1807.	Раскопки Фомичева Н.М.	2.2 Рис. 2, 14	96,79	51,0	34,6	1898	0,527	0,357	1,9
14	Фр-т тулова бракованного (перекат) «молодчика» (без ангоба, лощения и поливы). Черепок: поверхность – серо-коричневая, излом – коричнево-темно-розовая с толстой не однородной бледно-темно-розовой прослойкой, местами с бледно-розовой сердцевинной, с частыми точечными и мельчайшими непрозрачными белыми и редкими непрозрачными серыми окатанными зернами песка , относительно частыми мельчайшими блестками слюды , относительно редкими мелкими и редкими точечными рыхлыми черными и единичными мелкими и очень редкими точечными и мельчайшими белыми (карбонаты) вкл. Круг.	Аз.-1975, Чех.-22, Д. Б., котл., случ. нах., бн.	Раскопки Фомичева Н.М.	2.2 Рис. 2, 15	48,13	24,8	16,6	1940	0,515	0,345	1,94
15	Фр-т дна с придонной частью тулова бракованного (перекат) кувшинчика (без ангоба, лощения и поливы). Черепок: поверхность – местами бледно-розово-коричневая, местами бледно-серовато-коричневая, излом – бледно-коричневый с оранжеватым оттенком, с частыми мельчайшими и точечными непрозрачными белыми и редкими окатанными зернами песка , относительно частыми мельчайшими блестками слюды , редкими точечными рыхлыми черными и очень редкими точечными и мельчайшими серовато-белыми (карбонаты) вкл. Круг.	Аз.-1975, Чех.-22, Д. Б., котл., случ. нах., бн.	Раскопки Фомичева Н.М.	2.2 Рис. 2, 16	61,8	32,2	21,8	1919	0,521	0,353	1,92
16	Дно с придонной частью тулова чаши-полуфабриката «сграфито» (без поливы). Черепок: поверхность – не однородная – снаружи местами черная, местами коричнево-черная, под ангобом изнутри серо-темно-коричневая, излом – темно-коричневый с коричнево-темно-розовой прослойкой, с частыми мельчайшими и точечными непрозрачными серыми и белыми окатанными зернами песка , сравнительно редкими мельчайшими блестками слюды и единичными мелкими и редкими точечными и мельчайшими белыми и бежевыми (карбонаты) вкл. Круг.	Аз.-1975, Чех.-22, Д. Б., котл., печь № 1, обж. кам.	Раскопки Фомичева Н.М.	2.2 Рис. 3, 1	128,75	66,5	45,1	1936	0,516	0,350	1,94
17	Фр-т диагонально отогнутого наружу бортика-венчика с верхней частью тулова плавильно-плавильной «сграфито» (без поливы). Черепок: поверхность – розовато-коричневый, ангоб – светло-бежевый; излом – оранжево-коричневый, с частыми мельчайшими непрозрачными светло-серыми и точечными непрозрачными белыми и светло-серыми окатанными зернами песка , сравнительно редкими мельчайшими блестками слюды , редкими точечными и мельчайшими рыхлыми черными и единичными мелкими и мельчайшими белыми (карбонаты) вкл. Круг.	Аз.-1975, Чех.-22, Д. Б., котл., печь № 1, обж. кам.	Раскопки Фомичева Н.М.	2.2 Рис. 3, 2	23,77	12,2	8,3	1948	0,513	0,348	1,95
18	Фр-т дна с придонной частью тулова тувака с зеленой поливой по б/ангобу только на внутренней стороне. Черепок: поверхность – не однородная – от серовато-коричневого до светло-коричневого; излом – не однородный – от розовато-оранжево-коричневого до темно-серого, с частыми мельчайшими непрозрачными белыми и серыми окатанными зернами песка , сравнительно редкими мельчайшими блестками слюды , редкими рыхлыми черными и единичными мелкими и редкими точечными и мельчайшими серовато-белыми и бежевыми (карбонаты) вкл. Круг.	Аз.-1975, Чех.-22, Д. Б., котл., печь № 1, АКМ КП-16200/8246	Раскопки Фомичева Н.М.	2.2 Рис. 3, 3	50,27	25,6	17,5	1964	0,509	0,348	1,96
19	Дно с придонной частью тулова бракованной (перекат) миски с росписью белым непосредственно по черепку под зеленой поливой. Черепок: поверхность – коричнево-темно-розовая; излом – коричнево-темно-розовый, с редкими точечными прозрачными и полупрозрачными бесцветными и частыми точечными и мельчайшими непрозрачными белыми и серыми окатанными зернами песка , относительно частыми мельчайшими блестками слюды , очень редкими мелкими и редкими точечными и мельчайшими рыхлыми черными и единичными белыми (карбонаты) вкл. Круг.	Аз.-1975, Чех.-22, Д. Б., котл., печь № 1, АКМ КП-16200/656	Раскопки Фомичева Н.М.	не анализировался Рис. 3, 4							
20	Сепя (без одного луча) с поливой оливкового (темно-бледно-зеленого) цвета на «шиплах». Черепок: поверхность – от черно-коричневого до темно-серого цвета; излом – розовато-темно-коричневый, с единичными точечными и частыми мельчайшими непрозрачными серыми окатанными зернами песка , сравнительно редкими мельчайшими блестками слюды и очень редкими рыхлыми черными и единичными белыми (карбонаты) вкл. Лепка.	Аз.-1975, Чех.-22, Д. Б., котл., печь № 1, обж. кам. АКМ КП-16200/745.	Раскопки Фомичева Н.М.	2.2 Рис. 3, 5	48,31	24,9	16,7	1940	0,515	0,346	1,94

21	Основная часть колбы для изготовления конусовидных напелов (с каннелюрами) для гулябданов. Черепок: поверхность – серо-коричневая, грубая (не заглаженная) снаружи; излом – коричневатый; с редкими точечными прозрачными бесцветными и частыми мельчайшими непрозрачными белыми и серыми окатанными зернами песка, относительно частыми мельчайшими блестящими слюдами, очень редкими точечными черными рыхлыми и единичными точечными белыми (карбонаты) вкл. Лепка. Штамповка.	Аз.-1975, Чех.-22, Д. Б., котл., случ. нах. АКМ КП-16200/2423 Раскопки Фомичева Н.М.	2.2 Рис. 3,6	48,26	25,0	16,2	1930	0,518	0,336	1,93
22	Колбы для изготовления конусовидных напелов (с каннелюрами) для гулябданов. Черепок: поверхность – серо-коричневая, излом – коричневатый; с редкими точечными прозрачными бесцветными и частыми мельчайшими непрозрачными белыми и серыми окатанными зернами песка, относительно частыми мельчайшими блестящими слюдами, относительно частыми мельчайшими белыми (карбонаты) вкл. Лепка. Штамповка.	Аз.-1975, Чех.-22, Д. Б., котл., случ. нах. АКМ КП-16200/2482 Раскопки Фомичева Н.М.	2.2 Рис. 3,6	46,06	23,9	15,5	1927	0,519	0,337	1,93
23	Фр-т стенки гончарного горна. Черепок: пористый; поверхность внутри – серо-розо-коричневая с отпечатками и лагунами от выгоревших растительных частиц; излом – неоднотонный – изнутри оранжево-светло-коричневый, снаружи светло-коричневый, с частыми разновеликими лагунами от выгоревших растительных частиц, с редкими точечными прозрачными бесцветными и сравнительно частыми мельчайшими непрозрачными белыми и светло-серыми окатанными зернами песка, редкими мельчайшими блестящими слюдами, единичными (возможно случайными) вкл. мелкодробленого шамолта красноато-коричневого цвета и единичными мелкими и сравнительно редкими точечными и мельчайшими белыми (карбонаты) вкл. Скульптурная лепка.	Аз.-1975, Чех.-22, Д. Б., котл., печь № 1, б/н. Раскопки Фомичева Н.М.	Г-2.2 Рис. 3,7	20,31	12,0	7,5	1692	0,591	0,369	1,69
24	Горло с верхней частью тулова и ручкой афтобы без ангоба и лощения. Черепок: поверхность – розовато-светло-коричневая; излом – оранжевато-бледно-коричневый, с частыми мельчайшими полупрозрачными бесцветными и серыми окатанными зернами песка, сравнительно редкими мельчайшими блестящими слюдами, единичными точечными белыми (карбонаты) вкл. Круг.	Аз.-1982, Л-я, р-2, яма-49, б/н. Раскопки Чалого В.В.	2.1 Рис. 3,8	184,85	94,5	63,0	1956	0,511	0,341	1,95
25	Фр-т нижней части горла с верхней частью тулова кувшина без ангоба и лощения. Черепок: поверхность – розовато-розово-коричневая, излом – оранжевато-светло-коричневый, с частыми мельчайшими полупрозрачными бесцветными и сероватыми окатанными зернами песка, редкими мельчайшими блестящими слюдами, единичными мелкими рыхлыми черными и единичными очечными белыми (карбонаты) вкл. Круг.	Аз.-1982, Л-я, р-2, яма-49, АКМ КВФ-11503/437. Раскопки Чалого В.В.	2.1 Рис. 3,9	57,43	29,2	19,8	1966	0,508	0,345	1,97
26	Фр-т нижней части тулова со следами обреза ножом (в придонной части) сосуда з. ф. без ангоба и лощения. Черепок: поверхность – бледно-светло-коричневая с розоватым оттенком; излом – оранжевато-бледно-коричневый, с частыми мельчайшими полупрозрачными бесцветными и сероватыми окатанными зернами песка, сравнительно редкими мельчайшими блестящими слюдами. Круг.	Аз.-1982, Л-я, р-2, яма-49, б/н. Раскопки Чалого В.В.	2.1 Рис. 3,10	47,38	24,3	16,5	1950	0,513	0,348	1,95
27	Фр-т верхней части тулова кувшина (?) без ангоба и лощения. Черепок: поверхность – розовато-бледно-коричневая снаружи и оранжевато-коричневая внутри; излом – не однотонный – розовато-светло-коричневый снаружи, толстый розово-темно-коричневый «посередине» и очень тонкий розово-светло-коричневый изнутри, с частыми полупрозрачными бесцветными и непрозрачными серыми окатанными зернами песка, редкими мельчайшими блестящими слюдами, редкими точечными и частыми мельчайшими белыми (карбонаты) вкл. и редкими очень мелкими обломочными (остроугольными) включениями черного минерала. Круг.	Аз.-1982, Л-я – 62, р-2, яма-49, б/н. Раскопки Чалого В.В.	2.1 Рис. 3,11	32,25	16,8	11,4	1920	0,521	0,353	1,92
28	Фр-т средней части тулова афтобы (?). Черепок: поверхность – серовато-бледно-коричневая с розоватым оттенком, излом – коричневатый с розоватым оттенком, с частыми мельчайшими прозрачными и полупрозрачными бесцветными и непрозрачными белыми окатанными зернами песка относительно частыми мельчайшими блестящими слюдами и редкими мельчайшими белыми (карбонаты) вкл. Круг.	Аз.-1982, Л-я – 62, р-2, яма-49, б/н. Раскопки Чалого В.В.	2.1 Рис. 3,12	76,27	39,3	26,4	1941	0,515	0,346	1,94
29	Фр-т бортика с верхней частью тулова миски. Черепок: поверхность – розово-светло-коричневая снаружи и бледно-розово-коричневая внутри, излом – оранжевато-светло-коричневый, с частыми мельчайшими полупрозрачными бесцветными и непрозрачными серыми окатанными зернами песка, частыми мельчайшими блестящими слюдами, редкими точечными и мельчайшими белыми (карбонаты) включениями и очень редкими мелкими и точечными остроугольными обломками черного минерала. Круг.	Аз.-1982, Л-я – 62, р-2, яма-49, б/н. Раскопки Чалого В.В.	2.1 Рис. 3,13	23,63	12,2	8,2	1937	0,516	0,347	1,93
30	Фр-т бортика с частью тулова миски без ангоба и лощения. Черепок: поверхность – серовато-бледно-коричневая, излом – бледно-коричневый, с частыми мельчайшими полупрозрачными бесцветными и	Аз.-1982, Л-я – 62, р-2, яма-49, шт. 5, б/н.	2.1	55,33	28,2	19,1	1962	0,510	0,345	1,96

	непрозрачными серыми окатанными зернами песка , относительно частыми мельчайшими блестящими слюдами, ед. точечными и мельчайшими белыми (карбонаты) вкл. и ед. мелкими обломками черного минерала. Круг.	Раскопки Чалого В.В.	Рис. 3, 14							
31	Фр-т миски-полуфабриката «страффито» (без поливы). Черепок: поверхность – серо-темно-коричневая; излом – оранжево-коричневый, с частыми мельчайшими полупрозрачными бесцветными и сероватыми окатанными зернами песка , относительно частыми мельчайшими блестящими слюдами, единичными мелкими и точечными рыхлыми черными и точечными белыми (карбонаты) вкл. Круг.	Аз.-1986. Лун., тр., яма-3. АКМ КП2429/1 Раскопки Гудименко И.В.	2.2(?) Рис. 3, 15	21,0	10,8	7,3	1938	0,516	0,349	1,94
32	Сепая, покрытая ангобом бежевого цвета, с натеками зеленой поливы. Излом – розово-коричневый с бледно-коричневой сердцевинкой, с частыми мельчайшими окатанными зернами песка , сравнительно редкими мельчайшими блестящими слюдами, сравнительно частыми точечными белыми (карбонаты) вкл. и очень редкими мелкими вкл. зерен черного минерала с окатанными гранями. Лепка.	Аз.-1986. Лун., тр., яма-3. АКМ КП2429/1 Раскопки Гудименко И.В.	2.2(?) Рис. 4, 1	32,84	17,0	11,5	1931	0,518	0,351	1,93
33	Фр-т низа горла с верхней частью тулова афтобы без ангоба и лощения. Черепок: поверхность – бледно-светло-коричневая, излом – светло-коричневый с розоватым оттенком, с относительно частыми мельчайшими непрозрачными серыми и белыми окатанными зернами песка , сравнительно редкими блестящими слюдами и частыми мельчайшими светло-бежевыми (карбонаты) вкл. Круг.	Аз.-1988. Г. Изв.-57, тр-я, г. п., обж. кам. АКМ КВФ-115/14/44. Раскопки Перевозчикова В.И.	3 Рис. 4, 2	44,5	24,1	15,8	1846	0,542	0,356	1,85
34	Фр-т тулова афтобы с в. п. л. и бежевым налетом. Черепок: поверхность – снаружи светло-бежевая (почти белая), изнутри оранжево-светло-коричневая с розоватым оттенком; излом – розово-оранжево-светло-коричневый, с относительно частыми мельчайшими непрозрачными белыми и серыми окатанными зернами песка , относительно частыми мельчайшими блестящими слюдами, единичными мелкими и очень редкими точечными и мельчайшими серовато-белыми (карбонаты) вкл., очень редкими крупными конкрециями темно-серого минерала. Круг.	Перевозчикова В.И. Аз.-1988. Г. Изв.-57, тр-я, г. п., обж. кам., б/н. Раскопки Перевозчикова В.И.	3 Рис. 4, 3	52,7	29,2	19,2	1805	0,554	0,364	1,80
35	Фр-т тулова горшка с редким неглубоким рифлением. Черепок: поверхность – светло-коричневая (снаружи) и серовато-светло-коричневая с розоватым оттенком (изнутри); излом – светло-коричневый со слабо заметным розоватым оттенком, с частыми мельчайшими окатанными прозрачными бесцветными и матовыми белыми и серыми зернами песка , относительно частыми мельчайшими блестящими слюдами, единичными белыми и белыми (карбонаты) вкл. Круг.	Аз.-1988. Г. Изв.-57, тр-я, г. п., обж. кам., б/н. Раскопки Перевозчикова В.И.	3 Рис. 4, 4	34,7	18,7	12,3	1856	0,539	0,354	1,86
36	Фр-т тулова копки без ангоба и лощения. Черепок: поверхность – светло-коричневый с очень слабым розоватым оттенком; излом – светло-коричневый с розоватым оттенком, с относительно частыми мельчайшими окатанными непрозрачными серыми зернами песка , относительно частыми мельчайшими блестящими слюдами, очень редкими точечными черными рыхлыми и единичными точечными и мельчайшими белыми (карбонаты) вкл. Круг.	Аз.-1988. Г. Изв.-57, тр-я, г. п., обж. кам., б/н. Раскопки Перевозчикова В.И.	3 Рис. 4, 5	20,62	11,2	7,4	1841	0,543	0,359	1,84
37	Фр-т тулова амфоры(?) с рифлением. Черепок: поверхность – розово-светло-коричневая снаружи и светло-коричневая с розоватым оттенком изнутри; излом – трехслойный – розово-оранжево-светло-коричневый снаружи, светло-коричневый посередине и серо-темно-бежевый изнутри, с относительно частыми мельчайшими прозрачными бесцветными и непрозрачными серыми окатанными зернами песка , относительно частыми мельчайшими блестящими слюдами, редкими точечными рыхлыми и единичными мелкими конкрециями черного минерала. Круг.	Аз.-1988. Г. Изв.-57, тр-я, г. п., обж. кам., б/н. Раскопки Перевозчикова В.И.	3 Рис. 4, 6	30,52	16,5	10,8	1850	0,541	0,354	1,85
38	Фр-т тулова амфоры(?) с рифлением. Черепок: поверхность – розовато-светло-коричневая снаружи и светло-коричневая изнутри; излом – оранжево-розово-коричневый снаружи и темно-бежевый изнутри, с относительно частыми мельчайшими матовыми белыми и серыми окатанными зернами песка и сравнительно редкими мельчайшими блестящими слюдами. Круг.	Аз.-1988. Г. Изв.-57, тр-я, г. п., обж. кам., б/н. Раскопки Перевозчикова В.И.	3 Рис. 4, 7	28,0	15,6	10,2	1795	0,557	0,364	1,79
39	Фр-т тулова амфоры(?) с рифлением. Черепок: поверхность – розовато-светло-коричневый снаружи и светло-коричневая изнутри, излом – тонкий розово-светло-коричневый снаружи и толстый темно-бежевый изнутри, с относительно частыми мельчайшими окатанными зернами песка , сравнительно редкими мельчайшими блестящими слюдами и очень редкими включениями темно-серых и черных частиц. Круг.	Аз.-1988. Г. Изв.-57, тр-я, г. п., обж. кам., б/н. АКМ КП-115/14/984. Раскопки Перевозчикова В.И.	3 Рис. 4, 8	21,45	11,7	7,7	1833	0,545	0,359	1,83

40	Фр-т горла артобы – полуфабриката с белым ангобом на обеих сторонах. Черепок: поверхность – местами розово-, местами серо-светло-бежевая (ангоб); излом – розовато-светло-коричневый, со сравнительно редкими мельчайшими блестящими окатанными зернами песка, сравнительно редкими мельчайшими блестящими слюдами и единичными точечными и редкими мельчайшими (карбонатль) вкл. Круг.	3	27,97	15,2	10,0	1840	0,543	0,358	1,84
41	Фр-т ручки кувшина-полуфабриката с белым ангобом (белится на палец). Черепок: поверхность – светло-бежевая с розоватым оттенком (ангоб); излом – по краям розовато-бледно-коричневый, далее толстый серовато-бежевый с пепельно-серой прослойкой, со сравнительно редкими мельчайшими окатанными зернами песка, сравнительно редкими мельчайшими блестящими слюдами и 1019. Раскопки мельчайшими черными рыхлыми вкл. (не до конца выгоревшая органика-?). Круг.	Рис. 4,9 Раскопки Перевозчикова В.И.	59,22	32,1	21,0	1845	0,542	0,355	1,84
42	Фр-т дна с придонной частью тулова чаши-полуфабриката с белым ангобом на внутренней стороне. Черепок: поверхность – светло-коричневая, излом – не однородный – розовато-светло-коричневый, переходящий через окатанными прозрачными бесцветными и непрозрачными серыми окатанными зернами песка, относительно частыми мельчайшими блестящими слюдами и единичными точечными серовато-белыми (карбонатль) вкл. Круг.	3 Рис. 4,10 Раскопки Перевозчикова В.И.	60,4	33,0	21,7	1830	0,546	0,358	1,83
43	Фр-т тулова колыба с врезным штампованным геометрическим орнаментом. Черепок: поверхность – серо-бледно-коричневый с розоватым оттенком; излом – коричневый с оранжеватым оттенком, с относительно частыми мельчайшими прозрачными бесцветными и непрозрачными серыми окатанными зернами песка и частыми мельчайшими блестящими слюдами. Круг.	3 Рис. 5,1 Раскопки Перевозчикова В.И.	19,75	10,6	7,0	1863	0,537	0,354	1,94
44	Фр-т венчика с частью тулова «колыба» с врезным гравированным геометрическим орнаментом. Черепок: поверхность – светло-коричневый с розоватым оттенком, со сравнительно редкими мельчайшими и точечными прозрачными бесцветными и непрозрачными белыми окатанными зернами песка, сравнительно редкими мельчайшими блестящими слюдами и единичными мельчайшими бежевыми (карбонатль) вкл. Круг.	3 Рис. 5,2 Раскопки Перевозчикова В.И.	21,62	11,9	7,8	1817	0,550	0,361	1,85
45	Фр-т нижней части «сария». Черепок: поверхность – снаружи серо-бежевая, внутри розово-светло-коричневая; излом – не однородный – розово-коричневый с прослойкой розовато-светло-коричневого цвета, с редкими точечными и относительно частыми мельчайшими окатанными зернами песка, сравнительно редкими включениями мелкодробленого шамолта (?) бледно-розового цвета и редкими мельчайшими блестящими слюдами. Круг.	3 Рис. 5,3 Раскопки Перевозчикова В.И.	32,13	17,8	11,7	1805	0,554	0,364	1,80
46	Сетя (с отбитыми шилами) с натеками зеленой поливы. Черепок: поверхность – темно-бежевая с розоватым оттенком; излом – розово-коричневый, с относительно частыми мельчайшими прозрачными бесцветными окатанными зернами песка и редкими мельчайшими блестящими слюдами. Круг.	3 Рис. 5,7 Раскопки Перевозчикова В.И.	45,01	24,8	16,3	1815	0,551	0,362	1,81
47	Фр-т тулова тонкостенного кружального горшка с рифлением снаружи и зеленой прозрачной поливой по голому черепку изнутри. Черепок: поверхность – серая, излом – светло-серый с коричневатым оттенком и местами с розовато-бежевой прослойкой и отпечатками растительности (иногда с хорошо выраженной фактурой листьев), со сравнительно редкими мельчайшими прозрачными бесцветными окатанными зернами песка, сравнительно редкими мельчайшими блестящими слюдами и очень ред. точечными включениями черных рыхлых частиц. Круг.	3 Рис. 5,4 Раскопки Перевозчикова В.И.	12,52	6,9	4,5	1814	0,551	0,359	1,81
48	Фр-т дна чаши «сграффито» с бесцветной поливой на внутренней стороне и зеленой п. на внешней. Черепок: поверхность – серо-бежевая, излом – не однородный – от бежевого (поддон) до светло-серого (тулова), со сравнительно редкими мельчайшими окатанными зернами песка и сравнительно редкими мельчайшими блестящими слюдами. Круг.	3 Рис. 5,4 Раскопки Перевозчикова В.И.	62,27	34,0	22,3	1831	0,546	0,358	1,83
49	Фр-т устья обжитательной камеры. Черепок: «легкий», пористый; поверхность – темно-коричневая с розоватым оттенком; излом – розовато-светло-коричневый, с частыми крупными отпечатками и лагунами (до 1,5 x 0,5	Г-3	75,33	41,8	25,5	1802	0,584	0,339	1,80

	см)ют выгоревшей рубленой растительности (листья и стеблей), с частыми точечными прозрачными бесцветными и непрозрачными мутно-белыми окатанными зернами леща, сравнительно редкими мельчайшими блестящими слюдами и редкими точечными и мельчайшими светло-бежевыми включениями. Скульптурная лепка.	АКМ КП-25313/282. Раскопки Перевозчикова В.И.	Рис. 5,5							
50	Фр-т дна с придонной частью тулова амфоры. Черепок: поверхность – розово-коричневая снаружи, розовато-бледно-коричневая изнутри, излом 4-хслойный – снаружи розовато-коричневый, затем серо-коричневый, черной толстой и изнутри серо-коричневый, с частыми вкл. мелкодробленого шмота красно-коричневого цвета, редкими точечными и мельчайшими рыхлыми охристыми (коричнево-темно-розоватым) вкл., единичными точечными и сравнительно редкими мельчайшими прозрачными и полупрозрачными бесцветными окатанными зернами леща и единичными точечными и частыми блестящими блестящими слюдами. Скульптурная лепка, круг.	Аз.-1988, Г. Изв.-57, тр-я, г. п., обж. кам. АКМ КВФ-11514/1007. Раскопки Перевозчикова В.И.	1.?	45,09	23,2	15,8	1944	0,515	0,350	1,94
51	Фр-т придонной части тулова амфоры. Черепок: поверхность – темно-коричневая; излом – трехслойный – Аз.-1988, Г. Изв.-57, тр-я, г. п., обж. кам. редкими вкл. мелкодробленого шмота оранжево-светло-коричневого цвета, редкими точечными и мельчайшими рыхлыми охристыми (коричнево-темно-розоватым) вкл., сравнительно редкими мельчайших прозрачных и полупрозрачных бесцветных окатанных зерен леща и частыми мельчайшими блестящими слюдами. Скульптурная лепка, круг.	Аз.-1988, Г. Изв.-57, тр-я, г. п., обж. кам. АКМ КВФ-11514/1002. Раскопки Перевозчикова В.И.	1.?	43,17	22,5	15,3	1919	0,521	0,354	1,92
52	Фр-т верхней части ручки с частью шейки горшка с зеленой поливой непосредственно по черепку на внутренней стороне. Черепок: поверхность – светло-серо-коричневая; излом – шелка – двухслойный розово-светло-коричневый снаружи, светло-бежевый изнутри, ручка – однотонный светло-бежевый; с многочисленными мельчайшими и единичными мелкими матовыми белыми остроугольными зернами леща и относительно частыми вкл. очень мелкодробленого шмота красно-коричневого и коричневого цвета и единичными блестящими слюдами. Круг.	И (?). Раскопки Перевозчикова В.И.	И (?)	62,56	32,1	21,8	1949	0,513	0,348	1,95
53	Носик адобы без ангоба и лощения. Черепок: поверхность – серо(из-за отложения солей)-светло-коричневая; излом – оранжево-светло-коричневый, с относительно частыми точечными вкл. мелкодробленого шмота розовато- или оранжево-коричневого цвета, редкими точечными и мельчайшими рыхлыми охристыми (коричнево-темно-розоватым) вкл., сравнительно редкими точечными и мельчайшими окатанными зернами леща, частыми мельчайшими блестящими слюдами, единичными точечными и сравнительно частыми мельчайшими белыми (карбонаты) вкл. Скульптурная лепка.	Аз.-1989, Комс.-87, р.-1 (котл.), я.-24, шт. 3-5. АКМ КВФ-11794/5138. Раскопки Перевозчикова В.И.	1.3	46,82	24,2	16,4	1935	0,517	0,350	1,94
54	Верхняя часть ручки с припелом к венчику кувшина без ангоба и лощения, с несковозной трещиной на внутренней стороне горла. Черепок: поверхность – розово-светло-коричневая; излом горла – темно-розово-коричневый с бледно-коричневой прослойкой, с редкими вкл. мелкодробленого шмота оранжево- и розово-коричневого цвета, сравнительно редкими точечными и мельчайшими непрозрачными белыми и темно-серыми окатанными зернами леща, относительно частыми мельчайшими блестящими слюдами, редкими мельчайшими белыми (карбонаты) вкл. и единичными точечными и мельчайшими осколками черного минерала. Скульптурная лепка, круг.	Аз.-1989, Комс.-87, р.-1 (котл.), я.-24, шт. 7-8. АКМ КВФ-11794/4979. Раскопки Перевозчикова В.И.	1.3	85,08	44,0	29,8	1934	0,517	0,350	1,94
55	Фр-т тулова большого кувшина без ангоба и лощения, с горизонтальным врезным гребенчатым орнаментом и выраженными следами скульптурной лепки на внутренней стороне. Черепок: поверхность – розовато-оранжево-светло-коричневая, излом – не однотонный – розовато-оранжево-коричневый, с розовато-темно-коричневой прослойкой, переходящей местами в темно-серую, со сравнительно редкими вкл. мелкодробленого шмота коричнево-розового цвета, очень редкими точечными и мельчайшими рыхлыми окатанными зернами леща, частыми мельчайшими блестящими слюдами, единичными точечными и сравнительно частыми светлого-серыми и белыми (карбонаты) вкл., единичными мелкими и редкими точечными включениями черного минерала. Скульптурная лепка, круг.	Аз.-1989, Комс.-87, р.-1 (котл.), я.-24, шт. 6, бн. Раскопки Перевозчикова В.И.	1.3	68,86	35,8	24,0	1923	0,520	0,348	1,92
56	Фр-т тулова большого кувшина без ангоба и лощения, с горизонтальной полосой округлых вдавлений на средней части тулова. Черепок: поверхность – розовато-оранжево-бледно-коричневая с единичными с единичными	Аз.-1989, Комс.-87, р.-1 (котл.), я.-24,	1.3	36,36	18,8	12,6	1934	0,517	0,347	1,93

57	лакунами от выгоревших кусочков растительных стеблей на внутренней стороне, излом – не однотонный – розовато-оранжево-коричневый, местами с коричневой прослойкой с черной сердцевинкой, со сравнительно редкими вкл. мелкодробленного <i>шамота</i> оранжево-розового цвета, единичными точечными и мельчайшими рыхлыми <i>охристыми</i> (коричнево-темно-розовыми) вкл., редкими мельчайшими окатанными зернами <i>леса</i> , относительно частью мельчайшими блестящими слюды и единичными точечными и сравнительно редкими мельчайшими белыми (карбонатъ) вкл. Скульптурная лепка, круг.	Рис. 5, 11	54,0	27,8	18,9	1942	0,515	0,350	1,94
58	Фр-т тулова большая кувшина с нижним орнаментом и следами скульптурной лепки на внутренней стороне. Черепок: поверхность – оранжево-светло-коричневая снаружи и коричнево-темно-серая изнутри; излом двухслойный – тонкий светло-коричневый снаружи и толстый серый изнутри, со сравнительно редкими вкл. мелкодробленного <i>шамота</i> оранжево- и розово-коричневого цвета, относительно частью мельчайшими рыхлыми <i>охристыми</i> (коричнево-темно-розовыми) вкл., очень редкими мельчайшими окатанными зернами <i>леса</i> , частями мельчайшими блестящими слюды, единичными точечными и мельчайшими белыми (карбонатъ) вкл., единичными крупными черными и серыми конкрециями <i>древсы</i> и сравнительно частью точечными и мельчайшими черными вкл. Скульптурная лепка, круг.	1,3 Рис. 5, 13, 14	13,4	6,9	4,7	1929	0,515	0,351	1,93
59	Фр-т тулова труба-кубура без ангоба и лощения. Черепок: поверхность – оранжево-светло-коричневая; излом – местами двух- (серо-светло-коричневый снаружи и розовато-светло-коричневый изнутри), местами четырехслойный (те же, но чередующиеся слои или другие – темно-коричневый, орнажево-коричневый, серо-светло-коричневый), со сравнительно редкими вкл. мелкодробленного <i>шамота</i> коричнево-темно-розового и оранжево-розового цвета, единичными точечными рыхлыми <i>охристыми</i> (коричнево-темно-розовыми) вкл., единичными непрозрачными белыми окатанными зернами <i>леса</i> , частями мельчайшими блестящими слюды, редкими точечными и мельчайшими черными и единичными мелкими и мельчайшими белыми (карбонатъ) вкл. Скульптурная лепка, круг.	1,3 Рис. 6, 2	61,22	31,8	21,5	1925	0,519	0,351	1,92
60	Фр-т средней части тулова кувшина с красным ангобом. Черепок: поверхность – бледно-розово-светло-коричневая снаружи, бледно-коричневая изнутри; излом – бледно-коричневый с толстой черной прослойкой, со сравнительно редкими вкл. мелкодробленного <i>шамота</i> темно-розово-коричневого цвета, сравнительно редкими точечными и мельчайшими рыхлыми <i>охристыми</i> (коричнево-темно-розовыми) вкл., редкими мельчайшими блестящими слюдами, прозрачными бесцветными окатанными зернами <i>леса</i> и частями мельчайшими блестящими слюдами. Скульптурная лепка, круг.	1,3 Рис. 6, 3	32,56	16,7	11,3	1950	0,513	0,347	1,95
61	Фр-т средней части тулова кувшина с красным ангобом (?) на внешней стороне и следами скульптурной лепки на внутренней. Черепок: поверхность – розово-коричневая с редкими лакунами от выгоревших стебельков растений; излом – бледно-коричневый, с относительно частью мелкодробленного <i>шамота</i> коричнево-розового и розовато-коричневого цвета, очень редкими мельчайшими рыхлыми <i>охристыми</i> (коричнево-темно-розовыми) вкл., частями мельчайшими блестящими слюдами, единичными крупными и очень редкими мелкими, точечными и мельчайшими светлого-бежевыми (карбонатъ) вкл. Скульптурная лепка, круг.	1,3 Рис. 6, 4	22,38	11,5	7,8	1946	0,514	0,349	1,95
62	Фр-т тулова сосуда з. ф. с горизонтальной полосой мелкого гребенчатого орнамента на внешней стороне/и следами скульптурной лепки на внутренней. Черепок: поверхность – розовато-коричневая снаружи и розовато-серо-коричневая изнутри, излом – бледно-коричневый с серой прослойкой, с относительно частью включениями мелкодробленного <i>шамота</i> красно-коричневого цвета, редкими точечными и мельчайшими рыхлыми <i>охристыми</i> (красно-коричневыми) вкл., редкими мельчайшими окатанными зернами <i>леса</i> , частями мельчайшими блестящими слюдами, единичными крупными и редкими точечными и мельчайшими светлого-бежевыми (карбонатъ) вкл. и единичными крупными обломочными вкл. черного минерала. Скульптурная лепка.	1,3 Рис. 6, 5	16,23	8,4	5,7	1932	0,518	0,351	1,93

63	<p>круг.</p> <p>Фр-т тулова большого кубшина с широкими полосами групп тонкого в.пл. по черепку на внешней стороне и следами скульптурной лепки на внутренней. Черепок: поверхность – серовато-темно-коричневая с единичными тонкими мелкими лакунами от выгоревших кусочков растительных стеблей; излом – бледно-темно-коричневый, с 7-8, блн. относительно частыми вкл. мелкодробленого шамота темно-розово-коричневого цвета, очень редкими точечными и мельчайшими рыхлыми охристыми (коричнево-темно-розовыми) вкл., относительно редкими полупрозрачными бесцветными окатанными зернами песка, частыми мельчайшими блестящими слюдами, и очень редкими точечными и мельчайшими серовато-белыми (карбонаты) вкл. Скульптурная лепка, круг.</p>	<p>1.3</p> <p>Рис. 6,6</p>	<p>46,93</p> <p>24,4</p> <p>16,4</p> <p>1923</p>	<p>0,520</p> <p>0,349</p> <p>1,94</p>
64	<p>Фр-т верхней части тулова с местом перехода в горло амфоры с мелким рифлением и красным ангобом на внешней стороне и следами скульптурной лепки на внутренней. Черепок: поверхность – розовая (ангоб) снаружи, серовато-светло-коричневая внутри; излом – бледно-светло-коричневый, со сравнительно редкими вкл. мелкодробленого шамота оранжево-розового и красно-коричневого цвета, редкими точечными и АКМ КВФ. мельчайшими рыхлыми охристыми (коричнево-темно-розовыми) вкл., сравнительно редкими мельчайшими полупрозрачными сероватыми окатанными зернами песка, очень частыми точечными и мельчайшими блестящими слюдами, единичными мелкими и очень редкими мельчайшими белыми (карбонаты) вкл. Скульптурная лепка, круг.</p>	<p>1.3</p> <p>Рис. 6,7</p>	<p>35,91</p> <p>18,5</p> <p>12,7</p> <p>1941</p>	<p>0,515</p> <p>0,354</p> <p>1,94</p>
65	<p>Дно амфоры со следами обреза ножом на внешней стороне и следами скульптурной лепки на изломах и внутренней стороне. Черепок: поверхность – снаружи не однородная – серо-коричневая, изнутри – коричневато-серая; излом – коричневый с розоватым оттенком с тонкой коричневато-серой прослойкой, с частыми вкл. мелкодробленого шамота красно-коричневого и темно-розового цвета, относительно редкими точечными и мельчайшими рыхлыми охристыми (коричнево-темно-розовыми) вкл., очень редкими точечными и мельчайшими прозрачными бесцветными окатанными зернами песка, частыми мельчайшими блестящими слюдами. Скульптурная лепка, круг.</p>	<p>1.3</p> <p>Рис. 6,8</p>	<p>109,22</p> <p>56,4</p> <p>37,8</p> <p>1937</p>	<p>0,516</p> <p>0,346</p> <p>1,94</p>
66	<p>Фр-т стенки обжимательной камеры с частью смотрового (или дымоходного) отверстия и ярко выраженными следами соединения лент, из которых изготовлялись стенки обжимательной камеры и стыковочным выступом. Черепок: «петлий», лористый; поверхность – оранжево-коричневая; излом – от светло- до оранжево- и розово-коричневого; с многочисленными крупными отлежалками и лакунами от выгоревших кусочков стебельков и листьев растений, относительно частыми мельчайшими белыми зернами песка, редкими точечными и относительно частыми мельчайшими блестящими слюдами, единичными мелкими и редкими точечными и мельчайшими светлого-бежевыми (карбонаты) вкл. Скульптурная лепка.</p>	<p>Г-1.3</p> <p>Рис. 6,9</p>	<p>162,12</p> <p>94,5</p> <p>59,0</p> <p>1716</p>	<p>0,583</p> <p>0,364</p> <p>1,71</p>
67	<p>Фр-т верха тулова большой миски-полуфабриката с гравировкой по белому ангобу (без поливки). Черепок: поверхность – светло-бежевая изнутри и серо-темно-коричневая снаружи; излом – не однородный, местами сплошной – розовато-коричневый с серо-бледно-коричневой прослойкой, местами переходящей в темно-серую посередине, с мельчайшими непрозрачными частыми белыми и единичными серыми окатанными зернами песка, сравнительно редкими мельчайшими блестящими слюдами, единичными белыми (карбонаты) вкл. Рыхлыми охристыми (коричнево-темно-розовыми) вкл., относительно редкими полупрозрачными бесцветными окатанными зернами песка, редкими точечными и относительно редкими мельчайшими серовато-белыми (карбонаты) вкл. Скульптурная лепка.</p>	<p>2.2(?)</p> <p>Рис. 6,10</p>	<p>19,15</p> <p>9,9</p> <p>6,7</p> <p>1934</p>	<p>0,517</p> <p>0,351</p> <p>1,93</p>
68	<p>Сепая (без одного луча и без следов поливки). Черепок: поверхность – коричневато-темно-серая; излом – бледно-коричневый с серо-темно-коричневой сердцевинной, с частыми мельчайшими непрозрачными окатанными зернами песка, сравнительно частыми мельчайшими блестящими слюдами, очень редкими полупрозрачными бесцветными окатанными зернами песка, редкими точечными и относительно редкими мельчайшими серовато-белыми (карбонаты) вкл. Лепка.</p>	<p>2.2(?)</p> <p>Рис. 6,11</p>	<p>57,05</p> <p>29,4</p> <p>19,9</p> <p>1940</p>	<p>0,515</p> <p>0,349</p> <p>1,94</p>
69	<p>Фр-т дна на кольцевом поддоне бракованной (с трещинами) чаши-полуфабриката со следами белого ангоба на внутренней стороне. Черепок: поверхность – серо-коричневая с единичными отпечатками выгоревшей растительности (на внешней стороне), излом – серовато-темно-коричневый, с единичными точечными и АКМ ВХ-1525/1297.</p>	<p>2.2(?)</p> <p>Рис. 6,12</p>	<p>31,9</p> <p>16,5</p> <p>11,2</p> <p>1933</p>	<p>0,517</p> <p>0,351</p> <p>1,93</p>

	сравнительно частыми мельчайшими прозрачными бесцветными окатанными зернами песка, относительно частыми мельчайшими блестящими слюдами и единичными мельчайшими белыми (карбонат) вкл. Круг.	Раскопки Бойко А.Л.								
70	Фр-т бортика с венчиком и верхней частью тулова миски-полуфабриката «сграфито» (без поливы). Черепок: поверхность – коричнево-темно-розовая; излом – оранжево-бледно-коричневый, с редкими точечными и частыми мельчайшими непрозрачными окатанными зернами песка, относительно частыми мельчайшими блестящими слюдами, единичными мельчайшими белыми (карбонат) и очень редкими мельчайшими черными и темно-серыми рыхлыми вкл. Круг.	Аз.-1990, Чех.-3, я.-23. Рис. 6,13 Раскопки Бойко А.Л.	2,2(?)	14,9	28,82	10,1	1994	0,517	0,354	1,93
71	Фр-т дна на кольцевом поддоне чаш-полуфабриката «сграфито» (ангоб в значительной мере утрачен, без поливы). Черепок: поверхность – серая, излом – не однотонный - светло-коричневый с серой прослойкой, с единичными точечными полупрозрачными мутно-белыми и частыми мельчайшими блестящими слюдами и сероватыми окатанными зернами песка, относительно частыми мельчайшими блестящими слюдами и единичными мелкими обломочными вкл. серого минерала. Круг.	Аз.-1990, Чех.-3, жил.1. АКМ ВХ-1525/1617. Раскопки Бойко А.Л.	2,2(?)	26,6	52,15	18,0	1961	0,510	0,346	1,96
72	Сепая (без одного луча) с необычно уплотненными лучами и натеками зеленой поливы на «шпалах», с отпечатками ткани на верхней поверхности. Черепок: поверхность – не однотонная – бледно-бардово-коричневая сверху и не однотонная серо-розово-коричневая снизу; излом – не однотонный – оранжево-светло-коричневый с коричнево-темно-розовой прослойкой с коричнево-бледно-розовой сердцевинной, с единичными точечными темно-серыми и многочисленными мельчайшими серыми и мутно-белыми непрозрачными окатанными зернами песка, сравнительно редкими мельчайшими блестящими слюдами, редкими мельчайшими белыми (карбонат) и редкими мельчайшими черными вкл. Лепка.	Аз.-1995, Моск.-7 дот., я.-5, бн. Раскопки Белинского И.В.	2,2(?)	26,1	50,74	17,7	1944	0,514	0,348	1,94
73	Фр-т верхней части тулова с нижней частью горла артобы с почти незаметным небрежным в.п.л. по черепку и ярко выраженными следами «примазывания» горла к тулову с внутренней стороны. Черепок: плотный; поверхность – розово-светло-коричневая с темно-бежевыми налетом снаружи и черная с ярко выраженными следами примазывания горла к тулову изнутри; излом – двухслойный – тонкий розово-оранжево-коричневый снаружи и толстый черный изнутри; с единичными крупными и редкими точечными вкл. Шамота розово-бледно-коричневого цвета, редкими полупрозрачными сероватыми окатанными зернами песка, сравнительно редкими мельчайшими блестящими слюдами и единичными точечными белыми (карбонат) вкл. Скульптурная лепка. Круг.	Аз. - 2000, Изм.-38, жил. 2, бн. Раскопки Рудименко И.В.	1.1	31,0	60,5	26,0	1952	0,512	0,430	1,95
74	Фр-т верхней части гофрированного тулова кувшина с грубо заглаженной поверхностью и сплошным красным лощением. Черепок: плотный; поверхность – коричнево-темно-розовая снаружи и серо-бледно-коричневая изнутри; излом – двухслойный – тонкий светло-коричневый снаружи и толстый черный изнутри; со сравнительно редкими мелкими и относительно частыми вкл. шамота бледно-коричневого цвета, единичными точечными и редкими мельчайшими окатанными прозрачными бесцветными и полупрозрачными сероватыми зернами песка и частыми мельчайшими блестящими слюдами. Скульптурная лепка. Круг.	Аз. - 2000, Изм.-38, жил. 2, бн. Раскопки Рудименко И.В.	1.1	37,5	74,22	31,0	1979	0,505	0,418	1,98
75	Фр-т ручки бракованного кувшина без ангоба и лощения, с трещинами (перекат?). Черепок: поверхность – серо-коричневая; излом – розово-коричневый с черной сердцевинной; с редкими мелкими и точечными и частыми мельчайшими вкл. шамота розово-коричневого и черного цвета и частыми мельчайшими блестящими слюдами. Скульптурная лепка.	Аз. - 2000, Изм.-38, жил. 2, бн. Раскопки Рудименко И.В.	1.1	21,4	38,0	14,5	1776	0,563	0,382	1,78
76	Фр-т дна с придонной частью тулова бракованного сосуда з.ф. без ангоба и лощения, с трещинами (от переката) и следами обреза ножом в придонной части тулова. Черепок: поверхность – розово-коричневая снаружи и розовато-бледно-коричневая изнутри; излом – оранжево-розово-светло-коричневый; с частыми вкл. коричнево-темно-розового мелкодробленого шамота, частыми мельчайшими блестящими слюдами, редкими точечными и мельчайшими рыхлыми и единичными точечными и мельчайшими белыми (карбонат) вкл. Скульптурная лепка. Круг.	Аз. - 2000, Изм.-38, жил. 2, бн. Раскопки Рудименко И.В.	1.1	43,4	115,47	64,0	1804	0,554	0,376	1,80
77	Фр-т дна с придонной частью тулова бракованного сосуда з. ф. с коричневым в.п.л. по черепку, с трещинами (от переката) в придонной части тулова. На дне следы подпылки. Черепок: поверхность – местами серо-бледно-коричневая, местами розово-коричневая; излом – местами розово-, местами оранжево-коричневый, с частыми вкл. Мелкодробленого шамота темно-розового и красно-коричневого цвета, относительно частыми	Аз. - 2000, Изм.-38, жил. 2, бн. Раскопки Рудименко И.В.	1.1	39,8	71,96	27,0	1808	0,553	0,375	1,81

78	мельчайшими блестящими слюдами, редкими точечными рыльцами черными и единичными точечными белыми (карбонаты) вкл. Скульптурная лепка, круг	Аз.-2000, Изм.-38, жил.-2, бн. Раскопки Гудименко И.В.	1.1 Рис. 7,6	46,41	24,0	16,5	1934	0,517	0,355	1,93
79	Фр-т желоба (или кровельной черепицы) без ангоба и лощения со следами спирального ленточного налета на внутренней стороне. Черепок: поверхность – снаружи местами коричнево-розовая, бледно-светло-коричневая и черная (закопчена), изнутри от коричнево-розового до серо-коричневого; излом – оранжево-светло-коричневый с толстой черной прослойкой, с частыми вкл. мелкодробленого шамолта темно-коричневого и коричнево-темно-розового цвета, сравнительно частыми точечными и мельчайшими рыльцами охристыми (коричнево-темно-розовыми) вкл., частыми точечными и мельчайшими блестящими слюдами, относительно редкими прозрачными и полупрозрачными бесцветными окатанными зернами песка и единичными мельчайшими белыми (карбонаты) вкл. Внешняя поверхность местами облупилась. Скульптурная лепка, круг, разрезание ниткой.	Аз.-2000, Изм.-38, ж.-2, бн. Раскопки Гудименко И.В.	1.1 Рис. 7,7	279,45	145,1	98,3	1926	0,519	0,352	1,93
80	Фр-т стенки тончарного горна. Черепок: «легкий», лористый; поверхность – коричнево-темно-розовая (изнутри), излом – коричнево-темно-розовый «изнутри», оранжево-светло-коричневый «снаружи»; с частыми крупными, мелкими и точечными лакунами (от выгоревшей органики), редкими мельчайшими полупрозрачными сероватыми окатанными зернами песка, относительно частыми мельчайшими блестящими слюдами, редкими мелкими, точечными и мельчайшими белыми (карбонаты) вкл. Скульптурная лепка.	Аз.-2000, Изм.-38, ж.-2, г.п. Раскопки Гудименко И.В.	Г-1.1 Рис. 7,13	26,81	16,2	9,2	1655	0,604	0,343	1,65
81	Фр-т стенки тончарного горна. Черепок: «легкий», лористый; поверхность – розово-светло-коричневая (изнутри), частично облупилась; излом – розово-оранжево-светло-коричневый изнутри, светло-коричневый – снаружи, с частыми крупными, мелкими и точечными лакунами и оплечатками стеблей и листьев выгоревшей распылительности (в частности, тростника и его метелок), редкими мельчайшими прозрачными и полупрозрачными окатанными зернами песка, относительно частыми блестящими слюдами. Скульптурная лепка.	Аз.-2000, Изм.-38, ж.-2, г.п. Раскопки Гудименко И.В.	Г-1.1 Рис. 7,14	95,19	57,6	32,8	1653	0,605	0,345	1,65
82	Фр-ты шейки с венчиком и местом перехода в тулово большой корчачи с красным антобом и облупившейся внутренней поверхностью. Черепок: поверхность – бледно-темно-розовая снаружи, излом – розово-светло-коричневый с толстой черной прослойкой; сравнительно редкими вкл. мелкодробленого шамолта коричневого цвета, сравнительно частыми точечными и мельчайшими рыльцами охристыми (коричнево-темно-розовыми) вкл., единичными прозрачными и полупрозрачными окатанными зернами песка и частыми мельчайшими блестящими слюдами. Скульптурная лепка, круг.	Аз.-1982, Стадлон, яма-1, бн. Раскопки Чаплого В.В.	1.? Рис. 7,8	134,04	70,0	48,0	1929	0,522	0,358	1,93
83	Фр-т тулова большого сосуда з. ф. Черепок: поверхность – бледно-коричневая; излом – 5-стойный – оранжево-бледно-коричневый с темной прослойкой, обрамленной светло-коричневыми слоями; с частыми вкл. очень мелкодробленого шамолта оранжево-темно-розового и красно-коричневого цвета, АКМ КВФ-11077/138, редкими точечными и мельчайшими рыльцами охристыми (коричнево-темно-розовыми) вкл., частыми мельчайшими блестящими слюдами и редкими точечными и мельчайшими черными вкл. Скульптурная лепка (?), круг.	Аз.-1983, Мак.-29Б, с-тр-я, яма-1. АКМ КВФ-11077/138. Раскопки Чаплого В.В.	1.7 Рис. 7,9	35,41	18,2	12,5	1946	0,514	0,353	1,95
84 [2]	Фр-т придонной части тулова сосуда з. ф. Черепок: поверхность – бледно-коричневая с редкими лакунами от выгоревших кусочков растительных стеблей; излом – 5-стойный – оранжево-бледно-коричневый с темной серой прослойкой, обрамленной светло-коричневыми слоями; со сравнительно частыми вкл. очень мелкодробленого шамолта бледно-розового и розовато-коричневого цвета, сравнительно частыми точечными и мельчайшими рыльцами охристыми (коричнево-темно-розовыми) вкл., частыми мельчайшими блестящими слюдами и редкими вкл. Скульптурная лепка, круг.	Аз.-1983, Мак.-29Б, с-тр-я, яма-1. АКМ КВФ-11077/136. Раскопки Чаплого В.В.	1.? Рис. 7,10	89,08	45,5	31,0	1958	0,511	0,348	1,96

85	Точечными и мельчайшими <i>рыльцами</i> <i>черно- и темно-коричневыми</i> вкл. Скульптурная лепка, круг.	Фр-т тулова трубы-чукура. Черепок: поверхность – розово-бледно-коричневая снаружи и серовато-бледно-коричневая изнутри; излом – бледно-светло-коричневый с толстой темно-серой прослойкой; со сравнительно редкими вкл. мелкодробленого <i>шамота</i> розовато-темно-коричневого и коричневого цвета, сравнительно частыми точечными и мельчайшими <i>охлажденными</i> (коричнево-темно-розовыми) вкл., единичными точечными и сравнительно редкими мельчайшими прозрачными бесцветными окатанными <i>зернами</i> <i>песка</i> и сравнительно частыми мельчайшими <i>блестками</i> <i>слюды</i> . Скульптурная лепка, круг.	Аз.-1987, Парк ВЛКСМ, тр., случ нах., бн.	1.?	41,7	21,5	15,0	1940	0,516	0,360	1,94
86	Горло с верхней частью ручек и тулова амфоровидного сосуда с зеленой поливой по ангобу на внешней стороне. Черепок: поверхность – коричнево-темно-розовая, излом – розово-светло-коричневый, с редкими вкл. точечными и частыми мельчайшими непрозрачными белыми и редкими темно-серыми окатанными <i>зернами</i> <i>песка</i> , относительно частыми мельчайшими <i>блестками</i> <i>слюды</i> и очень редкими мелкими точечными и мельчайшими <i>светло-бежевыми</i> (<i>карбонатами</i>) вкл. Круг.	Аз.-1985, К.П., котл., Я.-VI, бн. Раскопки Гудименко И.В.	2.2(?)	52,04	26,9	18,5	1935	0,517	0,355	1,93	
87	Фр-т стенки тандыра с полосой врезного линейного орнамента, выполненной 10-зубой гребенкой. Черепок: пористый, отмучен сравнительно плохо; поверхность – розовато-серо-темно-бежевая, с лагунами-отпечатками выгоревшей растительности; излом – оранжево-светло-коричневый со сравнительно частыми мелкими и частыми <i>лагунами</i> (выгоревшая растительность), с частыми крупными темно-розово-коричневыми остроугольными вкл. <i>шамота</i> , единичными крупными серыми вкл. <i>древы</i> , редкими крупными остроугольными вкл. дробленого <i>глиняного</i> <i>юаньцэнтрапа</i> , относительно частыми мельчайшими непрозрачными белыми и светло-серыми окатанными <i>зернами</i> <i>песка</i> , сравнительно редкими мельчайшими <i>блестками</i> <i>слюды</i> и редкими точечными и мельчайшими <i>серовато-белыми</i> (<i>карбонатами</i>) вкл. Скульптурная лепка.	Аз.-1960-е гг. А/68 Перм.	T-1	162,78	96,8	62,0	1682	0,595	0,381	1,68	
88	Фр-ты стенки очага с полосой врезного линейного орнамента, выполненного трехзубой гребенкой на обеих сторонах. Черепок: мелкопористый, отмучен сравнительно плохо, поверхность – серо-бледно-коричневая с ул. Мира-Бабеля. одной стороны и розовато-бледно-коричневая с другой, с отпечатками кусочков растительных стеблей; излом – оранжево-светло-коричневый с частыми <i>отпечатками</i> и разновеликими <i>лагунами</i> от выгоревших стеблей и листьев растительности (в т.ч. тростника и рогоза), с единичными вкл. крупнодробленого <i>шамота</i> серо-коричневого цвета, сравнительно частыми мельчайшими непрозрачными серыми окатанными <i>зернами</i> <i>песка</i> , сравнительно частыми <i>блестками</i> <i>слюды</i> . Скульптурная лепка.	Аз.-1960-е гг. А/138, ул. Мира-Бабеля. АКМ КП-19087/29. Сборы под руководством Казаковой Л.М.	T-4	93,1	52,5	35,5	1773	0,564	0,381	1,77	
89	Фр-т стенки (<i>жугута</i>) тандыра, без орнамента. Черепок: пористый, отмучен сравнительно плохо; поверхность – серо-светло-коричневая, с частыми отпечатками мелкодробленых стеблей и листьев; излом – оранжево-бледно-коричневый с частыми разновеликими <i>лагунами</i> и <i>отпечатками</i> выгоревшей растительности (стебли и листья), с относительно частыми мельчайшими непрозрачными серыми окатанными <i>зернами</i> <i>песка</i> , частыми мельчайшими <i>блестками</i> <i>слюды</i> и единичными <i>светло-бежевыми</i> (<i>карбонатами</i>) вкл. Скульптурная лепка.	Аз.-1971, Мак-5, Яма-1. АКМ КВФ-11977/148. Раскопки Гапкина П.П.	T-3	137,9	79,5	53,0	1735	0,576	0,384	1,75	
90	Фр-т устья тандыра с полосами линейного врезного орнамента, выполненного 6-зубой гребенкой. Черепок: пористый, отмучен сравнительно плохо; поверхность – серая, с отпечатками выгоревших кусочков стеблей растений; излом – не однотонный – от серого до серо-коричневого с частыми разновеликими <i>лагунами</i> и <i>отпечатками</i> от выгоревшей растительности, с редкими крупными и мелкими и частыми точечными и мельчайшими вкл. <i>шамота</i> розовато-коричневого цвета, сравнительно редкими мельчайшими окатанными <i>зернами</i> <i>песка</i> , относительно частыми мельчайшими <i>блестками</i> <i>слюды</i> и единичными крупными и редкими точечными <i>светло-бежевыми</i> (<i>карбонатами</i>) вкл. Скульптурная лепка.	Аз.-1981, Л.-я, р.-2, Яма-22, № 640. АКМ КП-1890/640. Раскопки Чаплого В.В.	T-2	144,2	83,7	55,5	1723	0,580	0,385	1,72	
91	Фр-т стенки тандыра с глубоким толстым врезным орнаментом. Черепок: мелкопористый, отмучен сравнительно плохо; поверхность – оранжево-светло-коричневый изнутри и серая снаружи; излом – оранжево-светло-коричневый с частыми <i>отпечатками</i> и разновеликими <i>лагунами</i> от выгоревших мелкодробленых растительных стеблей и листьев, с относительно частыми мельчайшими непрозрачными мутно-белыми и серыми окатанными <i>зернами</i> <i>песка</i> , относительно частыми мельчайшими <i>блестками</i> <i>слюды</i> и редкими мельчайшими <i>светло-бежевыми</i> (<i>карбонатами</i>) вкл. Скульптурная лепка.	Аз.-1982, Ст. хл. 8., котл., Яма-19, бн. №844. Раскопки Чаплого В.В.	T-5	148,1	83,0	56,0	1784	0,560	0,378	1,78	
92	Фр-т устья тандыра, обе стороны заглажены. Черепок: пористый, отмучен сравнительно плохо; поверхность –	Аз.-1982, Моск., тр.,	T-1	219,02	129,6	83,0	1690	0,592	0,379	1,69	

	оранжево-светло-коричневая янтра и серо-бледно-коричневая верху и снаружи; с отпечатками (нитевидные и узколистные) лагунами от выгоревшей мелкорубленой растительности; излом – неоднотонный – от оранжево- до желтовато-бледно-коричневого с многочисленными разновеликими лагунами от выгоревшей растительности, с редкими вкл. крупнодробленого шамолта (печины), относительно частыми мельчайшими непрозрачными белыми и серыми окатанными зернами песка, частыми блестящими слюды и единичными точечными светло-бежевыми (карбонаты) вкл. Скульптурная лепка.	Рис. 8,4	20,71	11,5	7,8	1801	0,555	0,377	1,80
93	Фр-т стенки тандыра с пережелезавоющимися полосами врезного линейного орнамента. Черепок: пористый, отлучен сравнительно плохо; поверхность – розовато-светло-коричневая, с лагунами и отпечатками кусочков стеблей, листьев и волокон выгоревшей растительности, излом – бледно-розово-светло-коричневый изнутри и светло-коричневый снаружи, с множеством разновеликих лагун от выгоревшей растительности, с относительно редкими мельчайшими окатанными зернами песка, сравнительно частыми мельчайшими блестящими слюды, единичными белыми (карбонаты) вкл. Скульптурная лепка.	Т-5 Рис. 8,5	90,68	54,0	35,8	1679	0,595	0,395	1,68
94	Фр-т квадратной кирпич-плинфы со следами размазывания глины спец. инструментом на ложковых поверхностях. Черепок: пористый, плохо отлученный; поверхность – бледно-розово-коричневая; излом – розово-светло-коричневый с частыми мелкими и крупными лагунами и отпечатками от выгоревшей мелкорубленой растительности, очень частыми включениями мелкодробленого шамолта бледно-темно-розового цвета, с относительно частыми мельчайшими непрозрачными серыми окатанными зернами песка, сравнительно редкими мельчайшими блестящими слюды, единичными мелкими и частыми точечными и мельчайшими бежевыми (карбонаты) включениями формовка.	К Рис. 8, 6	68,55	36,6	24,8	1873	0,534	0,362	1,87
95	Сосудик-новодел в виде солонки, из глины. Поверхность и излом – коричнево-бледно-розовые с частыми точечными и мельчайшими продолжными лагунами (от выгоревших органических частиц?), с частыми точечными и мельчайшими белыми (карбонаты) включениями, относительно редкими мельчайшими блестящими слюды. Скульптурная лепка. Обжиг: 100-900°С × 30 мин. (270 мин.)	Э Рис. 8,7	15,45	8,2	5,6	1884	0,531	0,362	1,88
96	Фр-т вазы-новодела из глины. Черепок: поверхность – коричнево-темно-розовая; излом – коричнево-темно-розовый с розово-светло-коричневой прослойкой, с редкими мелкими и точечными и относительно частыми мельчайшими продолжными порами и лагунами (от выгоревших органических частиц), с единичными мельчайшими серыми окатанными зернами песка, относительно редкими мельчайшими блестящими слюды, редкими крупными и мелкими, относительно редкими точечными и мельчайшими белыми (карбонаты) вкл. Скульптурная лепка. Обжиг: 900°С – 180 мин.	Э Рис. 8,8	48,7	25,1	17,0	1940	0,515	0,349	1,94
97	Фр-т тувака-новодела из глины. Черепок: поверхность – бледно-светло-коричневая с очень слабовыраженным розоватым оттенком; излом – неоднотонный – бледно-темно-коричневый с розоватым оттенком и толстой серо-коричневой прослойкой с черными включениями, пятнами и лагунами (от не до конца выгоревшей органики), с очень редкими непрозрачными белыми и прозрачными бесцветными окатанными зернами песка, относительно частыми мельчайшими блестящими слюды и единичными точечными и мельчайшими обломочными частицами блестящего черного минерала, единичными точечными и мельчайшими белыми (карбонаты) вкл. Скульптурная лепка. Обжиг: 900°С – 60 мин.	Э Рис. 8,9	69,15	36,0	24,4	1921	0,521	0,353	1,92
98	Фр-т тувака-новодела из глины с большой примесью песка (1:2). Черепок: поверхность – снаружи не однотонная – местами коричнево-темно-розовая, плавню переходящая в розово-бежевую (налет), изнутри – коричнево-темно-розовая, с редкими лагунами-отпечатками от выгоревших растительных частиц; излом – с одного бока двухслойный – «изнутри» коричнево-темно-розовый, «снаружи» розово-светло-коричневый, с другого бока – одноцветный коричнево-темно-розовый, с относительно редкими точечными и частыми мельчайшими лагунами (от выгоревшей органики), с частыми точечными и мельчайшими полупрозрачными сероватыми и прозрачными бесцветными окатанными зернами песка, относительно частыми мельчайшими блестящими слюды и редкими мелкими и относительно редкими точечными и мельчайшими белыми (карбонаты) вкл. Скульптурная лепка. Обжиг: 900°С – 150 мин.	Э Рис. 8,10	18,6	9,8	6,6	1898	0,527	0,355	1,89
99	Фр-т тувака-новодела из глины с большой примесью золы (1:0,5). Черепок: поверхность – бледно-светло-								

	коричневая со слабым розоватым оттенком; излом – бледно-коричневый с хорошо выраженным розоватым оттенком и более темной (серовато-коричневой) прослойкой посередине, с частыми разновеликими (мелкими, точечными и мельчайшими) аморфными лагунами (от выгоревших органических частиц), с единичными точечными и мельчайшими бесцветными и непрозрачными серыми окатанными зёрнами песка, сравнительно редкими блестящими слюды и частыми точечными и мельчайшими белыми и светло-бежевыми (карбонаты) вкл. Скульптурная лепка. Обжиг: 300°С – 30 мин. + 900°С – 30 мин. (60 мин.).	Азовского кирпичного завода	Рис. 8, 11	32,65	17,1	11,6	1909	0,524	0,355	1,90
100	Фр-т тувака-новодела из глины с большой примесью розога и песка (1:0,5:0,5). Черепок: поверхность – бледно-светло-коричневая с очень слабовыраженным розоватым оттенком; излом – бледно-светло-коричневый с розоватым оттенком и очень толстой коричнево-темно-серой прослойкой, частыми черными аморфными пятнами от не до конца выгоревших углеродных соединений и очень редкими крупными и мелкими и сравнительно редкими точечными и мельчайшими аморфными лагунами (от выгорающих органических частиц), единичными мельчайшими рыхлыми охристыми (коричнево-темно-розовыми) вкл., редкими прозрачными бесцветными окатанными зёрнами песка, частыми мельчайшими блестящими слюды и относительно редкими точечными и мельчайшими белыми (карбонаты) вкл. Скульптурная лепка. Обжиг: 800°С – 60 мин.	Глина из карьера Азовского кирпичного завода	Э Рис. 8, 12	91,81	49,2	33,4	1866	0,536	0,364	1,87
101	Фр-т тувака-новодела из глины с примесью розога и песка (1:0,25:0,5). Черепок: поверхность – не однотонная – с одного бока розово-светло-коричневая, с другого оранжево-темно-розовая; излом – оранжево-темно-розовый с бледно-коричнево-розовой прослойкой, с редкими мелкими и точечными и сравнительно редкими мельчайшими лагунами (от выгорающих органической частиц), единичными точечными и частыми мельчайшими непрозрачными белыми и темно-серыми и прозрачными бесцветными зёрнами песка, относительно частыми мельчайшими блестящими слюды, редкими мелкими, точечными и мельчайшими бежевыми (карбонаты) вкл. Скульптурная лепка. Обжиг: 900°С – 150 мин.	Глина из карьера Азовского кирпичного завода	Э Рис. 8, 13	128,35	64,5	43,8	1990	0,503	0,341	1,99
102	Фр-т тувака-новодела из глины с большой примесью песка и древесной золы (1:0,5:0,25). Черепок: поверхность – светло-коричневая с оранжеватым оттенком; излом – бледно-коричневый с редкими темными серыми аморфными пятнами не до конца выгоревших углеродных соединений и редкими мелкими и точечными и множественно мельчайших лагун (от выгоревших органических частиц), со сравнительно частыми непрозрачными белыми и серыми окатанными зёрнами песка, частыми мельчайшими блестящими слюды, относительно частыми точечными и мельчайшими белыми и светло-бежевыми (карбонаты) вкл. Скульптурная лепка. Обжиг: 500°С – 30 мин., остывание: 900°С – 30 мин. (60 мин.).	Глина из карьера Азовского кирпичного завода	Э Рис. 8, 14	183,18	ок. 82,5	-	2220	0,450	-	2,22
103	Необожженный сухой брусок из «красно-бурого» материкового суглинка из раскопа на участке под строительство дома № 25 по ул. Суворова (нижменный припортовой район г. Азова). Поверхность и излом – бледно-светло-коричневые, с редкими точечными и множественно мельчайшими блестящими слюды и относительно редкими окатанными зёрнами песка, сравнительно редкими мельчайшими серыми вкл. Формовка.	Аз.-2002, ул. Суворова-25, р.-1, суглинок из контрольного проката	Рис. 9, 1, 2	42,7	24,0	16,5	1779	0,562	0,386	1,78
104	Фр-т диска из «красно-бурого» материкового суглинка из раскопа на участке под строительство дома № 25 по ул. Суворова (нижменный припортовой район г. Азова), обожженный при температуре 100-900° в течении 5(?) часов. Черепок: не прочный (при механическом воздействии поверхностный слой легко стирается, а излом крошится); поверхность и излом диска – не однотонные (неравномерный обжиг) – с одного края оранжево-розового цвета, с другого – оранжево-бледно-коричневого, с редкими точечными и множественно мельчайших прозрачных и полупрозрачных бесцветных слабо окатанных зерен песка, сравнительно редкими мельчайшими блестящими слюдами и очень редкими рыхлыми темными серыми вкл. Формовка.	Аз.-2002, ул. Суворова-25, р.-1, суглинок из контрольного проката	Э Рис. 9, 3	240,4	ок. 107,8	-	2230	0,448	-	2,23
105	Необожженный сухой квадратный брусок из «желтого» материкового суглинка из раскопа на участке под строительство дома № 9 по ул. Ленинградской (центр города - на возвышенности). Поверхность – светло-серая, излом – серовато-бежевый с легким желтоватым оттенком с редкими точечными прозрачными бесцветными и частыми мельчайшими прозрачными и полупрозрачными бесцветными окатанными зёрнами песка, сравнительно редкими мельчайшими блестящими слюды, редкими точечными и мельчайшими белыми (карбонаты) и сравнительно редкими мельчайшими черными (лунтус) вкл. Формовка.	Аз.-2002, ул. Ленинградская-9, р.-1, суглинок из контрольного проката	Э Рис. 9, 4	240,4	ок. 107,8	-	2230	0,448	-	2,23

106	Сосудик-новодел типа солонки из «желтого» материкового суглинка из раскопа на участке под строительство дома № 9 по ул. Ленинградской (центр города - на возвышенности), обожженный в инфальной печи при температуре 100-300° в течение 5(?) часов. Черепок: поверхность - с одного бока розовато-бледно-светло-коричневая, с другого - оранжево-бледно-темно-розовая, в изломе - розовато-бледно-светло-коричневый, с частыми точечными и мельчайшими лагунами, с редкими точечными и сравнительно частыми мельчайшими окатанными зернами песка, сравнительно редкими мельчайшими блестящими слюдами и единичными мелкими, т оченными и мельчайшими серовато-белыми и белыми (карбонатъ) вкл. Круг.	Аз.-2002, ул. Ленинградская-9, р.-1, суглинок из контрольного прокопа	Рис. 9,5-7	102,34	55,6	37,7	1841	0,543	0,368	1,84
107	Сырцовый кирпич со дна землянки 14 века из раскопа по ул. Мира-35А (во дворе Южных электрических сетей), поверхность - глянже-бежевая, излом - желтовато-глянже-бежевый, с сравнительно частыми крупными (до 1,0 см), мелкими и точечными лагунами (от перепревших органических включений - ?), с редкими точечными (до 0,5 мм) и частыми мельчайшими прозрачными и полупрозрачными бесцветными окатанными зернами песка, сравнительно редкими мельчайшими блестящими слюдами и единичными крупными, редкими мелкими, точечными и мельчайшими рыжыми серыми вкл. Формовка.	Аз.-2002, ул. Мира-35А, р.-1, жпл.-1, бн. Раскопки Масловского А.Н.	С.к. Рис 9,8,9	130,47	64,68	?	2017	0,496	?	2,02
108	Фр-т тулова сосуда з. ф. с вертикальным коричневым полосчатым лощением и четкими следами ленточного налета (изломы по местам наложения лент друг на друга). Черепок: сравнительно плотный; поверхность - розовато-коричневая снаружи и бледно-темно-розовая изнутри; излом - не однородный, в основном 3-слойный, коричнево-бледно-темно-розовый с розово-бледно-коричневой прослойкой; с редкими непрозрачными темно-серыми и черными мельчайшими вкл. зерен песка (плохо различимы даже с лупу) и с очень частыми мельчайшими и редкими точечными блестящими слюдами и единичными мельчайшими белыми (карбонатъ) вкл. Сухлуптурная лепка, круг.	Аз.-1995, Моск.-7, котл., яма-6, бн. Раскопки Белинского И.В.	И-? (Мад- жар - ?) (р. 1)	15,53	8,0	5,4	1941	0,515	0,348	1,94
109	Донце чаши на деформированном поддоне с поанговой гравировкой под желтой поливой. Черепок: пористый; поверхность - розово-коричневая, с редкими отпечатками растительных частиц; излом - 2-хслойный - тонкий светло-коричневый с розоватым оттенком «снаружи» и толстый розово-оранжево-светло-коричневый «изнутри»; с частыми разновеликими лагунами (от выгоревших органических частиц), с относительно частыми вкл. мелкодробного шамолта бордового и темно-малинового цвета, единичными, мелкими конкрециями непрозрачного белого минерала и единичными точечными и относительно частыми мельчайшими блестящими слюдами. Круг.	Аз.-1960-е гг. А/296, №8, ул. Советская, АКМ КП-15210/38. Сборы под руководством Казаковой Л.М.	И (Визан- тия - ?)	84,4	47,1	32,0	1792	0,558	0,379	1,79
110	Фр-т тулова мелкой тарелки «сграффито» с ростисью зелено-черным под бесцветной п. Черепок: пористый; поверхность - серовато-розово-бледно-коричневая, с редкими отпечатками растительных частиц; излом - не однородный - темно-розово-коричневый в верхней части тулова и темно-коричневый с бардовым оттенком в нижней, с частыми разновеликими лагунами (от выгоревших органических частиц), с редкими мельчайшими прозрачными бесцветными окатанными зернами песка, относительно частыми блестящими слюдами и частыми точенными и мельчайшими белыми (карбонатъ-?) вкл. и прослойками. Круг.	Аз.-1982, Чехова, котл., я.-5, № 289. АКМ КП-20089/196. Раскопки под руководством Рогачевой А.Ф.	И ?	48,23	25,8	17,5	1869	0,535	0,363	1,87
111	Фр-т венчика с частью бортика большой тарелки с поанговой гравировкой тонкой линией и полихромной ростисью под тонким слоем бесцветной поливы. Черепок: пористый; из хорошо отлученной ф. м.; поверхность - светло-бежевая (ангоб); излом - розовато-оранжево-светло-коричневый с единичными мелкими и относительно частыми точенными и мельчайшими лагунами (от выгоревших частиц органического происхождения), сравнительно редкими мельчайшими блестящими слюдами и единичными мелкими светлыми серыми вкл. Круг.	Аз.-1988, Чех.-25, котл., я.-13, бн. Раскопки Гудименко И.В.	И (Азерб- байд- жан-?)	36,48	22,0	13,5	1658	0,603	0,370	1,66
112	Фр-т дна чаши со светло-саплатной поливой по белому ангобу. Черепок: пористый; поверхность - бежевая с розоватым оттенком (ангоб-?), излом - не однородный - от светло-розово-бледно-коричневого до коричнево-серого, с единичными крупными и относительно частыми мелкими и точечными вкл. шамолта серого и розовато-коричневого цвета, редкими мельчайшими блестящими слюдами и точечными и частыми мельчайшими белыми (карбонатъ) вкл. Круг.	Аз.-1976, Соц., тр-я, случ. нах., бн. Сборы Фомиичева Н.М.	И (Крым-?)	71,75	41,2	27,9	1742	0,574	0,369	1,74
113	Фр-т тулова хума. Черепок: поверхность - розовато-бледно-коричневая с серым налетом снаружи и оранжево-темно-розового цвета, относительно частыми белыми мельчайшими блестящими слюдами, единичными крупными и сравнительно редкими мелкими и точечными и частыми мельчайшими белыми (карбонатъ) вкл. Круг (?)	Аз.-2001, Толст.-41, кв. 4И, шт. 4, бн. Раскопки Масловского А.Н.	И ?	34,97	18,8	12,8	1860	0,538	0,366	1,86

114	Фр-т бортика с частью тулова «русского» светло-глиняного сосуда о. ф. с ярко выраженными следами прилепа отдельно изготовленного бортика и врезным волнистым орнаментом. Черепок: сравнительно плотный, поверхность – не однотонная темно-серая с черными пятнами (копоть); излом – не однотонный – от черного (край венчика) до светло-серого с желтоватым оттенком и бежевого с розоватым оттенком (тулово), с очень частыми мелкими и точечными прозрачными и полупрозрачными бесцветными окатанными зернами песка, сравнительно редкими мельчайшими блестящими слюдами. Скульптурная лепка (?)	ВГ	И (Водяное гордище)	10,19	5,3	3,6	1923	0,520	0,353	1,93
115	Донце пиалы-кубка на высоком рюмковидном поддоне с орнаментом в технике «сграффито» и выскабливания фона под бесцветной п. на внутренней стороне и с зеленой п. на внешней. Черепок: пористый; поверхность – не однотонная – от розовато-светло-коричневого (внутри поддона) до коричневатого-темно-розового (снаружи) поддоном, излом – светло-коричневый, с частыми вкл. мелкодробленого (в виде мельчайших вкраплений) шамолта темно-розово-коричневого цвета, единичными мелкими непрозрачными белыми конкрециями «кварца», сравнительно редкими мельчайшими блестящими слюдами и редкими мелкими и частыми мельчайшими слепками сероцветными (карбонатами) вкл. Круг	Аз.-1960-е гг. А-396, № 68. Сборы под руководством Казаковой П.М.	И (Византия-?)	34,14	20,0	13,6	1707	0,586	0,398	1,71
116	Фр-т бортика с частью венчика светлоглиняной миски «сграффито» под зеленой поливой. Черепок: пористый; в изломе – светло-бежевый с разновеликими аморфными лакунами, без видимых (даже в 3-х кратную лупу) примесей. Круг	Самарканд, № 548(4)	И (Самарканд)	15,78	9,0	6,1	1753	0,570	0,387	1,75
117	Фр-т нижней части горла с верхней частью тулова кувшина с подангобным штампованным рельефным орнаментом под зеленой поливой. Черепок: поверхность – коричневатого-розовая; излом – не однотонный – от розовато-бледно-коричневого до оранжево-розового цвета, с частыми обломочными (остроугольными) вкл. довольно крупнодробленого шамолта, сравнительно редкими мельчайшими блестящими слюдами и редкими мельчайшими белыми (карбонатами) вкл. Круг (горло), штамповка (тулово).	Аз.-1980, Военк., котл., Я.-13, № 403. Раскопки Чалого В.В.	И (Крым-?)	108,65	60,4	41,0	1799	0,556	0,377	1,80
118	Дно с придонной частью тулова сосуда з. ф. «сграффито» с желтой поливой на внешней стороне и очень тонким слоем поливы непосредственно по черепку на внутренней, со следами среза с круга ниткой. Черепок: А/22, ров-1. Поверхность – неоднотонная – розово-коричневая с черно-коричневыми пятнами; излом – от коричневатого розового до розово-светло-коричневого, с относительно частыми вкл. мелкодробленого шамолта красно-коричневого цвета, редкими мелкими и точечными, частыми мельчайшими окатанными зернами и остроугольными осколками непрозрачного белого кварца (?) редкими мельчайшими блестящими слюдами. Круг	Аз.-1960-е гг. А/22, ров-1. АКМ КП-15210/17. Сборы под руководством Казаковой П.М.	И (Византия-?)	92,2	49,0	36,0	1882	0,531	0,390	1,88

ПРИМЕЧАНИЕ:

Удельный объем «кажущийся»: V – общий объем образца (вместе с порами) в мл, V* – объем без учета открытых пор (пустот) в мл, ρ – плотность «кажущаяся» (с учетом пор) в мг/мл, v – удельный объем «кажущийся» (вместе с порами) мл/г, v* – удельный объем «истинный» (без учета открытых пор) в мл/г.

Основные понятия: единичные включения – 1-3 на весь излом черепка, редкие – в среднем 1-3 включения на 1 см излома, частые – более 3-х на 1 см излома, мельчайшие включения – фиксируются лишь при 2-3-х кратном увеличении, точечные – до 0,5 мм, мелкие – от 0,5 до 2 мм, крупные – более 2 мм, мелкодробленый шамот представлен мельчайшими (видимыми только в лупу), точечными (до 0,5 мм) и мелкими (до 2 мм) фракциями; крупнодробленый, когда наряду с мелкими имеются фракции шамота величиной более 2 мм. Относительно – значит не абсолютно, не безусловно, употребление этого названия отражает отсутствие полной уверенности при описании конкретного факта или явления. Сравнительно – т.е. в сравнении с другими фактами того же рода, также отражает отсутствие полной уверенности.

Сокращения: б/н – без номера, вкл. – включения, в.г.л. – вертикальное поперечное пошение, Г – гончарный горн, з.ф. – закрытая форма, И – импорт, К – кирпич обожженный, случ. нах. – случайная находка, с.к. – сырцовый кирпич, Т – тандыр, фр-т – фрагмент, Э – экспериментальный образец.

Расшифровка полевых цифров: Аз. – Азов, Военк. котл. – ул. Московская, котлован под 9-этажный дом № 50 на месте старого военкомата; Г. Изв.-57, тр-я, Г. Л. – ул. Газеты «Известия», гончарная печь в траншее к дому № 57; Изм.-38, р.-1, 2 – ул. Измайлова (бывшая 50 лет Октября), раскоп на участке под строительство частного дома № 38; К. Л. – котл. – ул. Карла Либкнехта, котлован под среднюю школу № 15; Комс.-87, р.-1, котл. – ул. Комсомольская, котлован (раскоп-1) под строительство фундамента дома № 87; Д.-я, р.-2 – ул. Ленинградская, раскоп 2 на участке под строительство фундамента дома № 62; Дун. тр-я – ул. Лунинского, траншея под теплотрассу до переулка Ломоносовский; Мак.-5, котл. – ул. Макаровского, котлован под строительство фундамента дома № 5; Мак.-29Б, тр-я – ул. Макаровского, траншея к объектно заводу КПА (дом № 29Б); Моск. тр. – ул. Московская, котлован под коммуникации прорытая вдоль С-В края проезжей части напротив здания Азовского краеведческого музея; Моск.-7, котл. – ул. Московская, котлован под здание Агропромбанка (дом № 7) на месте снесенного кинотеатра «Юпитер»; Соц. тр-я – пер. Социалистический, траншея под коммуникации; Ст. хл. з. котл. – пл. III Интернационала, 14, котлован под гостиницу «Азов» на месте старого хлебозавода «Юпитер»; Т.-я, р.-2 – ул. Толстого, раскоп-2 на участке под строительство дома № 41; Чехова, котл. – ул. Чехова, котлован под строительство фундамента дома № 6 по ул. Пушкина; Чехова, тр-я – ул. Чехова, траншея под коммуникации, прорытая по проезжей части в районе здания Азовского нарсузда; Чех.-3, ул. Чехова, котлован под строительство жилого 9-этажного дома № 3 Азовского порта; Чех.-22, Д.-я, котл. – ул. Чехова, котлован под строительство фундамента дома № 22; Чех.-25, котл. – ул. Чехова, котлован под строительство фундамента дома № 25.

ТАБЛИЦА 2

ПЛОТНОСТЬ И УДЕЛЬНЫЙ ОБЪЕМ МЕСТНОЙ КЕРАМИКИ АЗАКА

№ группы	№ по табл. 1	ρ (мг/мл)	ρ^* (мг/мл)	V (мл/мл)	V^* (мл/мл)	$V-V^*$
Группа 1.1	75	1776	2621	0,563	0,382	0,181
	76	1804	2661	0,554	0,376	0,178
	77	1808	2665	0,553	0,375	0,178
	79	1926	2843	0,519	0,352	0,167
	78	1934	2813	0,517	0,355	0,162
	73	1952	2327	0,512	0,430	0,082
	74	1979	2394	0,505	0,418	0,087
Группа 1.2	10	1881	2785	0,531	0,359	0,172
	4	1910	2830	0,524	0,353	0,171
	2	1917	2850	0,522	0,351	0,171
	5	1919	2831	0,521	0,353	0,168
	6	1922	2859	0,520	0,350	0,170
	7	1927	2828	0,519	0,354	0,165
	8	1936	2816	0,517	0,355	0,162
	3	1939	2844	0,516	0,351	0,165
	9	1942	2842	0,515	0,354	0,161
Группа 1.3	55	1923	2869	0,520	0,348	0,172
	63	1923	2862	0,520	0,349	0,171
	59	1925	2847	0,519	0,351	0,168
	58	1929	2851	0,515	0,351	0,164
	62	1932	2847	0,518	0,351	0,167
	54	1934	2855	0,517	0,350	0,167
	56	1934	2886	0,517	0,347	0,170
	53	1935	2855	0,517	0,350	0,167
	65	1937	2889	0,516	0,346	0,170
	64	1941	2828	0,515	0,354	0,161
	57	1942	2857	0,515	0,350	0,165
	61	1946	2869	0,514	0,349	0,165
	60	1950	2881	0,513	0,347	0,166
Группа 1.?	51	1919	2822	0,521	0,354	0,167
	82	1929	2792	0,518	0,358	0,160
	85	1940	2780	0,516	0,360	0,156
	50	1944	2854	0,515	0,350	0,165
	83	1946	2833	0,514	0,353	0,161
	84	1958	2874	0,511	0,348	0,163
Группа 2.1	27	1920	2829	0,521	0,353	0,168

	29	1937	2882	0,516	0,347	0,169
	28	1941	2889	0,515	0,346	0,169
	26	1950	2872	0,513	0,348	0,165
	24	1956	2934	0,511	0,341	0,170
	30	1962	2897	0,510	0,345	0,165
	25	1966	2900	0,508	0,345	0,163
Группа 2.2						
	13	1898	2797	0,527	0,357	0,170
	12	1911	2838	0,523	0,352	0,171
	15	1919	2835	0,521	0,353	0,168
	22	1927	2972	0,519	0,337	0,182
	21	1930	2979	0,518	0,336	0,182
	16	1936	2855	0,516	0,35	0,166
	14	1940	2899	0,515	0,345	0,170
	20	1940	2893	0,515	0,346	0,169
	17	1948	2864	0,513	0,348	0,165
	18	1964	2873	0,509	0,348	0,161
Группа 2.2(?)						
	11	1907	2817	0,524	0,355	0,169
	32	1931	2856	0,518	0,351	0,167
	69	1933	2848	0,517	0,351	0,166
	67	1934	2858	0,517	0,351	0,166
	70	1934	2853	0,517	0,350	0,167
	86	1935	2813	0,517	0,355	0,162
	31	1938	2877	0,516	0,349	0,167
	68	1940	2867	0,515	0,349	0,166
	1	1941	2865	0,515	0,349	0,166
	72	1944	2867	0,514	0,348	0,166
	71	1961	2897	0,510	0,346	0,164
Группа 3						
	38	1795	2745	0,557	0,364	0,193
	34	1805	2745	0,554	0,364	0,190
	45	1805	2746	0,554	0,364	0,190
	47	1814	2782	0,551	0,359	0,192
	46	1815	2761	0,551	0,362	0,189
	44	1817	2772	0,550	0,361	0,189
	42	1830	2783	0,546	0,358	0,188
	48	1831	2792	0,546	0,358	0,188
	39	1833	2786	0,545	0,359	0,186
	40	1840	2797	0,543	0,358	0,185
	36	1841	2786	0,543	0,359	0,184
	41	1845	2811	0,542	0,355	0,187
	33	1846	2816	0,542	0,356	0,186
	37	1850	2826	0,544	0,354	0,190
	35	1856	2821	0,539	0,354	0,185
	43	1863	2821	0,537	0,354	0,183

ТАБЛИЦА 3

**ПЛОТНОСТЬ И УДЕЛЬНЫЙ ОБЪЕМ СТенок ГОРНОВ,
ТАНДЫРОВ И КИРПИЧЕЙ**

Вид	№ группы	№ по таб. 1	ρ (мг/мл)	ρ^* (мг/мл)	V (мл/мг)	V^* (мл/мг)	$V-V^*$ (мл/мг)
Стенки горнов	Группа 1.1	80	1655	2914	0,604	0,343	0,261
		81	1653	2902	0,605	0,345	0,260
	Группа 1.3	66	1716	2748	0,583	0,364	0,219
	Группа 2.2	2	1692	2708	0,591	0,345	0,246
	Группа 3	49	1802	2954	0,584	0,339	0,245
Стенки тандыров	Группа 1	87	1682	2625	0,595	0,381	0,214
		92	1690	2639	0,592	0,379	0,213
	Группа 2	90	1723	2598	0,580	0,385	0,195
	Группа 3	89	1735	2602	0,576	0,384	0,192
	Группа 4	88	1773	2623	0,564	0,381	0,183
	Группа 5	91	1784	2645	0,560	0,378	0,182
		93	1801	2655	0,555	0,377	0,178
Кирпичи	обожженный	94	1679	2533	0,595	0,395	0,200
	сырцовый	107	2017		0,496		

ТАБЛИЦА 4

**ПЛОТНОСТЬ И УДЕЛЬНЫЙ ОБЪЕМ
ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫХ ОБРАЗЦОВ**

Формовочная масса	Температура и время обжига	№ по таб.1	ρ (мг/мл)	ρ^* (мг/мл)	V (мл/мг)	V^* (мл/мг)	$V-V^*$ (мл/мг)
Г	100-900°x30мин.=270мин.	95.	1873	2764	0,534	0,362	0,172
	900° x 180 мин.	96	1884	2759	0,531	0,362	0,169
	900° x 60 мин.	97	1940	2865	0,515	0,349	0,166
ГРП	900° x 150 мин.	101	1866	2749	0,536	0,364	0,172
ГЗ	300°x30+900°x30мин.	99	1898	2818	0,527	0,355	0,172
ГРП	800° x 60 мин.	100	1909	2815	0,524	0,355	0,169
ГП	900° x 150 мин.	98	1921	2834	0,521	0,353	0,168
ГПЗ	500°x30+900°x30мин.	102	1990	2930	0,503	0,341	0,162
"Красно-бурый" сугл.-Суворова-25-2002		103	2220		0,450		
"Желтый" суглинок - Ленинград-я-9-2002		105	2230		0,448		
Сугл.-Суворова-25	100-900°x 5(?)ч.	104	1779	2588	0,562	0,386	0,176
Сугл.-Ленин-я-9	100-900°x 5(?)ч.	106	1841	2715	0,543	0,368	0,175

ПРИМЕЧАНИЕ: Г - глина, ГП - глина+песок, ГЗ - глина+зола, ГР- глина -рогоз, ГРП - глина-песок-рогоз, ГПЗ - глина-песок-зола. Сугл. - суглинок.

ТАБЛИЦА 5

ПЛОТНОСТЬ И УДЕЛЬНЫЙ ОБЪЕМ ИМПОРТНОЙ КЕРАМИКИ

Происхождение	№ по табл. 1	ρ (мг/мл)	ρ^* (мг/мл)	V (мл/мг)	V^* (мл/мг)	$V-V^*$ (мл/мг)
Азербайджан (?)	111	1658	2702	0,603	0,370	0,233
Византия (?)	115	1707	2510	0,586	0,398	0,188
Крым (?)	112	1742	2572	0,574	0,389	0,185
Самарканд	116	1753	2587	0,570	0,387	0,183
Византия (?)	109	1792	2637	0,558	0,379	0,179
Крым (?)	117	1799	2650	0,556	0,377	0,179
?	113	1860	2732	0,538	0,366	0,172
?	110	1869	2756	0,535	0,363	0,172
Византия (?)	118	1882	2561	0,531	0,390	0,141
Водянское гор.	114	1923	2831	0,520	0,353	0,167
Маджар (?)	108	1941	2876	0,515	0,348	0,167
?	52	1949	2870	0,513	0,348	0,165

ТАБЛИЦА 6

СРЕДНИЕ ПОКАЗАТЕЛИ ПЛОТНОСТЕЙ И УДЕЛЬНЫХ ОБЪЕМОВ
ПО ИТОГАМ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

№№ п/п.	Наименование	Группа 1	Группа 2	Группа 3	Горны	Тандыры	Кирпичи (плинфа)
1	Плотность «кажущаяся» (ρ), в мг/мл	1928	1937	1830	1703	1741	1679
2	Плотность «истинная» (ρ^*), в мг/мл	2840	2872	2787	2845	2626	2533
3	Удельный объем «кажущийся» (v), в мл/мг	0,519	0,516	0,546	0,593	0,575	0,595
4	Удельный объем «истинный» (v^*) в мл/мг	0,352	0,348	0,359	0,347	0,381	0,395
5	Приблизительный удельный объем открытых пор ($v-v^*$), в мл/мг	0,166	0,168	0,188	0,246	0,194	0,200

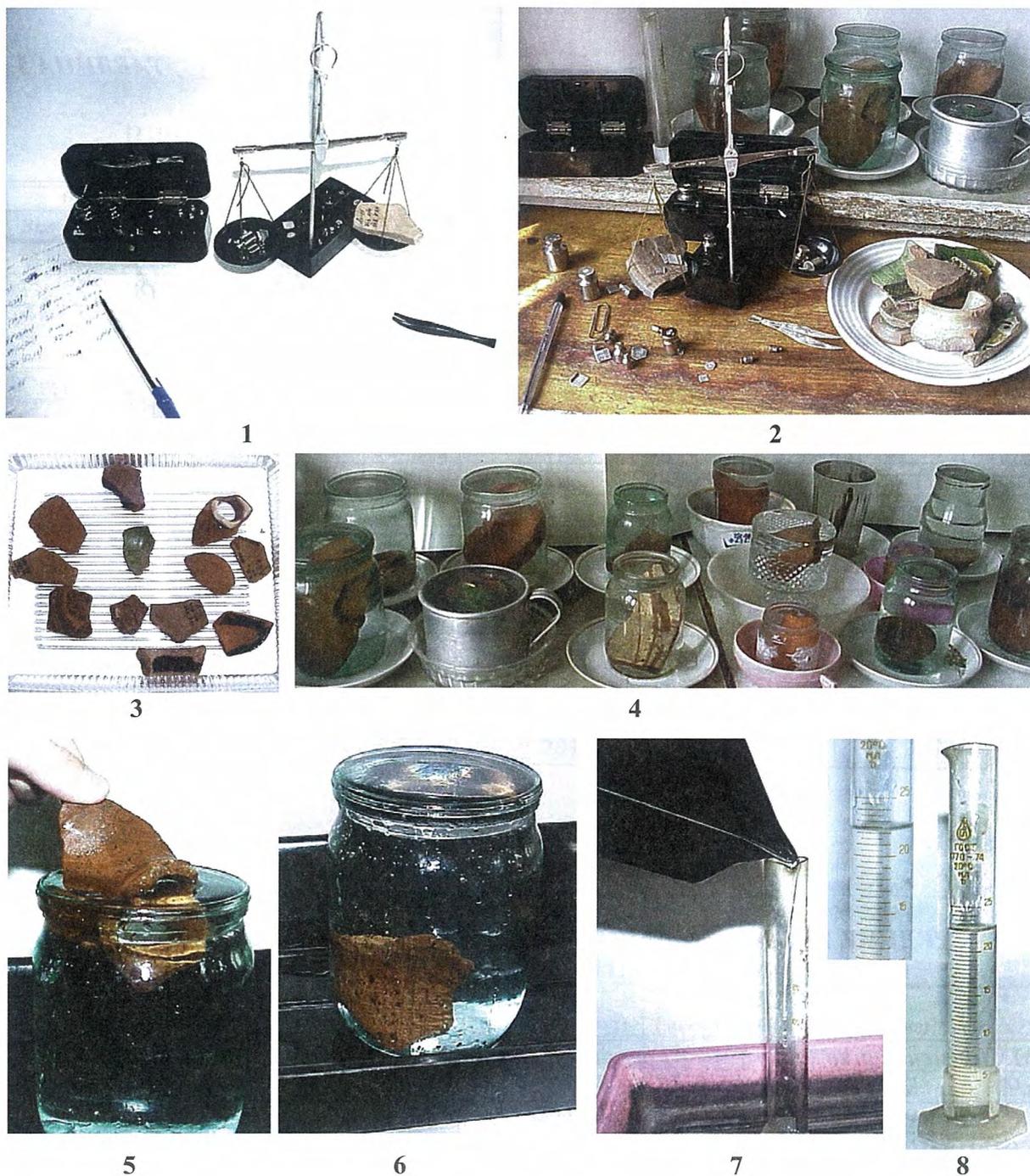

РИС. 1. ОТДЕЛЬНЫЕ ЭТАПЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КЕРАМИКИ НА ПЛОТНОСТЬ И УДЕЛЬНЫЙ ОБЪЕМ.

1 – взвешивание керамики, предварительно высушенной в течение 30-45 мин. в газовой духовке при температуре 150-200°; 2 – взвешивание и водонасыщение керамики; 3 – образцы исследуемой керамики; 4 – водонасыщение керамики, погруженной в воду в раскаленном в газовой духовке до 300° состоянии, в течение 60-120 мин., при исследовании удельного объема без учета открытых пор; 5,6 – погружение керамики в воду для исследования плотности и удельного объема черепка с учетом открытых пор; 7 – слив вытесненной из банки при погружении черепка воды в мерный цилиндр; 8 – объем (в мл) вытесненной керамическим черепком воды по делениям мерного цилиндра.

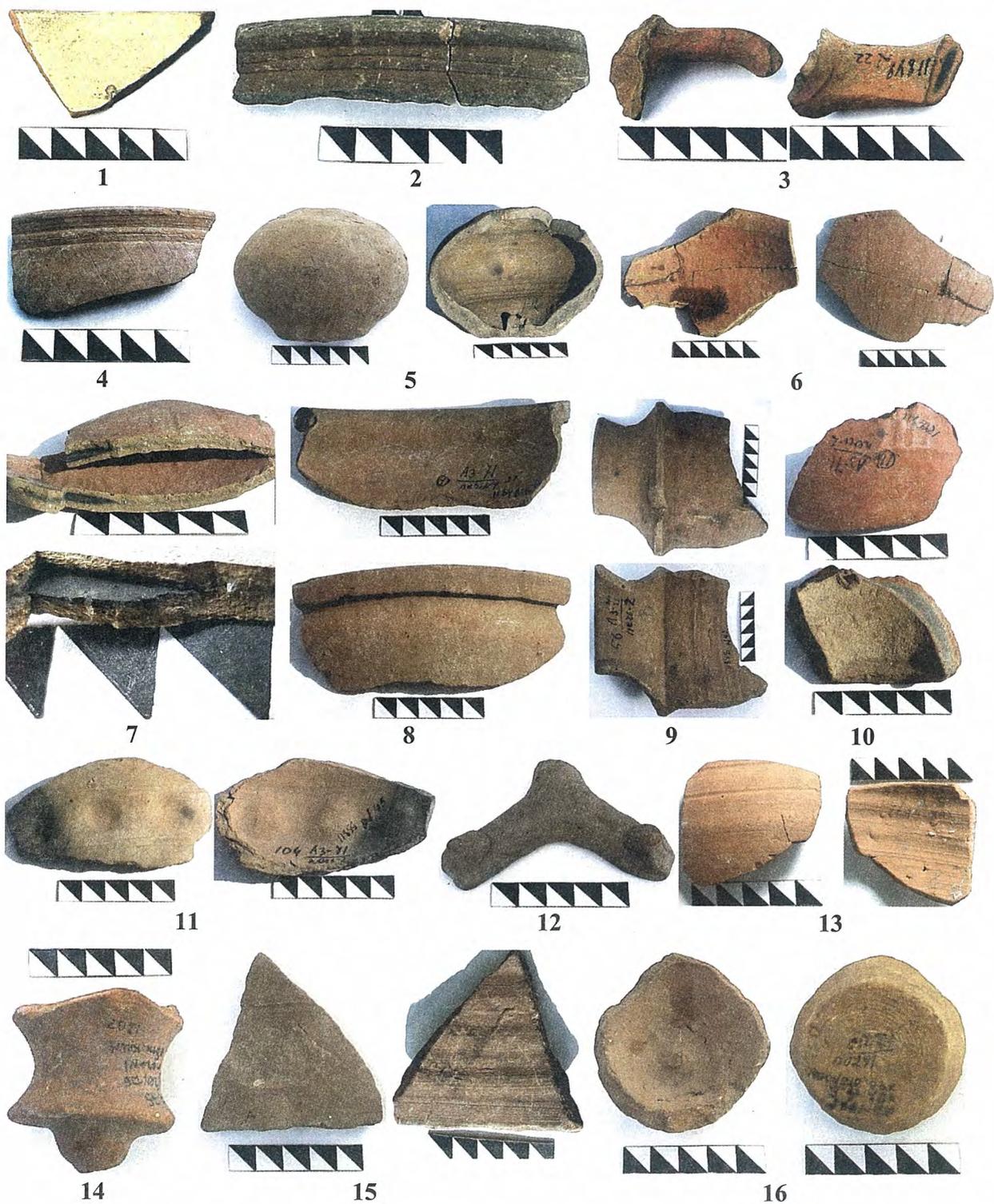

РИС. 2. МЕСТНАЯ КЕРАМИКА АЗАКА из коллекций с полевыми шифрами «Аз.-1960-е гг., случ. нах.», «Макаровского-5-1971», «Чехова-22-1975, Д.Б.».

Группа 2.2(?): 1 – № 1 (порядковый номер образца по таблице 1). Группа 1.2: 2 – № 2; 3 – № 3; 4 – № 4; 5 – № 5; 6, 7 – № 6; 8 – № 7; 9 – № 8; 10 – № 9; 11 – № 10. Группа 2.2(?): 12 – № 11. Группа 2.2: 13 – № 12; 14 – № 13; 15 – № 14; 16 – № 15.

РИС. 3. МЕСТНАЯ КЕРАМИКА АЗАКА из коллекций с полевыми шифрами «Чехова-22-1975, Д.Б.», «Ленинградская-62-1982», «Луначарского-1986».

Группа 2.2: 1 – № 16 (порядковый номер образца по таблице 1); 2 – № 17; 3 – № 18; 4 – № 19; 5 – № 20; 6 – № 21, № 22. Группа Г-2: 7 – № 23. Группа 2.1: 8 – № 24; 9 – № 25; 10 – № 26; 11 – № 27; 12 – № 28; 13 – № 29; 14 – № 30. Группа 2.2(?): 15 – № 31.

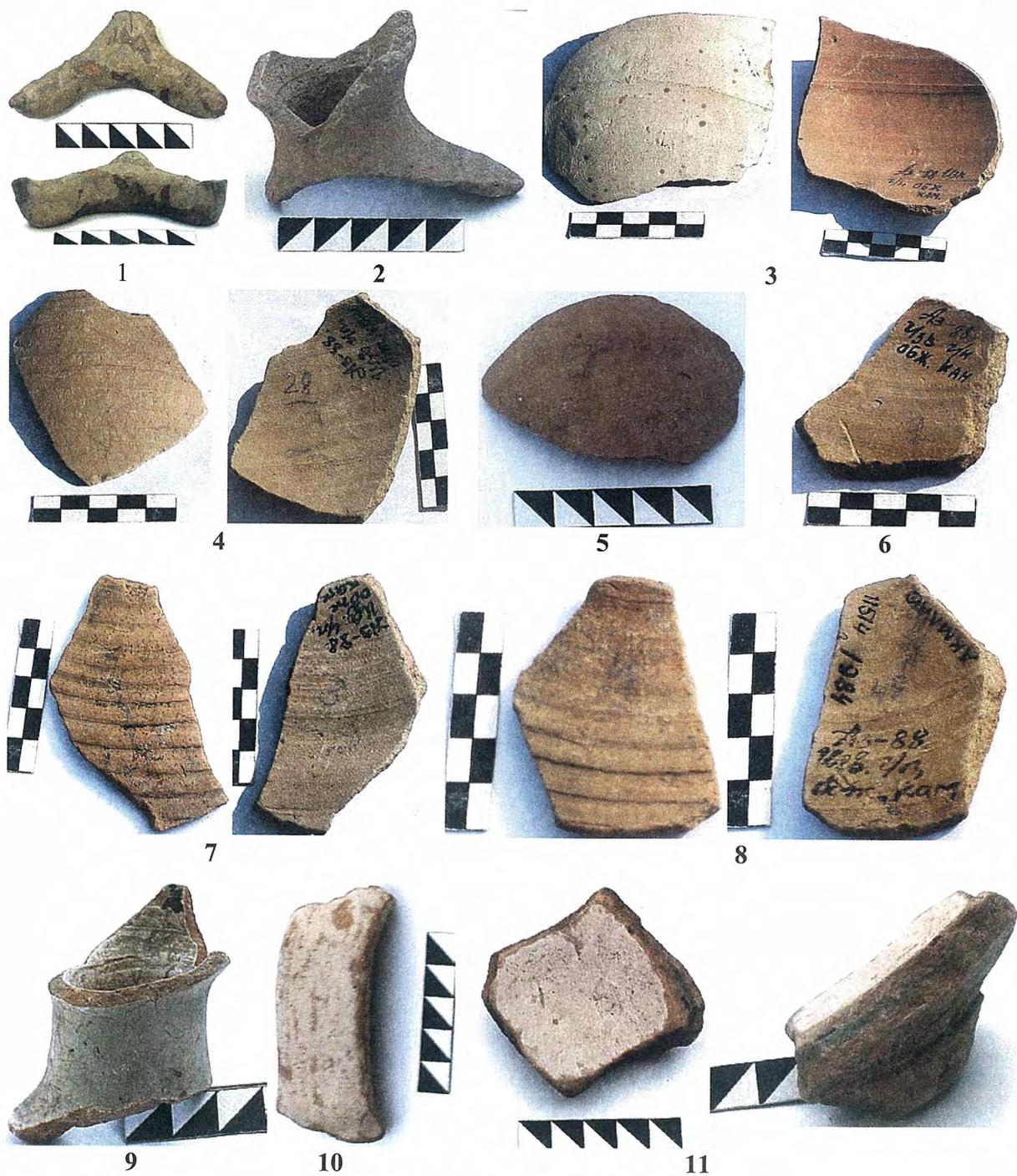

РИС. 4. МЕСТНАЯ КЕРАМИКА АЗАКА из коллекций с полевыми шифрами «Луначарского-1986», «Газеты Известия-57-1988».

Группа 2.2(?): 1 – № 32 (порядковый номер образца по таблице 1). Группа 3: 2– № 33; 3 – № 34; 4 – № 35; 5 – № 36; 6 – № 37; 7 – № 38; 8– № 39; 9 – № 40; 10 – № 41; 11 – № 42.

Рис. 5. МЕСТНАЯ КЕРАМИКА АЗАКА из коллекций с полевыми шифрами «Газеты Известия-57-1988», «Комсомольская-87-1989».

Группа 3: 1 – № 43 (порядковый номер образца по таблице 1); 2 – № 44; 3 – № 45; 4 – № 48.
Группа Г-3: 5 – № 49; 6 – № 52; 7 – № 46. Группа 1.?: 8 – № 51. Группа 1.3: 9 – № 53; 10 – № 54; 11 – № 56; 12 – № 55; 13,14 – № 57.

РИС. 6. МЕСТНАЯ КЕРАМИКА АЗАКА из коллекций с полевыми шифрами «Комсомольская-87-1989», «Чехова-1989, тр-я», «Чехова-3-1990», «Московская-7-1995»; «Измайлова-38-2000».

Группа 1.3: 1 – № 58 (порядковый номер образца по таблице 1); 2 – 59; 3 – № 60; 4 – № 61; 5 – № 62; 6 – № 63; 7 – № 64; 8 – № 65. Группа Г-1.3: 9 – № 66. Группа 2.2(?): 10 – № 67; 11 – № 68; 12 – № 69; 13 – № 70; 14 – № 71; 15 – № 72.

РИС. 7. МЕСТНАЯ КЕРАМИКА И СТЕНКИ ГОНЧАРНЫХ ГОРНОВ И ТАНДЫРОВ АЗАКА из коллекций с полевыми шифрами «Измайлова-38-2000», «Макаровского-29Б-1983» и др. (см. таблицу 1).

Группа 1.1.: 1 – № 73 (порядковый номер образца по таблице 1); 2 – № 74; 3 – № 75; 4 – № 76; 5 – № 77; 6 – № 78. Группа Г-1.1: 7 – № 80; 8 – № 81. Группа 1.?: 9 – № 82; 10 – № 83; 11 – № 84; 12 – № 85. Группа 2.2(?): 13 – № 86. Группа Т-1: 14 – № 87. Группа Т-4: 15, 16 – № 88.

РИС. 8. ФРАГМЕНТЫ СТЕНОК ТАНДЫРОВ И КИРПИЧА – ПЛИНФЫ ИЗ РАСКОПОК АЗАКА И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫХ СОСУДОВ.

Группа Т-3: 1 – № 89 (порядковый номер образца по таблице 1). Группа Т-2: 2 – № 90. Группа Т-5: 3 – № 91; 5 – № 93. Группа Т-1: 4 – № 92. Кирпич: 6 – № 94. Экспериментальные сосуды: 7 – № 95; 8 – № 96; 9 – № 97; 10 – № 98; 11 – № 99; 12 – № 100; 13 – № 101; 14 – № 102.

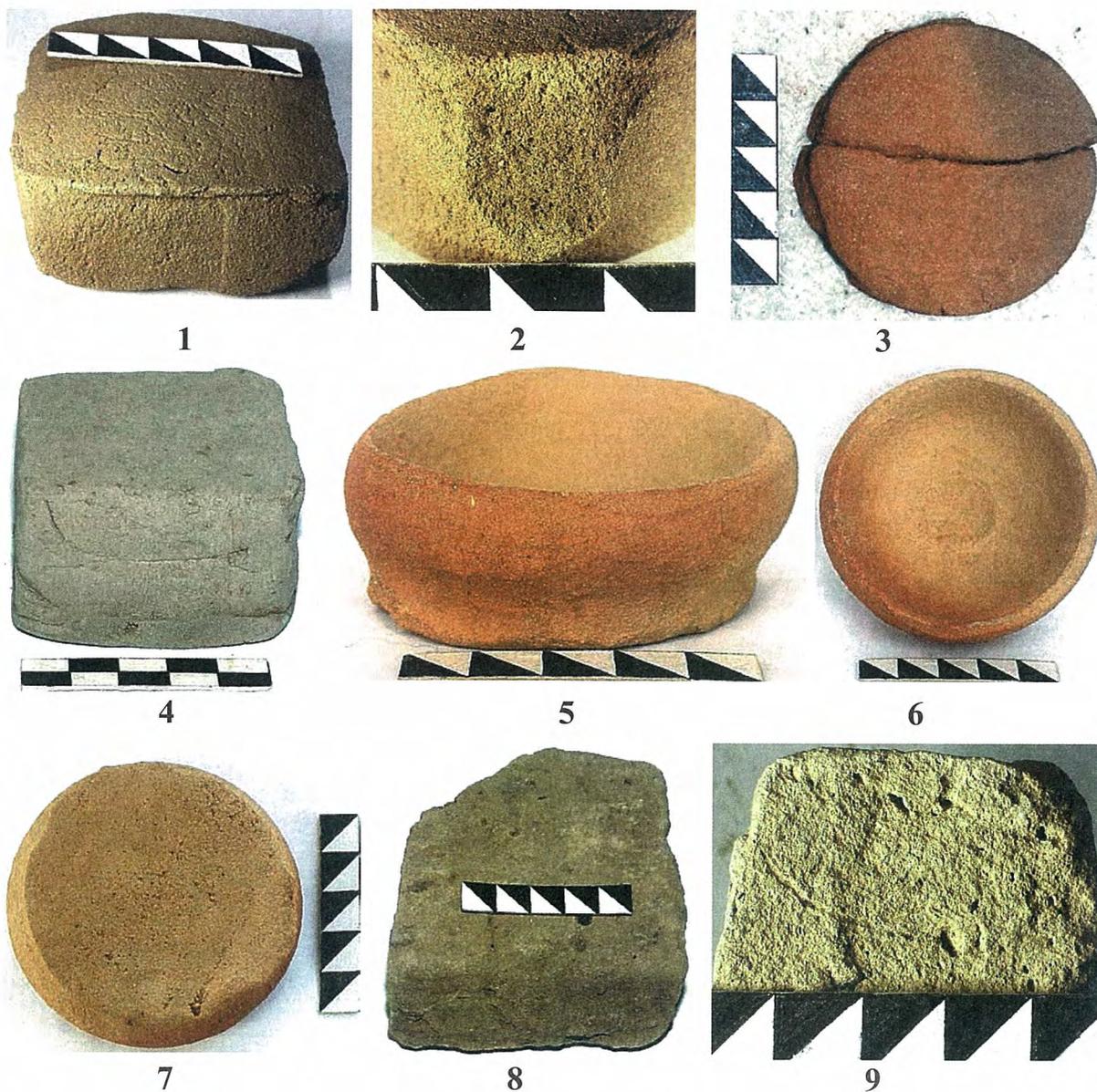

РИС. 9. ОБРАЗЦЫ АЗОВСКИХ МАТЕРИКОВЫХ СУГЛИНКОВ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИЗДЕЛИЯ ИЗ НИХ, СЫРЦОВЫЙ КИПРИЧ XIV в.

1,2 – необожженный брусок из материкового суглинка (взят для экспериментов в раскопе 1 по ул. Суворова-25-2002; состав: мелкодисперсная часть – ок. 35 %, песок – ок. 65 %) – № 103 (порядковый номер образца по таблице 1); 3 – диск из материкового суглинка (из раскопа по ул. Суворова-25-2002), обожженный этапами от 100 до 900° в течение 4,5 ч. – № 104; 4 – необожженный брусок из материкового суглинка (из раскопа по ул. Ленинградской-9-2002; состав: мелкодисперсная часть – ок. 50 %, песок – ок. 50 %) – № 105; 5-7 – обожженная чашечка, вытянутая на поворотном столике из одного комка материкового суглинка (из раскопа по ул. Ленинградской-9-2002), обожженная этапами от 100 до 900° в течение 4,5 ч., виды сбоку и сверху, дно - № 106; 8,9 – сырцовый кирпич из землянки XIV в., исследованной в раскопе по ул. Мира-35А в 2002 г. – № 107.

К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНАЛЬНОМ НАЗНАЧЕНИИ НЕСКОЛЬКИХ КОСТЯНЫХ ОРУДИЙ АНТИЧНОГО ВРЕМЕНИ

Перевозчикова И. И., Перевозчиков В. И.

(tanais.vadim@yandex.ru)

Настоящая статья посвящена определению функционального назначения четырех групп артефактов – ремесленных орудий из кости. На основе данных археологии, этнографии, специальной литературы по домашним ремеслам и физического моделирования технологических процессов было установлено, что три из них – обоюдоострые спицы, крючок, игла – использовались в древности для вязания изделий, а четвертое – усечено-коническая трубочка – для плетения изделий из соломы.

Ключевые слова: артефакт, археологические раскопки, вязание, игла, кость, крючок, орудие производства, плетение, прядение, пух, ремесло, солома, спица, трубочка, физическое моделирование, шерсть, эксперимент, этнография.

ABOUT FUNCTIONAL USE OF SOME BONE TOOLS IN THE ANCIENT WORLD

Perevozchikova I. I., Perevozchikov V. I.

(tanais.vadim@yandex.ru)

The purpose of the article is to determinate the functional use of four groups of artifacts, which are handicraft bone tools. Based on archeological, ethnographic data and professional literature on home-made handicraft and physical modeling of technical processes it was determined, that three of them, defined as double-pointed knitting-needles, a crochet, a needle, were used in antiquity for knitting, and the forth – a cut tapered small tube – for straw plaiting.

Key words: artifacts, archeological site, knitting, needle, bone, crochet, tool, plaiting, spinning, downy fibre, handicraft, straw, knitting-needle, tube, physical modeling, wool, experiment, ethnography.

О ремеслах, бытовавших в древности, мы знаем сегодня в основном по артефактам из раскопок археологов. Их следы дошли до нас в виде остатков производственных комплексов, орудий труда, остатков сырья, бракованных и кондиционных изделий (целых и в виде фрагментов). Но далеко не все ремесла могут быть представлены полным комплексом остатков и следов своего существования. Отдельные из них, особенно те, которые называют сегодня домашними, не требовавшие в древности капитальных сооружений и приспособлений из неорганических материалов, имевшие дело в основном с материалами органического происхождения (как в части орудий, так и сырья и продуктов производства из него), никаких или практически никаких следов не оставили. В данной статье пойдет речь именно об этих ремеслах, в наше время относящихся к категории исчезающих, об отдельных из которых сегодня можно узнать только из узкоспециальной и этнографической литературы. Единственный объективный источник информации о существовании

таких ремесел в древности – это достоверно атрибутированные археологические находки: орудия производства из кости и металла.

Цель данной работы сформулирована в ее названии. Речь пойдет об определении функционального назначения четырех орудий из кости¹. В задачи статьи не входит создание их полного свода или, например, разработка их типологии и хронологии. Задача статьи: представить вниманию читателя аргументы, обосновывающие, на наш взгляд, правильную атрибуцию данных ремесленных инструментов.

Орудия и различные бытовые предметы из костей животных человек изготавливал и использовал с эпохи каменного века, задолго до открытия свойств обожженной глины (изобретения керамики), тем более металла. В отличие от деревянных, изделия из кости сохраняются в земле до наших дней в достаточно хорошем состоянии, что позволяет археологам с их помощью описывать те или иные стороны жизни (ремесло, быт, хозяйство, занятия и верования) древних народов. В фондах музеев Европейской части России накоплено много артефактов из кости, в частности, и из раскопок и сборов на античных памятниках Северного Причерноморья - Приазовья. Многие из них были опубликованы, некоторые неоднократно. Наиболее известной является специальная монография Б.Г. Петерса «Косторезное дело в античных государствах Северного Причерноморья», изданная в 1986 году. Изделиям из кости, найденным непосредственно в Танаисе, посвящена статья Л.А. Демиденко «Костяные изделия первых веков нашей эры из Танаиса», опубликованная в первом выпуске тематического сборника «Вестник Танаиса» в 1994 году (Демиденко, 1994, с. 140-175).

В данной статье речь пойдет лишь о четырех ремесленных орудиях из кости, использовавшихся в древности для вязания пряжей и нитками – спицы, крючок, игла, и для плетения изделий из соломы злаковых культур – трубочка. Практически все из рассматриваемых предметов атрибутированы опубликовавшими их исследователями, по нашему мнению, либо неверно, либо неточно². При определении функционального назначения артефактов мы опираемся на данные этнографии и современных технологов, проверяя действительное их назначение с помощью специально поставленных модельных экспериментов.

Для проведения экспериментов были изготовлены аналогичные древним инструменты: для вязания – из дерева³ (рис. 1,4-9, 2,2-5, 3,3-8), для плетения – из папье-маше (рис. 4,5-7). Используемые в эксперименте по вязанию на спицах коричневые нити были изготовлены в домашних условиях из верблюжьей шерсти на самопрялке. Белые нити, использованные в экспериментах по вязанию крючком и иглой, специально спрядены из овечьей шерсти с помощью деревянного веретена (рис. 3,10).

Спицы обоюдоострые для кругового вязания (рис. 1)

В фондах археологического музея-заповедника «Танаис» в секторе «Археология эталонов» хранится «Коллекция обработанных костей животных» (АМЗТ КП-97/АЭ-26/1-113) из раскопок Танаиса в 1955-1987 гг. В составе этой коллекции имеется несколько предметов, которые Б.Г. Петерс атрибутировал как шилья (Петерс, 1986, с. 51-52, 130, 167, табл. VII,14,18-20), Демиденко, повторяя версии своих предшественников, еще шире – шилья, проколки, стили (Демиденко, 1994, табл. XI,

¹ Безусловно, в древности инструменты того же назначения, как и в наше время, могли изготавливаться также из металла и дерева (Карельская, Власова, Лепина, 1992, с. 137, 231).

² В т.ч. и тогда, когда при правильном наименовании орудия неверно определяется его функциональное назначение.

³ Самый доступный материал, использующийся и сегодня, наряду с пластиком и металлом, для изготовления таких инструментов. Совершенно очевидно, что и в древности дерево применялось для этих же целей, наряду с костью и металлом (подвергался при порче орудий, в отличие от кости и дерева, утилизации, иными словами, вторичному использованию для изготовления других предметов; поэтому до наших дней подобные орудия практически не сохранились). Но в отличие от кости и металла мелкие деревянные предметы в сухих грунтах юга России не сохраняются.

с. 143, 146, 151). Фотографии нескольких из них наряду с другими представлены в данной статье на рисунках 1,1-8⁴. На самом деле это обоюдоострые спицы (целые и их фрагменты) для кругового вязания безшовных изделий (таких, как носки, варежки, свитера и им подобные). Для такого вязания необходимо, как минимум, 5 спиц: четыре держат петли, пятой вяжут (Карельская, Власова, Лепина, 1992, с. 137; Рукоделие. Популярная энциклопедия, 1992, с. 118-119). При этом для кругового вязания широких изделий (например, свитера) потребуется большее количество таких спиц, либо они должны быть значительно длиннее. Длина таких спиц сегодня достигает от 8 до 20 см и даже более. Представленные на вышеназванных рисунках из коллекции музея-заповедника «Танаис» имеют длину 8,7 см (рис. 1,1), 9 см (рис. 1,2)⁵, 11,3 см (рис. 1,3)⁶, 13,2 см (рис. 1,4)⁷, 8,7 см (рис. 1,5)⁸, 11,1 см (рис. 1,6)⁹, 10,4 см (рис. 1,7)¹⁰, 9 см (рис. 1,8). Максимальное сечение (а у уплощенных и неправильных в сечении – максимальная ширина) спиц в средней части варьирует от 0,7 до 0,9 см. В плане практически все имеют сигаровидную форму. При этом форма поперечного сечения средней части таких спиц может быть самой разной. Первые две (правильной формы) – круглые. Следующие три на разных участках «тела» имеют разное сечение: от округлого до подпрямоугольного. Шестая – полукруглое. Седьмая – уплощенная с обеих сторон, подпрямоугольная в сечении. Восьмая повторяет форму трубчатой кости, из которой изготовлена – в сечении с-образная (одна сторона выпуклая, другая вогнутая). Визуальный анализ описываемых спиц показал, что их форма и величина поперечного сечения во многом зависели от формы кости, из которой они изготавливались¹¹. В ходе изготовления этих орудий острые грани обтачивались и зашлифовывались. Далее, уже в ходе эксплуатации, поверхности спиц полировались нитями. Но как бы спицы друг от друга не отличались, оба конца (функциональные части инструмента) у них всегда имеют круглую в сечении форму. При этом хорошо заметны следы длительной эксплуатации спиц¹².

Для реконструкции процесса кругового вязания на пяти спицах из дерева были изготовлены модели, аналогичные вышеописанным спицам-артефактам (рис. 1,9-13). Для сравнения одно изделие (шерстяные носки) было связано современными, более тонкими, чем публикуемые в настоящей статье артефакты, деревянными спицами № 3¹³ (рис. 1,14). Сегодня рукодельницы подбирают спицы по толщине (она определяется диаметром поперечного сечения стержня) в зависимости от толщины нити, а также от того, какую плотность вязки хотят получить. Концы спиц не должны быть очень остро заточены, иначе они будут рвать нить и колоть пальцы, но и тупые спицы не применяются, т.к. это замедляет процесс вязания (Карельская, Власова, Лепина, 1992, с. 137). Судя по данным остеологии (Шелов, 1970, с. 182; Шелов, 1972, с. 82-83; Цалкин, 1969, с. 284, табл. 5,6)¹⁴, в Танаисе не

⁴ Изображенная на рисунке 1,5 спица, по-видимому, соответствует той, которую опубликовал Д.Б. Шелов в 1984 г. в ставшем уже хрестоматийным обобщающем коллективном труде «Античные государства Северного Причерноморья» из серии «Археология СССР» (табл. XL, 3). В нем он, также как и другие исследователи, ошибочно атрибутировал обоюдоострую вязальную спицу как проколку.

⁵ Демиденко Л.А., 1994, с. 143, 151, табл. XI, 5; автор сомневается и дает несколько возможных наименований орудия, ссылаясь на работы других исследователей: проколка сигаровидной формы, двустороннее шило.

⁶ Демиденко Л.А., 1994, с. 143, 151, табл. XI, 3; то же.

⁷ Демиденко Л.А., 1994, с. 143, 151, табл. XI, 6; то же.

⁸ Демиденко Л.А., 1994, с. 143, 151, табл. XI, 2; то же.

⁹ Демиденко Л.А., 1994, с. 143, 151, табл. XI, 14; то же.

¹⁰ Демиденко Л.А., 1994, с. 143, 151, табл. XI, 7; то же.

¹¹ Форма средних частей спиц никак не влияет на процесс вязания, в отличие от их концов – они должны быть умеренно заостренными и гладкими.

¹² Об этом свидетельствует сработанность (отполированность) всей их поверхности, чего бы не могло быть, если бы эти орудия использовались в качестве шильев, проколок или стилей.

¹³ Номер спицы определяется ее толщиной (диаметром) в миллиметрах. Например, спицы № 1 имеют толщину 1 мм, спицы № 2 – 2 мм и т.д. Толщина спицы, как правило, должна быть в два раза больше толщины пряжи (Карельская, Власова, Лепина, 1992, с. 137). Сегодня для вязания широко применяются также спицы из разнообразных металлов и пластика.

¹⁴ Шелов Д.Б. особо подчеркивает, что Танаис отличается от других городов Боспора наибольшим процентом мелкого рогатого скота в общей численности стада (Шелов, 1972, с. 82-83). По определению Цалкина В.И.

было недостатка в шерсти и пухе мелкого рогатого скота (овец, коз) – сырье для изготовления пряжи и ниток для вязания шерстяных и пуховых изделий, остро необходимых жителям города в холодное время года.

Другая разновидность спиц, широко используемая в наше время для ручного вязания, имеет только один острый конец. Такие спицы используют не для кругового, а для прямого вязания. Для этого они должны быть достаточно длинными. Сегодня это 30 см и более. В связи с большими размерами таких спиц в древности кость едва ли могла использоваться в качестве материала для их изготовления. По-видимому, тогда, если они и применялись при вязании, их могли делать только из дерева или металла.

Безусловно, археологи чаще имеют дело с фрагментами древних орудий и инструментов. Многие из спиц дошли до нас сохранившимися не полностью, будучи выброшены за ненадобностью. Поэтому такие фрагменты, наряду с целыми экземплярами, определялись исследователями как проколки, шилья, иглы и стили для письма (Демиденко, 1994, с. 143, 144, 146, 151; Наливкина, 1940, с. 192, табл. XLII,1,2)¹⁵. Для правильной атрибуции важно обращать внимание на размеры, пропорции, характер поверхностей (они всегда имеют следы сработанности, выражающейся, применительно к этому виду ремесленного инструмента, в гладкой полировке, причем не каких-то отдельных частей орудия, а полностью всех участков поверхности без исключения), всегда наличие округлых в поперечном сечении, заостренных обоих концов; при этом поперечное сечение средней части орудия может быть самой разной формы, но без резких переходов (скруглены) и ребер.

Аналогичные сигарообразным спицам Танаиса костяные изделия известны, например, в материалах из раскопок памятников энеолита Кавказа (Мунчаев, 1982, рис. XXX,39; XXXVI,14), культуры Зимно-Злота¹⁶ (Черныш, 1982, рис. XCVI,21), Киевской культуры III – начала V в. н.э. (Максимов, Терпиловский, 1993, с. 216, табл. XLII,40), на других античных памятниках в широком хронологическом диапазоне (Гайдукевич, 1958, рис. 60,1-3; Наливкина, 1940, табл. XLII,1,2; Петерс, 1986, рис. VII,11-13,15-17).

Крючки для вязания (рис. 2)

Из раскопок в Танаисе происходит пока всего лишь один артефакт, который можно более-менее достоверно атрибутировать как крючок для вязания шерстяных изделий (Демиденко, 1994, табл. X,12)¹⁷. Зато их достаточно много¹⁸ зафиксировано на других античных памятниках Северного Причерноморья (Петерс, 1986, рис. 20, 21, 23, 24, 30, 31; табл. VI,11,12; VIII,11-14,16-18,20-43; IX,13,15,17-22,24-26,28,30,32-37,39-42,45-50). Часть из них с утраченными головками Б.Г. Петерс называет просто стержнями (Петерс, 1986, табл. IX,1-9,51-55), Л.А. Демиденко – шильями и стилем для письма (Демиденко, 1994, табл. X,12,7,9,10), Д.Б. Шелов – просто костяными орудиями (Шелов, 1984, табл. XLI,5,6).

мелкий рогатый скот составлял в эллинистическое время 44,9%, в римское – 43,6%, в то время как на других синхронных античных памятниках не превышал 33% (Цалкин, 1969, с. 284, табл. 5,6).

¹⁵ Тем не менее, автор инстинктивно поместила их в подавляющем большинстве в одну таблицу (Демиденко, 1994, табл. XI).

¹⁶ Территория между Верхней Вислой, Горынью и Верхним Днестром.

¹⁷ Автор неверно определила его как иглу для вязания сетей (Демиденко, 1994, с. 144). Практически полное отсутствие крючков для вязания в коллекциях музея-заповедника «Танаис» объясняется тем, что археологи находят их, скорее всего, в виде отдельных фрагментов (выброшенных в древности при поломках целых орудий за ненадобностью) – это во-первых; во-вторых: в фондах, возможно, хранятся нижние (хорошо обработанные) части крючков для вязания, ошибочно атрибутируемые как шилья и стили для письма (Демиденко, 1994, с. 144, 146, 151, табл. X,7-10).

¹⁸ В процентном отношении значительно больше, чем в Танаисе, и заметно больше, чем обоюдоострых спиц для кругового вязания.

Крючок для вязания должен иметь скругленную головку для удобного продевания в петлю. Вырез-крючок¹⁹ находится непосредственно под головкой для схватывания и протягивания нити через петлю предыдущего ряда. Противоположный головке конец орудия может быть как заостренным, так и тупым. Острый конец служит для регулирования натяжения нити во время вязания узора с использованием дополнительных одной и более нитей другого цвета. Наличие тупого конца свидетельствует о применении других способов вязания, когда используется только головка с крючком. Форма стержня при наличии острия у древних орудий в плане напоминает клин (т.е. плавно сужается к заостренному концу)²⁰. У орудий с тупым концом стержень к концу практически не сужается (Петерс, 1986, табл. VIII,31). Длина крючков для вязания, судя по публикации Б.Г. Петерса, варьировала от 7 до 11 см²¹. В поперечном сечении стержни крючков для вязания могут иметь любую форму (подокруглую, подовальную, подтреугольную, подчетыреугольную), в зависимости от конфигурации кости, из которой они изготавливались²². Если вязать из толстых нитей толстым крючком, то связанное полотно получается очень плотным, и наоборот, применение толстого крючка при вязании тонкими нитями дает редкое полотно с большими просветами (Карельская, Власова, Лепина, 1992, с. 231). В зависимости от времени эксплуатации поверхность костяных крючков могла иметь разную степень сработанности. Нитка полировала в основном головку и острый конец орудия, но наибольшему износу подвергалась рабочая поверхность выреза-крючка²³.

Модельный эксперимент был проведен с помощью специально изготовленного из округлого в поперечном сечении деревянного стержня²⁴ орудия длиной 11 см (рис. 2,2). В верхней части орудия непосредственно под скругленной (обтекаемой) «головкой» был сделан треугольный вырез (собственно крючок). На одном из рисунков демонстрируется процесс вязания шерстяного изделия одной нитью с использованием рабочей части крючка, давшей название всему орудию, – головки с крючком (рис. 2,3). На другом рисунке показано использование острого конца орудия для натяжения нити при вязании узора (рис. 2,4). На следующих двух рисунках представлены готовые изделия (шерстяные носки), связанные экспериментальным крючком (№ 6), с простым и более сложным узором (рис. 26,7). Способы вязания этих вещей отличаются от бытующих в наше время (Карельская, Власова, Лепина, 1992, с. 231-283; Рукоделие. Популярная энциклопедия, 1992, с. 61-85).

Современные изделия вяжутся разными видами петель: простыми столбиками (столбик без накида), полустолбиками без накида, полустолбиками с накидом, столбиками с двумя, тремя накидами, выпуклыми и вогнутыми столбиками и т.д. Экспериментальные же изделия изготавливались с использованием уже забытого приема вязания, который сегодня сохранился у народов Памира при изготовлении джурабов²⁵ (Мачурская, 2014. Интернет-статья): полустолбиками, вытянутыми за передние или задние доли петли. Этот способ вязания более простой, чем современные, но обеспечивает более плотную вязку, особенно с использованием двух, трех нитей в узоре, что делает

¹⁹ Форма и размеры выреза зависели от толщины нити.

²⁰ Эксперимент показал, что такая форма стержня наиболее удобна для контроля за натяжением нити во время вязания узора. Так же характеризовал общую форму этого орудия, называя его вслед за другими исследователями иглой для вязания сетей, Д.Б. Шелов. Но надо отдать должное прозорливости этого выдающегося исследователя. Он сильно сомневался в правоте этой версии, т.к. накопившиеся ко времени написания его работы факты свидетельствовали не в ее пользу. Поэтому он заключил свои размышления на эту тему словами: «Видимо, надо пересмотреть вопрос о назначении этих инструментов и подыскать им какое-то новое объяснение» (Шелов, 1972, с. 110).

²¹ Размер крючка, по-видимому, диктовался величиной кости, из которой он изготавливался. В наше время для вязания, например, полотна используются крючки еще большего размера – длиной до 35 см, а также крючки на пластиковой трубочке или леске, достигая вместе с ней 70 см и более.

²² Конфигурация стержня крючка для вязания практически не влияет на его основную функцию.

²³ При использовании плотной вязки особенно изнашивался верхний край выреза-крючка (Петерс, 1986, табл. VIII, 28,29,33,35,36).

²⁴ Сечение стержня к острию немного равномерно уменьшается.

²⁵ Разновидность шерстяных носков.

изделия более прочными и теплыми. Изделие на рисунке 2,8 связано более мелким современным крючком № 2, но тоже по древней технологии; оно имитирует тканое полотно.

Как и сегодня, в древности, по-видимому, также использовались крючки с тупым (не функциональным) «острием» (рис. 2,9; Петерс, 1986, табл. VIII,31). Представленный на рисунке 2,10 шерстяной носок связан современными ремесленниками Приэльбрусья именно таким крючком (примерно № 12) из толстой нитки-ровницы²⁶.

Аналогий среди артефактов, происходящих из раскопок памятников других эпох, нам известно очень мало²⁷. Один вязальный крючок происходит с восточно-славянского Боршевского городища VIII-X вв. на Дону²⁸. Он атрибутирован автором как острие (Седов, 1982, с. 141, рис. XL,10). Три других – из раскопок средневекового Херсона IX-XIII вв. – были определены как приспособления для вязания сетей (Романчук, 1981, с. 86, рис. 1,18-20).

Иглы для вязания (рис. 3)

Вязание одной иглой – это одно из самых древних ремесел. Сейчас оно почти полностью забыто и сохранилось в своих традиционных формах в отдельных сельских районах, в частности, на русском севере (Григорьева, 2002, с. 2-6). Наиболее ранние находки, относящиеся к этой технике вязания, датируются пятым тысячелетием до нашей эры (Зиборева, раздел «Вязание». Интернет-статья). В древности этот способ вязания относился к мужскому ремеслу. Мужчины сами вязали иглой теплые вещи, которые надевали на охоту или рыбалку. Вещи, связанные одной иглой, были грубее, плотнее, жестче (там же). Интерес к этой архаичной технике вязания в последнее время возрождается, о чем свидетельствует значительное количество сайтов, где она описывается²⁹.

Остатков изделий, связанных иглой в древности, на юге России археологи пока не зафиксировали. Однако на античных памятниках Северного Причерноморья были найдены орудия производства этого ремесла – иглы, нередко с утраченным еще в древности ушком (Наливкина, 1940, с. 188-190, табл. XL; Шелов, 1984, табл. XLI,4; Петерс, 1986, с. 50-51, 163, табл. VI,13,14,17-24; VII,28,30,32)³⁰. Последние три иглы из категории уплощенных автор атрибутировал как стержни. Версия Б.Г. Петерса об использовании крупных игл для вязания сетей (Петерс, 1986, с. 50,51)³¹ не может быть обоснована с точки зрения технологии применения данного инструмента, так как для вязания сетей необходима нить по возможности наибольшей длины. Наши иглы для этой цели не

²⁶ Ровница – это некрученая шерстяная нить, нечто среднее между шерстью и нитью.

²⁷ Возможно, они просто не опубликованы из-за сомнений авторов в их атрибуции.

²⁸ Территория Воронежской области.

²⁹ <http://cs.vassar.edu/~capriest/nalbind.html>; <http://www.regia.org/naalbind.htm>;
<http://geocities.com/sigridkitty/index.html>; <http://www.kakprosto.ru/kak-129291-kak-vyazat-igloy>;
<http://dilettante.info/nalbindingpages/osloprimer/osloprimer1.htm>;
http://homepage.ntlworld.com/shelagh.lewins/shelagh/Nalbinding/Sock_construction.htm;
<http://dueppel.de/nadelbind/nadelbkat.htm>; <http://www.yorkarchaeology.co.uk/secrets/vikinds.htm>;
http://willadsenfamilj.org/sca/isabel_as/norse-garb/norse_accessories.pdf;
<http://geocities.com/SoHo/Studios/1940/medknit.html>; <http://wayofsword.sakh.com/svetlica/Igla.htm>;
<http://jazwiec.pl/index.php?content=naal1>; <http://genvieve.net/sca/nalbound-socks.html>;
<http://home.arcor.de/bedankbar/index-eng.htm>; <http://www.en.neulakintaat.fi>;
http://kirainar.ucoz.ru/publ/informacija_po_rekonstrukcii/odezhda_i_byt/vjazanie_odnoj_igloj/3-1-0-33;
http://beadsky.com/skandi_viazanije.php?ln=ru; <http://www.liveinternet.ru/users/weaving/post269828645>;
<http://nsportal.ru/shkola/dopolnitelnoe-obrazovanie/library/metodicheskoe-posobie-tehnika-vyazaniya-odnoj-igloy>;
<http://rutracker.org/forum/viewtopic.php?t=3639296>; <http://otvet.mail.ru/question/16104837>;
<http://great.az/poleznoe-chtivo/12760-kak-vyazat-igloy.html>; <http://old-chest.narod.ru/pletienie.htm>;
<http://friend.blog.ru>; <http://www.podelkidoma.ru/node/483>.

³⁰ Немало игл было найдено на древнерусских памятниках: Гнездово, Тимеревское городище, Сарское городище, Старая Ладога, древний Курск и др. (Горбунов, 2011, с. 2, рис. 1,9; Дубов, 1982, рис. 14,5, 16,11, 26,13,14; Пушкина, 1993, с. 59-61, рис. 2,5).

³¹ Одной из первых такую мысль высказывала М.А. Наливкина (Наливкина, 1940, с. 188, 189).

подходят. При их использовании длина нити ограничена размахом человеческой руки. Поэтому для вязания сетей использовались специальные челноки, на которые можно было намотать много нити (Тимохович. Интернет-статья)³².

Среди материалов из раскопок в Танаисе идентифицирован пока только один экземпляр иглы для вязания с утраченным еще в древности ушком³³. Это широкая игла с острым окончанием и линзовидным в поперечном сечении стержнем (рис. 3,1)³⁴. Ее длина – 9,9 см, максимальная ширина – 1 см, толщина – 0,4 см. Ее аналогии мы находим на памятниках, начиная с эпохи бронзы (Хлобыстин, 1987, рис. 127,13; рис. 133,24), в одновременных Танаису погребениях поздних скифов, савроматов, ранних сарматов и культурных слоях городищ III в. до н.э. – III в. н.э. (Дашевская, 1989, рис. 47,31,33, 57,26; Мошкова, 1989, с. 300-301, рис. 68,46), материалах позднесарубинецкой культуры I в. н.э. (Обломский, с. 50, табл. XVII, 29), на различных памятниках эпохи средневековья (Горбунов, 2011, с. 2, рис. 1,9; Дубов, 1982, с. 154, рис. 16,11, 26,13,14; Могильников, 1987, с. 248, табл. CL,13; Романчук, 1981, с. 86, рис. 1,8-11; Седов, 1987, с. 420, табл. CX,4; Сергеева, 2012, с. 135, рис. 8,4,6) и вплоть до начала XIX в. (Григорьева, 2002, с. 2). Некоторые из исследователей атрибутировали широкие в плане и подовальные в поперечном сечении иглы не только как иглы, но и как «изделия для плетения рыболовных сетей» (Ambrosiani, 1981, p. 136), «шпильки для скрепления деталей одежды» (Сергеева, 2012, с. 135).

В этой связи интересны находки не только орудий, но и изделий, связанных иглой, обнаруженные археологами в Скандинавии (Швеции, Финляндии), Дании, Новгороде, на Ладоге (рис. 3,7,8; Нахлик, 1963, с. 264-265, 297(№5), 301(№№117,119), 304(№200), 305(№№229,242,243), 306(№255), 307(№293), 312(№440); Зиборева, раздел «Вязание». Интернет-статья)³⁵. Для «игольного» вязания можно использовать как плоскую, так и круглую в поперечном сечении деревянную или костяную иглу (можно и металлическую, но не с острым концом, так как суть вязания состоит в том, чтобы создать петлю, не пронзая саму нить). Толщина (ширина) иглы зависит от толщины используемой для вязания нити. Ушко иглы должно быть достаточно большим, чтобы сквозь него можно было протянуть толстую нитку (пряжу). Форма ушка особой роли в ремесле не играет и зависит, по-видимому, в основном от техники его изготовления. Внешне изделие выглядит вязаным, эта техника основана на спиральных переплетениях толстой шерстяной нитки. При раскопках найдены лишь небольшие вещи, выполненные в этой технике (рукавицы, носки, головные повязки, шапочки). Учёные это объясняют тем, что вязание иглой – процесс довольно медленный, большие изделия выглядят не так выигрышно, как тканые, а рабочая нить бралась довольно короткая, и приходилось делать много соединений, что уменьшало прочность полотна. Традиция вязания иглой сохранялась в местностях с суровым климатом вплоть до конца XX века. (Вязание иглой, 2011. Интернет-статья).

Для проведения модельного эксперимента было изготовлено две деревянные иглы: круглая (в поперечном сечении) и плоская со сточенными гранями (рис. 3,4-6). В ходе модельного эксперимента

³² Тимохович В.П. Как вязать рыбацкую сеть // <http://acule.ru/kak-vyazat-rybackuyu-set>.

³³ Л.А. Демиденко в свое время определила как иглы («для вязания сетей») орудия, которые не могут быть таковыми уже на том основании, что у них нет отверстий для продевания нити (Демиденко, 1994, табл. X,3). Назначение одного из них определить пока не представляется возможным. Другое костяное изделие (Демиденко, 1994, табл. X,12), как уже отмечалось выше, атрибутировано нами как крючок для вязания.

³⁴ В наше время для вязания применяются очень похожие по форме иглы (рис. 3,2).

³⁵ На Готланде в раскопках А. Морэ была найдена рукавица, относящаяся к началу нашей эры. От эпохи викингов в Северной Европе до нас дошли вязаные шапочки (Юго-Восточная Балтия), носки 970 г. (Коппергейт, Упсала), две варежки в Исландии X в., варежка XI в. в Осло (Норвегия), перчатка (Бирка), фрагмент вязаного изделия из Новгорода конца X - начала XI в., трехцветный фрагмент варежки того же времени, найденный около Кокомаки в Финляндии (Нахлик, 1963, с. 265; Зиборева, раздел «Вязание». Интернет-статья).

применено два способа, отличающихся по технике вязания³⁶. В итоге получились изделия, отличающиеся друг от друга по фактуре вязки, но практически одинаковые по толщине. Эксперимент показал, что вязание иглой более трудоемкое, нежели вязание спицами и крючком. Зато вещь, связанную иглой, невозможно распустить, потянув за кончик нити – в отличие от вещи, связанной спицами и крючком. Без сомнения к категории игл для вязания можно отнести все иглы с широким (уплощенным) стержнем. Другое дело – круглые (в поперечном сечении) костяные иглы³⁷. Они могли использоваться как для сшивания, так и для вязания. Но сшивать и штопать такими иглами можно было только тканые и вязаные вещи. Для сшивания шкур и плотных тканей потребовалось бы предварительно сделать отверстие шилом.

Четыре иглы с двумя ушками, опубликованные Б.Г. Петерсом и М.А. Наливкиной (Петерс, 1986, табл. VI, 21-24; Наливкина, 1940, с. 189, 190, табл. XL, 6-8)³⁸, по-видимому, использовались для вышивания. В такую иглу можно заправить две разных или близких по цвету нити и вышить необычный по декоративности узор, в котором оба цвета будут равномерно распределены, или заправить оба ушка одной и той же нитью – работа пойдет в два раза быстрее (Ревдова, 2010. Интернет-статья). Если же две нити вдеть в обычную иглу с одним ушком, то в ходе работы нити будут неизбежно перекручиваться-перевиваться, и как следствие, поверхность вышивки будет неровной и неряшливой на вид. Другие преимущества, которые дает игла с двумя ушками и которыми не обладают другие, обычные иглы: благодаря тому, что работа выполняется одновременно двумя нитями, ткань меньше треплется, а кроме того, сама работа над вышивкой становится проще; в иглу можно вдеть нити, различные не только по цвету, но даже по фактуре.

По итогам эксперимента можно утверждать, что игла для вязания любого типа для удобства работы с ней должна иметь оптимальную длину – 7,5-11 см. Это полностью согласуется с размерами игл, опубликованных в монографии Б.Г. Петерса³⁹. Толщина игл и размеры их ушка зависели от толщины нитей, используемых при вязании. Поверхности таких игл всегда тщательно отшлифованы и заполированы, острие тупое (скругленное).

Трубки для плетения изделий из соломы (рис. 4)

В фондах музея-заповедника «Танаис» хранятся 3 костяные трубочки усеченно-конической формы, функциональное назначение которых долгое время было непонятно. Они были найдены В.К. Гугуевым при раскопках некрополя Гниловского городища в 1990 году. Две из них происходят из погребения женщины 18-20 лет (погребение 253; Батиева, 2011, с. 111), датированного I в. н.э.⁴⁰ (рис. 4, 1, 2). Размеры первой трубки: высота (длина) – 4 см; внешний «диаметр»⁴¹ широкой («нижней»⁴²) части максимальный – 1,5 см, минимальный – 1,3 см (точнее – 1,3x1,5 см); внешний

³⁶ Сегодня известно около 30 способов вязания иглой, которые отличаются количеством петель, задействованных для набора следующей петли, и направлением движения иглы (Зиборева, раздел «Вязание». Интернет-статья).

³⁷ Известны еще с эпохи позднего палеолита (Абрамова, 1984, рис. 128, 4, 130, 8, 9, 131, 1, 2), мезолита (Ошибкина, 1989, с. 201, рис. 14, 9, 10), энеолита (Мунчаев, 1982, рис. XXXII. 32), бронзы (Артеменко, 1987, рис. 17, 7; Хлобыстин, 1987, рис. 135, 23; Андреева, 1987, рис. 143, 15), и, наконец, раннего железного века, начиная со скифской эпохи (Дашевская, 1989, с. 299, рис. 47, 24-26), памятников Пшеворской культуры II в. до н.э. – начала V в. н.э. (Козак, 1993, с. 215, табл. XXI, 22).

³⁸ Иглы с двумя ушками встречаются и в средневековых культурных слоях, в частности, Херсонеса XII-XIV вв. (Романчук, 1981, с. 86, рис. 1, 7).

³⁹ Там же имеется экземпляр (с двумя ушками), найденный на городище у с. Михайловка, достигающий в длину около 15 см (Петерс, 1986, с. 163, табл. VI, 23). Возможно, такая игла использовалась для вязания другим, не применявшимся в ходе нашего эксперимента, способом, требующим большей длины иглы.

⁴⁰ Эта и последующие датировки предоставлены автором раскопок В. К. Гугуевым.

⁴¹ Кавычки указывают на условность слова диаметр, т.к. форма не круглая, а подовальная.

⁴² Нижняя, если исходить из того, что она шире и является основанием усеченного конуса, форму которого имеет трубка.

«диаметр» узкой («верхней») ⁴³ части – 1,0х1,05 см; размеры отверстия: в широкой части – 0,6х0,9 см, в узкой части (круглое) – 0,75 см (внутри мин. – 0,45 см); толщина стенок: в «нижней» части – 0,3-0,35 см, в «верхней» (узкой) части – 0,1-0,15 см. Размеры второй трубки: высота (длина) – 3,9 см; «диаметр» широкой части – 1,5х1,65 см; «диаметр» узкой части – 1,0х1,1 см; размер отверстия в широкой части – 0,7х0,95 см, в узкой части – 0,65х0,7 см (внутри мин. – 0,6 см); толщина стенок: в «нижней» части – 0,35-0,45 см, в «верхней» (узкой) части – 0,15-0,2 см.

Третья трубка была найдена в погребении мужчины(?) 18-20 лет (погребение 57; Батиева, 2011, с. 110), датируемом I-II вв. н.э. (рис. 4,3,4) ⁴⁴. Размеры: высота (длина) – 4,1 см; «диаметр» широкой части макс. – 2,6 см, мин. – 2,45 см; «диаметр» более узкой части макс. – 2,0 см, мин. – 1,9 см; размер отверстия в широкой части – 1,4х1,6 см, в узкой части – 1,4х1,6 см (внутри – 1,2х1,4 см); толщина стенок: в «нижней» части – 0,4-0,5 см, в «верхней» (узкой) части – 0,15-0,25 см.

Четко прослеживаются определенные закономерности: в разнице внешних «диаметров» узкого и широкого концов описываемых трубок – во всех трех случаях она составляет около 0,5 см; отверстия в средних частях трубок несколько меньше даже относительно их зауженных («верхних») частей, а стенки в основании («нижней» части) значительно толще, чем вверху. Внешняя сторона обеих узких трубок тщательно отшлифована и заполирована. Особенностью описываемых предметов являются следы сработанности (на узких частях трубок – до отполированности) верхнего и внутреннего края устья их «узкой» части, что хорошо видно на рисунке 1,2 ⁴⁵. Судя по фактуре материала, все они изготовлены из рога, но разных животных. Широкая трубка из погребения мужчины(?) сохранилась значительно хуже двух узких, по-видимому, потому, что она в отличие от последних была изготовлена из менее прочного рога.

По данным этнографии трубки такой же формы ⁴⁶ применялись у различных народов для изготовления изделий из соломы ⁴⁷ в качестве «приспособления для контроля за толщиной жгута» (Плетение из соломы ..., рис. 1. Интернет-статья). Во времена существования Танаиса в его сельской округе, в которую входило и Гниловское городище, выращивались различные злаковые культуры (просо, ячмень, пшеница, рожь, овес, гречиха, конопля). Их следы археологи находят как в самом Танаисе, так и на меотских поселениях его округа (Шелов, 1972, с. 75-77). Солома – как побочный продукт обмолота пшеницы и ячменя – вполне могла использоваться в древности, как и в совсем еще недавнее время, для изготовления разнообразных сосудов, циновок, сумок, ульев-сапеток, игрушек, головных уборов и др. изделий (Патлах, 1993-2007, рис. 14-15). Основным орудием для формирования пучка из соломы при плетении служили специальные трубки небольших размеров (около 4 см в длину). Вышеописанные трубки из некрополя Гниловского городища имели именно такие размеры. Специально поставленный эксперимент показал, что для этой операции длина трубки не может быть менее 3,5 см и более 5 см (рис. 4,6-9). Модельный эксперимент подтвердил, что костяные трубки использовались для спирального плетения изделий именно из соломы. Для изготовления предметов, например, из сена или рогоза они не подходят – эти материалы требуют других инструментов и технологических приемов.

Усеченно-коническая форма трубки определяется технологией изготовления соломенных изделий: пучок соломы вставляется в более широкую часть трубки, а узкая часть отверстия служит

⁴³ Вершина усеченного конуса трубки.

⁴⁴ Трубка на сегодняшний день состоит из двух продольных половинок; на рисунке 4,4 показана их внутренняя сторона.

⁴⁵ Проблема состоит в том, что при публикациях аналогов исследователи никакого внимания на эту их особенность не обращают. Но именно эта сработанность в зауженной части трубок и проливает свет на их функциональное назначение.

⁴⁶ Прежде всего, это касается обеих узких трубок.

⁴⁷ Солома ржи, пшеницы и других злаковых растений во все времена была одним из самых распространенных материалов для изготовления шляп, лаптей, корзин, плетеных сосудов для хранения зерна, сапеток (переносных ульев). Эти изделия у разных народов делаются по разным технологиям, с помощью разных инструментов и приспособлений.

для его уплотнения и контроля за толщиной пучка, который должен быть при плетении одинаковым. Далее для усиления эффекта уплотнения трубочку необходимо повернуть от себя примерно на 180 градусов и только после этого с помощью иглки с ниткой зафиксировать пучок в изготавливаемом изделии. Именно такая технология работы с пучками соломы объясняет вышеописанную особенность костяных усечено-конических трубок – сработанность и заполированность внутренней поверхности их зауженных («верхних») частей. Как уже отмечалось выше, трубка из мужского погребения имела больший диаметр, чем трубки из женского погребения. Следовательно, широкая трубка была рассчитана на значительно больший пучок соломы, а значит, и на значительно большие физические усилия при изготовлении изделия.

Зафиксированный при обмерах археологических находок факт меньшего диаметра внутреннего отверстия трубок в средней их части (даже по сравнению с диаметрами узких «верхних» частей трубок) также подтверждает функциональное назначение этого орудия. «Широкая» часть трубки, как выше уже отмечалось, была нужна для удобства вставления пучка соломы. В ее же узкой (наиболее функциональной) части пучок при изготовлении изделия многократно перекручивался и сгибался, в ходе эксплуатации не только полируя, но и постепенно стирая (причем, как это видно при внимательном осмотре орудия, неравномерно) внутреннюю поверхность выходного отверстия, тем самым, соответственно, уменьшая толщину его стенки. Таким образом, постепенно внутренний диаметр⁴⁸ этой части трубки увеличивался, что полностью подтверждается вышеприведенными обмерами трубок.

Итогом эксперимента стала корзина с двумя ручками, изготовленная из соломы пшеницы⁴⁹ спиральным способом плетения⁵⁰ (рис. 4,9). Основой спирального плетения являлись жгуты соломы⁵¹. Жгут укладывается по спирали. Поэтому с каждым витком можно наращивать объем и высоту, сужать или расширять изделие. Сегодня способом спирального плетения изготавливают округлые, цилиндрические или шарообразные предметы, которые имеют круглое или овальное основание⁵² (Лобачевская, 2000, с.15-16, 28-37). Очень похожие предметы, изготовленные способом спирального плетения, в том числе из соломы, известны археологам еще с эпохи неолита (Семенов, Коробова, 1983, с. 95). При плетении жгутами соломы наряду с трубкой необходима также изогнутая толстая игла (типа сапожной) с большим ушком (рис. 4,5)⁵³. Для соединения пучков соломы мы применили жгут из волокон конопли. В древности могли использовать также жгуты из других растительных материалов, например, крапивы.

⁴⁸ Теоретически диаметр новой усечено-конической трубки должен был плавно уменьшаться от ее основания (широкой части) к верху (узкой части), но при эксплуатации эта закономерность постепенно искажалась.

⁴⁹ Зеленый цвет соломы объясняется тем, что заготавливаемые для эксперимента стебли пшеницы были не до конца созревшими и не высушенными (использовались сразу после срезания).

⁵⁰ Как показал эксперимент, в отличие от других, описанных в данной статье, это ремесло очень трудоемкое, в ходе изготовления изделия у современного человека, не занимающегося этой работой систематически, сильно (до крови) натирается кожа на указательном пальце и мизинце.

⁵¹ Толщина жгута зависит от размеров создаваемого изделия: для изготовления больших предметов используют целые стебли соломы, а для предметов, меньших по размеру, – заготовленную и отсортированную солому без коленец. Из увлажненной соломы формировали пучок нужной толщины, слегка скручивали жгут, далее обматывали его либо прочной нитью, либо лентами из лозы, корня, лыка, бересты и укладывали по спирали, фиксируя плотными витками. Толщина жгута зависела от размера изготавливаемого изделия, объем которого формировался в процессе плетения. Жгутом, укладываемым по спирали, наращивают объем в высоту, одновременно, где это необходимо, расширяя или суживая изделие. При увеличении диаметра каждого очередного витка сосуд расширялся, а при уменьшении – сужался. Для контроля за толщиной соломенного жгута современные мастера используют металлические или пластмассовые трубочки.

⁵² Самые большие могли вмещать в себя десятки килограммов зерна. Для того, чтобы их не грызли мыши, изделия пропитывали смолой хвойных деревьев и во время плетения в жгут соломы вставляли стебли полыни.

⁵³ Возможно, для этих же целей использовались изогнутые иглы, найденные при раскопках некоторых археологических памятников (Горбунов, 2011, рис. 1,9; Наливкина, 1940, табл. XL, 2; Петерс, 1986, табл. VI.18; Романчук, 1981, рис. 1,10 и др.).

Многие годы исследователи (в основном средневековых древностей), находя в культурном слое или среди погребального инвентаря подобные трубки из рога, реже из кости, иногда орнаментированные, атрибутировали их «предположительно» как «костяные цилиндрики», «обоймицы», «муфты», «навершия», «пряслица», «украшения», «части составных рукоятей», «рукояти инструментов», «шахматные фигурки», «вставки для гарпунов», «принадлежности охотничьего инвентаря», «наперстки», «игральные кости», «манки», «мундштуки для боевых труб» (Горбунов, 2011, с. 2, рис.2,2,3; Романчук, 1981, рис. 22-26; Сергеева, 2012, с. 13, рис. 4,9, 8,21-24; Флерова, 1998, с. 96), либо вообще никак. Причем для многих авторов в ходе интерпретации никакой разницы между трубками цилиндрической и усеченно-конической (а иногда и более сложной) формы не было. В последнее время некоторые стали писать об «окончательной атрибуции» костяных трубочек «цилиндрической и усеченно-конической формы с продольным отверстием», определяя их как наконечники для стрел – «томары», предназначавшиеся для охоты на пушного зверя, ссылаясь на статью Гайдукова П.Г. и Макарова Н.А. «Новые археологические материалы о пушном промысле в Древней Руси» 1993 года, изданную в 7 выпуске сборника «Новгород и Новгородская земля. История и археология»⁵⁴. К одной и той же категории артефактов, возможно, из-за недостаточно подробного их описания и отсутствия хороших изображений и правильных обмеров, исследователи могут причислять совершенно разные по функциональному назначению предметы.

В данной работе мы постарались подкрепить свою точку зрения о функциональном назначении костяных трубок, как и трех других описанных выше групп артефактов, данными этнографии и результатами специально поставленных для проверки наших гипотез модельных экспериментов.

Литература

- Абрамова З.А. Поздний палеолит Азиатской части СССР // Археология СССР. Палеолит СССР. – М.: Наука, 1984. – С. 302-346.
- Андреева Ж.В. Бронзовый век Дальнего Востока // Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. – М.: Наука, 1987. – С. 351-358.
- Артеменко И.И. Культуры раннего бронзового века южной полосы лесов Европейской части СССР // Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. – М.: Наука, 1987. – С. 35-51.
- Батиева Е.Ф. Население Дона (палеоантропологическое исследование). – Ростов н/Д: ЮНЦ РАН, 2011. – 159 с.
- Вязание иглой, 2011 // <http://kirainar.ucoz.ru>
- Гайдукевич В.Ф. Илурат. Итоги археологических исследований 1948-1953 гг. // МИА. – 1958. – № 85. – С. 9-148.
- Гайдуков П.Г., Макаров Н.А. Новые археологические материалы о пушном промысле в Древней Руси // Новгород и Новгородская земля. История и археология. – Новгород, 1993. – Вып. 7. – С. 179-188.
- Горбунов Д.Н. Косторезное дело населения древнего Курска // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. № 3(10). – Курск, 2011. – Т. 2. – 7 с., 8 рис. // <http://scientific-notes.ru>
- Григорьева Г.А. Забытые традиции. Вязание одной иглой. Архангельск: Всероссийский художественный научно-реставрационный центр имени академика И.Э. Грабаря. Архангельский филиал. 2002. – 6 с., 8 рис. // <http://bolesmir.ru>
- Дашевская О.Д. Поздние скифы. III в. до н.э. – III в. н.э. // Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1989. – С. 125-146.
- Демиденко Л. А. Костяные изделия первых веков нашей эры из Танаиса // Вестник Танаиса. – Ростов н/Д: Гефест, 1994. – Вып. 1. – С. 140-175. Табл. I – XXI.

⁵⁴ А почему отдельные из этих «трубок» из рога и кости, имеющих скругленную в верхней части форму и орнаментацию, атрибутируются исследователями как наконечники стрел, а не как набалдашники тростей, например? Набалдашник [от тат. baldan – эфес, рукоятка] – округлая надставка на верхнем конце трости. (Словарь иностранных слов русского языка, 2007); род колпачка или утолщение на верхнем конце трости, палки, серебряный, костяной (Ожегов, 1992).

- Дубов И.В. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья. – Л.: ЛГУ, 1982. – 199 с., 51 рис.
- Зиборева Н.А. Изготовление тканей в Северной Европе в IX-XI веках. // <http://simvolika.org>
- Карельская И.Ю., Власова А.А., Лепина Т.П. Для тех, кто вяжет. – СПб.: СКФ «Человек», 1992. – С. 137-283.
- Козак Д.Н. Пшеворская культура // Археология СССР. Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н.э. – первой половине I тысячелетия н.э. – М.: Наука, 1993. – С. 53-66.
- Лобачевская О.А. Плетение из соломки. – М.: Культура и традиции, 2000. – 207 с.
- Максимов Е.В., Терпиловский Р.В. Киевская культура // Археология СССР. Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н.э. – первой половине I тысячелетия н.э. – М.: Наука, 1993. – С. 106-122.
- Мачурская Е. Памирские джурабы крючком. 2014 // <http://sol-x.ru>
- Могильников В.А. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Археология СССР. Финно-угры и балты в эпоху средневековья. – М.: Наука, 1987. – С. 163-235.
- Мошкова М.Г. Савроматы и сарматы в Волго-Донском междуречье, южном Приуралье и Северном Причерноморье // Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1989. – С. 153-214.
- Мунчаев Р.М. Энеолит Кавказа // Археология СССР. Энеолит СССР. – М.: Наука, 1982. – С. 93-164.
- Наливкина М.А. Костяные изделия из раскопок Ольвии в 1935-1936 гг. // Ольвия. – Киев: Изд-во АН УССР, 1940. – Т. I. – С. 187-202.
- Нахлик А. Ткани Новгорода. Опыт технологического анализа // МИА. – 1963. – № 123. – С. 228-313.
- Обломский А.М. Позднесарубинские памятники // Археология СССР. Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н.э. – первой половине I тысячелетия н.э. – М.: Наука, 1993. – С. 40-52.
- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Азъ, 1992. // <http://proflib.com>.
- Ошибкина С.В. Мезолит центральных и северо-восточных районов Севера Европейской части СССР // Археология СССР. Мезолит СССР. – М.: Наука, 1989. – С. 32-45.
- Патлах В.В. Энциклопедия Технологий и Методик. 1993-2007 // <http://patlah.ru>
- Петерс Б. Г. Косторезное дело в античных государствах Северного Причерноморья. – М.: Наука, 1986. – 192 с., XX табл.
- Плетение из соломы – традиционное ремесло наших предков // <http://batfx.com>
- Пушкина Т.А. Изделия косторезного ремесла из Гнездова // Труды ГИМ: Средневековые древности Восточной Европы. – М., 1993. – Т. 82. – С. 57-68.
- Ревдова Л. Зачем одной игле 2 ушка? 2010 // <http://blog.t-stile.info>
- Романчук А.И. Изделия из кости в средневековом Херсоне // Античная древность и средние века. – Свердловск, 1981. – С. 84-88.
- Рукоделие // Популярная энциклопедия. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1992. – С. 61-95, 100-119.
- Седов В.В. Восточные славяне в VI-XIII вв. // Археология СССР. – М.: Наука, 1982. – 327 с.
- Седов В.В. Балты // Археология СССР. Финно-угры и балты в эпоху средневековья. – М.: Наука, 1987. – С. 353-456.
- Словарь иностранных слов русского языка. – Издательство «ИДДК», 2007 // <http://dic.academic.ru>
- Тимохович В.П. Как вязать рыбацкую сеть // <http://acule.ru>
- Флёрова В.Е. Орнаментированные костяные изделия Саркела-Белой Вежи: проблема специализации ремесла // РА. – 1998. – № 2. – С. 86-99.
- Хлобыстин Л.П. Бронзовый век Восточной Сибири // Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. – М.: Наука, 1987. – С. 327-344.
- Черныш Е.К. Памятники синхронных Триполью культур Юго-Запада СССР // Археология СССР. Энеолит СССР. – М.: Наука, 1982. – С. 253-320.
- Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в III-I вв. н.э. – М.: Наука, 1970. – 252 с.
- Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. – М.: Наука, 1972. – 352 с.
- Шелов Д.Б. Ремесленное производство // Археология СССР. Античные государства Северного Причерноморья. – М.: Наука, 1984. – С. 162-173.
- Цалкин В.И. Фауна Танаиса // Античные древности Подонья-Приазовья. – М.: Наука, 1969. – 288 с.
- Ambrosiani K. Viking Age Combs, Comb Making and Comb Makers in the Light of Finds from Birka and Ribe. – Stockholm, 1981. – 175 s.
- Сергеева М.С. Вироби з кістки та рогу з Воїнської Греблі // Археологія і давня історія України: Зб.наук. пр., 2012. – К.: ІА НАН України, 2012. – Вип. 8. – С. 133-145.

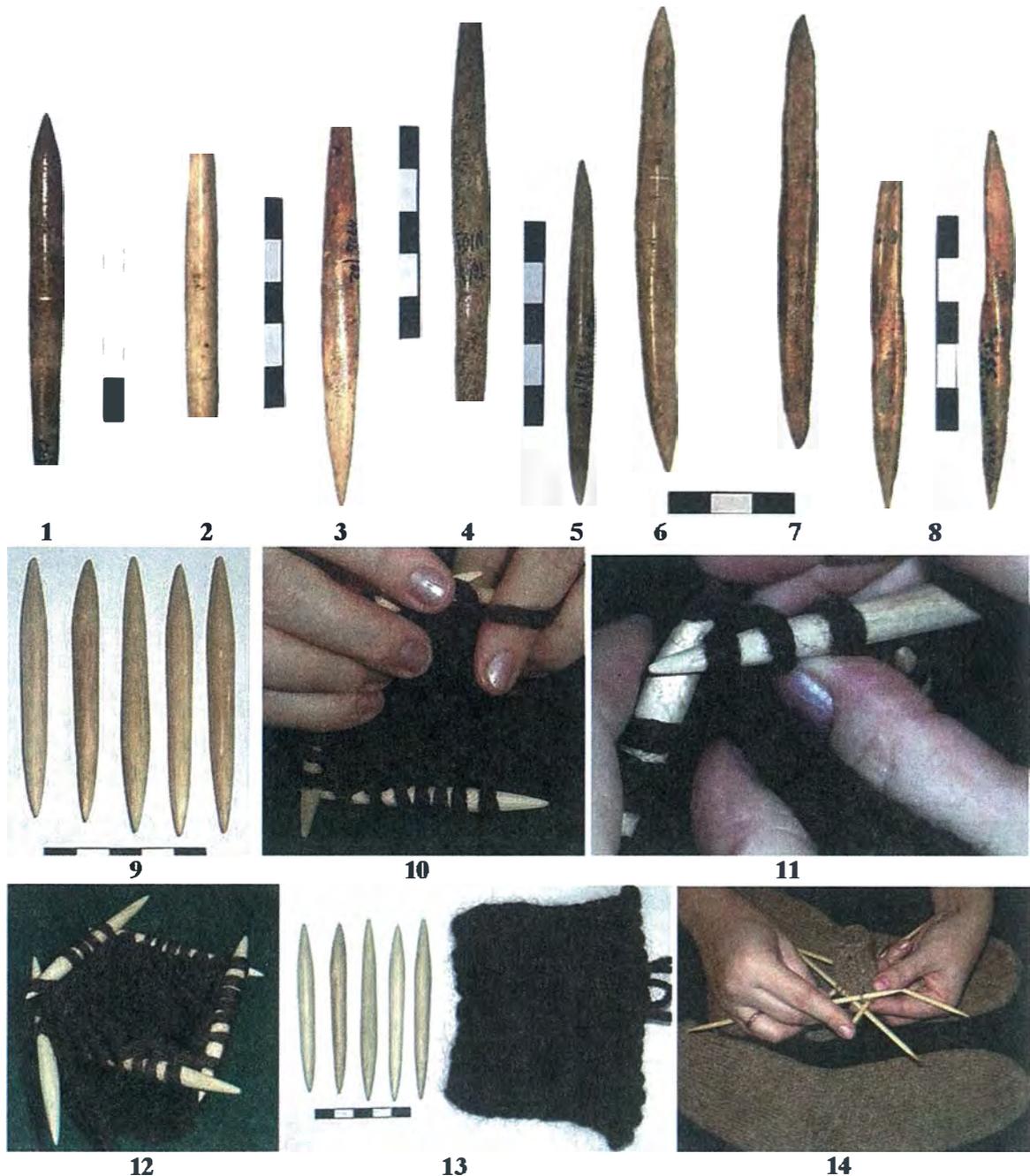

РИС. 1. КОСТЯНЫЕ СПИЦЫ ИЗ РАСКОПОК ГОРОДИЩА ТАНАИСА. РЕКОНСТРУКЦИЯ ПРОЦЕССА ВЯЗАНИЯ ПО ДРЕВНЕЙ ТЕХНОЛОГИИ.

Спицы-артефакты: 1,2 – правильной округлой в поперечном сечении формы (АМЗТ КП 97/АЭ 26/75,76; Т-1957-VII-II/13, № 90; Т-1957-VII-VI/6, № 86); 3-5 – в разных частях различной в сечении формы: от округлой до уплощенной подпрямоугольной (АМЗТ КП 97/АЭ 26/82-84, Т-1973-VI, № 851; Т-1960-VI, № 103; Т-1968-VI, пом. АБ, № 4018); 6,7 – полностью плоские с одной стороны (АМЗТ КП 97/АЭ 26/73,74; Т-1966, случ. нах.; Т-1965- VI, стена 43, № 23); 8 – неправильной в сечении формы, два ракурса (АМЗТ КП 97/АЭ 26/32, Т-1955-II/7, № 201). Физическое моделирование: 9-13 – вязание носка шерстяной нитью пятью экспериментальными обоюдоострыми деревянными сигарообразными спицами; 14 – современные деревянные спицы и связанные с их помощью готовые изделия.

РИС. 2. КОСТЯНЫЕ КРЮЧКИ ДЛЯ ВЯЗАНИЯ ШЕРСТЯНЫХ ИЗДЕЛИЙ. РЕКОНСТРУКЦИЯ ПРОЦЕССА ВЯЗАНИЯ КРЮЧКОМ. ГОТОВЫЕ ШЕРСТЯНЫЕ ИЗДЕЛИЯ.

1 – костяной крючок для вязания из раскопок городища у с. Михайловка, II-I вв. до н.э. (иллюстрация из книги: Петерс, 1986, рис. 23); 2 – экспериментальный деревянный крючок (№ 4); 3 – вязание шерстяного изделия одной нитью с использованием головки и собственно крючка; 4 – использование острого конца орудия для натяжения нити при вязании узора; 5 – шерстяное изделие на стадии начала использования второй нити (для вязания узора); 6,7 – шерстяные носки, связанные экспериментальным крючком (№ 4) с использованием острого конца сверху вниз; 8 – шерстяное изделие, связанное крючком (№ 3) без использования острого конца; 9 – современный крючок (№ 9) с тупым концом; 10 – шерстяной носок, связанный крючком (№ 13) с тупым концом снизу вверх.

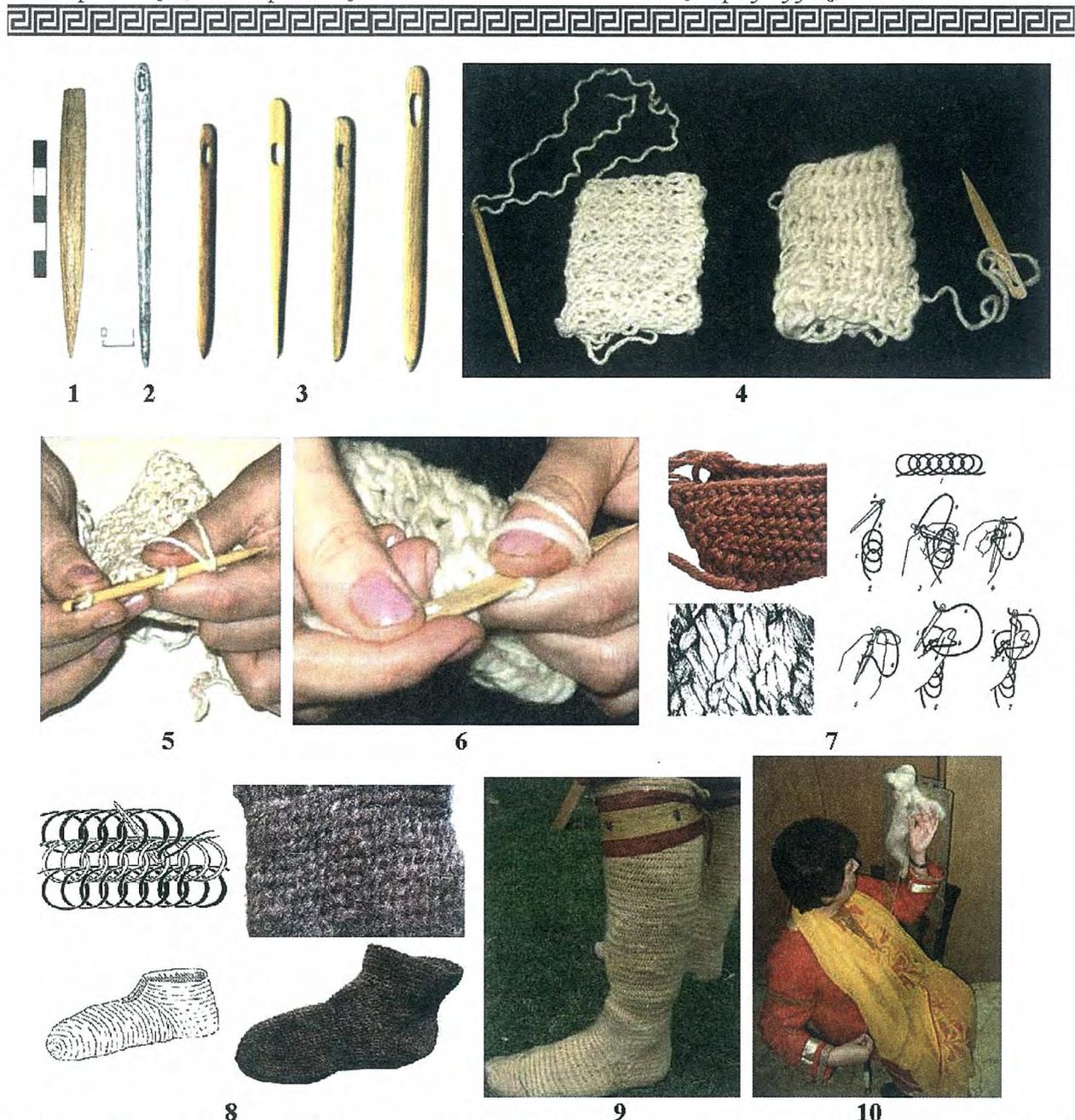

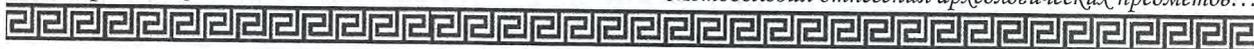
РИС. 3. ИГЛЫ ДЛЯ ВЯЗАНИЯ. РЕКОНСТРУКЦИЯ ПРОЦЕССА ВЯЗАНИЯ ИГЛОЙ. ИЗДЕЛИЯ, СВЯЗАННЫЕ ИГЛОЙ. РЕКОНСТРУКЦИЯ ПРОЦЕССА ПРЯДЕНИЯ.

1 – игла костяная уплощенная без ушка (утрачено в древности) (АМЗТ КП 97/АЭ 26/69, Т-1971-XIV, шт.3, пом. 1(?), № 73); 2 – игла костяная из раскопок в Ольвии (из книги: Петерс, 1986, табл. VI, 20; с. 50, 163); 3 – современные деревянные иглы для вязания; 4 – экспериментальные иглы (круглая и плоская) из дерева с изготовленными с их помощью шерстяными изделиями; 5, 6 – эксперимент по вязанию шерстяной нитью (изготовлена по древней технологии – на веретене) деревянными иглами; 7 – реконструкция вязания иглой: справа – схема вязания, слева – археологическая ткань из Новгорода, связанная в «игольной» технике, и образец экспериментального изделия, связанного в той же технике (из статьи: Нахлик, 1963, С. 265, рис. 28, 29); 8 – реконструкция вязания иглой: слева сверху – схема вязания, слева внизу – носок из Коппергейта, справа – реконструкция Зиборевой Н.А. (из интернет-статьи: Зиборева, рис. 7. Режим доступа: <http://simvolika.org>); 9 – гетры, связанные иглой по древней технологии (иллюстрация заимствована на сайте <http://diary.ru>); 10 – прядение шерстяной нитки с помощью деревянного веретена в домашних условиях (в процессе эксперимента).

РИС. 4. КОСТЯНЫЕ ТРУБКИ ДЛЯ ПЛЕТЕНИЯ ИЗДЕЛИЙ ИЗ СОЛОМЫ. РЕКОНСТРУКЦИЯ ПРОЦЕССА ПЛЕТЕНИЯ КОРЗИНЫ ИЗ СОЛОМЫ ПШЕНИЦЫ.

1,2 – костяные трубки из женского погребения, вид сбоку и сверху (видны следы сработанности) (АМЗТ КП 349/АО 26/860, 861; Гн.-1990, п. 253/II, III); 3,4 – костяная трубка из мужского погребения, вид снаружи и изнутри (АМЗТ КП 349/АО 26/314; Гн.-1990, п. 57); 5 – технология спирального плетения из соломы с помощью трубки, кривой иглы и челнока: а – начало плетения; б – соединение жгута бечевкой; в – приспособление для контроля за толщиной жгута; г – окончание плетения; д – челнок для стягивания жгутов (из интернет-статьи: «Плетение из соломы – традиционное ремесло наших предков», рис. 1. Режим доступа: <http://batfx.com>); 6 – сырье (стебли несозревшей пшеницы) и начало плетения корзины, начиная с дна, при помощи экспериментальной усеченно-конической трубки из папье-маше; 7-8 – этапы эксперимента по спиральному плетению корзины; 9 – готовое изделие (корзина с двумя ручками).

МУЗЕЙНОЕ ДЕЛО

МЕТОДОЛОГИЯ ОТНЕСЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДМЕТОВ К ОСНОВНОМУ, НАУЧНО-ВСПОМОГАТЕЛЬНОМУ И СЫРЬЕВОМУ ФОНДАМ В СВЕТЕ МУЗЕЙНОЙ ПРАКТИКИ ПОСЛЕДНИХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ

Перевозчиков В.И.

(tanais.vadim@yandex.ru)

В статье поднимаются основные проблемы постановки на государственный учет археологических предметов и коллекций, предлагаются возможные пути их решения, обосновывается необходимость разделения археологических коллекций на основной, научно-вспомогательный и сырьевой (экспериментальный) фонды, формулируются методологические основы такого разделения, его определяющие критерии, предлагается примерная схема деления археологических коллекций.

Ключевые слова: археологическая коллекция, археологический предмет, атрибуция, закон, инструкция, квалифицированные кадры, музей, музей-заповедник, Музейный фонд, объект археологического наследия, основной фонд, научно-вспомогательный фонд, сырьевой (экспериментальный) фонд, памятник, практика, экспертная фондово-закупочная комиссия.

APPROACHES OF CATEGORIZING ARCHEOLOGICAL ITEMS TO CAPITAL, SCIENTIFIC-SUPPORT OR PRIMARY FUNDS IN THE CONTEXT OF THE PAST DECADES OF THE MUSEUM PRACTICE

Perevozchikov V.I.

(tanais.vadim@yandex.ru)

The article examines the main problems of the government registration of archaeological items and collections, various ways of their solution are proposed; the necessity for categorizing archaeological collections to capital, scientific-support or primary (experimental) funds, methodological grounds of such categorizing are formulated, its characteristic criterions; a tentative pattern of categorizing archaeological collections is provided.

Key words: archaeological collections, archaeological items, ascription, law, instruction, skilled personnel, museum, museum-reservation, Museum fund, Archeological Heritage object, capital fund, scientific-support fund, primary (experimental) fund, monument, practice, expert fund procurement committee.

В ходе практической реализации положений пунктов 13 и 13.1 статьи 45.1¹ действующего Федерального закона от 25.06.2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» созрела острая необходимость выработки методологии² включения археологических предметов в состав Музейного фонда Российской Федерации. Стало уже типичным, что из-за большого объема проводимых в стране археологических исследований подавляющая часть изъятых из земли предметов остается не включенной в Музейный фонд. Причин здесь много. Те, что лежат на поверхности: отсутствие в музеях страны необходимых фондовых площадей и квалифицированных кадров. Новые хранилища построить можно, и к решению этой проблемы Министерство культуры России уже приступает. С кадрами сложнее. Подавляющая часть археологов, которых готовят исторические факультеты государственных вузов, уходят работать в коммерческие археологические фирмы, где они получают за свой труд вознаграждение на порядок больше, чем это может предложить молодым специалистам государственный музей. В музеях работают лишь единицы, и чаще потому, что занимают высокооплачиваемые должности. И пока государство в лице законодателя не поймет, что выполнять археологические работы должны только государственные учреждения (музеи, вузы, научно-исследовательские институты), археологи работать в музеи не пойдут³. А значит, и регистрировать археологические коллекции и предметы в Музейный фонд страны будет некому, даже если для этого будет создана необходимая материально-техническая база.

Предположим, что кадровая проблема решена. Но и это не позволит регистрировать археологические коллекции и предметы в Музейный фонд РФ в необходимом, соразмерном с ежегодными поступлениями объеме⁴. При существующем положении вещей вал не поставленных на государственный учет предметов археологии будет только нарастать. Его причина, и работники музеев это хорошо знают, – давно существующая глубинная проблема, имеющая не материальный, не организационный, а скорее, методологический характер: **как уменьшить трудоемкость процедуры приема на государственный учет многочисленных археологических коллекций и предметов**. В свое время ее сильно актуализировали грандиозные стройки советского периода с сопровождающими их спасательными работами на археологических памятниках, в том числе уникальных (сегодня зачастую полностью утраченных). Ведущие музеи и музеи-заповедники страны в рамках действующего законодательства пытались – кто более, кто менее успешно – решить эту проблему, опираясь на положения действующей Инструкции по учету и хранению музейных ценностей, находящихся в государственных музеях СССР (утв. приказом Министерства культуры СССР от 17.07.1985 г. № 290) о делении музейного фонда на основной, научно-вспомогательный и сырьевой, что позволяло значительно снизить трудозатраты, так как самой трудоемкой в плане ее

¹ Статья 45.1. Порядок проведения археологических полевых работ.

13. Исполнитель археологических полевых работ - физическое лицо, проводившее археологические полевые работы, и юридическое лицо, в трудовых отношениях с которым состоит такое физическое лицо, в течение трех лет со дня окончания срока действия разрешения (открытого листа) обязаны передать в порядке, установленном федеральным органом охраны объектов культурного наследия, все изъятые археологические предметы (включая антропогенные, антропологические, палеозоологические, палеоботанические и иные объекты, имеющие историко-культурную ценность) в государственную часть Музейного фонда Российской Федерации.

13.1. Федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере культуры и культурного наследия, обязан обеспечить прием всех изъятых при проведении археологических полевых работ археологических предметов на постоянное хранение в государственную часть Музейного фонда Российской Федерации.

² (от греч. *μεθοδολογία* – учение о способах; от др.-греч. *μέθοδος* из *μέθ-* + *οδος*, букв. «путь вслед за чем-либо» и др.-греч. *λόγος* – мысль, причина) – учение о системе понятий и их отношений, – система базисных принципов, методов, методик, способов и средств их реализации в организации и построении научно-практической деятельности людей (Гейзенберг В. Физика и философия. Часть и целое. – М., 1989. – С. 85).

³ Заниматься чистой археологией (без дополнительных музейных нагрузок) им значительно интереснее, особенно, когда есть прямая финансовая выгода.

⁴ А что делать с многочисленными поступлениями прошлых лет?

документирования является вторая ступень учета (научная инвентаризация), по давно заведенным правилам обязательная только для основного фонда. Все остальное проходило и проходит упрощенную процедуру регистрации. Проблема значительно обострилась с введением понятия «государственная часть Музейного фонда», которая по действующему законодательству должна быть зарегистрирована в Государственном каталоге страны.

За многие десятилетия в Российской Федерации сложилась определенная практика, которая требует своего обобщения и законодательного закрепления. В настоящее время в своем подавляющем большинстве археологические предметы сдаются в государственные и муниципальные музеи и музеи-заповедники, в которых имеются соответствующие фондовые площади и необходимые для их сохранения условия⁵. Сначала, особенно если речь идет о больших коллекциях, их регистрируют на временное хранение. Затем экспертные фондово-закупочные комиссии музеев и музеев-заповедников решают, какие предметы той или иной коллекции пополнят основной фонд, какие научно-вспомогательный, а какие, возможно (далеко не всегда), и сырьевой⁶. Далее они определяют срок подготовительного периода⁷ для приема коллекций или отдельных предметов на постоянное хранение в фонды музейного учреждения. Подготовительный период заканчивается составлением акта приема на постоянное хранение, в котором указываются учетные обозначения предметов, принятых в основной, научно-вспомогательный и сырьевой фонды. К акту прикладываются коллекционные описи – отдельно на предметы основного, научно-вспомогательного и сырьевого фондов. Делаются соответствующие записи в книгах поступлений указанных фондов. После чего данные о предметах основного фонда должны в установленные сроки экспортироваться в Государственный электронный каталог Российской Федерации.

Больше всего дискуссий в музейном сообществе вызывает выделение в составе сдаваемых археологами⁸ коллекций предметов основного, научно-вспомогательного и сырьевого фондов. В ходе этой процедуры в целом ряде учреждений, прежде всего в тех, где в фондах работают профессиональные археологи и хранители археологических коллекций с многолетним стажем, принято руководствоваться следующими главными критериями, которые в обобщенной форме можно сформулировать следующим образом: **научная и экспозиционная значимость, сохранность, возможность длительного хранения, вероятность разрушения при проведении естественнонаучных исследований**. Еще один очень важный критерий, о котором никогда не следует забывать – **из раскопок какого археологического памятника происходит коллекция и сколько коллекций и предметов с данного памятника уже хранится в Музейном фонде страны**. Предлагаются следующие возможные варианты:

– **давно и большими площадями исследуемый** объект археологического наследия, значительное число коллекций и предметов с которого хранится в фондах одного или нескольких музеев;

– **малоизученный объект археологического наследия, не являющийся уникальным** – либо незначительно, либо совсем не подвергавшийся планомерным археологическим исследованиям памятник, поставленный на учет в местном органе охраны объектов культурного наследия (зафиксирован, по меньшей мере, в одном научном отчете, хранящемся в архиве ИА РАН.); вместе с

⁵ Обеспечен необходимый температурно-влажностный режим, безопасность (физическая охрана, наличие находящихся в рабочем состоянии инженерных систем: контроль доступа, охранная сигнализация, видеонаблюдение, пожарная сигнализация и (или) система автоматического пожаротушения), имеется соответствующее фондовое оборудование.

⁶ Существует у ограниченного числа музеев.

⁷ Он зависит от количества предметов в коллекции и имеющихся у учреждения квалифицированных кадров для ее обработки. Возможно, что специалистов придется приглашать со стороны. В идеале, в этот период хранитель, которому данная коллекция передается на ответственное хранение, на основании полевой описи и научного отчета о выполненных археологических полевых работах проводит научное описание предметов с внесением соответствующих данных (текстовой информации и фотоизображения) в электронный каталог.

⁸ Закон называет их исполнителями археологических полевых работ.

тем, может быть известна серия аналогичных памятников, отдельные из которых могут быть уже хорошо (давно и большими площадями) исследованы.

– **вновь выявленный объект археологического наследия** – только что открытый (в текущем полевом сезоне);

– **единичный объект археологического наследия** – единственный в данном регионе, но имеющий аналоги в других регионах;

– **уникальный объект археологического наследия** – не имеющий прямых аналогов, известный как единственный в России и мире.

Основываясь на многолетнем опыте⁹ специализированных учреждений, в которых археологические коллекции составляют основу их фондового собрания, в помощь экспертным фондовым комиссиям и сотрудникам фондовых подразделений музеев и музеев-заповедников предлагается следующая примерная **схема деления археологических коллекций на основной, научно-вспомогательный и сырьевой¹⁰ фонды.**

1. Основной фонд.

1.1. Предметы археологии (чаще всего целые или имеющие полный профиль), найденные при *исследовании культурного слоя и сборах на поверхности земли* на **давно и большими площадями раскапываемых** объектах археологического наследия, за исключением: фрагментов профильных¹¹ и непрофильных частей предметов без уникальных атрибутирующих признаков и ярко выраженных следов вторичного воздействия на них человека; предметов, длительное хранение которых по тем или иным причинам невозможно, а также антропогенных, антропологических, палеозоологических, палеоботанических и иных объектов, в том числе геологических материалов без следов воздействия на них человека.

1.2. Предметы археологии и их выразительные части, найденные при *исследовании закрытых комплексов* на **давно и большими площадями раскапываемых** объектах археологического наследия, а также при *исследовании культурного слоя и сборах на поверхности земли* на **малоизученных, не являющихся уникальными**, объектах археологического наследия, за исключением: фрагментов непрофильных и невыразительных профильных частей предметов без уникальных атрибутирующих признаков и следов вторичного воздействия на них человека; предметов, длительное хранение которых по тем или иным причинам невозможно, а также антропогенных, антропологических, палеозоологических, палеоботанических и иных объектов, в том числе геологических материалов без следов воздействия на них человека.

1.3. Предметы археологии и их части, найденные при *исследовании закрытых комплексов* на **малоизученных, не являющихся уникальными**, объектах археологического наследия, а также при *исследовании культурного слоя и сборах на поверхности земли* на **малоизученных единичных и уникальных** объектах археологического наследия, за исключением: фрагментов непрофильных и невыразительных профильных частей предметов без уникальных атрибутирующих признаков и следов вторичного воздействия на них человека; предметов, длительное хранение которых по тем или иным причинам невозможно, а также антропогенных, антропологических, палеозоологических, палеоботанических и иных объектов, в том числе геологических материалов без следов воздействия на них человека.

⁹ В частности, автор статьи с 1982 года работал хранителем фондов археологии, с 1986 года по 2003 год – главным хранителем Азовского краеведческого музея (сегодня ГБУК РО «Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник»), с 2005 года – директором археологического музея-заповедника «Танаис» (ГБУК РО «Археологический музей-заповедник «Танаис»).

¹⁰ Некоторые коллеги предлагают вполне логично называть его экспериментальным. С этим трудно не согласиться, т.к. понятие «сырьевой» давно уже стало анахронизмом применительно, по крайней мере, к археологическим материалам.

¹¹ Профильная часть предмета – определяющая форму и функциональное назначение часть предмета, позволяющая сделать исчерпывающее или предположительное суждение об его атрибуции.

1.4. Предметы археологии и их фрагменты, найденные при *исследовании закрытых комплексов* на малоизученных единичных и уникальных объектах археологического наследия, за исключением: невыразительных фрагментов непрофильных частей предметов без уникальных атрибутирующих признаков и следов вторичного воздействия на них человека; предметов, длительное хранение которых по тем или иным причинам невозможно, а также антропогенных, антропологических, палеозоологических, палеоботанических и иных объектов, в том числе геологических материалов без следов воздействия на них человека.

1.5. Предметы археологии и их фрагменты, найденные при *полевых археологических работах (включая сборы на поверхности земли и земляные работы)* на вновь выявленных объектах археологического наследия, за исключением предметов, длительное хранение которых по тем или иным причинам невозможно, а также антропогенных, антропологических, палеозоологических, палеоботанических и иных объектов, в том числе геологических материалов без следов воздействия на них человека.

2. Научно-вспомогательный фонд.

2.1. Фрагменты профильных частей предметов археологии без уникальных атрибутирующих признаков и ярко выраженных следов вторичного воздействия на них человека, найденные при *исследовании культурного слоя и сборах на поверхности земли* на давно и большими площадями изучаемых объектах археологического наследия, за исключением предметов, длительное хранение которых по тем или иным причинам невозможно, и антропогенных, антропологических, палеозоологических, палеоботанических и иных объектов, в том числе геологических материалов без следов воздействия на них человека.

2.2. Фрагменты выразительных непрофильных и невыразительных профильных частей предметов археологии без уникальных атрибутирующих признаков и следов вторичного воздействия на них человека, найденные при *исследовании закрытых комплексов* на давно и большими площадями раскапываемых объектах археологического наследия, а также при *сборах на поверхности земли и исследованиях культурного слоя* на малоизученных, не являющихся уникальными, объектах археологического наследия, за исключением предметов, длительное хранение которых по тем или иным причинам невозможно, и антропогенных, антропологических, палеозоологических, палеоботанических и иных объектов, в том числе геологических материалов без следов воздействия на них человека.

2.3. Фрагменты невыразительных непрофильных частей предметов археологии без уникальных атрибутирующих признаков и следов вторичного воздействия на них человека, найденные при *полевых археологических работах (включая сборы на поверхности земли и земляные работы)* на малоизученных единичных и уникальных объектах археологического наследия, а также при *исследовании закрытых комплексов* на малоизученных, не являющихся уникальными, объектах археологического наследия, за исключением предметов, длительное хранение которых по тем или иным причинам невозможно, и антропогенных, антропологических, палеозоологических, палеоботанических и иных объектов, в том числе геологических материалов без следов воздействия на них человека.

3. Сырьевой (экспериментальный) фонд.

3.1. Фрагменты невыразительных профильных и непрофильных частей предметов археологии без уникальных атрибутирующих признаков и следов вторичного воздействия на них человека, не подлежащие включению по вышеперечисленным критериям в основной и научно-вспомогательный фонды, собранные исполнителем археологических полевых работ *на поверхности земли, при исследованиях культурного слоя и закрытых комплексов* на объектах археологического наследия.

3.2. Предметы археологии, длительное хранение которых по тем или иным причинам невозможно, а также антропогенные, антропологические, палеозоологические, палеоботанические и иные объекты, включая геологические материалы без следов воздействия на них человека, собранные

исполнителем археологических полевых работ *на поверхности земли, при исследованиях культурного слоя и закрытых комплексов* на объектах археологического наследия всех типов в целях дальнейших естественно-научных исследований.

Как выше уже отмечалось, сегодня перед музеями и музеями-заповедниками, имеющими археологические собрания, встал требующий прояснения вопрос: как трактовать понятие «государственная часть Музейного фонда Российской Федерации». По предметам основного фонда никаких разногласий нет, это, безусловно, государственная часть Музейного фонда Российской Федерации; данные о них должны быть включены в Государственный каталог и пройти соответствующую процедуру регистрации. Но по научно-вспомогательному и сырьевому («экспериментальному») фондам требуются разъяснения. Согласно главе 3 Федерального закона от 26.05.1996 г. № 54-ФЗ «О музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» в состав государственной части Музейного фонда Российской Федерации «входят музейные предметы и музейные коллекции, находящиеся в федеральной собственности и в собственности субъектов Российской Федерации, независимо от того, в чьем владении они находятся» (статья 13).

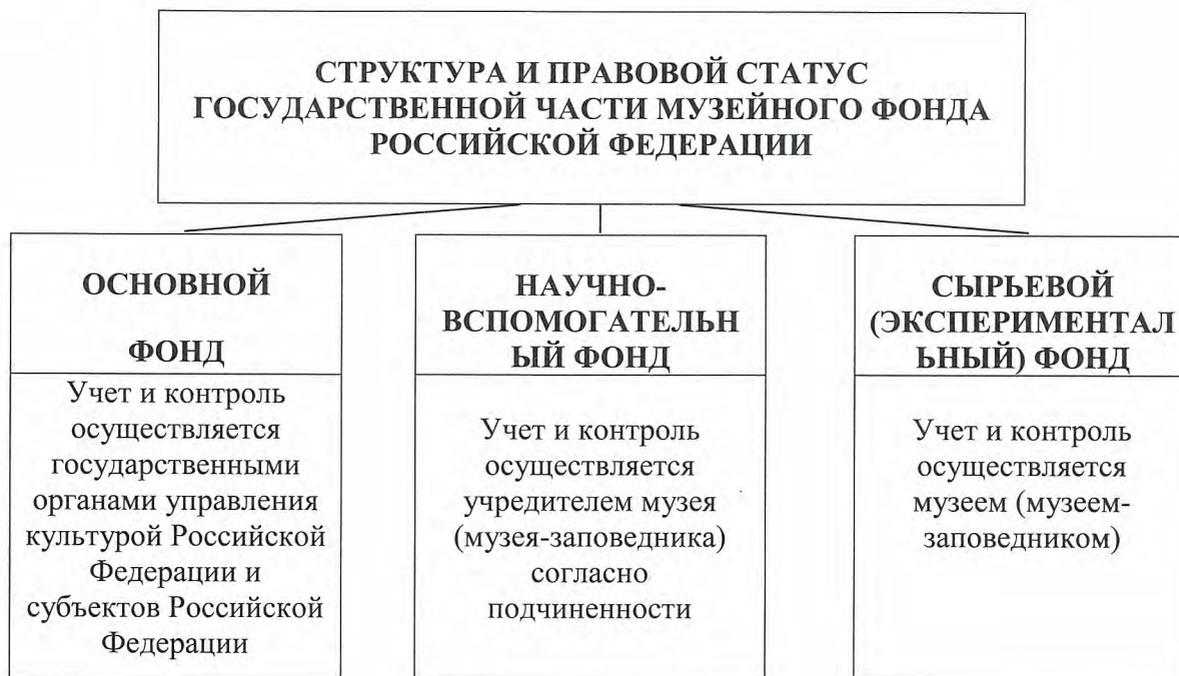
В Законе ничего не говорится о делении Музейного фонда Российской Федерации на основной, научно-вспомогательный и сырьевой фонды. Не вносят ясность в этот вопрос и тексты положений «О Музейном фонде Российской Федерации» и «О Государственном каталоге Музейного фонда Российской Федерации» (утверждены постановлением Правительства РФ от 12.02.1998 г. № 179). Зато в Инструкции по учету и хранению музейных ценностей, находящихся в государственных музеях СССР (утв. приказом Министерства культуры СССР от 17.07.1985 г. № 290), действующей и поныне, составу музейных фондов посвящен специальный раздел, в котором подробно на двух страницах расписывается, что входит в основной, а что в научно-вспомогательный и сырьевой фонды. А начинается раздел пунктом 75: «Собрания всех музеев состоят из основного и научно-вспомогательного фондов. В естественнонаучных музеях, кроме того, имеется фонд «Сырьевые материалы». Однако многолетняя практика показала, что такой фонд, чаще называемый «сырьевым фондом», необходим и музеям, хранящим археологические коллекции, в составе которых имеются антропогенные, антропологические, палеозоологические, палеоботанические и иные объекты, в том числе геологические материалы, происходящие из культурного слоя археологических памятников.

Большую часть раздела «Состав музейных фондов» занимает перечисление категорий предметов, которые составляют основной фонд. Очень ограниченное число категорий предметов перечислено в п. 77, посвященном научно-вспомогательному фонду. Практика последних десятилетий значительно расширила приведенный в нем перечень. То же можно сказать и о п. 78, где дается краткая характеристика фонда «сырьевых» научных материалов». Но общая формулировка «объекты неорганической и органической природы» актуальна и сегодня. А демократичная формулировка п. 80 «Отнесение предметов к определенному фонду производится фондово-закупочной комиссией музея и оформляется протоколом, который утверждается директором и скрепляется печатью музея» актуальна и в наши дни.

Таким образом, исходя из действующей на сегодня нормативной базы, археологические предметы основного, научно-вспомогательного и сырьевого фондов являются государственной частью Музейного фонда Российской Федерации. Требуется лишь четко зафиксировать статус каждого из этих фондов и специфические особенности их документирования. Например: учет основного фонда – прерогатива федерального органа управления культурой¹², контроль осуществляют как федеральный орган, так и органы управления культурой субъектов Российской Федерации; учет научно-вспомогательного фонда и контроль за его использованием – прерогатива

¹² Поэтому регистрации в Государственном электронном каталоге Музейного фонда РФ подлежат только предметы основного фонда.

учредителя¹³; учет же сырьевого фонда ведет сам музей (музей-заповедник) по установленным в его внутримузеевой инструкции правилам¹⁴. При этом у экспертной фондово-закупочной комиссии музея (музея-заповедника) должно быть право, если она посчитает это необходимым, перевести любой предмет из сырьевого в научно-вспомогательный или основной фонд, из научно-вспомогательного в основной. В обратном порядке перевод возможен только с разрешения вышестоящего органа¹⁵: из основного фонда в научно-вспомогательный или сырьевой – по решению федерального органа управления культурой, из научно-вспомогательного фонда в сырьевой – по решению учредителя.

Возможно, должны существовать также Государственные каталоги двух уровней – федерального и регионального. Федеральный формировали бы предметы основного фонда, а региональный – предметы научно-вспомогательного. Либо в нормативных актах должны быть прописаны переходные положения о том, что вначале в Государственный каталог Музейного фонда РФ вносятся данные о предметах основного фонда, и лишь после завершения этой работы в него будут вноситься данные о предметах научно-вспомогательного фонда, желательно по упрощенной схеме.

Резюмируя вышесказанное, общие принципы разделения археологических поступлений (коллекций и предметов) на основной, научно-вспомогательный и сырьевой (экспериментальный) фонды и определение статуса каждого из них должны содержаться в соответствующем федеральном нормативном документе, а детальная проработка, учитывающая местные особенности – во внутримузеевой инструкции конкретного музея и музея-заповедника. Только в этом случае можно выйти из правового тупика, в котором мы сегодня оказались.

¹³ Ими могут быть те же органы управления культурой Российской Федерации, органы управления культурой субъекта Российской Федерации или муниципального образования, а также ведомства или учреждения, создавшие музей в виде юридического лица или своего структурного подразделения.

¹⁴ Ему должно быть дано право самому решать, нужен ли ему такой фонд. Может быть, он примет решение: все, что «недостойно» основного фонда, включать в научно-вспомогательный фонд.

¹⁵ Это правило действовало всегда.

НАШИ ПОСЕТИТЕЛИ (О ЧЕМ ГОВОРЯТ ЦИФРЫ)

Перевозчиков В.И., Заболотских Н. В.
(tanais.vadim@yandex.ru, ptahapop@yandex.ru)

В статье приведены данные статистического исследования «Обратная связь» за 2010-2015 гг. Анализ сведений раскрывает количественные изменения основных показателей музейной деятельности, статистики посещений официального сайта музея-заповедника. Особое внимание уделено результатам анкетирования посетителей музея-заповедника.

Ключевые слова: анкетирование, музейная деятельность, посетители, статистика посещений.

OUR VISITORS (WHAT NUMBERS TELL ABOUT)

Perevozchikov V. I., Zabolotskykh N. V.
(tanais.vadim@yandex.ru, ptahapop@yandex.ru)

The article presents data of a statistical study «Feedback» for 2010-2015. The analysis of evidences explores the dynamic of museum activity end-points, statistics of the reserve museum official website. Special attention was paid to the results of reserve museum visitors' polling.

Key words: the survey, museum activity, visitors, visiting statistics.

Археологический музей-заповедник «Танаис» был открыт для посетителей в 1961 году. За это время здесь побывали миллионы туристов не только из районов и городов Ростовской области, но и других регионов нашей страны, а также ближнего и дальнего зарубежья. Рейтинг любого музея, его общественная значимость определяются уровнем посещаемости (Ростовцева, Давыдова, 2013, с. 51)¹. Целью нашего исследования, которое мы назвали «Обратная связь», является детальное изучение динамики посещаемости музея-заповедника «Танаис» для разработки новых приемов и методов, способствующих ее систематическому росту².

Источниками нашего исследования стали: сведения государственной ежегодной статистической отчетности³, ежемесячные отчеты билетных кассиров музея-заповедника, журнал

¹ Показатель «посещаемость» является основным в государственном задании, выдаваемым учредителем каждому музею Ростовской области на текущий год.

² Примеры подобных исследований: Кивелев Е.А. Анализ посещаемости Музея фресок Дионисия. // ФГБУК «Кирилло-Белозерский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник». 2013 // <http://kirmuseum.ru>; Кущенко А.В., Козуб Т.Б. Анализ посещаемости музея как критерий оценки его деятельности (на примере Центрального государственного музея Республики Казахстан). 2013 // <http://articlekz.com>.

³ Сведения о деятельности ГБУК РО «Археологический музей-заповедник «Танаис» с 2010 по 2015 гг. Форма статистического наблюдения № 8-НК.

учета экскурсионного обслуживания, годовые отчеты специалистов музея-заповедника, опросные анкеты, заполненные посетителями, статистика посещений официального сайта музея-заповедника (www.museum-tanais.ru). Посещаемость музея-заповедника складывается из количества индивидуальных посетителей (одиночки и семьи) и приезжающих в составе экскурсионных групп. Анализ динамики этого показателя в целом за период 2010-2015 гг. отображает стабильный рост числа посещений: с 60,7 до 67,1 тыс. человек (табл. 1, рис. 1). Однако соотношение между количеством групповых экскурсионных и индивидуальных посещений из года в год меняется в сторону пусть и неравномерного, но неуклонного сокращения числа первых и роста числа вторых (табл. 1, рис. 2).

Статистика посещений в музее-заповеднике долгие годы велась по трем основным категориям туристов: взрослые, студенты, школьники (в основном учащиеся средних образовательных учреждений). По среднеарифметическим данным за шесть лет (с 2010 по 2015 гг.) на категорию «взрослые» приходится 44%, «студенты» – 1%, «школьники» – 55% (табл. 2, рис. 3)⁴. В последние годы на эту статистику большое влияние оказывает ужесточение правил перевозки детей на туристических автобусах⁵, что привело к сокращению посещаемости музея-заповедника организованными группами учащихся. Сколько-нибудь внятной государственной политики в этом вопросе нет. На сегодня все зависит от целого ряда субъективных факторов, в частности: от позиции администрации учебного заведения (понимания или непонимания важности патриотического воспитания молодежи через приобщение к древней истории родного края), что отражается на содержании учебно-воспитательных планов, наконец, от личной инициативы классных руководителей, заместителей директоров по воспитательной работе, родителей учащихся. Все чаще дети попадают в музей-заповедник вместе с семьей, являясь частью общего потока неорганизованных малых туристических групп и индивидуальных посетителей. Именно благодаря этому, общее число школьников, посещающих Танаис, за последние годы не только не уменьшилось, но даже немного выросло, что хорошо видно из таблицы (№ 2) и графика (рис. 3).

Одним из важных аспектов посещаемости музея-заповедника «Танаис» являются посещения в составе экскурсионных групп (табл. 3, рис. 4). Группы туристов обслуживаются как по предварительным заявкам, так и по факту приезда. До недавнего времени (в период, который охватывает наше исследование) в музее-заповеднике функционировало 3 объекта посещения, на которые предоставлялась услуга экскурсионного обслуживания: Музей истории Танаиса, Городище Танаис, Музей исторического костюма. Основными, во многом дублирующими друг друга, источниками для подсчета количества проведенных экскурсий были и остаются: отчеты кассиров, журнал учета экскурсионного обслуживания и годовые отчеты специалистов музея-заповедника. График, отображающий количество экскурсий, проведенных за период 2010-2015 гг., показывает постоянный рост их общего числа (рис. 4), которое в 2015 г. достигло 1113. Все большее количество экскурсий заказывают самоорганизующиеся малые группы, что при падении числа экскурсий для организованных групп объясняет тенденцию роста количества экскурсий в целом. Эта тенденция проявляется себя с 2011 года.

Посещаемость (табл. 4, рис. 5) и распределение экскурсий (табл. 5, рис. 6) по месяцам в течение года хорошо иллюстрируют сезонный характер востребованности музея-заповедника, ее зависимость от времени года и погодных условий. Оба показателя демонстрируют похожие тенденции. Особенно это касается таких месяцев, как январь, февраль, март, май, ноябрь, декабрь. Максимальные значения фиксируются в мае. На них решающее влияние оказывает посещаемость музея-заповедника организованными группами учащихся. Это конец учебного года и традиционное время, когда школьникам устраивают культурную программу в виде посещений достопримечательных мест Ростовской области – общая закономерность для каждого года без исключения. Интересно, что средние значения обоих показателей за шесть исследуемых лет в мае примерно равны (посещаемость – 25,8 %, экскурсии – 26,1 %). Второй по посещаемости и количеству экскурсий – сентябрь. Но последние годы (по сравнению с 2010 г.), как по показателю «посещаемость», так и по показателю «количество экскурсий» в сентябре наблюдается заметный спад. В этом месяце на турпоток также традиционно оказывает значительное воздействие, но уже в гораздо меньшей мере, чем в мае, посещение музея-заповедника учащимися (в связи с началом

⁴ Для большей наглядности категории посетителей приводятся в процентах к общему показателю посещаемости за исследуемый период.

⁵ Постановление Правительства РФ от 17.12.2013 № 1177.

нового учебного года). Летом же в сравнении с маем по обоим показателям традиционно наблюдается заметное снижение числовых значений. Причем в экскурсионном обслуживании оно более выражено (падает примерно в 4 раза), нежели в общей посещаемости (уменьшается примерно в 2 раза). Как показывает практика, в летний период доминируют малые самоорганизующиеся экскурсионные группы. Определенный, хотя и несущественный (в последние годы все более и более сокращающийся), процент приходится на организованные группы детей из летних лагерей, расположенных на берегу Азовского моря. Если в марте средние проценты посещаемости и экскурсионного обслуживания примерно равны, то в апреле они по второму показателю в 1,5 раза больше, что говорит о востребованности экскурсионного обслуживания в этот период. В то же время летом потребность посетителей в экскурсиях падает, а в октябре, наоборот, как, впрочем, и в апреле, значительно (в 1,5 раза) возрастает⁶.

Наибольшее падение посещаемости летом наблюдается в июле. И все же этот показатель в целом по летним месяцам в среднем в 3-3,5 раза больше, чем в апреле и ноябре, немного больше, чем в октябре, и не намного меньше, чем в сентябре, но примерно в 10 раз больше, чем в марте. Особо следует отметить, что в 2014-2015 гг. значительно выросла посещаемость в июне, заметно превысив в эти годы сентябрьские цифры. Как видно из таблицы (№ 4) и графика (рис. 5) наибольшая посещаемость музея-заповедника «Танаис» приходится на 6 месяцев в году – с мая по октябрь. Постепенный рост посещаемости начинается с конца марта, в апреле, а период затихания приходится на ноябрь. Мертвый сезон наступает в декабре и продолжается до начала марта. Лишь с середины марта начинается некоторое оживление, но даже в апреле посещаемость музея-заповедника не достигает показателей октября. В октябре уровень посещаемости плавно снижается. А уже в ноябре туристов почти более чем в 2 раза меньше, чем в октябре, но при этом в 3 раза больше, чем в марте, и практически столько же, как в апреле.

Таким образом, помесечная статистика посещений музея-заповедника «Танаис», находящегося в сельской местности и имеющего наиболее интересные объекты экспозиционного показа именно под открытым небом, главный из которых – Городище Танаис, демонстрирует сильную зависимость от природных факторов (времени года и погоды) и от режима работы образовательных учреждений. Последний фактор с годами постепенно нивелируется благодаря росту числа неорганизованных посетителей.

Летом 2014 года проводилось выборочное анкетирование посетителей музея-заповедника «Танаис». Была разработана анкета с набором вопросов, позволяющая узнать мнение туристов о музейных экспозициях, условиях посещения, качестве оказываемых услуг, работе персонала, а также определить социальный статус посетителей, их интересы и цели приезда в «Танаис» (рис. 8)⁷. Общее число респондентов составило 150 человек.

Итоги опроса по пунктам анкеты:

1. Около 80% респондентов узнали о работе музея-заповедника «Танаис» из посторонних источников, в анкете предложенных как «другое»; 10% – из интернета; остальные – из рекламы, периодических изданий.

2. Большинство респондентов посещает музей-заповедник не в первый раз.

3. Целями приезда являются отдых и развлечение, несколько реже – познавательные и образовательные.

4. Оценка экспозиций по пятибалльной шкале⁸, где 1 – плохо, 5 – отлично: Музей истории Танаиса – 4; городище Танаис – 4; Музей исторического костюма – 5; Выставочный комплекс – 4.

5. Оценка условий посещения музея-заповедника по аналогичной шкале: режим работы – 5; удобство расположения и доступность информации – 3; этикетки и пояснительные тексты к экспонатам – 4; стоимость услуг – 5.

⁶ Сравни средние проценты посещаемости и экскурсионного обслуживания по таблицам 4 и 5.

⁷ На практике был выявлен ряд определенных сложностей в проведении анкетирования. Из-за большой площади территории и обособленности экспозиций было довольно непросто выделить категорию посетителей, побывавших на всех объектах музея-заповедника (Музей истории Танаиса, Музей исторического костюма, Выставочный комплекс, Городище Танаис). Зачастую ряд пунктов анкеты не был заполнен, что не позволило сделать аргументированных выводов по целому ряду поставленных перед опрашиваемыми вопросов.

⁸ Представлена средняя оценка с округлением до целого числа.

6. Оценка персонала – прежде всего это музейные смотрители и кассиры: профессионализм – 3; доброжелательность и вежливость – 4; внешний вид – 4.

7. 100% респондентов готовы порекомендовать музей-заповедник «Танаис» своим друзьям и знакомым.

8. Возраст респондентов, прибывших из Ростова-на-Дону или Ростовской области – от 11 до 60 лет; в основном это учащиеся и служащие.

В большинство анкет были вписаны предложения по улучшению работы музея-заповедника, замечания по экспонированию предметов, доступности осмотра городища Танаис. Ряд респондентов в поле «Предложения» указал: «все отлично».

Отдельно стоит отметить статистику посещений официального сайта музея-заповедника www.museum-tanais.ru⁹. Полноценно работать сайт начал с 2014 г. На графиках статистику посещений сайта (рис. 9, 10) отображают столбцы оранжевого и желтого цвета – «Уникальные посетители»¹⁰ и «Количество визитов»¹¹ соответственно¹². Сравнивая статистику посещений музея-заповедника и статистику посещений его сайта, становится понятно, что и здесь сезонность оказывает свое влияние. Наибольшее количество посетителей сайта приходится на май-октябрь, что полностью повторяет статистику физических посещений музея-заповедника. Количество посещений сайта в 2015 году превышает показатели 2014 года на 19%, что говорит о росте популярности музея-заповедника «Танаис» в сети Интернет. Об этом же свидетельствует и средняя продолжительность визита на официальный сайт музея-заповедника: в 2014 году – 3,7 минуты, в 2015 году – 5,8 минут.

Какова же география посетителей сайта?¹³ (рис. 11, 12). В 2014 году – это Украина (ua), США (us), Саудовская Аравия (sa), страны Евросоюза (eu), Великобритания (gb), Германия (de), Финляндия (fi), Швеция (se), Китай (cn), Белоруссия (by), Румыния (ro), Израиль (il), Франция (fr), Польша (pl), Италия (it), Австрия (at), Нидерланды (nl), Казахстан (kz), Венгрия (hu), Бразилия (br), Япония (jp), Чехия (cz), Швейцария (ch), Молдова (md) и др. В 2015 году география расширяется за счет таких стран, как Болгария (bg), Канада (ca), Испания (es), Норвегия (no), Люксембург (lu). Безусловно, основная доля посещений приходится на Российскую Федерацию (ru). Объем посещений официального сайта музея-заповедника россиянами за год вырос почти в 2 раза, достигнув в 2015 году 61,34 ГБ (в 2014 году – 37,15 ГБ). По данным 2014 года, сайт больше всех посещали пользователи таких иностранных государств, как Украина (ua), США (us), Саудовская Аравия (sa), страны Евросоюза (eu), Великобритания (gb) и Германия (de), а в 2015 году – Украина (ua), США (us), Великобритания (gb) и Германия (de), т.е. картина изменилась очень мало.

Что же смотрят посетители сайта (рис. 13, 14)¹⁴? Помимо главной страницы¹⁵, посетителей всегда интересуют стоимость входных билетов, история музея-заповедника, виртуальная экскурсия, экспозиции и выставки, новости, коллекции. Например, новость о ежегодном театрализованном празднике «День Танаиса» в 2014 году была просмотрена чуть более тысячи раз, а в 2015 году это – уже полторы тысячи¹⁶. Данная статистика отражает рост интереса потенциальных туристов к главному празднику музея-заповедника.

Изучение вышеназванных статистических данных позволяет администратору сайта обращать внимание на то, что особенно интересно его посетителям, учитывая это в своей работе по

⁹ В статье приводятся данные статистики AWStats, установленной в панели администрирования сайта.

¹⁰ Уникальный посетитель – посетитель, с компьютера (IP адреса) которого сделан хотя бы один запрос на сервер за время текущего периода показа отчета (например - за месяц). Если посетитель сделал более одного запроса, все повторные запросы не учитываются.

¹¹ Визиты (сессии) – число посещений, сделанных всеми посетителями.

¹² Страницы (просмотры) – количество просмотров страниц на сайте. Хит – полное количество просмотров страниц ресурса без учета того, кем и откуда эти просмотры производились; любое обращение к web-серверу. Объем – загружаемый объем памяти при просмотре страниц сайта, общее количество байт переданных web-сервером клиенту.

¹³ Определяются по национальному домену верхнего уровня (ru, ua, us, eu и т.д.)

¹⁴ Столбцы таблицы: просмотры (количество просмотров страниц), средний размер (средний размер страницы), входение (точка входа), выход (точка выхода).

¹⁵ Символ «/» (первая строка в таблице) соответствует главной странице сайта museum-tanais.ru.

¹⁶ В реальности «День Танаиса» ежегодно посещают от 3-х до 5 тысяч человек.

наполнению сайта новой информацией, тем самым «подстраиваясь» под основные запросы посетителей в целях увеличения реальной посещаемости музея-заповедника.

Музей-заповедник более 10 лет системно работает над тем, чтобы максимально сгладить сезонный характер его посещаемости. В частности, во всех его экспозициях сделано отопление, на улице все дороги и дорожки сегодня имеют твердое покрытие, на городище Танаиса устроен деревянный помост, билетные кассы находятся в отапливаемых помещениях, учреждение работает без выходных и перерывов на обед в любое время года и др. Определенные успехи в этом направлении имеются, но кардинального перелома так и не случилось. Статистика красноречиво свидетельствует, что для туристов Танаис продолжает оставаться объектом, который предпочтительно посещать с конца апреля по конец октября. Впрочем, это закономерно для всех музеев-заповедников и музеев-усадеб страны.

Статистическое исследование «Обратная связь» является долгосрочным проектом. Узкая специализация музея-заповедника, расположение в сельской местности, сезонный характер его посещаемости – вот те основные факторы, которые наиболее ярко отразились на результатах исследования. Получаемые в ходе его реализации данные играют немаловажную роль при планировании дальнейшего развития музея-заповедника «Танаис» на ближайшую и дальнюю перспективу, при выработке эффективных мер по росту его привлекательности для туристов.

Литература

Давыдова Т.А., Ростовцева М.М. Анализ структуры посетителей и динамики посещаемости Чувашского национального музея (2009-2013 гг.). // Чувашский национальный музей: люди, события, факты. – Чебоксары: ЧНМ, 2014. – Вып. 9. – С. 51-54.

Об утверждении Правил организованной перевозки группы детей автобусами (с изменениями и дополнениями): Постановление Правительства РФ от 17.12.2013 № 1177 // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2013. - N 52 (часть II) - Ст. 7174.

Сведения о деятельности ГБУК РО «Археологический музей-заповедник «Танаис» за 2010 г. Форма статистического наблюдения № 8-НК.

Сведения о деятельности ГБУК РО «Археологический музей-заповедник «Танаис» за 2011 г. Форма статистического наблюдения № 8-НК.

Сведения о деятельности ГБУК РО «Археологический музей-заповедник «Танаис» за 2012 г. Форма статистического наблюдения № 8-НК.

Сведения о деятельности ГБУК РО «Археологический музей-заповедник «Танаис» за 2013 г. Форма статистического наблюдения № 8-НК.

Сведения о деятельности ГБУК РО «Археологический музей-заповедник «Танаис» за 2014 г. Форма статистического наблюдения № 8-НК.

Сведения о деятельности ГБУК РО «Археологический музей-заповедник «Танаис» за 2015 г. Форма статистического наблюдения № 8-НК.

Ядов В.А. Социологическое исследование: методология, программа, методы. – М.: Наука, 1972. – 332 с.

Кивелев Е.А. Анализ посещаемости Музея фресок Дионисия. // ФГБУК «Кирилло-Белозерский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник». 2013 // <http://kirmuseum.ru>

Кушенко А.В., Козуб Т.Б. Анализ посещаемости музея как критерий оценки его деятельности (на примере Центрального государственного музея Республики Казахстан). 2013 // <http://articlekz.com>

ТАБЛИЦА 1

ОБЩАЯ ПОСЕЩАЕМОСТЬ МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «ТАНАИС» В 2010–2015 гг.
(по данным государственной статистической отчетности)

Год	Число посещений - всего, тыс. чел	Число индивидуальных посещений, тыс. чел.	Число экскурсионных посещений, тыс. чел.
2010	60,7	33,7	27
2011	59,8	34	25,8
2012	69,2	41,2	28,5
2013	65,1	36,9	28,2
2014	67,5	43,6	23,5
2015	67,1	44,6	22,9

ТАБЛИЦА 2

ПОСЕЩАЕМОСТЬ МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «ТАНАИС» В 2010–2015 гг.
ПО ОСНОВНЫМ КАТЕГОРИЯМ ПОСЕТИТЕЛЕЙ
(по отчетам билетных кассиров)

Год	Взрослые	Студенты	Дети
2010	43%	3%	54%
2011	42%	2%	56%
2012	44%	1%	55%
2013	43%	2%	55%
2014	41%	1%	58%
2015	41%	2%	57%

ТАБЛИЦА 3

ЭКСКАУСИОННОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ В МУЗЕЕ-ЗАПОВЕДНИКЕ «ТАНАИС»
В 2010–2015 гг. (по данным государственной статистической отчетности)

Год	Число экскурсий всего, ед.	Число экскурсий для организованных экскурсионных групп, ед.	Число экскурсий для самоорганизующихся малых групп, ед.
2010	1018	866	152
2011	831	691	140
2012	958	804	154
2013	1097	830	267
2014	1105	862	243
2015	1113	757	356

ТАБЛИЦА 4

**ПОСЕЩАЕМОСТЬ МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «ТАНАИС» В 2010–2015 гг.
ПО МЕСЯЦАМ КАЛЕНДАРНОГО ГОДА**

(в процентах к общему количеству посетителей за год, по отчетам билетных кассиров)

месяц / год	2010	2011	2012	2013	2014	2015	Средние значения
январь	0,19%	0,32%	0,71%	0,20%	0,68%	0,37%	0,41%
февраль	0,85%	0,60%	0,09%	0,31%	0,16%	0,46%	0,41%
март	1,16%	0,68%	0,81%	1,34%	1,41%	3,33%	1,46%
апрель	5,61%	2,66%	3,69%	7,40%	5,84%	3,12%	4,72%
май	28,69%	22,11%	26,70%	27,82%	28,47%	21,19%	25,83%
июнь	11,86%	12,50%	11,30%	10,76%	16,51%	16,26%	13,20%
июль	11,22%	12,49%	11,60%	10,61%	11,66%	12,87%	11,74%
август	19,17%	16,36%	13,13%	14,03%	8,24%	13,24%	14,03%
сентябрь	26,00%	18,44%	13,85%	13,41%	12,35%	15,07%	16,52%
октябрь	3,12%	11,12%	14,45%	6,62%	11,13%	8,75%	9,20%
ноябрь	7,26%	2,52%	3,27%	7,10%	3,31%	4,87%	4,72%
декабрь	0,25%	0,19%	0,41%	0,40%	0,24%	0,47%	0,33%

ТАБЛИЦА 5

**ЭКСКУРСИОННОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ В МУЗЕЕ-ЗАПОВЕДНИКЕ «ТАНАИС»
В 2010–2015 гг. В СООТНОШЕНИИ ПО МЕСЯЦАМ КАЛЕНДАРНОГО ГОДА**

(в процентах к общему количеству экскурсий за год, по отчетам билетных кассиров)

месяц / год	2010	2011	2012	2013	2014	2015	Средние значения
январь	0,72%	0,38%	0,00%	0,07%	0,36%	0,98%	0,42%
февраль	0,36%	0,00%	0,00%	0,07%	0,36%	0,65%	0,24%
март	2,53%	0,38%	1,17%	1,16%	1,74%	4,49%	1,91%
апрель	4,58%	3,79%	3,83%	21,88%	5,44%	3,51%	7,17%
май	19,76%	34,39%	27,69%	26,93%	25,53%	22,51%	26,14%
июнь	6,02%	5,94%	9,80%	6,64%	12,11%	11,42%	8,66%
июль	11,69%	7,08%	8,63%	8,74%	13,49%	9,79%	9,90%
август	14,58%	8,34%	7,14%	8,74%	6,60%	8,56%	8,99%
сентябрь	28,80%	19,72%	16,61%	10,61%	12,76%	18,11%	17,77%
октябрь	4,82%	17,07%	21,51%	9,17%	17,84%	12,56%	13,83%
ноябрь	6,02%	2,40%	3,09%	5,42%	3,55%	6,85%	4,56%
декабрь	0,12%	0,51%	0,53%	0,29%	0,22%	0,57%	0,37%

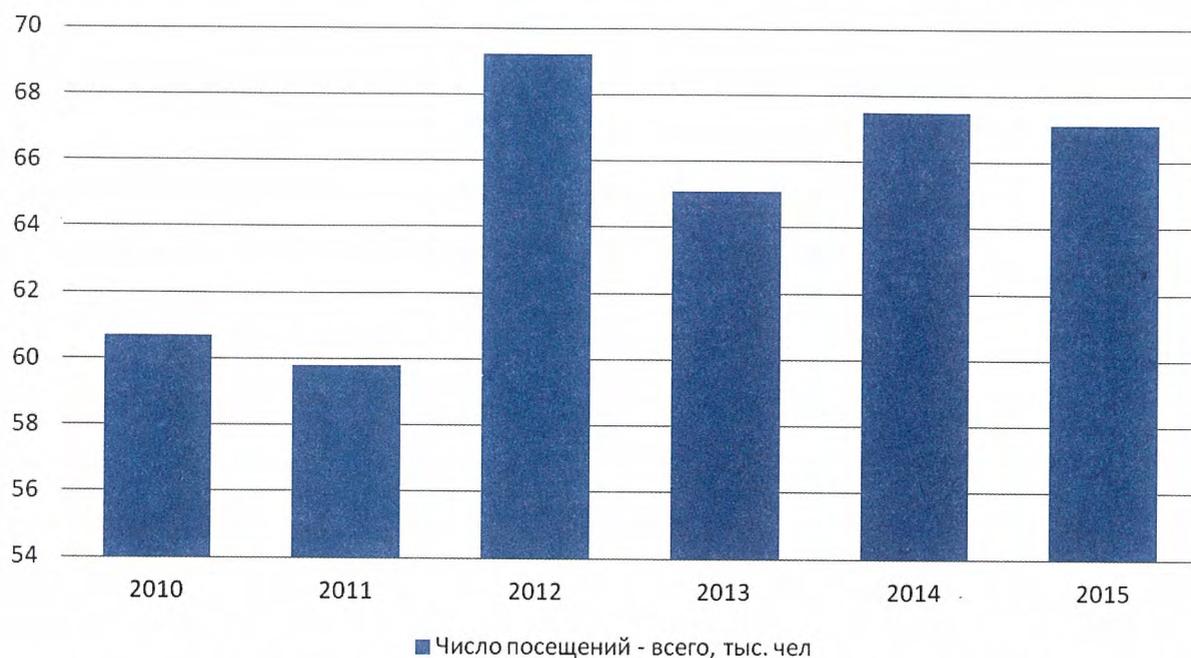

РИС. 1. ПОСЕЩАЕМОСТЬ МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «ТАНАИС» В 2010–2015 гг. (по данным государственной статистической отчетности)

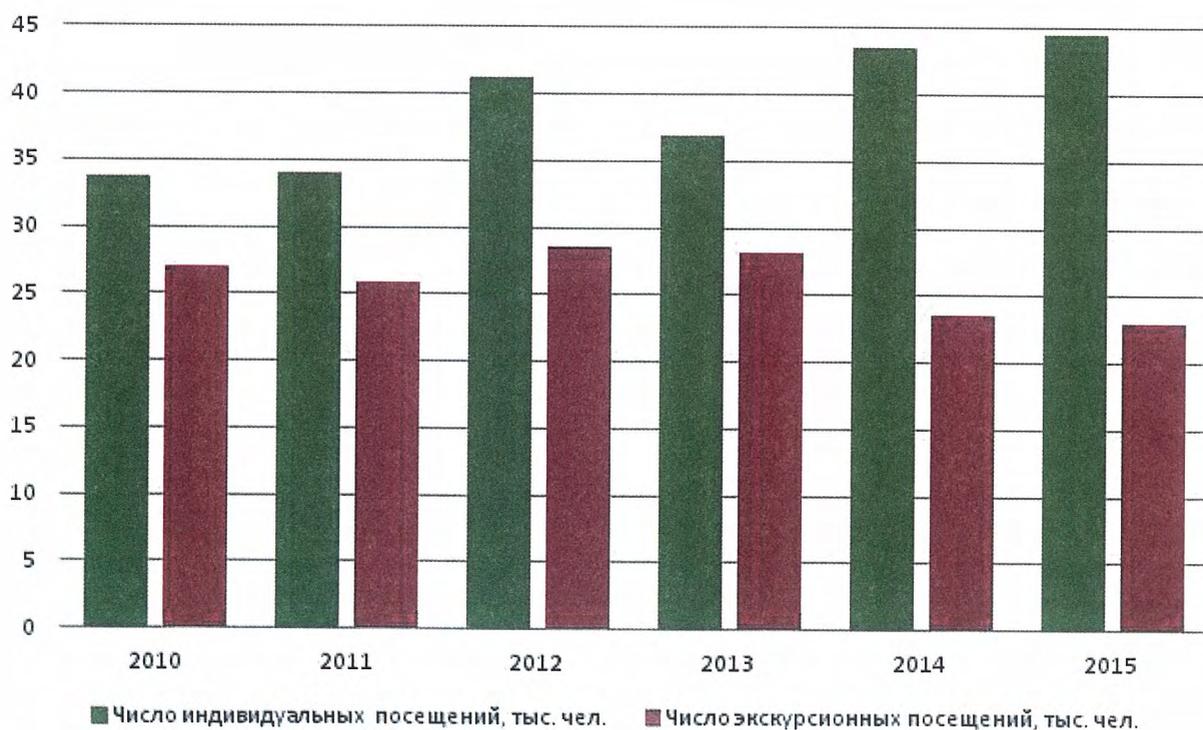

РИС. 2. ДИНАМИКА СООТНОШЕНИЯ ЧИСЛА ПОСЕЩЕНИЙ МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «ТАНАИС» В СОСТАВЕ ЭКСКУРСИОННЫХ ГРУПП И ЧИСЛА ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ПОСЕЩЕНИЙ В 2010–2015 гг. (по данным государственной статистической отчетности)

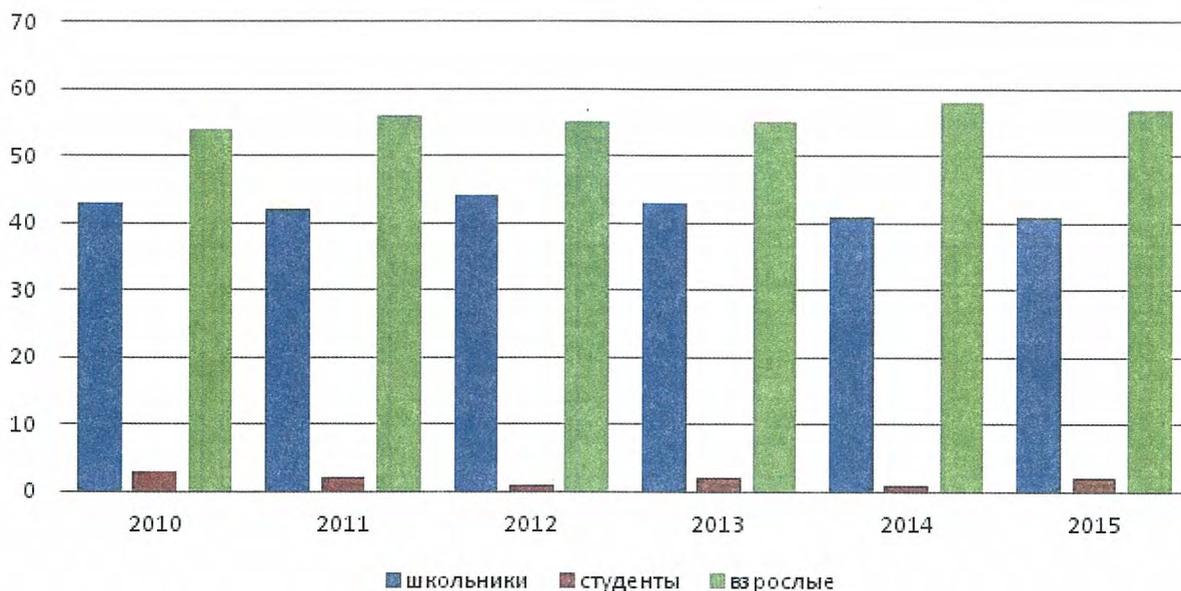

РИС. 3. ПОСЕЩАЕМОСТЬ МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «ТАНАИС» В 2010–2015 гг. В СООТНОШЕНИИ ПО ОСНОВНЫМ КАТЕГОРИЯМ ПОСЕТИТЕЛЕЙ (в процентном выражении, по отчетам билетных кассиров)

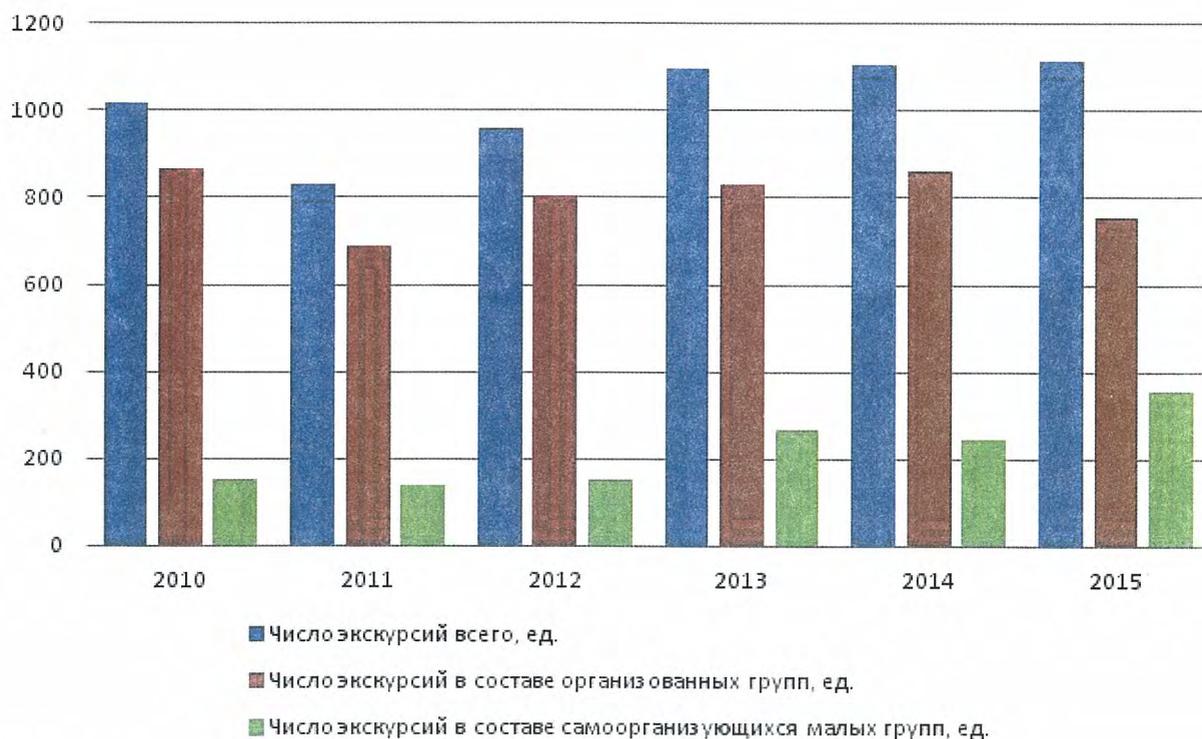

РИС. 4. ЭКСКУРСИОННОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ В МУЗЕЕ-ЗАПОВЕДНИКЕ «ТАНАИС» В 2010–2015 гг. (по данным государственной статистической отчетности и отчетам кассиров)

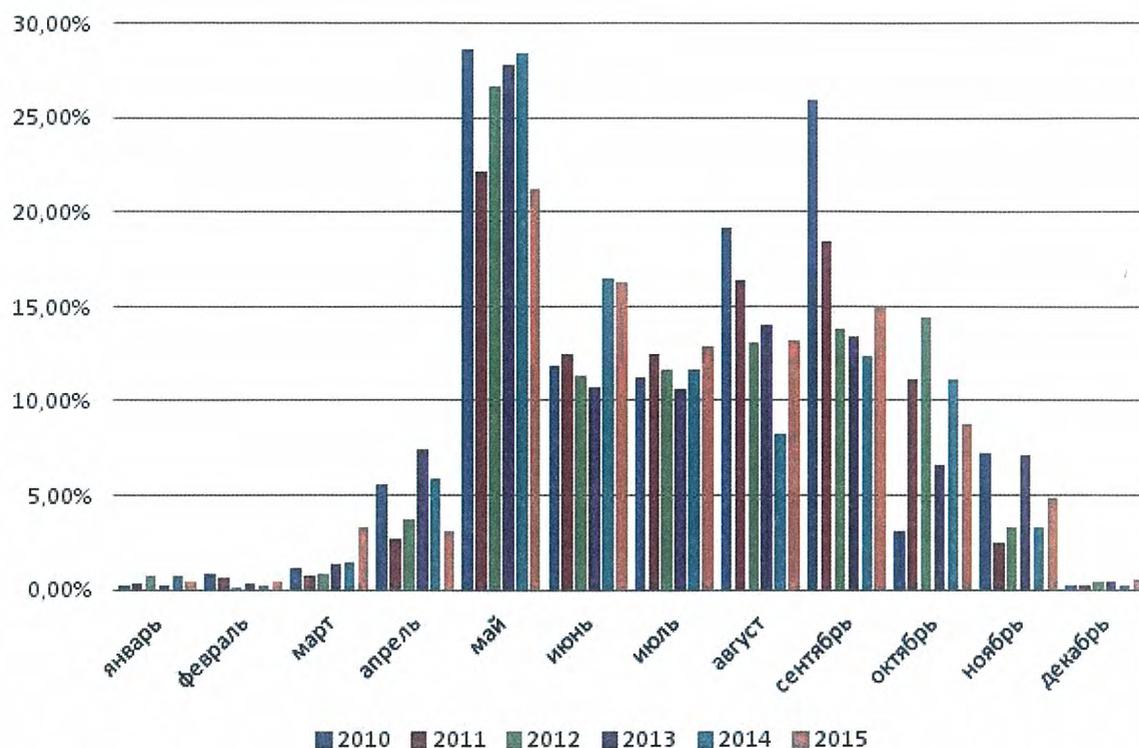

РИС. 5. ПОСЕЩАЕМОСТЬ МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «ТАНАИС» В 2010-2015 гг. ПО МЕСЯЦАМ (в процентах к общему количеству посетителей за год, по отчетам билетных кассиров)

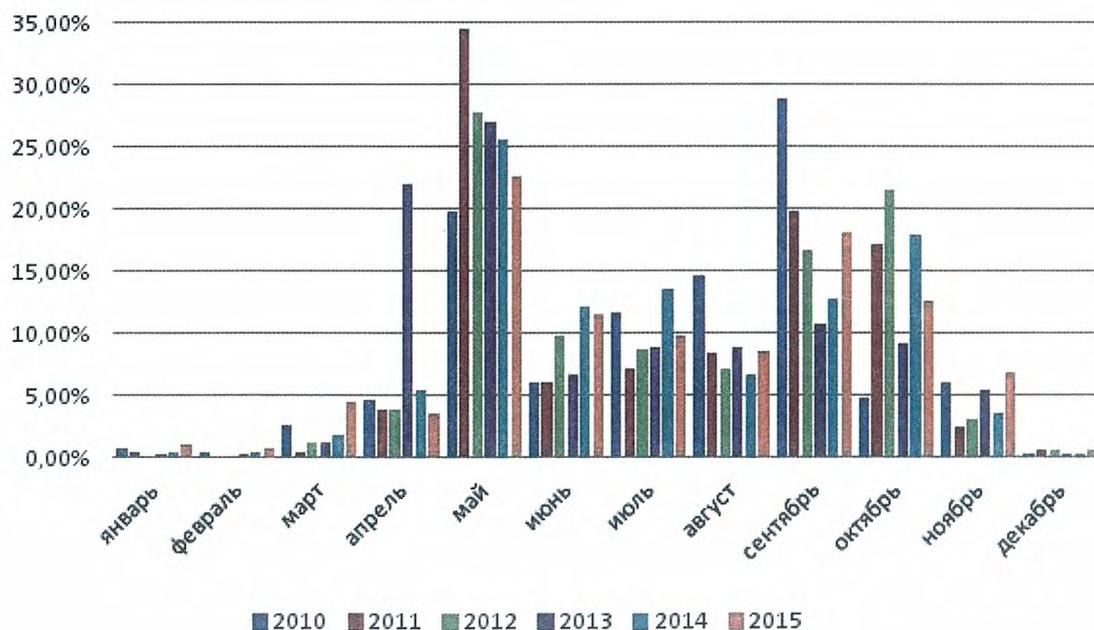

РИС. 6. ЭКСКУРСИОННОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ В МУЗЕЕ-ЗАПОВЕДНИКЕ «ТАНАИС» В 2010–2015 гг. ПО МЕСЯЦАМ (в процентах к общему количеству проведенных экскурсий за год, по отчетам билетных кассиров)

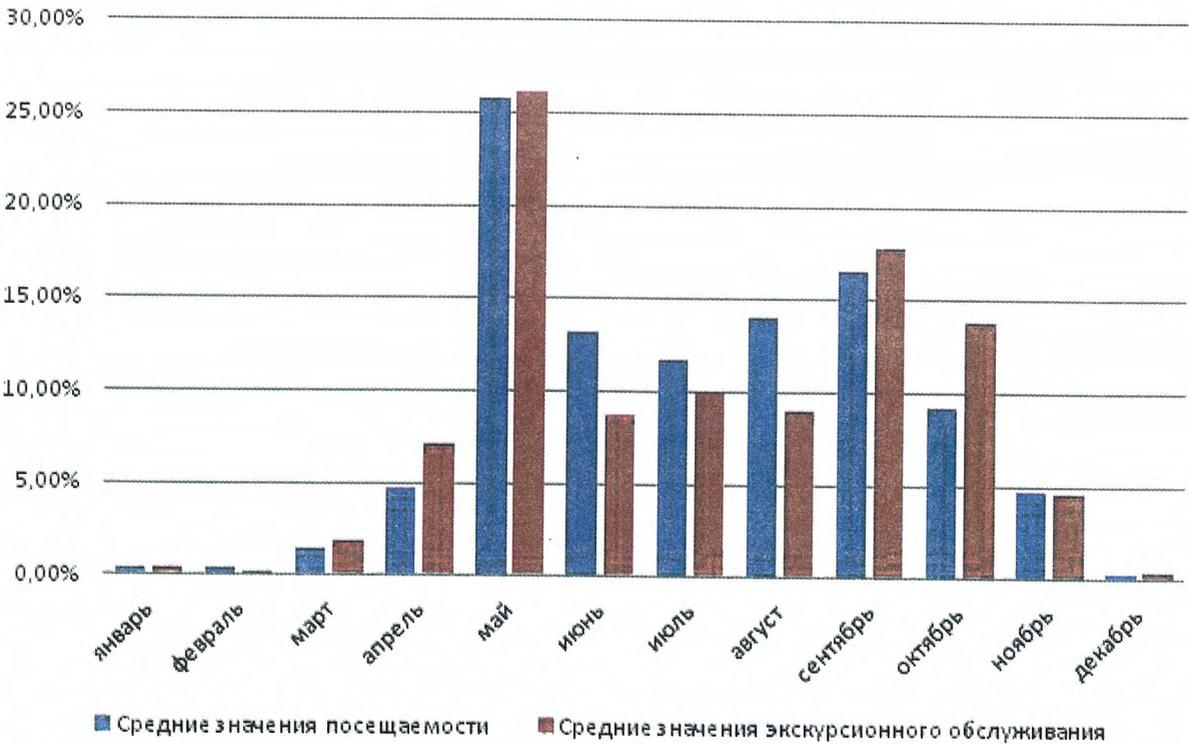

РИС. 7. СРЕДНИЕ ЗНАЧЕНИЯ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ПОСЕЩАЕМОСТИ И ЭКСКУРСИОННОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ В 2010-2015 гг. ПО МЕСЯЦАМ (в процентах, по отчетам билетных кассиров)

Управление культуры, туризма и физической культуры Танаиса
Анкета
 Уважаемый посетитель, данная анкета поможет нам выявить мнения, рекомендации посетителей туристического комплекса ГБУЗ ТО «Танаиса» и оказать услуги по развитию туристического комплекса и туристического обслуживания.

1. Откуда Вы узнали об экскурсионном туризме-экскурсиях в Танаисе (лучше отметить крестиком или галочкой)?

Интернет

СМИ (газета, радио, телевидение)

Прямые контакты

Адресная реклама, буклеты

Попытки продвижения (конс., приглашения, фотосессии)

Другое сарафанное радио

2. Видно ли рекламе и туристическому комплексу «Танаиса» (лучше отметить крестиком или галочкой)?

Да

Нет

3. Цель нашего визита (лучше отметить крестиком или галочкой):

Свободное посещение

Посещение экскурсионного комплекса

Путешествие

4. Как Вы оцениваете маршрут движения по туристической базе (лучше отметить в кружочек):

1 - очень плохо 2 - плохо 3 - удовлетворительно 4 - хорошо 5 - отлично

Оформление экскурсионного комплекса в туристической базе

Состояние объектов туристической базы (парковка, туалеты)

Оформление экскурсионного комплекса в туристической базе

Оформление экскурсионного комплекса в туристической базе

5. Как вы оцениваете условия посещения музея и оказания услуг (лучше отметить в кружочек)?

1 - очень плохо 2 - плохо 3 - удовлетворительно 4 - хорошо 5 - отлично

Удобство размещения и предоставления информации на территории музея (таблички, вывески, указатели)

Заказ билетов и экскурсионных билетов и туристических услуг

Состояние музея

6. Как вы оцениваете персонал, оказывающий услуги (лучше отметить в кружочек)?

1 - очень плохо 2 - плохо 3 - удовлетворительно 4 - хорошо 5 - отлично

Профессионализм персонала в целом

Добротность персонала

Работный настрой

7. Планируете ли вы посетить наш музей - памятник своим друзьям и знакомым (лучше отметить крестиком или галочкой)?

Да

Нет

8. Укажите, пожалуйста, адреса e-mail:

Формат - tanaisa@mail.ru

Или - tanaisa@mail.ru

Страница в интернете (лучше указать адрес): руководитель, предприниматель, сотрудник, специалист, рабочий, студент, учащийся, безработный, пенсионер

Укажите на карте (улица, область, почтовый индекс) - Танаиса, Республика Тыва

Ваша профессия по туристической базе

Спасибо за то, что поделились с нами информацией!

РИС. 8. ОБРАЗЕЦ АНКЕТЫ, ЗАПОЛНЕННОЙ РЕСПОНДЕНТОМ

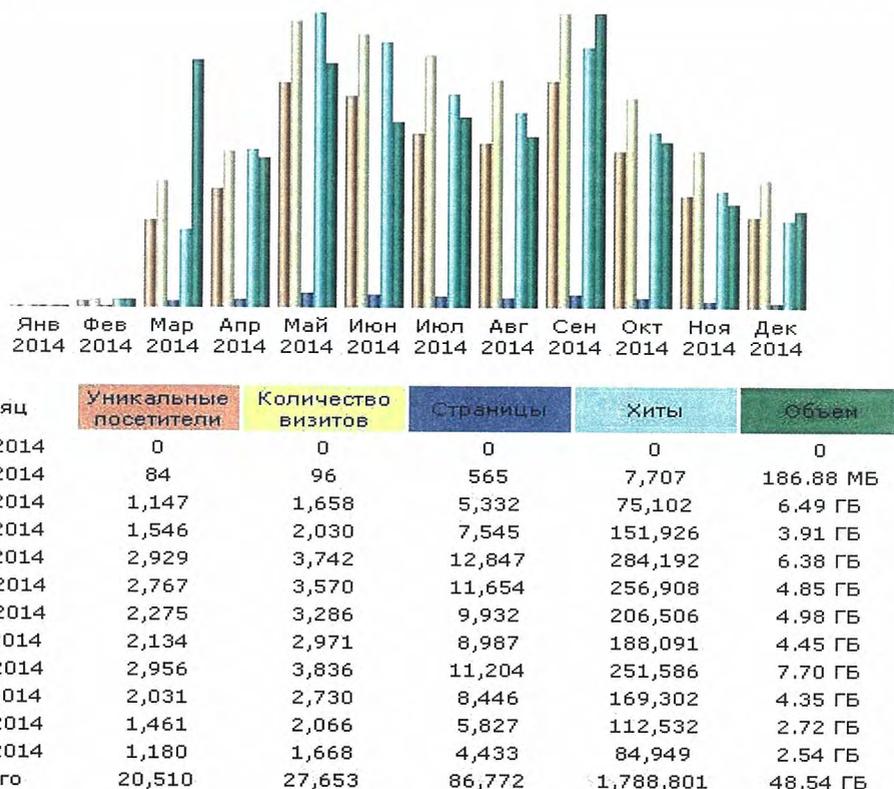

РИС. 9. СТАТИСТИКА ПОСЕЩЕНИЙ ОФИЦИАЛЬНОГО САЙТА МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «ТАНАИС» В 2014 ГОДУ (в тыс.).

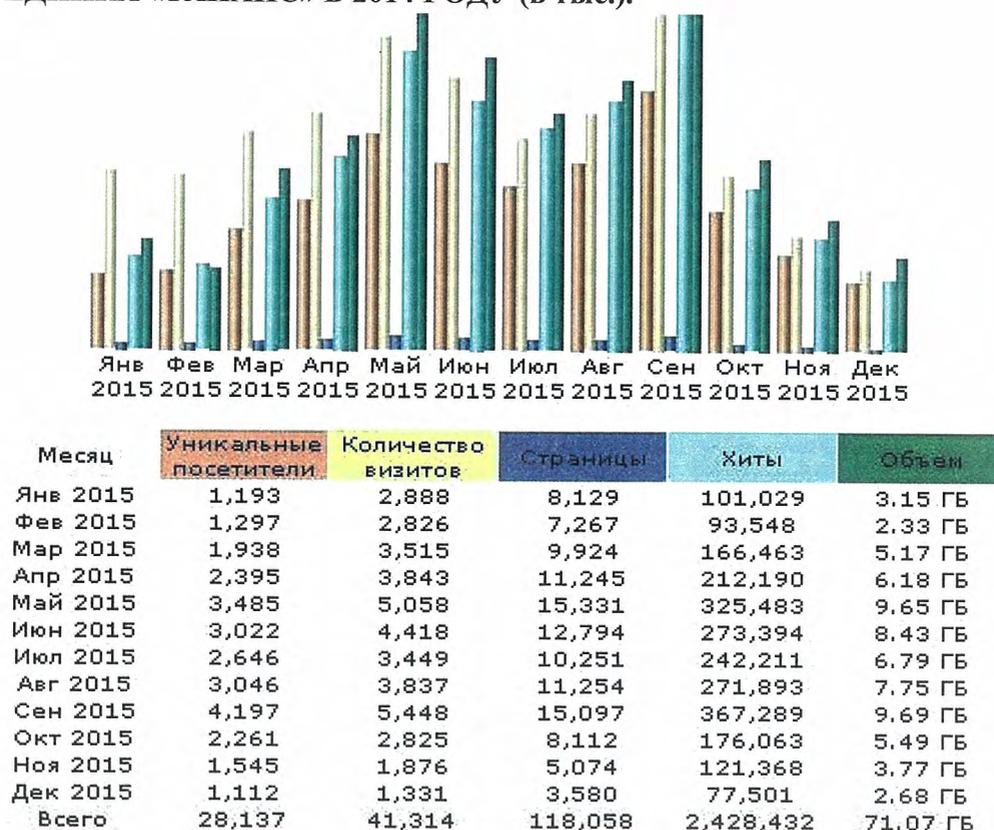

РИС. 10. СТАТИСТИКА ПОСЕЩЕНИЙ ОФИЦИАЛЬНОГО САЙТА МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «ТАНАИС» В 2015 ГОДУ (в тыс.).

Locales (Топ 25) - Полный список				
Locales		Страницы	Хиты	Объем
Russian Federation	ru	65,110	1,474,919	37.15 ГБ
Ukraine	ua	6,570	24,776	2.28 ГБ
United States	us	3,219	40,539	746.15 МБ
Saudi Arabia	sa	2,726	61,490	1.54 ГБ
European country	eu	2,066	59,850	1010.40 МБ
Great Britain	gb	1,767	54,638	801.81 МБ
Germany	de	1,078	6,508	2.06 ГБ
Finland	fi	583	1,008	321.24 МБ
Sweden	se	476	7,221	129.03 МБ
China	cn	356	1,077	21.61 МБ
Belarus	by	307	2,540	296.47 МБ
Romania	ro	296	1,597	32.64 МБ
Israel	il	219	1,356	57.47 МБ
France	fr	219	3,027	359.65 МБ
Poland	pl	203	3,339	254.98 МБ
Italy	it	155	3,671	51.83 МБ
Austria	at	120	1,198	132.15 МБ
Netherlands	nl	118	1,183	55.57 МБ
Kazakhstan	kz	111	3,200	190.80 МБ
Hungary	hu	110	908	25.14 МБ
Brazil	br	92	10,782	118.94 МБ
Japan	jp	80	623	9.39 МБ
Czech Republic	cz	67	1,466	65.78 МБ
Switzerland	ch	64	1,308	34.42 МБ
Moldova	md	48	313	57.75 МБ
Остальные		612	20264	871.02 МБ

РИС 11. ГЕОГРАФИЯ ПОСЕЩЕНИЙ ОФИЦИАЛЬНОГО САЙТА МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «ТАНАИС» В 2014 ГОДУ.

Locales (Топ 25) - Полный список				
Locales		Страницы	Хиты	Объем
Russian Federation	ru	94,903	2,171,353	61.34 ГБ
Ukraine	ua	4,667	36,158	1.51 ГБ
United States	us	4,176	69,640	1.25 ГБ
Great Britain	gb	3,844	50,167	943.60 МБ
Germany	de	2,276	10,964	2.08 ГБ
Неизвестный	zz	2,209	4,302	147.20 МБ
Netherlands	nl	733	1,506	60.43 МБ
Romania	ro	485	4,239	216.28 МБ
Japan	jp	460	1,906	1.76 ГБ
France	fr	408	3,248	80.03 МБ
Bulgaria	bg	389	1,250	66.15 МБ
Canada	ca	348	1,602	24.72 МБ
Spain	es	334	2,639	82.73 МБ
China	cn	275	1,649	29.13 МБ
Moldova	md	252	1,543	31.36 МБ
Norway	no	251	10,126	140.42 МБ
Belarus	by	217	2,745	195.28 МБ
Brazil	br	194	16,117	182.94 МБ
Czech Republic	cz	187	3,687	96.38 МБ
Italy	it	185	5,177	103.48 МБ
Luxembourg	lu	149	150	3.72 МБ
Poland	pl	137	1,969	78.52 МБ
Israel	il	85	708	14.80 МБ
Kazakhstan	kz	76	2,526	141.08 МБ
Hungary	hu	65	411	5.77 МБ
Остальные		753	22650	578.76 МБ

РИС 12. ГЕОГРАФИЯ ПОСЕЩЕНИЙ ОФИЦИАЛЬНОГО САЙТА МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА «ТАНАИС» В 2015 ГОДУ.

Адрес страницы (Топ 25)		Полный список		Вхождение		Выход	
568 Различные url	Просмотров	Средний размер	Вхождение	Выход			
/	28,180	38.01 КБ	18,869	10,583			
/stoimost-i-lgoty	8,334	39.75 КБ	1,445	3,347			
/istoriya	4,324	25.11 КБ	525	1,102			
/virtualnaya-ekskursiya	3,748	16.97 КБ	635	1,814			
/expositions	3,417	22.00 КБ	194	444			
/news	2,712	26.49 КБ	460	573			
/collections	2,675	26.95 КБ	187	410			
/contacts	2,020	23.77 КБ	500	863			
/excursions	1,177	19.76 КБ	205	175			
/news/20-sentyabrya-2014-goda-antichnyy-prazdnik-den-tanaisa	1,076	30.10 КБ	409	693			
/novye-otkrytiya-v-tanais-121	1,072	22.45 КБ	86	284			
/video	1,010	16.82 КБ	147	440			
/sites/all/themes/tanais/fonts/fontawesome-webfont.woff	992	43.22 КБ	50	327			
/muzeynyy-magazin	983	23.66 КБ	170	257			
/tipy-vystavok/ekspoziciya-pod-otkrytym-nebom	891	19.04 КБ	106	114			
/rimskiy-most-116	851	20.27 КБ	39	156			
/hizhina-meota-115	850	19.67 КБ	54	203			
/gorodishche-tanais-ekspoziciya-pod-otkrytym-nebom-110	830	21.58 КБ	59	235			
/maket-oboronitelnyh-sooruzheniy-tanaisa-117	790	21.03 КБ	48	143			
/gorodishche-106	779	21.28 КБ	28	140			
/tipy-vystavok/vystavki	736	20.85 КБ	51	106			
/tipy-vystavok/postoyannaya-ekspoziciya	720	17.47 КБ	30	49			
/puteshestvie-v-zagadochnyy-tanais-118	706	20.18 КБ	46	144			
/carskiy-kurgan-86	706	18.58 КБ	60	171			
/employee	645	21.99 КБ	109	153			
Остальные	16,548	322.58 КБ	3,141	4,727			

РИС. 13. ПОПУЛЯРНЫЕ РАЗДЕЛЫ САЙТА ПО ДАННЫМ СТАТИСТИКИ 2014 г.

Адрес страницы (Топ 25)		Полный список		Вхождение		Выход	
485 Различные url	Просмотров	Средний размер	Вхождение	Выход			
/	39,068	36.81 КБ	26,364	16,131			
/stoimost-i-lgoty	12,295	41.61 КБ	3,664	6,090			
/istoriya	4,981	25.04 КБ	606	1,353			
/virtualnaya-ekskursiya	4,111	17.00 КБ	492	1,834			
/expositions	3,688	21.52 КБ	159	432			
/news	3,283	25.62 КБ	802	752			
/collections	2,929	26.50 КБ	214	442			
/dokumenty	2,157	19.69 КБ	185	788			
/novye-otkrytiya-v-tanais-121	1,752	22.20 КБ	67	418			
/contacts	1,620	21.95 КБ	265	698			
/news/den-tanaisa-19-sentyabrya	1,514	26.05 КБ	520	981			
/gorodishche-tanais-ekspoziciya-pod-otkrytym-nebom-110	1,242	21.39 КБ	69	302			
/video	1,033	16.74 КБ	97	441			
/rimskiy-most-116	1,020	18.21 КБ	36	171			
/muzeynyy-magazin	1,011	23.28 КБ	158	245			
/excursions	1,000	19.96 КБ	143	140			
/carskiy-kurgan-86	893	18.31 КБ	70	233			
/hizhina-meota-115	882	22.48 КБ	71	200			
/gorodishche-106	839	18.29 КБ	29	166			
/tipy-vystavok/ekspoziciya-pod-otkrytym-nebom	822	16.85 КБ	85	103			
/maket-oboronitelnyh-sooruzheniy-tanaisa-117	800	20.94 КБ	25	116			
/muzey-istorii-tanaisa-109	674	24.62 КБ	152	188			
/tipy-vystavok/postoyannaya-ekspoziciya	671	17.36 КБ	19	44			
/puteshestvie-v-zagadochnyy-tanais-118	670	20.39 КБ	41	117			
/tipy-vystavok/vystavki	642	20.40 КБ	18	86			
Остальные	15,842	25.26 КБ	2,399	4,268			

РИС. 14. ПОПУЛЯРНЫЕ РАЗДЕЛЫ САЙТА ПО ДАННЫМ СТАТИСТИКИ 2015 г.

МУЗЕЙ И ОБЩЕСТВО

РЕКОНСТРУКЦИИ В ТАНАИСЕ

Чеснок В. Ф.

(chesnok.64@mail.ru)

Статья посвящается 55-летию музея-заповедника «Танаис». Читатель узнает об истории открытия и первых исследованиях Танаиса, о людях, ставших создателями заповедника и заложивших основы его становления и развития, познакомится с эпизодами первых трех десятилетий его жизни, воспоминаниями ветеранов музея. В отрывках из хроники того времени – множество имен, дат, событийных моментов и бытовых деталей. Все это помогает воссоздать своеобразную и неповторимую атмосферу, привлекавшую в Танаис людей самых разных возрастов и профессий с творческой мыслью и умелыми руками – как своего рода нештатный актив. Самая объемная часть статьи – рассказ об археологических реконструкциях, во многом сформировавших облик музейной территории, сохранившийся и сегодня. Очерчены и возможные перспективы дальнейшего развития территории.

Ключевые слова: археологи, городище, музей-заповедник (заповедник), раскопки, реконструкция, реставрация, усадьба.

55th ANNIVERSARY OF THE RESERVE MUSEUM «TANAIS»

Chesnok V. F.

(chesnok.64@mail.ru)

The article is dedicated to the 55th anniversary of the reserve museum «Tanais». Readers will discover a history of the installation and first investigations in Tanais, find out more about people that founded the reserve and principles of its establishment and development; about episodes of the first three decades of its existence, memories of the museum's veterans. In fragments of chronicles of that age there is a number of names, dates, events and everyday details. That all could help to recreate the unique and original ambiance that have been attracting into Tanais people of very different ages and occupations, people endowed with creative spirit and skillful hands – a kind of a freelancer staff. The largest part of the article makes a narration of archeological reconstructions that determined to a great extent the museum territory appearance, having survived till today.

Key words: archeologists, ancient settlement, reserve museum, excavations, reconstruction, refurbishment, homestead.

С уходом поколения тех, кто создавал с «краеугольного камня» заповедник, многолетние этапы его формирования становятся «культурным слоем», в чем-то во многом забываемым, но,

думаю, что до поры до времени... Опыт тех лет будет всегда востребован, оставаясь для будущего и образцом, и загадкой, и индикатором процесса, который мы называем историей музея-заповедника «Танаис».

Осознание значимости мелочей повседневности приходит, к сожалению, только во время празднования юбилейных и памятных дат... Может, в этом и есть какая-то по-своему грустная логика, упрощающая, конечно, видение, да и понимание прошлого... Но согласись, читающий эти строки, – дорого мы бы дали за возможность, не говорю – увидеть, но почувствовать хотя бы один день из городской повседневности древнего Танаиса, обстановки на городище времени проезда И.А. Стемпковского, работ П.М.Леонтьева, споров о выборе места для усадьбы в 1960 году... Бог в подробностях! Хронику официальных решений по заповеднику можно отследить по ветхим бумагам, но это архив – высохший гербарий... Живое впечатление сохраняют воспоминания, фотографии, кинокадры...

«Краеугольным камнем» была идея! – идея археологического музея-заповедника, возникшая из диалога двух личностей, Семена Марковича Маркова и Дмитрия Борисовича Шелова (рис. 1,1,3): идея заповедного пространства, в котором равнозначными были бы и археологические исследования, и музейная деятельность. (Даже сегодня, спустя более полувека, естественность этого отношения к археологическим памятникам прививается с трудом – драматизм ситуации иллюстрируется положениями на таких памятниках, как Елизаветовское городище, Горгиппия, Гермонасса, где огромный опыт исследовательской, академической науки не находит воплощения в такого же уровня музейной практике).

Идея в то время казалась столь фантастической, что под нее не прописывались перспективные планы: ведь все выстраивалось под случайно выпадавшие с двух телег деньги, фильтровавшиеся через Областное Управление культуры и Областной музей краеведения, филиалом которого стал новорожденный заповедник. Даже в первоначальном наименовании его был привкус недолговечности и обреченности – «Недвиговский филиал Областного краеведческого музея», а остановка электрички именовалась «Сущенково» (рис. 1,5).

Как только в течение нескольких лет исследований городища (рис. 1,4) Областной музей восстановил в экспозиции разграбленную во время войны коллекцию античной эпохи, интерес к Танаису у вышестоящего начальства стал угасать... У сменяющихся директоров Областного музея в отношении филиала я наблюдал устойчивое, по-видимому, наследственное выражение недоумения, как будто к скромному пиршественному музейному столу упрямо пытался присесть и бедный родственник. Спасала стабильность археологических исследований, вера Дмитрия Борисовича в перспективность исследований, настойчивость Семена Марковича... Оба – аристократы в профессии... Но это особая тема.

Поразительно – при всей кажущейся стихийности принимавшихся отцами-основателями решений в стартовый период начала 60-х гг. они настолько гармонично встраивались в эскиз, образ и объекты будущего заповедника, что остаются руководством к действиям и по сегодняшней день.

Кратко их можно обозначить так:

- под экспонаты – музей и лапидарий;
- сохранение коллекций – фондохранилище;
- экспедиционная инфраструктура – территория лагеря, столовая, душевые, баня, туалет;
- доступность экспозиций – музея и открытых участков городища – для посетителей;
- археологические реконструкции – формирование исторического контекста;
- легкость ориентации в пространстве – аллеи, дорожки, указатели;
- охранные территории – законодательно закрепленные.

Со временем добавилась еще территория для массовых праздников – театральная площадка у Башни поэтов, и она остается бессменной по сей день: лучше места пока не придумать.

Особая роль с первых лет заповедника принадлежала созданию реконструкций. Они строились почти одновременно на усадьбе, в экспозиции и на городище, формируя единое научно-образовательное пространство, связывая в целое мозаику исторических эпох, встраивая археологические находки Танаиса не только в привычные схемы исторической хронологии и мировой культуры, но и подчеркивая индивидуальные особенности памятника. Не говоря уже о том, что такие реконструкции были, в современной терминологии, инновационными для того времени. Их осуществлению предшествовала большая исследовательская работа.

1. Усадьба

История усадьбы – пример, когда внешне стихийно принимавшиеся решения по расположению экспозиционных и хозяйственных объектов оказывались долговечными, вписываясь или становясь основой для проектировавшихся позднее перспективных планов развития территории. Скорее всего срабатывал, ставший классическим, принцип «предварительных дорожек»: вначале протоптанные тропинки, затем – дороги.... Так было при выборе мест для реконструкции двух башен, строительства – вначале кухни, затем столовой, фондохранилищ, пристроек, посадки деревьев...

Сегодня жалею, что не отмечали надписями по бетону, цветом кирпича или просто краской даты строительства – то ли ввиду незначительности событий по сравнению с раскопками, то ли по традиционной российской привычке: вторичности хозяйственных проблем... Скорее потому, что все, сейчас называемое инфраструктурой, складывалось медленно, «по кирпичику», оттого и не замечалось. Стоит ли описывать «кирпичи», когда, например, дистанции между первыми зданиями музея, фондохранилища и нынешними огромны.

Сейчас трудно представить, что заповедник нескольких десятилетий отапливался печами, разнарядки на уголь выбивались месяцами, не было телефона, коллекции хранились во дворе под брезентом; часами опаздывающие электрички, из своего транспорта – велосипед... Но это не воспринималось как драма, в конце концов – приходила электричка, завозили уголь и запасались дровами, в начале 80-х провели телефон. И бесконечно строили...

В письменной традиции первыми описаниями усадьбы были воспоминания Владимира Яковлевича Кияшко, бывшего, хотя и недолго, но самым первым директором заповедника. Из его книги «Полвека в археологии и кое-что еще...»:

«Еще зимой Семен Маркович повез меня в хутор Недвиговка осматривать будущее хозяйство. Я увидел среди заснеженной, бескрайней, абсолютно голой степи неказистое фанерное строение, но со всей бездумностью молодости дал согласие на работу... летом все выглядело намного пригляднее. Рядом с основным корпусом появились маленький сборный жилой домик, сарай и временная изгородь, вдоль дорожки торчат прутья будущих деревьев, а главное, есть первая штатная должность – сторож Родионыч...» (Кияшко, 2007, с. 92).

Оставляю многоточие, чтобы позже заполнить воспоминаниями ветеранов – участников разных событий тех лет. Немного их осталось...

Впервые я побывал в Танаисе со своим первым курсом на экскурсии осенью 1962 года. И потом приезжал довольно часто, когда работал в экспедиции у Станислава Никифоровича Братченко (рис. 1,2) на Ливенцовке. Копали поселения эпохи средней бронзы на нижней террасе Мертвого Донца. На верхней же через несколько лет Станислав Никифорович сделает выдающееся открытие – Ливенцовскую крепость... Слава был увлеченным человеком, много знал и умел, была в нем притягательная независимость, открытость и доброжелательность, способность сохранять эти качества при любых ситуациях и в любых кабинетах...

Меня же археология интересовала предметностью, осязаемостью времени, необъяснимой метафизичностью диалога с любой эпохой. И, конечно же, ощущением свободы – как будто из душноватого лабиринта бесконечных съездов, постановлений, политэкономий, подтверждающих

вопреки действительности верность, неизменность, монолитность, правильность формул, лозунгов, символов выходишь на простор, где история, как звездное небо над костром у древнего городища, изменчива, загадочна, бесконечна... И, главное, со всей бездной хронологий и событий таинственным образом вписывается в твою собственную судьбу...

Из Ливенцовки привозили на усадьбу коллекции, материалы, печь с Нижне-Гниловского городища, эвакуировали в заповедник по окончании работ оборудование. Иногда ночевали в Танаисе, в щитовом экспедиционном домике. Запомнились почему-то осенние дни, непрерывные дожди, стремительные облака над изменчивой дельтой, городище, притягивающее светлой печалью, смутным ощущением – ожидания, прощания, утраты, вины...

Во дворе мы укладываем в пирамиду ящики с коллекциями, укрываем брезентом и листами шифера. Затаскиваем ведрами в сарай уголь. В домике печь с потрескавшейся штукатуркой, тепло, запах сырых дров, на обоях стены между окнами пришпилены газетные вырезки, фотографии, расписание электричек, в шкафу с надтреснутым стеклом кипы книг, папок, афиш – во всем дремлющая энергия прошедшего экспедиционного лета.

Дома хутора скрывали складки рельефа, и лишь крыши немногих с востока и с юга были видны, будто не преодолев любопытства, они наблюдали за новым поселенцем у городища, таким шумным в летние месяцы и пустынным в холода – надолго ли?

В музейном помещении Слава сделал первую экспозицию – вещи стояли в больших довоенного производства двустворчатых канцелярских шкафах со стеклянными вставками и петлями для контрольных замков; их регулярно списывали с баланса Областного музея. В здании была и комнатка сторожа (неизменного Николая Родионовича Костромина), в ней хранились и наиболее ценные вещи.

В экспедиционном домике стоял дерматиновый, огромный, старый, засаленный до лоска диван с валиками, он сохранился до моего прихода в заповедник – это пристанище мышей, гнездовища разных насекомых и историй о первом десятилетии заповедника мы торжественно сожгли во дворе музея зимой, кажется, 72-го года.

Первоначальный облик усадьбы – пустырь, огражденный низким штакетником, с двумя щитовыми домиками: один для экспозиции, другой, поменьше, для сотрудников, хранения инструментов, сторожки (рис. 1,6; 4,1). Экспозиция и фонды располагались в нескольких комнатах щитового дома, рядом – палатки экспедиционного лагеря и деревянный сарай для угля и стройматериалов (рис. 4,2). Все тесно, замкнуто, зыбко, но все же свой мир. Открытые участки раскопов консервировали несколько рабочих – жителей Недвиговки под руководством Людмилы Михайловны Казаковой.

Усадьба отделялась от хутора обширными огородами и казалась хрупкой лодкой, привязанной к большой барже. От хутора через усадьбу шла узкая тропа, превращавшаяся летом в каменистую дорогу, по которой недвиговцы ездили в районный центр Чалтырь и в областной – Ростов. В черте хутора эта дорога, разветвляясь на разноуровневые переулки, настолько удачно вписывалась в ландшафт, что невольно представлялось – впервые её проложили во времена Танаиса. Впрочем, я и сейчас в этом убежден...

В весенние недели нереста рыбы музейная усадьба становилась оживленным ночным рынком, куда с мешками стекались браконьеры со всей Недвиговки и покупатели из окрестных городов и поселков.

– Там тебе поставылы на веранде – говорил Родионыч, имея в виду мешок с рыбой, когда я выходил за полночь из экспедиционного домика, пытаясь понять логику в выборе места для рыбного шабаша.

– Изначально так повелось – добавлял Родионыч, но дату не уточнял.

Может, этот рынок и послужил главным аргументом в выборе места для усадьбы, но то, что он стал причиной замены старого штакетника на проволочную секционную ограду, закрывшую и

рынок и дорогу – это точно. В общем недовольстве солидаризовались и местечковая власть и браконьеры... Но как-то обошлось.

Представить этот пустырь музеем с деревьями, толпами туристов, дорогами, налаженным бытом..! Нужны были большое воображение, убежденность, профессионализм. У отцов-основателей – Дмитрия Борисовича Шелова, Семена Марковича Маркова, Татьяны Михайловны Арсеньевой (рис. 1,7,8), Станислава Никифоровича Братченко, Людмилы Михайловны Казаковой – эти качества были.

К 70-м годам границы музея замыкались территорией городища и усадьбой, лежащей от западного рва до линии, откуда начинался склон в низину: в створе нынешнего экспедиционного дома, бывших фондов и каменных хозяйственных построек.

Понятий частной собственности на землю и приватизации еще не существовало; для колхоза земли вокруг усадьбы были неудобными в обработке: с севера изрытые еще бугровщиками, с запада – обширным котлованом загадочного происхождения (будущая территория лагеря и театральной площадки). По давней традиции эти «неудобия» стихийными схемами распределялись между недвиговцами и засаживались кукурузой, подсолнечником и овощами. Кукурузные плантации располагались и по всему периметру оборонительного рва. Урожай были хорошие (влага с полей накапливалась во рву), и хуторяне мирились с утратой их части в качестве подножного корма студентов; жалобы больше походили на просьбы приструнить «городскую молодежь»... Баталии же чаще происходили между хозяевами созревших урожаев – ввиду неопределенности границ.

Усадьба заповедника довольно быстро стала расти на запад, подминая нейтральную территорию «неудобий» (рис. 4,4,5). Недвиговцев предупреждали заранее о строительстве очередного объекта, и они сдавали огородные позиции: иногда с жалобами в колхоз и сельсовет, но чаще молча. (Предугадать бы тогда фантастическое явление Музея военной истории – можно было бы поторопиться и, перешагнув дорогу, застолбить часть земель, на которых сегодня прорастают угрюмые башни...). Скандалы по жалобам нейтрализовались визитами районного начальства – убеждались в отсутствии корыстных намерений, выслушивали экскурсии, осматривали находки... В армянской начальствующей среде района сохранялся традиционный, народный пиетет к культуре...

И строительство продолжалось непрерывно (рис. 4,3). Вначале помещение для кухни, затем столовая (рис. 4,7), душевые, баня, первые постройки для хранения коллекций, экспедиционный дом (рис. 4,8) – два сборных щитовых домика, привезенных из заповедника Херсонеса (по разнарядке от Института Археологии), посадка ореховой аллеи, позже – формирование театральной площадки и реконструкция оборонительной башни – сегодняшняя Башня поэтов. С начала 90-х годов – строительство двухэтажного фондохранилища с обширными подвальными помещениями...

И бесконечные посадки деревьев, из которых выживали немногие, несмотря на обильные поливы. (Скважина уже была, вода проверена визитами недвиговцев с ведрами, брали воду «для чая и кофею»...).

В один из приездов тогдашний ректор Ростовского университета Ю.А. Жданов привез с собой специалиста биолога (не помню фамилии). Практические советы биолог изложил письменно на листе из школьной тетради. Но запомнились их рассуждения о необходимости создания на усадьбе микроклимата из разных растений: для начала побольше сирени, дикого виноградника, акации, ореха. Казалось метафизикой, но на практике подтвердилось – к началу 80-х усадьба укутывалась зеленым покрывалом с весны до осени. Заложили ореховую аллею. Наша сотрудница Галя Гончарова (Пономарева) при посадке под каждый саженец закладывала камень, объясняя хуторской традицией. Традиция оправдалась – орехи выстояли при всех передрыгах...

2. Городище

Первое ощущение от городища в те, ставшие такими далекими, времена до создания заповедника – его главенствующая роль в этом дивном пространстве: глубокие оборонительные рвы, цитадель, изрытая ямами добытчиков камня, как после космического метеоритного побоища,

курганы, непреодолимые для вспашки, и бесконечность горизонта во все стороны: в степь, на дельту – округлость планеты как на ладони...

Дома хутора – в основном приземистые украинские хаты и молодеватые казачьи курени – терялись на склонах в неровной линии рельефа и в облаках зелени.

Как воспринималось городище первыми исследователями Танаиса? Привожу описания только тех, кто лично обследовал его, поднимался на валы, собирал обломки керамики, беседовал с местными жителями... Хотя, конечно же, им предшествовали продолжавшиеся столетиями «заочные», начиная от Страбона, споры о местонахождении города, роли его в политической и экономической жизни своего времени, этносе, быте... Но в истории точка в проблеме – свидетельство её незавершенности... Так что на подмостках храма Клио, в диалоге со своими исследователями Танаис еще не раз сменит свои исторические костюмы...

Однако вернёмся в год, с которого стартовала новейшая история выдающегося памятника.

XIX век.

1823 год.

Самые первые свидетельства компетентного очевидца, или – как тогда называли археологов и коллекционеров – антиквария, Ивана Алексеевича Стемпковского (рис. 2,1). Строки, ставшие классическими для всех последующих поколений исследователей:

«И подлинно я думаю, что остатки сего города существуют донныне на означенной стороне, в 10 верстах от моря, близ Донского села Недвиговки. Тут, на возвышенном и крутом берегу реки, нашел я следы акрополя, или цитадели, весьма сходной с Ольвийскою, но немного поменьше; укрепление сие окружено глубоким рвом и в некоторых местах, на валу, кучами земли и камней, показывающими основания башен. Повсюду разбросаны обломки древних, глиняных, остроконечных сосудов с ручками, называвшихся амфорами, и обыкновенно находимых везде, где Греки имели свои поселения; а за рвом, вся окрестность, на далекое расстояние, покрыта ямами, кучами земли и золы (следы бывшего жилья), равно множеством больших и малых курганов, подобно, как и окрестности Ольвии и Пантикапеи. С вершины, где видно сие укрепление, взор объемлет большое пространство, как со стороны степи, так и к реке и к морю; а под горою, у самой подошвы оной, протекает Донец, один из судоходных рукавов Дона, ныне несколько обмелевший, но недавно еще служивший к плаванию Донским лодкам. По всем сим чертам не возможно не признать развалин сих остатками древнего Греческого города, и сей город не может быть иной, как Танаис.» (Стемпковский, 1824, с. 255-256).

1823 год – с этих строк начинался не только научный этап исследований Танаиса, но и старт донской археологии. Когда-нибудь их начертает на памятной доске с профилем И.А. Стемпковского у входа в заповедник. Обращаю внимание будущих биографов И.А. Стемпковского на поражающую и сегодня убежденность антиквария, «что сей город не может быть иной, как Танаис».

1825 год.

Вторым бесспорным посетителем Танаиса был Павел Петрович Свиньин (1787-1839 гг.) – литератор, коллекционер, владелец частного Русского музеума, издатель журнала «Отечественные записки». Человек увлеченный, часто переоценивавший факты, поспешно публиковавший в своем журнале и фантастические истории. Но наука археология еще только зарождалась; мифы тоже были ее ответвлением, на котором созревали удивительные открытия...

П. Свиньин прославился своими «археологическими путешествиями по России». В одном из путешествий он побывал в хуторе Недвиговка, беседовал с владельцем хутора подполковником Мартыновым и описал «достопамятности» городища.

Ввиду редкости издания привожу фрагмент «Обозрения путешествия...» и «Докладную записку» с танаисскими страницами целиком по книге Бойко А.А. (Бойко, 2002, с. 142-144).

СВИНЬИН П.П.

Обозрение путешествия издателя «Отечественных записок» по России в 1825 году относительно археологии

«...я имел времени обратить внимание на исследование Танаиса, и могу решительно поддержать мнение ученого Антиквария, г. Полковника Стемповского, утверждающего, что Недвиговка (Донское селение, принадлежащее Подполк. Мартынову) есть место древнего Танаиса, города, построенного Миллисейскими Греками на устье Дона. Все подтверждает сие определение: во 1-х) положение сходное с прочими греческими городами, состоящее из покатости высокого берега; во 2-х) ни на Азиатской, ни на Европейской стороне Дона нет других развалин столь большого города, каков должен быть Танаис, как важнейший складочный город греков для торговли с обитавшими вокруг варварскими народами, и бывший, по словам Страбона, знатнейшим городом на Восфоре после Пантикапея; в 3-х) находимые до сих пор в развалинах греческие деньги, из коих я видел монеты Восфорских царей: Евпатера и Савромата; в 4-х) раскиданные во множестве обломки древних глиняных сосудов и ручек амфороф, означающих обыкновенно жилища греков и в 5-х) свидетельства Иосифа Барбаро, писателя XV столетия, который говорит, что венецианский город Тана, славный также торговлею с Индиєю и Персиею, посредством Каспийского моря и Астрахани, стоял на месте древнего греческого.

При снятии плана с сего достопамятного города, ясно представились мне следы Акрополиса и окружного рва, в середине коего приметно правильное положение ям с кучами земли и золы, а вне множество больших и малых курганов. Цитадель господствовала над всеми окрестностями, а у подошвы протекал Донец, бывший в недавние времена судоходным рукавом Дона.

Нисколько не покажется удивительным также, что от столь богатого города не осталось ни одной развалины, напоминающей его знаменитость когда вспомнить, что Таганрог выстроен почти весь из камня, находимого в Танаисе... Кроме того, сказывают, Нахичевань и Ростов пользовались камнем из под Танаиса, разоренного Варварами во времена Антонинов, вместе с прочими городами на Северном берегу Евксинского Понта».

Докладная записка «О следах древних поселений близ Недвиговки, в Земле Донского Войска»

«Селение Недвиговка, при устьях Дона, представляет для археологических розысканий один из самых интересных и неисследованных до сих пор пунктов.

Селение это находится на месте древнего греческого Танаиса и Венецианской Таны, средних веков.

Основание Танаиса относится к глубокой древности. Греки поселившиеся при Босфоре Киммерийском и основавшие Пантикапею и Фанагорию, не могли не оставить без внимания другого выгодного для торговли пункта – при впадении реки Танаиса или Дона в Меотийское озеро. Город, основанный здесь Греками назван был именем той реки, которая доступна была Грекам только при устьях, а в вершинах своих, также неизвестна, по словам Страбона, как источник Нила. Танаис сделался вскоре богатым и цветущим городом. Он был средоточием торговых сношений греков с Меотийскими Скифами, которые меняли здесь невольников и меха на Греческие произведения. Могущество Танаитов достигло до такой степени, что они стали разделять с Босфорцами владычество над берегами Азовского моря. В эпоху Рождества Христова сопротивление их Полемону I было так упорно и угрожало такою опасностью для власти Босфорского Царя, что вынудило этого последнего разрушить непокорный Танаис. Вот почему, в начале первого столетия нашего счисления Страбон говорит о Танаисе, как о городе, уже не существующем. Но это важное торговое место не могло пасть совершенно. Надписи найденные в Недвиговке в 1834 и 1836 годах, свидетельствуют о возрождении Танаиса. Две из этих надписей относятся к концу второго века, царствованию

Савромата IV. Они показывают, что Танаиты управлялись еще в то время собственным своим Архонтом, хотя и зависели от власти Босфорского царя.

В средние века Танаис не потерял свое торговое значение. Распространение Итальянской торговли в Черном море дало новую жизнь и новый блеск древней Греческой колонии. Пизанцы первые завели в Танаисе складочное место для своих товаров. В 1213 году, почти одновременно с основанием Кафы Генуэзцами (1201), Венециане заняли Танаис, который под их владычеством стал называться Таною (Таппа, La Таппа). Торговля Венециан и Генуэзцев в Танаисе сделала опять этот город одним из важнейших торговых рынков. Иосафат Барбаро, приехавший в Танаис в 1437 году, оставил нам любопытный рассказ о своем здесь пребывании. Он говорил, что Танаис окружена холмами и рвом, что она находится на месте древнего Танаиса. Он рассказывает при том, о поисках деланных им в гробницах Алан, для открытия сокровищ.

С покорением Кафы в 1475 году, Танаис подпал также под Турецкое владычество. Сила Азова затмила торговую славу Танаиса. После же падения Турецкой крепости, Русская казачья станица заняла место Греческого и Венецианского города. Недвиговка находится ныне в владении Полковника Мартынова, проживающего в Новочеркасске. Стараниями этого владельца, курганы и развалины так называемого городка были охранены от помещичьих крестьян из тех селений, где они живут вместе с казаками, земля эта должна поступить в Войсковое владение. При этом случае курганам древнего Танаиса предстоит со стороны казаков то истребительное искательство кладов, от которого Г.[осподин] Мартынов удерживал своих крестьян. Одно внимание Правительства может теперь спасти для будущих археологических розысканий места быть может не менее интересные курганов Пантикапеи и Ольвии».

Третьим из визитеров в Танаисе был Александр I – тоже в 1825 году, во время его поездки на юг, в самые драматические дни его биографии. Победитель Наполеона, даровавший конституционное правление Финляндии, Польше, Швеции, не смог ничего сделать для облегчения участи собственного народа... Отдав правление государством Аракчееву, он в глухой окраине империи искал спасения от славы, бремени неудач, предчувствия грозных событий... Жить оставалось совсем немного...

Император выехал из Петербурга 1 сентября и через 14 дней прибыл в Таганрог. Когда через 9 дней приехала супруга Елизавета Алексеевна, они отправились в устье Дона и в Азов. Путешествие было внеплановым, формально объявили – семья решила пожить на юге по рекомендации врачей.

М.С. Воронцов старался разнообразить досуг семьи, по-видимому, он и был инициатором остановки царя в слободе Недвиговке, владел которой полковник Мартынов. Высочайшим особам продемонстрировали ловлю рыбы местными жителями в реке Мертвый Донец. Этот эпизод красочно описывает царский лейб-медик. Но, скорее всего, не рыбалка привлекла августейшую семью.

Миновать городище император не мог: к этому времени имя Танаис уже более полувека было на слуху и в научном сообществе, и в среде любознательной публики. О Танаисе пишет В.Н. Татищев: между двумя устьями реки, впадающей в Меотис, «есть и град от реки названный; есть славен в варварском купечестве» (Татищев, 1962, с. 155). М.В. Ломоносов пишет о роксоланах – предках славян, торговавших с греками в районе города Танаиса (Ломоносов, 1896, с. 248).

После открытия И.А. Стемпковского появились публикации в широко читающихся журналах «Вестник Европы», «Отечественные записки». Не утихали споры о местонахождении Танаиса – селение Недвиговка или Азов, склоняясь более в пользу Азова...

Был и политический аспект – обоснование принадлежности Танаиса грекам «легализовало» претензии России на земли Приазовья. На обширных территориях причерноморского побережья и Крыма, завоеванных у турок, создаются новые города и крепости, которым с легкостью или присваиваются, иногда ошибочно, эллинистические наименования, или восстанавливаются по письменным и лапидарным античным источникам: Фанагория, Евпатория, Севастополь, Херсонес, Одесса, Тирасполь, Мариуполь, Григориополь...

Для имени Танаис в этом пиршественном античном ономастиконе места не нашлось: во-первых, оно уже было «приватизировано» Азовом (Байер, Кларк), во-вторых, Крымская лихорадка в политическом и стратегическом отношении была значительней Азовской.

Если в XVIII веке античные боги впервые заговорили на русском языке (в одах М. Ломоносова и Г. Державина), то в александровскую эпоху в творчестве А. Пушкина и пушкинской плеяды они стали по-русски чувствовать и думать – античными образами пронизано все творчество поэта и его современников, определивших эту эпоху в русской поэзии как «золотой век», век, увенчанный лавровыми венками Олимпа.

Когда вышел полный перевод «Илиады», выполненный Н.И. Гнедичем, Пушкин откликнулся стихами:

«С Гомером долго ты соседствовал один,
Тебя мы долго ожидали,
И светел ты сошел с торжественных вершин
И вынес нам свои скрижали...»

Этими «скрижалями» зачитывалась вся просвещенная публика. Античность отождествлялась не только с сокровищами Греции и Италии, но и с открываемыми памятниками присоединяемых к России новых территорий. Танаис, даже ещё не открытый, географически уже играл роль античного ориентира в загадочном пространстве Приазовья I тысячелетия до н.э.

Что касается хозяина Недвиговки А.А.Мартынова, он был известен как коллекционер боспорских монет и первый экскурсовод по городищу всех «антиквариетов», интересовавшихся памятником – Э.Д. Кларка, И.А.Стемпковского, П.П.Свиньина и, конечно же, Александра I.

Андрей Бойко в своей замечательной книге «В поисках древнего Танаиса» пишет о нем:

«Владелец слободы Недвиговской полковник А.А. Мартынов (1777-1865 гг.), продолжая семейные традиции, унаследованные от отца и деда, стал одним из крупнейших на Дону археологов-любителей. Занимаясь коллекционированием древностей, а иногда и раскопками курганов, все свои заметки и наблюдения он внес в «Записки». Большое внимание автор уделяет вопросу о местоположении Танаиса, который однозначно локализуется на Недвиговском городище: «У слободы моей Недвиговки, обселенной при рукавах правого берега реки Дон или дельты ононого, именуемого Мертвым Донцом, ясно видится местность, могущая подразумевать местность бывшего в древности города Таны, Танаиса, Азака или Азова, которого местность по истории ясно не означает, а только подразумевается в этой окрестности... в видимом ясно городище» (Мартынов, 1887, с. 30).

Постоянное жилье А.А. Мартынова было в Новочеркасске, в районе Недвиговки находились несколько крестьянских строений.

Когда-нибудь молодой любознательный антикварий, роясь в архивах, перелистает императорские походные камер-фурьерские журналы и найдет записи, относящиеся к осенним дням сентября 1825 года, дополнив страницы о Танаисе мнением высочайших особ...

Датой самых первых научных раскопок Танаиса можно считать 1824 год. Производил их тогда с согласия владельца земель А.А.Мартынова и «по поручению начальства» полковник Кушнарев, командир Донского казачьего полка. Материалы (23 медные монеты и снятый план с окрестностями) пополнили собрание «кабинета» Новочеркасской войсковой гимназии, созданного ее директором, подполковником А.Г. Поповым, еще в 1807 г.

1853 год.

С приездом в Танаис Павла Михайловича Леонтьева (рис. 2,3) начинается новая эпоха в истории памятника – археологическая; предшествующую назовем – созерцательной. Первый археолог Танаиса в официальной переписке именовался так: «Исправляющий должность Экстраординарного Профессора Императорского Московского Университета» – все с большой буквы.

Письмо Министра Уделов Графа Перовского, более похожее на инструкцию, запустило весь довольно сложный механизм обязанностей и помощи разных должностных лиц П. Леонтьеву в производстве раскопок. Диапазон подробностей – от напоминания о «Высочайшем повелении» на изыскания до сметы на прогон лошадей и выдачи «шнуровой книги для денежной отчетности».

Этот документ, предтеча будущего «Открытого листа» (в копии, конечно), должен висеть в кабинете каждого сотрудника не только заповедника. Любопытная деталь в документе – первое обоснование необходимости реконструкций из найденных архитектурных фрагментов и вещей «в Музее Эрмитажа».

**Министерство уделов
канцелярия министра
В С. Петербурге
17 Июня 1853 г.
№ 1079**

**Господину Исправляющему должность Экстраординарного Профессора
Императорского Московского Университета Леонтьеву**

Нынешним летом предстоит произвести по Высочайшему повелению, археологические изыскания, в находящемся при устье Дона селении Недвиговке, которое, занимая, как полагают, место где был древний Танаис, есть один из любопытных и по ныне еще не исследованных пунктов.

Вследствие изъявленной Вами готовности принять на себя сии работы вместе с служащим в Попечительном Совете Заведений Общественного Призрения в Москве титулярным Советником Авдеевым, поручаю Вам отправиться с Г.[осподином] Авдеевым, на место предполагаемых изысканий, и явиться к Г.[осподину] Наказному Атаману Войска Донского, который окажет Вам нужное по сему предмету содействие, и будет выдавать Вам, по требованиям Вашим, деньги, сколько по ходу работ нужно будет. Так как Вы можете иметь надобность в помощи местных властей, то Генерал от Кавалерии Хомутов командирует к Вам для нахождения при сих работах одного из состоящих в его распоряжении офицеров или чиновников. Вместе с ним он доставит Вам возможность нанять нужное число рабочих. Вы получите также от него прибор, состоящий из трех прямых ножей разной величины для осторожного ошупывания и отделения земли при вскрытии могилы, и трех решет с отверстиями для просеивания земли.

О ходе работ и об открытиях, которые будут Вами сделаны, донесите мне, и сами найденные вещи.

При производстве раскопок, никак не должно оставлять раскопок без надзора во время отлучек Ваших, для того, чтобы открываемые вещи не подверглись расхищению.

Так как для науки весьма любопытны не только предметы находимые в древних могилах, но и самый внутренний вид сих последних, то Государю Императору угодно, чтобы в случае открытия какого-либо замечательного и еще не тронутого древнего склепа или катакомбы устроен был в Музее Эрмитажа совершенно подобный склеп и расположены в нем были все предметы в том самом виде, в каком они найдены. По сему если в кургане, который Вы будете раскапывать, окажется такой склеп, или катакомба, то надлежит приставить немедленно ко входу в оный караул и никого из посторонних не впускать. Потом не трогая еще с места ни одного предмета, составить верный план внутренности склепа с означением положения каждой вещи в отношении костяка. Сей последний нужно также тщательно сохранить и доставить в Петербург вместе с вещами, дабы по образованию черепа заключить к какому племени принадлежал погребенный. Если на гробнице, (каменной или деревянной) окажется резьба или живопись, то должно наблюдать, чтобы при вскрытии и перенесении такой гробницы, не повредились имеющиеся на ней изображения. Внутри склепа могут вдруг найтись надписи, живопись и высеченные на камне или рельефом выделанные изображения; со всего этого следует снять верные копии и по

возможности слепки. Если склеп не оштукатурен, а только сложен из камней, то прислать сюда также один из камней сих, для образца при устройстве сказанной модели катакомбы.

На путевые издержки Вы получите на подъем, а равно суточные и квартирные на три месяца по положению, всего 725 руб.[лей]. Прогоны примерно на 5000 верст, на три лошади, 300 рублей.

Сверх того для Г.[осподина] Авдеева: подъемные и на три же по его положению месяца суточные и квартирные 405 рублей. Прогоны на две лошади по означенному числу верст 200 рублей.

Вместе с сим выданы Вам будут подорожная и шнуровая книга, для денежной отчетности в суммах, которые будете получать на археологические работы.

Подписал: Министр Уделов Граф Перовский.

Верно: (подпись)

Из письма П. Леонтьева Министру Уделов графу Перовскому от 20 июля 1853 года: «В Недвиговку прибыли мы 8 июля вечером. Нас поразило неожиданное зрелище костров камыша, разведенных перед каждым домом для разгона комаров. Эти костры зажигаются здесь перед захождением солнца и горят всю ночь, только вблизи их редуют рои кровожадных насекомых. Мы приехали, когда уже смерклось, и не могли удовлетворить своему нетерпению видеть собственными глазами местность Недвиговки. От Священника, который тот час же пришел посетить нас, и дворовых людей Мартынова мы старались отобрать сколько было можно сведений о городище, о курганах и вещах, которые были находимы в Недвиговке.

Более сведений собрали мы о городище, предполагаемом акрополе древнего Танаиса. Здесь издавна уже местные жители ломают камень; вся площадь покрыта ямами, глубиною от одного до двух аршин, и в этих то ямах были найдены надписи, уже известные в ученой литературе. Монеты находили по большей части на берегу Мертвого Донца под городищем, где вероятно была древняя пристань. Здесь они и теперь еще изредка попадаются после отливов, при верховом ветре, особенно если во время прилива была буря. Я успел, впрочем, отыскать через управляющего только две медные монеты Боспорского царства I века по Р.Х.

Наружный вид городища показывает, что это место было несколько раз укрепляемо, вероятно, разными народами, пользовавшимися им. В том же убеждают предметы позднейшей работы и варварского искусства, находимые на городище, вместе с остатками от Греческого поселения. Старожилы помнят, что площадь городища была покрыта мостовою, и что на валу, окружающем городище, были явственно видны основания осьми башен. Как мостовая, так и башни были из нетесаного камня и кладки весьма грубой, что одно уже не позволяет приписать их Грекам. Тем не менее однакожь не может быть никакого сомнения, что именно на этом месте лежала древнегреческая Колония Танаис, и можно смело надеяться, что следы ее будут отысканы под горами мусора, наполняющими городище...».

1870 год.

В 1870-1872 годы вел раскопки Танаиса Павел Иванович Хицунов. О нем пишет Андрей Леонидович Бойко: «Большой интерес представляют и ранее малоизвестные данные о раскопках П.И. Хицунова. Энергичный археолог в 1870-1872 гг. проводил исследования на Недвиговском и Елизаветовском городищах и их некрополях, на территории Азова. Однако в архиве Института истории материальной культуры (г. Санкт-Петербург) сохранились лишь полевые записки, зафиксировавшие финансовую сторону полевых работ, а система научных взглядов П.И. Хицунова оставалась неизвестной. Сегодня мы можем ее реконструировать на основе обширной публикации в «Приазовском календаре» за 1871 г. [9] (Документ 2). Известны теперь биографические данные П.И. Хицунова и его фотографический портрет 40-х гг. XIX в. – времени работы старшим учителем словесности Кавказской областной гимназии» (Бойко, 2014).

«...Так как южная сторона открыта и поката, загромождена камнями и мусором, то городище

при быстром проезде по железной дороге, представляется не столь значительным и громадным, каким оказывается оно в действительности, особенно со стороны степной дороги, мимо него протекающей от Синявки к Ростову. Внутренняя возвышенная площадь городища вся изрыта вдоль и поперек канавами, минами и яминами, отчасти кладоискателями, отчасти специальными исследователями, наряжавшимися от Правительства с археологической целью. Всюду валяются кучами перегоревшие и растрескавшиеся камни, щебень, зола, перемешанные с черепками от битой древней глиняной посуды и стекла. Вокруг городища открывается степная равнина, опоясанная рядами разрытых больших курганов, продольными буграми и разными возвышениями, обозначающими улицы и разрушенные здания внешнего торгового поселения...» (Бойко, 2014).

XX век.

В начале века эстафету формирования общественного внимания к памятникам археологии подхватили краеведы М.Б. Краснянский, А.М. Ильин, Б.В. Лунин.

Яркой деятельной личностью был Михаил Борисович Краснянский (рис. 2,2). Занимаясь собиранием коллекций для Ростовского-на-Дону Городского музея, большое внимание он уделял археологии. Себя называл «любителем археологии» и произвел немало археологических разведок, одним из первых попытался составить археологическую карту низовьев Дона. Он стоял у истоков создания краеведения в г. Ростове-на-Дону, фонды Ростовского областного музея и сегодня хранят музейные предметы, скомплектованные Михаилом Борисовичем.

1939 год.

Михаил Александрович Миллер (рис. 2,5), известный донской археолог, написавший небольшую, больше похожую на брошюрку, но все же первую книгу о Танаисе: «Здесь, на высоком правом берегу р. Мертвого Донца, над самым спуском к реке, был расположен акрополь Танаиса, имевший форму прямоугольника, приближающегося к квадрату... Эта площадь была окружена со всех сторон земляными валами. На валах высились каменные стены. С наружной стороны валов тянулись глубокие рвы. Вал четвертой стороны, обращенной к реке, переходил в крутой спуск. По углам крепости стояли четыре каменные башни. Две башни стояли по бокам ворот, посередине стены, обращенной к реке. В этом месте река делает изгиб, образующий полуостров, служивший пристанью Танаиса» (Миллер, 1939, с. 23-24).

1949 год.

Т. Книпович, автор обстоятельной книги о Танаисе, подводившей итог всем найденным археологическим материалам и спорам о городе от И. Стемповского до М. и А. Миллеров, в самом Танаисе была лишь проездом. Это чувствуется по описанию ею городища, повторяющему П. Леонтьева, поэтому приводить его здесь не буду. Но строки уважения к коллеге, увидевшему в Танаисе блестящие перспективы, процитирую:

«И как бы мы не опередили Леонтьева в умении обращаться с материалом, все же мы в изучении Танаиса идем по проложенным им путям, решаем поставленные им вопросы» (Книпович, 1949, с. 18-19).

1955 год.

Наиболее ярко о городище – в книгах о Танаисе Дмитрия Борисовича Шелова: «Перед нами простирался большой четырехугольник пустыющей земли, без единого строения, без единого деревца», – вспоминал Дмитрий Борисович (рис. 2,8). – «По сторонам четырехугольника протянулись заросшие травой широкие и глубокие рвы, на дне которых жители хутора разбили огороды и делянки картофеля. Однообразный пейзаж оживляли лишь несколько коров, привязанных к колышкам в разных местах городища и лениво щипавших сухую и пыльную траву. Вся поверхность городища

была покрыта буграми и ямами самых разнообразных форм и размеров. В косых лучах вечернего солнца она напоминала море с бегущими волнами. В некоторых особенно больших ямах угадывались старые раскопы и траншеи, проведенные прежними исследователями, другие углубления являлись результатом выборки камня, третьи могли быть следами последней войны – блиндажами, окопами, воронками. Что уцелело здесь после всех разрушений?» (Шелов, 1967, с. 35-36).

«Недвиговское городище лежит на коренном берегу, основанием ему служат выходы материковой известняковой скалы второй террасы Дона. Это скальное основание имеет почти горизонтальную, слегка наклонную к югу поверхность, на которой лежит небольшой слой надскальной крошки, а поверх него – коричневая глина-белоглазка с мелкими известняковыми включениями. Раскопки показали, что либо постройки Танаиса покоятся на слое глины, либо фундаменты их прорезают глину и лежат непосредственно на скале. А при создании некоторых сооружений – подвалов, зерновых ям, цистерн – жители города вырубали их довольно глубоко в скале или использовали для этого естественные трещины и углубления скального основания» (Шелов, 1970, с. 85-86).

1956 год.

Несколько строк из воспоминаний В.Я. Кияшко: «Мое первое знакомство с городищем произошло весной 1956 года. Г.А. Иноземцев привез сюда первокурсников и, усадив на склон холма, прочел полную лекцию об истории исследований такого замечательного места. Особенно его воодушевляли начавшиеся за год до этого новые археологические работы. Мы осмотрели небольшой раскоп, подивились обилию греющихся на камнях змей, конечно, собрали «на память» обломки днищ и ручек амфор, а самые энергичные успели сходить на гигантский курган, расположенный в километре на север от города. Потом, студентами, мы часто приезжали в Танаис самостоятельно посмотреть на работу экспедиции, полазить по отвалам, просто поваляться в зарослях ромашек и подышать свежим воздухом. Теперь, бродя по огромному бугристому квадрату памятника и рассматривая немногочисленные расчищенные участки, я силен представить планировку и систему обороны города. Могучий ров, остатки мощных каменных стен и башен, большой курганный могильник, примыкающий с севера – все говорило о масштабности протекавших здесь событий, все было интересно и пока не очень понятно» (Кияшко, 2007, с. 92).

1960-е годы.

Чтобы перейти к рассказу еще одного непосредственного очевидца и участника тогдашних танаисских событий, хочу добавить к предыдущему отрывку из книги В.Я. Кияшко важную деталь. Вместе с ним тогда, весной 56-го, в группе студентов была и Л.М. Казакова. А через 9 лет она приняла руководство заповедником (рис. 5,1). В предыдущем «Вестнике Танаиса» она пишет о том времени:

«Я приезжала в Танаис в неделю несколько раз, иногда с ночевкой. Городище тогда не было огорожено, и недвиговцы по старой памяти по-прежнему пытались вытянуть отсюда камень, особенно после экспедиционного сезона. Помню до сих пор то ощущение некоторой беспомощности, когда, просыпаясь среди долгой зимней ночи, слышишь громкие удары о борта самосвала или грузовика. Это очередной налет на городище. И мы с Родионом, вооружившись фонариками, отправлялись на место происшествия. Родион вступал в переговоры на сугубо недвиговском наречии и в большинстве случаев поворачивал непрошенную публику» (Казакова, 2012, с. 16).

Всегда была мечта увидеть городище с высоты... Казалось, приподнявшись, можно разглядеть что-то такое, что недоступно при взгляде лицом к лицу. В архиве заповедника сохранились несколько снимков, сделанных в конце 50-х годов. Скорее всего, снимал Слава Братченко – только он с его упрямством и интеллигентной убедительностью мог пробить в ту пору «кукурузник» для съемок... На фотографиях – западный район цитадели, первые раскопы (рис. 3,1),

видны недвиговские женщины в длинных платьях, с лопатами в руках – основные рабочие экспедиции (зарплата 1 рубль 50 копеек в день). Снимки не публиковались, как и карты – страна была полна секретов... На фото 70-х годов виден экскаватор на борту раскопа, задравший в небо ковш, в нем, как в пасти динозавра, сидит археолог с фотокамерой – максимум доступной высоты на то время (рис. 3,2).

Наступила очередная оттепель, середина 80-х... Как поощрительный знак «свыше», при раскопках была найдена каменя с изображением Дедала с молотком и двумя крыльями...

Знакомство с Евгением Шевченко, отчаянным дельтапланеристом, положило начало полетам; в гараже заповедника он оборудовал мастерскую, построил дельтаплан, назвал его «Танаис» (рис. 3,3,5). Летали много, правда, снимки не очень качественные (рис. 3,4): тряска и брызги бензина от двигателя, жесткое трамвайное кресло, паутина расчалок... Но открытия состоялись: красота городища в ожерелье дельты, степи и моря с высоты трехсот метров удивительны (рис. 3,6)... Летали, пока в один из июльских дней не потерпели аварию, повезло – на небольшой высоте...

Потом появился вертолет, для его посадки у северного входа отсыпали тырсой площадку... Полеты стали обыденностью, но ненадолго (рис. 3,7).

Сегодня на городище в Интернете можно взглянуть из космоса... А начальник польского отряда нашей экспедиции Томаш Шолль снимал городище и усадьбу радиоуправляемой фотоаппаратурой, поднятой на воздушном змее – чудесные снимки (рис. 3,8)...

И все же живое впечатление с птичьего полета непередаваемо, возможно от родственной сомасштабности человека с птицами. Недаром в искусстве с древнейших времен человек, «поправляя» природу, наделял крыльями всех живых существ планеты. Но осуществление мечты до сих пор остается неполным – полеты недоступны для тысяч людей, посещающих заповедник...

Была еще мечта – на всех подступах к городищу и усадьбе поставить какие-то знаковые сооружения, не навязчивые, но обозначающие для посетителя, что он входит в необычное пространство.

Когда Управление железной дороги начало строить крытый павильон остановки, Гена Пахомов – мой давний товарищ, художник, набросал эскиз наружного оформления. Настроенный воинственно, я бродил по дворцовым кабинетам Управления на Театральной площади, но неожиданно встретили меня хорошо, напоили чаем, все подписали, утвердили, распорядились о доставке цемента и песка. В который раз я убеждался в сакральности слова Танаис...

Гена приступил к работе – на торцевых наружных стенах глубоким рельефом были изображены амфоры и надпись «Танаис» (рис. 11,2). Самая красивая и необычная остановка для электричек держалась стойко, лет 10 до обновления павильона по ветхости.

Павильон был первым звеном в цепочке, новые идеи задумывались за чаем всем заповедником – коллективом и штатным, и внештатным. Второе звено оказалось самым удачным (на мой взгляд) и устойчивым: каменная стела с корабликом у южного входа на городище (рис 11,1). Володя Чалый, археолог и сотрудник нашего музея, пробил исследовательский разведочный шурф на склоне вала примыкающего с юга к городищу; заполнили его камнем, и на этом надежном фундаменте мы с Пашей Александровым (самый талантливый мой ученик по части работы с камнем) сложили стелу. По рисунку художника Евгения Левченко заранее в мастерских Худфонда была откована из металла модель триеры... Стелой с триерой долгое время начинались публикации и телепередачи о Танаисе, она и эстетически и материально выдержала испытание временем, вот только парус в лихие 90-е искателям металла удалось выдернуть. Надо бы восстановить...

Третий знаковый символ решили устроить у северного входа в заповедник. Было время, когда казалось – идея «Донского серебряного кольца», позднее – подковы, привьется к хилому древу донского туризма. И Танаис, конечно же, станет если не жемчужиной в «кольце», то золотым гвоздем в «подкове»... Газеты «Комсомолец», «Утро», «Молот» под красивыми рубриками печатали непрерывно очерки, сочиняемые в заповеднике нашим другом-журналистом Сашей Лезвиным,

Ольгой Федоровой (нынешний заведующий отделом представления музейного фонда, городища и округа Танаиса), архитектором и поэтом Любой Волошиновой и мной. Обшаривались окрестные районы, выявлялись ветряки, крепости, храмы, старинные и значимые усадьбы (Александра Лакиера, Мартироса Сарьяна), старинные армянские подворья, доты времен войны. Подготовили передвижную выставку; издали книжечку «Донское туристское кольцо»... Но донской туризм, впрочем, как и весь российский, предпочитали удобрять зарубежные почвы... И все же идея, рожденная в будничной суете обители многих «нештатных» танаитов – маленького смешного домика на сваях, сбитого из досок (его называли бунгало), хотя на сегодня и в затянувшейся заморозке, но я уверен – оттаёт...

На фотографии – строим первый в истории «Донского серебряного кольца» символический знак (рис. 11,3)... В Худфонде отковали металлическое кольцо с соответствующей надписью, с рельефными объемами амфор, горшков... Строили весело и надолго. Через год пьяный водитель грузовой машины врезался в потемках в стелу... Как этот Герострат сумел исчезнуть без разбитого радиатора и оторванной дверцы, осталось неизвестным...

Но тема знаковых символов остается актуальной. И вот сегодня на подходе, уже в стадии реализации, памятник всаднице-амазонке на кургане у поворота на Недвиговку.

История разрушения городища

Через всю историю новейшего двухсотлетнего периода Танаиса проходит уже затронутая в воспоминаниях Л.М. Казаковой тема варварского разрушения городища каменоломщиками и некрополя бугровщиками. Ко времени, когда город описывал И.А. Стемпковский, были утрачены, вероятно, треть города и большая часть некрополя. И в последующие времена, после раскопок П. Леонтьева, масштабы разрушений не уменьшались... Причины разные – и несовершенство археологических технологий, и приоритет в поисках художественным произведениям для Эрмитажа, и превращение городища в каменоломню для добычи строительного камня... А в нынешние времена – полный административный паралич структур, отвечающих за сохранение культурного наследия.

Уже П. Леонтьев отмечает:

«Более сведений собрали мы о городище, предполагаемом акрополе древнего Танаиса. Здесь издавна уже местные жители ломают камень; вся площадь покрыта ямами, глубиною от одного до двух аршин, и в этих то ямах были найдены надписи, уже известные в ученой литературе».

Начальник Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК А.А. Миллер (рис. 2,7) писал в 1931 году:

«Жители селения Недвиговского смотрели на свое городище несколько иначе. Давно уже им было известно, что прекрасный строительный камень находится в насыпи этой обширной «батареи» – стоит только немного покопать... и «раскопки» начались.

Этот разгром древнего города производится уже довольно давно... Еще в 1914 г. мною были сделаны фотографические снимки этих «раскопок»... в революционное время этот процесс не только не приостановился, но и усилился.

То, что пришлось увидеть в 1927 – 1928 году, превосходит даже прежние работы недвиговских казаков. На городище во многих местах вырыты были довольно глубокие траншеи для добычи камня, который складывался в порядке, как на хорошо разработанных каменоломнях. Совершенно очевидно, что городищу этому грозит полное разрушение».

В 1980-х гг. мы, Ольга Федорова и я, записали рассказ Н.Р. Костромина, который помнил времена камнекопателей. Живой рассказ очевидца и – что греха таить, и участника – привожу полностью. Разговор воспроизводится по магнитофонной записи:

– Родионыч, а вот про чушку мраморную, которую нашли на городище?

– Ее называли Мамая. Мраморная... Выкопали, ну и сошлись мужики, смотрят. Этот самый хозяин, который выкопал, смотрел и говорит – а к чему он? Тогда мужики отбросили. Тут тогда находился один, Таракан его называли, скупал деньги старые тут же, в Танаисе, гроши по-

старинному... И вот... он уже свез его и в кубы («кубы» – способ складирования камня, чтобы легче было подсчитать его объем при продаже – прим. авт.) – камень продавали в Азов...

– Отвозили здесь, внизу, да?

– Да... Кувалдой его пополам перебил, бросил на дроги, волами свез на берег и... отвез в Азовский музей его. Сдал или продал. И там с Азовского музея – уже там это рассказывали... в Новочеркасский музей он попал.

– Вы сами видели ее?

– Видел.

– Как она выглядела?

– Ну, выделанный мрамор, белого мрамора – башка, уши... Как памятник, короче говоря.

– Мужская фигура была или женская?

– Ну, наподобие – да, мужская... Надпись никто не мог... надпись была у него... Ну, мне запомнилось, что от плеча... Башка у него была... Или женская, или мужская, я не могу тебе определить. Это же камень, а как можно определить – мужская или женская...

– Погрузили камень – и где здесь пристань была?

– Да вот здесь погрузка была, по спуску... приезжали, значит, с Танагорога, баржи и катера забирали, грузили... тачками у баржи и вывозили отсюда – в Азов частью, а частью в Танагроз...

– Глубже Мертвый Донец был тогда?

– Ну-у... В три раза воды выше было... Тут тогда шли из Керчи, парусные шли лодки на Ростов, ... проходили мост Донцом... И теперь в Мертвом Донце – Гниловской – так там тебе чего, там же лошади... А тогда шли баркасы – на весь ход, там такая глубина была, и у нас в устье моря тоже были гребленные – весло называли бабайка... Три с половиной метра глубина была... А сейчас метра нету...

– Это в каком же году было, когда нашли ее?

– В двенадцатом... одиннадцатом, тринадцатом...

– Сколько Вам лет было тогда?

– Ну, я первого году...

В рассказах Родионича немалое место занимали истории о кладях, которые порой искали на городище, а то и находили случайно на собственной усадьбе близ Танаиса. Хорошо помнил случай с известным нынче по материалам разных исследований кладом, обнаруженным казаком Смычковым:

– Как этому Смычку удалось золото выкопать?.. Ты знаешь, я тебе говорил, рассказывал сколько раз... Вот он его выкопал, но не умел он с ним... Он взял, значит, перепугался, пошел атаману пожалился, что я вот это дело... горшок и золото... или обломки, или вещи там...

– Это в четырнадцатом году было?

– В тринадцатом, перед войной... И вот они, значит, атаману. Атаман ухарь. У него армян знакомый у Чалтыре.

– Атаман недвиговский был?

– Недвиговский был, Маштак, Маштаков Иван Степанович... А этого армяна познакомили... хорошие знакомые евреи в Ростове. Предлагали этому, а он... он там к зубным врачам, что ли, поехал, и это золото схватили. И этому Смычку попало только..., армяшка мешок муки дал за это, да костюмчик. А армян этот как забогател на весь Чалтырь – ну, такую махину золота, и сдал это...

– А кладов тут еще никаких не находили?

– Клад вот копался, вот в угол от Танаиса, в угол городища! Колесников Иван, со своим сыном Ванькой – Колесников копал. Так вот он специально, ночью... А нам интересно: «Батя, а чего это дядька Колесников – как ночь, так и приходит с фонарем, и копает? – А, – говорит, – это он с ума сошел. Как будто бы, значит, надо тут освятить от чертей...». Он копал и копал, и выкопал метров двенадцать в глубину.

– В каком месте?

– В угол, в угол копал – это теперь от нашего музея... – городища самого. Иде Каменецкий отдыхал – еще палатка его стояла на углу.

– Почему именно там?

– Именно? Значит, у него была Евангелия. Читает при свете, один читает Евангелию, а один копает – этот, юный, копает. Специально – что была у них за причина, что только ночами... Но он выкопал добра, но только никто не это...

– Только никто не знал, что выкопал?

– Да... Но выкопать он выкопал.

– Разбогател потом?

– Так – не разбогател, а... Ну вот как тот сдал, так и этот... кому-то наделил это золото, да и... А вот еще Блинченко Наталья живет, так вот ее дом и вот балка в конец... Так тут выкопали... четыре сабли и с ручками, и с надписью, золотые, надписи какие то – русские буквы были, потом еще какое-то... Курай копали, когда занимали себе левяду, огород большой огораживали. То он казак, и копал канаву себе, значит, огораживал. И так по этой канаве, по балке, да ты знаешь это место, эта выкопанка так и называется Курай – эти сабли, и еще кой-чего ценного он выкопал...

– А деньги? Деньги там были?

– Какие деньги, тогда никакие деньги не были, только вещи были золотые... А деньги старые вообще тогда не хотели брать... Закупят то за двадцать, то за тридцать рублей... Вот еще Яценко копал, золото... Ты видел это золото?

– Видел...

Городище зрительно стыковалось с хутором – его дома с восточной и южной сторон примыкали ко рвам. Огромный Тополь у буримовского дома (пишу с заглавной буквы, уж очень царственно он выглядел во все времена года) казался стражем городища, отводившим от него все грозы и беды... Мне иногда представлялось – я застал его столь же неизменно величественным – невероятное: стоит ему постареть и рухнуть, и постройки – нет, не жителей хутора, может, бессознательно соблюдавших дистанцию, а каких-нибудь пришлых новых варваров – волнами хлынут на городище. Так в общем-то и случилось...

И все же, несмотря на все передраги в биографии заповедника, удалось главное: сохранить открытость и сомасштабность человеку этого пространства – природы и застройки, – естественный для античности принцип. Тема и проблема, приобретающая сегодня едва ли не приоритетное значение, когда строительство в охранной территории заповедника иначе как нарастающим хаосом не назовешь. Громоздкое сооружение Военно-исторического музея, отражающее другую эпоху, иные ценности, иные взгляды; другие здания, строящиеся почти вплотную к городищу...

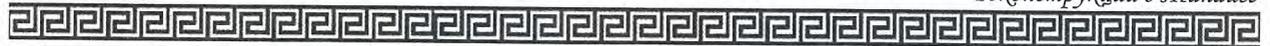
3. Археологические реконструкции

Археологические реконструкции на территории городища и усадьбы осуществлялись последовательно и сыграли важную роль в организации пространства музея-заповедника.

Аллея с каменными бабами дала начало меотской хижине, продолжилась макетом (в масштабе 1:10) – реконструкцией двух усадеб и участка оборонительной стены... Усадебный ансамбль на городище (с реконструкцией «жилища танаита») «потянул» за собою очистку участка западного рва от насыпи старых отвалов и воссоздание моста. Башня поэтов заполнила лауну между новым зданием фондохранилища и старой частью музейного подворья, став местом проведения массовых праздников и спектаклей... Как звенья цепи – осуществленный проект прорисовывал контуры следующего...

Повествование о реконструкциях в хронологической последовательности их устройства.

Первопроходцем в реконструкции археологических памятников в Танаисе с пониманием образовательной и эстетической значимости такой работы был первый исследователь древнего городища Павел Михайлович Леонтьев. В 1853 году при раскопках курганов Танаиса он

придерживался им самим разработанных правил: «Малые курганы предлагалось раскапывать шурфом по центру, причем сторона его должна была составлять 4 сажени (8,53 м), в случае же каких-либо сомнений рекомендовалось делать «приемки» – своего рода «мины» к «сомнительному месту». Для курганов, насыпь которых была значительных размеров, рекомендовалось вскрытие ее посредством системы продольных траншей, идущих от подошвы насыпи к ее центру. В целях экономии рабочей силы грунт транспортировался «на перевал», т. е. перебрасывался на исследованную часть площади насыпи. Помимо ускорения темпа работ, при использовании этого метода «сохраняется по возможности прежняя форма кургана и избегается искажение красивого памятника почтенной древности» (Леонтьев, 1854, с. 101). Последнее замечание весьма интересно, так как является одним из первых в отечественной археологии свидетельств о попытке сохранения исторического ландшафта» (Бойко, 2002, с. 80).

Понадобилось более полутора столетий, чтобы эта столь естественная и очевидная мысль была повторена при исследованиях курганов в окрестностях Танаиса (раскопки Евгения Беспалого – с последующим восстановлением двух курганов на границе Мясниковского района, и Игоря Гордина – восстановлен курган у поворота с трассы на Недвиговку).

Какой курган восстановлен таким методом П. Леонтьевым, сегодня уже не узнать, но слова первого исследователя Танаиса о сохранении «красивого памятника почтенной древности» надо вписывать в открытые листы археологов.

Печь

Реконструкции в организованной усадьбе начались с момента создания заповедника. Начало положил первый директор (заведующий Недвиговским филиалом) С.Н. Братченко. В 1961 году при раскопках Нижне-Гниловского городища была обнаружена хорошо сохранившаяся хлебопекарная печь. Их на городище находили часто, но в основном это были фрагменты. Она была большой, глинобитной, с куполом из сырцового кирпича. Топочная часть печи состояла из двух частей: половина – приподнятый сантиметров на 20 под для посуды, остальное пространство – топка. На вершине купола – отверстие для выхода дыма.

Эту печь с Нижне-Гниловской позже я вспоминал часто: во время армейской службы в Средней Азии, встречая подобные в казахских аилах, и потом в армянских селах нашего Мясниковского района – глинобитные пурсы. У таджиков (переселявшихся в Недвиговку с начала двухтысячных годов) – тандур.

Слава загорелся перевезти ее в заповедник. Подготовил материалы: спирт и клей для пропитки, доски для щитов, договорился с краном и грузовой машиной. В это время он руководил раскопками на Ливенцовке – исследовал поселения средней бронзы на нижней террасе (Ливенцовка 1). (До открытия им Ливенцовской крепости, располагавшейся совсем рядом, на верхней террасе, оставалось несколько лет...).

Я работал в его отряде, и время от времени Станислав Никифорович брал меня с собой на городище и в Танаис. Давно это было, детали стерлись из памяти. Но помню тяжелый, легко узнаваемый запах спирта, перебивавший все запахи осеннего дня, взволнованных мужиков, собиравшихся со всей Гниловской станицы, между собой осуждавших невиданное, варварское отношение к отечественной валюте, но готовых выполнить любую работу в надежде получить расчет этой валютой и спасти хоть толику драгоценного напитка. Поэтому пропитка шла быстро, через два дня печь была обшита щитами, срезана с основания, погружена в кузов автомашины и привезена в усадьбу заповедника.

Поставили ее у северного входа на усадьбу, где уже наметилась аллея будущего лапидария: Слава установил здесь две каменные бабы и посадил первые деревья. Продержалась печь лет десять, постепенно разваливаясь, не спасал и навес, а передвинуть ее было некуда.

Но с устройством меотской хижины в её интерьере восстановили и печь, похожую, но все же другую, меньшего размера. Игорь Сергеевич Каменецкий подробно описал такую при исследовании

Подазовского городища. Там «в каждом пятом жилище у задней стенки располагалась большая печь, около 2 метров в диаметре. Примерно две трети ее были подняты и под этой частью имели слой из фрагментов керамики под слоем глины. Оставшуюся треть занимала топка. Все это перекрыто ложным куполом, сложенным из сырцовых кирпичей. Наверху имелось круглое отверстие...» (Каменецкий, 2011, с. 235).

Печь с Нижне-Гниловского городища оказалась первой ласточкой в цепочке реконструкций, ставших системой и традицией в научной и образовательной деятельности заповедника.

Половецкое святилище

Второй реконструкцией, более масштабной, стало половецкое святилище. Как историк, Станислав Никифорович понимал необходимость как-то обозначить входы на городище и усадьбу, создать своеобразные пропилеи.

С юга это был тополь, встречавший людей с электрички, обозначавший и вход, и тропу – посетители шли к усадьбе через городище. Тропа начиналась между двух домов – Николая Родионовича Костромина (полностью перестроенный, он и сегодня сохранился) и длинной украинской хатой (позднее сгоревшей, а руины были приобретены заповедником), а продолжалась домом Буримовых, стоявшим уже практически на городище.

С севера, сразу за деревянными воротами, венчавшими танаисскую ограду из штакетника, начинались поля, развилка дороги в хутор через музейную усадьбу и на биологическую станцию и далее, вдоль лесополосы, колея дороги к трассе Ростов – Таганрог.

Станислав Никифорович привез каменную бабу и установил ее на небольшом холме в ста метрах от северного входа на усадьбу, окольцевав камнями – крепидой (рис. 8,1). Позднее, когда впервые стали вывозить грунт с городища, холм досыпали, но умеренно. Окончательную точку в этой реконструкции поставил археолог, доцент РГУ, Сергей Гуркин – уже в 2000-х. По его проекту рядом с первой появились вторая баба, и его же руками с помощью студентов-историков сделана каменная вымостка вокруг статуй. Теперь они сориентированы на восток, из каменных же плит вымощен проход к ним (рис. 8,5).

Снимки заходящего солнца меж двух статуй – самые популярные в фотобиографии заповедника (рис. 8,4).

Первым, кто обратил внимание на каменных баб и необходимость их научной интерпретации, был П.М. Леонтьев в своих «Изысканиях в устье Дона». Описывая некрополь Танаиса, он отмечает, что на вершинах курганов «очень часто находятся бабы, эти богослужебные памятники идолопоклонства... Бабы стояли на курганах в числе двух, трех и более, даже до двенадцати. В настоящее время многие снесены с курганов, иные еще стоят на вершинах, другие совершенно вросли в землю и невидимы. В некоторых курганах находили баб на довольно значительной глубине» (Леонтьев, 1854, с. 404). Отношение П. М. Леонтьева к каменным бабам отражает весь тогдашний спектр проблем их сохранения и изучения. Он набрасывает программу исследований, но, несмотря на то, что написанному в Танаисе проекту – более полутора столетия, он не осуществился до сих пор.

«Мы не намерены входить в подробности вопроса о бабах, который требовал бы и особенного приготовления, и обширного изложения – пишет далее П. Леонтьев. – Не можем однако ж не заметить, как было бы любопытно и обильно важными выводами, по возможности полное собрание рисунков, даже с одних тех баб, которые до сих пор были сняты с курганов. Из беглого несистематического обзора баб, которые мне удалось видеть, я могу вывести одно несомненное заключение, что они представляют важные различия как по стилю, та и по атрибутам и символам. Можно утвердительно сказать, что все они не могут принадлежать одному народу, тем менее одному племени. Различие, замечаемое между ними так явственно, что их легко было бы распределить на несколько классов, резко отличающихся один от другого. Немецкий путешественник Гакстгаузен в продолжение своего кратковременного пребывания на юге России собрал довольно много интересных данных и рисунков по этому предмету. Будем надеяться, что русские ученые

предупредят в этом деле по крайней мере других иностранцев. Уже одно описание доселе открытых баб, с приложением нужных рисунков, должно привести к важным результатам; но эти результаты, конечно, окажутся совершенно незначительными в сравнении с теми, которых можно ожидать от раскопок курганов, заключающих в себе бабы. На основании этих новооткрытых памятников можно было бы делать исторические выводы с большей достоверностью, нежели на основании доселе вырытых, потому что места их находки были бы известны.

Различия в стиле и атрибутах мог ли бы быть сличены с различием мест, где бабы были поставлены. Позволю себе прибавить, что экспедиция для отыскания баб могла бы обойтись довольно дешево, потому что не потребовала бы больших раскопок; главный труд состоял бы в наивозможно-полном обозрении всех курганов» (Леонтьев, 1854, с. 405).

Счастлирое время юности археологии, когда казалось, что надежды могут быть осуществлены при жизни.

Краткая характеристика святилища и комментарии к теме для экскурсоводов и любознательных посетителей.

К XI веку кочевые племена половцев – народ тюркского происхождения – вытесняют из причерноморских степей печенегов и торков. Выделяются в особую этническую группу со своей спецификой в погребальном обряде, в появлении поселений, с определенными районами кочевий – междуречье Днепра и Донца, степи Приазовья, Предкавказья, низовий Дона... В арабо-персидских источниках их называют кыпчаками, в европейских и византийских – куманами. Сложился центральный район постоянных кочевий – приазовские степи, называвшийся на Руси Половецкой степью. Наибольшее количество каменных «баб» приходится на эту территорию.

Половцы, в отличие от предшественников – печенегов, живших войной и разбоем, имели свои становища и кладбища. Ценнейшие памятники материальной культуры – каменные статуи и богатые захоронения воинов вместе с останками коня и с вооружением. Каменные статуи не были надгробными памятниками, они создавались для святилищ, строившихся на возвышенных участках степи и курганах. (По Г. Рубруку, половцы их ставили над прахом своих покойников, насыпая курганы). Есть и другие варианты интерпретации. Набор предметов, элементы одежды на статуях, их ассоциативно-историческая полифония, стилевая и хронологическая, во многом пока загадочны... Но что бесспорно – это прекрасные памятники материальной культуры, отражающие сложный духовный мир их создателей, народа, два столетия господствовавшего в степях Северного Причерноморья. Каменные статуи остаются главным звеном, связующим стилистику и знаковое содержание повседневных форм жизни, бытовых предметов с общественными и религиозными процессами, стремительно изменявшимися в условиях подвижного образа жизни, тесных контактов с Русью и прародиной.

Половецкие святилища наряду с курганами – древнейшие храмы степи. Они огораживались невысокими каменными конструкциями, в плане квадратными, реже – круглыми, внутри вымощенными плоским камнем. В центре устанавливались статуи количеством от двух и более. Хорошо сохранившееся святилище исследовано на западной окраине Ростова: здесь на каменной вымостке найдены были 4 статуи. Те же две, которые установлены в реконструкции святилища в Танаисе, по мнению известнейшего специалиста С.А. Плетневой относятся к XII веку.

В образах статуй отразился переходный этап формирования религии – от культа предков семейного очага к покровителям рода, племени, союза племен... К подножиям «баб» в святилищах приносились жертвы. По останкам определяются жертвенные животные – быки, лошади, овцы, собаки... У персидского поэта Низами есть строки:

«И пред идолом гнется кипчаков спина...
 Всадник медлит пред ним, и, коня придержав,
 Он стрелу, наклоняясь, вонзает меж трав.
 Знает каждый пастух, прогоняющий стадо,

Что оставить овцу перед идолом надо»

Стихи поэта – источник надежный: женой Низами была половчанка Афак, ей он посвятил много стихов, в них она – «величавая обликом, прекрасная, разумная»... Совсем как замечательный шедевр половецкого искусства, который экспонируется в выставочном комплексе заповедника.

Эта каменная статуя найдена школьниками в Зимовниковском районе (рис. 8,2,3). Об обстоятельствах находки рассказано в разных изданиях по заповеднику. С.А. Плетнева, увидев статую, охарактеризовала её как лучшую каменную бабу России...

В географии Донского края есть половецкие топонимы. Один из самых известных – Кобяково городище. Половецкий хан Кобяк неоднократно совершал набеги на русские земли в 1170-1180 годах, участвовал в междоусобных войнах русских князей.

Коллекция каменных статуй в заповеднике насчитывает 22 «бабы». Особая глава в их биографиях – откуда и как они попали в Танаис.

Вообще же судьба этих памятников драматична. «Языческие идолы» уничтожались при заселении Причерноморья-Приазовья, начиная с середины XVIII века. Их закладывали как фундамент при строительстве церквей, стаскивали в помещичьи усадьбы. Во время приездов Александра I в Таганрог их устанавливали вдоль почтового тракта в качестве верстовых столбов. По мнению С.А. Плетневой, количество каменных статуй, поставленных когда-то на степных курганах, исчислялось десятками тысяч, сейчас до нас дошло не более 1500 (Плетнева, 1981, с. 219).

В документах и воспоминаниях отразился и мифологический культурный слой, неизбежно возникающий, когда проходят столетия, приходят новые народы и оставшиеся от прежних поколений памятники «окукливаются» в легенды. Вот показательный пример:

«Протокол 1902 года января 13 дня. Усть-Быстрианское лесничество. Заседатель 7 участка Донецкого округа, составил настоящий протокол в следующем.

Объездчик Быстрианского лесничества Митрофан Васильев Макаренков, служит объездчиком с 1886 года, объяснил: Приблизительно в 1891 или 1892 г., осенью не упомяну какого месяца и числа, но кажется в Сентября месяце, ночью, я заметил недалеко от своей сторожевой квартиры огонь: удивляясь этому небывалому явлению, я тогда же со своим сыном Максимом, верхом на лошадях поехали посмотреть; огонь на том самом месте то покачается, то скроется; когда же стали подъезжать, огонь совершенно погас и ни кого там не было, но на небольшом кургане оказалась свежее вырытая яма с аршин глубины и аршина два ширины, по этой яме мы заключили, что кто-то перед нашим приездом копал в кургане, желая найти «клад». Тот год, в который это случилось был неурожайный, а по тому жителями раскапывались тайно курганы с целью найти клад и поддержать им свое состояние, а так же слышно было, что начальство принимает древние вещи и за них платит деньги. По этому-то и мы тогда заключили, что найденная нами яма ни что иное, как кто-то искал клад. Ненашедши ни чего, мы тогда возвратились. На другой день утром я отправился опять посмотреть то место, где оказалась яма и когда подошел к тому кургану, то яма на нем была уже аршина в полтора глубины и на дне ее были меткие белые камни, а у ямы на кургане лежала каменная баба, вероятно извлеченная из ямы; баба эта была аршина полтора длины и четверти три ширины, руки сложены у нижней части живота, ног не было, но заметно очертание их у живота, груди полные, выдающиеся от туловища; нос, рот, глаза, уши и лицо были правильны, вообще все отличалось хорошей работой, совершенно белая, из белого мягкого камня, без всяких красок, по этому камню можно заключить, что баба сделана из местного камня. Какое положение занимала она в яме, тогда не было заметно, но судя по ее длине, она находилась в лежащем положении. Бабу эту я тогда же перевез на дрогах к себе во двор и поставил у стены хаты; весу в ней приблизительно было пуда четыре, как я заключил во время перекладки ее на дроги. В следующую ночь, когда я уснул, мне во сне послышался голос как будто этой самой бабы: «Что же ты меня взял, а деньги в головах не взял, возьми же и деньги». На другую ночь повторяется то же самое. Тогда после этой второй ночи я разбил голову этой бабе, полагая что там находятся деньги, но ни

чего не оказалось. Туловище же находилось во все время во дворе и от дождей и долгого времени совершенно распалось на части, так что в настоящее время не представляет ни чего, напоминающего ее прежнее состояние, да при том эти части находятся теперь под скирдом соломы и осмотреть их не представляется возможным.

Курган, где выкопана каменная баба, находится на земле Быстрянского лесничества и в настоящее время засеян лесом, от поселка Калмыковского Скализской (?) волости находится верстах в двух, с восточной стороны хутора и от реки Гнилой с новой стороны ее по течению версты полторы; при чем имеет вид круглый поперек имеет не более пяти сажень и вышины небольшой...

Объездчик Быстрянского лесничества Митрофан Макаренков, а по неграмотству его по личной просьбе записал крестьянин Степан Темченков.

Заседатель 7 участка Донецкого округа А. Евсеев.

Государственный архив Ростовской области, Ф.699, Д.11. Л.58-59 (чернила, рукопись).

В фольклоре самое распространенное назначение каменных баб – охранять сокровища и клады. Фантазии поэтичны, красочны, яркие. Вот одна из них – из письма, присланного в заповедник в начале 70-х годов:

«Произошло это в 1910 году у села Песчанокопского, в сентябре по старому стилю. Во время пахоты на равнине близ небольшого кургана зацепило плугом камень и погнуло лемех. Зажурился хозяин этого загона Василь Тимофеевич Мелехов. Мы с отцом неподалеку пахали, видим, сидит Мелехов, пошли смотреть, что случилось. Показал он нам камень. К этому времени подошли еще Харьков Федор, тоже сосед наш, и брат мой старший Алексей. Они говорят – давайте здесь копать, здесь клад должен быть, потому что в степи у нас таких камней нигде не найдешь. А на следующий день как раз праздник выходил и не пахали. Стали мы копать в том месте напеременку и не ошиблись. За вечер три каменных статуи выкопали – одна мужская и две женских. Наутро снова туда, выкопали яму метра в три глубины и ширишь тоже. Вдруг увидели на дне ямы кувшин, вверх дном опрокинутый. Как кинулись все втроем, взяли кувшин, один другому не дает. Ну, стали тот горшок трясти, а из него сначала земля посыпалась, а потом вывалились камушки, с десяток штук, наверное. Мужики говорят – это клад заколдованный. Запрягли лошадей и повезли домой, и все думали, что с кладом делать. Поехали прямо к кузнецу. Тот горн растопил, один камушек положил и полдня напеременки мех дули, и ничего не получилось, не могли растопить. И кувалдой били, ничто не берет эти камушки. Кузнец испугался:

– Тут, – говорит, – дело неладное, здесь сила нечистая, клад, видно с зарокотом спрятан...

Но мы не отступились, решили понести к попу, он, может, молебен отслужит, и будут из камушков деньги. Поп те камушки забрал с горшком вместе, мол, отслужу молебен. Тогда же те камушки взвесили, и вес оказался 12 фунтов без горшка. А с виду однообразные и маленькие. Ну, время идет, пошли снова к попу спросить, что с камушками получилось. Поп говорит, что узнал об этом песчанокопский урядник, забрал их и послал якобы в Ростов. На этом наши похождения с кладом и кончились. А каменных бабок каждый себе вкопал во дворах – одна у Мелехова, вторая у Харькова, третья у нас, у Шеховцовых. Та, что и у нас была закопана и в настоящее время цела, стоит под домом. Когда тот клад копали, мне было 14 лет, но помню все, будто вчера было...».

Даже в пересказе давно пережитого или услышанного уже ощущается схема прихотливого и изящного узора будущей легенды или сказки. Такова уж специфика этого вида фольклора: в нем тайна – основное зерно, и в народном творчестве прорастает оно прекрасным вымыслом...

Каменные статуи – неотъемлемая часть эпоса степи. В биографии этих удивительных памятников литературные произведения, начиная от «прижизненных» (Низами), продолжая чеховской «Степью» и шолоховским «Тихим Доном»; в поэзии – И. Бунин, В. Брюсов, В. Берестов...

Откроем Чехова:

«Едешь час-другой... Попадается на пути молчаливый старик-курган или каменная баба, поставленная бог ведает кем и когда, бесцельно пролетит над землей ночная птица, и мало-помалу на память приходят степные легенды, рассказы встречных, сказки няньки-стенячки и все то, что сам сумел увидеть и постичь душою. И тогда в трескотне насекомых, в подозрительных фигурах и курганах, в глубоком небе, в лунном свете, в полете ночной птицы, во всем, что видишь и слышишь, начинают чудиться торжество красоты, молодость, расцвет сил и страстная жажда жизни; душа дает отклик прекрасной, суровой родине, и хочется лететь над степью вместе с ночной птицей».

Усадьба на раскопе

До середины XX века о Танаисе знали немного. Но исследования археологов от П.М. Леонтьева до М.А. Миллера, характера более разведочного, все же давали представление о местонахождении города – к этому времени оно было бесспорным, связях с другими поселениями античной эпохи, хронологических рамках существования... В 1949 году о Танаисе вышла обстоятельная монография Т.Н. Книпович. В книге был классифицирован весь археологический материал, хранившийся на то время в музеях. Но не было ответа на вопросы – каким был город, его планировочная и социальная структура, что осталось от него?

«В 1955 г. Институтом археологии АН СССР и Ростовским областным музеем краеведения, при участии ряда других учреждений, была создана Нижне-Донская археологическая экспедиция, главной задачей которой стали раскопки остатков Танаиса – Недвиговского городища и окружающего его некрополя. Первоначально эта задача ограничивалась только углубленной разведкой городища для выявления возможности и перспективности проведения здесь стационарных раскопок, поскольку городище, служившее много десятилетий каменоломней для окрестного населения, казалось настолько разрушенным, что высказывались сомнения в целесообразности его археологического исследования. Эти чрезмерно скептические оценки были полностью опровергнуты в первые же годы раскопок. Попутно оказалось необходимым уточнить некоторые топографические данные о Недвиговском городище и выявить его подлинные границы. В дальнейшем уже сами раскопки поставили перед экспедицией ряд новых задач, часть из которых решена, для решения же другой части требуется дальнейшее археологическое изучение как самого городища, так и окружающих его могильников и связанных с ним поселений» (Шелов, 1970, с. 11).

Исследования самых первых лет экспедиции подтвердили – город сохранился. Раскопки, планировавшиеся как разведочные, стали ежегодными. Площади их возрастали, росла популярность этих мест среди экскурсантов и туристов. Раскопанные участки не стали засыпать, возникла идея экспозиции под открытым небом и необходимость консервации каменных стен.

Вспоминает Людмила Михайловна Казакова:

«...Консервационные работы в Танаисе начались с конца 50-х годов, когда были открыты значительные по площади строительные объекты. Основная задача тогда – укрепление кладок. При постоянном наблюдении археологов в эти годы такие работы проводил местный мастер-каменщик, известный в Недвиговке как «дед Бочар». Я его еще застала. Сухонький, небольшого роста, энергичный, несмотря на возраст, он поражал умением почувствовать характер каждого участка с его характерными особенностями. Для того, чтобы консервационные работы в Танаисе были основаны на практическом опыте, в 1966 г. меня командировали в Херсонес, где находится один из известнейших памятников античности и великолепный музей-заповедник на его основе. Научного руководителя здешними консервационно-реставрационными работами, Александра Николаевича Щеглова, я знала. После Херсонеса он стал одним из ведущих сотрудников античного сектора Ленинградского отделения института археологии АН СССР. В течение месяца он учил меня, как надо сохранять неповторимый облик объектов в каждом конкретном случае. Ну и, конечно, речь шла о технологических приемах, о составе растворов и о других специальных вопросах. Я очень благодарна

Александр Николаевичу. До разработки основ консервации и реставрации в Танаисе специализированной организацией, да и потом мы пользовались херсонесским опытом.

Когда деда Бочара не стало, мы после долгих поисков нашли человека, который сумел его заменить. Это был житель села Синявского. К сожалению, память не сохранила его имени. Работал он так же умело, как и его предшественник (рис. 5,2). Именно благодаря этим мастерам многое из ранних раскопок было сохранено.

Танаис к началу семидесятых в археологическом плане уже был оценен в научном мире. И как музей он приобрел большую популярность. Именно в семидесятых появились у нас первые студенческие реставрационные отряды РГУ, сменившие занимавшихся консервацией местных жителей. В конце того десятилетия областное руководство по настоятельной просьбе заповедника приняло решение привлечь специализированную реставрационную организацию для разработки рекомендаций по проведению у нас реставрации и консервации открытых раскопками участков с учетом специфики Танаиса. Такой организацией стал всесоюзный научно-производственный реставрационный комбинат (ВПНРК). Были выделены средства. Руководитель проекта Б.Л. Альтшуллер и руководители рабочей группы, старшие инженеры О.Н. Постникова и Н.А. Карев, много раз бывали в Танаисе, особенно Ольга Николаевна. Они по-настоящему полюбили его. В 1978 г. специализированная бригада с июня и до конца августа изучала объекты, требующие немедленных консервационных работ. Среди них были выделены те, где необходимы реставрационные дополнения. Ведь городище многие десятки лет служило недвижимцам каменоломней.

В 1979 г. мы получили разработку по проведению обязательных консервационно-реставрационных работ различных видов и, главное, рекомендации по составу кладочных растворов. Мы до сих пор пользуемся этими проверенными на практике методами. Ну, а дальше их начали применять реставрационные отряды университета – в них участвовали, кстати, не только студенты-историки. П.Г. Флюгрант, ныне возглавляющий в нашем музее сектор реставрации, консервации и реконструкции недвижимых памятников – командир отряда «Реставратор» в 1981-84 годах (рис. 5,3). Руками членов отряда сделано многое (рис. 5,6,7), в том числе возведен деревянный мост через ров, созданный в 1982 г. на основе дошедших до нас сведений об аналогичных мостах античного времени. Лето 1986 г. стало последним сезоном работы таких отрядов в Танаисе – по разным причинам они больше не формировались.

Позже была в Танаисе и своя бригада, и лицензия на проведение консервационно-реставрационных работ. В последние годы в связи с введением тендерной практики эти работы выполняли различные организации, которые порой не имели опыта их проведения, необходимого заповеднику, а музей обеспечивал научное руководство и наблюдение. При этом основные технические работы вел П.Г. Флюгрант, имеющий большой опыт по консервации и реставрации этих объектов».

Жилище танаита (по воспоминаниям Л.М. Казаковой)

«1965 г., когда я появилась в Танаисе – одиннадцатый год его исследований Нижне-Донской экспедицией. К тому времени довольно значительные работы были проведены к западу от основного четырехугольника городища, сразу же за его западным рвом. Был выявлен, как мы его теперь называем, Западный городской район раннего Танаиса (III-I вв. до н.э.), его северная оборонительная стена (раскоп IX), участки городских кварталов (раскопы VI, VI восточный), участки города в северо-восточном углу цитадели (раскоп II) и в юго-восточной ее части. В 1964 г. в юго-западном углу акрополя были начаты исследования на западном скате рва и по верхней его границе на центральном участке. Здесь археологи открыли оборонительную стену II в. до н.э., участок пристенной улицы к востоку от стены. А дальше начались исследования застройки цитадели – усадеб, с востока примыкающих к оборонительной линии. Одним из первых было раскрыто помещение УУ (раскоп VI центральный, 1967 гг.), интересное тем, что здесь, ниже слоя пожара, в котором погиб город, да и в самом этом слое было найдено много деталей жизни обитателей этого дома на момент той страшной

катастрофы. Дальнейшая расчистка дала еще больше таких деталей: здесь были найдены хлебопекарная печь, каменные жернова, много различной хозяйственной и столовой посуды. Присутствовали и амфоры. Помещение УУ располагалось рядом с лестницей, идущей от пристенной улицы вниз к городским усадьбам. Вход в помещение находился у окончания лестницы. К тому же оно было заглублено, и с площадки у конца лестницы в дом вели две ступени. Самое интересное здесь – почти полностью сохранившаяся входная дверь. Это позволило при реконструкции помещения УУ воссоздать ее. Все открытое здесь привело нас к совместному с экспедицией решению – создать реконструкцию этого дома и воспроизвести часть его интерьера. Эта реконструкция осуществилась в 1968 году. Ее значение огромно. На фоне перспективы городских центральных кварталов она сразу помогает представить, какие здесь стояли дома (рис. 5,4,5). С учетом открытой в конце 60-х годов городской улицы, идущей вдоль южного борта раскопа VI центральный, появилась возможность говорить об общем характере городской застройки. Все тот же синявский умелец-каменщик сложил стены. Все расчеты по реконструкции подготовила профессиональный архитектор из Ленинграда А.А. Татаренко, принимавшая участие в работах экспедиции и помогавшая заповеднику в осуществлении многих дизайнерских проектов на территории усадьбы (рис.4,6). Так, сюжетами рисунков на античных сосудах она расписала глухие стены конторского домика и здания музея (теперь выставочный комплекс)...

Итак, дом появился. Решили восстановить часть интерьера, и в том числе выставить ряд амфор, найденных здесь. Так и сделали. К несчастью, мы воссоздали окно (по образцам в античных домах). Застеклили его, но решетку не поставили. Увы, последствия были печальными. Стекло оказалось разбито в один «прекрасный», а для нас горький момент. Все амфоры исчезли. В заповеднике нас было четверо. Наш очень преданный музею пожилой сторож Родионич физически не мог уследить за всей к тому времени довольно обширной территорией – усадьба и уже значительно исследованная часть городища. Тем более, что то самое окно выходило на восток – на раскопанные участки, и к нему именно с этой стороны можно было подобраться незаметно. Конечно, все, что осталось от интерьера, мы вынуждены были убрать. А дом-реконструкция стоит до сих пор: камышовая крыша с глиняной подсыпкой, обмазанные глиной стены внутри и снаружи, округлая глинобитная хлебопекарная печь (рис. 5,8)... Дверь из пяти вертикально сбитых досок, воссозданная, как и все остальное, по материалам раскопок, долго оставалась деревянной. И только уже в 2000-х годах ее заменили на металлическую, так как в домике хранится в наши дни инвентарь для работы реставраторов на раскопах...».

Меотская хижина

Идея принадлежала Игорю Сергеевичу Каменецкому (см. о нем – воспоминания Л.М. Казаковой в этом же выпуске сборника). В 1960-х – начале 70-х годов он вел исследования городищ округа Танаиса и после раскопок подолгу жил в заповеднике. На Подазовском городище он выделил тип жилищ, которые считал меотскими. Там «было обнаружено частично или полностью 36 жилищ, расположенных в 16 ярусах». В книге «История изучения меотов» он рассказывает: «На основании наших исследований на Подазовском городище в музее Танаиса была построена такая хижина» (Каменецкий, 2011, рис. 2). «Она несколько меньше реальных – 5 х 5 м. Как-то не очень веря, что можно построить такую хижину без деревянных конструкций, и не располагая качественным камышом, по углам ее мы вбили столбы. И, совсем не представляя, как делалась крыша, соорудили для нее из арматуры каркас. Хижина построена в 1972 или 1973 г. и стоит до сих пор. Опробовали очаг и печь. Дым от очага ровной струей уходит в дымовое отверстие. Небольшие лучины очень быстро нагревают помещение, даже когда уже лежит снег. Страшно было затапливать печь, учитывая, что она стояла у камышовой, не обмазанной глиной, стены. Когда затопили, то внутри печи образовался огненный круговорот, который вырывался достаточно шумно из верхнего отверстия, и пламя шло к дымовому отверстию вдоль купола кровли, не касаясь ее. Одним словом, мы опытным путем проверили жизнеспособность такого сооружения» (Каменецкий, 2011, с. 235).

(Игорь Сергеевич ошибся – первое «издание» хижины было сооружено в деревянном каркасе, простояла она несколько лет, крыша стала проваливаться, тогда и решили восстановить ее в металлическом).

Конструктивно и технологически хижина и интерьер восстанавливались по материалам исследований И. Каменецкого. Строили ее студенты РГУ из отряда «Реставратор». Под основание прорыли траншею глубиной до полуметра, в нее установили камыш, составлявший стены хижины. Снаружи стены обвязали «ребрами жесткости» – горизонтально уложенными в несколько рядов камышовыми жгутами, скрепленными со стенами веревками. На высоте около двух метров по верху стены уложили широкий камышовый пояс – опору для крыши (рис. 7,1,2). Стены снаружи и изнутри обмазали глиной. Хотя Игорь Сергеевич пишет об отсутствии внутренней обмазки: «поверх полов в сгоревших жилищах регулярно шел сначала слой сгоревшего камыша, перекрываемый развалом обожженной обмазки. Если бы обмазка была на внутренней стороне стен, то при их падении на полу находился бы слой обмазки и только потом шел бы камыш. Поэтому я пришел к выводу, что внутренняя сторона стен не обмазывалась» (Каменецкий, 2011, с. 235). Факт убедительный, но представить – при наличии в интерьере жилища печи, очага, ямы для золы – камышовые стены незащищенными трудно. Возможно, они укрывались шкурами...

Полы в хижине устроили глинобитные. В центре – очаг, границы его выделены глиняным валиком ограждения (рис. 7,4). Рядом ямка для золы. При раскопках жилищ такие ямы были «до метра глубины, предположительно для золы, выгребаемой из очага» (Каменецкий, 2011, с. 235). Вдоль стен – две лежанки, сложенные из сырцовых кирпичей. «Иногда находились», – пишет о них Игорь Сергеевич.

Меотская хижина – это и своеобразный памятник археологической проблеме или, точнее, научным спорам о том, являются ли городища округа Танаиса меотскими или сарматскими. При бесспорной локализации меотских племен на Кубани, за много лет исследований на Дону Игорь Сергеевич обосновал принадлежность и донских городищ меотам.

Хижина земледельца сельской округи Танаиса (как ее теперь называют на пояснительной табличке), воссозданная в заповеднике – предтеча донских казачьих куреней: та же округлость в экстерьере и в пластике кровли, тот же камыш в стенах и в устройстве крыши, расположение печи в центре... – родственные черты неоспоримы (рис. 7,3).

Хижина в заповеднике – редкий случай в музейном пространстве, когда археологический объект стал темой высокой поэзии – в стихах Виталия Калашникова. Приведу небольшой отрывок:

...Костер приподнял свои острые пики,
А дым потянулся к отверстию в крыше,
По глине забегали пестрые блики,
И хижина стала просторней и выше...

Для хижины этой двоих было мало,
Она постоянно жила искушеньем
Вместить целый род. Ей сейчас не хватало
Старух, детворы, суеты, копошенья...

И каждый из нас вдруг почувствовал кожей
Старинного быта незримые пути,
И все это было уже не похоже
На то, как мы жили до этой минуты...

Макет участка оборонительных сооружений и двух усадеб (1:10)

Идея макета была подсказана посетителями, играми, рисунками детей и, конечно, научными исследованиями. К середине 70-х гг. стало очевидным, что основной экспозиционный район

городища – западный оборонительный ансамбль с примыкающими к стенам жилыми помещениями. Отдельные участки с начала 80-х годов исследовались специально для расширения экспозиции под открытым небом: раскоп VI центральный разрастался в сторону нынешнего раскопа XIX, прирезались исследованные участки вдоль западной оборонительной стены.

Место для строительства выбрали удачно – посетители, ознакомившись с музейной экспозицией, проходили к городищу мимо макета, сориентированного по расположению раскопа VI. Для реконструкции были выбраны две башни и две усадьбы (рис. 9,3,4).

Споры, конечно, были. Высота башен? Выбор одного варианта из разных перестроек башен? Масштаб камней... Окончательные точки в спорах ставил Дмитрий Борисович, принявший самое непосредственное участие и в проекте и в строительстве макета. (На фотографии он ведет кладку одной из башен – рис. 9,1,2).

Позднее всё порывались продолжить макет новыми реконструкциями, но как-то ни времени, ни рук не хватало...

Мост

Когда он был построен, газеты писали: «Такого второго моста (что на снимке) нигде нет, в заповеднике «Танаис» реконструирован древнейший мост на территории России. В нем все необычно – конструкция, место, где он сооружен. Его можно считать музейным экспонатом, но в то же время по его настилу уже прошли тысячи людей...».

Мост переброшен через западный оборонительный ров городища. До него на этом месте образовалась перемычка – много лет сюда сбрасывалась земля из IX и VI раскопов. Весной эта плотина удерживала воду, стекавшую к городищу с полей через грунтовую дорогу, шедшую от развилки вдоль северного рва в Недвиговку. Северный и западный участки рва до самой перемычки заполнялись водой так, что было легко представить, как во времена Танаиса в них могли заходить корабли с моря. По насыпи перемычки туристы проходили к открытым участкам раскопа VI.

Снести перемычку – работа трудоемкая, решили рискнуть: две недели два скрепера и бульдозер утюжили ров, землю свозили на север по другую сторону дороги. С дождями пришли и негодующие жители – поток воды по рву на юг размывал и небольшой участок улицы Ченцова. Возмущения нейтрализовались предложением сельсовету в створе рва проложить под дорогой трубу. Но прошло время, как-то все привыкли, трубу не проложили, а размываемый участок улицы периодически подсыпали тырсой... С проведением асфальтовой дороги от Танаиса в Недвиговку вдоль северного рва наводнения прекратились.

В основе проекта – мосты римского времени. Наиболее подробно описано устройство такого моста у Юлия Цезаря – римского диктатора, которому в повседневной жизни мы обязаны известными крылатыми выражениями: «перейти Рубикон» – то есть решиться на отчаянный шаг; «пришел, увидел, победил!» – образец исполненного дела; словом «царь» (сокращенное от цезарь) в русском лексиконе... Всего не перечислить. В своей книге «Записки о галльской войне» он оставил подробное описание строительства деревянного моста:

«Бревна в полтора фута толщиной, несколько заостренные снизу и по длине своей соразмерные с глубиной реки, соединялись друг с другом попарно на расстоянии двух футов. Они были с помощью машин опущены в реку, укреплялись и вколачивались бабами, однако не перпендикулярно, как вбиваются обыкновенные сваи, но наискось, наподобие стропил... Обе эти пары соединялись сверху поперечной балкой в два фута толщиной соответственно расстоянию между соединенными бревнами [каждой пары] и держались в одинаковом одна от другой расстоянии посредством двух болтов на обоих концах поперечной балки... Поперечные сваи были устланы сверху продольными брусками, а эти последние были покрыты шестами и фашинами... В течение десяти дней с того времени, как начали свозить лес, вся постройка была закончена, и теперь приступили к переправе войска...» (Записки Юлия Цезаря, 1993, с. 70-87).

Так как деяния римского полководца по времени совпадают с эпохой Танаиса, проект Цезаря взяли за основу, внося, конечно, в него коррективы: все-таки наш мост предназначался не для разового броска римских легионеров вглубь германских лесов, а для тысяч посетителей, приезжающих в заповедник.

Техническая часть проекта была рассчитана в Таганрогском филиале института Спецпроектреставрация (мастерская Грудева). Строили его летом 1982 года студенты-историки реставрационного отряда Ростовского университета (рис. 6,1-4). Руководил отрядом Павел Флюгрант (о Павле Григорьевиче, который сегодня заведует сектором реставрации недвижимых памятников в нашем музее-заповеднике и вообще уже много лет работает здесь, рассказывала выше Л.М. Казакова). До сих пор помню поименно и остальных тогдашних реставраторов: Александр Куликов, Лариса и Михаил Каледины, Александр Лазарев, Юрий Белькинд, Людмила Демиденко...

Нынешний мост – это третье переиздание первого. Получается, что срок службы моста примерно 10-12 лет (рис. 6,5).

Через пятнадцать лет после создания этой реконструкции, на участке, где работают польские археологи, были обнаружены каменные устои моста через другой оборонительный ров – редкий случай в археологической науке и единственный в отечественной (рис. 6,6).

Из статьи руководителя раскопок Томаша Шолля (рис. 6,7): «Неожиданностью стало открытие остатков моста каменно-деревянной конструкции через ров. К нему со стороны степи (с запада) подходила подъездная дорога с вымосткой, ограниченной двумя бордюрами (сохранился только западный из них, в то время как восточный, скорее всего, сполз в ров). При обустройстве дороги углубления на первоначальной поверхности были сnivelированы землёй и глиной. Сверху был насыпан слой мелкого известнякового щебня. На приготовленную таким образом подсыпку положены средней величины камни, и на них размещены плиты известняка, из которых до наших дней сохранилось лишь несколько. Дорога с южной стороны заканчивается въездом на мост... Такая дорога обеспечивала беспрепятственный въезд на мост в любую погоду. Похоже, что в его сооружении можно выделить два периода. Первый мост – деревянный – был уничтожен в конце II века до н.э. Второй – каменно-деревянный, построен в начале I века до н.э. Возможно, с обоими периодами существования моста связана яма под деревянную опору с захоронением собаки. Она находится у начала западного въезда на мост. Это типичная строительная жертва, когда собака исполняет роль сторожа...».

Польские архитекторы подготовили проект реконструкции (рис. 6,8), и со временем, когда он осуществится на практике, это будет второй древнейший мост на территории России, но уже, конечно, как музейный экспонат.

Башня поэтов (реконструкция крепостной башни)

О ней я уже писал в предыдущем сборнике, только в связи с другой темой. Но перескажу еще раз основное.

Самые первые пушкинские праздники, 1980-81 гг., проходили в разросшемся вишневом саду на старой музейной усадьбе. Сохранились фотографии – цветущий вишневый сад, Елена Нестерова – поэтесса и наставник... Все молодые и, все еще впереди – открытия, взлеты, трагедии...

Однако там было очень тесно. И потому чуть позже, с 1982 г., их стали проводить на участке шестого (центрального) раскопа, сразу за оборонительным рвом, через который только что перекинули мост, воссозданный по образцам римской эпохи...

Граница усадьбы заканчивалась за линией, где стоят сегодня дом археологической экспедиции, помещение «Музея Детства» и Музей исторического костюма. Дальше шел спуск в низину. Там было хозяйство археологов: столовая и кухня, а в саду под молодыми орехами располагались летом экспедиционные палатки. Огороды жителей Недвиговки постепенно вытеснялись в район нынешнего фондохранилища (рис. 10,1).

Аудитория праздника росла, и он постепенно тоже перешел в низину. О микрофонах и специальной аппаратуре даже не мечтали, зеленый заслон деревьев ещё только набирал силу... Грохот поездов перекрывал голоса выступающих.

На свободном месте, к северу от сада, были удобные покатые склоны – своеобразный естественный театр, античный амфитеатр. Из небольших мизансцен праздников, поэзии отцов-основателей стал формироваться театр, ставились даже спектакли – первым были «Афинянин» Геннадия Жукова (режиссер Е. Серебрянская, народный театр ДК «Красный котельщик», Таганрог), фрагменты из спектакля «Рождественская драма» Димитрия Ростовского, поставленного ростовчанином М. Изюмским (театр «Велес»).

Стало очевидным, что в этом природном амфитеатре необходима сцена – организация сценической площадки. Не помню, как родился вариант, оказавшийся оптимальным – башня по типу танаисских крепостных, только не в три, а в два этажа. И есть, где актерам переодеться, и получаютс я разноуровневые площадки для мизансцен: одна над бойницами первого этажа, вторая – перекрытие второго этажа с зубцами башни. Теоретическая подоснова – графические реконструкции В.П. Толстикова: оборонительные сооружения Танаиса были отдельной главой его кандидатской диссертации. Скептиков, пессимистов и просто недоброжелателей я отсылал к нему. Начали строить в 1985 году (рис. 10,2). Денег не было, цемент и песок выпрашивали в окрестных хозяйствах – колхоз им. Шаумяна, Мясниковское РСУ...

Работали наощупь – без проекта. И как в любой импровизации, возникало множество проблем, но как-то все решалось, не деньгами, само собой, но молодостью, энтузиазмом, азартом. Ну и, конечно, собственным опытом каменщика, приобретенным еще до университета и закрепленным тремя годами стройбата.

Первостроителями стали поэты Геннадий Жуков (рис. 10,3), Владимир Ершов, завхоз заповедника Павел Александров, жившие тогда на музейной усадьбе. Позднее Виталий Калашников построил стену и бордюр дороги, ведущей от нижних ворот к ещё только намечавшемуся в мечтах фондохранилищу... Так, интуитивно, организовывалось вторая очередь усадьбы – археологический лагерь, театр, столовая... Помогали волонтеры, друзья поэтов и заповедника, путешественники на Юг, остававшиеся в Танаисе на ночевку... Помогали в самой трудной части работ: заготовка камня, заливка фундамента... Паша Александров соорудил внутри башни «журавль», им поднимали камни наверх. Ольга Фёдорова кормила всех борщами на веранде бунгало – «дом дощатый, скрипучий скандальных поэтов», как писал о нем в стихах Гена Жуков...

Стройка продолжалась два лета. (В тыльную часть стены я заложил обрезок трубы, заполнив ее старыми афишами, буклетами и, кажется, разной сувенирной продукцией. Так что когда в будущем, надеюсь, далеко, кто-то будет ломать ветшающее сооружение, не выбрасывайте трубу – архив, которому к сегодняшнему дню, когда пишутся эти строки, уже под сорок лет).

По окончании строительства архитектор и поэт Любовь Волошинова вычертила план. Надеялись, что сможем узаконить Башню как музейное сооружение. Но в то время попытка не удалась. Был скандал с ростовскими архитекторами (Евгений Миронов – ныне академик): не там построили...

Узаконило ее время и ежегодные пушкинские праздники, назвав – Башней поэтов (рис. 10,4,5). В античных городах самое большое пространство занимал театр, он мог собрать все население города. Наверное, так же со временем будет и в заповеднике. А росток пошел с территории вокруг Башни.

Реконструкции на городище

Графические реконструкции В.Толстикова

К середине 70-х годов стало ясно, что соединением раскопа VI центрального с раскопом XIV сформирован выразительный экспозиционный ансамбль, включающий оборонительные стены и

башни, усадьбы с подвалами и атриумами. Были предприняты, вначале осторожные, попытки реконструкции открытых участков, наиболее масштабные в графике.

Графическим реконструкциям оборонительных сооружений Танаиса посвящена глава диссертации В. Толстикова об оборонительных сооружениях Боспора. Сегодня эти реконструкции можно увидеть на оформительских планшетах над раскопами VI западным, VI центральным и IV – юго-западным (рис. 12, 1-4).

Реконструкции в экспозиции

Корабль (рис. 14, 1-4)

Мечта о реконструкции корабля изначально – со времени первых экспозиций. Вначале в графических листах – они кочевали по всем экспозициям. Но хотелось большего, масштабного, желание подогревалось сообщениями о находках останков кораблей в античной Ойкумене, фильмами Ж. Кусто, традиционными вопросами посетителей – как же перевозили амфоры на судах?

С сооружением обширной пристройки к зданию музея в начале 70-х решили в первом зале поставить лодку, заполнив ее амфорами. Лодку перегнали из дельты, с хутора Рогожино; там на берегу поста рыбоохраны их была целая коллекция – из конфискованных у браконьеров. Но установленная в экспозиции, она как-то не впечатляла – низкие борта, амфоры в один ряд, нос и корма одинаковые, в общем, как ее не декорируй – казачий каюк, а не античный корабль.

Когда от агентуры из Рогожино (Анатолий Завгородний) пришло известие о конфискации объемистой шлюпки, я на моторке поехал к Резвану – начальнику рыбинспекции, симпатизировавшему Танаису. Он развел руками: опоздал – передали шлюпку в Ростов. Но после выпитого чая и рассказов о памятниках дельты и возможной организации фотовыставки в конторе подумал, позвонил в Ростов, написал записку... В общем, через неделю мы моторкой перегнали шлюпку из яхт-клуба на Гниловской по Мертвому Донцу в Танаис. Громоздкая, она занимала ползала. С тяжелым сердцем подняли руку с ножовкой и ополовинили красивую, почти новую шлюпку. Но амфоры – «дешки», установленные в несколько рядов, восполнили утраченную красоту на много лет. Шлюпку, кажется, меняли два раза.

Сегодняшняя удачная реконструкция торгового судна (масштаб 1:3) в новом здании музея мечту не закрыла... Наверное, со временем где-то на усадьбе поставят на стапелях торговый корабль времени Танаиса со всей оснасткой и деталями, с мифологическими инсталляциями (дельфин впереди корабля, мачта, обвитая виноградником...). То-то будет раздолье детям, да и взрослым тоже... Ну, а к столетию заповедника вокруг острова Тернового будут катать туристов настоящие триеры... Может, я чуть преувеличиваю, но униремы и биремы – это точно!

Подробности для экскурсоводов и любознательных о корабле.

Читатель, ты, конечно же, видел огромные полотняные крылья, трепещущие над корпусом корабля. Малейшее движение ветра, и корабль движется по морским волнам, вот-вот взлетит... Красивое зрелище!

Ни в одном из достижений человека с такой полнотой не воплотилась идея практичности и красоты, как в изобретении паруса. Паруса позволили преодолевать огромные пространства морей и океанов и в несколько столетий совершить открытия, с какими ни одна последующая эпоха сравниться не может. Ко времени изобретения паровых кораблей планета, благодаря парусу, уже была открыта и заселена на всех континентах.

Без парусных кораблей, перевозивших людей и грузы в пространстве этих морей, историю античной эпохи и представить невозможно – моря были покрыты гигантской сетью корабельных маршрутов, стекавших к Босфору Фракийскому и связанных с еще более густой сетью Средиземноморья.

Самым первым парусным кораблем античности древние авторы называют «Арго» («Быстрый»). Это корабль древнейших мифов, цикл которых сложился раньше эпоса о путешествии Одиссея.

Что касается исторической основы мифа об аргонавтах, она вполне реалистична – в нем отразились путешествия греков к восточным окраинам Ойкумены, по Черному и Азовскому морям. В географическом пространстве мифа как надежные ориентиры упоминаются реки Северного и Восточного Причерноморья: Фасис – Риони, Танаис – Дон, Гипанис – Кубань, Борисфен – Днепр, Истр – Дунай...

Эстафета мифологической географии продолжилась в поэме Гомера «Одиссея».

Строительство корабля начинали с килья, взяв за основу два ствола дуба, прикрепив к ним по бокам по два дубовых ствола потоньше. Киль – важнейшая часть корабля, как фундамент дома принимает на себя удары землетрясений, так и он – удары волн. Киль можно сравнить с позвоночным столбом в человеческом теле... От килья корабль начинает расти, как весенним днем лист от почки. К нему крепятся нижние концы шпангоутов – поперечных ребер, верхние врезаются в кильсоны – продольные брусья, определяющие полный силуэт корабля. Поперечными балками – бимсами соединяют верхние концы шпангоутов, эти же балки служат опорой для настилов палубы на корме и носовой части корабля. Посредине трюма, закрепив каменную втулку, устанавливают в нее высокую мачту из сосны. Буковой доской обшивают корпус, вырезав в борту с каждой стороны круглые отверстия для весел. Тщательно просмоливали днище корабля. Весла строгают из ели, с последующей тщательной полировкой.

В один из дней под киль корабля подкладывали гладко оструганные бревна, нахлестывали петли канатов на весельные ключины и под дружное «Эй-я! Эй-я!» корабль двигался к пенистой кромке прибоя. Просмоленные борта коснулись воды... И будто давно ждавший родной стихии, корабль окунулся едва ли не в уровень весельных люков в бортах; приподнялся, прочертил мачтой в небе таинственные письмена и уже, едва касаясь килем поверхности моря, двинулся было на простор. Но люди, вытаскивавшие его к воде, удержали корабль у берега.

Осталось закрепить рули. Это устройство кораблей состояло обычно из двух рулевых весел (pedalion), отличавшихся от обычных весел своими размерами и формой. Форма их во многих случаях бывала обусловлена не столько соображениями практической целесообразности, сколько стремлением к орнаментальности; столь распространенная в римскую эпоху форма рулевых весел в виде ласточкина хвоста восходит, по всей вероятности, к эллинизму.

Чайка стремительно облетела вокруг корабля и опустилась на рею мачты. Строители решили – это добрый знак: боги неба, реки и моря благосклонны к кораблю...

На массивной известняковой плите, найденной археологами через две тысячи лет в Танаисе, были вырезаны строки посвящения от имени Партенокла, сына Эрота – благодарность «богине Артемиде, покровительнице доков». Надпись фрагментарна, поэтому не узнать, чем же облагодетельствовала богиня Партенокла – успешным ли строительством или ремонтом корабля в порту Танаиса, или завершением строительства дока – большого деревянного сооружения с воротами в корме, куда заводят суда для починки...

В порту Танаиса корабль под парусом мы находим уже совершенным во всем: не одно столетие шлифовали облик, силуэт, такелаж судна, подгоняя их к ветрам, течениям, морским штормам...

Парус и весла на равных были движителями судов в течение всей античной эпохи. И как бы ни совершенствовался корабль, оперенья весел вдоль бортов непременно оставались в его силуэте.

Из античности образ Одиссея – вечного странника – двинулся теперь уже и по всем будущим пространствам и временам: его имя стало синонимом любых путешествий – и по морям, и по суше, и в космосе.

*«И, покинув корабль, натрудивший в морях полотно,
Одиссей возвратился, пространством и временем полный...»*

О. Мандельштам

Каким был порт Танаиса?

Нет у древних авторов описания порта Танаиса, но можно предполагать, что у «самого большого торжища» и порт был значительным.

Масштабные археологические раскопки в припортовом районе города пока невозможны: здесь проходит железная дорога, построенная в 1870 году, и по всему берегу Мертвого Донца на несколько километров растянулись кварталы хутора Недвиговки. Но то, что под современными домами нынешнего хутора сохранились остатки порта, можно прогнозировать с уверенностью.

Чтобы читатель представил облик античного порта, откроем Гомера.

Вот Одиссей попадает на остров, где обитают «родные богам феакийцы». Юная царская дочь Навсикая приводит его в город:

*...с бойницами стены его окружают;
Пристань его с двух сторон огибает глубокая; вход же
В пристань стеснен кораблями, которыми справа и слева
Берег уставлен, и каждый из них под защитною кровлей;
Там же и площадь торговая вокруг Посейдонова храма,
Твердо на тесных камнях огромных стоящего; снасти
Всех кораблей там, запас парусов и канаты в пространных
Зданиях хранятся; там гладкие также готовятся весла.
Нам, феакийцам, не нужно ни луков, ни стрел; вся забота
Наша о мачтах, и веслах, и прочных судах мореходных;
Весело нам в кораблях обтекать многошумное море...*

Это о греках сказано, что «быстрым вверяя себя кораблям, пробегают бесстрашно бездну морскую они, отворенную им Посейдоном, их корабли скоротечны, как легкие крылья иль мысли...».

Порт Танаиса был самым оживленным и крупным районом города. Устье реки составляло естественную гавань, каменная причальная стена для кораблей опоясывала правый берег, далее в двух стадиях за припортовыми постройками возвышались мощные каменные оборонительные стены, окольцованные с трех сторон глубоким рвом. Причальные камни были расставлены и на пологом берегу. На вершине юго-западной башни по ночам зажигали танаиты огонь маяка...

Корабль входил в устье реки. Если он был боевой триерой, разворачивался кормой к берегу, чтобы не повредить таран, матросы захлестывали канат за причальные колья на берегу. Гребцы вытаскивали весла из ременных петель планшира, ослабляли шкоты – снасти, заведенные в нижние углы паруса, и дружно тянули вниз массивную верхнюю рею, к которой крепилось его четырехугольное полотнище. Когда рея касалась палубы, парус был уже свернут. Владелец судна отсчитывал каждому матросу и гребцам по несколько монет из причитавшегося жалования, и все уходило в город.

При штиле и встречном ветре, маневрировании среди островов в устьях рек парус убирался и начальник гребцов (прадедушка нынешнего боцмана) ударами молотка по доске задавал им ритм для синхронного удара весел о воду.

Но если суда были большими, для них нанимались музыканты, они исполняли для гребцов ритмическую песню. Келевсма – погоняльная песня – называли ее, она была похожа на русскую «Дубинушку». Существовала целая система специальных сигналов, которыми передавались достаточно сложные команды и приказания.

О значении мореплавания для древнейшего города на донских берегах свидетельствует надпись на мраморной стеле, посвященной богам. В обломках она была найдена на городище более ста лет назад. Торжественный слог соответствует значимости события: «Я, Зенон, сын Зенона, посланный царем Боспора Савроматом II в эмпорий Танаис, посвятил Зевсу, Аресу и Афродите при Бораспе, сыне Баба – архонте Танаиса и эллинархе Родоне, сыне Харитона...». Смысл надписи – благодарность богам за подчинение сираков, сарматского племенного союза восточного Приазовья, и

особо подчеркивается победа над пиратами в Черном и Азовском морях: «...и сделал море свободным для мореплавания».

Давай, читатель, попробуем воссоздать какой-нибудь эпизод из жизни древнего города. Но с твоим участием. Представь: ты – гражданин города Танаиса в период его расцвета. Твое право на гражданство, небольшой участок земли и беспошлинную торговлю в городе закреплены документом – записью на пергаментном свитке, хранящемся в муниципалитете города. Сегодня ты на корабле с грузом оливкового масла в амфорах завершаешь долгий путь с острова Родос. Корабль твой входит в устье реки. Она тоже зовется Танаис – по имени реки назван и город. Раннее утро – вот-вот с востока поднимется солнце навстречу кораблю. Ты видишь уже стены и башни города. Они опоясывают Танаис со всех сторон. Берег реки застроен портовыми складами и причалами. Белесый дым поднимается с вершины маячной башни. Всю ночь на ней горел огонь, чтобы корабли, идущие в город, не заблудились в просторах дельты. Опытный кормчий проводит твой корабль по руслу реки к причалу. Закреплены канаты за причальные бревна, и опускается трап на берег. Пока твои помощники договариваются о разгрузке, ты берешь небольшую амфору с оливковым маслом, спускаешься по трапу и спешишь в город. Ты не считаешь свой путь из далекой Греции завершенным, пока не выполнишь обет, данный много дней назад, когда покидал на корабле родные места. Ты поднимаешься по широкой дороге к городским воротам. Стражники узнают тебя, здороваются, открывают ворота, но не спрашивают – они знают, почему ты торопишься. Ты подходишь к алтарю у входа в храм Гермеса, покровителя купцов и путешественников. Опускаешь осторожно амфору на каменные плиты, ножом соскабливаешь смолу с горловины сосуда. Вытаскиваешь из нее деревянную пробку и выплескиваешь немного масла на мраморный алтарь, произнося благодарственную молитву богу Гермесу. Снова закупориваешь амфору, поднимаешься по ступенькам храма. Наверху между деревянных колонн ты отдаешь амфору жрецу храма, чтобы он не забыл, общаясь с богом, напомнить о тебе... Теперь спокойно можно вернуться и проследить за разгрузкой корабля. Яркое оранжевое солнце освещает твой корабль, реку, море, стены города – божественный знак Гелиоса! Ты счастлив – путь завершен.

И вне сомнений, что задолго до того, как корабли в Понте стали такими же привычными, как повозки на дорогах Эллады, диалог греков с народами степи и гор включал не только торговлю, культуру, мифологию, но и темы кораблестроения и мореходства.

Недаром так популярен в античной литературе образ скифского мудреца Анахарсиса. Греки причисляли его к семи мудрецам древности и утверждали, что именно он придумал двузубый якорь. Он был братом скифского вождя, «по матери же эллин и оттого владевший двумя языками». Анахарсис сочинял стихи об обычаях скифских и эллинских и был столь красноречив, что в память о его свободоречии пошла поговорка «говорить как скиф». В 48-ю олимпиаду он прибыл в Афины и прославился как философ. Изречения мудрого скифа по морской тематике цитируют многие античные авторы. Узнав, что борта кораблей не толще четырех пальцев, он сказал, что корабельщики плывут на четыре пальца от смерти... На вопрос, кого на свете больше, живых или мертвых, он переспросил: «А кем считать плывущих?». А какие корабли безопаснее – длинные военные или широкие торговые? Он ответил: «Вытащенные на сушу...».

Реконструкция якоря

У носовой части корабля в экспозиции музея лежит якорь. Это реконструкция одного из вариантов якорей, распространенных в эллинистическую эпоху. Более приближаются к современным очертаниям античные якоря, изображения которых неоднократно встречаются на монетах и на барельефах. Несмотря на различия в деталях, основные черты классического, так называемого "адмиралтейского якоря" выражены на них вполне отчетливо.

В литературе сохранились упоминания и о якорях другого типа, с одной лапой, напоминавших крюк. Расположение якорного штока в плоскости лап на некоторой части изображений следует приписать, очевидно, лишь манере художника, той условной трактовке

перспективы, которая прочно удержалась в традиционном способе изображения якоря и в новое время. Кроме кольца, предназначавшегося для крепления якорного каната, было кольцо и на противоположном конце якорного веретена; по мнению некоторых исследователей, сюда крепили на специальном канате пробковый буй, указывавший место, где лежит брошенный якорь. Как правило, якорь бросали с носовой части корабля, но есть указания на то, что в некоторых случаях отверстия для якорного каната находились в кормовой части по соседству с рулевыми веслами.

Число якорей на судах обычного типа достигало четырех, в единичных случаях даже превышало эту цифру. Но якорями могли служить и большие плоские камни с углублением-перехватом в поперечнике или же с двумя отверстиями на гребне. Их находят при раскопках.

Евтихон

Если собрать под одной обложкой все то, что рассказывается древними авторами о катапульте-евтихоне – самом распространенном боевом метательном устройстве античной эпохи, то получится сравнительно объемистое сочинение. О катапульте известно многое – конструктивные особенности, технические характеристики, материал, из которого изготовлялись различные части, сражения, в которых роль этих машин была часто решающей.

Но попробуйте объяснить в короткой экскурсии по музею ее устройство и принцип действия – ничего не получится. К тому же, слишком ничтожны сохранившиеся фрагменты этой машины, которые попадают археологам при раскопках античных памятников, так как она была в основном деревянной...

Мы понимали: нужна действующая реконструкция. Ведь крепостные линии Танаиса, как самого отдаленного города античной Ойкумены на беспокойном степном пограничье, вряд ли могли обойтись без боевой техники. Поэтому идея воссоздания евтихона носилась в воздухе, ожидая мастера для воплощения. И в 1983 г. идея стала реальностью: мастер появился – кандидат исторических наук Владимир Петрович Толстиков, научный сотрудник Музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина в Москве на Волхонке, один из крупных специалистов у нас в стране по вооружению античной эпохи.

Кажется, мы с ним познакомились в Москве на какой-то конференции. Что за конференция – забыл, но помню маленькую комнатку в квартире Толстикова, модели катапульт, которые он показывал в действии, расстреливая игрушки на телевизоре... Дело оставалось за малым – вытащить Володю в Танаис. Я недооценил масштаба работы и добросовестности Толстикова: реестр деталей и материалов для реконструкции составлял два листа. Среди них были детали из металла, дерева разных сортов, канаты...

И вот, наконец, чертежи были готовы и Толстиков приехал. Две недели, казалось, весь Мясниковский район работал на катапульту. Я об этом тогда опубликовал статью в газете «Комсомолец», и все, о чем писал в то время, рассказываю и здесь.

Строили евтихон, как говорили в старину, «всем миром». В мастерских Чалтырского отделения Сельхозтехники были изготовлены вкладыши вертикальных тоносов – очень ответственных элементов натягивающего тетиву устройства. В плотницком цехе колхоза им. А.Ф. Мясникяна точно подобрали материал для деревянной оснастки машины, и опытный плотник Е.Х. Хатламаджиян вырезал профили станка, рамы и рычагов. В Рогожкинском рыболовецком колхозе помогли подобрать канат для тетивы и тоносов. Дело в том, что в древности материалом для них служили шейные и ножные сухожилия быков и женские волосы. Известно из свидетельств древних авторов, что в критические моменты тогдашних войн женщины срезали косы для нужд обороны. (В одном из городов благодарные жители установили памятник Венере Лысой – в знак признательности). Когда сделали расчеты, то оказалось, что выделенный рыболовецким колхозом особый канат почти совпадал по характеристикам с тем, что требовалось.

Испытывали боевую машину на площадке между двух оборонительных башен Танаиса. В направляющий желоб легло тонкое древко стрелы, медленно проворачивался вороток, натягивающий тетиву на зубчатых рейках станка катапульты, надежно фиксировалась боевая натяжка тетивы. И наконец – выстрел. Полет оперенной стрелы едва уловим глазом... Мешок с соломой, установленный в полусотне метров от машины, был прошит насквозь. Так что испытания можно считать успешными, хотя показатели несколько ниже характеристик древних катапульти, которые применялись в Танаисе две тысячи лет назад.

На фотографиях – самые первые испытания боевой машины (рис. 13,1,2). Все участники молоды, талантливы, влюблены в работу: Володя Толстикова, Алексей Анисимов, Гена Жуков, Саша Кузнецов, Володя Ершов, Валерий Власов...

Евтихон установили в музее заповедника. Спустя много лет экспозиция переехала в новое здание, и катапульта – вместе с ней (рис. 13,3). Она до сих пор – один из самых привлекательных наших экспонатов. Как когда-то, так и теперь не только взрослые, но и любой школьник, увидев ее, тотчас легко догадывается, как она действовала (рис. 13,4).

Катапульта-стреломет Владимира Толстикова была первым экспериментом реконструкции «движимых» музейных объектов в заповеднике. Толстикова же выполнил и рисунки интерьеров башен с катапультами, кочующие много лет по всем танаисским экспозициям. И чем можно гордиться – евтихон стал вообще первым в музеях страны опытом строительства древней метательной техники, и оставался для них единственным образцом подобной реконструкции долгие годы.

Продолжение этой темы – житие в заповеднике Сергея Губы. Реконструктор оружия и доспехов, он со всем арсеналом переехал в Танаис из Новочеркасского музея, где ютился под лестницей. Невостребованный талант, он первым в регионе стал изготавливать исторические реконструкции античной эпохи на профессиональном уровне. В Танаисе он развернулся обстоятельно – мастерская в половину подвального этажа фондохранилища, никаких финансовых обязательств перед заповедником (заработок был стабильным – посетители охотно примеряли костюмы и стреляли из арбалетов на площадке за фундами), но договорились, что часть им изготовленных реконструкций, которые попадали в экспозицию, остается за музеем. Тяжелый характер его смягчался талантом, знаниями, работой... Шли годы, рынок заполнялся дешевыми репликами из пластика. Но Сергей оставался приверженцем научных реконструкций. Сменявшиеся помощники его, удовлетворив любопытство и приобретя навык в необычной работе, исчезали. Перспективы были, но только в условиях заповедника с его стабильно растущей посещаемостью, музейным авторитетом... В общем – не сложилось, и Губа ушел из заповедника на вольные хлеба, которые оказались с горчинкой... Забрал и все реконструкции, выполненные им для музея. Такая вот история с грустным финалом...

Итоги и надежды

Написать о моем Танаисе вряд ли придется – не по летам моим... Прежде всего это люди, их было много – работавшие десятилетиями или появившиеся ненадолго, все они были или остаются личностями и в достоинствах, и в недостатках. Но главное в таланте – жить в профессии.

Как художник, набрасывающий портреты далеко ушедших людей, я пытаюсь удержать в памяти образы в описании или в событии, но они ускользают, торопятся, меняются, как будто прошлое еще не стало «культурным слоем» и необходимо подождать...

Дневников я не вел, из фрагментов воспоминаний цельный образ не склеить, да это и невозможно. Служебный архив? Да, но что там, в оставшихся бумагах?! Докладные записки, сметы, отчеты, газетные вырезки... Самое ценное – фотоархив, где все остаются живыми, молодыми, с неизвестным будущим. Но его еще надо разобрать, отсканировать, напечатать, назвать имена...

Главное в этом периоде (60-90 годы) – расширение территории заповедника, законодательно закреплённые охранные границы (с 1981 года), смена юридического статуса (из филиала областного музея – в самоуправляемый заповедник), строительство фондохранилищ, создание инфраструктуры, археологические реконструкции, практика выставочных экспозиций, выпуск первого «Вестника...», востребованность Танаиса в самых различных социальных нишах: образовательных, пропагандистских, просветительских – музейная педагогика (интерактивные уроки), избирательное право, история спорта, монетная система...

Огромный исторический потенциал заповедника позволял легко прививать к его древу традиционные феномены культуры – театр («Одеон» – театр А. Боженко, пьеса «Афинянин» Г. Жукова), массовые праздники – «Пушкин и древности», «День Танаиса», историко-театрализованные реконструкции, изобразительное искусство, сувенирное производство... И создавать новые – музейная педагогика, «Заозерная школа», «Танаис в искусстве», «Донская серебряная подкова»... За всем – десятки имен...

Сейчас понимаю – большую роль играли СМИ: телевидение, радио, газеты – везде были «свои» люди, талантливые, энергичные, которым Танаис был интересен, и этот интерес воплощался в работы, по содержанию недостижимые до сих пор (фильм Людмилы Рублевской, Любови Сурковой, Виталия Калашникова «Здесь, под античным небом Танаиса», детские телепрограммы Евгении Апаринной, педагогические проекты Татьяны Бабушкиной...).

Они создавали общественный образ Танаиса: как иногда с завистливой иронией определяли недоброжелатели – «пуп Земли»... Я не оспаривал, называя книжки «Танаис в круге земном», «В начале была легенда», «Ветвь священной оливы», «Олимпийские боги и герои в архитектуре Большой Садовой», втягивая заповедник в орбиту исторических событий, легендарных и не очень.

При непрерывном самостоятельном строительстве на территории усадьбы (пристройка к зданию музея, кухня, столовая, душевые, баня, фондохранилища, экспедиционный дом, театральная площадка, гаражи...) удавалось все же, скорее интуитивно, формировать устойчивую планировочную структуру, сохраняющую надолго все прежнее, в которой, как в ростке, можно предугадать перспективы развития заповедника, вписывая надежды в любые региональные и федеральные схемы развития...

Сегодня о перспективах заповедника можно говорить и планировать с уверенностью: историко-культурный, образовательный потенциал этого пространства неисчерпаем, социальная востребованность будет расти...

Ставлю многоточия во многих строках, пытаюсь сформулировать едва ли не самое важное – то чувство бескорыстия, энтузиазма, настойчивости, убежденности первых создателей и строителей. При всей разности характеров, служебного положения, возрастов в их отношении к работе был забываемый ныне «ингредиент» открытости, потребности диалога с каждым кто входил в сферу деятельности заповедника, неважно из какого времени – прошлого или настоящего. И понимание необходимости содружества музейного сообщества заповедника с археологическим – здесь границы не существовало...

И еще – тот интуитивный, природный аристократизм, который подобно шепотке соли определял отношение к делу как чрезвычайно интересному процессу, в котором прорастает все – и поэзия, и мировоззрение, и фантазия...

Заповедник неизменен – и городище и усадьба сохраняют следы разных лет – «до боли знакомый...», как писал Г. Жуков о Танаисе. Оставшиеся люди поколения, помнившие младенческие годы заповедника, его отцов-основателей, трудности и радости 1960-90-х годов, спешно договаривают последние строки спектакля, так удивительно совпавшего с их собственными судьбами...

А время, мудрый режиссер, уже торопит, выводя из-за кулис новых персонажей... Всемирная история – это судьба человека... Все остальное – контекст!

Литература

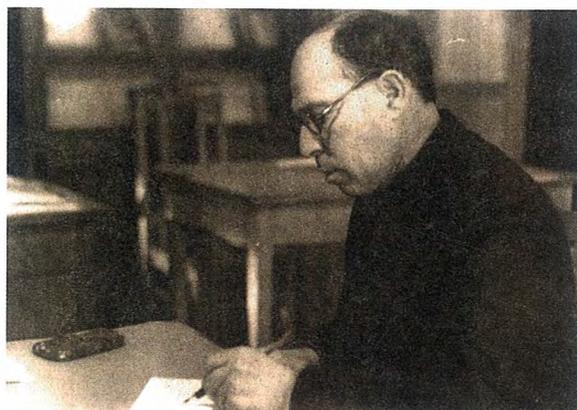
- Археология Донского края: Учеб. пособие / Отв. ред. А.Л. Бойко. – Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2013. – 99 с.
- Бойко А.Л. В поисках древнего Танаиса (Из истории изучения Недвиговского городища в дореволюционный период) // Ростов н/Д: Изд-во РГУ, 2002. – 214 с.
- Бойко А.Л. Танаис: к истории археологических исследований // Донской временник. – Ростов н/Д, 2014 // [http:// donvrem.dspl.ru](http://donvrem.dspl.ru).
- Записки Юлия Цезаря и его продолжателей о Галльской войне, о Гражданской войне, об Александрийской войне, об Африканской войне / Пер. и коммент. М.М. Покровского; Отв. ред. И.И. Толстой. – М.: Науч.-изд. центр «Ладомир» – «Наука», 1993. – 559 с.: ил., карт., табл.
- Казакова Л.М. Как все начиналось // Вестник Танаиса. – 2012. – Вып. 3. – 320 с.
- Каменецкий И.С. Меоты и другие племена Северо-Западного Кавказа в VII веке до н. э. – III в. н.э. // Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1989. – С. 244–245.
- Каменецкий И.С. История изучения меотов. – М.: ТАУС, 2011. – 383 с.: ил., карты, схемы.
- Кияшко В.Я. Полвека в археологии и кое-что еще // Донские древности. – Азов: Изд-во АИАПМЗ, 2007. – Вып. 8. – 400 с.
- Книпович Т.Н. Танаис. Историко-археологическое исследование. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – 180 с.
- Ломоносов М.В. Сочинения: в 8 т. – СПб.: Тип. Импер. Академии Наук, М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1891–1948. – Т. 1-8.
- Леонтьев П. М. Розыскания на месте древнего Танаиса и в его окрестностях // Пропилеи. Сборник статей по классической древности. – М., 1854. – Кн. 4. – С. 397-597.
- Мартынов А.А. Записки о местностях в Войске Донском и вещественностях, там открытых // Дон. – Новочеркасск, 1888. – №7-9, 12.
- Миллер М.А. Танаис. – Ростов н/Д: Ростиздат, 1939. – 44 с.
- Плетнева С.А. Печенеги, торки, половцы // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. – М.: Наука, 1981. – С. 213-222.
- Стемпковский И.А. О местоположении города Танаиса // Вестник Европы. – СПб., 1824. – № 4. – С. 251-259.
- Стемпковский И.А. О местоположении города Танаиса // Вестник Европы. – СПб., 1824. – № 23. – С. 190-202.
- Татищев В.Н. История Российская: В 7-ми тт. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – Т. I. – 500 с.
- Шелов Д.Б. Танаис - потерянный и найденный город – М.: Наука, 1967. – 144 с.
- Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в III-I вв. до н.э. – М.: Наука, 1970. – 251 с.
- Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. – М.: Наука, 1972. – 351 с.

1

2

3

4

5

6

7

8

РИС. 1. ОСНОВАТЕЛИ И ЗАЧИНАТЕЛИ.

1 – Д.Б. Шелов на Недвиговском городище, 1955 г.; 2 – С.Н. Братченко; 3 – С.М. Марков; 4 – раскопки 1950-х гг.; 5 – экспедиция приехала, платформа Сущенково, 2-я половина 1950-х гг.; 6 – первые здания заповедника: музей (справа) и контора, начало 1960-х гг.; 7 – Т.М. Арсеньева на раскопе, 1982 г.; 8 – экспедиция 1980-х: в центре Д.Б. Шелов и Т.М. Арсеньева.

1

2

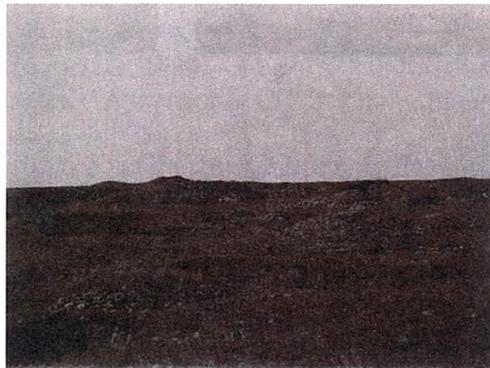
3

4

5

6

7

8

РИС. 2. К ИСТОРИИ ИССЛЕДОВАНИЙ И РАЗРУШЕНИЙ ТАНАИСА.

1 – И.А. Стемпковский; 2 – П.М. Леонтьев; 3 – М.Б. Краснянский; 4 – Недвиговское городище. Акварель. А.А. Авдеева, 1853 г.; 5 – М.А. Миллер; 6 – следы добычи камня на городище. Снимок А.А. Миллера, 1914 г.; 7 – А.А. Миллер; 8 – «Перед нами простирался большой четырехугольник пустующей земли...» (Д.Б. Шелов), 1950-е гг.

1

2

3

4

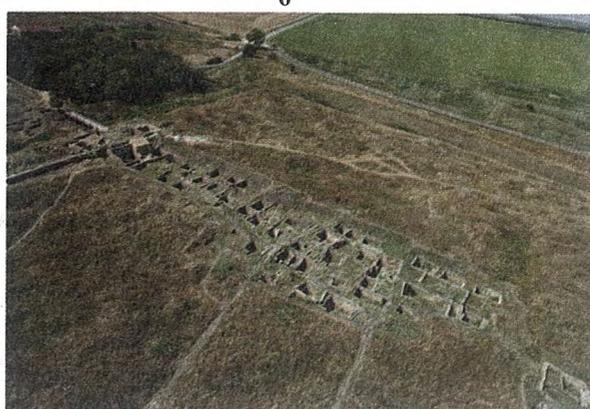
5

6

7

8

РИС. 3. ГОРОДИЩЕ С ВЫСОТЫ.

1 – с борта «кукурузника», 1957 г.; 2 – с ковша экскаватора, 1970-е гг.; 3 – дельтаплан идет на старт, 1983 г.; 4 – полет над Царским курганом, 1983 г.; 5 – после полета, в центре – пилот Е. Шевченко, 1983 г.; 6 – городище с дельтаплана, 1983 г.; 7 – городище с вертолета, 1990-е гг.; 8 – городище с польского воздушного змея, 2010 г.

1

2

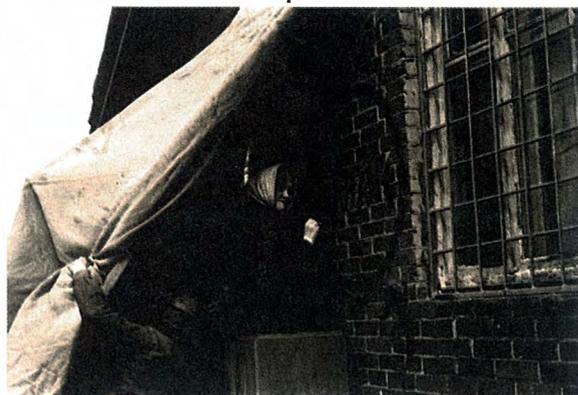
3

4

5

6

7

8

РИС. 4. УСАДЬБА.

1 – первые постройки и первые туристы, начало 1960-х гг.; 2 – палатки рядом с конторой. 1960-е; 3 – верный признак «бесконечных» строек. Музейная аллея, начало 1970-х гг.; 4, 5 – усадьба растет, лагерь перебирается в низину, 1970-е гг.; 6 – наш ранний «дизайн», 1972 г.; 7 – экспедиция на фоне будущей столовой, 1973 г.; 8 – строится «Дом археологов», 1979 г..

1

2

3

4

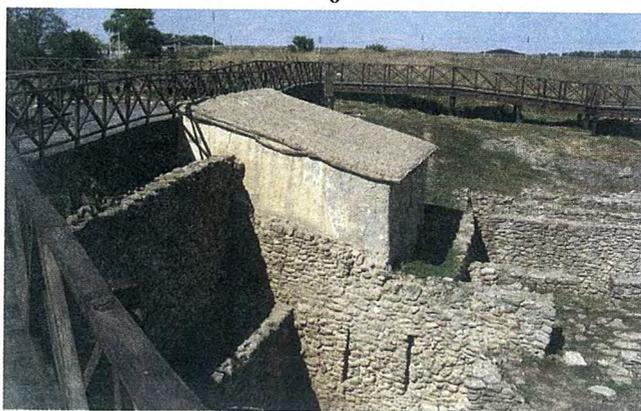
5

6

7

8

РИС. 5. РЕСТАВРАЦИЯ ГОРОДИЩА И «ДОМ ТАНАИТА».

1 – Казакова Л.М. – заведующая музеем-заповедником, 1965 г.; 2 – ранняя реставрация: мастер из Синявского, 1960-е гг.; 3 – определяем участки для реставрации. Л.М. Казакова, П.Г. Флюгрант, 1981 г.; 4,5 – «Дом танаита» на раскопе, 1970-е гг.; 6,7 – студенческий отряд «Реставратор» за работой, 1980-е гг.; 8 – «Дом танаита» сегодня, 2015 г.

1

2

3

4

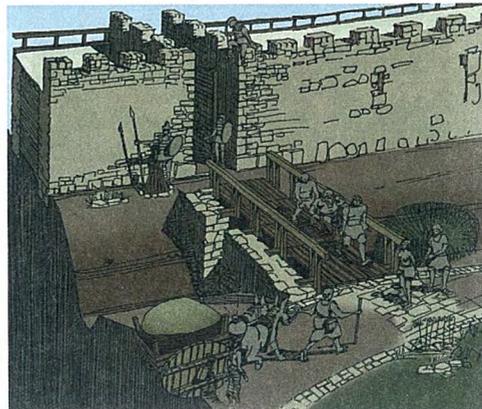
5

6

7

8

РИС. 6. МОСТ ЧЕРЕЗ РОВ.

1 – в начале стройки, 1982 г.; 2, 3 – стройка в разгаре, 1982 г.; 4 – на мосту – первостроители: командир отряда «Реставратор» П. Флюгрант (слева) и комиссар А. Куликов, 1982 г.; 5 – мост после ремонта, 2010 г.; 6 – раскоп польского отряда с остатками рва и второго моста, 2000-е гг.; 7 – Т. Шолль (справа) с коллегами на раскопе, 2007 г.; 8 – графическая реконструкция «польского» моста и въезда в город, автор – архитектор А. Пастевка.

1

2

3

4

РИС.7. ХИЖИНА МЕОТА-ЗЕМЛЕДЕЛЬЦА.

1 – каркас для будущей постройки, виден купол печи; 2 – хижина (до обмазки) и ее строители – отряд «Реставратор», 1976 г.; 3 – хижина в музейной аллее, 2004 г.; 4 – интерьер: печь, очаг, лежанка, 2007 г.

1

2

3

4

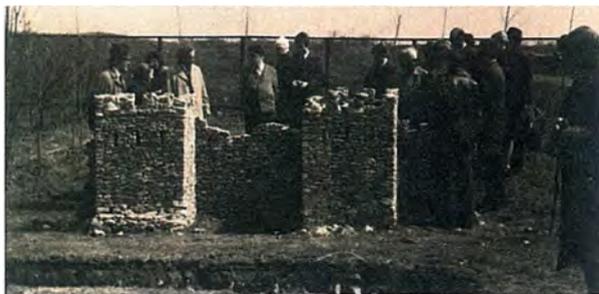
5

РИС. 8. ПОЛОВЕЦКОЕ СВАТИЛИЩЕ.

1 – одинокая «баба» на холме, 1980-е гг.; 2 – реставрация статуи из Зимовников, 1978 г.; 3 – лучшая каменная «баба» России готова, 1978 г.; 4,5 – Святилище сегодня, 2007 г.

1

3

4

РИС. 9. МАКЕТ КРЕПОСТНОЙ СТЕНЫ.

1 – Д.Б. Шелов (справа) на строительстве макета, 1974 г.; 2 – у готового макета. Археологическая конференция, 1976 г.; 3 – стена и башни, 2015 г.; 4 – две усадьбы за стеной, 2012 г..

1

4

5

РИС. 10. БАШНЯ ПОЭТОВ.

1 – место будущей театральной площадки: огород и бурьяны напротив лагеря археологов, 1982 г.; 2 – Башня: растет второй этаж, 1985 г.; 3 – первый концерт на новой площадке. С гитарой – строитель башни Г. Жуков, 1986 г.; 4 – Башня в осенний день, 2013 г.; 5 – праздник «День Танаиса-2011», у башни.

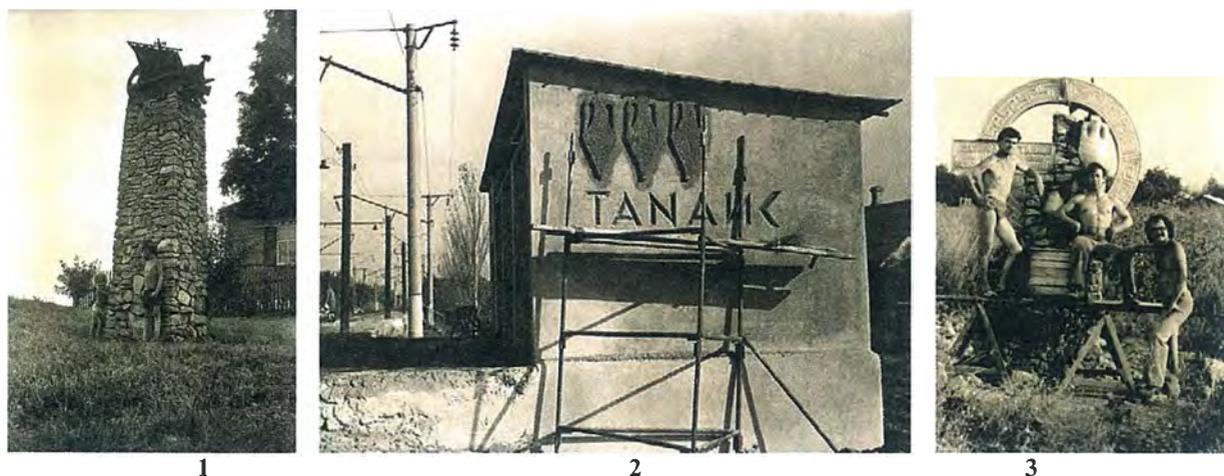
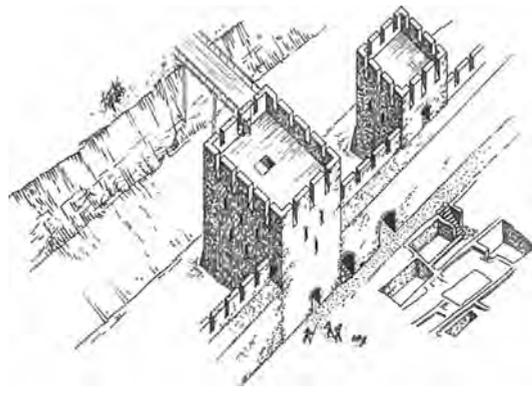

РИС. 11. ЗНАКОВЫЕ СИМВОЛЫ НА ГРАНИЦАХ ЗАПОВЕДНИКА.

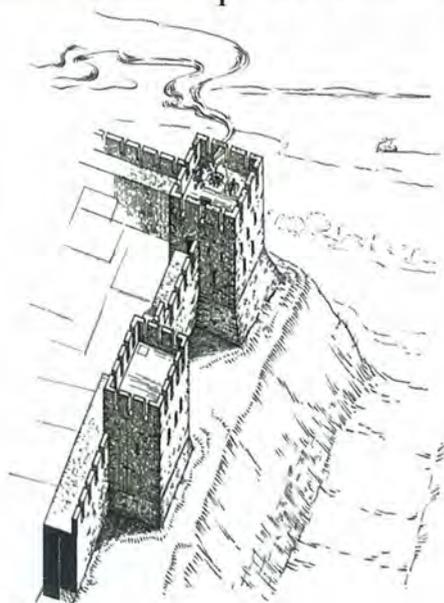
1 – к югу от городища, 1984 г.; 2 – на остановке электрички, 1973 г.; 3 – строим «северный» знак, слева направо: В. Чеснок, П. Александров, Е. Левченко, 1987 г.

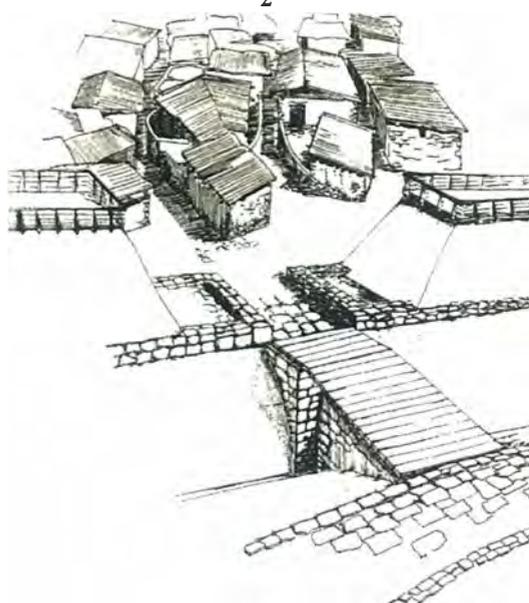
1

2

3

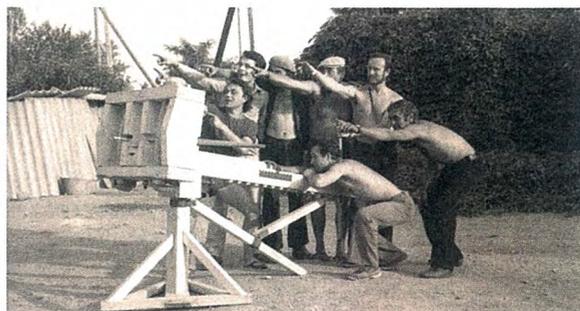
4

РИС. 12. ГРАФИЧЕСКИЕ РЕКОНСТРУКЦИИ.

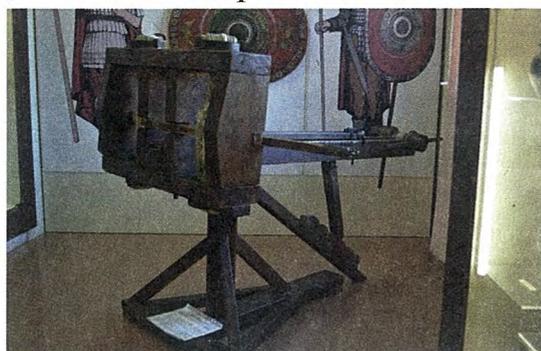
1 – Западный район Танаиса под стеной цитадели (автор - В.П. Толстиков); 2, 3 – укрепления западной оборонительной линии цитадели (автор - В.П. Толстиков); 4 – фрагмент застройки Западного района с мостом и въездом (авторы: М. Вольски (Польша), В.П. Толстиков).

1

2

3

4

РИС. 13. ЕВТИХОН – СТРЕЛОМЕТ.

1 – стреломет на монтаже, 1983 г.; 2 – испытания: следим за полетом стрелы. Крайний справа (в полный рост) – В.П. Толстикова, 1983 г.; 3 – евтихон в зале нового музея, 2014 г.; 4 – любимый экспонат детей, 2014 г.

1

2

3

4

РИС.14. КОРАБЛЬ.

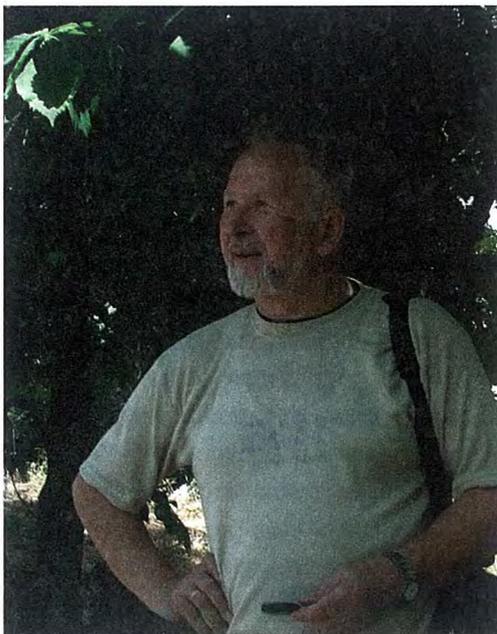
1 – модель античного торгового судна в центре музейной экспозиции, масштаб 1:3, 2012 г.; 2 – первый опыт реконструкции – в миниатюре, 1992 г.; 3 – снимок с кораблем на память, 2014 г.; 4 – амфорный груз на корабле, 2015 г.

ВСПОМНИМ О НИХ

ПО ДРУГУЮ СТОРОНУ ТАНАИСА¹

ВЛАДИМИР ЕВГЕНЬЕВИЧ МАКСИМЕНКО
14.08.1939 – 28.11.2014 гг.

Практически у каждого археолога существует двойственное отношение к памятникам древности, которое заключено между полюсами «надо» и «интересно». Речь, конечно, не идет о многочисленной ныне плеяде псевдоученых, кокетливо именуемых «коммерческими» археологами. У них один репер – «благо материальное», возведенное в жизненный принцип. А поэтому любые раскопки или иные исследовательские работы, даже выполненные на высоком профессиональном уровне, остаются «службой, с 9.00 до 18.00», а потом начинается собственно жизнь. Другое дело – постоянно истончающийся слой людей, видевших в археологии, как рефлексирующей науке, возможность найти или укрепить нравственные принципы, сберечь романтические идеалы (начала профессии) или ответить на извечные философские вопросы бытия. Последние годы выбили многих из «шеренги недвиговских триариев». Так, с оглядкой на античную терминологию, уместную в

¹ Продолжение статьи «Выбор»// TANAIN DE POTAMON DIABANTI=ЗА РЕКОЙ ТАНАИСОМ: Сборник памяти В.Е. Максименко (1939 – 2014) / под общ ред. В.А. Кореняко, А.Л. Бойко; Южный федеральный университет. – Ростов на/Д: Изд-во ЮФУ, 2015, с. 281-293.

Танаисе, можно говорить о тех представителях уходящего поколения ученых, кто оставил свой след на недвиговских холмах: И.С. Каменецкий, Б. Бёттгер, А.Д. Столяр.

И один из этого «племени беспокойных непосед»² – доктор исторических наук, профессор Владимир Евгеньевич Максименко (1939-2014).

Возвращаясь к памятникам: за полвека активной археологической работы В.Е. (так, для удобства знакомства с текстом, я буду далее называть Владимира Евгеньевича – **А.Б.**) с Танаисом связывало несколько событий или этапов, отражающих становление известного ученого. И если Кобяково городище было «школой», то Недвиговское городище – Танаис стал университетом или, скорее, Академией (в аристотелевском значении) постижения сокрытых в археологии смыслов. Здесь он учился сам, работали его ученики, учили уму-разуму первокурсников уже ученики его учеников.

От этого и сложное отношение к этому объекту, как месту приложения сил многочисленных археологических экспедиций. Охотно рассказывая о работах в Койсуге или на севере области, к раскопкам на прославленном городище он относился с необходимой долей научного пиетета, но не более того. В.Е. проще было говорить о комических ситуациях, складывающихся вокруг московской экспедиции, вспоминать известных тогда и не забытых сегодня археологов, чем о лично сделанных находках, выявленных комплексах или написанных Отчетах. Это был не его памятник, и роль, которую он здесь исполнял, постепенно становилась известным ограничением в реализации собственных «савромато-сарматских» планов. Установился график: лето (июль-август) – руководство студенческой практикой в Недвиговке, а уж осень – «третий трудовой семестр» – отводился работам в Койсуге. Любопытно, но в это время приезжали и настоящие труженики полей, собиравшие обильную жатву плодо-овощной продукции для местных перерабатывающих заводов. Традиция отпускать студентов-археологов осенью на раскопки, освященная авторитетом тогдашнего декана факультета В.А. Золотова («папы Золотова»), сохранилась и поныне.

Но было бы совершенно несправедливо отводить работам на памятниках городища и округи Танаиса некую вспомогательную роль в становлении Учителя как полевого археолога и организатора работ. С первым было относительно просто: функции руководителя раскопа, ведущего полевой дневник, впоследствии логично конвертировались в полноценную отчетность по собственному Открытому листу. Организация же работ полноценной студенческой практики, даже в романтические 60-е годы XX в., требовала определенных человеческих качеств, одним из которых была самоорганизация, соединенная с волей и умением сплачивать коллектив, создавать из мало или поверхностно знакомых по общим аудиториям, коридорам и курилкам РГУ студентов группу единомышленников. Это умение, вместе с несомненными научными успехами, окончательно ввели В.Е. в круг перспективных молодых сотрудников университета, с которыми считались и титулованные специалисты.

Можно определить и период наибольшей активности В.Е. в Танаисе и как археолога, ведущего раскопки на городище и его некрополе, и как руководителя студенческой практики: это 1964–1968 гг. (рис. 1). Сегодня, в условиях чудовищной бюрократизации всех составляющих процесса обучения студентов, невозможным кажется то, что в это время В.Е. Максименко официально занимал лишь должность лаборанта кафедры истории СССР, однако его функции на факультете были гораздо шире обычных для лаборанта – «пойди-принеси» или «отпечатай-подпиши».

Об этом позволяют судить, прежде всего, заметки в университетской многотиражке «За советскую науку», в которой всегда, год от года, публиковались данные о развитии археологии на исторического факультете РГУ, возможной тогда лишь в виде организации студенческих практик и очень редких спасательных работ, которые тогда не оплачивались. Это интересный и пока еще не

² Название и строка из песни В.Е. Максименко. Опубликовано в сборнике: TANAIN DE POTAMON ΔΙΑΒΑΝΤΙ=ЗА РЕКОЙ ТАНАИСОМ: Сборник памяти В. Е. Максименко (1939 – 2014) // под общ. ред. В.А. Коренько, А.Л. Бойко; ЮФУ. – Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2015. Передний форзац.

введенный в постоянный научный оборот источник о характере формирования сегодняшних научных подразделений и школ. А, что еще более важно, зачастую – первая проба пера в публикации научных сообщений о результатах раскопок.

В середине июля 2014 г., передавая мне список своих научных работ для публикации в готовящемся юбилейном сборнике (волю судеб ставшим мемориальным изданием), В.Е. особо не останавливался на объяснении принципа их отбора. Логика его станет ясна позднее (по принципу «*Sapienti sat*»). Меня же весьма заинтересовала опубликованная в 1964 г. заметка «Новые находки в Танаисе» (Максименко 1964). Полная подшивка легендарного издания была в открытом доступе пока еще в нашей любимой университетской библиотеке на Пушкинской. Пожелтевшие страницы показывали интересную и многогранную жизнь РГУ в форме, более близкой к современным страницам, блогам и чатам в Интернете, нежели сегодняшний официально-глянцевый «Южный университет».

Заметка В.Е. 1964 г. была действительно его первой самостоятельной публикацией результатов раскопок. И дело тут не только в том, что это маркировало 50-летие научной деятельности (что само по себе весьма важно), но и приоткрывало внутренний мир каждого истинного археолога – гордость за сделанные открытия, большие и маленькие!

Здесь, на IV раскопе, в первый же день работы сделана находка – при «расчистке заброшенного участка был найден обломок бронзовой статуэтки» (рис. 2), позднее опубликованный в монографии Д.Б. Шелова (Шелов, 1972, с. 148, рис. на с. 150). Причем в дневнике раскопок об обстоятельствах находки было написано достаточно подробно (рис. 3).

И в последующие годы информация в газете о работах студентов на практике появлялась часто: это и своеобразные планы на лето руководителей отрядов, и их беллетризованные отчеты (Максименко, 1966; Максименко, Кияшко, 1967). Есть и лирические зарисовки самих практикантов, которые романтизировали летнюю практику (рис. 4), что вполне отвечало духу времени (Бардин 1965). Естественно, со всеми приличиями. Не обращая внимания на спартанский быт, остаточное финансирование (хотя бы такое, учитывая тенденции сегодняшнего дня) и местную экзотику. Об этом подробнее всего написал Д.Б. Шелов в замечательном научно-популярном издании (Шелов 1968а), которое смело можно считать прологом к его классическому двухтомнику.

Радость открытий и мир человеческого общения в Танаисе еще не был замкнут в тесное пространство местного «декамерона», неформальной экзальтации или псевдохипповского эскапизма, предполагавшего как традиционные русские развлечения, так и становившиеся все более распространенными эксперименты с различными «веществами». Поэтому в Недвиговке лучшие традиции кобяковской экспедиции вместе с «койсугскими» наработками стали формировать свой, фирменный, «максовский» стиль в организации экспедиции, позволяющий сохранить оптимальное расстояние (дистанцию) и от старших коллег по археологическому труду, и от вырвавшихся на простор студентов. Весьма показательна запечатленная рукой В.Е. сцена отважной студенческой практики 1968 г.: импровизированный стол на траве, немудрящая снедь... Во главе стола – командирское место и как его обязательный атрибут – гитара, настраивающая окружающих на нужный, мажорный или минорный лад (рис. 5).

Время, проведенное в Танаисе в качестве руководителя практики (начальника раскопа, научного сотрудника – так определялась в документах различных организаций его должность), охватывает несколько лет. В 1962 г. формально прекратила свою работу Кобяковская экспедиция ЛОИА под руководством С.И. Капошиной (Капошина, 1965), хотя ряд работ велся еще и в 1963 г., где были задействованы и студенты РГУ (Капошина, Кияшко, Ефанов, Косяненко, 1963). А с 1964 г. начались работы практикантов в Танаисе. Группа студентов насчитывала 17 человек (среди которых был и молодой тогда В.С. Флеров), начальником отряда был Ю.П. Ефанов, но, судя по дневниковым записям, весь вал «черновой» работы на раскопе стал уделом В.Е. Его статус как научного сотрудника и одного из руководителей работ на определенном участке был официально закреплён и в Отчете (Болтунова, Деопик, 1964, л. 3 сл.). Вероятно, в этот год и произошло знакомство с Д.Б.

Шеловым, но не в тиши академических кабинетов или жарких аудиториях научных конференций, а в поле, на Недвиговском городище. Работы 1964 г. оказались весьма интересны, и упоминавшийся выше обломок бронзовой статуэтки стал первой находкой на раскопе IV (практически законсервированном после работ 1956-1958 гг.), где был исследован хозяйственный комплекс (помещение под литерой «И»), погибший во время катастрофы III в. н.э. (Шелов, 1967б, с. 90-92).

О работах в следующем 1965 г., с точки зрения организации археологических практик и участию в них В.Е., мы знаем не много, однако имя его упоминается среди авторов Отчета о работах Нижне-Донской экспедиции Института археологии (Шелов, Алексеева, Арсеньева, 1965). Это достаточно легко объяснить, поскольку буквально за несколько дней до начала практики произошло важное событие в жизни Учителя. 23 июня 1965 г. он окончил РГУ, защитив на «отлично» дипломную работу по теме «Сарматское оружие Нижнего Дона». Напряжение, связанное с обучением по индивидуальному плану (формально студент вечернего отделения исторического факультета РГУ В.Е. Максименко должен был закончить обучение лишь в 1966 г.), требовало передышки, которой и стал туристический поход по горам Кавказа. А после него В.Е. включился в работу, занявшись оформлением ростовской части общего Отчета. Но теперь – на правах полноправного дипломированного специалиста.

Так было и в последующие два года – 1966 и 1967. По-прежнему исследовался IV раскоп, но уже меньшими силами. 21-дневную практику на Недвиговском городище проходили 10-15 студентов. Вероятно, дело было в том, что появились новые объекты приложения сил археологов РГУ – полноценно работала археологическая экспедиция Ростовского областного музея краеведения, основным памятником для которой стали городища эпохи бронзы на западной окраине г. Ростова-на-Дону (Ливенцовская и Каратаевская крепости, объединенные ныне с территориально прилегающими памятниками в Ливенцовский археологический комплекс). Активно функционировала и Южно-Донская экспедиция из г. Ленинграда (Ленинградское отделение Института археологии), отряды которой исследовали курганы непосредственно в зоне новостроек г. Ростова-на-Дону (Западный микрорайон, в терминологии того времени – «ростовские Черемушки») и комплекс памятников Елизаветовского городища. Об этом особый разговор, как и о Танаисе – Древнем и Возобновленном, ведущийся не первую сотню лет. Два самых замечательных памятника античности на Нижнем Дону исследовались с XIX в. практически параллельно, но Недвиговскому городищу, центр которого составляли капитальные каменные постройки, присущие античному городу, повезло «больше». Вопрос об его музеефикации решен был созданием музея-заповедника «Танаис», как филиала областного музея. Елизаветовское городище и курганный могильник «Пять братьев» тогда рассматривались как различные памятники, находившиеся на территории Азовского района Ростовской области. Здесь краеведческий музей – после гибели его предшественника летом 1942 г. – еще не был восстановлен. И даже открытие В.П. Шиловым уникального захоронения в кургане № 8 легендарного могильника (Шилов, 1962) не изменило положения вещей, а драгоценные находки дополнили кладовые Ростовского областного музея краеведения.

Но это были работы, в которых ростовчане заведомо играли хотя и важную, но не основную роль. Поэтому уже с 1966 г. в перспективе появились Койсугские курганы и Константиновское поселение эпохи бронзы. Сюда можно было вывозить полноценную практику и вести работы, ограниченные только средствами, научными интересами и человеческими пристрастиями (амбициями) авторов раскопок. С точки зрения недвиговских работ особых изменений не произошло. Как и раньше, кипела работа на раскопе IV, ловилась рыба в Мертвом Донце (рис. 6), пелись песни в тесном кругу единомышленников или на импровизированных праздниках, на которые съезжались представители практически всех копающих в области археологических отрядов и экспедиций. И это был не только традиционный День археолога, но и дни рождения наиболее уважаемых сотрудников Нижне-Донской экспедиции или музея-заповедника.

Расширение круга профессионального общения не могло не сказаться на квалификации

Учителя. Знакомство с ведущими специалистами в области античной археологии Северного Причерноморья и авторитетными археологами, приезжавшими летом в гостеприимную Недвиговку, позволили не замкнуться на одном памятнике, шире смотреть на возможности своих сил и знаний на поприще археологии. Авторитет ученого подкреплялся теперь полноценными научными публикациями. К новому полевому сезону 1968 г. донские археологи могли похвалиться небывалым урожаем заметок в авторитетном сборнике «Археологические открытия 1967 года», в котором В.Е. Максименко опубликовался дважды (Максименко 1968а; Максименко, Кияшко, 1968).

Последний год проведения практики под руководством В.Е. в Танаисе был связан уже не со ставшим «своим» раскопом IV, а с памятником, гораздо более интересным – курганом № 3 некрополя Недвиговского городища (рис. 7), раскопанным летом 1968 г. (Максименко, 1968б). Он стал полем практики для студентов I курса (набор 1967 г.), причем даже в ограбленном погребении были найдены интересные изделия античного времени, вплоть до золотых. Завершающий работы В.Е. в Танаисе сезон, как и первый – 1964 г., обрадовал запоминающимися находками, сделанными буквально на поверхности, и опять это было бронзовое изделие – «подставка канделябра или вазы на четырех ножках» (Шелов, 1972, с. 149).

Это были одни из последних крупных находок, сделанных студенческой практикой РГУ в Танаисе на долгие годы. Нет, традиция отправлять студентов в Танаис не прекратилась, но их количество не было велико, обычно это были 4-5 человек под руководством Л.М. Казаковой. С другой стороны, именно на 70-80-е гг. пришелся расцвет работы студенческого отряда «Реставратор», силами которого и велись основные восстановительные работы на городище. Особое место в них занимал «Римский мост», движение по которому было открыто в 1982 г.

А на долю первокурсников в это время были открыты пути в самые различные экспедиции, проводившиеся теперь не только В.Е. Максименко и В.Я. Кияшко: активно работала и созданная из выпускников факультета Археологическая экспедиция РГУ.

Год от года менялись памятники, приходили и уходили ученики, но самые существенные изменения произошли в 1985-1986 гг. Изменения в стране, Институте археологии, университетском образовании не могли не затронуть самих принципов организации студенческих практик. Изменившиеся условия требовали новых решений от ставшего деканом факультета В.Е. В отличие от предшествующих десятилетий, практически в каждом музее области появилась своя экспедиция или даже целый отдел археологии, укомплектованные выпускниками университета. Они получали собственные Открытые листы, руководили экспедициями и отрядами. Словом, от шутивного термина К.Ф. Смирнова «подонки» (т.е. «археологи, работающие в Подонье»), произошел переход к ставшему сегодня обычным словосочетанию «донская археология» или «ростовская школа». Археология на Дону приобретала собственное лицо. Постепенно акцент в полевых исследованиях переносился на новые открытые памятники.

Теперь кроме практики в Раздорах (сменивших с начала 80-х гг. легендарную Константиновку), ставка была сделана на менее отдаленные от центра памятники. По понятным административным причинам отлучаться от центра надолго было невозможно (особенно на пике полевого сезона, который совпадал с приемной комиссией). Решением проблемы стал перенос части практик в Азов (раскопки И.В. Волкова в 1987-1988 и 1993 гг. и другие раскопки сотрудников музея в 1991-1992 гг.) и на Приморскую оросительную систему (раскопки С.В. Гуркина и А.Л. Бойко в 1989 г.).

Точкой «возвращения» В.Е. в ставший теперь самостоятельной организацией музей-заповедник «Танаис» стал сезон 1994 г., когда С.В. Гуркин, возглавивший факультетскую музейную практику, решил «осесть на землю», устав от кочевания по музеям области с оравой второкурсников. Теперь это была и зона ответственности Учителя, как заведующего кафедрой истории древнего мира и средних веков. В саму Недвиговку он не ездил, но хорошо знал состояние дел в музее. 25 сентября 1996 г. В.Е. был на I Шеловских чтениях, а наш совместный доклад вошел в I выпуск университетского сборника «Рубикон» в декабре 1997 г. Через 2 года уже на очередной, VII Донской

археологической конференции состоялось выездное заседание в Недвиговке, которое вновь свело тех, кто и 20 лет назад вел здесь работы.

А с началом нового тысячелетия появились новые проекты и новые творческие контакты. Именно в Танаисе окрепло знакомство с Туром Хейердалом и многочисленными польскими коллегами. Деловые контакты с Т. Шоллем и П. Дычком выросли в многолетнюю дружбу. В 2003 г. теперь уже на кафедре археологии, истории древнего мира и средних веков пришел новый сотрудник – хранитель танаисских коллекций С.М. Ильяшенко (рис. 7). В 2004 г. после многолетнего перерыва возобновилась, по предложению именно Владимира Евгеньевича, полноценная археологическая практика 1 курса на Недвиговском городище, причем теперь этот памятник считается основной базой этого типа практик для всех уровней подготовки специалистов – от бакалавров до аспирантов включительно...

Вернувшись на «недвиговские холмы» в новом качестве, Владимир Евгеньевич Максименко сумел привить любовь к археологии и прошлому Дона новым поколениям студентов – теперь уже Южного федерального университета. Вряд ли кто-то из них задумывается, какими причудливыми путями идет жизнь человека и ученого, а те, кто собирается сегодня на практику в Танаис, и не подозревают, как много в их решении определил комочек бронзовых окислов в слое пепла и пожелтевший от полувековой давности газетный листок...

Бойко А. Л.

Литература

- Бардин В. По древним кварталам Танаиса // Газета «За советскую науку». – 1965. – № 26 (702).
- Болтунова А. И., Деопик Д. В. Отчеты о работе Недвиговского и Танаисского отрядов Нижне-Донской археологической экспедиции в 1964 г. // Архив ИА РАН. – 1965. – Ф-1, Р-1. № 3157.
- Капошина С.И. Итоги работ Кобяковской экспедиции // КСИА. – 1965. – Вып. 103. – С. 45-52.
- Капошина С.И., Кияшко В.Я., Ефанов Ю.П., Косяненко В.М. Отчет о работах Новочеркасской археологической экспедиции в 1963 г. // Архив ИА РАН. – 1964. – Ф-1. Р-1. № 3436, 3436а.
- Максименко В. Новые находки в Танаисе // Газета «За советскую науку». – 1964. – № 26 (667).
- Максименко В. Под сводами веков // Газета «За советскую науку». – 1966. – № 21 (734).
- Максименко В.Е. Исследование курганного могильника в дельте Дона // АО-1967. – 1968. – С. 79–80.
- Максименко В.Е. Отчет о раскопках кургана №3 у хут. Недвиговка в 1968 г. // Архив ИА РАН. – 1969. – Ф-1. Р-1. № 3725.
- Максименко В., Кияшко В. Знакомство с прошлым // Газета «За советскую науку». – 1967. – № 223 (776).
- Максименко В.Е., Кияшко В.Я. Погребение раннего железного века у хутора Верхне-Подпольный // АО-1967. – 1968. – С. 77-79.
- Шелов Д.Б. Танаис – потерянный и найденный город. – М.: Наука, 1967а. – 144 с.
- Шелов Д.Б. Итоги работ Кобяковской экспедиции // КСИА. – 1967б. – Вып. 109. – С. 88-93.
- Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. – М.: Наука, 1972. – 351 с.
- Шелов Д.Б., Алексеева Е.М., Арсеньева Т.М., Братченко С.Н., Деопик Д.В., Ефанов Ю.П., Максименко В.Е., Отчет о работах Нижне-Донской экспедиции в 1965 г. // Архив ИА РАН. – 1966. – Ф-1. Р-1. № 3238, 3238а.
- Шилов В.П. Золотой клад скифского кургана // Археологические раскопки на Дону. – Ростов н/Д: Изд-во РГУ, 1962. – С.52-69.

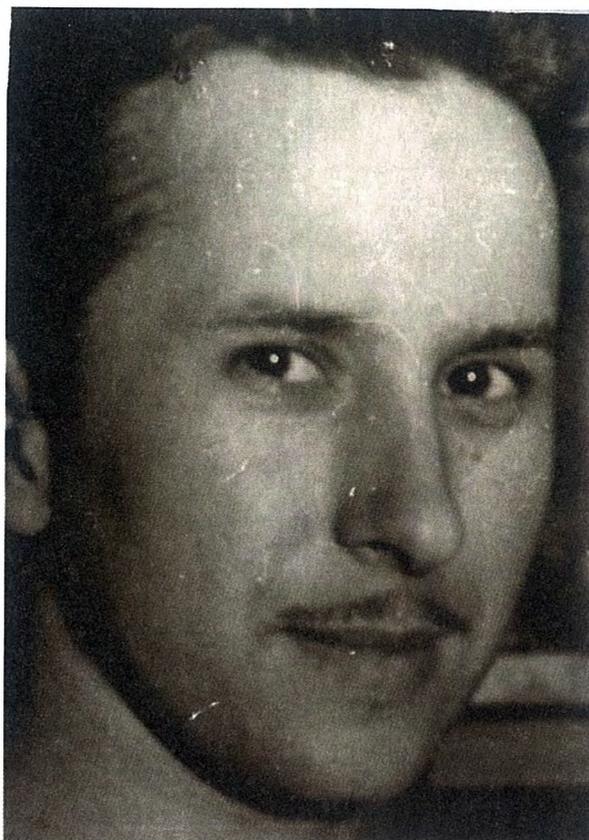
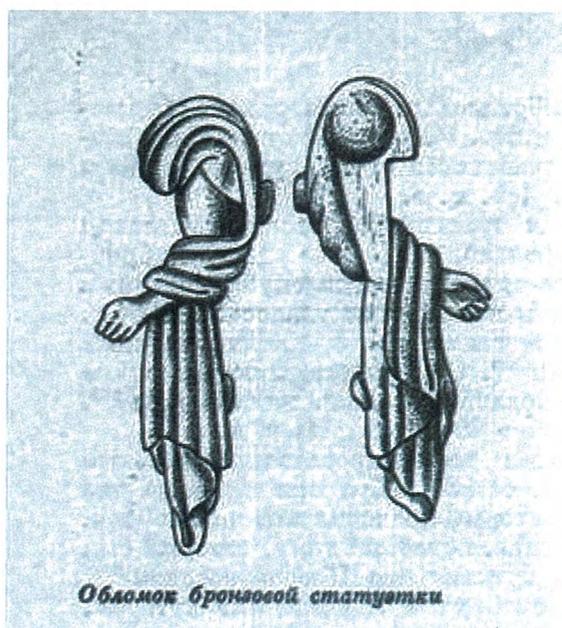

РИС 1. МАКСИМЕНКО В.Е. В 1966 г.

1

2

РИС 2. ФРАГМЕНТ БРОНЗОВОЙ СТАТУЭТКИ ИЗ РАСКОПА IV.

1 – рисунок из полевого дневника В.Е. Максименко (1964), 2 – рисунок из книги Д.Б.Шелова «Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры» (1972)

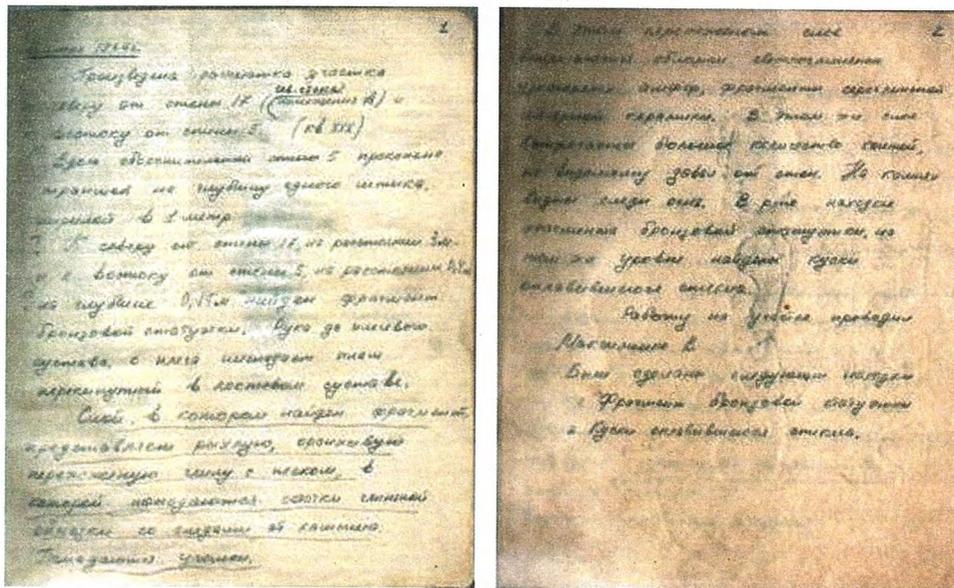

РИС. 3. СТРАНИЦЫ ПОЛЕВОГО ДНЕВНИКА В.Е. МАКСИМЕНКО (1964)

РИС. 4. ЛАГЕРЬ ЭКСПЕДИЦИИ РГУ В 1967 ГОДУ.

РИС. 5. ОТВАЛЬНАЯ 1968 г.

РИС. 6. НА РЫБАЛКЕ С ВЛАДИМИРОМ ЯКОВЛЕВИЧЕМ КИЯШКО.

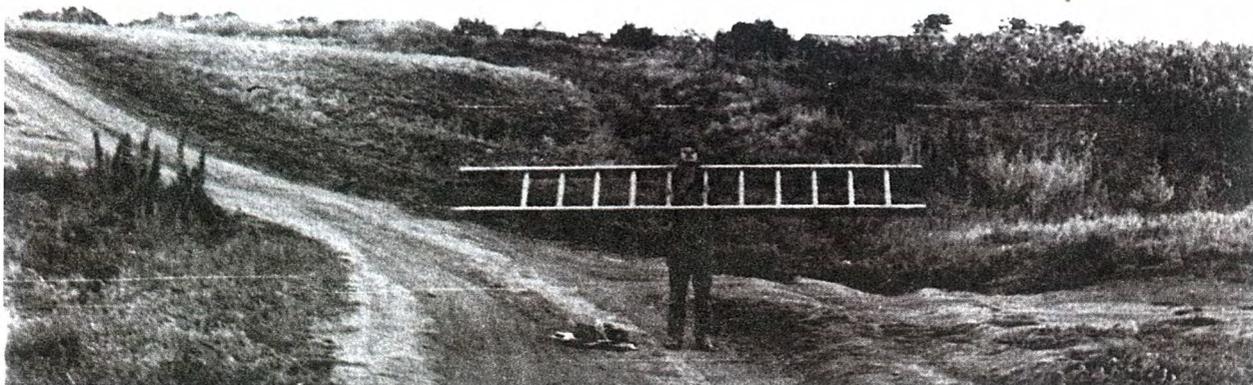
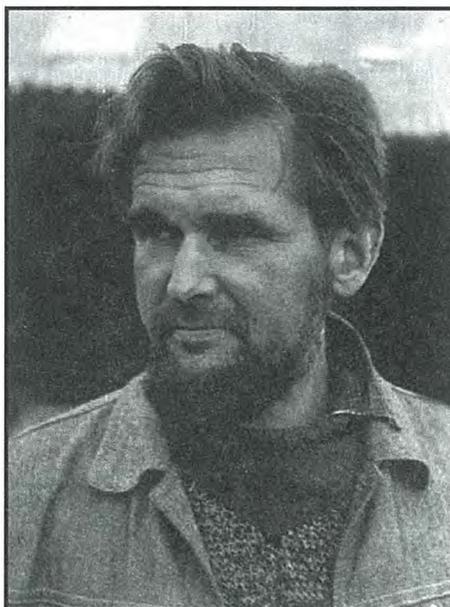

РИС. 7. ПУТЬ С КУРГАНА. 1968 год.

РИС. 8. С АРСЕНЬЕВОЙ Т.М. И ИЛЬЯШЕНКО С.М. НА ВЕРХНЕЙ УСАДЬБЕ ТАНАИСА. 2007 г.

ИГОРЬ СЕРГЕЕВИЧ КАМЕНЕЦКИЙ
2.02.1930 – 2.05.2014 гг.

Стремительно течет время. Все чаще узнаешь об уходе людей, которых ты хорошо знал, делал общее с ними дело, которые часть своей жизни посвятили Танаису.

2 мая 2014 года не стало Игоря Сергеевича Каменецкого, жизнь которого с середины 1960-х по 1974 г. была связана с Танаисом и как исследователя, и как человека, заложившего основы танаисского фондового хранения и работы с массовым археологическим материалом.

Игорь Сергеевич родился в г. Самаре. Детские его годы пришлось на блокадный Ленинград. Подтверждение тому – знак «Житель блокадного Ленинграда» (1991 г.), а затем – медаль «60 лет снятия блокады Ленинграда» (2004 г.). Город на Неве стал для него родным. Здесь в 1953 г. он окончил исторический факультет Ленинградского университета по кафедре археологии. И вскоре был принят в штат сотрудников Ленинградского отделения Института археологии АН СССР (ЛОИА АН СССР, тогда Института истории материальной культуры – ЛОИИМК). Здесь он проработал недолго. В 1954 г. получил приглашение на должность старшего научного сотрудника-археолога в краеведческий музей города Таганрога. Кроме активной экспозиционной и фондовой работы, он включается в экспедиционную деятельность. Нижний Дон к тому времени стал районом его основных научных интересов. Он проводит разведки в донской дельте, ведет исследования нижнедонских городищ (Нижне-Гниловского, Подазовского). Одновременно участвует в работе Нижне-Донской экспедиции. Результат – защита кандидатской диссертации «Население Нижнего Дона в VII в. до н.э. – III в. н.э.» (1965 г.). А до того была аспирантура Института археологии АН СССР, куда он поступил в 1960 г. Тогда же он стал сотрудником этого Института, где проработал почти до конца своей жизни (м.н.с., зав. кабинетом, зав. отделом, с.н.с., член редакционного совета журнала «Российская археология»). С Нижним Доном Игорь Сергеевич был связан почти 21 год.

Каменецкий И. С. – автор более 145 научных публикаций, в том числе четырех монографий. В 2003 г. получил звание доцента. Награжден шестью медалями. Одновременно он вел большую педагогическую работу, читая курсы лекций по археологии и теории археологии в Уральском и Самарском университетах, Московском университете культуры и искусства, а также университетах Гаваны и Варшавы. Вот вкратце основные вехи его биографии.

Основное направление интересов Игоря Сергеевича в Донском регионе – изучение поселений округа Танаиса, в ходе которого он пришел к выводу об их меотском происхождении. И в дальнейшем теме меотов он посвятил свыше 30 лет, с 1978 г. исследуя их памятники в Краснодарском крае и на прилегающих территориях – основном районе обитания этого народа и формирования его культуры.

С конца 1970-х он возглавлял Северо-Кавказскую экспедицию Института археологии и ее отдельные отряды, работая в тесном сотрудничестве с краснодарскими коллегами. В итоге – появление научных трудов: «Меоты и другие племена Северо-Западного Кавказа в VII в. до н.э. – III в. н.э.» в сборнике «Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время» (Археология'СССР. М., 1989), «Археологические памятники меотов Кубани» (Краснодар, 2000), а также публикации множества статей, посвященных этой проблематике.

Но вернемся к тому времени, когда научные интересы Игоря Сергеевича были прочно связаны с нашим краем. В этот период сделано многое. Вначале – организация самостоятельных экспедиций Таганрогского краеведческого музея (разведки, исследования Нижне-Гниловского городища – 1954-1957 гг.). С 1955 г. он начинает работу в составе Нижне-Донской экспедиции АН СССР, а с 1960 г. числится в ней уже как сотрудник Института археологии АН СССР. И здесь он выступает в нескольких ролях: участвует в исследованиях Танаиса (городище, некрополь – 1956-1958, 1960, 1962 гг.); ведет раскопки Подазовского городища (1963-1964, 1967, 1970, 1971 гг. – отряды Нижне-Донской экспедиции), разведочные работы.

Результат – ряд статей и монография «Городища донских меотов. Вопросы датировки», где дается характеристика поселений округа Танаиса, как мы их сейчас называем. Но главное здесь не это, а анализ определенной категории археологического материала – краснолаковой керамики, полученной в ходе исследований нижнедонских городищ, разработка ее типологии и хронологического ряда.

Как ни у кого другого, с кем мне приходилось работать вместе, у Игоря Сергеевича была тяга к вопросам теоретического плана. Его многолетний опыт практики исследований и та тщательность, с которой он подходил к изучению любой проблемы, привели к появлению теорий культурного слоя, роли стратиграфии как необходимого звена для определения формирования этого слоя в хронологической его последовательности. В итоге были созданы его статьи по теории археологии. Именно поэтому он занимал в Институте археологии такие должности, как заведующий кабинетом форматизации Лаборатории естественно-научных методов (1972-1977 гг.), заведующий отделом теории и методики (1994-2003 гг.).

Пишу обо всем этом не понаслышке. В 1960-64 гг. я по распределению оказалась в Азовском краеведческом музее, работала научным сотрудником. На мне была археология. Именно тогда я познакомилась с Игорем Сергеевичем. Его главный интерес начала шестидесятых – Подазовское городище на юго-западной окраине Азова. И два полевых сезона (1963-1964 гг.) мне довелось участвовать в этих раскопках.

Я многому у него научилась. Меня всегда поражала та скрупулезность, с которой он относился к вопросам стратиграфии, характеру конкретно изучаемого им слоя, его деталей, фиксации, к анализу полученных результатов и вещественного материала (выражаясь современным языком – артефактов). Это позволило ему получить планировку застройки Подазовского городища, определить характер жилищ, разработать классификацию определенных категорий археологических находок.

В заключение мне хочется остановиться на теме «И.С. Каменецкий и Танаис». Теперь, когда музей перешагнул свое 55-летие, когда многие вопросы, связанные с обработкой и хранением полученного в ходе раскопок материала, решаются накатанным путем, трудно поверить в то, что этот путь сложился не сразу. Первые два десятилетия – это выработка методики не только исследования городища, анализа полученных результатов на разных его участках, но и обработки массового

материала из раскопок, классификации его различных типов, разработки типологии и хронологического ряда. Во всем этом роль Игоря Сергеевича бесспорна. Прежде всего, речь идет о массовом материале: что из него брать, что не брать в определенные коллекции, по какому принципу организовывать их хранение. Итог этой кропотливой работы был подведен в статье «Опыт изучения массового керамического материала из Танаиса» (Античные древности Подонья-Приазовья, 1969 г., МИА, № 154). Тема стала тем более актуальной, когда в 1968 г. в заповеднике появилось первое специальное здание фондохранилища (фонды-1). При этом встал ряд вопросов, которые музей-заповедник решал при участии Нижне-Донской экспедиции (Д.Б. Шелов, Т.М. Арсеньева).

Как заведующая Недвиговским филиалом в то время, я также имела отношение к выработке основных решений по проблемам деятельности заповедника, особенно по организации фондового хранения. Очень многое в этом направлении сделано и подсказано Игорем Сергеевичем, имевшим опыт музейной практики. Тема обработки находок из раскопок Танаиса и, прежде всего, массового материала стала основой его теоретических разработок.

В заповеднике И.С. Каменецкий не только занимался определением основ фондового хранения. Параллельно он проводил раскопки некрополя, как грунтового (1956-1958 гг., раскоп V), так и курганного (1958 г. – к востоку от городища, 1968, 1969 гг. – в зоне строительства подъездной дороги от шоссе к Танаису). В 1960 г. он руководил работами на восточном участке раскопа VI западный (эллинистический город). Были и разведки в окрестностях заповедника. Одна из стоянок древнекаменного века на р. Донской Чулек носит его имя.

А в начале 1970-х годов в танаисской экспозиции под открытым небом появилась «Меотская хижина» или, как теперь звучит ее полное название, «Хижина земледельца сельской округи Танаиса I-II вв. н.э.». Реконструкция жилища меота была выполнена по материалам раскопок Подазовского городища под руководством и при непосредственном участии Игоря Сергеевича. Подробнее об этом читайте в статье В.Ф. Чеснока «Реконструкции в Танаисе» – в этом же сборнике.

Так что, даже переключившись с 1975 г. на Краснодарский край и редко с тех пор бывая в нашем музее-заповеднике, Игорь Сергеевич всегда оставался неотделимым от Танаиса. И остается до сих пор.

Светлая ему память.

Казакова Л.М.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АИАПМЗ – Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник
 АМЗ – Азовский музей-заповедник
 АМЗТ – Археологический музей-заповедник «Танаис»
 АН – фонд музея-заповедника «Танаис» «Археология некрополя»
 АН СССР – Академия наук Союза Советских Социалистических Республик
 АО – Археологические открытия. М.
 АСГЭ – Археологические сообщения Государственного Эрмитажа. Л.
 АЭ – фонд музея-заповедника «Танаис» «Археология эталонов»
 ВГУ (ВолГУ) – Волгоградский государственный университет
 ВДИ – Вестник древней истории. М.
 ГБУК РО – Государственное бюджетное учреждение культуры Ростовской области
 ГИМ – Государственный Исторический музей. М.
 ГЭ – Государственный Эрмитаж
 ДА – Донская археология. Ростов н/Д
 ДБ – Древности Боспора. М.
 ЗАО «ОКН – проект» – Закрытое акционерное общество «Объекты культурного наследия – проект»
 ИАИАНД – Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону. Азов
 ИА – Институт археологии
 ИИМО ЮФУ – Институт истории и международных отношений Южного Федерального университета
 ИИЯЛ УНЦ – Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра
 КН МОН РК – Комитет науки министерства образования и науки Республики Казахстан
 КП – Книга поступлений
 КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М.
 Л. – Ленинград
 ЛГУ – Ленинградский государственный университет
 ЛОИА – Ленинградское отделение Института археологии
 М. – Москва
 МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.
 МИАД – Материалы и исследования по археологии Дона. Ростов н/Д
 МИАР – Материалы и исследования по археологии России. М.
 МИА СК – Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Армавир
 НВФ – научно-вспомогательный фонд
 НИИ – Научно-исследовательский институт
 ОАК – Отчет археологической комиссии. СПб.
 ОАО – Открытое акционерное общество
 РА – Российская археология. М.
 РАН – Российская Академия наук
 РГНФ – Российский гуманитарный научный фонд
 РГУ – Ростовский государственный университет
 РОМК – Ростовский областной музей краеведения
 СА – Советская археология. М.
 САИ – Свод археологических источников. М.
 СКНЦ ВШ – Северо-Кавказский научный центр высшей школы
 СПб. – Санкт-Петербург
 ТКМ – Таганрогский краеведческий музей
 ТХАЭЭ – Труды Хорезмийской археолого-этнографической экспедиции. М.
 УССР – Украинская Советская Социалистическая Республика
 ФГБУК – Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры
 ЮУрГУ – Южно-Уральский государственный университет
 ЮНЦ РАН – Южный научный центр Российской академии наук
 ЮФУ – Южный Федеральный университет
 BAR – British Archaeological Reports. Oxford
 IA НАН України – Институт археологии национальной Академии наук Украины

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Безуглов Сергей Иванович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник археологической лаборатории ИИМО ЮФУ

Бойко Андрей Леонидович – кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и истории древнего мира ЮФУ, директор Научно-образовательного центра «Археология» ЮФУ

Гугуев Владимир Константинович – научный сотрудник ЮФУ СКНЦ ВШ

Демина Ольга Николаевна – доктор биологических наук, профессор Карачаево-Черкесского государственного университета им. У.Д. Алиева

Заболотских Наталья Викторовна – учёный секретарь ГБУК РО «Археологический музей-заповедник «Танаис»

Илюков Леонид Сергеевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Лаборатории археологических исследований ЮНЦ РАН

Казакова Людмила Михайловна – старший научный сотрудник ГБУК РО «Археологический музей-заповедник «Танаис»

Науменко Светлана Андреевна – старший научный сотрудник отдела комплектования, хранения и изучения музейного фонда ГБУК РО «Археологический музей-заповедник «Танаис»

Нидзельницкая Лариса Юрьевна – старший археолог ЗАО «ОКН-проект»

Перевозчиков Вадим Иванович – кандидат исторических наук, директор ГБУК РО «Археологический музей-заповедник «Танаис»

Перевозчикова Инна Ивановна – научный сотрудник отдела представления музейного фонда, городища и округа Танаиса ГБУК РО «Археологический музей-заповедник «Танаис»

Суворова Надежда Игоревна – старший научный сотрудник отдела комплектования, хранения и изучения музейного фонда ГБУК РО «Археологический музей-заповедник «Танаис»

Толочко Ирина Викторовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории археологических исследований ЮНЦ РАН

Чеснок Валерий Фёдорович – старший научный сотрудник отдела представления музейного фонда, городища и округа Танаиса ГБУК РО «Археологический музей-заповедник «Танаис»

Научное издание

ВЕСТНИК ТАНАИСА

ВЫПУСК 4

2017

Ответственный редактор – В.И. Перевозчиков
Научный редактор – С.М. Ильяшенко
Корректор – О.В. Фёдорова
Перевод на английский: Т. Чимпоеш, В. Козловская, авторы статей
Макет – Н.В. Заболотских
Обложка – С.В. Калабухов
Иллюстративный материал, использованный в данном издании,
предоставлен авторами статей

За достоверность публикуемых данных и соблюдение авторских прав
ответственность несут авторы статей

Издательство государственного бюджетного учреждения культуры Ростовской области
«Археологический музей-заповедник «Танаис»
346813, Ростовская область, Мясниковский р-н, х. Недвиговка, северо-западная окраина, участок 1.
Телефоны: (863) 210-64-57, (86349) 2-04-08, 2-02-48, факс 2-04-08
e-mail: museum_tanais@mail.ru
официальный сайт: museum-tanais.ru

Сдано в набор 11.01.2018 г. Подписано к печати 26.02.2018 г.
Формат 60x84/8. Бумага мелованная.
Печать офсетная. Гарнитура Times New Roman.
Усл. печ. л. 37. Тираж 500 экз.
Заказ № 188.

Отпечатано в типографии ООО «Альтаир»:
г. Ростов-на-Дону, ул. Вавилова, 55.
Тел. 8 958- 544-59-27, 8 (863) 219-84-25.
E-mail: oooaltair_office@mail.ru.

9 785919 514503

К услугам посетителей музея-заповедника:

Экспозиции и экскурсии:

- Музей истории Танаиса;
- Городище Танаис – экспозиция под открытым небом;
- Музей исторического костюма;
- Выставочный комплекс;
- Зал амфорных эталонов

Интерактивные мероприятия (по заявкам для групп от 10 до 20 человек)

Уроки древних ремесел:

- «Глиняная азбука» – лепка керамической посуды вручную;
- «В мастерской Арахны» – ткацкое дело;
- «Войлок у древних кочевников» – валяние войлока;
- «Непостижимая загадка куклы» – изготовление кукол из природных материалов

Исторические практикумы:

- «Волшебный свисток» – изготовление простейших музыкальных инструментов
- «В театре Диониса» – античный театр
- «Город из песка» – работа с кинетическим песком
- «Как одевались предки» – моделирование античной одежды
- «Занимательная археология» – основы археологических знаний

Интерактивные экскурсии для детей от 6 до 9 лет:

- «Путешествие в загадочный Танаис»;
- «В гостях в каменном веке»;
- «Знакомство с Танаисом»

Мы работаем:

с 9.00 до 17.00 без перерывов и выходных

Наш адрес:

346813 Ростовская область,
Мясниковский район, х. Недвиговка
тел. (86349) 2-02-48; тел./факс (86349) 2-04-08
e-mail: museum_tanais@mail.ru
<http://www.museum-tanais.ru>

Проезд:

- электропоездом Ростов-Таганрог – с пригородного вокзала, остановка «Танаис»
- автобусами №№ 455 (Ростов-Синявское), 458 (Ростов-Щедрый) – от Центрального рынка, остановка «Танаис»
- личным автотранспортом – по трассе Ростов-Таганрог, поворот по указателю «Музей Танаис»

Приглашаем на театрализованные праздники:

- Экологический день для детей и их родителей – май;
- День поэзии «Пушкин и древности» – июнь;
- «День Танаиса» – сентябрь